В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений, сценарии и рассказы.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

Книга дополнена рисунками А. и Б. Стругацких на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

ISBN 966-696-938-4

9 789666 969388

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

ЧЕРНОВИКИ, РУКОПИСИ, ВАРИАНТЫ

ОТ «ПОНЕДЕЛЬНИКА...» ДО «ОБИТАЕМОГО ОСТРОВА»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

От «Понедельника...» до «Обитаемого острова»

Черновики, рукописи, варианты

2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н45

Серия «Миры братьев Стругацких» основана в 1996 году

Серийное оформление С.Н. Герцевой и А.А. Кудрявцева

Иллюстрации А.Н. Стругацкого, Б.Н. Стругацкого

Художник А.Е. Дубовик

Подписано в печать 12.10.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 27,72. Тираж 5000 экз. Заказ № 2694.

Неизвестные Стругацкие. От «Понедельника...» до «Обитаемого острова» : черновики, рукописи, варианты / сост. С. Бондаренко. — Донецк: Сталкер, 2006. — 524, [4] с., 16 л. ил. — (Миры братьев Стругацких).

Н45

ISBN 966-696-938-6

В эту книгу, подготовленную многолетним исследователем творчества братьев Стругацких Светланой Бондаренко, вошло множество НЕИЗВЕСТНЫХ текстов этих мэтров фантастики — черновики и ранние варианты известных произведений, сценарии и рассказы.

ВСЕ тексты публикуются ВПЕРВЫЕ.

Книга дополнена рисунками А. и Б. Стругацких на полях рукописей и снабжена подробными комментариями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сост. С.П. Бондаренко, 2006
© ИКФ «ТББ», 2006
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2006

ВСТУПЛЕНИЕ

Первая книга исследования «Неизвестные Стругацкие. Черновики. Рукописи. Варианты» была посвящена началу творчества АБС[1]. В ней рассматривались черновики и варианты изданий СБТ, «Извне», ПНА, ПХХIIВ, «Стажеров», ПКБ, ДР, ТББ, приводились тексты неизданных рассказов, в том числе незаконченных.

Эта книга продолжает рассматривать творчество АБС в хронологическом порядке. Тому, кто читал первую книгу, позвольте напомнить, а тому, кто не читал, сообщить, что:

— это ни в коей мере не литературоведческий труд, это не исследование о влиянии личной жизни и жизни общества на произведения Стругацких; это не исследование темы текстов, их идеи и прочих литературоведческих «штучек»; здесь не будет поиска взаимосвязи между произведениями — как хронологическо-тематической, так и в плане идейного роста писателей... Это даже не исследование сотворения Стругацкими своих произведений, это только МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. Исследовать будут позже и исследовать будут другие, я же даю только толчок: «Посмотрите, сколько тут интересного для вашей работы!»;

— здесь не будет напоминаний читателю фабулы, сюжета произведений и имен главных и второстепенных героев, не будет также приводиться и основной (окончательный) текст для сравнения с тем, что было первоначально задумано Авторами; эта книга для читателя-«людена» (не обязательно относящегося к нашей

---

[1] В данном исследовании использованы сокращения, принятые среди почитателей творчества братьев Стругацких. Список сокращений см. в конце книги. — *С. Б.*

группе «Людены», о которой — ниже; «людена в душе», который знает, любит и перечитывает тексты Стругацких) и читателя — исследователя загадки творчества вообще (кому интересен не только окончательный текст, но и КАК к нему шел писатель; этот читатель сам, ежели чего не знает или не вспомнит, найдет нужную книгу, прочитает и поймет);

— текст книги состоит на три четверти из текстов АБС. Однако БНС отказался поставить на обложке имена авторов («Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий»), и хочется предостеречь читателя: не торопитесь, прочитав какую-то часть черновика, восклицать: «И правильно, что они убрали этот отрывок, это же совершенно дубово написано... И правильно, что они не повели сюжет в этом направлении — это же банальщина... Только посмотрите, какой неправильный оборот... А здесь вот явный фактический ляп...» Это действительно именно черновики. Это действительно было выброшено, или исправлено, или переписано со вкусом. Не ради придирок читателей (а уж тем более — критиков) публикуются эти тексты — пусть читатель придирается к окончательным текстам. Цель этой книги — показать, как создавалось, задумывалось, переписывалось, исправлялось произведение, чтобы в итоге получилось талантливо, ново, свежо, оригинально.

О ГРУППЕ «ЛЮДЕНЫ»

Здесь часто упоминаются «людены» — представители группы «Людены», вот уже более пятнадцати лет занимающиеся исследованием творчества АБС. За полтора десятка лет группа успела пройти ряд существенных этапов в своем развитии, были и кризисы, было и непонимание извне... Поэтому возникла необходимость изложить кратко историю создания и существования группы «Людены», остановившись на ряде интересных для читателя моментов.

Сразу же поспешу развеять один миф, сложившийся у большинства критиков. Название группы — «Людены» — не есть утверждение превосходства ее членов над остальной частью любителей творчества АБС и фантастики вообще. В статьях, где упоминается наша группа, часто встречается пояснение — отрывок из ВГВ: «Мы — не люди. Мы — людены. Не впадите в ошибку. Мы — не результат биологической революции. Мы появились потому, что человечество достигло определенного уровня социотехнологической организации...» и так далее. Некоторые знакомые даже строго указывали на недопустимость такого названия: «Назвались бы «Голованами», что ли, если так хочется показать свою непохожесть...» Чтобы объяснить, откуда взялось само название, напомню, что в ВГВ, кроме собственно «людено́в», присутствует еще «группа "Людены"», представители которой изучают феномен «людено́в»: их историю, их действия, их воздействие на человечество («Большое Откровение»). Итак, мы — не «людены», мы — «группа "Людены"», которая изучает феномен «братья Стругацкие» во всех его аспектах (литературоведческих, социокультурных и исторических). Первоначальное название

группы было «межрегиональная фэн-группа "Людены"», затем приставки как-то отпали, а представителей группы для простоты стали называть просто «люденами».

Название группы придумал Юрий Флейшман, и поначалу создание ее было необходимостью только формальной... Много лет занимаясь библиографией творчества АБС, библиографией не только художественной ее части, но и публицистической (различные интервью и статьи Авторов), на заре перестройки он вынужден был направлять множество запросов в различные периодические издания (а их в то время появилось невероятное количество) по поводу той или иной публикации. Особую трудность при получении информации составляли районные или вообще полулюбительские газеты-журналы. И было много проще получить от них ответ, подписавшись официальным названием группы (то есть тоже какая-то организация), чем просто Юрием Флейшманом.

Но начнем с начала. В семидесятые-восьмидесятые годы все поголовно читатели фантастики ценили творчество АБС. Читали и перечитывали, обсуждали и обдумывали, пользовались цитатами или сравнениями как в своей работе, так и просто в разговорах с такими же любителями. Некоторые шли дальше (творчество АБС не отпускало от себя): их интересовали уже не только тексты произведений, но и публицистика Авторов, критика их произведений (поэтому составлялись библиографии и искались источники), интересовал выписанный Авторами мир Полудня (и составлялись хронологии, делались списки упоминаемых планет или разумных рас, а то и полностью — списки имен собственных), интересовали некоторые общефилософские идеи, описанные Авторами в разных произведениях (и начиналось сравнение разных произведений по какой-то одной составляющей: дети и их воспитание... развитие общества... этика поведения... человек в экстремальной ситуации... проблема выбора...). Эти «некоторые» были раскиданы по всему Советскому Союзу и действовали в одиночку, с трудом находя себе хотя бы слушателей, не говоря уже о соратниках в этом деле.

Катализатором объединения послужили два выпуска «АБС-панорамы», фэнзина (любительского журнала), посвященного творчеству АБС.

Небольшое отступление о фэнах, КЛФ и конвентах фантастики. Не мне писать историю фэн-движения (фэндома), я в нем почти-то и не участвовала... вернее, влилась в него, занимаясь творчеством АБС: восемь лет руководила городским КЛФ, участвовала в различных конвентах, с 1994 года состою в оргкомитете «Интерпресскона»... Но чтобы было понятно читателю, не относящемуся к фэн-движению, поясню некоторые термины. Фэн-движение (фэндом) — объединение любителей фантастики (фэнов), которое существовало и существует в двух проявляющих себя организациях: в КЛФ и конвентах (в других странах оно возникло ранее, поэтому термины взяты оттуда).

КЛФ — клуб любителей фантастики; первые клубы появились в нашей стране еще в семидесятых годах. Обычно КЛФ организовывались фэнами на базе какого-нибудь культурного учреждения — библиотеки, дома культуры и т. п. КЛФ давал возможность его участникам взять почитать редкую книгу, поговорить о прочитанном с такими же любителями и просто пообщаться с единомышленниками. Особенно многочисленны были КЛФ в период перестройки (до нее немногие организации разрешали проводить «несанкционированные» мероприятия; после нее книги фантастики, как и прочие книги, перестали быть дефицитом, да и Интернет многим стал заменять возможность пообщаться очно). Во время перестройки многие КЛФ выпускали свои любительские журналы (фэнзины) тиражом от пяти до тысячи экземпляров, посвященные как вообще фантастике (или отдельным ее направлениям), так и творчеству клубных мастеров.

Конвент (сокращенно — «кон») — нечто среднее между конференцией и фестивалем фантастики, куда ежегодно в определенное время съезжаются любители и профессионалы фантастики (писатели, издатели, критики). В начале движения на конвентах собирались, в основном, любители, сейчас же — профессионалы. Первый, старейший конвент в Советском Союзе — «Аэлита», проводящийся в Свердловске (сейчас — Екатеринбург). Количество конвентов тоже изменялось. Сначала была одна «Аэлита», позже, на заре перестройки, их организовывалось много (были свои региональные конвенты и общесоюзные), затем количество их резко сократилось (гиперинфляция — дорого стало ездить, дорого стало проводить), сейчас снова возросло и появилась уже возмож-

ность выбирать — куда ехать. Но — оставим эту тему, повторюсь: история фэндома, я думаю, еще будет написана.

Два выпуска «АБС-панорамы», а чуть позже — и третий, вышедшие в 1989 году, были подготовлены Вадимом Казаковым (Саратов) с коллегами, позднее вошедшими в группу «Людены»: Романом Арбитманом (Саратов), Сергеем Бережным (тогда — Севастополь, позже — Петербург), Алексеем Керзиным (Москва) и Юрием Флейшманом (Петербург). Об этом фэнзине появилась информация не только в других фэнзинах, но и на страничках КЛФ в местных (районных, городских, областных) газетах, в информации содержался и адрес, куда можно было отправить свои материалы или пожелания... Началось «время писем» у еще не созданной группы. Писали как опытные фэны, много лет посвятившие фэн-движению, но одновременно много делавшие и по творчеству АБС, писали и такие, как я,— занимающиеся много лет творчеством Стругацких в одиночку. Поэтому, встретившись на первом «Интерпрессконе» (февраль, 1990), Казаков и Флейшман решили... как писал мне Вадим вскоре после этого: «На ближайшей «Аэлите» в Свердловске надо, вероятно, все же решать вопрос о создании какого-то межклубного сообщества любителей книг Стругацких. Мне кажется, пора приспела. Кстати, Вы планируете быть на «Аэлите»? Это, видимо, опять будет в мае».

И первое заседание новообразованной группы «Людены» состоялось именно в мае 1990 года на «Аэлите». Заглянул на него и известнейший советский фэн Борис Завгородний (фэн № 1), увидел, что люди серьезным делом занимаются, постоял, послушал, произнес великолепную фразу: «Все мы братья Стругацким» — и ушел, решив не мешать.

Позже «людены» также устраивали свои «коны», в основном, на различных конвентах фантастики. Конечно, хотелось бы чего-то «своего», отдельного конвента по творчеству Стругацких, и такая попытка была — три года во Владимире проходил конвент «Стругацкие чтения», но сделать его постоянным не удалось. С одной стороны, как раз началась инфляция и организаторам было все труднее и труднее проводить чтения, а «люденам» — ездить; с другой стороны, конкурентом невольно стал «Интерпресскон» — ежегодный конвент фантастики, проводимый в Петербурге. Конкурентом — потому что на нем всегда присутствовал (и присутству-

ет!) БНС и потому что там же проводятся ежегодные беседы группы «Людены» с Борисом Натановичем Стругацким.

Трудные времена для поездок (увы, миновали те времена, когда на зарплату библиотекаря можно было слетать в Свердловск на «Аэлиту»), трудные времена для организации конвентов (нужно было постоянно повышать оргвзнос участников, многие просто не могли себе этого позволить)... Эти трудные времена ознаменовались и странным положением «люденов» в сообществе фэнов. Но сначала хотелось бы выразить благодарность Андрею Николаеву, «людену» и одному из организаторов первых «Интерпрессконов», который смог убедить главного организатора и устроителя в том, что «людены» будут работать. И, конечно же, благодарность самому главному организатору Александру Сидоровичу за то, что поверил и принял группу «Людены» под свое крыло.

Странное же положение группы создалось из-за двух обстоятельств и одного вытекающего из них правила. В группу «Людены» включались отнюдь не все. В то время все фэны любили творчество АБС, но вход в группу строго ограничивался. Во-первых, нельзя было раздувать состав группы за счет просто «любящих» — каждому «людену» нужно было еще и работать. Дело не в том, что вступление в группу обязывало к чему-то, наоборот, стремление работать, что-то делать по творчеству АБС было необходимой потребностью каждого «людена». По этому признаку и отбирались «людены». Во-вторых, группа наладила постоянный и плотный контакт с БНС, который изредка давал «люденам» (для внутреннего пользования) материалы из архивов, либо просто рассказывал что-то «пока не для широкого распространения». Ограничение состава группы и ограничение участвующих в заседаниях группы вызвало массовый протест фэнов. Обвинения в «сектантстве» и «масонстве» звучали не только на словах. «Страж-птица», знатный в те времена любительский фэнзин из серии «желтой прессы», который выпускали Николай Горнов и Александр Диденко, посвятил этому явлению целый номер[1].

[1] Текст фэнзина по настоянию редактора книги Вл. Дьяконова перенесен в приложение.— *С. Б.*

Но конвенты случались у «люденов» раз-два в году, остальное же время каждый работал по месту своего проживания (Саратов и Нижний Новгород, Москва и Петербург, Донецкая область и Севастополь, Абакан и Омск...), а общались (задавали друг другу вопросы, обменивались идеями, вели совместно какую-то работу) при помощи писем, ибо Интернета тогда еще не существовало. Большое подспорье в общении «люденов» создал тогда один из старейших фэнов, сам «люден», Владимир Борисов. Он стал выпускать ньюслеттер (этакая самодельная газетка с выдержками из писем) «Понедельник», первый номер которого был выпущен 17 июня 1990 года. Теперь не надо было, если в этом была потребность, писать множество писем с одним и тем же вопросом или предложением во все концы большой тогда нашей страны. Достаточно было написать в «Понедельник» (Борисову), и все «людены» были информированы и могли принять участие в поиске ответа на волнующий вас вопрос, или поспорить относительно какой-то вашей гениальной идеи, или узнать, что где-то что-то, касающееся АБС, издалось. «Понедельник» выходил довольно нерегулярно (в зависимости от накопления материала, а также возможностей Борисова: составить, распечатать и разослать в тридцать с лишним адресов каждый номер — непростое дело), иногда — раз в месяц, иногда — каждый понедельник (субботу); иногда в «Понедельник» писал сам БНС, хотя чаще информация от БНа поступала через Юрия Флейшмана (он регулярно общался с мэтром и обычно сообщал самые свежие новости — с каким издательством заключен договор на издание какого-либо произведения или какой газете или журналу БН недавно дал интервью).

На прямые вопросы БНС иногда отвечал сразу, а иногда, видя, что вокруг какой-то версии завязывается ожесточенный спор и рождаются новые интерпретации, писал:

У меня руки чешутся — вмешаться в ваши дискуссии по поводу происхождения имен, но буду ждать своего часа: когда все гипотезы будут наконец сформулированы, отшлифованы и предложены на окончательное рассмотрение АБС. Вот тогда я вас... вам...

Сейчас, с развитием Интернета и вообще компьютерной техники, стало, конечно, много проще. И если для «люденов» Бори-

сов продолжает выпускать «Понедельник», теперь уже в виде файла, рассылаемого по электронной почте, то задать вопрос мэтру может любой желающий, написав на сайт «Русская фантастика», где уже более семи лет существует офлайн-интервью и сам БНС отвечает на присланные вопросы. Ведет это интервью все тот же Борисов, который одновременно занимается и всей страничкой АБС[1], где выложены не только тщательно выверенные Владимиром Дьяконовым тексты произведений АБС и публицистики, но и многие работы «людены».

А «людены» продолжают работать, ибо перестать заниматься изучением творчества АБС невозможно. Как в любой науке, чем дальше ты погружаешься в изучение чего-то, тем больше обнаруживается белых пятен, и чем больше ты даешь ответов, тем больше возникает очередных вопросов.

Знатоками других языков изучаются как переводы, сделанные самими Авторами, так и зарубежные издания их произведений («людены» имеются и в Польше, и в Германии, и в США, и в Израиле). Часть «людены», коим было в свое время присвоено звание «корреспондентов группы», продолжают публиковать интересные литературоведческие статьи о творчестве АБС. Японская часть творчества АБС исследуется Юлией и Вадимом Казаковыми, поиском и атрибуцией цитат других авторов в произведениях АБС занимается уже много лет Виктор Курильский, а Леонид Ашкинази пишет комментарии к текстам, предназначенные для поколения «Next» — молодежи, которая выросла уже после развала Советского Союза и многих реалий того времени просто не понимает. Сергей Лифанов, найдя новых единомышленников, все углубляется в хронологию мира Полудня, а Юрий Флейшман и Вадим Казаков продолжают работать над библиографией (художественные произведения и публицистика) АБС. Присоединилась к их работе и Алла Кузнецова, защитившая диссертацию «Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении» и продолжающая накапливать материалы по критике АБС, а также упоминания самих АБС, их произведений и персонажей в литературе других авторов. Поиском и оценкой продолжений (сиквелов) произведений АБС, написанных другими

[1] http://www.rusf.ru/abs/

авторами, занимается Антон Лапудев, а Светлана Бондаренко, заручившись поддержкой Владимира Дьяконова[1], продолжает «чистить» канонические тексты АБС, попутно занимаясь сверкой и оценкой архивных и публиковавшихся текстов. Часть этой работы и предлагается читателю в данном исследовании.

[1] Как знают читатели первой книги «Неизвестных Стругацких», я помогал С. Бондаренко с редактурой и корректурой и стал одним из первых ее читателей. Читая замечательные тексты, подготовленные Светланой, и ее комментарии, я не смог удержаться от некоторых замечаний, часть из которых мы решили предложить вниманию читателей книги.

Поскольку редактура второй книги также попала в мои руки, то и замечания было решено продолжить.

Напомню две позиции, с которых прошу рассматривать эти замечания-примечания. Во-первых, это мнение читателя АБС, а ни в коем случае не претензия на сколько-нибудь серьезное комментирование. Во-вторых, это именно мое мнение, а не истина в какой бы то ни было инстанции.

Это наш «примар».

Вл. Дьяконов

«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

Начав рассматривать все изменения в ПНВС, несомненно культовом произведении Стругацких, ощущаю легкий трепет. Попытавшись разделить исследование повести на главки (изменения тематические, изменения, связанные с политикой того времени, изменения...), испытала некое затруднение — в каком порядке их располагать? Одни считают «Понедельник...» чисто сатирическим произведением, критикуя других, кто говорит о первичности юмора и вторичности сатиры в ПНВС, третьи заявляют, что не просто сатира, а политическая сатира, мало того, все произведение описывает так называемую «шарашку»: закрытое учреждение, где...

Тут хотелось бы заметить, что, вероятно, никогда не будет написан большой, всеобъемлющий литературоведческий труд по творчеству Стругацких, который все (ну, хотя бы большая часть любителей Стругацких) восприняли бы положительно. Дело в том, что у каждого читателя Стругацкие — свои, по-своему понятые, по-своему осмысленные; у каждого приоритет в творчестве АБС свой, собственный. Для кого-то важнейшей является психология персонажей и ее изменение на протяжении произведения; для кого-то — тема выбора; для кого-то — описание социума и отдельных его структур; для кого-то — политические аллюзии с реальным миром; а для кого-то — фантазия Авторов или особенности стилистики их текстов, позволяющие наслаждаться отдельными фразами, «поющие» строки... Помню, еще в студенческие времена меня поразило это несоответствие приоритетов: вместе с одним знакомым восхищались «Улиткой на склоне», и вдруг

выяснилось, что ему особенно нравятся не ночные монологи Переца, обращенные к Лесу, а точно выверенные описания похождений Тузика. Не говорю уже о том, что человек на протяжении жизни меняется и то, что казалось важным в двадцать лет, кажется уже несущественным, приходит другое осмысление как действительности, так и литературы.

Пожалуй, главное в творчестве АБС — как раз эта многоплановость, многоуровневость восприятия их произведений, где обязательно найдется что-то, понравившееся подростку, что-то — юноше, что-то — зрелому человеку. Поэтому любой солидный литературоведческий труд об их творчестве (будь то Кайтох или Переслегин) будет вызывать отторжение у девяноста процентов любителей фразой: «Главная идея такого-то произведения АБС состоит в...»[1]. Они, эти девяносто процентов, будут отрицать, что именно в этом. Но попробуйте поспрашивать: «А в чем же?» И сразу их единодушное «не в этом» разделится на множество мнений: «А вот в этом... или в этом... или в этом...» И ежели кто-то осмелится опять публично свое мнение высказать, точно так же найдет неприятие остальных.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Как известно, первым сюжетным отрывком для создания ПНВС послужила история, написанная Б. Стругацким и Л. Камионко в горах Северного Кавказа. В архиве АБС, к сожалению, отсутствует как эта история, так и весь черновик первой части ПНВС «Суета вокруг дивана». Но есть черновик второй и третьей частей, об особенностях которого рассказано ниже, есть и некоторые за-

[1] Поскольку я не являюсь автором сего солидного литературоведческого труда, то рискну. Итак: главная идея ПНВС состоит в показе нового массового человека — ученого, «мага». Это, по сути, развитие одной из тем «Стажеров»: «Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые». И с этим новым человеком Авторы связывали самые серьезные надежды. Что же до «шарашки» (точнее, «ящика»), то Авторы не описывали этакого и не могли описывать — просто потому, что не знали предмета: откуда бы? — *В. Д.*

метки, которыми Авторы пользовались для написания повести и для оформления ее.

Очередность описания действий (а вернее, ход размышлений) героев в третьей части выглядела так:

Гипотезы:

1. Галлюцинации — сводится к Беркли. Простодушная гипотеза.

2. Матрикаты — объясняет только, почему попугаи одинаковы.

3. Путешествие в фантастический роман (объясняет одинаковость попугаев, странный лексикон и т. б. поведение Я. П.).

4. Параллельные пространства (Ойра-Ойра).

Одинаковые — потому что меняются условия переброски.

Лексика — там говорят по-русски.

5. Эдик: это не галлюцинация.

Требуется объяснить:

1. Почему они похожи друг на друга?

2. Как их связать с Янусом и почему их никто не видел до сих пор, хотя он обо всех слышал?

3. Куда делся второй мертвый попугай и для чего Янус сжег первого, а также того, который был перед первым?

4. Куда девалось перо?

5. Как объяснить лексику?

6. Отчего умерли три попугая? (1 причина — отравление.)

7. Связаны ли странности попугая со странностями Януса?

Странности Януса:

1. Забывчивость.

2. Стремление к уединению в полночь.

3. Манера предсказывать.

4. Почему А-Янус не отличается странностью? Почему их двое?

6. Контрамоция непрерывная!

7. Контрамоция — дискретная.

Теория Тунгусского метеорита.
История Януса (гипотеза).
Как все воспринимает А-Янус.
Ужас положения У-Януса.
Перо не объяснено, и все очень довольны.

Остальные сохранившиеся материалы архива по ПНВС были подготовлены Авторами, вероятно, уже после написания черновика и служили для оформления повести. В архиве имеется список цитат для эпиграфов к частям и главам повести. Большинство их было использовано, но некоторые так и не были востребованы. К примеру:

Ответ вам будет дан сейчас же без всяких обиняков и лишних слов: голодный желудок ушей не имеет, голодное брюхо — глухо.

Ф. Рабле

Головы аллигаторов на ногах косуль, совы с змеиными хвостами, свиньи с мордой тигра, козы с ослиным задом, лягушки, мохнатые, как медведи, хамелеоны ростом с гиппопотамов, телята о двух головах...

Г. Флобер

Путешественник по Времени (так приходится его называть) рассказывал нам самые странные вещи.

Г. Уэллс

Есть и перечень терминов, нуждающихся в пояснениях. Сами пояснения в этом перечне не даны, за исключением только одного термина: «Призрак — явление задержки информации в биосфере». Некоторые позиции помечены птичкой (те, которые присутствуют в комментарии Привалова), некоторые вычеркнуты. К примеру, вычеркнуты слова: пароксизм, релаксация, мутант, антропоцентрист, эгоцентрист, программист, прана, русалка, привидение, трансгрессия, гиперполе, волшебная палочка (умклайдет), транслятор, а также имена собственные: Иов, Исии Сиро, БЭСМ, Ибикус, Гонзаста, Зекс, Рудольф I.

Еще один интересный список был составлен Авторами с использованием «Войны и мира» Л. Толстого — любимой и часто перечитываемой книги АБС. Дело в том, что в черновике Выбегалло французских и прочих иностранных выражений не употребляет. Они появляются в его речи позже. В рукописи он еще говорил не по-французски (на полях рукописи написано: «Разбавить французским»), а только с «нижегородским» акцентом (к примеру, вместо «мон шер» употребляет «милай»).

Возможно, идея вставить в речь Выбегаллы французские высказывания из «Войны и мира» возникла при написании Авторами приведенного ниже отрывка:

Впрочем, зоркий Выбегалло отметил несомненную связь между переборами гитары и рефлекторным подрагиванием нижних конечностей модели, что было им объяснено как факт необычайной важности, свидетельствующий о неуклонном росте духовных потребностей.

— Вы заснимите эту ногу крупным планом,— закричал он, хватая за рукав кинокорреспондента.— Потому что я вам гарантирую, что это историческая нога!

«Историческая нога» кадавра зацепилась за другую «историческую ногу» (у Л. Толстого), и Авторы выписывают из романа французские выражения и вставляют их в текст чистовика. Первоначальный список этих выражений был таким:

Mon trés honorable préopinant. Мой многоуважаемый возражатель.

Mon cher. Дорогой.

Je me rends! Сдаюсь!

La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi. Дрожание моей левой икры есть высший признак.

Quos vult perdone — dementat. Кого хочет погубить — лишит разума.

Oh, les femmes, les femmes! О женщины, женщины!

Mersi. Благодарю.

Excellent, exquis! Чудесно, превосходно!

Ce n'est pas mon affaire. Это не мое дело.

On vous demandera quand on aura besoin de vous. Когда будет нужно, вас позовут.

Enlevez — moi ga. Уберите это.

Mon cher, entre nous. Между нами, милейший.

Mon cher, je suis bien informé. Мне, любезный, все хорошо известно.

Chevalier sans peur et sans reproche. Рыцарь без страха и упрека.

Oui, sans doute. Да, разумеется.

Vous verrez, что... Вы увидите, что...

Charmant, charmant. Прелестно, прелестно.

On dit que... Говорят, что...

Etes — vous indisposé? Вы нездоровы?

Qu 'est-ce que c'est? Что это?

A demain, mon cher! До завтра, милый!

Есть в архиве АБС (правда, не в папке с материалами ПНВС, а в папке с рассказами) любопытный рассказ под названием «Машина времени». Позже Авторы, дополнив его и перенеся окончание рассказа далее по тексту, вставили его в качестве одной из глав в третью часть ПНВС, что еще раз подтверждает один из принципов работы АБС — ничто не должно пропасть даром.

Конечно, этот рассказ украсил повесть, но не менее интересен он был бы для читателей, если бы вышел тогда где-нибудь отдельно именно как рассказ. К сожалению, этого не произошло, поэтому ниже приводится его полный текст.

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

МАШИНА ВРЕМЕНИ
(почти по Г. Дж. Уэллсу)

Путешественник по Времени рассказывал нам странные вещи.

— Следите за мной внимательно,— говорил он.— Я буду опровергать одну общепринятую мысль. Собственно, я ее уже опроверг. Но чтобы вы поверили моему рассказу...

— Вряд ли мы ему поверим,— сразу заявил рыжеволосый Филя, большой спорщик.

— И тем не менее моя Машина времени стоит в соседней комнате и требует ремонта после первого путешествия.

— Я где-то об этом читал,— сказал Читатель.

— Возможно. Но не нужно меня перебивать, иначе...

— Не будете же вы утверждать,— укоризненно сказал Филя,— что путешествие по времени возможно? Эйнштейн...

— Я не имею в виду физического времени.

— Время есть форма существования материи,— пробубнил Философ, не открывая глаз.

— Я говорю не о физическом времени. Произвольно передвигаться по физическому времени, по-видимому, действительно невозможно. Однако существует еще время о п и с ы в а е м о е! Последовательность исторических событий в преломлении творческого воображения.

— Идеализм,— сказал Философ и открыл один глаз.

— Нет! Миры, в которых живут и действуют Анна Каренина, Дон Кихот, Пантагрюэль...

— Это я все читал,— поспешно сказал Читатель.

— Они реально существуют, эти миры,— сказал Путешественник.— Миры описываемого прошлого. Миры, созданные Толстым, Сервантесом, Рабле. Правда, там я еще не был. Зато я был в описываемом будущем. Теперь я знаю, что оно дискретно. Мне пришлось преодолевать гигантские временные интервалы, еще не затронутые воображением наших фантастов и утопистов... Там царит тьма, озаряемая только заревом пожарищ и ядерных взрывов за Железной Стеной...

— За какой стеной? — спросил Филя недоверчиво.

— Давайте, я расскажу все по порядку,— предложил Путешественник и начал рассказ.

* * *

Это был мой первый полет, и я чувствовал себя неуверенно. Машина шла скачками, то и дело натыкаясь на призрачные развалины античных и средневековых утопий. Я видел куполообразные здания, над которыми кружились чрезвычайно стран-

ные аппараты, похожие на летучих мышей. Сначала мне показалось, что они все горят, но потом я понял: дым у них идет из больших конических труб. Людей видно не было. Только раз рядом со мной возник босой человек в белой хламиде, со свитком пергамента в одной руке и с лопатой в другой. Этот человек стоял возле меня в течение пятидесяти лет и, судя по движению его губ, говорил без остановки. Потом передо мной замелькали более отчетливые образы, и я затормозил.

Я очутился на улице города, и меня куда-то повезли. Присмотревшись, я понял, что стою со своей Машиной на ленте движущегося тротуара. Огромные здания со сферическими куполами проплывали мимо. Вокруг кишел народ. Множество скромных, но значительных людей прогуливалось взад и вперед и непонятно говорило о различных достижениях науки и техники. Были здесь и здоровенные молодцы в комбинезонах, которые, обнявшись, орали песни. Кажется, это были иностранцы. На углу двое юношей возились с несложным механическим устройством. «Изобретем,— говорил один из них.— Во что бы то ни стало изобретем». Другой озабоченно спрашивал: «Куда бы это реактор привесить? Нестирающиеся шины мы пристроили, но вот как быть с реактором?» В устройстве можно было легко узнать велосипед.

Я слез с тротуара на большой площади, забитой людьми и звездолетами. Играла музыка, произносились речи. Многие читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо плохие, но из глаз слушателей струились слезы. Я вдруг понял, что присутствую при социальном катаклизме: половина населения расставалась с другой половиной. Это было похоже на тотальную мобилизацию. Мужчины отправлялись в космос (на Венеру, Марс, некоторые — в центр Галактики), а женщины оставались их ждать и занимали очередь в огромное здание с надписью «Пантеон-Рефрижератор». Рядом со мной юноша в голубом комбинезоне прощался с девушкой в розовом платье. «Я хотела бы стать астральной пылью,— монотонно говорила девушка.— Я бы космическим облаком обняла твой корабль...» Юноша благоговейно внимал.

Я подумал, что попал вовремя. Запоздай я на час, и в городе остались бы только замороженные на сотни тысяч лет женщи-

ны. И тут внимание мое привлекла высокая серая стена, ограничивающая площадь с запада. Над стеной поднимались клубы жирного черного дыма. «Что это там?» — спросил я красивую женщину, понуро бредущую к Пантеону. «Железная Стена»,— отвечала она, не останавливаясь. Над толпой грянули сводные оркестры, мои нервы не выдержали, я вскочил на Машину и рванул рычаг. Я еще успел заметить, как над городом взлетели тысячи звездолетов, а затем все вокруг, кроме таинственной стены, заволоклось фосфоресцирующим туманом.

Время от времени город вновь обступал меня, и с каждым разом здания его становились все выше, сферических куполов становилось все больше, а звездолетов на площади становилось все меньше. Из-за стены непрерывно шел дым.

Я остановился, когда с площади исчез последний звездолет. Тротуары двигались. Парней в комбинезонах больше не было, зато увеличилось число скромных людей, гуляющих по двое и по трое. Они по-прежнему говорили о науке и, кажется, теми же словами. Один разглагольствовал о скульптуре, но так нудно и банально, что мне стало стыдно за него. Впрочем, слушателей у него хватало, и слушали его жадно. По тротуарам бегали металлические паукообразные машины. Не успел я оглянуться, как одна из них почистила мне ботинки. Проехала большая белая цистерна и, мигая многочисленными лампочками, опрыскала меня духами.

Вдруг раздался громовой треск, и с неба свалилась громадная ржавая ракета. Большая толпа двинулась посмотреть. В толпе разговаривали. «Это «Звезда мечты», она стартовала двести лет назад, но благодаря эйнштейновскому сокращению времени для экипажа прошло всего два года».— «Благодаря чему?.. Ах, Эйнштейн... Да, мы это проходили в школе во втором классе». Из ржавой ракеты выкарабкался одноглазый человек без левой руки и правой ноги. «Земля?» — раздраженно спросил он. «Земля»,— ответила толпа. «Слава богу»,— сказал человек, и его никто не понял.

Увечный человек начал читать речь, в которой призывал всех лететь на планету Хош-ни-Хош освобождать братьев по разуму, стенающих под властью свирепого диктатора. Рев дюз

заглушил его слова. На площадь спускались еще три ржавые ракеты. Из Пантеона-Рефрижератора бежали заиндевевшие женщины. Я понял, что попал в эпоху возвращений, и включил двигатель.

Город исчез и больше не появлялся. Осталась только стена, за которой с удручающим однообразием полыхали зарницы и валил черный дым. Это было страшное зрелище: совершенная пустота и только зловещая стена на западе. Наконец вспыхнул яркий свет, и я тотчас остановился.

Вокруг расстилалась безлюдная цветущая страна. Бродили тучные стада. На горизонте виднелись прозрачные купола, виадуки и спиральные спуски. Совсем рядом на западе по-прежнему возвышалась стена.

Кто-то тронул меня за колено. Я вздрогнул. Возле меня стоял маленький мальчик с глубоко посаженными горящими глазами. «Твой аппарат поврежден?» — спросил он мелодично. «Взрослым надо говорить "вы"»,— машинально заметил я. Сначала он удивился, но потом посветлел лицом. «Ах да, припоминаю. В Эпоху Принудительной Вежливости так было принято. И если обращение на «ты» дисгармонирует с твоими субэмоциональными вибронуклеотрясоидами, я охотно удовольствуюсь любым иным». Он присел на корточки перед Машиной и произнес еще несколько слов, которых я совершенно не понял. Это был славный мальчуган, здоровенький, ухоженный, но слишком серьезный, на мой взгляд.

За стеной оглушительно затрещало, и мы оба обернулись. Я увидел, как жуткая чешуйчатая рука о восьми пальцах ухватилась за гребень стены, напряглась, разжалась и исчезла. «Мальчик, что это за стена?» — спросил я. Он обратил на меня серьезный застенчивый взгляд. «Это Железная Стена,— ответил он.— Мне неизвестна этимология этих слов, но я знаю, что она разделяет два мира — Мир Гуманного Воображения и Мир Страха Перед Будущим. Этимологию слова «страх» я тоже не знаю».— «А нельзя посмотреть, что там творится?» — «Конечно, можно. Вот коммуникационная амбразура». Это была низенькая арка, закрытая броневой дверью. Я взялся за щеколду. «Иди,— сказал мальчик.— Но помни — если с тобой что-ни-

будь случится, ты будешь отвечать перед Советом Сорока Миллиардов!»

Я приоткрыл дверь. Трах! Бах! Уау! Аи-и! Ду-ду-ду-ду! Все мои органы чувств были травмированы одновременно. Я увидел красивую блондинку, голую и длинноногую, палившую сразу из двух автоматов в некрасивого брюнета, от которого при каждом попадании летели красные брызги. Я услышал треск выстрелов, гул бомбардировки, вопли и рев чудовищ. Я обонял неописуемый смрад гнилого горелого небелкового мяса. Раскаленный ветер недалекого атомного взрыва опалил мое лицо. А на языке я ощущал отвратительный вкус рассеянной в воздухе протоплазмы. Я захлопнул дверь, едва не прищемив себе голову. Мальчик исчез. Испугавшись, что он побежал жаловаться в Совет Сорока Миллиардов, я бросился к Машине.

Теперь я бросился вперед не меньше чем на миллион лет, а когда остановился, то даже застонал от разочарования: невдалеке опять высился громадный Пантеон-Рефрижератор, с неба спускалась ракета в виде шара, а за стеной по-прежнему поднимался дым и вспыхивали ядерные взрывы. Шар приземлился. Из него вышел давешний пилот в голубом, а из Пантеона появилась пятнистая от пролежней девица в розовом. Они взялись за руки. Поодаль, чуть смущаясь, индифферентно стоял какой-то старикан и ловил золотых рыбок. Голубой пилот и розовая девушка затянули речь. Я торопливо дал задний ход.

* * *

Путешественник замолчал и опасливо взглянул на Философа. Философ дремал. Филя сказал решительно:

— Не верю.

— Очень интересно,— промямлил Читатель.— Маловато приключений... И потом, я все это где-то уже читал.

— Естественно,— сказал Путешественник, пожимая плечами.— Ведь я рассказал вам о посещении о п и с ы в а е м о г о будущего...

И тогда в голову мне пришла забавная мысль.

— Простите,— сказал я.— А нельзя ли с помощью вашей машины посетить о п и с ы в а е м о е н а с т о я щ е е?

ИЗЫСКАНИЯ ВИКТОРА КУРИЛЬСКОГО

Виктор Курильский, уже много лет занимающийся атрибуцией явных и поиском скрытых цитат в произведениях Стругацких, активно помогал готовить собрания сочинений как «Миров братьев Стругацких» (где в одном из томов приведен его «цитатник»), так и «Сталкера», находя ошибки и неточности цитирования, за что ему — большое спасибо! Вообще-то, работа текстолога (будь то выискивание неточностей в тексте, или его восстановление, или поиск цитат, или пояснения-примечания) кардинально отличается от работы того же литературоведа или критика. У последних результатом является статья, цикл статей, иногда даже целая книга, посвященная анализу творчества какого-либо автора. У текстолога же результатом в лучшем случае является несколько строчек в примечании, бывает — «текст восстановлен таким-то», а то и вовсе без упоминания, хотя ему (результату) предшествовали годы работы, поиска, сравнений, отбора. Описывать сам процесс поиска — нелегкий труд, тем не менее ниже представлен рассказ самого Виктора Курильского о его работе с текстом ПНВС, написанный специально для этой книги.

Можно сказать, что ПНВС — самое «литературное» произведение АБС, насыщенное перекличками и с мировой классикой от Гомера и Библии, и с самыми последними тогдашними журнальными новинками. И, по счастливому совпадению, самое любимое мной у АБС. Все виды цитирования щедро представлены в ПНВС: тут и эпиграфы с точным обозначением автора, и закавыченные цитаты, и перефразировки, и узнаваемые реминисценции, и более отдаленные аллюзии, и умело скрытые, совсем незаметные на первый взгляд цитаты. А «Путешествие Привалова» в описываемое будущее! Здесь сатирически поддеты многие «зубры» советской фантастики того времени, наглядно поданы стилистические и сюжетные штампы халтурщиков жанра, не забыты и общие места западной фантастики.

А что до каких-то изюминок, интересных читателю... Мне было интересно искать и находить. В каком-то смысле — листать вслед за любимыми авторами страницы книг — хороших и разных, постигать новые оттенки замысла книг АБС. По отзы-

вам — кому-то интересно было знакомиться с моим цитатником. А вот можно ли интересно описать мою работу?

Цитата «Вскоре очи сии, еще отверзаемые, не узрят более солнца, но не попусти закрыться оным без благоутробного извещения о моем прощении и блаженстве...» атрибутирована Авторами прямо в тексте: «Дух или Нравственныя Мысли Славного Юнга, извлеченныя из нощных его размышлений». Отсюда же читает Зеркало и стихотворение «Чины, краса, богатства, / Сей жизни все приятства, / Летят, слабеют, исчезают, / Се тлен, и щастье ложно! / Заразы сердце угрызают, / А славы удержать не можно...». Этот самый Юнг — популярный в XVIII веке английский философ Эдуард Юнг, автор «Жалобы, или Ночных размышлений о жизни, смерти и бессмертии». Пьером Летурнером был сделан перевод «Жалобы» на французский, на его основе сестра Бомарше Жюли Карон составила весьма вольную компиляцию. Ее-то Александр Андреев и перевел уже на русский, дополнив текст Карон несколькими стихотворениями философско-дидактического характера. Все это нетрудно было выяснить из библиографических справочников. Но как непросто было добраться до самой книги — малоформатной, с толстыми шершавыми серыми страницами! Первой из «людей» ее держала в руках Юлия Казакова. Это было издание 1798 года. Уже это знакомство позволило избавиться от старой опечатки. Прежде во всех изданиях ПНВС значилось: «...еще не отверзаемые...», что искажало смысл фразы до абсурда. Согласитесь, еще «не отверзаемые» очи не могут и «закрыться», ибо они и так закрыты. Тогда же выяснилось и заглавие упомянутого стихотворения: «Добродетель», что вкупе с подзаголовком «...с присовокуплением некоторых нравственных стихотворений лучших российских и иностранных стихотворцов: Ломоносова, Хераскова, Державина, Карамзина, Томсона и других» легко позволило определить автора стихотворения. Им оказался Михаил Херасков. А собственно цитируемое Авторами второе издание 1806 года, то, что «продается в Санкт-Петербурге и в Риге в книжных лавках Свешникова по два рубля в папке» я смог увидеть только в петербургской Российской Национальной библиотеке (вообще, этот раритет

сохранился в России, кажется, лишь в четырех крупнейших библиотеках).

Светлана часто останавливается на опечатках в различных изданиях АБС. Два века назад было не лучше. Что только не печаталось в начале строки «Се тлен, и щастье ложно!» и у самого Хераскова, и в издании «Дух...»! И «Все», и «О», и «Се», и явная опечатка «Ое». Дидактика Хераскова требует четкого указания на тленность «чинов, красы, богатства». Потому здесь не к месту ни простое восклицание «О», ни слишком нигилистичное «Всё», нет, только — «Се», т. е. именно эти искусы тленны, они дают ложное «щастье».

Много пришлось повозиться и с другими стихотворными строками, теми, что бубнит Зеркало «угрожающим замогильным голосом»: «Видел я сам, как подобравши черные платья, / Шла босая Канидия, простоволосая, с воем, / С ней и Сагана, постарше годами, и бледные обе. / Страшны были на вид. Тут начали землю ногтями / Обе рыть и черного рвать зубами ягненка...» Ведьмы Канидия и Сагана — персонажи «Сатир» Горация, если точно — восьмой сатиры первой книги. Но вот в чьем переводе эти строки? Давно уже публикуется только перевод Михаила Дмитриева:

> Видел я сам и Канидию в черном подобранном платье,—
> Здесь босиком, растрепав волоса, с Саганою старшей
> Шли, завывая, они; и от бледности та и другая
> Были ужасны на вид. Сначала обе ногтями
> Землю копали; потом зубами терзали на части
> Черную ярку, чтоб кровь наполнила яму, чтоб тени
> Вышли умерших — на страшные их отвечать заклинанья.

Ясно, что наш перевод — не Дмитриева. Разве что имеет место совсем уж приблизительное цитирование, не свойственное АБС. Этот перевод датирован 1856-м годом. Значит, надо поднять более ранние переводы? Пробую. Вот «Квинта Горация Флакка Сатиры или Беседы с примечаниями с латинского языка переложенныя Российскими стихами Академии Наук

переводчиком Иваном Барковым» (да-да, тем самым!), издание 1763-го года. Вот наш отрывок:

Я видел, как пришла Канидия туда
Вся, растрепав власы, в нелепости безмерной;
И препоясанна была в одежде черной,
И ноги зрелися босые у нея.
Вдруг после страшного с Саганою вытья,
Являя с ужасом бледнеющия хари,
Драть землю начали когтьми волшебны твари,
И зубом растерзав потом они овна,
На коем черная везде была волна,
Кровь в яму напущать ископанную стали
Чтоб духи собрались и им ответы дали.

Да, вновь не то. И лексика здесь явно старше на век. Вновь зарываюсь в библиографическую литературу и нахожу, что «Сатиры» переводились еще Михаилом Муравьевым-Апостолом и Афанасием Фетом. Первый тоже старше дмитриевского, второй — моложе. Я решил посмотреть перевод Фета. Он публиковался всего два раза, одно из этих изданий оказалось мне доступно. И строки из ПНВС там наконец-то нашлись!

Я неоднократно упоминаю разные книжные редкости. Закономерен вопрос: а откуда они у АБС? Ответ можно найти в их публицистике, в словах об отце, Натане Залмановиче: «...бывший военный, бывший политкомиссар, впоследствии исключенный из партии, сотрудник Публичной библиотеки. Интеллигентный человек, очень начитанный. Два шкафа книг, что по тем временам было большой редкостью». Кое-что из его книг сохранилось и после блокады. Ну и сами АБС — известные книгочеи. Это видно по любовно описанным библиотекам Сорокина и Головина, героев «Хромой судьбы» и «Дней Кракена», да что там — по всему их творчеству!

В Интернете до сих пор можно встретить мнение любителей АБС, что «Стих № 2» («В кругу облаков, высоко / черно-крылый воробей...») — блестящая стилизация Авторов, несмот-

ря на то что Авторы указывают источник: «П. И. Карпов. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники». Эта книга действительно была выпущена Главным управлением научными учреждениями и Госиздатом в 1926-м году. Может быть, уместно будет привести здесь полный текст этого стихотворения, принадлежащего «больному, казаку по происхождению»:

В кругу облаков, высоко
Чернокрылый воробей,
Трепеща и одиноко,
Парит быстро над землей;
Он летит ночной порой,
Лунным светом освещенный
И, ничем неудрученный,
Все он видит под собой.
Гордый, хищный, разъяренный
И летая словно тень.
Глаза светятся, как день.
В след несется ястреб жадный.
Воробей тому счастливый,
Улетая в дальность прочь...
Но ведь ястреб быстрокрылый
Увидит его небось.
Его мелких крыл журчанье
Нарушает тишину.
Ястреб носится отчайно,
Но не найдет путь к нему.
Сколько же осталась фут
Пролететь и где заснуть
Ему придется наедине.
В лесу ль. В роскошной ли долине
Увы, придется ль отдохнуть?

Орфография и пунктуация здесь, понятно, авторские. Видимо, он тщательно работал над этим стихотворением — ведь оно датировано немаленьким интервалом 1890–1907 г.

Еще одно редкое издание было процитировано в ПНВС: «Устремив свои мысли на высшее Я, свободный от вожделе-

ния и себялюбия, исцелившись от душевной горячки, сражайся, Арджуна!» Это перевод «Бхагавад-Гиты», выполненный Анной Каменской и Ирмой Манциарли и напечатанный в Калуге в 1914-м году. Его нашел в Российской Национальной библиотеке Юрий Флейшман. И здесь имелись некоторые отличия от авторского текста, вполне объяснимые неоднократной переписью при подготовке «Понедельника»: «Устремив свои действия на Высочайшее Я...»

Не могу не упомянуть историю с эпиграфом из Диккенса: «Стихи ненатуральны, никто не говорит стихами, кроме бидля, когда он приходит со святочным подарком, или объявления о ваксе, или какого-нибудь там простачка. Никогда не опускайтесь до поэзии, мой мальчик». Эпиграф взят из «Посмертных записок Пиквикского клуба», из какого-то варианта перевода Александры Кривцовой и Евгения Ланна,— текст очень близок к этому, часто печатавшемуся переводу. Но вот из какого именно? Оказалось, что до написания ПНВС вышло пять вариантов этого перевода. И в каждом из них менялся и фрагмент, из которого взят эпиграф! Наш — вернее, почти что наш — текст нашелся в следующем издании: Собрание сочинений в четырех томах, М.–Л.: Детская литература, 1940, т. 1, с. 484, сокращенный перевод А. Кривцовой. Почему «почти наш»? Есть отличие: бидль приходит не СО святочным подарком, а в точности наоборот — ЗА святочным подарком. (Кстати, это «за» фигурирует во всех вариантах перевода «Записок».) Причина проста: церковный служитель бидль в отличие от Санта-Клауса не раздает рождественские подарки, а собирает святочные пожертвования церкви. Подарок, а обычно это деньги, прихожане укладывают в специальный ящичек, и потому в части переводов бидль приходит «за святочным ящичком». Подтверждением тому, что указанный мной перевод действительно использовался АБС при подготовке цитат для эпиграфов к ПНВС, является и список цитат к ПНВС, имеющийся в архиве АБС. Эта цитата там помечена именно 484-й страницей. И бидль в выписке АБС приходит-таки ЗА подарком!

Никак не удавалось атрибутировать слова Федора Симеоновича: «Только тот достигнет цели, кто не знает слова “страх”...»

Однажды на очередном «Интерпрессконе» Вадим Казаков порадовал меня: песенка с этими словами передавалась по радио, причем было сказано, что она из «Учителя танцев» Лопе де Вега. Еще в Петербурге я пролистал пьесу в каком-то букинистическом магазине. Но нужных строк там не оказалось! Уже дома я просмотрел некоторые другие пьесы Лопе де Вега, и так же безрезультатно. Пришлось поднимать разные издания «Учителя танцев». И в издании 1948-го года к основному тексту пьесы в переводе Татьяны Щепкиной-Куперник было подверстано несколько песен с примечанием: «При исполнении пьесы в Центральном театре Красной Армии вставлялись песенки, к которым специально была написана музыка композитором А. Крейном». Среди них оказалась и песенка главного героя пьесы Альдемаро с искомыми строками! В последнее время вновь часто демонстрируется кинофильм 1952-го года «Учитель танцев», практически повторяющий ту постановку с тем же Альдемаро в исполнении Владимира Зельдина и с той же его песенкой.

Немного об источниках «Путешествия Привалова». Штампы, стандартные ходы, общие места не являлись предметом моего исследования. Я пытался найти следы цитирования и пародирования конкретных авторов тогдашней фантастики. Мне удалось обнаружить аллюзии на Александра Колпакова, Григория Адамова, Георгия Мартынова, Анатолия Днепрова, Александра Казанцева, Олеся Бердника. А коллеги Дьяконов и Шехтман обратили мое внимание на присутствие в ПНВС аллюзий и на «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова. Приведу несколько параллелей «Стругацкие — Ефремов».

Из ПНВС: «На горизонте серебрились знакомые прозрачные купола, виадуки и спиральные спуски». Из «Туманности Андромеды»: «...вызывали к жизни на своих планетах плоские купола и спирали...», термин «Спиральная Дорога», а также множество других упоминаний спирали; склонность И. Ефремова к чрезмерному использованию слова «серебрилось» и близких к нему.

Из ПНВС: «Возле меня стоял маленький мальчик с глубоко посаженными горящими глазами». Из «Туманности Андроме-

ды»: «...объяснял пожилой преподаватель с глубоко посаженными горящими глазами...».

Из ПНВС: «...осведомился он мелодичным голосом». Из «Туманности Андромеды»: «Тотчас зазвучал мелодичный и нежный голос переводящей машины...», «мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса»).

Уже не из «Путешествия Привалова», а из последней Истории ПНВС: «Защелкали тумблеры, замерцали экраны, загремели планетарные двигатели...». Из «Туманности Андромеды»: «...мерцающий жемчужным отблеском полусферический экран...», «во мраке лишь слабо мерцал экран...», «загремели удары планетарных двигателей, и звездолет с воем кинулся вниз...»).

Еще можно отметить присутствие термина Ефремова «репагулярный скачок» в первой Истории ПНВС.

Надо сказать и об одном из любимых писателей АБС — Алексее Николаевиче Толстом. Его влияние в ПНВС заметно если и не всегда в виде «чистого» цитирования, то зачастую на уровне параллели или отдаленного источника. Цитата, по сути, лишь одна: «Махно, сломав сардиночный ключ, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами <...>, французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Здесь в ПНВС с самого первого издания печатался «сардиночный нож», мне удалось обнаружить эту ошибку, и с 1992 года Привалов стал читать «Хмурое утро» правильно. Еще есть отсылка к рассказу А. Н. Толстого «Граф Калиостро»: «...по Толстому, граф был жирен и очень неприятен на вид...» и упоминание термина «Ибикус» (повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус», где «Ибикус» объясняется как имя карты из гадательной колоды девицы Ленорман, изображающей череп: «Символ смерти, или говорящий череп Ибикус»).

А вот некоторые из параллелей ПНВС и произведений А. Н. Толстого.

Из ПНВС: «Цыкать зубом». Из трилогии «Хождение по мукам», роман «Сестры»: «Николай Иванович вытаскивал из портфеля пачку газет и принимался за чтение, поковыривая зубочисткой зуб; когда он доходил до неприятных сообщений, то

начинал цыкать зубом, покуда Катя не говорила: "Николай, пожалуйста, не цыкай"». Из романа «Восемнадцатый год»: «Кто-то в тоске стал цыкать зубом».

Из ПНВС: «...при Алексее Михайловиче — царе Тишайшем его били батогами нещадно и спалили у него на голой спине полное рукописное собрание его сочинений...». Из романа «Петр Первый»: «Подхватили, поволокли на сруб. Там Емельян сорвал с него все, догола, повалил, на розовую жирную спину положил еретические книги, тетради и поданной снизу головней поджег их... Так было указано в грамоте: книги и тетради сжечь у него на спине...».

Из ПНВС: «Стелла быстро протараторила все, что мы успели сочинить. <...> Корнеев скомандовал: — Расстрелять». Из повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (после исполнения куплетов Невзоровым): «...пьяный офицер проговорил спокойно: — Расстрелять».

Помните плакат в столовой НИИЧАВО: «Смелее, товарищи! Щелкайте челюстями! Г. Флобер»? Немного вольно, но вполне уместно для столовой, правда? И обращение «товарищи» здесь тоже логично. Но вот какая заковыка — в «Искушении святого Антония», этими словами подбадривают себя «кинокефалы» (т. е. собакоголовые), пригрезившиеся Антонию. Видимо, кто-то из редакторов счел неуместным «слово гордое "товарищ"» в среде этих самых собакоголовых и в некоторых изданиях перевод Михаила Петровского поправлен: «Смелее, друзья! Громче щелкайте зубами!»

Может показаться, что все источники цитат в ПНВС уже атрибутированы. К сожалению, это пока не так. До сих пор не установлен источник знаменитых, зацитированных «Слона» и «Вина»: «Слон есть самое большое животное из всех живущих на земле. У него на рыле есть большой кусок мяса, который называется хоботом потому, что он пуст и протянут, как труба. Он его вытягивает и сгибает всякими образами и употребляет его вместо руки...» и «Вино, употребляемое умеренно, весьма хорошо для желудка; но когда пить его слишком много, то производит пары, унижающие человека до степени несмысленных

скотов. Вы иногда видели пьяниц и помните еще то справедливое отвращение, которое вы к ним возымели...». Друг Аркадия Натановича переводчик Мариан Николаевич Ткачев говорил мне, что именно он принес их Аркадию, но припомнить, откуда он их почерпнул, не смог. Стало быть, буду работать дальше!

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ИЗДАНИЯМ

ПНВС был опубликован в 1964 году сначала в сборнике «Фантастика-1964» (первая часть), затем в журнале «Искатель» (первая глава второй части), впервые полностью — отдельной книгой в 1965 году в издательстве «Детская литература», а затем — в 1966 году вместе с ТББ в «Библиотеке современной фантастики» в 7-м томе. Переиздания ПНВС до 1992 года (включая и собрание сочинений «Текста») пользовались вариантом текста, опубликованного в БСФ, пока в 1992 году не вышла книга, включавшая в себя ПНВС и СОТ (издательство «Terra Fantastica», серия «Золотая цепь») и содержавшая восстановленный текст (в основном — по первому книжному изданию). Хотелось бы поблагодарить Андрея Черткова за тщательность в работе по изданию этой книги (в то время, в период «перестройки» книгоиздания, многие издательства экономили на работе редакторов и корректоров, что выливалось в издание книг, изобилующих ошибками и опечатками) и пожалеть, что во время выпуска «Миров братьев Стругацких» он в «TF» уже не работал. Последний, канонический вариант текста ПНВС был доработан при издании собрания сочинений «Сталкера», куда вошли многие отрывки, взятые из черновика ПНВС.

В издании «Фантастика-64» была сноска к пятой главе (в которой фраза «Дивана не было»): «Авторы считают своим долгом поблагодарить Л. А. Камионко за активное участие в работе над этой главой». А в конце публикации значилось: «В настоящее время авторы заканчивают работу над повестью «Понедельник начинается в субботу». «Суета вокруг дивана» является первой частью этой повести. (Прим. ред.)».

Подзаголовок ПНВС «Сказка для научных сотрудников младшего возраста» в многочисленных переизданиях имел несколько вариантов: «сказка» или «повесть-сказка», «сотрудников» или «работников».

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Множество дополнительных сведений о самом НИИЧАВО, а также о персонажах, его населяющих, содержится в черновике ПНВС. Иногда интересные подробности встречаются и в первых изданиях повести, что ниже отмечено особо.

В издании «Фантастика-64» Киврин Федор Симеонович имел более привычное и современное отчество — Семенович. А вот в рукописи он иногда Симеонович, иногда — Семенович, фамилия у него была — Пупков-Задний, и описывается он там более негативно, к примеру: «...в приемную, отдуваясь, багровея и колыхая чревом, вдвинулся знаменитый...» Хотя и было там приведено мнение Привалова о нем: «Он был единственный из старых, кого я любил». Отдел, возглавляемый Федором Симеоновичем, назывался не Линейного Счастья, а Простого Счастья и Довольства. И биография Пупкова-Заднего первоначально была несколько другой: «...при Петре Алексеевиче, царе Великом, он было возвысился как знаток химии и довольно долго работал в Пробирной палате, но чем-то не потрафил Александру Даниловичу Меншикову и попал на каторгу на Демидовские заводы...» Там же было высказано мнение самого Киврина об институте: «...все-таки ночь п-под новый год, т-тут, в этом клоповнике, н-ночью, знаете...»

Дополнительные подробности о Витьке Корнееве можно узнать из разговора его с Приваловым накануне дежурства:

У входа в приемную директора я встретил мрачного Витю Корнеева. Он вежливо мне поклонился, не вынимая рук из карманов, и третий раз за этот день поздоровался со мной. Я подозрительно посмотрел на него.

— Ну как ты вообще? — осведомился он.

— Да ничего,— сказал я осторожно.— Вот заступаю. А ты как?

Он оттянул пальцем воротник свитера.

— Буду веселиться,— сказал он.— Буду танцевать. Буду делать стойку.

— Не попади ногами в зеркало,— сказал я. Был такой случай в ноябрьские праздники.

Он даже улыбнулся.

— Ты Саша, вот что... Ты присмотри у меня в лаборатории, там будет кое-что включено и будет работать дубль.

— Чей дубль?

— Ну мой дубль, естественно. Кто мне своего отдаст? Он парень ничего, работящий. Я его там запер, вот возьми ключ.

Корнеев с Амперяном спорили о белковой жизни несколько по-другому:

— Вы переутомились, Корнеев,— сказал Эдик.— Разве это доказательство? Ты создал первого из них и заложил собственной волей в него всех остальных, а кто посмеет утверждать, что ты не принадлежишь к белковой жизни? Конечно, ты и сам можешь превратить себя в нежить, но это тоже не будет доказательством. Начало-то ведь в белке!

— Вы меня изумляете, Амперян,— сказал Витька.— Белок тоже имеет свое начало. И это начало отнюдь не белковое. Я могу сейчас создать два-три миллиона домовых и запустить их, скажем, на Марс. И через миллионы лет, когда обо мне, а может быть, и о всех нас, белковых, думать забудут, на Марсе разрастется такая цивилизация, что и предсказать невозможно. Не все ли равно, что служит началом жизни? Химический процесс или сознательная деятельность. А может быть, такова закономерность? Природа создает белок, белок создает нежить, а нежить создает еще что-нибудь.

— Может быть,— соглашался Эдик.— Разница только в том, что природа создает белок в силу присущих, имманентных ее природе свойств, белок есть высшая форма организации, самоорганизации материи, это пик ее развития, а нежить есть лишь побочный, несамодовлеющий продукт деятельности белка. Мы создаем нежить для наших нужд и убираем ее, когда она перестает быть нужной нам.

— Ох и самоуверенны же вы, товарищ Амперян! А может быть, цель природы как раз не в создании товарища Амперяна, а в создании нежити руками товарища Амперяна. Цель природы, конечно,— это бессмысленное выражение, но во всяком случае, чтобы создать белок, природе нужны определенные температуры, давления, сочетания химических элементов, и это никого не удивляет. А если я предположу, что для создания нежити природе нужно полмиллиарда лет потрудиться, закономерно провести белок от протовируса до товарища Амперяна, чтобы впоследствии товарищ Амперян...

— Понятно, понятно,— сказал Амперян.— Спор бессмысленный, Витька. Я ведь антропоцентрист, и только в этой плоскости я и могу рассуждать.

Описание Авторами обычного утра в общежитии было более подробным. Витька утром не просто летал по комнате, а, «элегантно подогнув правую ногу, взлетел под потолок. Я подпрыгнул и поймал его за тапочку: потолки были невысокие. Впрочем, ему только этого и нужно было. Он принялся летать со мной по комнате...»

О Романе Ойра-Ойра. Дополнение, когда делалась стенгазета: «Мы со Стеллой страшно обиделись и написали на Романа эпиграмму. Но газету мы все-таки сделали».

Поначалу Роман заставлял Привалова творить не только груши:

Комната проветрилась естественным способом. Я закрыл форточку, и некоторое время Роман тренировал меня в материализации. Получавшиеся огрызки груш, вишневые косточки и кожурки от колбасы мы выбрасывали в мусорную корзину.

Роман Ойра-Ойра говорит о Янусе: «Он один в двух лицах». В первом издании было: «Он един в двух лицах». А Привалов в рукописи думает: «Я никак не мог освоиться с мыслью, что эти два человека были одним и тем же человеком в двух ипостасях».

Много было интересного в рукописи и о Выбегалле. О его тулупе говорилось более откровенно: не «пахучий», а «вонючий». Из цитат он вымарывал не просто «все, что ему не подходило», а «все, что касается духовного мира человека»; и не забывал Вы-

бегалло не «о связи с жизнью», а «о связи с производством». Лаборатория Выбегаллы называлась сотрудниками не «Родильный Дом», а «Родильный дом имени Великого Инкубатора»; здесь слово «инкубатор» как бы содержит два смысла: обычный и намек на слово «инкуб», что в теоретической магии означает «меру отрицательной энергии живого организма»[1].

После появления первой модели (Человека, неудовлетворенного полностью) «Ученый совет ужаснулся». В рукописи была добавка: «Только Федор Семенович явственно вымолвил: «Вот и подонок!» <...> Ойра-Ойра однако сказал зловеще, что самое страшное — это будет модель Человека, Полностью Удовлетворенного. Я не понял и не поверил, хотя заметил, что Федор Семенович одобрительно хмыкнул, а Кристобаль Хунта едва заметно кивнул головой и нехорошо заулыбался».

Вся история со второй моделью (Человека, неудовлетворенного желудочно) представлялась первоначально более отвратительной. С подшефного рыбзавода Выбегалло вывез не селедочные головы, а рыбьи внутренности, поэтому описание, как модель это все жрала, выглядело более... натуралистичным. Модель в рукописи называлась чаще упырем, в изданиях — чаще кадавром. Хунта называет вторую модель «желудочным ублюдком». У новорожденного кадавра мокрые волосы свисали липкими прядями, из раскрытого и опрокинутого автоклава растеклась огромная зловонная лужа. А после начала работы конвейера:

В последующие пять минут лабораторию покинули почти все. Остались только магистры Эдик и Роман, создавшие вокруг себя микроатмосферу, а я попал в микроатмосферу Романа и в ней остался, не решаясь высунуть нос наружу. Конвейер тарахтел, вываливая в лабораторию груды скользких рыбьих внутренностей. Упырь, пристроившись к этой груде, занялся делом...

<...> К тому моменту, как наступил второй пароксизм довольства, в лаборатории снова появились зрители в респираторах и кислородных масках. Стеллу, упавшую от духа в обмо-

[1] Думаю, что Авторы все-таки имели в виду только третий «смысл»: каламбур «Великий Инквизитор» — «Великий Инкубатор».— *В. Д.*

рок, Выбегалло приказал вынести, как... эта... не справившуюся с обязанностями. Появились рука об руку дубли Федора Симеоновича и Кристобаля Хозевича, встали в сторонке, внимательно смотрели и слушали. Заглянул Жиан Жиакомо, вдунул в лабораторию под потолок круглое облако активированного угля и, кашляя, скрылся. Откуда-то взялись трое кинофотокорреспондентов: видимо, их привел Выбегалло. Сверкая блицами и опутывая окружающих черными змеями осветительных кабелей, они, зевая, принялись снимать и что-то записывать в свои книжечки.

Кстати, о корреспондентах. В рукописи они с Выбегаллой еще не знакомы, по фамилиям они не называются, всего их — сначала трое (после кончины второй модели: «...ушел обремененный семьей корреспондент, оставив на посту двух своих холостых товарищей»). На полях черновика есть пометка Авторов: «Корреспонденты уже привыкли к Выбегалле». На заявление Романа «Еще вопрос можно?», обращенное к Выбегалле, когда он вещает корреспондентам, Выбегалло ответил «Прошу» с устало-снисходительным видом — в изданиях. В рукописи более подробно: «У него был устало-снисходительный вид старого учителя, разговаривающего с первоклассниками».

О Саваофе Бааловиче Одине в черновике Привалов рассказывает:

Со мной, например, он вел вполне квалифицированные беседы по теории опознания образов и готовил докладную записку в Академию Педагогических Наук о реформе преподавания грамматики русского языка. Согласно его идее всю орфографию, как свод правил, надлежало упразднить. Этот свод правил должен быть известен только специалистам-филологам, корректорам, операторам лингвистических машин, ученики же на уроках русского языка должны были просто очень много читать, с тем чтобы запомнить правописание каждого слова. При этом он исходил из двух посылок: из хорошо известного факта (который он проверил дополнительными, специально поставленными экспериментами), что наиболее грамотными оказываются люди, читающие много; во-вторых, из опыта работы с электронными машинами, настроенными на опозна-

вание образов, следовало, что проще всего научить машину различать, скажем, цифры можно было, показывая ей всевозможные варианты написания этих цифр. При этом машина с подавляющей вероятностью верно отличала двойку от семерки, совершенно не зная, чем эти цифры отличаются друг от друга теоретически.

О Редькине. Поначалу не только более подробно описывалась демонстрация брюк-невидимок Редькина (что-то «заело в пуговично-подтяжечном механизме»), но и пояснялась ситуация из первой части повести:

Между прочим, Редькин и был тот самый толстяк в пижаме, который сцепился с Корнеевым в памятную ночь в Изнакурноже. Он заподозрил тогда, что Корнеев украл Белый Тезис, и притащил с собой для расправы тощего товарища завкадрами гражданина Демина Кербера Псоевича.

О Мерлине было дополнение: «В институте его держали из уважения к старости». После разговора о погоде он не сразу начинает рассказ о путешествии, а сначала вещает:

— О вы, пропитанные духом западного материализма, низкого меркантилизма и утилитаризма, чье спиритуальное убожество не способно подняться над мраком и хаосом мелких угрюмых забот...

Добрый рыцарь Отшельниченко, о котором рассказывает Мерлин, имел немного другую фамилию: Отшельников. Престарелый колдун Перун Маркович Неунывай-Дубино имел фамилию сначала — Неунывай-Полено, затем — Неунывай-Дубина.

В издании «Фантастика-64» несколько раз упоминался Келдыш[1]. Роман Ойра-Ойра вместо «Потому что У-Янус улетел в Моск-

[1] Академик М. В. Келдыш (1911—1978), математик, механик и руководитель космических программ (в газетах о нем писали: «Главный Теоретик космонавтики», не называя фамилию по причине великой тайны) был избран президентом АН СССР в 1961 г. К моменту написания ПНВС еще не иссяк эффект «новой метлы».— *В. Д.*

ву. И в частности — по поводу этого дивана» говорит: «А главное — У-Януса вызвал Келдыш. Он вчера улетел и еще не вернулся». Парадной лестницей пользовались не тогда, «когда институт посетило августейшее лицо из Африки», а «когда приезжал месяц назад Келдыш». И гимнастику йогов в институте отменили с назначением на пост президента АН СССР Келдыша.

И о самом Привалове. В перечислении вычислительных работ, которые Привалов сделал, пришедши на работу в НИИЧАВО, вместо «сосчитал вероятности решения пасьянсов» — «решил несколько небольших задач из теории превращений для Жиана Жиакомо». «Но они хоть не вмешивались в сам счетный процесс»,— сообщает в рукописи Привалов о других, кроме Хунты, сотрудниках. О своей работе в НИИЧАВО Привалов говорит сначала: «За свои уши я мог быть спокоен», потом: «...и жизнь моя была полна смысла». В издании «Фантастика-64» упоминается имя одного из тех, кого Привалов ждал в Соловце: на почтамте Привалов не просто оставил письмо с координатами, а «письмо на имя Толика». На вопрос Витьки, что надо делать, заменяя дежурного по институту, Привалов отвечает: «Обесточивать, гасить пожары и всем напоминать про трудовое законодательство».

О путешествии в выдуманное будущее. В перечислении персонажей выдуманных миров вместо Шерлока Холмса и Григория Мелехова упоминался Гулливер. Во время путешествия Привалов замечает: «Меня уже не удивило, что они заговорили об этом, едва я появился у них на глазах. <...> Вообще никто, по-моему, не работал». Вот еще персонаж, попавший в путешествие Привалова из рассказа «Машина времени»: «Поодаль, чуть смущаясь, индифферентно стоял какой-то старикан и ловил из аквариума золотых рыбок. <...> ...а индифферентный старикан, выловивши всех рыбок, глядел на них и вытирал глаза платочком». Об увиденном за Железной Стеной Привалов рассказывал: «Вдоль рва прямо на меня полз, стреляя из пушек и пулеметов, огромный танк на трех гусеницах. Из радиоактивных туч снова вынырнули тарелкообразные аппараты, и я закрыл дверцу».

О самом институте можно было узнать любопытные подробности из разговора Киврина с Хунтой перед новогодней ночью:

— Да, скучать вам этой ночью не придется, молодой человек. Я слышал, Голем пробуждается. Ты в курсе, Теодор?

— Вз-здор,— сказал Теодор Киврин.— Т-ты еще вокруг него м-магический к-круг обведи... Н-нашел чем пугать н-нынешнее поколение... П-пентаграмму еще слюнями на с-сейфе начерти.

Хунта вежливо улыбался одними губами. Он пристально меня разглядывал.

— Я, конечно, шучу,— сказал он.— Но в крайнюю зону я на вашем месте все-таки поостерегся бы заглядывать.

— Н-ну да,— сказал Федор Симеонович,— т-ты там собираешься работать ночью, а в списке т-тебя нет.

О странностях здания института говорилось не только, что «вправо и влево от вестибюля институт простирался по крайней мере на километр», но и «в глубину эшелонировался так далеко, что сотрудники сплошь и рядом пользовались передачей себя по проводам, чтобы забежать, скажем, в библиотеку или отнести заявление в отдел кадров».

Описывался метод получения энергии от Колеса Фортуны: «источник механической энергии с непрерывным переводом ее в электрическую». В первом варианте рукописи у Колеса играли не несколько бесов, а несколько инкубов. Инкубы тут же, в рукописи, заменены на бесов, которым Привалов грозит: «А вот я вас святой аш два о». В книгохранилище Витьке «в ватниках и с отбойными молотками» встретилась не бригада данаид, а бригада суккубов. Питекантроп, описанием жизни которого начиналась Книга Судеб, первоначально был сожран саблезубым тигром, а не пещерным медведем, а последний том Книги Судеб был подписан в печать во время: первой мировой войны (первый вариант рукописи), англо-бурской войны (окончательный вариант рукописи), полетов братьев Монгольфье (издания).

Об отделах НИИЧАВО. В отделе Предсказаний и Пророчеств среди многочисленных исследовательских групп («Группа кофейной гущи», «Группа авгуров», «Группа пифий» и т. д.) первоначально отсутствовала «Группа пасьянсов», но наличествовала «Группа гадания на картах», а вместо группы «Соловецкий Оракул» был просто «Оракул». В отделе Абсолютного Знания занимались не делением нуля на нуль, а умножением нуля на беско-

нечность[1]. Об отделе Вечной Молодости было сказано: «Молодежи в отделе не было. В вечную молодость никто не верил в возрасте со ста пятидесяти до тысячи трехсот лет». А о работниках отдела Линейного Счастья говорилось: «...уши у них всегда были чистые и розовые, как у новорожденного младенца...»

О населяющей НИИЧАВО нежити в рукописи было сказано тоже немало интересного. К примеру, Камноедов, наказывая Привалову никого не пускать в институт («Во всем институте чтобы ни одной живой души»), добавлял: «Всякие там другие души — пусть, но живой души чтобы ни одной». У него же, М. М. Камноедова, в кабинете маленький гном с волосатыми ушами не «возил пальцами по обширной ведомости», а «тыкал пальцем в клавиши пишущей машинки».

О демонах Максвелла, служащих в институте привратниками, Привалов в начале своего обхода института упоминает: «...как всегда, я некоторое время с детским любопытством и ненасытным удивлением следил за ними». Еще одна подробность о них: один из демонов не «впадал в детство и начинал барахлить», как сказано в публикациях, а «капризничал, и тогда в институте в неимоверных количествах скапливалась всяческая нежить». Позже же, когда в новогоднюю ночь в НИИЧАВО появляются сотрудники в большом количестве, Привалов размышляет:

Я ничего не понимал. Что-то случалось с демонами-привратниками: они всех без разбора впускали. Я сбежал в вестибюль и увидел, что Вход и Выход, дрожа от азарта и лихорадочно фосфоресцируя, играют в рулетку. Рулетка была самодельная, я сам сделал ее два месяца назад. Я точно помнил, что положил ее за шкаф у себя в вычислительном центре, и знал о ней разве что

---

[1] Напомню: «...делением нуля на нуль на настольных «мерседесах»...» Здесь имеется в виду электромеханическое счетное устройство, по внешнему виду напоминавшее громоздкий кассовый аппарат. (Я застал еще эти чудища на практикуме в МГУ.) Вычисления происходили с величественной неспешностью, особенно как раз операция деления, и сопровождались лязгом и грохотом. Разделить на нуль было вполне возможно, при этом каретка машины постепенно уходила до предела вправо и там останавливалась. А вот умножить на бесконечность — затруднительно.— *В. Д.*

только Роман. Сначала я хотел отобрать рулетку и снова законопатить входы и выходы, а потом поругаться с Романом, но потом мне пришло в голову, что тут как раз такой случай, когда законы человеческие превозмогли законы административные, потому что законы административные оказались нелепыми. Люди хотели работать, и нечего было им запрещать это, а что касается дюжины домовых и привидений, которые могли выбраться в город, то на то и Новогодняя Ночь, чтобы доставить людям как можно больше развлечений. Эта мысль принесла мне облегчение, и я вернулся в рабочие помещения.

В предположении Привалова, за какие провинности домовик Тихон был сослан Вием в Соловец, было не «с кем-то он там не так поздоровался или отказался есть гадюку вареную...», а «с кем-то он там не так поздоровался или опоздал на шабаш».

Обитатели вивария тоже описывались более подробно. Гекатонхейр говорил не по-эллински, а по-древнегречески. А палец сломал, ковыряя «в сорок пятом носу». Змей Горыныч содержался: в опубликованном варианте — «в старой котельной, откуда доносилось его металлическое храпение и взревывания спросонок»; в рукописи — «в глубине вивария; было только слышно его металлическое храпение да дальние своды время от времени озарялись багровыми отблесками». Вурдалаки, ругаясь, обзывают Привалова: в публикациях — «дылда очкастая», в рукописи — «падла очкастая».

О дублях говорится, что «они очень пугливы, эти дубли, хотя совершенно непонятно, чего они боятся. Инстинкт самосохранения у них отсутствует, и даже к боли они нечувствительны». Привалов называл сотворенных им дублей в изданиях «чучелами», а в разных вариантах рукописи — «ублюдками» и «уродами». О своем умении создавать дублей Привалов говорит: «Во всяком случае, то, что у меня получалось, годилось только старух пугать, если, конечно, получалось с ногами». А вот супердубль Привалова, которого изготовил Ойра-Ойра, в изданиях «ругался, когда его кусали комары», а в рукописи «был абсолютно нечувствителен к комарам <...> и только когда к нему обращались, как правило отвечал: “Знаете, ребята, у меня сегодня настроение неважное, так что вы меня сегодня не трогайте”».

Фотончик (которого в одном из изданий ошибочно назвали Фонтанчиком), кроме прочего, еще говорил: «Дер-р-ритринитация!.. Кр-ратер Маккор-рмика!.. Пр-рактически неисчер-рпаем!.. Гр-равитационная ор-ртосфер-ра!.. Зер-ротр-ранспор-ртейшн!..»

О гигантских комарах, которые снились Привалову. «Гигантский» — понятие неопределенное, поэтому в рукописи обозначалось точно: «...комары ростом с козла».

Автоклав с очередной моделью, по словам Выбегалло, весит пять тонн; в рукописи добавление — «вместе с несущим полем».

Завершение рукописи было более коротким и более мрачным, если говорить о знании будущего. В изданиях У-Янус смягчил это словами, что «не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь их них». В рукописи У-Янус отвечает коротко и размышления Привалова отсутствуют:

— А зачем это вам, Александр Иванович? Разве вы хотите, чтобы стало неинтересно жить? Сами узнаете.

И я действительно узнал.

СКАЗОЧНЫЕ АЛЛЮЗИИ

Так как легендарная Лысая гора находится у стольного града Киева, то в рукописи гора, где происходят ночные бдения Мерлина с Ха Эм Вием, Хомой Брутом и другими хулиганами, называлась «республиканской Лысой горой». Так сказать, Лысой горой республиканского значения.

Стилистические особенности сказочного повествования, особенно ясно выраженные в первой части ПНВС, в некоторых изданиях были заменены на обычный современный стиль, что, конечно же, убавляло колорит повести. К примеру, в обращении «баушка Наина свет Киевна» сказочную «баушку» заменили на обычную «бабушку». И в высказываниях самой «баушки» во фразе «А зубом оне не цыкают?» было изменено старинное «оне» на обычное «они», а во фразе: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мясца поевши...» — «мясца» на «мяса». По изданию в «Искателе» была восстановлена и своеобразная фраза Киврина, с которой

он обращается к Хунте в новогоднюю ночь: «...вспомянем старину...» (ранее было: «...вспомним старину...»).

О науке чародейства и волшебства в изданиях говорилось: «Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить взглядом дыру в полуметровой бетонной стене могут многие, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и действительности. А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между сверлящим свойством взгляда и филологическими характеристиками слова "бетон"»; в рукописи: «Сыграть на глазах у изумленной публики в футбол на потолке или сотворить восьминогого зайца не составляет труда, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и действительности. А вот попробуйте найти глубокую внутреннюю связь между физиологическими характеристиками этого самого зайца и филологическими характеристиками сто пятнадцатого абзаца "Серой книги"...».

Несколько отличался в раннем варианте разговор об особенностях живой воды. Диалог Корнеева и Привалова:

— Смешно подумать,— бормотал он.— Элементарная же вещь, и никто ее никогда не делал.

— Что? Ты о чем?

— Статистику действия живой воды. Это же ясно из общих соображений — на одни экземпляры вода должна действовать хорошо, на другие хуже или лучше...

— Занимаешься ерундой,— сказал я.

— И живая вода неоднородная должна получаться,— продолжал Витька, не слушая.— Химический состав разный... процент дейтерия...[1]

[1] И не только процент дейтерия: в природном кислороде заметна примесь О-18, значит, молекулярная масса воды варьируется от 18 до 22. Изотопный состав живой воды... Готовая тема для диссертации.— *В. Д.*

Интересные подробности были сообщены о щитах Джян бен Джяна: «Все имеющиеся в институте щиты были изъяты в свое время из сокровищницы царицы Савской. Сделал это не то Кристобаль Хунта, не то Мерлин. Хунта об этом никогда не говорил, а Мерлин хвастался при каждом удобном случае, ссылаясь при этом на сомнительный авторитет короля Артура».

О Коньке-Горбунке. При описании вивария Привалов идет мимо «Конька-Горбунка, дремавшего мордой в торбе с овсом...» Также установлено авторство заметки в стенгазете об азартных играх в виварии: «...писал Конек-Горбунок, проигравший в железку недельный овсяной паек Кащею Бессмертному».

Об умклайдете. В рукописи это слово писалось «умкляйдет», что в немецком языке обозначает «переодетый». Как рассказывал в офлайн-интервью БНС: «Происхождение этого «термина» таково. Надо было что-то срочно придумать, я, помнится, схватил с полки немецко-русский словарик и открыл его наугад. На глаза попалось слово umkleidet — совершенно не помню, что это значило, да это было и не важно. «Умкля́йдет»,— предложил я (не теряя драгоценного времени). АН не возражал. Так оно и стало быть». Мысли Привалова: «Витька с умкляйдетом в руках представляет собой социальную опасность, поэтому я снова попятился».

О Вие и Хоме Бруте было рассказано: «Вий с Хомой Брутом в обнимку пошли шляться по улицам ночного города, пьяные, приставали к прохожим, сквернословили, потом Вий наступил себе на левое веко и совсем озверел. Они с Хомой подрались, повалили газетный ларек и попали в милицию, где каждому дали за хулиганство по пятнадцати суток. Чтобы остричь наголо Хому Брута, пришлось держать его вшестером, а лысый Вий при этом сидел в углу и обидно хихикал. Из-за того, что Хома Брут наговорил во время стрижки, дело передается в народный суд». И еще о Бруте: когда при сочинении стиха ищут рифму к слову «Брут», Дрозд добавляет: «Брут, прут, мнут, кнут... Все это телесные наказания».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ

Некоторые «непроходные» в то время замечания, отрывки, дополнения, встречавшиеся в рукописи ПНВС, были внесены в окончательный канонический вариант, некоторые было внести

уже невозможно, так как на месте того или иного отрывка был другой — привычный и не менее интересный, чем ранний вариант. Все они так или иначе касались особенностей советского государства того времени и его политики. Перечислим основные...

Степень обезьяноподобия, как говорилось в издании, пробовали определять по узким брюкам и увлечению джазом. В рукописи — по узким брюкам и экстравагантным прическам. В рукописи биография Киврина описывалась несколько по-другому. Вместо «В Соловце опять имел массу всяких неприятностей» — «В новые и новейшие времена опять имел массу неприятностей с властями». О нем же говорилось: «...быстро занял пост заведующего отделом и последнее время много работал над проблемами человеческого счастья, беззаветно сражаясь с теми коллегами, которые базой счастья полагали довольство».

Биография Хунты тоже была более полной: «Некогда, в ранней молодости, он долго был Великим Инквизитором, НО ПОТОМ ВПАЛ В ЕРЕСЬ, хотя и по сию пору сохранил тогдашние замашки, ВЕСЬМА, ВПРОЧЕМ, ПРИГОДИВШИЕСЯ ЕМУ, ПО СЛУХАМ, ВО ВРЕМЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ ПЯТОЙ КОЛОННЫ В ИСПАНИИ». И еще: «Иногда он бросал работать и начинал шутить. Лучше бы уж он не бросал работать...»

Интересные подробности биографии Мерлина: «В недоброй памяти времена ему удалось продвинуться в заведующие отделом Предсказаний и Пророчеств, потому что во всех анкетах он писал о своей непримиримой борьбе против империализма янки еще в раннем средневековье... <...> Впоследствии же, в связи с изменением внутренней обстановки и потеплением международного климата, он был вновь поставлен...» А полное окончание рассказа Мерлина в рукописи звучало так:

...и в пути сэр Ар... председатель сказал: «У меня нет меча».— «Не беда,— сказал ему Мерлин,— я добуду тебе меч». И они доехали до большого озера, и видит Артур: из озера поднялась рука, мозолистая и своя, и в той руке серп и молот. И сказал Мерлин: «Вот тот меч, о котором я говорил тебе...»

Естественно, в то время никакой издатель не пропустил бы такое, поэтому рассказ Мерлина заканчивался словами «поднялась рука».

При обсуждении этого места в тексте Вл. Дьяконов спросил: «А что имели в виду Авторы? Если песню «Белая армия, черный барон», то там нет «своей руки»: «Так пусть же Красная / Сжимает властно / Свой штык мозолистой рукой...» Единственное, что вспоминается, так это песня Окуджавы (тогда уже написанная) про Ваньку Морозова: «И страсть Морозова схватила / Своей мозолистой рукой». И зачем бы это могло понадобиться?» БНС ответил так: «Это совершенно справедливое замечание. Думаю, у АБС неосознанно смешались все эти тексты и добавился еще «Интернационал» («...добьемся мы освобожденья...» почему-то хотелось петь «своей мозолистой рукой» вместо «своею собственной рукой»)».

Слухи «о пленении одной студентки снежным человеком с Эльбруса» были чуть другими: «...о пленении советской студентки орангутанами в Конго».

Об отделе Линейного Счастья: «Здесь делали все возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранейронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов в век ядерных взрывов и свирепых экстремистских схваток».

Вольноотпущенный или реабилитированный вурдалак Альфред — второе определение, бывшее в рукописи, появилось в публикациях, начиная с 89 года.

По стенам клетки Кощея Бессмертного «были развешаны портреты Чингисхана, Гиммлера, Екатерины Медичи, одного из Борджиа и то ли Голдуотера, то ли Маккарти». В рукописи вместо Гиммлера Гитлер, а вместо Маккарти Берч.

Старик Питирим Шварц ушел из отдела Оборонной Магии после того как узнал: в публикациях — «о водородной бомбе и бактериологической войне», в рукописи — «о бомбардировке Хиросимы и об осуждении Исии Сиро».

Об отделе Предсказаний и Пророчеств. В рукописи вместо «Иногда группе пифий удавалось что-нибудь правильно предсказать» говорилось яснее: «Время от времени отделу удавалось предсказать очередной переворот в странах Латинской Америки или неудачный запуск ракеты «Атлас» с мыса Кеннеди».

Стены в лаборатории Выбегалло, как известно, были украшены портретами Эскулапа, Парацельса и самого Выбегаллы. Пер-

Поначально говорилось, что Выбегалло на портрете был изображен во френче, а «на четвертой стене некогда тоже висел какой-то портрет, но теперь от него остался только темный квадрат и три ржавых погнутых гвоздя».

Среди тостов сотрудников НИИЧАВО в новогоднюю ночь были и такие: «Ну, ребята, за превосходство нашей науки!», «Доброй работы!».

Об обволошении ушей. К опубликованной фразе «Там, снаружи, он еще может остаться по крайней мере добропорядочным мещанином, честно, но вяло отрабатывающим свою зарплату» в рукописи было дополнение: «...свою зарплату читателем «Огонька» и журнала «Здоровье». Там жизнь не предъявит к нему особых претензий, если он не будет нарушать закон и правила общежития». Там же, кроме ушей, обросших шерстью, признаком омещанивания были искривленные нижние конечности и позвоночник: «Они носят корсеты из драконьего уса, скрывающие искривление позвоночника[1], они закутываются в гигантские средневековые мантии и боярские шубы, провозглашая верность национальной старине. Они во всеуслышание жалуются на застарелые ревматизмы и зимой и летом носят высокие валенки, подбитые кожей. Они неразборчивы в средствах и терпеливы, как пауки». Светлое будущее на своем дачном участке они отгораживают не просто колючей проволокой, а колючей проволокой под напряжением. В рукописи о Выбегалле сказано: «...сам Выбегалло всегда носил валенки». В издании это убрано, но валенки Выбегаллы остались.

По поводу воздействия Камноедова на кадавра Привалов думает: «...я с надеждой вспоминал защищенную в прошлом месяце магистерскую диссертацию «О соотношении законов природы и законов администрации», где, в частности, доказывалось, что сплошь и рядом административные законы в силу своей специфической непреклонности оказываются действеннее природных и магических закономерностей».

Еще одна интересная особенность в рукописи. Выбегалло говорит не об идеальном человеке, а о человеке будущего, имея в

[1] Возможно, искривление позвоночника у «нехороших людей» появилось здесь под влиянием романа М. Шагинян «Месс-Менд». — *В. Д.*

виду, конечно, третье условие построения коммунизма: воспитание нового человека. Будущее и новый человек, Человек Будущего, как он называет в своих речах третью модель, постоянно присутствуют в высказываниях Выбегаллы. Не Идеальный Человек, а Человек Будущего, не «наш идеал», а «наше будущее». Из отповеди Выбегаллы: «Вот я, Роман Петрович, давно на вас смотрю и не могу понять, как вы, член партии, можете употреблять такие выражения к человеку будущего. Человек будущего ему, видите ли, опасен!» И далее — уже на полигоне: «Мы будем иметь здесь наш образец, наш символ, нашу крылатую мечту! И мы, товарищи, должны встретить этого гиганта потребностей и способностей соответствующим образом, без дискуссий, мелких дрязг и других выпадов. Чтобы наш дорогой гигант увидел нас, какие мы есть на самом деле в едином строю и сплоченными рядами. Спрячем же, товарищи, наши родимые пятна, у кого они еще пока есть, и протянем руку своей мечте!»

Восклицание Выбегаллы в первоначальном варианте было не «Мои труды читать надо!», а «Классиков читать надо!». Из речи Выбегаллы: «Главное, чтобы человек был счастлив! К этому мы все стремимся, за это мы все, значить, сражаемся. <...> счастливыми не рождаются, а счастливыми, эта, становятся. Благодаря заботам и правильному к тебе отношению. <...> Не будем отвлекаться от главного — от практики. Оставим теорию лицам, в ней недостаточно подкованным. <...> Вы что же хотите сказать, товарищ Ойра-Ойра? Что в светлом будущем, к которому мы все идем, может наступить момент, кризис, регресс, когда нашим потребителям станет не хватать продуктов потребления?» И далее, во время совещания у директора, Выбегалло дает отповедь Киврину: «Хотите отгородить нашу науку от народа. Тогда уж, может быть, не на десять километров, а прямо на десять тысяч километров, по ту сторону Ледовитого океана, Федор Симеонович? Где-нибудь на Аляске, Кристобаль Хозевич, а мы запишем!», а затем и Хунте: «Это вам не Эскуриал. Критики не любите. Лет двадцать назад я бы с вами тоже не особенно церемонился».

Знаменитая фраза Киврина после завершения эксперимента с моделью была немного другой: «Вы, м-милейший, использовали с-свой талант не по назначению. В-вам бы надо было ус-силить отдел Об-боронной М-магии. У вас и х-характер соответству-

ющий, з-знаете ли... В-ваших л-людей будущего н-на неприятельские б-базы сбрасывать только...»

Из рассказа человека за Железной Стеной: «Есть еще области, порабощенные разумными паразитами, разумными растениями и разумными минералами, а также коммунистами». Естественно, окончание фразы было исключено из изданий и восстановлено только в 1992 году («Terra Fantastica»).

Известное стихотворение «Вот по дороге едет ЗИМ, и им я буду задавим...» Об этом БНС в «Комментариях» пишет: «Так, цензор категорически потребовал выбросить из текста какое-либо упоминание о ЗИМе. Дело в том, что в те времена Молотов был заклеймен, осужден, исключен из партии, и автомобильный завод его имени был срочно переименован в ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), точно так же как ЗИС (завод имени Сталина) назывался к тому времени уже ЗИЛ (завод имени Лихачева). Горько усмехаясь, авторы ядовито предложили, чтобы стишок звучал так: «Вот по дороге едет ЗИЛ, и им я буду задавим». И что же? К их огромному изумлению Главлит охотно на этот собачий бред согласился. И в таком вот малопристойном виде этот стишок издавался и переиздавался неоднократно».

Привалов о Хунте: «Глядя мне в ноги, голосом сухим и неприятным он осведомился, с каких это пор я перестал разбирать его почерк. Это чрезвычайно напоминает ему саботаж, сообщил он, в Мадриде в 1936 году за такие действия он приказывал ставить к стенке». Когда они начали разбирать новую задачу, Хунта в рукописи «сказал, что в бытность свою великим инквизитором он по первому же удобному доносу без всякой жалости сжег начальника своей канцелярии, который взял писцом одного юнца, как две капли воды похожего на меня».

ПРОСТО СМЕШНЫЕ, А ТАКЖЕ ФИЛОСОФСКИЕ ОПЕЧАТКИ

В середине восьмидесятых из характеристики Романа исчезло определение «горбоносый» на первой странице повести («Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь...»). Так как имя этого персонажа узнается

только десять с лишним страниц спустя, а упоминается Роман на первых страницах постоянно, то появление в машине какого-то «горбоносого» становится странным.

С 79-го года по 91-й просуществовала опечатка во фразе: «Мы шли в мир разума и братства, он же с каждым днем уходил навстречу Николаю Кровавому, крепостному праву, расстрелу на Сенатской площади...» Вместо СЕНАТСКОЙ площади долго упоминалась СЕННАЯ.

В издании «Интероко» (1993) ночное беззвездное небо было исправлено на «звездное» (хотя ясно указано, что «наступила белая ночь» — ибо север и лето).

В «Фантастике-64» зеркало говорило: «Сие есть «Дух или Нравственныя Мысли Славнаго Юнга, извлеченныя из нощных его размышлений». Продается в Санкт-Петербурге и в Риме в книжных лавках Свешникова по два рубля в папке», хотя должно было быть не РИМЕ, а РИГЕ.

Фраза из «Упанишад» («Все — единое Я, это Я — мировое Я. Единение с неведением, происходящее от затмения света Я, исчезает с развитием духовности»), вероятно, была столь сложна для понимания, что запятую после последнего «Я» в ней все время норовили перенести перед «Я», хотя тогда понять эту фразу было вообще невозможно. Разберемся. Если (по значению первой фразы) заменить во второй «Я» на «Всемирное Знание», а «единение с неведением» — на «незнание», то получается очень просто: незнание, происходящее от затмения света Всемирного знания, исчезает с развитием духовности; то есть, говоря еще проще, развивайте в себе духовность (то бишь овладевайте знанием) и все будете понимать...

Долгие арифметические действия и доказательства «людено-в» позволили привести подсчеты Привалова к правильному результату. Во всех изданиях до 92 года Привалов говорит о списке сотрудников, допущенных к работе в ночное время: «Вот тут наличествуют товарищи в количестве... м-м-м... двадцати одного экземпляра, лично мне неизвестные». Камноедов поясняет: «Лица, поименованные с номера четвертого по номер двадцать пятый и последний включительно, занесены в списки лиц, допущенных к ночным работам посмертно». Простой подсчет (с 4-го по 25-й — это не 21, а 22) — и далее публиковалось верно («двад-

цати двух экземпляров»). Интересно, что в рукописи первоначально было напечатано «двадцати двух экземпляров», а затем перечеркнуто и поверху написано «двадцати одного экземпляра»[1].

Привалов возмущался, что авторы не знают астрономии («Сатурн в описываемый момент никак не мог находиться в созвездии Весов»), а вот как они разбирались в астрологии (вообще в то время запрещенной), если в черновике год был не «на переломе», а «Овцы и Тигра»?[2]

С издания 1989 года (двухтомник) в переизданиях появился забавный пропуск. В отделе Оборонной Магии Привалов оглядывает «пустую захламленную комнату с обломками ДИКОВИННЫХ МОДЕЛЕЙ И ОБРЫВКАМИ БЕЗГРАМОТНЫХ чертежей». Выделенные слова в издании исчезли и появились странные «обломки чертежей».

Кстати, об опечатках и просто грамматической правке. Здесь тоже надо придерживаться каких-то границ и не заходить слишком далеко в стремлении «всё делать строго по правилам». К примеру, фамилия «Выбегалло» в норме склоняться не должна, но Авторы ее склоняют. В тексте повести есть лишь одно место с «правильной» формой:

В «Родильном Доме» мы протолкались через толпу любознательных и увидели за лабораторным столом совершенно голого профессора Выбегалло.

В курсовой работе А. Ю. Рыбаковой «Система именований героев повести А. и Б. Стругацких “Понедельник начинается в субботу”» (Самарский государственный университет) сделан по этому поводу следующий вывод:

---

[1] Еще более интересно, что этот ляп при первом же прочтении обнаруживали все известные мне лица от 12 лет и старше. (Ну, «людены», ну, молодцы!) А может, это была умышленная ошибка, о чем БН вполне мог забыть через тридцать лет? Сделали так, что Привалов обсчитался от показного усердия, потому и правка в рукописи? — *В. Д.*

[2] Год Овцы и Тигра (вместе) — это, конечно, здорово. Но вот при чем тут астрология? Классическая зодиакальная астрология никакого отношения к восточному лунно-солнечному календарю не имеет.— *В. Д.*

Как известно по признаку неодушевленности Им. п. = Вин. п. И как видно из примера, в ряде случаев (хотя и не всегда) он склоняется как предмет неодушевленный. Да и вообще склонение несклоняемой фамилии наводит на мысль о несерьезном отношении к ее носителю[1]. Что касается имени, то чисто с фонетической точки зрения оно очень трудно произносимое, более того, крайне неблагозвучное и уже этим может вызвать у читателя неприятные эмоции.

С последним вряд ли можно согласиться: имя Выбегаллы (Амвросий Амбруазович) скорее вычурное, чем неблагозвучное. Конъюнктурщики, пришедшие при Сталине в науку по трупам настоящих ученых, очень любили пышные имена-отчества. Часто они и впрямь носили такие имена (как нарек священник по святцам), а в прочих случаях применяли разные диковинные формы, например, «Дионисий» вместо «Денис». Так что даже в имени содержится намек Авторов на место Выбегаллы в науке.

О ПРИМЕЧАНИЯХ И ПОСЛЕСЛОВИИ

Ойра-Ойра в ответ на появление Мерлина произносит фразу: «Canst thou not come in by usual way as decent people do?..». В сноске после перевода указан язык — староанглийский. В части изданий русский перевод соотносился именно со СТАРОанглийским: «Ужель обычный путь тебе заказан, путь достойного человека?..», в других перевод осовремененный и неточный:

---

[1] Подобные фамилии в русском языке склоняются! В сниженной, устной речи: «У Махны до самых плеч волосня густая». Именно в таком контексте везде даны косвенные падежные формы фамилии «Выбегалло» в повести — во внутренней речи Привалова или в диалогах персонажей. Причем речь, скажем, Хунты или Киврина умышленно построена так, чтобы фамилия «Выбегалло» присутствовала только в именительном падеже — им такое снижение стиля не к лицу. А молодежи можно поиздеваться над мерзавцем. Что же до неодушевленности, то этот вывод основан на недоразумении. Признак «Им. п. = Вин. п.» в ед. ч. может относиться только ко второму склонению, а фамилия «Выбегалло» склоняется Авторами по первому.— *В. Д.*

«Неужели вы не можете войти обычным образом, как входят достойные люди?»

В послесловии Привалов возмущается, что авторы называют математиков-программистов девочками. В рукописи: «...позвонил к себе в машинный зал. Никто не отозвался, очевидно, все ребята уже разошлись».

Четвертый пункт послесловия (об иллюстрациях) был исключен в издании «Библиотеки современной фантастики» по причине отсутствия там иллюстраций. Но и в последующих изданиях, при публикации которых пользовались текстом БСФ, этого пункта тоже нет (хотя некоторые издания были проиллюстрированы).

И еще об одном дополнении. В свое время (1991 год) в «Понедельнике» прозвучал вопрос Инны Кублицкой: «Я нашла в ПНвС ошибку в том месте, когда подчиненные Януса Полуэктовича обнаруживают, что он контрамот. Речь идет об эпизоде, когда У-Янус встречает знакомого, и тот ему сообщает, что видел накануне в газете его некролог. Но такого произойти не могло. Должна была повториться история с попугаем, с той разницей, что дохлый и оживший попугай — это интересно, а умерший и воскресший человек — это жутко. И надо еще вспомнить, что вряд ли найдется смельчак, который решится похоронить У-Януса». После обсуждения в «Понедельнике» этого вопроса «люденами» высказался и БНС: «Замечание Инны Кублицкой совершенно справедливо. Мы (и некоторые читатели) уже давно — с середины 60-х — чувствовали, что здесь что-то не так, но ясная формулировка главной сути ляпа никак не вытанцовывалась. Только совсем недавно удалось эту формулировку получить: «С точки зрения нормального наблюдателя А-Янус не существует во всех тех моментах времени, что ПРЕДШЕСТВУЮТ его смерти. Поэтому никакая ПУБЛИКАЦИЯ В ГАЗЕТЕ о его смерти НЕВОЗМОЖНА: газеты не публикуют сообщений о смерти людей, которых никто никогда не знал и знать не мог»[1]. Я взял этот ляп на заметку. В дальнейших изда-

[1] Но ведь в повести и не утверждается, что в какой-либо газете была публикация о смерти Януса! Там этот пассаж вставлен в меланхолическое рассуждение о его печальной судьбе. Такие рассуждения вовсе не обязаны быть логически корректными, особенно после тяжелой умственной работы. Вообще, У-Янус, может быть, идет навстречу опричнине, какие уж тогда газеты! — *В. Д.*

ниях надобно будет внести коррективы в текст». Как следствие этого всего, начиная с 1992 года, в комментариях Привалова (пункт первый) появляется вставка: «Я, конечно, не считаю последней главы третьей части, где авторы хотя и попытались показать работу мысли, но сделали это на неблагодарном материале довольно элементарной дилетантской логической задачки (ПРИ ИЗЛОЖЕНИИ КОТОРОЙ УХИТРИЛИСЬ ДОПУСТИТЬ ВДОБАВОК ДОСТАТОЧНО ПРИМИТИВНЫЙ ЛОГИЧЕСКИЙ ЛЯП, ПРИЧЕМ НЕ ПОСТЕСНЯЛИСЬ ПРИПИСАТЬ ЭТОТ ЛЯП СВОИМ ГЕРОЯМ. ЧТО ХАРАКТЕРНО). Кстати, я излагал авторам свою точку зрения по этому поводу, но они только пожали плечами и несколько обиженно объявили, что я отношусь к очеркам слишком серьезно».

СЦЕНАРИИ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ» И «ЧАРОДЕИ»

Первый вариант сценария по ПНВС публиковался вначале в «Уральском следопыте» в 1990 году, а затем во всех собраниях сочинений АБС. Отличия его от повести не столь велики, хотя в сценарии и появились новые эпизоды со старыми героями либо новые интерпретации старых эпизодов — как дань кинематографическому искусству, отличному от литературы, о чем неоднократно Авторы говорили в своих интервью.

Телефильм же «Чародеи» режиссера Константина Бромберга, практически каждый год показываемый разными телеканалами до сих пор и обычно приурочиваемый к новогодним праздникам, кардинально отличается как от повести, так и от сценария ПНВС. Собственно, в телефильме и остались-то от повести разве что некоторые имена-фамилии да общая идея — институт, в котором работают волшебники, ведьмы, маги... Но даже он изменил свое название и общую цель работы: не изучение чародейства и волшебства, а использование их в практических целях — для нужд народа, то есть стал не чисто научным, а, скорее, прикладным.

Этот телефильм среди любителей творчества АБС принято ругать: мол, не смогли наши телекинематографисты просто экра-

низировать такую веселую книгу, придерживаясь близко к тексту, а опять наворотили чего-то, совершенно не свойственного духу творчества любимых авторов: любовная история в центре, попсовые песенки... да и острая сатиричность некоторых героев превратилась в штамп.

Если же внимательно приглядеться к эпизодам фильма, то можно заметить, что там есть всё: и юмористические эпизодики в стиле ранних АБС, и сатирические кусочки... Просто это скрыто основной, отчасти чуждой творчеству АБС, линией повествования... Мюзикл, одним словом. Оперетка. А ведь сценарий не только ПНВС, но и «Чародеев» писали именно АБС. И в титрах идет: «Авторы сценария — Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий». То есть нельзя, как это часто бывает, ругать киношников за очередную испорченную ими экранизацию.

Рассматривая все сценарное творчество АБС (как окончательные версии, так и многие варианты сценариев), можно заметить, что сами Авторы, переделывая свои повести в сценарии, старались как-то изменить повествование, включая новых героев или давая старым героям другие биографии, изменяя или полностью убирая и заменяя одни эпизоды другими... Вероятно, им было скучно писать об одном и том же второй раз; полет фантазии заводил их куда-то в сторону от основного сюжета или привычных действующих лиц. А при написании этого сценария наверняка было высказано Авторам и пожелание-требование — написать веселую музыкальную комедию.

Немудреные эстрадные песенки из телефильма «Чародеи» вскоре после показа его на телеэкране, как это принято, сначала завоевали популярность у зрителя, затем — у исполнителей и, как это всегда бывает, надоели от чересчур частых повторов. Потом время их популярности прошло, и теперь они воспринимаются даже отчасти с каким-то ностальгическим чувством — по тем временам, по тому миру и образу жизни.

На самом деле первоначально на Одесской киностудии планировался не мюзикл, а телефильм в стиле культовых телефильмов Эльдара Рязанова — с особым музыкальным сопровождением: песни под гитару. И АБС при написании сценария руководствовались именно этим, и нашелся замечательный бард Юлий

Ким, написавший эти песни... Но отчего-то не пошло[1]. Хотя в сборнике авторских песен Юлия Кима «Летучий ковер» (М.: Киноцентр, 1990) можно увидеть тексты этих песен в разделе «Сказка братьев Стругацких», озаглавленные: «Гимн науке», «Отворились ворота», «Вот и ночь», «Тройка мчится», «Ночь накануне признания», «Так держать, капитан». Можно даже примерно определить, где по фильму должны были звучать эти песни и представить себе фильм с таким музыкальным сопровождением. Кто знает, был бы такой фильм менее или более популярным у зрителя?

То, что это были именно песни под гитару, видно и из ремарок Авторов в окончательном режиссерском сценарии «Чародеев», вышедшем в типографии Одесской киностудии в 1982 году тиражом 150 экземпляров. На обложке его под названием «Чародеи» значится «двухсерийный телевизионный фильм», а в библиографической справке обозначено более подробно: «Чародеи (режиссерский сценарий двухсерийного музыкального фантастического комедийного фильма). Режиссерская разработка К. Бромберга». И авторами данного сценария указаны именно: Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. В рабочем сценарии, как это положено, показана раскадровка (крупный план, средний план и т. п.) и перечислены роли:

Главные роли

1. Алена Игоревна Санина.
2. Аполлон Митрофанович Сатанеев.
3. Кира Анатольевна Шемаханская.
4. Иван Сергеевич Пухов.
5. Иван Степанович Киврин.
6. Виктор Петрович Ковров.
7. Фома Остапович Брыль.
8. Юлий Цезаревич Камноедов.

---

[1] Как это «отчего-то»? Ким был практически запрещен после «оттепели» и до самой перестройки. Его, по сути, сослали в деревню (точнее, позволили там жить, не стали травить по полной программе) и разрешали только иногда писать что-то к фильмам под псевдонимом Юрий Михайлов. Значит, у Одесской студии не хватило авторитета или желания, чтобы продавить.— *В. Д.*

9. Представитель Кавказа.
10. Девочка Нина.

Вторые роли
1. Верочка.
2. Катенька.
3. Антон.
4. Павел.
5. Борис.
6. Аматин.
7. Секретарша Ольга.

Эпизоды
1. Работники лаборатории — 6 чел.
2. Молоденькая телефонистка — 2 чел.
3. Ученый совет — 9 чел.
4. Кассирша.
5. Начальник поезда.
6. Проводница — 2 чел.
7. Почтальон.
8. Самодеятельный ансамбль — 12 чел.
9. Таксист.
10. Дед Мороз.
11. Комиссия из Москвы — 10 чел.
12. Человек из очереди.
13. Кучер на тройке.
14. Водитель машины.
15. Охранники — 2 чел.
16. Каскадеры — 2 чел.
17. Ансамбль на балу — 12 чел.
18. Ансамбль в вестибюле — 7 чел.

Основной текст, конечно же, тоже представлен. И, что интересно, помимо многочисленных замечаний, как именно Авторами виделся в воображении этот фильм, и диалогов-описаний, в тексте есть немало стилистических особенностей, присущих АБС, которые могут быть только прочитаны, но, увы, не воспроизводимы в показе. То есть текст «Чародеев», представленный ниже,

может послужить литературоведу материалом для исследования стилистических особенностей творчества АБС так же, как и их прозаические произведения.

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

ЧАРОДЕИ

Двухсерийный телевизионный фильм

Памятник великому Гоголю на заснеженном московском бульваре.

На фоне памятника появляется титр — эпиграф картины:

> «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты, признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю».
>
> *Н. В. Гоголь*

Надпись исчезла, камера двинулась,— перед нами заснеженная новогодняя Москва. Прохожие, прикрываясь от ветра, спешат мимо украшенных к Новому году витрин, мимо большой новогодней елки на площади.

Не минует ветер и маленький переулочек, зажатый между рядами старых московских домов, гонит по нему снежные струи, наметает сугробы вокруг замерзших легковушек.

В глубине переулка — скромная вывеска у аккуратной проходной: «Московская экспериментальная фабрика музыкальных инструментов».

К кабинету, рядом с дверью которого имеется табличка с фамилией: «П. П. Аматин», подходит современный молодой человек, ничем особым не выделяющийся — чуть выше среднего роста, блондин, вид собранный, уверенный, но без развязности и нахальства. Отворяет дверь, входит.

Хозяин кабинета сидит спиной к двери, перед включенным телевизором, закрыв глаза.

— Кто? — спрашивает он, не поворачиваясь.

— Я,— говорит молодой человек.

— Раз ты, садись и слушай, как на твоих инструментах играют. Для дела полезно и для души хорошо.

— Времени нет всех слушать.

— Потому и нет, что слушаешь всех. А надо — некоторых.

Аматин открыл глаза, повернулся и весело посмотрел на собеседника.

— В общем, ничего! Звучит наша продукция! Что у тебя?

— С наступающим вас,— слегка поклонился молодой человек.— Вот, зашел попрощаться.

— А я вовсе не хочу с тобой прощаться. Да еще в начале рабочего дня.

— Я ж вам говорил... и заявление подал,— забеспокоился молодой человек.— Невеста ко мне приезжает из Китежграда.

Лицо Аматина озарилось радостью понимания. Рот растянулся в веселой ухмылке.

— Постой, постой, ты, выходит, женишься?

— Выходит...

— И хороша невеста?

— Не то слово, Петр Петрович! — Молодой человек мечтательно вздохнул.

— А кто ж она будет?

— Чародейка... Можно сказать, ведьма.

— Как — ведьма? — опешил Аматин.

— Обыкновенно.

— Постой, постой.— Петр Петрович в полном недоумении уставился на просителя.— Если хороша, зачем же ей ведьмой быть?

— Она особая ведьма, по должности,— снисходительно ответил молодой человек.

— Это как же понимать? Чем она занимается?

— Если в общем,— молодой человек сделал неопределенно-округлое движение рукой,— волшебство в сфере услуг.

— Так, понятно,— сказал ничего не понявший Петр Петрович.— Сфера услуг без волшебства, конечно, не сфера, а так... атмосфера. Только сам-то ты как?

— Что? — не понял молодой человек.

— Не боишься? Жена — ведьма! Это, знаешь ли... Всего тебя насквозь видит, все-то ей о тебе известно...

— Мне скрывать нечего! — улыбнулся молодой человек.

— Да... Сейчас оно, конечно,— неопределенно высказался Аматин.— Что ж... Поздравляю!

И, протянув заявление, добавил:

— Смелый ты человек!

Молодой заторопился к выходу. Оставшись один, Аматин покачал головой.

— Да... Чего только не выдумают! Чародеи...

Трахнуло, звякнуло, свистнуло, вспыхнуло. Рассыпалось яркими звездами изображение, и на экране оказалась труба. Вступила музыка. На трубе появились две большие буквы: «А» и «Б». Потом возникла фамилия: «СТРУГАЦКИЕ». Потом, как уточнение,— «авторы сценария». И наконец, сметая все на своем пути, открылось, заполнив кадр, название картины:

ЧАРОДЕИ

Зазвучала веселая песенка о современных чародеях, которые стремятся все объяснить и понять, вычислить и уложить в формулы, даже графики, но графики эти всегда ломаются, формулы остаются недоказанными, когда дело касается... любви.

Под эту песенку на игровом фоне проходят титры картины. Это не только представление персонажей и исполнителей, но и уточнение их взаимоотношений.

Просторная комната с деревянными стенами, вся заставленная и увешанная часами различных конструкций. Высокий, сухощавый человек лет сорока — сорока пяти, погладив большого черного кота, свернувшегося в кресле, выходит на крыльцо старого деревянного дома, захлопывает дверь.

На двери — табличка: «Иван Степанович Киврин».

Другая дверь. Табличка: «Директор института Кира Анатольевна Шемаханская». Дверь распахивается, пропуская уже знакомого нам Киврина.

Решительно подойдя к столу директрисы, говорящей сразу по двум телефонам, Киврин кладет перед ней лист бумаги. На нем написано: «Заявление. Седьмой раз убедительно прошу Вас выйти за меня замуж!»

Мельком взглянув на бумажку и улыбнувшись, Шемаханская берет ручку и, не прерывая разговора, пишет на заявлении: «Седьмой раз согласна. Как только будет время».

Из двери с табличкой «Заместитель директора по общим вопросам Аполлон Митрофанович Сатанеев» степенно появляется лысый мужчина в отлично сшитом костюме и, пряча что-то за спиной, приближается к двери, на которой значится: «Заведующая лабораторией абсолютных неожиданностей Алена Игоревна Санина». Дверь распахивается. Молодая девушка мило улыбнулась Сатанееву, ловко обогнула его и побежала по коридору.

Сатанеев растерянно посмотрел ей вслед, повернулся, и видно, что за спиной он прячет букетик цветов.

Алена тем временем оказалась у телефона, прижала трубку к уху и улыбнулась радостно.

В стеклянной телефонной будке, на двери которой выведено «Начальник цеха музыкальных инструментов Иван Сергеевич Пухов», услышав голос Алены, также расплылся от счастья уже знакомый по прологу молодой человек.

Из глубины большого цеха, в углу которого находилась вышеупомянутая стеклянная будка, с разных сторон к Пухову приблизились трое парней и прилепили к стеклу три листка, исписанных нотами. Листки подписаны: «Антон», «Павел», «Борис». Неожиданно из-за спин молодых людей выглянула шустрая конопатая девчонка лет десяти, прижалась носом к стеклу кабины, дыхнула и вывела пальцем на запотевшем стекле: «...и Нина».

Чуть-чуть приоткрылась дверь с надписью: «Начальник АХО-ХО Юлий Цезаревич Камноедов». Оттуда выглянуло поллица Камноедова и зоркий глаз проводил бегущую по коридору Алену. Алена заглянула в дверь, на которой значилось: «Мас-

терская волшебной древесины. Заведующий Виктор Петрович Ковров, техник-исполнитель Фома Остапович Брыль». Сквозь приоткрытую дверь видно, как зав и техник, кряхтя, водружают на козлы огромный ствол древнего дуба.

Алена вбежала в свою лабораторию. Навстречу ей подняли головы две девушки, на столах у которых стояли скромные таблички: «Верочка» и «Катенька». Алена подсела к ним, обняла, и трое девушек принялись шептаться, как самые закадычные подружки.

Тем временем прошел список актеров, занятых в эпизодах. Закончилась песенка, прошли титры.

Раннее утро. Старинный русский северный город, белый от наметенного ночью снега. Любовно реставрированные древние здания по-доброму соседствуют на улицах с домами современной постройки, не нарушая веками сложившегося ансамбля. Только вдали видно торчащее над городом, как восклицательный знак, сооружение сверхмодерной архитектуры, увенчанное двускатной крышей.

Панорама по дому сверхсовременной архитектуры. У строго официальных стеклянных дверей — большая табличка с буквами: «НУИНУ». Ниже и мельче — «Научный универсальный институт необыкновенных услуг. Межотраслевой, вневедомственный, спецэкспериментальный».

К стеклянному входу, оглядываясь и вздрагивая от холода, подходит человек южной наружности, с усиками, одетый явно не по сезону — в коротком пальто, с шарфом, небрежно обмотанным вокруг шеи, в большой плоской кепке (такие головные уборы называют «аэродромчик»). В руке человека — объемистый портфель. Он трогает запертую дверь, заглядывает через стекло внутрь здания.

В пустом вестибюле стоят, оглядывая украшенные к Новому году стены, Сатанеев и Камноедов. Придирчивый взгляд зама по общим вопросам останавливается на большой, составленной из цветных букв надписи: «С Новым годом? НУИНУ!»

— Кто поставил этот вопрос? — Указующий перст начальника упирается в вопросительный знак посредине надписи.

— Он вместе с буквами в кладовке лежал,— оправдывается Камноедов, прижимая к груди блокнот и карандаш.

— Вопрос снять,— категорически приказывает Сатанеев.— Вопросы надо ставить уместно и своевременно. Этот — от той стены.

Сатанеев по-военному поворачивается кругом. Вместе с ним такой же маневр совершает Камноедов. На противоположной стене перед ними открывается лозунг: «Что ты сделал в текущем квартале» — без знаков препинания.

На больших электронных часах вспыхнула цифра «8». В пустом вестибюле послышался нарастающий шум голосов, вступила бодрая утренняя музыка, и вдруг из ничего появились спешащие, переговаривающиеся на ходу люди. Их становится все больше, у вешалки образовывается очередь.

Сквозь толпу в окружении небольшой свиты проходит директор Института Кира Анатольевна Шемаханская, раскланиваясь направо и налево, одновременно продолжая давать указания своим ближним.

— Испытания назначаю на десять...

Сатанеев и Камноедов резво присоединяются к свите. Камноедов на ходу строчит в блокноте.

— Здравствуйте...— кивает Кира Анатольевна.— Еще раз прошу обратить внимание на форму... волшебной палочки. Пусть выражает содержание, но так, знаете ли, без нажима, сдержанно.

— Как говорится, просто и с нужным вкусом! — подсказывает Сатанеев.— Проследим!

Кира Анатольевна с сомнением покосилась на Сатанеева и обратилась к Киврину:

— Иван Степанович, вы тоже, как заместитель по науке, помогите, пожалуйста, Саниной.

Киврин кивнул и, воспользовавшись тем, что свита отстала, обратился к Шемаханской:

— Кира, я должен с тобой поговорить!

Она встревоженно глянула на него.

— Прямо здесь? Зайдем в кабинет.

— Там телефоны, я видеть их не могу! — воскликнул Киврин.

— Иван, люди смотрят,— вздохнула Шемаханская.

— Вот и хорошо! Пусть видят! Может быть, это заставит тебя наконец...

— Чего ты хочешь?

— Определенности! Поданных заявлений, назначенных дат, обручальных колец — всего, что есть у других людей!

— Ты же знаешь,— мягко упрекнула Кира.— Сегодня такой ответственный день...

— У тебя все дни ответственные,— возразил Киврин.— Ты на ответственном посту.

— Хорошо. Как только пройдут испытания...

— Значит — завтра! — твердо сказал Киврин.

— Завтра,— кивнула она, поглядывая вокруг.

— Обещаешь?

— Если все пройдет хорошо.

Через опустевший вестибюль к двери бежит Алена в накинутой на плечи шубке.

— Алена Игоревна! Куда же вы...

Пристроившись, Сатанеев засеменил рядом.

— ...позвольте заранее поздравить...

Алена обернулась, насторожившись.

— ...испытания пройдут успешно, я уверен...

— Да, надеюсь,— вежливо кивнула Алена.

— Разрешите пригласить по случаю...— чуть не хватая ее за полы шубки, заторопился Сатанеев.— Вместе отобедать... Так сказать, товарищеское застолье... вдвоем с шампанским.

— Я сегодня не обедаю.— Алена распахнула дверь.

Сатанеев остановился в недоумении.

— П-почему?

— Диета,— выбегая на улицу, пояснила Алена.

Сатанеев восхищенно и растерянно смотрит сквозь стекло, как она бежит по улице.

— Какая женщина! Какая женщина! — шепчет он.

— Красавица! Мечта! Ай-яй-яй! — раздается рядом голос с кавказским акцентом.— Такую надо очень беречь!

Сатанеев изумленно оборачивается. Рядом с ним стоит и щелкает языком, восхищенно закатив глаза, мужчина в кепке «Геродромчике».

— Примите... к обеду, для девушки,— говорит он и протягивает оторопевшему Сатанееву пышную гроздь винограда в пластиковом мешке.

— Что? — Сатанеев изумленно смотрит на него, но виноград все-таки берет.— А вы, собственно, кто?

— Гость! — торжественно представляется незнакомец.— Представитель солнечного Кавказа. Вы не подумайте — у меня наряд!

— Да,— критически оглядывая элегантное, но тонкое пальтишко гостя, говорит подоспевший Камноедов.— Наряд неподходящий...

— Как? Почему? — Гость распахивает объемистый портфель и принимается в нем копаться, бормоча при этом: — Почему неподходящий? Пять печатей! Целых пять!

И он торжественно предъявляет усеянную штампами бумагу.

— Смотри — на получение одной волшебной палочки. Понимаешь, всего одной — на весь Кавказ!

— Поторопились, товарищ,— сухо говорит Сатанеев.— В. П. еще нет.

И направляется прочь из вестибюля, прижимая к груди виноград.

— Как нет? — Представитель Кавказа бросается за ним.

— Волшебная палочка еще не готова,— преграждает ему дорогу бдительный Камноедов.— Ей только форму придают. Видишь?

Над дверью, ведущей из вестибюля вглубь здания, вспыхивает предупредительная надпись: «Не входить! Идет творческий поиск!»

В мастерской волшебной древесины сердитый Ковров роется в стружках. На козлах лежит ствол большого дуба. Рядом стоит понурый Брыль.

— Где чертеж? Где хотя бы рисунок?! — кричит Ковров, поднимая тучи стружек.

— Да не оставляла Алена ничего,— ноюще оправдывается Брыль.— Торопилась очень. Пальчиком в воздухе огненный знак начертила — и все!

— Не мог сохранить! — бросает через плечо Ковров.

— Так я ж не магистр,— продолжает ныть Брыль.— Я этого не умею...

Ковров решительно подходит к дубу.

— Ладно. Будем делать сами. Изобретем что-нибудь.

— Ой, Витенька, не надо! — хватая его за руки, молит Брыль.— Не дразни начальство! Лучше я Алену поищу...

Ковров яростно чешет в затылке и, отстранив с дороги Брыля, направляется к двери, роняя на ходу:

— Сиди здесь, искатель...

Резко открыв дверь с надписью «Лаборатория абсолютных неожиданностей», Ковров оказался в комнате, уставленной причудливыми приборами.

— Где начальница? — громко спросил он с порога.

Ему навстречу метнулись Катенька и Верочка, опасливо косясь на сотрудников постарше, работавших у стеллажей в глубине помещения.

— Виктор Петрович!

— Она вышла...

— Где ее носит, я спрашиваю? — понизив голос, но так же грозно говорит Ковров.

Катенька даже всплеснула руками от обиды и возмущения:

— Как вы можете так говорить об Алене...

— Игоревне! — прибавила Верочка, укоризненно глядя на Коврова сквозь очки.

— Девочки, позарез нужна, скажите — где? — по-хорошему попросил Виктор.

— Нет,— решительно сказали девочки в один голос.

— У нее, может, судьба решается,— прибавила Катенька, вздохнув.

— А здесь — работа! — рявкнул Ковров.

— Судьба важнее,— тихо сказала Верочка.

Ковров яростно глянул на них и, поняв, что тут ничего не добиться, с шумом выскочил за дверь.

На переговорном пункте городской почты Алена отрешенно улыбалась, прижимала к уху телефонную трубку. Больше никого в этот час на почте не было, и молоденькая телефонистка поглядывала на Алену с любопытством и сочувствием.

— Да, милый мой, хороший, да! — тихо заговорила Алена, наматывая на палец телефонный шнур.— Считаю часы... Ты мне все время снишься, даже наяву, честное слово... Хожу и улыбаюсь, как блаженная... Кому? Тебе улыбаюсь...

Алена закрыла глаза и сказала тихонько:

— Я тебя все время вижу... каждую веснушку. Как пропали?! До весны? Вот видишь, а я их сохранила... на всю зиму...

Телефонистка задумчиво рисует на бланке корявую мужскую физиономию, всю в точечках веснушек.

Взмокший от поисков Ковров бегает по коридорам, заглядывая во все двери подряд.

В мастерскую волшебной древесины заходят Сатанеев и Камноедов.

— Почему сидим, почему не работаем? — строго спрашивает Сатанеев, уставясь на вскочившего Брыля.— Где Санина, где Ковров?

— Жду! — по-солдатски вытянув руки по швам, докладывает Брыль.

Сатанеев подходит к лежащему на козлах дубу. Взгляд его останавливается на глубоко врезанной в кору надписи: «Гена + Люся = любовь».

— Эт-то что такое? — возмущенно спрашивает он.

— Дуб! — рапортует Брыль, не меняя позы.

— Я спрашиваю, кто такие... Люся + Гена? — склонившись к дереву, по слогам читает Сатанеев.

— Не могу знать! — еще больше вытягивается Брыль.— С ними доставлено!

Сатанеев поворачивается к Камноедову.

— Выяснить, кто были эти личности, и строго взыскать за порчу древесных насаждений.

— Как это — взыскать? — растерянно моргает Камноедов.— Дерево невесть когда срублено, может, их в живых-то нет...

— Взыскать посмертно! — категорически заявляет Сатанеев.— Зафиксируйте!

Проследив, как Камноедов припадает к блокноту, Сатанеев обращается к Брылю:

— А вы приступайте! Первым делом уберите это... безобразие. Форму будете создавать под моим личным контролем. Форме сегодня придается большое...

Сатанеев затруднился в поисках подходящего слова и даже щелкнул пальцами от нетерпения.

— Содержание...— расторопно подсказал Камноедов.

— Вот именно,— согласился Аполлон Митрофанович.

— Аленушка! Аленька! Леночек! — говорит в телефонную трубку Иван Пухов, стоя в стеклянной будке в углу большого цеха.— Неужели еще целых пятнадцать часов! Я больше без тебя... Алло, алло! Девушка, что значит — время кончилось? Пожалуйста, продлите, я ж главного не сказал!

Иван в отчаянии выглянул из будки, замахал рукой, призывая к тишине. Шум в цехе стих. Мастера подняли головы. К Ивану подошли три его закадычных друга — Антон, Павел и Борис.

— Что? — спросил Борис.

— Разговор не продлевают! — воскликнул Иван.

Антон взял телефонную трубку из рук Ивана.

— Девушка,— решительно начал он.— Я знаю — вы любите музыку. Сделаем так: мы исполним для вас песню, и, если она вам понравится, вы дадите нашим друзьям дополнительное время.

— А если не понравится? — доносится из трубки сердитый девичий голос.

— Тогда не дадите,— говорит Антон, подмигивая Ивану и показывая жестами, чтобы друзья приготовились.

Борис встал посреди цеха, по-дирижерски взмахнул руками. Рабочие заулыбались, взяли музыкальные инструменты — каждый свой,— окружили телефонную кабину. И зазвучала песенка-серенада для незнакомой девушки, которую еще надо встретить, найти, полюбить. В общем, песенка-надежда для телефонисток.

Тянутся телефонные провода над заснеженными полями — сначала голые и влажные, потом — покрытые инеем и наконец щедро разукрашенные снежными хлопьями.

Слушает песню в переговорной кабине Алена.

Слушает за своей стойкой китежградская телефонистка.

— Алло, Китежград, тебе слышно? — тихо спрашивает девичий голос из Москвы, утративший сердитую официальность.

— Слышно...— улыбаясь, отвечает китежградка.

— Ничего поют, а?

— Классно!

— Продлим?

— Давай продлим!

Улыбаясь, слушает песню Алена.

В цехе играет настоящий оркестр, а четверо друзей перед телефонной трубкой поют, точно перед микрофоном на большой эстраде.

Перед Аленой на столике лежит телефонная трубка. Песня заканчивается.

— Говорите! — кричит Алене телефонистка.

Алена хватает трубку.

— Аленка! Я забыл сказать,— кричит Иван,— нам квартиру дают! Вид — сказочный! Ордер уже выписан, только брачное свидетельство нужно!

— Иванушка, дурачок ты мой милый,— в восторге смеется Алена,— что ж ты сразу не сказал!

Алена хочет продолжить разговор, но вдруг видит бегущего к почте Коврова. Он без пальто и шапки, скользит на выбоинах, нелепо машет руками, чтобы удержать равновесие.

Алена и Ковров бегут по коридору.

— Витенька, не ругай меня,— молит Алена.— Раз в жизни такое случается...

— В. П. тоже раз в жизни создают,— непримиримо бросает Ковров.

Ковров и Алена на цыпочках вошли в просторную светлую комнату, сплошь состоящую из стекла — даже пол был стеклянным и сквозь него проглядывали нижние помещения.

Кира Анатольевна встретила вошедших строгим взглядом.

— Все наконец? — строго спросила она.— Приступим!

Брыль подал директрисе небольшой резной ларец. Кира открыла крышку. Брови ее изумленно вздернулись.

— Что это?

— В. П., простите, волшебная палочка,— осторожно пояснил Брыль.

Кира извлекла из ларца предмет, как две капли воды похожий на обыкновенный большой карандаш. Алена тихо ахнула. Ковров грозно уставился на Брыля. Брыль пожал плечами и показал глазами на Сатанеева. Девять членов ученого совета молча ждали реакции Шемаханской.

— Так,— молвила Кира Анатольевна голосом, не предвещающим ничего хорошего.— И кто же это... сотворил?

Сатанеев сделал шаг назад, на всякий случай выдвинув перед собой Камноедова. Алена умоляюще посмотрела на Киврина. Киврин ободряюще улыбнулся.

— Интересное решение! — громко сказал он.

— Вы думаете? — спросила Кира, оборачиваясь.

— А что? — Киврин обвел взглядом присутствующих, словно приглашая присоединиться к его высказываниям.— Просто, демократично.

Ученый совет пришел в движение, послышались одобрительные реплики:

— Удобно...

— Знакомо...

— Без выкрутасов...

Кира Анатольевна вздохнула, пожала плечами.

— Мне виделось что-то более... изящное, но если нет возражений... форма принимается. Приступим к проверке содержания.

Она обвела взглядом присутствующих.

— Напоминаю: волшебная палочка создана для того, чтобы ею мог воспользоваться любой работник сферы обслуживания, не являющийся чародеем.

— Доверенный работник! — тихо подсказал Сатанеев.

— И проверенный,— вставил Камноедов,— а то непроверенные такого натворят...

— Да-да...— кивнула Кира. Чувствуется, что ей не терпится скорее приступить к делу.— Что ж, друзья! — говорит она, с волнением глядя на волшебный предмет.— Нам остается только что-нибудь пожелать. Ваше слово, Алена Игоревна.

Алена лукаво и нерешительно смотрит на Шемаханскую.

— Что же вы, Аля? — ласково говорит Шемаханская.— Пожелайте что-нибудь самое прекрасное из того, что создано природой и человеком!

— Отпуск! — выпаливает Алена.— Целый месяц, с сегодняшнего дня!

— Сейчас не время шутить! — Шемаханская отворачивается, поджав губы.

— Самое прекрасное — это прекрасные женщины,— льстиво говорит Сатанеев.— Но они у нас уже есть!

Он смотрит на Алену и Киру.

Кира слегка кивает. Алена отворачивается.

— Цветы! — вдруг тихо говорит секретарша Ольга.

— Молодец, Оля! — снисходительно улыбается Шемаханская и обращается к Совету: — Прошу внимания! Сейчас я взмахну рукой,— она демонстрирует изящный жест,— произнесу «букет цветов», и цветы должны появиться на этом столе. Как видите, палочка очень проста в обращении.

Указав на легкий столик, крытый зеленым сукном, на котором начерчен мелом магический круг, Шемаханская торжественно поднимает руку.

— Простите, Кира Анатольевна,— обращается к директрисе высокий мужчина из состава ученого совета,— вам не кажется, что в целях чистоты эксперимента надо бы... передать палочку в руки лица незаинтересованного, не знакомого с волшебством и современной магией?

Кира слушает говорящего с некоторым раздражением, но соглашается:

— Пожалуй... Но где же мы найдем такое... лицо?

— Я такое лицо! — раздается голос с кавказским акцентом.

— Кто это? — удивленно спрашивает Кира Анатольевна у Сатанеева, но тот не успевает ответить.

— Лицо я! Самое подходящее,— торопясь, говорит гость с Кавказа.— Волшебства не знаю! Даже в детстве сказок не чи-

тал! Я деловой человек, у меня наряд! Сейчас все сделаю, смотрите, пожалуйста!

Он ловко выхватывает палочку из рук ничего не понимающей Киры.

— Вот — раз, два, три! Букет цветов!

Повторяя жест Шемаханской, гость с Кавказа легко и плавно взмахивает палочкой. На столике появляются три гвоздики в целлофане с ценником: «Один рубль».

— Ага! Что я говорил! — торжествует представитель с нарядом.— Еще букет цветов? Или «Букет Абхазии»?

Но на него никто уже не обращает внимания. Все повернулись к Кире.

— Свершилось! — тихо говорит она. Раздаются вежливые аплодисменты. Кира направляется к выходу. За ней следует ученый совет, на ходу обмениваясь впечатлениями:

— Потрясающе!

— Какой успех...

— ...скрижали...

— ...академия...

— ...все учебники...

— ...за рубежом ахнут!

Тем временем гость с Кавказа в стороне от толпы осторожно открывает портфель. Появившийся рядом Ковров аккуратно берет его под руку.

— За помощь спасибо, а палочку, пожалуйста, сюда.— Он протягивает открытый ларец.

— Слушай, только шапку зимнюю, можно? — нежно поглядывая на волшебную палочку, просит гость.— Уши мерзнут...

— Дома отогреешь! — грубо прерывает подоспевший Камноедов.— И вообще, как вы сюда проникли?

— У тебя свой секрет, у меня свой секрет! Все равно ваша В. П. нашей будет! — многозначительно обещает гость и выходит в сопровождении Камноедова.

Алена, Ковров, Брыль, Катенька и Верочка собрались в мастерской волшебной древесины. Все возбуждены удачей, общим ликованием, песенкой. У Верочки в руках гитара.

— Аль, хочу спросить,— понизив голос, говорит Ковров.— Что это за история у тебя с московской пропиской?

— Подслушал? Ладно, признаюсь,— улыбнулась Алена.— Замуж выхожу. В Москве. Завтра свадьба.

— Уезжаешь?! — ахнул Ковров.

— Неужто насовсем! — всплеснул руками Брыль.

— Алена Игоревна вернется! — радостно объявила Верочка.

— Она уже нам обещала,— добавила Катенька.— Правда?

— Правда, Катенька, обязательно вернусь. И его с собой привезу,— подтвердила Алена. Подумала и сама себя спросила: — Только что ж он будет здесь делать?

— А он у тебя кто? — с надеждой спросил Ковров.

— Просто... человек. Очень-очень хороший.

— Не чародей, значит,— печально уточнил Ковров.— Кира знает?

— Не хотела говорить до испытаний, сейчас к ней схожу. Ты, Витенька, мне билет на вечерний рейс возьмешь? А вы, Фома, пожалуйста, телеграмму по этому адресу...

Алена передала Брылю сложенную бумажку.

В кабинете Шемаханской продолжалось совещание. На маленьком столике перед директорским столом стоял резной ларец, и все время от времени на него поглядывали.

— А что, если пригласить комиссию для приема волшебной палочки не как-нибудь, в рабочем порядке, а торжественно, со значением, например, тридцать первого декабря? — говорила Кира Анатольевна, сама зажигаясь своей идеей.— Покажем, как говорится, товар лицом! Устроим настоящий новогодний бал, с музыкой, танцами, а главное — с демонстрацией нашего нового изобретения в действии?

Совет возбужденно зашевелился. Было видно, что идея понравилась. Особенно одобрительно отнеслись к ней женщины.

— Впечатляюще... и дальновидно! — произнес Сатанеев.

Только Киврин ничего не сказал, настороженно глянув на Киру. Он ждал, что за этим последует.

— Значит, нет возражений? — спросила Кира.

— Какие возражения? — удивился Камноедов.— Не может быть возражений!

— Помолчите! — сквозь зубы зашипел на него Сатанеев и сразу включился в разговор: — Предлагаю программу: елка с противопожарными огнями, Дед Мороз из фирмы «Заря», скромное товарищеское застолье и танцы под трансляцию. В фойе — три телевизора в ряд!

Кира поморщилась.

— Необходимо пригласить хороший эстрадный ансамбль.

— А может, самодеятельностью обойдемся? — осторожно спросил Сатанеев.

— Не обойдемся! — твердо сказала Кира.— Ансамбль должен быть! Возьмите кого-нибудь в помощь и приступайте!

— Если не возражаете — Санину Алену Игоревну? — быстро предложил Сатанеев.

— Не возражаю! — кивнула Кира и обратилась к Киврину: — Иван Степанович, а вы что скажете?

— Ансамбль, конечно, хорошо,— откликнулся Киврин.— Но вот комиссия... Под Новый год... Поедут ли?

— Поедут.— Кира улыбнулась.— Этим займетесь вы.

— Что значит — займусь? — Киврин даже привстал.

— Съездите в Москву, поговорите, пригласите, попросите,— мягко, но настойчиво сказала Шемаханская.

— Но у меня... совсем другие планы! — Киврин поднялся во весь рост.

— Я знаю, Иван Степанович,— пристально глядя на него, продолжала Кира.— И все-таки... прошу.

— А нельзя ли мне отказаться? — сдержавшись, спросил Киврин.

Такой поворот событий не застал Шемаханскую врасплох. Она только грустно улыбнулась, слегка наклонив голову.

— Что ж, не хочу настаивать, но если вы откажетесь... я сниму свое предложение. Не скрою, мне очень хотелось, как руководителю... да и как женщине... Балы ведь в нашей жизни случаются не часто...

Она тряхнула головой, села, подвинула к себе бумаги.

— Тогда все это отменяется и мы возвращаемся к нашей повседневности.

В кабинете повисла напряженная тишина. Все смотрели на Киврина. Он, не поднимая глаз, спросил:

— Когда лететь?

— Сегодня, вечерним рейсом,— немедленно ответила Кира.

— Хорошо.— Киврин встал и пошел к выходу.

— Перед отъездом, пожалуйста, загляните ко мне,— провожая глазами его ссутулившуюся спину, попросила Шемаханская.

Он молча кивнул и скрылся за дверью. Шемаханская тихонько вздохнула и обратилась к секретарше:

— Олечка, закажите, пожалуйста, Ивану Степановичу билет, погоду я обеспечу...

В мастерской волшебной древесины Верочка и Катенька льнули к Алене.

— А вы его очень любите?

— Ужасно, Верочка!

— А он красивый?

— Не знаю, девочки... Мне нравится...

— А как его зовут?

Проходивший мимо Камноедов, услышав голос Алены, сбился с рыси и затоптался у полуоткрытой двери, как стреноженный.

— Иван Сергеевич,— сказала Алена, улыбаясь.

— Ой, как Тургенева! — обрадовалась Катенька.— А все-таки, какой он собой?

— Опишите!

— Не могу...

— Он веселый?

— Да!

— Добрый?

— Да!

— Нежный?

— Да, да...

— А еще, еще он какой? — приставали девушки.

— Я не сумею объяснить,— отбивалась Алена.— Лучше спою!

Алена задорно тряхнула головой, взяла гитару, тронула струны и запела веселую песенку о женихе, в которой подтверждается старая истина: любовь слепа, и очень хорошо, что это так,

потому что представляете, что было бы, будь она зрячей? Как бы они выглядели, все эти мужчины, если критически на них посмотреть? Верочка и Катенька по ходу песенки задают Алене «каверзные» вопросы, на которые она тут же находит ответы, аккомпанируют ей, выстукивая ритм на остатках волшебного дерева, подтанцовывают,— в общем, веселятся вовсю.

Камноедов постучался в кабинет Сатанеева. Оттуда послышалось «войдите».

— Разрешите, Аполлон Митрофанович,— осторожно начал Камноедов, прикрывая за собой дверь.— Решил вот сообщить вам некоторые... соображения.

— Сообщай,— позволил Сатанеев.

— Я тут подключился... и узнал... Думал, вам сказать нужно...

— Да, да,— поощрил помощника Сатанеев.

— Алена Игоревна как бы замуж собирается...

Алена заглянула в приемную директора и вопросительно глянула на секретаршу.

Из директорского кабинета доносилась музыка.

— Занята. У нее самодеятельность,— сказала Ольга.— И товарищ вот ждет.

В углу на стуле сидел гость с Кавказа, не сводивший с Алены глаз.

— Жду! — подтвердил он.— Очень жду, у меня наряд!

— А у вас что? — спросила Ольга.

Алена быстро подошла к ней и зашептала на ухо. Секретарша расплылась в улыбке.

— Ой, как я за вас рада!

Они поцеловались.

— Приходите после обеда,— посоветовала Ольга Алене.

— Я вам заявление оставлю. Как думаете, подпишет?

— Какие могут быть сомнения...

Алена вышла.

— Я тоже пообедаю,— глядя ей вслед, сказал гость. И быстро поднялся.

Ольга усмехнулась.

А в директорском кабинете, прямо перед столом, происходили танцы. Несколько молодых людей и девушек в очень открытых эстрадных костюмах демонстрировали Кире Анатольевне свое искусство. Парни играли и пели, девушки танцевали.

Кира молча и сосредоточенно смотрела на все это, сдвинув брови и строго сложив перед собой руки. Поглощенная зрелищем и оглушенная современными ритмами, она не заметила тихо вошедшего в кабинет Киврина. Осторожно прикрыв дверь, он стал в углу, с удовольствием глядя на молодых корифеев. Парни извлекли последний оглушительный аккорд. Представление кончилось. Исполнители непроизвольно сбились в кучу, ожидая приговора.

Кира сердито вздохнула.

— И это вы хотите продемонстрировать высокой комиссии из центра? Вы что, не понимаете, в какое время живем? Не ренессанс, кажется, на дворе! Нет, это решительно не годится... В таком виде!

— А мне, представьте, понравилось,— неожиданно заявил Киврин, выступая из угла и улыбаясь девушкам.— Весело, легко, грациозно...

Кира вскинула брови.

— Вы здесь? — И, обернувшись к танцорам, махнула рукой.— Исчезните!

Группа молодежи с ропотом растворилась в воздухе. Киврин даже руками развел.

— Ну, зачем же так-то, Кира!

— А затем, чтобы ты глаза не пялил, куда не надо! — Она отвернулась.

— Это что-то новое,— усмехнулся он.— Первая вспышка ревности за семь лет...

— Ты появился неожиданно.

— Прости... Зашел попрощаться.

— Сердишься? — Она вышла из-за стола и приблизилась к нему.

Осторожно покосившись на дверь, взяла за руку.

— Пойми, Ваня, обстоятельства... Но это в последний раз!

Иван Степанович покачал головой.

— Сфера услуг, Кира, не имеет конца. Она беспредельна, как Вселенная. И так же вечна, в отличие от нас...

Строгое «директорское» выражение исчезло с лица Киры Анатольевны. Оно стало мягким, нежным и даже, страшно сказать, ласковым.

— Обещаю тебе... Как только ты вернешься — обещаю...

Киврин грустно улыбнулся и предостерегающе поднял руку.

— Не надо! Я устал ждать, надеяться, разочаровываться и снова — ждать. Как видишь, волшебники тоже бывают в заколдованном кругу. Пусть все идет своим чередом, без дат, чтобы мне хоть не считать дни.

Кира печально посмотрела на него.

— Трудно ведьму любить?

— Трудно, когда тебя не любят,— возразил он.

— Любят...

И, приподнявшись на цыпочки, Кира Анатольевна неожиданно крепко поцеловала Ивана Степановича. Сделала она это так самозабвенно и решительно, что Киврин даже слегка отпрянул и выпучил глаза, потому-то он и заметил нечто, ускользнувшее от затуманенного искренним порывом внимания Киры Анатольевны.

Дверь в кабинет тихо приоткрылась, и в щель просунулась физиономия Сатанеева. Увидев застывших в поцелуе Киврина и Шемаханскую, он сначала зажмурился, потом отшатнулся. Дверь в кабинет бесшумно закрылась.

— Гм-кхм,— произнес Сатанеев, бессмысленно глядя перед собой.

— Будьте здоровы,— не поднимая головы от бумаг, пожелала ему Ольга, приняв невнятный звук за чихание.

— Что? — повернулся к ней не совсем очнувшийся Сатанеев.— Ах, да! Спасибо... Здоровье здесь нужно железное...

Он вышел, задумчиво поглядывая на директорскую дверь.

Кира и Киврин, улыбаясь, стояли друг против друга.

— Не знаю, успею ли повидать тебя до Нового года в спокойной обстановке. Поэтому... Вот, это для тебя...

Он протянул ей изящный кулон на тонкой цепочке. В центре кулона сверкали миниатюрные часики. Кира сделала протестующее движение.

— Только не это, прошу тебя!

— Но почему? — искренне удивился Киврин.

— У меня дома уже лежит тринадцать подаренных тобой часов. Давай остановимся на этой волшебной цифре.

Киврин растерялся.

— Но я не приготовил другого подарка.

— Знаешь что, привези мне вот это.— Она быстро чиркнула что-то на листе бумажки, протянула ему. Он прочел и неожиданно рассмеялся.

— Нет, на тебя, действительно, сердиться нельзя... Ты все еще дитя, Кира!

Она тонко улыбнулась.

— Я — женщина. Этим сказано все!

Гордо подняв голову, Иван Степанович вышел из кабинета. В приемной он заметил Сатанеева, победоносно улыбнулся ему и вдруг — неожиданно, совершенно по-гусарски подмигнул, приложил к губам палец. Сатанеев вздрогнул, попытался изобразить ответную улыбку, но у него это получилось плохо.

Оказавшись в коридоре, Киврин улыбнулся еще шире.

— Так! — сказал он сам себе.— Сплетня гарантирована! Очень хорошо! Да здравствует сплетня!

В прекрасном настроении, напевая знаменитую арию о клевете, Иван Степанович спускался по лестнице в вестибюль. В некотором отдалении за ним следовал Сатанеев, упорно наблюдая сутулую спину зама по науке. Он мучительно пытался осмыслить увиденное и приспособить для своих целей.

Через стеклянные двери с улицы в вестибюль вошла Алена. Следом тащился разочарованный гость с Кавказа.

— Ах, девушка! Что за девушка. Только «нет» говорит!

— Почему же,— весело возразила Алена.— Один раз я сказала «да».

— Когда? — встрепенулся гость.

— Вы спросили, хорошо ли я слышу...

Гость сразу несколько поотстал. Чтобы окончательно от него избавиться, Алена подошла к одевавшемуся у гардероба Киврину.

— С наступающим, Алена Игоревна,— живо приветствовал девушку Иван Степанович.— Рад видеть вас, особенно с такими сияющими глазами... Что-то здесь нечисто, а? — добавил он лукаво.

— Чисто, чисто,— улыбнулась она. И тихо добавила: — Замуж выхожу.

— Да ну! — Киврин искренне удивился, обрадовался, чуть не уронил уже надетую в один рукав шубу.— От всей души! Примите самые сердечные поздравления.

Он подозрительно покосился на топтавшегося в стороне кавказца.

— Ой, да что вы! — рассмеялась Алена, помогая ему поймать второй рукав.— Он в Москве меня ждет. Сегодня вылетаю.

— Вечерним? — спросил Киврин.

Алена кивнула.

— Вы представить себе не можете, как мне сегодня везет,— воскликнул Киврин.— Я тоже лечу этим рейсом!

— Вот здорово! — Алена протянула ему обе руки.— Вы будете на моей свадьбе. Свидетелем с моей стороны!

Киврин осторожно и бережно взял протянутые руки девушки.

— С величайшей радостью принимаю приглашение.— Он неловко поклонился и даже чуть шаркнул ножкой.

Сатанеев, наблюдавший с лестницы эту сцену, до предела вытянул шею, чтобы ничего не пропускать.

— Примите и вы, чтобы, так сказать, не мешкая...— Киврин повесил на шею Алены кулон с часами на цепочке.— Надеюсь, вам понравится.— Он сделал ударение на слове «вам».

Алена даже покраснела от удовольствия.

— Большое спасибо, Иван Степанович! — растроганно проговорила она и, привстав на цыпочки, поцеловала Киврина.

Он ласково погладил ее по голове.

— Жду вас в аэропорту. Надеюсь, не опоздаете?

— Теперь нет! — сияя сказала Алена и посмотрела на часы.

— Так...— сказал сам себе Сатанеев.— Так-так-так! Мне, кажется, тоже наконец повезло...

Алена вошла в кабину лифта, автоматические двери сомкнулись. С неожиданной резвостью Сатанеев несется вверх по

ступенькам. Плавно движется лифт, чуть отставая от него. Сатанеев, сопя, наддает и... опережает медленно ползущую кабину. С трудом переводя дыхание, Сатанеев входит в приемную директора, быстро пересекает ее и открывает дверь кабинета. Двери лифта открываются. Алена выходит и направляется к приемной.

— Все делается, Кира Анатольевна,— чуть запыхавшейся скороговоркой докладывает в директорском кабинете Сатанеев, преданно глядя в глаза Шемаханской.— Заявки в Госконцерт уже посланы... но вот... Алена Игоревна улетать собралась. А я ведь в музыке не силен. Могут подсунуть что-нибудь... неподходящее...

Бросив пробный шар, он ждал реакции.

— Когда улетает? Зачем? — Кира нахмурилась.— Вы сказали ей про распоряжение?

— Конечно, конечно,— преданно соврал Сатанеев.— Только она и слышать не хочет...

— Что ж ей так... не терпится? — с нарастающим раздражением спросила Шемаханская.

Сатанеев замялся, всячески изображая тяжкие муки внутренней борьбы.

— Да говорите же! — прикрикнула на него Кира.

— Тут, понимаете ли, такое обстоятельство... Бракосочетание, в общем. Свадьба завтра у нее...

Грозовые морщинки на лбу Шемаханской разгладились.

— Да, это несколько меняет дело,— задумчиво произнесла она.

— ...с Кивриным Иваном Степановичем,— осторожно продолжил фразу Сатанеев.

— Что?!

Кира вскочила. Сатанеев тоже немедленно встал, соболезнующе опустив голову.

— Что за вздор вы здесь говорите? — гневно воскликнула Кира.— Как это вам в голову взбрело?!

— И не взбрело бы, но факты,— невозмутимо ответил Сатанеев.— Как говорится, упрямая вещь... И потом что же здесь такого... Он человек видный, свободный... Она тоже... Так что

имеет полное право. И в Москве пожениться умно придумали — все-таки в одном институте работают, разговоров меньше будет.

— Господи, чепуха какая-то! — Кира вышла из-за стола и принялась ходить по кабинету.— Да я сама только что Киврина в Москву отправила!

— Вот видите! — тут же подхватил Сатанеев.— Он же мог отказаться, но не стал этого делать. Зачем? Лишнее удобство для него. Вашими руками создано...

Киру передернуло от его слов. Она остановилась у окна спиной к Сатанееву.

— Может, мне уйти? — дипломатично предложил он.— А то вы чего-то расстроены...

— Изложите факты,— бесцветным голосом потребовала она.

— Извольте. Их отношения давно в глаза бросались. Хотя бы сегодня, во время испытаний, ведь это он вас карандашик-то принять убедил. Без него вы бы эту... демократичность ни за что бы не одобрили.

— Дальше.— Кира прижалась лбом к холодному стеклу.

— То, что жениха Иваном зовут, вся лаборатория знает. Она только фамилию скрывала. Что на свадьбу в Москву летит — хоть сейчас убедиться можно — заявление у секретаря, одним рейсом, между прочим...

Кира резко повернулась, рывком открыла дверь и спросила привставшую навстречу Ольгу:

— У вас есть заявление Саниной?

— Да, вот.— Секретарша протянула бумагу.— Кира Анатольевна, можно мне пойти обедать?

— Да,— кивнула Шемаханская, впившись глазами в бумагу.

И закрыла дверь.

— Продолжайте! — бросила она Сатанееву, занимая прежнее место у окна.

— Да что там говорить! — воскликнул тот, словно тяготясь взятой на себя ролью.— Только что сам видел, как они в гардеробе целовались и кулон с часиками он ей на шею повесил...

— Врете! — крикнула Кира, резко поворачиваясь к Сатанееву и глядя на него так, что он попятился.— Насчет кулона это вы врете! Не может быть!

— Да за что же вы меня так, Кира Анатольевна! — воззвал не на шутку перетрусивший Сатанеев.— Вызовите Алену Игоревну — сами убедитесь — кулон у нее на... простите... на груди висит!

С перекосившимся лицом Кира бросилась к столу и принялась давить на кнопку селектора, повторяя про себя:

— Пакость... Какая пакость!

— Вы секретаря обедать отпустили,— осторожно напомнил Сатанеев.

Кира бешеными, непонимающими глазами глянула на него.

— Привести!

— Киврин уже ушел! — быстро сказал Сатанеев.

— Санину! — потребовала Кира.

— Слушаюсь! — отрапортовал Сатанеев и опрометью выскочил из кабинета.

В пустой приемной он по-собачьи встряхнулся, пригладил венчик волос вокруг лысины и, крепко вытерев о штаны вспотевшие ладони, отпустил себе комплимент, впрочем, весьма своеобразный:

— Ай, да, Сатанеев! — сказал он.— Ай да, сукин сын!

Алена в нетерпении прогуливалась неподалеку от директорской приемной. Увидев Сатанеева, она облегченно вздохнула.

— Вы все решили с Кирой Анатольевной? Мне можно войти?

Сатанеев тоже облегченно вздохнул, заметив, что девушка не сняла кулон.

— Позволю себе задержать вас на несколько минут.

— Вы знаете, я очень тороплюсь,— попыталась отделаться от него Алена.

— В Москву? — не теряя времени, спросил Сатанеев.— К жениху, надо полагать?

— К жениху,— удивленно подтвердила Алена.— А откуда вы знаете?

— Я знаю и более существенное — то, что мы с вами назначены в комиссию по устройству новогоднего бала, которому Кира Анатольевна придает особое значение.

Алена непонимающе посмотрела на Сатанеева.

— Но я же не могу!

Сатанеев быстро глянул по сторонам и, убедившись, что никого поблизости нет, начал уже другим, менее приторным тоном:

— Как это понимать, Алена Игоревна? Я к вам всей, можно сказать, мужской душой, а вы? Предпочли мне какого-то мальчишку?

Алена, оторопевшая от такого вступления, растерянно заморгала.

— Простите, я вас что-то не пойму, Аполлон Митрофанович...

Но Сатанеев в этот момент способен был слушать только себя.

— Я вам кое-что дарил на праздники... Цветы, например. Вы ничего не говорили! Я имел право, так сказать, думать... надеяться!

Вдруг Алена все поняла и рассмеялась.

— Ах, Аполлон Митрофанович! Шутник вы все-таки...

— Я вовсе не шучу! — возмутился Сатанеев.

— Значит, вы человек с фантазией,— уже строже сказала она.— Я и не подозревала... Вам стихи писать надо. Не пишете стихов?

Сатанеев вновь сменил тон. Он опять был сладок.

— Стихов, к сожалению, не пишу, музыки тоже. Поэтому Кира Анатольевна вас и назначила. Надо включаться, Алена Игоревна. Все равно ведь работать придется.

Алена вспыхнула.

— Это мы еще посмотрим!

И быстро пошла к приемной, дробно стуча каблучками.

— Посмотрим, посмотрим,— усмехнулся ей вслед Сатанеев.— Но какая женщина! Ах, какая женщина!

Посланец Кавказа блуждал по коридорам, рассматривая таблички.

— Девушки, скажите, где кабинет директора? — обратился он к двум молодым особам, остановившимся поболтать в укромном уголке, каких здесь было немало.— Совсем заблудился!

— Первый поворот направо,— ответила одна из девушек.

— Потом второй налево,— прибавила другая.

И они вновь занялись беседой.

— Первый — направо, второй — налево,— повторил гость и пошел в указанном направлении.

В пустой приемной он подошел к директорскому кабинету, открыл дверь в маленький тамбур, но, услышав за второй дверью громкие голоса, осторожно попятился.

— Опять занята,— вздохнул он, опускаясь в кресло.— Эх, зачем обедал...

В кабинете атмосфера была уже накалена.

— Почему вы не хотите меня понять? — говорила Алена, упершись кулачками в директорский стол. Щеки ее пылали.

— Это я должна вас понимать? — Кира, сидевшая за столом, даже приподнялась навстречу.— Я?!

— Неужели вы никогда не любили? — продолжала Алена, сверкая глазами.

— Удивительное бесстыдство! — Кира даже руками всплеснула от негодования.

— Бесстыдство? — Алена растерялась на какой-то миг.— Да ведь я замуж выхожу. Понимаете, замуж!

— Почему же так скоропостижно? — ехидно спросила Кира.

— Откуда вы взяли? — парировала Алена.— Мы с Иваном давно все решили!

— С Иваном...— скептически усмехнулась Кира.— Решили, значит, поставить меня перед фактом. Не выйдет!

— Как это — не выйдет?! — Алена сдерживалась из последних сил.— Вы просто... не имеете права!

— Ах, так! — нервно засмеялась Кира.— Теперь вы о правах вспомнили... Имейте в виду — у вас еще обязанности есть!

— Я вовсе не обязана готовить какие-то... концерты!

— Вы обязаны выполнить все мои распоряжения!

— Поймите наконец, меня ведь ждут!

— И на здоровье, подождут... Остынут немного...

Алена стиснула руки, стараясь удержать подступившие слезы.

— Кира Анатольевна, я вас очень прошу... У меня просто нет больше сил... и времени. Посмотрите на часы!

Она протянула на ладони свой кулон к лицу Шемаханской. Та резко отшатнулась.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Нет, это вы издеваетесь! — не выдержала наконец Алена.— Плевать мне на ваш концерт. Я все равно улечу!

Она быстро пошла к выходу. Кира вскочила.

— Санина, стойте! Я запрещаю!

И загородила Алене дорогу.

— А я полечу! — тихо, но уверенно сказала Алена, не отводя глаз от гневного лица своей директрисы.

— Я вам... выговор объявлю! — тяжело глядя на девушку, пообещала Кира.

— И зря это сделаете... Я все равно улечу!

— Нет, не полетите!

— Полечу!

— Молчать! — негромко и поэтому как-то особенно странно приказала Кира.

В комнате сразу резко потемнело, по углам сгустились сумерки, и там, в этих таинственных сумерках, возникло какое-то движение. Тень Киры со стены вползла на потолок и переломилась.

Сама она неожиданно увеличилась в размерах, угрожающе нависла над Аленой, та стала пятиться, выставив перед собой руки.

— Все равно... полечу... полечу... полечу! — тише, но все также настойчиво продолжала твердить девушка, опускаясь в кресло.

— Никуда ты не полетишь, девчонка! — гневно бросила Кира, страшная и прекрасная в этот момент.

Тьму, сгустившуюся в комнате, вдруг озарила ослепительная молния, воздух потряс громовой удар. Кира распростерла руки над скорчившейся в кресле Аленой и произнесла с мрачной торжественностью:

— Изымаю весну из сердца твоего! Вкладываю туда зиму!

В пустой приемной вспугнутый громовым раскатом представитель Кавказа, вскочив с кресла, непонимающе оглядывался.

— Что такое? — бормотал он, принюхиваясь.— Горим — не горим? — И выглянул в коридор.

Мимо деловито сновали сотрудники. Никто волнения не проявлял. Кавказец на цыпочках подошел к двери в кабинет. Прислушался. Все было тихо...

Мгла медленно рассеивалась. Сдвинув брови, угрюмо глядя перед собой, сидела за столом Кира Анатольевна. В глубоком кресле перед ней Алена с растерянной улыбкой терла пальцами лоб.

— Извините, Кира Анатольевна. У меня голова что-то...— неуверенно произнесла она.

— Ничего, ничего,— все так же мрачно откликнулась директриса.

— Кажется, я погорячилась, да? — неожиданно заискивающе спросила Алена.

Шемаханская отвела глаза.

— Возможно, я тоже погорячилась...

— Честно говоря,— продолжала Алена, ловя директорский взгляд,— я даже не припомню сейчас, с чего все началось... Наверное, чепуха какая-то... с моей стороны...

— Не трудитесь вспоминать,— поморщившись, молвила Шемаханская.

Алена отняла пальцы от лба, постепенно осваиваясь со своим новым состоянием. Лицо ее стало отрешенно-спокойным, вся она как-то выпрямилась, подобралась, сделалась собранной, внимательной и одновременно покорной.

— Позвольте заверить вас, Кира Анатольевна, что я приложу все усилия, чтобы под руководством нашего уважаемого Аполлона Митрофановича и под вашим личным контролем организовать хороший вечер во время приема волшебной палочки. Ведь это может иметь для вас большое, даже особое значение! Я правильно рассуждаю?

— Теперь совершенно правильно,— одобрила Кира.

— Благодарю за доверие! — Алена встала и пошла к двери.

Кира тоже поднялась, последовала за ней. У дверей <...>[1]

[1] В таких рабочих сценариях бывают не только часты опечатки, но и такие вот пропуски в текстах, ибо издание это не предназначается для широкой публики и печатается наспех.— *С. Б.*

Они вместе вошли в приемную.

— Наверно, каблук подвернулся,— оправдывая неожиданное недомогание, сказала Алена.

— Да, да,— подтвердила Кира.— Это скоро пройдет.

Алена вышла. Стоявший за дверью представитель Кавказа сделал шаг и вежливо кашлянул.

— А? — Кира резко обернулась.— Что вы здесь делаете?

— Понимаете,— быстро заговорил представитель.— Мне подписать... секретаря нет... А тут — гром, молния, как в горах! Опять испытания, да?

— Да, да,— нетерпеливо сказала Кира.— Кроме вас тут никого не было?

— Никого! — заверил кавказец.— Совсем никого!

— Где ваш пропуск? Я подпишу...

— Пропуск? — переспросил он разочарованно. И тут же засуетился: — Пропуск, пропуск, где пропуск...

Он извлек кучу бумажек, положил перед Шемаханской на стол. Она взяла ручку.

— Где?

— Что?

— Расписываться где? — уже раздраженно спросила Шемаханская.

— Вот, вот.— Преданно глядя в глаза, он подсунул ей свой наряд.

Кира, не глядя, поставила подпись.

В лаборатории абсолютных неожиданностей стояла напряженная тишина. В углу горько всхлипывала Катенька, беспрестанно оттягивая вниз короткую, выше колен юбочку.

— ...Раз и навсегда запомните, Катя,— стальным голосом наставляла девушку Алена Игоревна.— Я не потерплю в своей лаборатории таких вызывающих одеяний. Здесь не мюзик-холл!

Из другого угла на Алену с ужасом смотрела сквозь запотевшие очки ничего не понимающая Верочка.

— А если не хотите, милочка, уважать нашу нравственность,— продолжала Алена.— Что ж... Я никого не удерживаю!

Это было сказано нарочито громко. Сотрудники лаборатории ошеломленно притихли, стараясь не глядеть на начальни-

цу. В комнату входят чуть запыхавшиеся, румяные с мороза Ковров и Брыль.

— Все в порядке! — с порога весело докладывает Ковров.— Вот билет. Рейс триста тринадцать, место тринадцать, билет в восемь ноль две.

— И телеграмму послал,— объявляет, подмигивая, Брыль.— Встретит вас адресат, честь по чести. И дай вам бог, как говорится...

Алена холодно окинула взглядом веселых помощников.

— Вас, товарищ Брыль, я не просила ни о какой телеграмме. Напишите на мое имя докладную. Объясните свое отсутствие в рабочее время.

Брыль онемел.

— Ты что, Аля?..— все еще улыбаясь, спросил Ковров, переводя взгляд с начальницы на плачущую Катеньку.

— Я вам не Аля! — повысила голос руководительница лаборатории.— Будьте добры называть меня по имени-отчеству! Билет сдайте, я никуда не лечу.

— А как же?..— ничего не понимая, произнес Виктор.

— Вам разве неизвестно, товарищ Ковров, что распоряжением самой Киры Анатольевны Аполлон Митрофанович и я назначены готовить новогодний вечер? И вы оба нам будете помогать.

— Подождите, подождите,— встрепенулся Ковров.— Какой вечер? У нас в мастерской дел еще невпроворот.

Алена возмущенно уставилась на Коврова.

— Виктор Петрович, разве я неясно выразилась? Или вам что-то не ясно, товарищ Брыль?

Брыль молча выразил полную растерянность и покорность.

— А вам, товарищ Ковров,— продолжала Алена,— не мешало бы привести себя в порядок: постричься, надеть нормальный костюм. Хотя бы как у товарища Брыля.

Ковров побагровел, хотел что-то сказать, но в это время отворилась дверь, и в комнату заглянула секретарша Ольга.

— Все в порядке? — ласково обратилась она к Алене.— Подписала?

— А вот это, милочка, вас абсолютно не касается! — отрубила Алена.

И захлопнула дверь перед носом секретарши.

Несколько мгновений Ольга стояла в коридоре с открытым ртом. Из столбняка ее вывел подошедший Сатанеев.

— Алена Игоревна у себя? — спросил он.

— У себя, но, кажется, не в себе,— резко ответила Ольга и пошла прочь.

Сатанеев вошел в лабораторию. Алена поднялась ему навстречу. Лицо ее озарилось приветливой улыбкой.

— Очень рада видеть вас, Аполлон Митрофанович! Заходите, садитесь... вот сюда, пожалуйста.

Ковров, Брыль и Верочка переглянулись, совершенно сбитые с толку. В углу всхлипнула Катенька.

— Перестаньте реветь! — зашипела на нее Алена.— Стыдно! Ступайте домой и переоденьтесь! Вечером вы мне понадобитесь. Обе.

Она перевела властный взгляд на Верочку. Катенька опрометью бросилась к двери. Сатанеев проводил ее недоуменным взглядом.

— Не обращайте внимания! — улыбнулась ему Алена. И перешла к главному: — А ведь я к вам собиралась, Аполлон Митрофанович!

— Приятно, приятно слышать! — осторожно улыбнулся Сатанеев.

— Можете радоваться, вам повезло, я никуда не еду!

Это сообщение произвело на Сатанеева большое впечатление.

— Очень рад,— сладко улыбаясь, заблеял он.— Очень, знаете ли... За вас, в первую очередь...

— А за себя? — усмехнулась Алена.— Мне, кажется, суждено встречать Новый год в вашем, дамский угодник, обществе!

— Я буду бесконечно счастлив... сотрудничать с вами,— сказал Сатанеев, показывая ей глазами на присутствующих.

Алена понимающе кивнула.

— Что вы намерены мне поручить?

— Ансамбль, Алена Игоревна. И только отличный требуется. Кира Анатольевна строго предупреждала.

— Ковров! — позвала Алена.— Надеюсь, вы следите за нашей мыслью?

— Конечно, слежу,— мрачно сказал Виктор.— Я за всем слежу...

Алена внимательно посмотрела на него, словно предостерегая от дальнейших высказываний, и приказала:

— Так вот. Завтра утром доложите ваши соображения по поводу ансамбля.

— Да что же я доложить смогу! — в отчаянии воскликнул Ковров.— Откуда у меня за ночь ансамбль возьмется!

Алена гневно отвернулась от Коврова и обратилась к Сатанееву:

— И это говорится не только мне, но и заместителю директора! Да еще где? В лаборатории абсолютных неожиданностей! — Она снова обратила лицо к Коврову.— Вы магистр или не магистр? Надеюсь, вы все поняли, Ковров?

— Ну, магистр,— набычась, признался Ковров.

— Без «ну», пожалуйста!

— Хорошо, магистр. Без «ну» и без НУИНУ тоже,— дерзко заявил Виктор.

— А вот тут вы, молодой человек, заблуждаетесь,— мягко, но решительно врезался в разговор Сатанеев.— Только в нашем штатном расписании числятся чародеи, так что без НУИНУ вы так... отдельная личность, не более. Простите, Алена Игоревна...

— Очень верное и своевременное замечание! — подхватила Алена.— Надеюсь, вы все поняли, Ковров?

Виктор смерил Сатанеева ненавидящим взглядом, потом внимательно посмотрел на Алену. Она сидела в кресле прямая, властная, совершенно непохожая на ту Алену Санину, которую он знал со студенческой скамьи.

— Кажется, понял,— превозмогая себя, сказал он.

— Мы поняли, поняли,— пролепетал Брыль, выглядывая из-под локтя Коврова и незаметно подталкивая его к выходу.— Можно идти?

— Идите и работайте! — величественно кивнула Алена.

Брыль и Ковров вышли. Сатанеев осторожно приблизился к Алене.

— Очаровательница! Не надо волноваться! Ваше самочувствие — для меня главное...

Он попытался завладеть ее рукой, но Алена убрала руку. На этот раз она повела глазами в сторону сотрудников. Сатанеев встал. Провожая его до двери, Алена шепнула:

— Вы сегодня приглашали меня обедать. Позвольте компенсировать мой отказ приглашением на ужин. Прошу ко мне, в восемь.

У Сатанеева, что называется, «в зобу дыханье сперло». Он смог только молитвенно сложить руки и несколько раз быстро кивнуть.

— Я о вашей Саниной теперь слышать не желаю! — заявила Ольга.

И сурово посмотрела на стоявших перед нею Коврова и Брыля.

— Нам бы только узнать, что там произошло.— Ковров кивнул на закрытую директорскую дверь.

— Головокружение от успехов у нее произошло, вот и все! — собирая со стола бумаги, отрезала обозленная секретарша.

— Не похоже, Олечка, не похоже! — тихонько сказал Брыль, помогая Ольге.— Уж очень она изменилась, наша Алена Игоревна. И как-то сразу... Тут дело серьезное.

— Наверняка Сатанеев кашу заварил,— буркнул Ковров.

Ольга призадумалась. Ковров и Брыль с надеждой смотрели на нее.

— А что? Вполне возможно.— Секретарша отложила бумаги.— Он сегодня целый день из кабинета не вылазит. И сейчас там сидит.

— Может, о ней говорят? — осторожно предположил Брыль.

— Оль, включи селектор, послушай! — сразу попросил бесхитростный Ковров, прежде чем Брыль успел наступить ему на ногу.

— Да что вы, ребята, как можно! — испугалась секретарша.— Вдруг у них разговор секретный!

— Конечно, нельзя,— сразу согласился Брыль, тесня Коврова к выходу.— Это он так, не подумавши, ляпнул.

— Я — ляпнул?! — возмутился было Ковров, но Брыль так выразительно глянул на него, что он притих, подчиняясь.

— Ничего, со всеми случается,— почему-то глядя на секретаршу, успокаивал друга Брыль.— Пошли, пошли. Тебе говорят!

Ольга подождала, когда за ними закрылась дверь. После этого она осторожно взяла трубку селектора и нажала сразу на две кнопки. В трубке послышались негромкие голоса.

— Я всегда восхищался вашим даром уговаривать людей,— почти искренне говорил Сатанеев.

— Тут уговорами не обошлось,— глухо сказала Кира.

— Власть применили?

— Силу.

— Неужто...— притворно испугался Сатанеев.

— Пришлось.

— Понимаю.— Он сочувственно закивал.

Кира обернулась.

— А раз понимаете — действуйте! — не скрывая своего отношения, резко произнесла она.— И помните — им нельзя встречаться. Если вдруг до наступления Нового года она его поцелует...

— Что же ты, Витя, неловкий такой? — упрекал Коврова Брыль в коридоре.— Разве может женщина открыть секрет сразу двум мужчинам?

— Хм, пожалуй,— усмехнулся Ковров и сверху вниз взглянул на открывшегося ему по-новому Брыля.— А ты, оказывается, знаток, Фома. Можно сказать, людовед[1].

— Это ты у нас в магических сферах витаешь,— парировал Брыль.— А мне, грешному, по земле приходится... То мышкой, то зайчиком, а то и котиком ласковым прикинусь. Тоже свое волшебство, житейское...

Из-за поворота пустого коридора неожиданно вышел представитель Кавказа и с радостным возгласом бросился к ним.

---

[1] Следует, видимо, сообщить молодым читателям, что «людовед» и «душелюб» — непременные атрибуты писателя Евг. Сазонова, автора романа века «Бурный поток». Этот писатель — постоянный персонаж 16-й (юмористической и сатирической) страницы «Литературной газеты» в 60—70-х гг., плод коллективного творчества.— *В. Д.*

— Товарищи, дорогие, помогите выход найти! Совсем заблудился! Шесть часов — сразу все исчезли. По волшебству, да? Спросить не у кого.

— По волшебству,— кивнул Ковров и обратился к Брылю: — Начерти ему план. Бумага есть?

Брыль достал из кармана мятый листок и сунул его в руки Коврова.

— Черти сам, некогда мне.— Он указал глазами на вышедшего Сатанеева.

— Думаешь, уже знает? — с уважением глядя на техника-исполнителя, спросил Виктор.

— Уверен.— Брыль мягко скользнул в неплотно прикрытую Сатанеевым дверь.

Ковров принялся чертить на листке, положив его на портфель, услужливо подставленный гостем. Тот напевал что-то веселое и то и дело поглядывал на часы.

— Торопитесь? — сквозь зубы спросил Ковров.

— Очень! — сразу откликнулся представитель Кавказа, которого распирало желание поделиться с кем-нибудь своими радостями.— Завтра дома буду! Наряд подписал! — Он выхватил из кармана мятую бумагу с печатями и помахал ею перед носом Коврова.— Думал, до Нового года просижу. Даже в кресле заснул. Вдруг — гром, озоном пахнет! Девушка вышла, директор вышла...

— Где вы слышали гром? — перебил его насторожившийся Ковров.

Кавказец кивнул на приемную.

— Там, за дверью. И молния сверкнула. Замечательный у вас институт, коридоров только многовато.

Он схватил исчерченную бумажку.

— Спасибо вам, спасибо! — И пошел, почти побежал по коридору.

Из приемной выскочил Брыль, прислонился к стене рядом с Ковровым.

— Заколдована...

— Знаю. Кем?

— Самой. Расколдуется, только если жениха до Нового года поцелует...

— За что ее?

— Неясно. Вроде Сатанеев накрутил: работника ценного теряем. А сам Алене проходу не дает.

Ковров свирепо выпятил челюсть.

— В прах обращу! В грязь, в слякоть!

Брыль безнадежно махнул рукой.

— Всплывет...

— Да, пожалуй,— неожиданно легко согласился Ковров.— А Кира-то? Умница, талант, разобраться не смогла...

— Что — Кира! — Брыль пожал плечами.— Тоже ведь женщина...

— Ладно,— решительно сказал Ковров.— Причитания отменяются. Будем действовать.

— Как действовать? — уныло возразил Брыль.— Ты Киру не переубедишь. Киврин бы мог, но он уехал...

— Жениху телеграмму дать надо, чтобы немедленно приезжал. Где адрес?

— Адрес... Адрес.— Брыль принялся хлопать себя по карманам.— Слушай, я бумажку с адресом тебе отдал. Ты на ней план чертил.

Не сговариваясь, оба рванули по коридору в ту сторону, куда ушел гость.

Весело напевая и поминутно сверяясь с планом, представитель Кавказа уверенно шел по пустым переходам. Вдруг сзади послышался нарастающий топот, отдаленный крик: «Стой!» Вдали замаячили два силуэта, несущиеся что есть мочи.

— Стой! — донеслось уже явственнее.

— Что? — растерянно спросил набегающих гость.

— Отдай бумажку!

Представитель Кавказа слегка заметался и ускорил шаги.

— Ой, ой, ой! — пробормотал он, оглядываясь.— Зачем трепался! Наряд отнимут!

И перешел на рысь.

— Стой, тебе говорят! — срывающимся дискантом потребовал Брыль, с трудом поспевая за длинноногим Ковровым.

Фигура впереди поддала и скрылась за поворотом. Ковров на бегу по-разбойничьи свистнул. Представитель Кавказа по-

несся вовсю. Сзади его преследовал топот и неразборчивые крики.

— Обходи справа! — скомандовал Брылю Ковров.— Сейчас возьмем!

Кавказец выскочил из-за поворота и замер: впереди, расставив руки, набегала приземистая фигура. Гость метнулся назад, но тут его уже ждал Ковров. Преследуемый обмяк, прислонился к стенке и прикрылся помятым нарядом.

— Все, все, все! — быстро заговорил он.— Все объясню, где надо! Только без рук. Давайте действовать официально!

— Вот она! — воскликнул Брыль, поднимая с пола мятую бумажку с адресом и планом.

Не обращая больше внимания на представителя Кавказа, оба понеслись в обратную сторону. Их топот и голоса растворились в глубокой тишине пустых коридоров. Гость с изумлением посмотрел им вслед, потом перевел взгляд на помятый наряд в своей руке.

— Что, опять повезло? — изумленно спросил сам себя и огляделся,

Он стоял на пересечении двух тускло освещенных, казавшихся бесконечными коридоров. Крутом были только запертые двери и глухие, без окон, белые стены.

В кабинете Шемаханской большие напольные часы гулко пробили половину восьмого. Кира Анатольевна подняла голову от стола, за которым, видимо, долго сидела в одной и той же позе, встала и прошла через весь кабинет в угол, где только что стоял телевизор. Теперь телевизора нет. Вместо него стоит большое круглое зеркало — впрочем, не стоит, а как-то странно висит — ни на чем. Кира Анатольевна останавливается перед зеркалом, вглядывается в свое отражение.

— Вопрос первый,— говорит она.— Правильно ли я поступаю с Аленой?

Отражение отрицательно качает головой и грустно улыбается.

— Она сама виновата! — восклицает Кира.— Нельзя прощать вероломство! — Кира отворачивается.— Кроме того, Иван Петрович... тоже должен понять и почувствовать свое заблуждение... или наваждение, не знаю уж, что тут ближе к истине.

— Тобой владеет гнев,— тихо говорит женщина в зеркале.— Ты несправедлива.

— На моем месте каждая поступила бы так же! — запальчиво возражает Кира.

— Ты — не каждая и должна быть осторожной,— произносит отражение.

— Почему я все время должна жертвовать собой?

Отражение укоризненно качает головой.

— Другими жертвовать легче...

— Хорошо, покажи мне... ее,— просит Кира.

Отражение исчезает. Вместо него в зеркале появляется Алена. Она открывает дверь своей квартиры Сатанееву. Он, противно жмурясь, припадает к ее руке, одновременно протягивая букет цветов. Кира делает брезгливый жест рукой. Сатанеев и Алена пропадают из зеркала.

— Теперь... его,— требует Кира.

В зеркале появляется Киврин. Он стоит возле трапа самолета и, поглядывая на часы, напряженно ищет кого-то в толпе.

— Убрать! — резко говорит Кира.— И пусть все остается, как есть!

Просто и неприветливо обставленная комнатка в однокомнатной квартире. За столом, покрытым белоснежной скатертью, сидят Сатанеев и Алена. У девушки вид слегка томный, но глаза смотрят зорко, выжидательно.

— Как видите, Аполлон Митрофанович,— говорит она,— живу я просто, незамысловато. Ничего, кроме самого необходимого, у меня нет.

— Такой бриллиант, как вы,— пылко произносит Сатанеев,— достоин самой лучшей оправы!

— Вы полагаете? — Алена кокетливо склонила голову набок.

— Несомненно! И я мечтал бы всю жизнь создавать для вас эту... оправу. Ну, если позволите.

Алена залилась русалочьим смехом.

— Старый шалун! Нет, серьезно, как-то грустно становится, если представить себе, что всю жизнь придется прожить в этой... обстановке.

— Очаровательница! — блеет Сатанеев.— Вам стоит только пожелать.

Он хватает ее руку и хочет поцеловать, но она вырывается и звонко шлепает его ладонью по лысине.

— Не спешите! Как вы не понимаете, что компрометируете меня! Девочки! — кричит она весело.— Как там наш кофе?

— Сию минуту, Алена Игоревна! — доносится из кухни голосок Верочки.

— Но меня удручает не только это, Аполлон Митрофанович,— продолжает Алена.

— Я весь внимание! — с энтузиазмом откликнулся Сатанеев.

— Мне вдруг надоела моя лаборатория. Знаете, сфера услуг... это все-таки что-то... непрестижное, правда?

— Н-да... Бездуховное, я бы сказал. Будем думать.

— Но есть еще и во-вторых,— хитренько взглянув на Сатанеева, прибавила Алена.— Мне осточертел весь этот Китежград.

Сатанеев несколько померк.

— С этим, доложу я вам, потруднее будет...

— Думайте, Аполлон Митрофанович, думайте,— становясь серьезной, призвала Алена.— Даром в нашем мире ничего не дается... даже дуракам... Я не о вас, конечно.

Сатанеев все-таки обиделся.

— Чего уж проще! — раздраженно сказал он.— Поезжайте к своему жениху — вот вам и Москва!

— К какому жениху? — искренне удивилась Алена.— У меня нет жениха ни в Москве, ни... пока... в Китежграде.

В дверях, с дымящимся кофейником на подносе, застыла Верочка. За ней, с корзинкой, полной печенья, стояла Катенька. При последних словах Алены на их лицах появилось выражение ужаса.

— Несите, несите, милочки! — повернулась к ним Алена.— Что же вы встали?

Девушки робко приблизились к столу.

Иван Пухов с помощью Антона и Павла снимает с машины мебель и тащит в подъезд нового дома. Напрягаться им особенно не приходится — мебели прискорбно мало. Одновременно они напевают веселую песенку, которая складывается из отдельных реплик, шуток и полунамеков, а музыка рождается, как говорится, прямо на ходу — из звуков улицы, гулких уда-

ров хлопающей двери парадного, шагов, в общем, всего, что в обыденности мы называем шумом. Особенно отличается Антон — ударник в этой сложившейся группе музыкантов «для себя». Из легкой тумбочки он извлекает лихую барабанную дробь, кухонный стол служит для него чем-то вроде ксилофона.

Потом в маленькой однокомнатной квартире, похожей на квартиру Алены, друзья расставляют мебель, передвигая все предметы по несколько раз с места на место. И звучит веселая песенка молодых холостяков, в которой говорится, что мужчине в наше время тоже приходится собирать приданое, и неизвестно, по какому обряду сейчас женятся: то ли жених обязан встречать невесту «калымом». Все перепуталось: женщины надели мужскую одежду, мужчины бегают по магазинам, пока жены «пропадают на работе». Но самое главное — женщины часто оказываются умнее мужчин — непонятно, как им это удается! Трудно стало с современными женщинами, очень трудно. Так что, пока не поздно, думай, холостяк!

Иван ставит на стол пустую молочную бутылку, втыкает в горлышко скромный букет цветов и, прислонив к импровизированной вазе фотографию Алены, удовлетворенно оглядывается.

— Все! — говорит он.— Поехали встречать.

— Куда так рано? — удивляется Антон.— Самолет через три часа прилетит.

— Лучше заранее быть,— объясняет Иван.— Она ждать не любит.

— Видал? — смеется Павел.— Еще не обженился, а уже под каблуком.

В дверь позвонили. Иван вышел открывать. В коридор ввалился заиндевевший Борис, заполнив собой сразу все пространство.

— Прости, опоздал. Все по ее милости! — Он вытащил из-за спины худющую девчонку, смешную, конопатую, с горящими любопытством глазами.

— Нина! — представилась девчонка.

— Сестра? — улыбнулся Иван.

— Понимаешь, пристала как банный лист — покажи ей ведьминого жениха! — улыбнулся, раздеваясь, Борис.

— Как не стыдно, Борька! — зашипела девчонка, исподтишка лягнув брата ногой.

Она вошла в комнату.

— Ой! — воскликнула Нина, увидав фотографию Алены.— Это она?

Иван кивнул.

— Какая красивая! — восхитилась Нина, быстро глянула на Ивана и прибавила: — Вы тоже ничего... Но она лучше.

Все улыбнулись, а Борис посоветовал:

— Прикуси язык!

Нинка хотела тут же что-то возразить, но в дверь опять позвонили.

— Телеграмма! — мрачно сообщил занесенный снегом человек, подавая бланк «молнии». На бланке значилось: «АЛЕНА ПРИЕХАТЬ НЕ МОЖЕТ ЗАКОЛДОВАНА СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙТЕ ВЫРУЧАТЬ ПОЕЗДОМ № 13 ДРУЗЬЯ АЛЕНЫ».

Павел, Антон и Борис, читавшие телеграмму через плечо Ивана, растерянно переглянулись.

— Что же это...

Нина присела на корточки, тоже прочла текст и ахнула. От ее «аха» все заговорили.

— Постой, тут разобраться надо.— Рассудительный Павел взял телеграмму и принялся ее изучать.

— Чушь. Бред. Такого не бывает! — уверенно заявил Антон, не веривший ни во что, чего нельзя потрогать руками.

— Просто розыгрыш! — успокоил Борис. Однако это не возымело действия.

— Куда ж теперь? — бормотал Иван, разглядывая сразу две телеграммы: одну с извещением о вылете, другую — только что полученную.

— Конечно — в аэропорт! — решительно предложил Павел.

— Правильно! — обрадовался Антон.— А «друзей» этих мы потом разыщем.

— Поговорим как следует,— пообещал Борис, демонстрируя увесистый кулак.

Третий раз за вечер прозвучал дверной звонок. На лестничной площадке стоял парень в фирменной фуражке таксиста.

— Машина у подъезда. Спускайтесь скорее, а то опоздаете.

— Куда? — в один голос спросили все, стоявшие в коридоре.

— Как это — куда? — удивился таксист.— На поезд! Сорок минут до отхода...

Комната Алены. Сатанеева уже нет. На столе чашка с недопитым кофе, наполовину опустевшая корзинка с печеньем. Верочка и Катенька, потупившись, сидят за столом, Алена стоит перед зеркалом и рассматривает себя.

— По-моему, было очень мило. Вы не находите, девочки? — рассеянно произносит она.

— Да, Алена Игоревна,— не поднимая глаз, откликаются они.

Алена садится перед зеркалом и распускает волосы.

— Ну, ладно,— говорит она.— Держитесь за меня, девочки, не пожалеете... Катя, душечка, убери со стола. А ты, Верочка, причеши меня на ночь... Ох, как я устала!

Лихо развернувшись, такси подкатило к зданию вокзала.

Четверо друзей и Нина выбрались из машины и побежали по ступенькам.

— А вдруг билетов нет? — с ужасом предположил Иван.

— Как-нибудь посадим,— неуверенно пообещал Борис.

— Говорили тебе — не связывайся с ведьмами! — напомнил Павел.

В огромном вестибюле вокзала их встретило громогласное объявление:

— Пассажира Пухова и его товарищей, отъезжающих в Китежград, просим срочно подойти к четвертому окну,— сказал неожиданно разборчивый женский голос.

Иван опрометью бросился в указанном направлении. Антон, Борис и Павел переглянулись.

— Вот это фирма! — восторженно сказал Антон.— Действуют друзья Алены Саниной.

— Да, действительно — чародеи необыкновенных услуг! — усмехнулся Павел.— Билеты под Новый год!

— Подожди, подожди! — спохватился Борис.— Они вроде и нас приглашают...

— А ведь верно.— Антон посмотрел на товарищей.— Не стоило бы Ваньку одного на такое дело пускать...

— Едем! — решительно заключил Павел.

Они заторопились к кассе. Нина печально посмотрела вслед. Иван пробивался сквозь толпу. Очередь шумела:

— Не пускать его!

— Куда лезешь?

— Объявление слышали? — огрызнулся Иван.— Пухов я. Меня вызывали.

— Пухов! Тоже мне фамилия! — оттирая Ивана, возмущался здоровенный дядя.— Становись в хвост.

— Немедленно пропустите товарища Пухова! — послышался строгий голос из кассы.

Очередь обмякла и попятилась, открывая Ивану дорогу. Кассирша встретила его ласковой улыбкой.

— Что же вы... задерживаетесь? Мы вас ждем. Вот вам четыре билета, до самого Китежграда, с постельками...

— Четыре? — удивленно переспросил Иван и обернулся: на плечо его легла чья-то рука.

— Бери! — сказал Борис.— Мы с тобой.

Иван протянул в окошко деньги.

— Тут не хватает немножко,— все с той же ласковой улыбкой сообщила кассирша.

— Подожди! — засуетился Борис и крикнул: — Нина! — Потом объяснил Ивану: — У нее есть. Она тебе на подарок собрала.

Нинка выросла, словно из-под земли. Пользуясь тем, что Иван благодарно пожимал руки, она тоненьким голоском попросила:

— Тетенька, дайте пять билетов, пожалуйста. Только один в другом вагоне.

— Пять? — нахмурилась кассирша, но тут же закивала: — Хорошо. Пусть будет пять...

И протянула девочке посадочные бланки.

Комната Алены освещена мягким, неярким светом ночника. Алена спит, лицо ее во сне безмятежно. Верочка и Катенька, сняв туфли, прибирают со стола и о чем-то перешептываются. Вдруг Алена забормотала что-то во сне, перевернулась на спину. Девушки замерли, прислушались.

— Ванечка, дорогой,— шепчет Алена.— Как я соскучилась. Нет, нет, я приеду... обязательно...

— Ой, Катя! — всплеснула руками Верочка.— Во сне-то она любит!

Девушки склонились над Аленой, прислушались, но ничего, кроме ровного дыхания спящей, слышно не было.

На вокзальных часах стрелка приближалась к десяти. По заснеженному перрону, лавируя между пассажирами и автокарами, бежит Иван со своей компанией.

— Нинка, марш домой! — на ходу крикнул сестренке Борис.

— Боренька, только до вагона,— с небывалой покорностью попросила Нина.

— Вот он, тринадцатый! — объявил Иван.

У вагона их поджидала чуть ли не вся поездная бригада. Начальник поезда с моржовыми усами и физиономией, тоже напоминающей кого-то из морских млекопитающих, сделал шаг навстречу.

— Товарищ Пухов, если не ошибаюсь? — сиплым капитанским голоском осведомился он.

— А откуда вы знаете? — опешил Иван.

— Как же, ждем, беспокоимся даже... Предупреждены и наслышаны! Прошу!

Он взял билеты из рук Ивана, передал их проводнице и вежливо подсадил его в вагон под локоть.

— Волшебные услуги продолжаются! — шепнул Антону Павел, следуя за Иваном. Последним поднялся Борис.

— Как только тронемся, вам чайку горячего принесут, для сугрева подадут! — пророкотал им вслед начальник поезда и строго прибавил, обращаясь к проводнице: — С вафлями!

Та кивнула.

— Иди домой,— еще раз строго приказал из тамбура Борис, обращаясь к сестренке, оставшейся на перроне.

Нина помахала рукой вдоль состава.

В мастерскую волшебной древесины, держась за голову и постанывая, вошел Ковров. Брови его удивленно вздернулись. На верстаке, свернувшись калачиком, спал Брыль. Виктор гру-

бо потряс его. Брыль сел и уставился на друга еще не совсем осмысленным взглядом.

— А?

Ковров наклонился, понюхал его.

— Не-е! — замотал головой Фома.— Ни капли. Тебя ждал. Удалось?

— Едут! — однословно ответил Ковров и опять взялся за голову.

— Сейчас, сейчас.— Брыль засуетился, принялся массировать виски Коврову.— Сейчас мы тебе облегчение сделаем. Слушай, а почему ты сказал «едут»?

— С ним целая компания,— сквозь зубы процедил Ковров.— Заодно мы, кажется, проблему ансамбля решили.

— Музыканты? — обрадовался Брыль.

— Вроде того. Завтра Сатанееву доложим.

— Молодец ты, Витя! Трудно было?

— Друзья у него недоверчивые оказались,— вздохнул Ковров.— Пока внушил им — чуть не помер.

— Да, народ сейчас тяжелый пошел,— сочувственно закивал Брыль.— Внушению плохо поддаются.

— Все, полегчало,— сказал Ковров, отстраняя руки Брыля.— Надо бы с этим... Иваном по душам поговорить. А то без информации да с перепугу он много дров наломать может.

— Когда ж теперь говорить,— пригорюнился Брыль.

— А сейчас самое время,— усмехнулся Ковров, пристально глядя на собеседника.

Брыль поежился от его взгляда.

— Ты чего это, Витенька, так на меня смотришь? — недоверчиво спросил он.

— Соображаю, прикидываю...

— Знаешь, я, пожалуй, домой пойду,— скоренько засобирался Брыль.

— Чуть погодя,— остановил его Ковров.— Вот поговоришь с Иваном — и баиньки.

— Сам поговоришь! — взвизгнул Брыль, порываясь к двери.— Ты чародей, ты больше получаешь!

— Кто сколько получает, одна бухгалтерия знает,— смеясь, ответил Ковров, удерживая за плечи рвущегося Брыля.— У ме-

ня болит голова. А в разговоре этом волшебство нужно... житейское. Чтоб и котиком, и зайчиком... Главное, парня успокоить, ты это сумеешь. Понял? Так что приготовься, сейчас в купе очутишься.

— Ты что, с ума сошел? — по-заячьи заверещал Брыль.— Меня ж за вора вагонного примут. Арестуют! Побьют!

— Не боись... Вагонный! — гулко хлопнув по спине Брыля, засмеялся Ковров.— Я все устрою!

Мастерская озарилась жутковатым сиреневым светом. От дружеского хлопка Брыль как-то сразу сжался, затих и начал стремительно уменьшаться в размерах...

Поезд стремительно мчался сквозь зимнюю ночь. Иван сидел в купе на разостланной постели и думал, облокотившись о столик и подперев кулаком щеку. У локтя его тихо дребезжали четыре пустых стакана в подстаканниках. Товарищи уже спали. Ритмично тараторили колеса. Неожиданно послышался мягкий стук. Иван повернул голову.

В проходе между полками лежал тощий рюкзак, который он прихватил с собой. Иван поднял глаза кверху и застыл с открытым ртом. На краю багажной ниши, свесив ножки на дверь, сидел маленький человечек, весь покрытый серым пухом.

— Простите,— сказал человечек скрипучим голоском.— Я нечаянно уронил.— И он показал крошечной рукой на рюкзак.

Иван опустил взгляд на пол и снова уставился наверх.

— Э-э-э...— произнес он с трудом.— А вы, собственно, кто такой?

— Я вагонный...

— Кто-кто?

— Ну, как бы вам сказать это... Про домовых слыхали?

— Да.

— Про леших там, про водяных?

Иван кивнул.

— Вот. А я — вагонный. Временно... По специальной надобности.

Слова о «специальной надобности» почему-то совсем доконали и так перетрусившего Ивана.

— Вот я сейчас разбужу ребят, тогда узнаем, какая у вас надобность.

Человечек усмехнулся, но, впрочем, на всякий случай подобрал ноги.

— Не получится. Они будут спать теперь, пока я не уйду. Только тогда... возможно.

Вагонный начал ерзать на краю ниши и спрыгнул вниз. Но упал не сразу — сначала как бы повис в воздухе, смешно растопырив маленькие руки и ноги.

— Вот и все! — удовлетворенно сказал он запыхавшимся голоском.— Позвольте присесть?

— Конечно! — поспешно ответил Иван, отодвигаясь на всякий случай к окну.

— Я к вам по делу,— начал Вагонный, удобно устраиваясь.— Вы ведь точно Пухов Иван Сергеевич?

Иван облизнул губы и молча кивнул головой.

— Ну так вот,— продолжал Вагонный.— Вашу знакомую Алену Игоревну крепко заколдовали. Весну, то есть любовь и все такое прочее, из сердца ее вынули, а зиму вставили! — Он вздохнул.— Вот такие дела.— И посмотрел на Ивана.

— Вы что это, серьезно, что ли?

— Вполне. Теперь по порядку... Поскольку Алена Игоревна заколдована, сами понимаете, узнать вас она никак не может... потому что знакомство ваше только с любовью было связано. Так?

— Так.

— Вот. А в остальном она все понимает, оценивает... Только не как раньше, а иначе... Почти наоборот. Так что вы уж с ней поосторожней, пожалуйста...

— Что же мне делать? — с отчаянием спросил Иван.— Ведь я люблю ее!

— Понимаю, что любите! — охотно согласился Вагонный.— Это и хорошо! Потому что вот такой отыскался зигзаг волшебный: если она вас до новогодней полночи поцелует, так сразу и расколдуется.

— Как же она меня поцелует, если узнать не сможет?

— В том-то и вопрос! Но первым делом, Иван Сергеевич, надо вам в Институт под каким-нибудь видом проникнуть.

— Под каким же? — с надеждой спрашивает Иван.

— Вы ведь все музыканты, правильно?

— В некотором роде,— осторожно подтверждает Иван.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Вагонный.— Мы вас ансамблем представим! Годится?

— Да, но ведь мы без инструментов...

Вагонный хлопнул себя ладошкой по лбу.

— Эх, незадача! Недосмотрели... Ладно, приедем, тогда и дорешим задачку. А теперь должен я вас оставить. Ложитесь-ка спать, Иван Сергеевич, сил набирайтесь, пригодится.

— Да какой там сон, помилуйте! — воскликнул Иван.

— Ай, ай, ай! — укоризненно покачал головой Вагонный.— Вы ведь мужчина! Вас любила сама Алена Игоревна! А вы сразу раскисли... Смотреть неловко.

Иван исподлобья взглянул на Вагонного, и ему в самом деле стало неловко за свою слабость. Он подобрался, выпрямился.

— Вам действительно нужен сон,— сказал Вагонный и пристально посмотрел на Ивана.

Тот вдруг широко, с прискуливанием зевнул.

— Спите! — свистящим шепотом произнес Вагонный.— И запомните: ничему там не удивляйтесь и не делайте ничего серьезного самостоятельно, не посоветовавшись с Виктором Петровичем Ковровым или Фомой Остаповичем Брылем... особенно.

Иван повалился набок, закрыл глаза и начал засыпать, бормоча:

— Да, да... Не удивляться... Понимаю...

Вагонный посмотрел на него, улыбнулся и тихо запел колыбельную, мелодия которой временами сливалась с воем ветра за окном да перестуком колес. В песенке поется о том, что где-то, на глухой лесной тропинке вот-вот встретятся два года — Новый и Старый. Они пожмут друг другу руки и разойдутся навсегда — один в прошлое, другой в будущее. И каждый что-то понесет с собой, один — обретаемое, другой — утраченное. Как угадать, в каком мешке твои надежды?..

Крепко спит Иван под колыбельную Вагонного. Мчится поезд сквозь снежную мглу... Спит Алена в своей постели. Спит на верстаке Виктор Ковров, подложив кулак под голову, и во

сне его лицо все еще хранит хмурое выражение. Пошатываясь меж глухих белых стен с запертыми дверями, бредет по коридору гость с Кавказа.

Звучит песенка Вагонного. А на часах НУИНУ, выполненных в старинном стиле, с фигурками витязей по сторонам квадратного циферблата, стрелки показывают 12. И возникает новая дата — 30 декабря.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

Раннее утро. Заснеженный лес. Издали слышится гудок электровоза. Мчится поезд сквозь утренний зимний бор.

В купе, где спят четверо друзей, заглядывает проводница:

— Просыпайтесь, пожалуйста! Скоро Китежград, остановка по требованию.

Иван вскакивает первым, оглядывает купе, медленно пробуждающихся друзей.

— Значит, все это не сон? — бормочет он разочарованно.— Значит, действительно...— И поворачивается к окну.

Яркий зимний пейзаж, проносящийся мимо, сливается в сплошное цветовое мелькание. Вступает музыка. На фоне проносящихся цветных пятен возникает название фильма:

ЧАРОДЕИ

Вторая серия

Продрогшая со сна четверка во главе с Иваном теснится у двери в тамбуре.

— Мы теперь ансамбль, понятно? — наставляет друзей Иван.

— Более понятливых на свете нет, Ваня,— успокаивает Андрей.

— Кем надо, тем и будем,— прибавляет Борис.— Хоть балетной труппой.

Лязгнув буферами, поезд останавливается.

— Хватит трепаться, приехали,— говорит Иван.

— Они? — с неодобрением осматривая кучку людей на другом конце заснеженной платформы, осведомился Камноедов.

— Они самые,— подтвердил Фома Брыль.

— Непредставительные какие-то,— поморщился Камноедов.— Хлипкие...

— Так ведь музыканты, а не... грузчики,— ехидно напомнил Брыль.— По моде одеты, не в тулупах...

Он посмотрел на упакованного в огромный зипун Камноедова.

— А ведут себя тоже... по моде? — спросил Камноедов, указывая на группу приезжих, которые почему-то повернулись к встречающим спиной.

Перед Иваном, Борисом, Антоном и Павлом стояла Нина.

— Доброе утро, Боря! — сказала спокойно она.— Доброе утро, товарищи!

Борис открыл рот от изумления. Антон, глядя на него, засмеялся. Иван растерянно посмотрел вслед уходящему поезду, и только всегда невозмутимый Павел наблюдал эту сцену спокойно.

— Первым же поездом поедешь обратно,— начал было Борис.— Чтобы духу твоего...

Прозвучавший с другого конца платформы начальственный голос перебил его:

— Товарищи ансамбль! — требовательно произнес Камноедов.— Что там у вас? Мы ведь ждем!

Друзья разом обернулись к встречающим. Нина резво выскочила вперед:

— А мы готовы! Здравствуйте!

Брыль и Ковров недоумевающе переглянулись.

— Здравствуйте,— уставясь на девочку, отозвался Камноедов.— Вы кто?

— Я? — Нина обвела всех удивленным взглядом.— Как, неужели вы меня не узнали? Нина Бойцова, лауреат международного конкурса, меня два раза по телевизору показывали!

— Во, дает! — восхищенно прошептал Антон.

— Теперь пропали! — пролепетал Иван и повернулся к Борису.— Уйми ты ее скорее!

— А зачем унимать? — вдруг спокойно отреагировал брат.— Она верно общественность информирует. Детский хор, в котором она поет с пеленок, действительно стал лауреатом.

Камноедов смущенно хмыкнул.

— Да, конечно, лауреатов мы знаем... только в жизни вы... немного другая. В общем, прошу за мной.

У дороги стоят двое саней, запряженные тройками. Откинув меховую полость, навстречу идущим из саней поднимается Алена, с любопытством разглядывая приезжих. Иван замер, глядя на Алену.

— Она? — тихо спросил тоже остановившийся Борис.

— Она! — одними губами произнес Иван.

— И действительно — ничего! — восхищенно уставясь на Алену, произнес Антон.

Иван яростно глянул на него и подошел к саням, где возлежала его невеста.

— Здравствуй!

Алена подняла недоумевающие глаза, томно улыбнулась.

— Здравствуйте...

— Ты меня не узнаешь? — бледнея, спросил Иван.

Камноедов повернулся всем своим могучим телом к Ивану и нахмурился:

— А собственно, почему Алена Игоревна вас должна узнавать? Вы разве знакомы?

— Не припоминаю...— растягивая слова, кокетливо произнесла Алена, пристально разглядывая молодого человека.

— Ты что, не предупредил его? — прошептал Ковров, обращаясь к Брылю.

— Предупредил лучше некуда,— возразил Брыль.— Но ведь влюбленные все сумасшедшие.

— Тормози его! — приказал Ковров, исподтишка пнув Брыля ногой.

Брыль ахнул, но поспешил на выручку.

— Вы обознались, дорогой товарищ! У нашей Алены Игоревны лицо довольно типическое...

— Что?! — Алена чуть не выпрыгнула из саней.— Кто вам дал право на подобные суждения о моей внешности?

— Безобразие, товарищ Брыль! — рявкнул Камноедов.— Вы это прекратите!

— Так ведь я ничего не хотел,— забормотал испуганный Брыль.— Я только насчет того, что товарищ заблуждается...

— Сами вы заблуждаетесь! — перебил его Камноедов.— Берите вожжи. Командуйте лошадьми, это у вас лучше должно получиться.

Совсем затюканный Брыль забрался на облучок.

— Прошу рассесться! — продолжал руководить Камноедов. И обратился к Ивану: — Вы, пожалуйста, сюда.

Он усадил Ивана в пустые сани и, ревниво оглядевшись, сел рядом. С другой стороны быстро пристроился Ковров. Здоровенный Павел, кряхтя, опустился на розвальни в ногах у Ивана.

Лошади рванулись, взметнулся пушистый снег, и тройки помчались через лес. На первой тройке, которой управлял Брыль, ехали: Алена, Нина, Борис, Антон. Вторая, с кучером на облучке, везла Ивана, Камноедова, Коврова и Павла.

— Видишь, как красиво! — сказала Нина Борису.— И воздух чистый! И вообще, без меня вы пропадете.

Борис хотел что-то ответить, но не успел.

— Места у нас заповедные,— нараспев произнесла Алена, улыбаясь девочке той рассеянной полуулыбкой светской красавицы, которая появилась у нее после памятного посещения кабинета Киры Анатольевны.— Колдовские места... А как зовут молодого человека, который так странно со мной поздоровался? — Она посмотрела на Бориса.

— Пухов Иван Сергеевич,— ответил Борис, с надеждой вглядываясь в лицо Алены.— Может быть, слышали?

— Иван Сергеевич,— повторила Алена.— Как Тургенева...— На лице ее сохранилось безмятежное выражение.— Нет, не припомню.

Борис и Антон обменялись многозначительными взглядами. На второй тройке тоже затеялся разговор.

— Где же все-таки вы с Аленой Игоревной встречаться изволили? — светским тоном осведомился Камноедов, тщетно пытаясь развернуть свое погруженное в тулуп тело к собеседнику.

Иван открыл было рот, но вздрогнул от удара справа.

— В школе, говори, в школе! — прошипел Ковров, не разжимая губ.

— В школе,— покорно повторил Иван.

— В обыкновенной, средней? — продолжал допытываться Камноедов.

— Да, в средней.

Камноедов недоверчиво покосился на Ивана.

— Алена Игоревна специальную школу заканчивала. Для особо одаренных детей. Вы ведь не были особо одаренным?

— Не был...

— Значит, не она...

— Не она,— кивнул Иван.— Это точно не она...

— А где же ваши инструменты? — полюбопытствовала Алена, удивляясь полному отсутствию багажа у приезжих.

— А везде,— подмигнув Антону, бодро ответил Борис.

— Колокольцы под дугой видите? — принимая игру, спросил Антон.

— Вижу. И что же? — осведомилась Алена.

— А то, что сейчас музыка будет! — пообещал Антон, перебираясь на облучок и вынимая кнут из рук Брыля.

Он тронул кнутовищем колокольчики, они откликнулись чистым звоном. Лошади, мотнув головами, побежали быстрее.

— Э-гей! — крикнул Борис.— Подтягивай!

— Э-гей! — отозвалось в лесной морозной тишине.

Подхватив с дороги палку, Борис провел ею по ряду проносившихся мимо берез. Белые стволы откликнулись задорным глиссандо.

— Э-гей! — сзади, оттуда, где шла вторая тройка, послышался раскатистый бас Павла.

Антон, выхватив из кармана расческу, заиграл на ней, весело поглядывая на Алену. Борис, уловив недоверчивый взгляд Алены, склонился к Нине, шепнул:

— Давай выручай, лауреатка!

В лесной тишине возникла, организовалась и разнеслась окрест веселая песня, которую повела первым голосом Нина, а вторили ей Антон, Борис и Павел. Пелось в песенке о холодном снеге, о горячем сердце, о живых ключах подо льдом, которых не заморозить самой лютой стуже. В общем, о чем-то таком, зимне-веселом, лихом и радостном.

Быстро помчались лошади. Заулыбались, щуря глаза от ветра, люди. Одна за другой понеслись тройки неширокой просекой среди заваленного снегом леса. Вырвались на опушку, на покрытый снегом простор. И тут перед ними, словно сам собой, из туманной морозной мглы возник обозначенный каменными приворотными столбами белый от инея Китежград.

С шиком развернувшись, тройки затормозили у странного сооружения. Это была старинная, из неохватных бревен, резная изба с вывеской, на которой значилось: «Музейный склад НУИНУ». Сбоку виднелся огромный инвентарный номер. Дверь избы распахнулась, на крыльцо вышел Сатанеев и широким жестом пригласил:

— Прошу!

После чего бросился помогать Алене выбраться из саней. Иван непроизвольно потянулся к Алене и хотел было опередить Сатанеева, но его задержал Ковров.

— Аполлон Митрофанович,— забубнил Камноедов, провожая Сатанеева с Аленой.— А может, в гостиницу их все-таки, а?

— В гостинице бронь. Для комиссии,— отрезал Сатанеев.

— Да как же я их в музей оформлять буду? — продолжал Камноедов.

— Оформляйте как экспонаты.

— Живых?!

— Условно, условно...

— А потом списывать как?

— По акту, как пришедших в негодность.

Антон, Борис и Павел весело переглянулись.

Топая ногами и спотыкаясь о высокий порог, все вваливаются в большую комнату. Стену слева занимает огромная русская печь с многоместной лежанкой. На лежанке в солдатском порядке разложены постельные принадлежности. У противоположной стены — стол, покрытый груботканной скатертью. Под потолком сверкает многосвечовая лампа с абажуром... Повсюду в ярком свете переливаются инвентарные номера.

— Вот-с! — с видимой гордостью произносит Сатанеев.— Здесь и располагайтесь. Простота и, как видите, чистота. Скатерть у нас — самобранка, для служебного пользования. Меню скромное, но питательное.

Метнув взгляд в сторону безмятежно улыбающейся Алены, он понижает голос:

— Ванна и прочие... удобства за углом, в гостинице. Завтра вам оформят пропуска.

— В удобства? — тихо съехидничал Антон.

Сатанеев серьезно посмотрел на него, ехидства не понял, кивнул:

— До 23.00, конечно, как положено.

Пока он говорил, Иван не спускает глаз с Алены и все время порывается приблизиться к ней. Алена тоже искоса поглядывает на Ивана. Сатанеев, заметив эти взгляды, начинает нервничать и старается встать так, чтобы загородить Алену от Ивана. Иван, в свою очередь, почти бессознательно маневрирует, переходя с места на место. Ковров и Брыль с двух сторон приперли Ивана и теснят его в угол.

— Стой на месте! — шепчет Брыль.

— Не хочу! — отвечает Иван тоже шепотом.

— Себя погубишь! — цедит сквозь зубы Ковров.

— Ну и пусть! — рвется вперед Иван.

— Ее погубишь! — предупреждает Брыль.

— Стою...— шепчет Иван, обмякая.

Вздох облегчения вырывается одновременно из груди Коврова и Брыля.

— Сейчас мы вас оставляем,— объявляет Сатанеев.— Располагайтесь, отдыхайте. А потом милости просим на ученый... Простите, на этот раз художественный совет.

Взяв Алену под руку, он идет к двери. Иван провожает Алену глазами. Ковров и Брыль с нетерпением ждут, когда за Сатанеевым закроется дверь. Словно почувствовав это, он оборачивается и, окинув подчиненных строгим взглядом, напоминает:

— Рабочий день еще не кончился, прошу за мной.

На крыльце, пропустив вперед Коврова с Брылем, Сатанеев в сердцах хлопнул дверью.

— Совершенно невоспитанный молодой человек!

— Вы это о ком? — наивно полюбопытствовала Алена.

— Сами знаете,— обиженно пробурчал Сатанеев.— То-то вы с ним кокетничали!

В избе царило молчание. Только Нина с любопытством посматривала по сторонам, знакомясь с новой обстановкой.

— Нет, это просто немыслимо! — Иван хлопнул ладонью по столу.— Она действительно меня не узнает! Чертовщина какая-то!

— Так ведь и вправду чертовщина,— осторожно напомнил Борис.

— А я вот никакой чертовщины не заметил! — безапелляционно заявил Антон и тоже хлопнул по столу.— По-моему, тут просто...

Но договорить ему не удалось...

— Что угодно, граждане? — осведомился вдруг неприязненный женский голос.

Все вздрогнули. Оглянулись. В комнате никого лишнего не было.

— Так что угодно? — повторил Голос.

— Это вы... нам? — осторожно спросил Антон, убирая руку со стола.

— Вам, а кому ж еще? Что будете заказывать?

— Не понимаю...— Антон беспомощно обернулся к товарищам.

— Я ведь, кажется, русским языком спрашиваю: что заказывать будете?

— То есть в каком смысле? — почему-то заглядывая под стол, осведомился Борис.

— В обыкновенном! — ворчливо ответил Голос.— Стучат, требуют, а чего — сами не знают. Потом еще жалуются... Ну, чего будете есть?

— Ребята! — спохватился Павел.— Это же скатерть-самобранка!

Нина взвизгнула от восторга.

— Да, да, самобранка я и есть! Делайте заказы, что ли, раз позвали!

— Сию минуту! — засуетился Антон.

— Не сразу сообразили,— уточнил Павел — самый спокойный, самый молчаливый и самый голодный из всех.— Кому чего, говорите быстрее!

— Мне пирожное, эклер с кремом! — скоренько говорит Нина и даже закатывает глаза от предвкушения.

— Нет пирожных,— категорически заявляет скатерть.— Крем прокис. Дальше.

Нина растерянно умолкает.

— Что ж,— рассудительно говорит Борис,— тогда всем по яичнице... с ветчиной.

— Ветчина кончилась.

— Тогда можно просто, из трех яиц, верно, ребята? — предлагает Павел.

— Из двух будет!

— Хорошо, из двух,— соглашается заметно приунывший здоровяк.

— Так, дальше.

— Тебе чего, Иван? — участливо спрашивает Борис.

— Все равно,— откликается несчастный влюбленный.— Давай чаю.

— Точно, всем чай с лимоном! — подхватывает Антон.

— Вы что, граждане, белены объелись? Какие вам зимой лимоны?

— Ладно, просто с сахаром,— мрачно говорит Павел.

— И по бутерброду с сыром, можно? — робко добавляет Нина.

— Сыра нет.

— А что же есть? — желчно вопрошает Антон.

— Портвейн есть — «Акстафа», «Солнцедар»[1], плодово-ягодное.

— Этого пока не надо,— вздохнул Борис.— Не с чего...

---

[1] По наличию в меню скатерти-самобранки «Солнцедара» можно довольно точно определить подразумеваемое Авторами время действия фильма: 1970—1973 гг. Этот дивный напиток был изобретен на Московском межреспубликанском винзаводе. Несортовое красное сухое вино, поставляемое из Алжира взамен нашей нефти, крепили дешевым спиртом и услаждали сахарком, после чего разливали почему-то в шампанки, по-тогдашнему — «бомбы». Эффект был убойный. В 1973 г., после того как достаточное количество народу потравилось, напиток стали дополнительно очищать, а получившийся продукт назвали «Портвейн-73», он тоже быстро приобрел славу бича городов, но прежней силы уже не имел.— *В. Д.*

— Тогда все, да, ребята? — Антон обвел приятелей глазами.

— Все?! — изумилась скатерть.— Тоже мне — клиенты!

На стол в беспорядке брякнулась кучка чайных ложек, солонка без соли и пустая сахарница.

— М-да,— раздумчиво произнес Борис.— Что-то здесь у них тоже еще не отлажено.

— А есть хочется,— тихонько вздохнула Нина.

Борис грозно глянул на сестру. Она умолкла. Иван вдруг вскочил на ноги, с грохотом уронив тяжелую табуретку.

— Все у них отлажено! Чародейство... волшебство... Видали, что они с Аленой сделали? Я к ним не на худсовет, я в прокуратуру[1] пойду!

— И чего шумят, чего шумят,— снова раздался сварливый голос.— Нервы только портят! Вот вам заказ, успокойтесь! Было бы из-за чего шум поднимать...

На столе возникают пять сковородок с дымящейся обугленной яичницей и оловянная тарелка с грубо нарезанными ломтями усохшего хлеба.

— Мне бы только до директора этого НУИНУ добраться,— продолжает свой монолог Иван, рубя воздух руками.

— А вот этого совсем не надо,— негромко произносит Ковров, появляясь в дверях. За спиной его топчется Брыль.— Извините, что без приглашения. Еле вырвались. Что тут у вас происходит?

— Словно бы пожар начинается,— вертя головой и принюхиваясь, сообщает Брыль.

Взгляд Коврова падает на стол.

— Ах, вон оно что...— Не раздеваясь, он с размаху бьет кулаком по скатерти.

— Чего шумите, граждане? — сейчас же отзывается сварливый женский голос.

— Ты что себе позволяешь? — свирепо рычит Ковров, выпячивая челюсть.— Ты чем гостей потчуешь?

---

[1] Очень разумное разрешение этой глупой интриги. Подать заявление в прокуратору и копию в КПК (Комитет партийного контроля при ЦК КПСС). То-то забегали бы, чар-родеи! — *В. Д.*

— Сейчас, сейчас, сию минуту,— испуганно шепчет Голос, и жуткие яичницы с ископаемым хлебом исчезают со стола, а скатерть переворачивается чистой расписной стороной.— Чего прикажете?

— Если еще раз себе позволишь такое...— гремит Ковров, раздеваясь.

— Виновата, виновата, зазевалась...

— Давай фирменную посуду, самовар и все, что к нему полагается! И быстро! Одна нога... или что там у тебя... здесь, другая — там!

— Сию минутку! — Перед изумленными москвичами на скатерти с молниеносной быстротой появляются: яичницы с ветчиной, пузатый кипящий самовар с заварочным чайником на конфорке, россыпь пузатых чашек на блюдцах, вазочки с вареньем, корзина дымящейся сдобы, сахарница и расписные деревянные ложки.

— Вот так! — удовлетворенно говорит Ковров и принимается с привычной сноровкой разливать чай.

— Здорово! — искренне воскликнула Нина.

Взрослые засмеялись, задвигались, подставляя чашки. Даже Иван присел к столу, выжидательно поглядывая на Коврова.

— Как вы это с ней ловко! — восхищенно сказал Борис.

— Нас она совершенно не слушалась,— признался Антон.

— Потачку ей давали, вот и не слушалась,— объяснил Ковров.— А у нас разговор короткий: чуть что не так — в нафталин, на вечное хранение. В сфере услуг, знаете ли, пока еще характер требуется. Не докажешь — не получишь!

— Теперь, наверное, полегче будет, когда палочку-выручалочку в строй введем,— вступил в разговор Брыль.

— Палочку-выручалочку? — переспросила Нина.— Что это?

— По номенклатуре — волшебная палочка,— объяснил Ковров,— незаменимая вещь для сферы услуг.

— Она действительно все может? — насторожился Иван.

Брыль, потягивая чай из блюдца, утвердительно кивнул.

— Не все, но очень многое,— уточнил Ковров.

— А где она, где? — не утерпела Нина.

— Как и положено — в ларце,— хитро прищурился через блюдце Брыль.

— А, знаю,— разочарованно протянула девочка.— Ларец на дереве, дерево на острове... В общем, разыгрываете, да?

— Ничего подобного,— улыбнулся Брыль.— Ларец в кабинете директора...

— Того самого, которого мне видеть не надо? — спросил Иван, глядя на Коврова.

Тот отодвинул чашку в сторону и сразу стал серьезным.

— Не которого, а которую. Кира Анатольевна Шемаханская. Крупнейшая величина в нашем деле, доктор наук, маг первой статьи. К ней ходить нельзя. Неизвестно, чем это может кончиться. И никому себя объявлять не надо. Алену спасать надо.

— Но как, как это сделать? — сдерживаясь, спросил Иван.

Ковров оценивающе посмотрел на него.

— Есть одна идея, но она требует хладнокровия...

Шемаханская стояла у окна, спиной к Сатанееву.

— Ансамбль, может, и неплохой, только странные они какие-то,— докладывал Сатанеев, сидя в кресле.

— В чем эта странность? — не поворачиваясь, осведомилась Кира.

— Без инструментов... и вообще...— Сатанеев пожал плечами.

— А хорошо поют?

— Алене Игоревне понравилось. Говорит — недурно.

— Ладно. Послушаем. Как она там?

Этот вопрос был задан с видимым трудом.

— Алена Игоревна? — сразу сладко запел Сатанеев.— Удивительно мила. Удивительно! После того... сами знаете... еще очаровательнее стала.

— Понятно,— резко прервала его Кира.— У вас все?

— Гм-гм,— прокашлялся зам по общим вопросам.— Еще вот... Телеграмма от Киврина. Просит встретить завтра. Приезжает восьмичасовым.

— Встречать не надо.

— Но он может сам добраться... до 24 часов.

— Примите меры, чтобы до этого срока он не появлялся в институте.

— Может быть, приказ об увольнении? — быстро спросил Сатанеев, раскрывая принесенную с собой папку.— Я готов взять на себя обязанности вашего зама по науке. Мне это будет нетрудно.

Кира, не оборачиваясь, покачала головой.

— Я не сомневаюсь, что науку вы легко победите, но не стоит вам обременять себя ею. Идите.

Сатанеев молча направился к двери. Уже выходя, обернулся и, увидев у окна строгий силуэт стоящей к нему спиной женщины, пробормотал еле слышно:

— У, ведьма!

Кира не обернулась. Только отражение ее лица в оконном стекле чуть дрогнуло в презрительной усмешке.

В избе завершается трудный разговор.

— Вот так-то, милый Ваня,— говорит Ковров.— Надежда, как видишь, только на тебя.

— Один всего поцелуй у нее выпросить,— проникновенно произносит Брыль.— Только один!

— Замолчи, Фома! — обрывает его Ковров.

— Фома в какой-то степени прав,— раздумчиво говорит Павел.— Действительно, один поцелуй...

— И все же непросто это,— вздыхает Борис.

Нина смотрит на всех любопытными глазами.

— Для нее это единственное спасение,— тихо напоминает Ковров.

— Я на все готов,— говорит Иван.

— Тогда пошли.— Ковров поднимается с места.— Худсовет скоро.

— А как же мы без инструментов? — спрашивает Антон.

— У нас в мастерской одна гитара есть. И потом, вы же на всем играть можете,— хитро улыбается Брыль, собирая со стола деревянные ложки.

Ковров аккуратно стучит согнутым пальцем по скатерти.

— Чего изволите? — немедленно отзывается укрощенный Голос.

— Сколько с нас?

— Четыре восемьдесят девять.

Ковров бросает на стол пятерку. Она мгновенно исчезает.

— А сдача где? — сурово произносит Ковров.

— Я думала, вы уже ушли,— обиженно произносит Голос.

На столе появляются десять копеек.

— Копейку давай! — неумолимо требует Ковров.

— А «пожалуйста» разве ничего не стоит? — робко спрашивает Голос.

Однако копейка появляется, правда, решеткой вверх.

— «Пожалуйста» у нас в ассортименте.— Непреклонный Ковров забирает копейку.

Дверь в директорский кабинет широко распахнулась.

— Пожалуйста,— радушно приветствовала «артистов» Кира.— Мы вас ждем.

— Давно,— счел необходимым добавить Камноедов.

Сатанеев недовольно завозился в кресле и повернулся к Кире, сидевшей рядом.

— Опять — без инструментов! — Он погрозил пальцем Коврову.— А ведь я распоряжение отдал!

Не слушая его, Кира слегка кивнула Алене.

— Что вы нам исполните? — любезно осведомилась Алена.

Иван, не отрывавший глаз от девушки, облизнул пересохшие губы.

— Одну песню, которую, возможно, вы вспомните...

— Обратите внимание, как он на нее смотрит,— возмущенно забубнил Кире Сатанеев.— Прямо даже... неприлично как-то!

— А мне молодой человек нравится.— Кира усмехнулась.

— Здесь мы с вами не совпадаем,— сердито буркнул Сатанеев.

Кира ничего не ответила. Иван откашлялся и, по-прежнему глядя на Алену, произнес:

— Песня о Снегурочке.

— Очень хорошо,— улыбнулась Алена и посмотрела на Киру.— Прямо для Нового года.

Неожиданно секретарша, сидевшая за спиной Киры, подалась вперед.

— Простите, можно спросить? Это для протокола...

— Да? — Кира недовольно обернулась.

— Как называется ансамбль?

Этот вопрос оказался для ансамбля явно неожиданным. «Артисты» начали шептаться.

Брыль и Ковров переглянулись.

Нина, оттесненная шепчущимися мужчинами, вдруг повернулась к Кире и громко объявила:

— Ансамбль «Пятеро смелых»!

Мужская группа разом вздрогнула, распалась и непроизвольно выстроилась, поняв, что название у них уже есть. Исполнители выхватили деревянные ложки. Только Борис вытащил из-за спины старую, чудом склеенную гитару. Прозвучал сильный аккорд. Ударили ложки, потом вступили голоса. И зазвучала мелодия. Та самая, которую пели по телефону друзья Алене, которую слышал и сразу узнал Сатанеев, отчего он вздрогнул и поежился, внимательно следя за Аленой. Но на этот раз мелодия звучала не так дробно и весело, в ней слышалась грусть, тревога. Потом вступила Нина, и полилась песня о Снегурочке — холодной, прекрасной, гордой и недоступной, которая живет в самой глубине заповедного леса. Но почему по вечерам ее холодное сердечко сжимает тоска? И тогда она тихо выходит на опушку, таясь от лесных обитателей, от старого Деда Мороза, чтобы полюбоваться далекими россыпями огней человеческих городов, послушать голоса пролетающих самолетов и помечтать о ком-то, кого она еще и сама не знает.

Поют, слагая мелодию, мужские голоса, ведет песню Нина, и все участники этой сцены по-разному и с разными чувствами поглядывают на Алену. С надеждой и трепетом смотрит на невесту Иван. Подозрительно шарит глазами по лицам присутствующих Сатанеев, наливаясь злостью, косится на Киру — придет ли она ему на помощь в критическую минуту, если такая наступит. Ведь должна прийти, просто обязана!

Задумчиво смотрит перед собой Кира, лишь изредка вскидывая глаза на Алену, к которой обращена песня. И весь ансамбль смотрит на девушку. Смотрят Ковров и Брыль, ожидая ее реакцию, смотрит Нина. И только Камноедов ни на кого не смотрит. Он спит.

А Алена безмятежно и заинтересованно слушает. Лишь раз, в конце песни, пробежало по ее лицу легкое облачко, такое же неуловимое, как при встрече с Иваном у станции. Пробежало и исчезло.

Ковров отвернулся. Сатанеев облегченно вздохнул. Песня кончилась. Воцарилось молчание. Иван неотрывно глядел на Алену, а она повернулась к Кире. Но та сидела, задумавшись. Камноедов спал, и в наступившей тишине стало слышно, как он мерно посвистывает носом. Первой решила нарушить молчание Нина. Она шагнула вперед, оказалась рядом с Аленой и тронула ее руку.

— Вам не понравилось?

Алена обернулась к девочке.

— Нет, нет, очень... мило. Во всяком случае, ты просто молодец!

И, привстав с кресла, она поцеловала девочку. Глаза Нины расширились. Схватив Алену за руку, она потащила ее за собой, к Ивану.

— Не меня, не меня! Его поцелуйте! Это он, он песню придумал, скорее, ну, прошу вас, очень прошу!

Ошарашенная таким напором, Алена сделала несколько шагов к Ивану. Мужчины в «ансамбле» даже подались вперед. Иван замер. Но, сделав несколько шагов, Алена опомнилась, остановилась и вернулась назад. Привставший было Сатанеев снова, со вздохом облегчения, уселся в кресло. В неожиданно возникшей тишине прозвучал негромкий голос Киры:

— Спасибо. Мы сообщим вам свое решение.

В коридоре все обрушились на Нину.

— Тебя кто просил? — осведомился Борис.

— Ты нам все, наверное, испортила! — упрекнул Антон.

— Детям нельзя лезть не в свое дело! — рассудительно заметил Павел.

— Я... Я хотела, как лучше! — защищалась Нина.

— Оставьте ее,— встал на защиту Нины Иван.— Она ведь от чистого сердца...

В кабинете директора Сатанеев метался от стены к стене, свирепо поглядывая на дверь.

— Как вам это нравится? — обратился он к Кире.— Неслыханно! Просто неслыханно! Ребенка явно подучили.

Кира пропустила эту реплику мимо ушей.

— Мне, в общем, нравится,— спокойно сказала она.— Оригинально, как вы правильно заметили. Не у всех на слуху. Надо, конечно, снабдить их инструментами и пригласить на завтрашний бал.

— После всего, что произошло? — возмутился Сатанеев.

— А что произошло? — слегка нахмурилась Кира.— Разве было что-нибудь недостойное, Алена Игоревна?

— Нет,— спокойно ответила Алена.— Я не знаю, почему наивный поступок девочки вызвал такую реакцию у Аполлона Митрофановича.

Сатанеев подошел вплотную к директорскому столу.

— Она не знает,— конфиденциальным тоном заговорил он.— Но мы-то! Ансамбль этот надо гнать в шею.

— И не только в шею,— уточнил Камноедов.

— Пригласите их на завтра и обеспечьте все условия.— Кира склонилась к лежащим на столе бумагам, давая понять, что разговор окончен.

Сатанеев развел руками. Члены худсовета начали расходиться. Сатанеев задержал Коврова и Брыля.

— Поручаю вам... Проследите за этими... артистами. Особенно за... Плюховым или как его там.

— Проследим,— коротко пообещал Ковров.

— Все сделаем в лучшем виде! — заверил Брыль.— Вы и знать ничего не будете... неприятного.

В коридоре Сатанеев остановил Алену.

— Очаровательница, я умоляю вас о свидании!

— Когда? — деловито осведомилась она.

— Сегодня вечером я мечтал бы видеть вас у себя. Нам ведь нужно закончить разговор, от которого зависит вся наша жизнь!

— Значит, это важный разговор?

— И вы еще спрашиваете!

— Заходите,— говорит Алена, решительно распахивая дверь своей лаборатории.— Я не люблю откладывать важные дела на вечер.

В мастерской волшебной древесины Брыль помогал Борису отбирать дерево для инструментов. Все участники ансамбля придирчиво осматривали материал.

— И чтоб сухое было, и волокна ровные,— наставлял Борис.

— Да у нас здесь все высшего качества! — кипятился Брыль.— Древесина экстракласса! Из нее волшебную палочку делали, а не то что ваши балалайки!

— Дядя Фома, а я в кабинете ларец на столе видела! — подскочила к Брылю Нина.— Палочка-выручалочка там прямо и лежит?

— Там и лежит,— рассеянно ответил Брыль.

— А увидеть ее можно будет? — сгорая от любопытства, допрашивала Нина.

— Завтра увидишь,— рассеянно отвечал Брыль, наблюдая, как Антон и Павел отбирают необходимые инструменты.

Иван со стороны внимательно прислушивался к этому разговору.

— Это вот на барабан пойдет,— показывая Ивану кусок кожи, сказал Борис.

— Разорите вы меня,— горестно вздохнул Брыль.— Чистый шагрень! На барабан... Потом хоть верните, что останется.

— Не ной,— оборвал его Ковров, ходивший по мастерской из угла в угол.— Переживай молча! Думать мешаешь!

— Мы пошли,— объявил Борис, нагруженный деревянным хламом.— Всю ночь мастерить придется.

— Идите,— кивнул Ковров.— А ты, Ваня, останься.

Борис с товарищами направились к двери, навстречу им вошли, почти вбежали девушки-лаборантки из Алениной лаборатории, Верочка и Катенька. Катенька всхлипывала, утирая покрасневший носик крохотным платочком, превратившимся в мокрый лоскуток.

— Опять,— горестно всплеснул руками Брыль.

— Она нас выгнала,— объяснила Верочка.— Пришла... с этим... Сама как сатана... У меня сразу все из рук валиться начало... Я ее боюсь!

— Перестань, хватит, ты же знаешь, почему она такая,— успокаивала подругу Верочка.

— Все равно я не могу! — снова заплакала Катенька.— Она мне... говорит... безрукая!

— За что? — спросил Ковров.

— Она колбу разбила,— объяснила Верочка.

— Да-а.— Брыль истово почесал в затылке.— Прижмет нас Аленушка, если жениха не поцелует.

Ковров подошел к Ивану.

— Вот что, пойдешь на свидание с Аленой.

— Когда?! — встрепенулся Иван.

— Сегодня ночью. Но для этого надо тебе один трюк освоить...

В пустой лаборатории абсолютных неожиданностей Алена сидела на столе, а перед ней, нависая пылающим носом над ее прекрасными коленями, млел Сатанеев.

— ...Я еще не сказала вам «да», а вы уже разрешаете себе сцену ревности. Что же будет дальше?

— Вы разрываете мне сердце, прелестница! — стонет Сатанеев.— Я не могу смотреть, как он на вас смотрит!

— Фи, какой слог!

— Это от искренности и волнения.

— На меня многие смотрят.

— Но ведь и вы... Вы тоже смотрели на него.

— Что ж, должна вам сказать, в нем есть нечто привлекательное.

— Но что, что? — заламывая руки, вопит Сатанеев.

— Это я скажу вам позднее.

— Он проходимец! И ноги у него кривые.

— Разве? — улыбнулась Алена.

— Ну, может быть, не ноги, но все равно, он недостоин вас.

— Это другое дело,— соглашается Алена.

— Очаровательница! — почти всхлипывает Сатанеев и пытается обнять ноги Алены, но она ловко убирает их и грозит ему пальцем.

— Да, я согласна быть вашей женой, но при соблюдении определенных условий.

— Готов! Заранее готов на все!

— Во-первых, если вы не будете шалить...

Сатанеев поспешно принимает смирную позу.

— Во-вторых, нам нужна квартира из четырех комнат. Ваша годится только на первый случай. Потом мы должны посмотреть... Париж, Рим, Токио...

— Будет, будет! Все, что вы захотите,— с готовностью соглашается Сатанеев.

— Далее. Мне нужна должность заместителя директора по науке. Это в течение, скажем, полугода после брака.

— Любимица, а как же Киврин?

— Киврин? Это меня не интересует.

— Гм... Да... Впрочем, вы правы.

— Затем, в перспективе, через год-два, ваш и мой перевод в Москву.

Сатанеев молча кланяется.

— Договорились? — ослепительно улыбаясь, спрашивает Алена.

— Договорились,— сипло ответствует Сатанеев.— Позвольте ручку, мое сокровище.

— Нет, нет, не спешите. Это еще не все!

Алена танцующей походкой приближается к Сатанееву, на ходу включая магнитофон. Раздаются звуки музыки.

— Я хочу танцевать! — объявляет она и кладет руку на плечо Сатанееву.

Напряженно улыбаясь, он, с трудом перебирая ногами, начинает кружиться в вальсе. Темп нарастает. Это уже не вальс, а рок. Сатанеев задыхается.

— Пощадите, богиня! — молит он и валится в кресло.

— А вот теперь,— говорит Алена, продолжая танцевать вокруг рухнувшего кавалера,— я скажу вам, что привлекло меня в этом молодом человеке!

— Что же? — борясь с одышкой, спрашивает Сатанеев.

— Его молодость! Я хочу, чтобы и вы были молоды и могли танцевать со мной, пока я не устану!

— Вы шутите, любовь моя! Это невозможно! — в ужасе восклицает Сатанеев.— Молодость не возвращается!

— Можно вернуть утраченные силы,— возражает Алена.

— Но как, как? Говорите, я все сделаю.

— Тогда слушайте внимательно!

И Алена напевает лихую колдовскую песню про рецепт Конька-Горбунка. Она поет и танцует одновременно, прекрасная и страшная, как ведьма. В песенке говорится, как, не жалея себя, можно избавиться от груза лет, искупавшись в молоке и двух водах, в одной воде вареной, а другой студеной. Песенка отчасти пародирует распространенную сегодня рецептуру омоложения и прерывается вопросами напуганного Сатанеева, которые вплетаются в ткань текста. Сатанеев все время пытается уточнить «степень риска». Алена отвечает ему, что риск есть, и немалый, но другого рецепта нет. Песенка заканчивается вопросом, готов ли он согласиться на все требования.

— Готов,— отвечает Сатанеев, закрыв глаза.

— Тогда подпишите.— Алена достает из стола плотный лист бумаги и протягивает его Сатанееву.

— Что это?

— Обязательство.

Сатанеев пробегает обязательство глазами.

— Хм... «Мы, нижеподписавшиеся»... Хм... Так... «лицензия»... Так... «заместителем директора». Так... «в Москву». И, наконец, последнее...

Он смотрит на Алену, весь охваченный сомнением, но, встретив ее насмешливый взгляд, быстро хватает авторучку и размашисто подписывает.

— Так... Кровью скреплять не надо, чернила надежнее. Теперь, дорогой,— произносит Алена, складывая бумагу и пряча ее в разрез платья,— я разрешаю вам припасть к моей руке.

Она протягивает руку. Сатанеев, пав на одно колено, надолго присасывается к ее ладони.

— Поскольку мой старичок вел себя хорошо и не упирался,— говорит Алена,— мы объявим о нашей помолвке завтра на новогоднем балу. И будем танцевать до упаду! — многозначительно добавляет она.

Иван в мотоциклетной каске, со следами извести на плечах, молча потирает ушибленную руку. Ковров, наверное, уже в который раз объясняет ему:

— Пойми наконец, для того чтобы проходить сквозь стены, нужно только три условия — видеть цель, верить в себя и не замечать препятствия. Понял? Вот, смотри.

Сделав рукой какое-то едва заметное движение, он ринулся прямо на кирпичную стену и легко исчез в ней. Потом так же легко появился и скомандовал:

— Давай, пошел!

Иван, сцепив челюсти так, что скулы побелели, бросился вперед и врезался в стену. Брыль вовремя подхватил его.

Сидящие на верстаке Верочка и Катенька тихонько прыснули.

— Не штурмуй стену, это не дзот,— принялся вновь объяснять Ковров.— Не замечай ее, понял?

— Понял,— ответствовал Иван и снова врезался в кирпич.

— Либо убьется, либо покалечится,— определил Брыль, которому изрядно надоело ловить Пухова.

Ковров насупился. Потом посмотрел на притихших девушек.

— Все понятно,— тяжело вздохнула Верочка.— Придется жертвовать собой. Пойду напрошусь к Алене в горничные на сегодня. С некоторых пор она это очень любит...

— Я с тобой,— тяжело вздохнула Катенька.— Ой, товарищи, когда-нибудь она меня заколдует, в прах обратит.

— Не бойся, восстановим,— пообещал Ковров.

— Мы дверь не запрем,— деловито сказала Верочка.— В кухонное окно фонариком помигаем, когда идти можно будет.

— Только пойми, Иван, во сне она прежняя, но если до поцелуя разбудишь — беды не миновать,— напомнил Ковров.

— Я помню,— кивнул Иван.

В своей квартире Сатанеев поздно ночью сидит за столом, заваленным справочниками и журналами. На коленях его лежит открытая «Медицинская энциклопедия». В руках у Сатанеева — ярко иллюстрированное издание «Конька-Горбунка». Он с ужасом рассматривает сочные изображения кипящих котлов с торчащими из них худыми ногами.

— Бух в котел — и там сварился...— дрожащим голосом произносит он, отшвыривая книгу и хватаясь за «Энциклопедию».— Ожог... третьей степени... Нет, это немыслимо!

Сатанеев глубоко задумывается, вертя в пальцах большой карандаш, которым делал пометки. Неожиданно лицо его озаряется радостью.

— Кажется, придумал!

И перед мысленным взором Сатанеева возникает кованый ларец в кабинете Киры. Он видит, как медленно, словно во сне, открывается фигурная крышка ларца, из глубины его так же медленно и торжественно выплывает волшебная палочка, не отличающаяся внешне от карандаша в его руках.

— Нашел! — шепотом говорит он, прижимая дрожащими руками карандаш к бурно вздымающемуся животу.

Он подбегает к платяному шкафу, распахивает его, на миг замирает перед открывшимся большим зеркалом, хихикая, гладит обширную лысину.

— Обращусь в блондины! Или нет! В брюнеты, это благороднее...

Часы на стене бьют час ночи.

Иван протискивается сквозь полуоткрытую дверь в квартиру Алены. Его встречает всхлипывающая Верочка.

— Заснула? — шепчет Иван.

Верочка вздрагивает, судорожно зажимает ему рот и отрицательно качает головой. Иван быстро прячется в стенной шкаф.

— Читай с выражением,— слышится из комнаты капризный сонный голос Алены.— И громче!

— В наступающем сезоне вновь будут модны расклешенные юбки,— дрожащим голосом читает Катенька,— с широкими корсетами из велюра, замши или иных плотных и красивых материалов.

— Что ты кричишь, как на базаре? — вновь недовольно бормочет Алена.— Тише читай!

Голос Катеньки сливается в монотонное бормотание.

— Где Вера? — снова вопрошает засыпающая Алена.— Пусть грелку в ногах поправит! И уходите обе, я спать хочу.

Девушки стремглав выбегают из комнаты. Дверь захлопывается. Наступает тишина.

— Если не расколдуют — уволюсь,— всхлипывает, спускаясь по лестнице, Верочка.

— Только б ему повезло, только б ему повезло,— твердит Катенька, семеня вслед.

— Слушай,— говорит Верочка, оборачиваясь.— Давай кулаки за него держать. Всю ночь!

— Давай! — соглашается Катенька.— Раз, два, три!

Они одновременно сжимают, вытянув вперед, кулачки и, закрыв глаза, обе шепчут одно желание:

— Только б ему удалось!

Иван выбирается из шкафа и входит в комнату. Все вокруг освещено лунным светом. На узкой тахте крепко спит Алена, и во сне лицо ее прекрасно и грустно. Иван останавливается, залюбовавшись спящей, и вдруг непроизвольно, по-детски прерывисто вздыхает. Алена пошевелилась во сне. Иван вздрогнул, отступил за портьеру.

— Иванушка,— шепчет сквозь сон Алена.

— Аленушка моя,— говорит Иван, приближаясь к постели.

— Как хорошо, когда ты снишься,— шепчет Алена, улыбаясь.

— Милая моя, бедная.— Иван осторожно становится на колени рядом с кроватью.

— Мне плохо, Ванечка, родной, что-то со мной случилось... Я сама не своя...— По щеке Алены медленно скатывается слеза.

— Не думай об этом, все это наваждение, оно пройдет, обязательно пройдет! — быстро шепчет Иван, весь сжимаясь от жалости и нежности.

— Ты не уйдешь?..

— Нет, нет!

— Уйдешь...— слабо улыбаясь, произносит Алена, в улыбке ее грусть и безнадежность.— Ты теперь только во сне приходишь... Разлюбил Иванушка Аленушку...

— Я люблю тебя, я тебя еще больше люблю,— говорит Иван.

— Какой хороший сон! — Алена закидывает руки за голову. Лицо ее, озаренное лунным светом, на миг становится по-настоящему счастливым, как в первых эпизодах фильма.

— Поцелуй меня, Аленушка,— тихонько просит Иван.— Проснешься, и все будет, как прежде...

— Нет, нельзя, Иванушка, нельзя, я боюсь просыпаться...

— Ты ведь никогда ничего не боялась...

— А теперь боюсь, себя боюсь.

Иван беспомощно оглядывается. Тишина. Уютная девичья комната в лунном свете. Он снова склоняется к Алене.

— Помнишь, как ты меня в первый раз поцеловала?

Нежно, ласково улыбается Алена.

— Мы танцевали... такая красивая мелодия.— Тихо-тихо она пропела несколько тактов.— Ты придумал слова... для меня...

И, словно разбуженное воспоминание, мелодия, напетая Аленой, зазвучала в светящейся лунными бликами комнате.

— Ты поцеловала меня первая,— шепчет Иван.— Я никак не мог решиться...

— Да...

— Поцелуй еще раз, как тогда...

— А ты спой,— просит Алена еле слышным голосом, пробивающимся сквозь мягкую пелену сна.— Спой...

И, присоединяясь к уже звучащей мелодии, Иван тихонько начинает песню — сначала он только говорит, произнося слова в такт музыке, потом тихонько поет. Песня словно обволакивает Алену, заполняет собой комнату. Конкретные очертания предметов растворяются в лунном сверкании, и остаются только Иван и Алена да песня о любви.

— Пой, Иванушка,— улыбаясь, шепчет Алена.— Как легко мне... как спокойно... как радостно...

Мягко искрятся сугробы за окном, спит заснеженный, вольно раскинувшийся старинный город, звучит тихая песня.

Две фигуры у подъезда разом подняли головы и прислушались.

— Он что, чокнутый?! — растерянно спросила фигура повыше.

— Что влюбленный, что чокнутый — для медицины безразлично,— ответила вторая, более округлая фигура.— А вот радикулит или пневмония — это нам с тобой на выбор после такой ночки...

Еще звучит мелодия песни, и лунный свет в комнате еще не раскрыл реальных очертаний предметов.

— Поцелуй меня,— просит Иван, ближе склоняясь к Алене.

— Да, да,— шепчет она и тянется к нему руками.— Сейчас, может быть... Да... Только пой мне, прошу тебя...

И снова, повтором, звучит припев.

Сатанеев в лыжной куртке с низко надвинутым капюшоном, осторожно перешагнул порог свой квартиры и... шарахнулся. Прямо перед ним на лестнице, занеся лапу, замер черный кот Киврина.

— Брысь! — прошипел зам по общим вопросам.— Брысь, поганая!

Алена, улыбаясь с закрытыми глазами, положила руки на плечи Ивана. Их губы сближаются и вот-вот сомкнутся.

Сатанеев вделал неловкое движение. Кот вскочил. Дверь оглушительно хлопнула. Сатанеев, опережая кота, пулей помчался по лестнице вниз. Кот с отвратительным мявом рванул вверх.

Мимо Коврова и Брыля проскочила черная фигура. Она шарахнулась за ближайшее дерево.

Алена разом отпрянула от Ивана и открыла глаза.

— Ой! Вы кто?! — Она села в постели, одной рукой оттолкнула Ивана, другой резко натянула на грудь одеяло.— Как вы сюда попали?

— Аленушка,— схватив конец одеяла, воскликнул Иван.

— Прочь руки! — взвизгнула, окончательно проснувшись, Алена и, вцепившись в одеяло обеими руками, толкнула Ивана ногой.

Он рухнул на пол и забормотал, торопясь подняться:

— Подожди... Вспомни... Я ж твой Иванушка... Ты ж должна меня поцеловать...

— Что?! — Алена, гневная и возмущенная, вскочила с постели, забыв про одеяло.— Вон отсюда!

Иван, тоже успевший вскочить, остолбенел при виде ее гнева и едва прикрытой наготы.

— Прочь! — наступала Алена.— Чтоб духу твоего здесь не было, дрянной мальчишка!

— Дай объяснить... Дай ты мне хоть слово сказать...

— Убирайся, пока я не превратила тебя в насекомое! — кричит Алена, поднимая руки.

Иванушка, размахивая руками, с бешеной скоростью устремился спиной вперед, чудом отворил входную дверь.

Вторая фигура промелькнула мимо Коврова и Брыля.

— Ничего не понимаю,— признался Ковров.

Поднявшаяся буря понесла Ивана по пустой улице, закружила на поворотах, не давая остановиться. Пролетев в вихре колдовского бурана, Иван рухнул в снег среди припаркованных машин. Ветер, словно по мановению, сразу прекратился. Вновь наступила тихая зимняя ночь, освещенная мирной луной. Иван протер глаза. Номера у машин вокруг были, естественно, разные, но что-то их объединяло. Приглядевшись, он увидел: «МНУ», «ГНУ», «ПНУ», «РВУ», «ТРУ», «РЖУ», «ЛАЮ»[1]. Рядом стояли «БИМ» и «БОМ», а также «САМ» и «ХАМ». А за стоянкой возвышалось темное здание НУИНУ.

— Вот вы, значит, какие здесь чародеи, изобретатели волшебных палочек,— закипая гневом, обратился к заснеженным машинам Иван.— Ну, ничего! Я вам покажу, как чужих невест заколдовывать!

Он погрозил зданию кулаком.

— Значит, так. Видеть цель — ларец на седьмом этаже в кабинете директора. Верить в себя — этого у меня сейчас хоть отбавляй. Не видеть препятствий — чихать я хотел на все препятствия!

Разбежавшись, он врезался в стену НУИНУ и... исчез в здании. Только человеческий силуэт еще несколько секунд теплился на бетонной панели.

Почти одновременно в здание института вошел Сатанеев, но менее трудоемким способом. У вертящихся турникетов в

---

[1] «ЛАЮ» можно идентифицировать как латвийский номер советских времен. Помнится, в какой-то западной газете была фотография автомобиля с номером серии «ЛАГ» и припиской: вот, мол, машина охраны лагерей...— *В. Д.*

вестибюле его встретили два мрачных ифрита с саблями наголо и разом спросили сиплыми голосами:

— Пароль!

— План по валу! — глухо отозвался Сатанеев из-под капюшона.

— Вал по плану,— хором сказали ифриты, убирая сабли.— Проходи.

Алена, все еще в возбуждении, расхаживает по квартире, выходит в коридор, тщательно осматривает входную дверь.

— Интересно, как он сумел проникнуть? Неужели девчонки? Вряд ли... Не такие они все-таки дуры... Разве что дверь могли по разгильдяйству не запереть... Как же он отважился... этот Пухов... Что это — наглость или действительно...

Она возвращается в комнату. Стоит в задумчивости.

— Стоит ли рассказывать обо всем Сатанееву?

Разбрасывает одним движением по столу карты, разглядывает их расклад.

— Правильно, пока не стоит. Лишнее знать всем вредно. А ему особенно.

Алена прыгает в постель, забирается под одеяло.

— Куда теперь занесло этого сумасшедшего мальчишку?..

А «сумасшедший мальчишка» весь в мелу и известковой крошке стоял тем временем в коридоре, соображая, куда идти.

— Так,— сказал он сам себе.— Кабинет должен быть там.

Из-за угла, держась за стенку, вышел представитель Кавказа с неизменным портфелем в руках. Увидев Ивана, он радостно вскрикнул и бросился к нему. Иван вздрогнул, завидев бегущего.

— Человек! — кричал представитель.— Товарищ! Где тут выход?

Недолго думая, Иван врезался в ближайшую стену и пропал в ней. Представитель Кавказа остановился на том месте, где только что была человеческая фигура.

— Мираж...— тоскливо произнес он.— Галлюцинация. Опять нет выхода. Эй, кто-нибу-у-удь?

Сатанеев открывал ключом дверь директорского кабинета. Иван проник в кабинет сквозь противоположную стену. Легкий шум, которым сопровождалось это проникновение, заставил Сатанеева вздрогнуть. Он скользнул в кабинет, оставив ключ в замочной скважине с внешней стороны, и затаился, прячась за открытой дверью.

В свою очередь Иван тоже замер, спрятавшись за спинкой большого кресла, напуганный позвякиванием качающегося ключа. В помещении было темно. Только едва тлеющие угли в большом камине бросали красноватые отблески на полированную мебель.

Наконец ключ в замке перестал качаться. С разных сторон соперники двинулись в темноте туда, где, по их мнению, должен был находиться ларец с волшебной палочкой. Мягкий ковер совершенно заглушал шаги. Две руки одновременно с разных сторон прикоснулись к резным бокам ларца, осторожно заскользили по направлению к крышке, и вот — пальцы их встретились. В темноте послышались два вскрика ужаса, слившихся в один. Похитители разом отскочили.

— Кто здесь?!

Но, так как вопрос был задан одновременно и голоса слились, обоим показалось, что они слышат только собственный голос. Дрожащие пальцы вновь потянулись к крышке ларца, распахнули ее. Две руки сунулись в обитую бархатом глубь и схватили палочку, сразу сжав ее в кулаках, причем один кулак оказался наверху, а другой — внизу. Первый принадлежал Ивану, второй — Сатанееву. Оба вцепились мертвой хваткой. И, выхватив палочку из ларца, закружились по комнате.

Со стороны движения их очень напоминали какой-то модерный танец. Выглядело это так потому, что каждый, желая завладеть палочкой и отбросить противника, лупил в темноту свободной рукой, наносил в разные стороны удары ногами и извивался всем телом. Но удары не достигали цели, так как оба сжимали палочку в правом кулаке и тела противников находились в стороне от прямых попаданий. Дерущиеся рывками приближались к стене, отделявшей кабинет от приемной. Почувствовав это, Иван рванулся. Резко бросившись вперед, он

прошел сквозь стену. Сатанеев грузно врезался в препятствие и упал на ковер.

От сотрясения дверь, мягко повернувшись на хорошо смазанных петлях, захлопнулась. Щелкнул замок. Мелодично звякнули ключи в замке.

В избяной комнате, несмотря на поздний час, вовсю кипела работа. Изготовлялись инструменты для ансамбля. Гнулись, полировались, склеивались кусочки дерева, натягивались струны, пробовались смычки, и уже звучала веселая песенка о скрипках и барабанах в ловких руках, которые все могут поправить, сделать и починить.

Ярко горел огонь в печи, где в глиняных горшочках кипели разноцветные лаки. Обнаженный по пояс Борис, зверски сморщившись, орудовал ухватом, подпевая товарищам гулким басом. Приплясывая, подвязавшись импровизированным передником, лакировал свои барабаны маленький, юркий Антон. А Нина, которой давно пора было спать, танцевала что-то лихое на широченной лежанке, за спиной Бориса.

Увлеченная общей творческой атмосферой, скатерть-самобранка приставала к людям:

— Борис Николаевич, откушайте чайку!

— Спасибо, не хочется,— ответствовал Борис.

— А вы с пряником. Сестричку угостите.

— Спит она,— уверял Борис, не замечая лукавых улыбок вокруг.

— Тебе, Антошенька, на поправку идти надо. Садись, покушаешь! — манила скатерть.

Но Антон ничего не слышал, выбивая свои дроби и бреки.

— Эх,— сокрушалась старая скатерть.— Приходите, тараканы, я вас чаем угощу...

Распахнулась дверь. В морозном пару появились Ковров и Брыль.

— Иван не возвращался? — с порога спросил Ковров.

Ребята переглянулись.

— Случилось что-нибудь? — встревоженно спросил Борис.

— Случилось, случилось...— закивал Брыль.

Из избы, возбужденно галдя, вывалилась группа людей, одеваясь на ходу.

Сатанеев со стоном очнулся после удара о стену. Сел, пошарил вокруг себя руками, потом, окончательно опомнившись, резко вскочил. На полу валялся пустой ларец. Сатанеев поднял его, запустил внутрь обе руки.

— Унес? Унес...— прошептал он, оглядываясь, и пошел к двери.

Дверь не открылась. Несколько секунд он, еще не понимая, дергал ручку, потом ударился в дверь всем телом, отлетел и встал, как вкопанный. Из груди его вырвался сдавленный вопль.

— Пропал! Вот теперь — пропал!

Запыхавшись после долгого бега, Иван вошел в пустую избу. В печи горел огонь, в беспорядке валялись незаконченные инструменты.

— Прошу к столу! — сладко пропела скатерть.— Что кушать изволите?

— Потом, потом! — отмахнулся Иван, сбрасывая испачканную кирпичом и известкой шубу.

Торопясь, он выхватил из-за пазухи волшебную палочку, с удивлением посмотрел на нее.

— Вылитый карандаш! Ладно, лишь бы работала...

И, зажмурившись, шепча что-то, резко взмахнул рукой с зажатой в ладони «карандашом».

Из противоположных улиц навстречу друг другу, разводя руками, выходят «поисковые группы». Одна во главе с Ковровым, другая — с Брылем. Встретившись, они молча топчутся на месте, решая, что предпринять, дыша на руки и по-извозчичьи похлопывая себя по бокам.

— Смотрите! — вскрикивает Нина, указывая на избу-музей.

Из трубы вырывались клубы черного дыма. В окнах вспыхивали красные сполохи. Окрестные вороны, разбуженные небывалым зрелищем, кружили над ней в темном небе.

Не сговариваясь, все рванулись к избе.

Ковров рывком распахнул перекосившуюся дверь избы. Комната была полна дыма. Повсюду валялись и торчали дыбом сорвавшиеся с мест предметы, поломанные заготовки инструментов. На потолке, рядом с лампой, отчетливо виднелись рубчатые следы ботинок. Посреди избы стоит Иван в порванной рубахе с занесенной рукой. В кулаке зажата волшебная палочка.

— Прекрати безобразие! — резко приказывает Ковров.

В комнату вваливается вся компания, по-разному реагируя на царящий здесь разгром.

— Давай сюда палочку! — Ковров подходит к Ивану. Тот пятится.

— Верните палочку, Ваня,— тихо советует Брыль.

Иван энергично качает головой.

— Пока Алена не расколдуется...

— Брось дурака валять! — уже сердито говорит Ковров и делает еще шаг к Ивану.

— Лучше по-хорошему отдай,— просит Брыль и тоже шагает вперед.

Друзья Ивана в растерянности переглядываются. Могучий Павел на всякий случай протискивается поближе.

— Назад...— тихо говорит Иван.— Назад! — диким голосом кричит он и заносит палочку над головой.

Ковров заслоняет лицо, а Брыль стремительно ретируется в сени.

— То-то...— тяжело говорит Иван.— И не лезьте, и не пробуйте. Я, может, утром с этим предметом в НУИНУ пойду. И там такое устрою...

— Одну минуту,— вмешивается рассудительный Павел.— Давайте разберемся. Вы не возражаете?

— Ладно,— кивает Ковров.— Пусть только постоит спокойно.

— Постоишь? — спрашивает Павел Ивана.

— Постою...

Павел отходит, уступая место Коврову.

— Где ты палочку взял? — начал Ковров.

— В кабинете.

Ковров и Брыль переглянулись.

— Прошел все-таки...— Ковров улыбнулся. Брыль одобрительно закивал.

Иван никак не прореагировал.

— А теперь убери этот свинарник. Сделай вот так.— Ковров машет рукой в воздухе.— Знак Зорро! Видел в кино?

Иван неуверенно чертит латинское «зет». Раздается треск. Горница наполняется клубами зеленоватого дыма. Все кашляют. Дым рассеивается. Разгром и беспорядок исчезают без следа. Предметы вновь стоят по своим местам.

Словно по уговору, все присутствующие садятся рядком на скамье.

— М-да,— произнес Ковров.

— Дела-а,— со вздохом откликается Брыль.

— Черт бы вас всех побрал, товарищи маги и чародеи,— с тихим отчаянием говорит Иван.

Он смотрит на волшебную палочку. Затем, не глядя, молча протягивает ее Коврову. Ковров, помедлив немного, берет ее из пальцев Ивана и смотрит на Брыля. Брыль энергично кивает несколько раз, показывая глазами на Ивана, поворачивается к его друзьям и поднимает большой палец.

— Вот и ладно,— говорит Ковров, поднимаясь.— Вот и хорошо... И ты не кручинься, Ваня. Рано еще кручиниться. К Шемаханской завтра вместе пойдем. И палку я назад в ларец положу. Вот сейчас прямо пойду и положу.

Он направляется к двери, оборачивается, договаривает:

— Ты не сожалей, что отдал ее, волшебницу.

— А, волшебница,— пренебрежительно машет рукой Иван.— Грохоту много, а пользы никакой.

— Не скажи! — усмехается Ковров и мягко взмахивает волшебной палочкой.

В горнице слышится тонкий, щемящий, мелодичный звук. На столе и на полу появляются новенькие блестящие инструменты — полный набор. Друзья Ивана вскочили со скамьи.

— Вот здорово!

— Смотри!

— Высший класс!

— А это что? — спрашивает Борис, вертя в руках длинную бумажку.

— Счет,— поясняет Брыль.— А вы как думали!

— Поймите, палочка для услуг создана,— поясняет Ковров.— А в человеческих чувствах только люди разбираться могут.

Ковров и Брыль вышли. В сенях Иван догнал Коврова.

— Витя, я сказать забыл. Там, в кабинете, сидит кто-то.

— Кто? — насторожился Ковров.

— Не знаю. Лицо закрыто и руки холодные.

— Там камин теплится? — поинтересовался Ковров.

— Да.

— Ясно,— усмехнулся Брыль.— Монах.

— Какой монах? — не понял Иван.

— Да так, ерунда,— отмахнулся Ковров.

— Простое лабораторное привидение,— уточнил Брыль.— Они к теплу тянутся.

К этому позднему времени Сатанеев, запертый в кабинете, успел пройти все этапы отчаяния. Теперь он сидел у камина, обхватив голову руками, в полной прострации.

Ковров и Брыль приближались к кабинету директора.

— У-у-у! — послышалось откуда-то из глубины здания.

— Ишь, как завывает! — заметил Брыль, поеживаясь.— Вечно эти... из лаборатории Силы Духа... натворят, потом забывают.

Ковров ничего не ответил, только погрозил Брылю кулаком, чтобы тот замолчал.

Две темные фигуры неожиданно возникли в кабинете перед Сатанеевым, и он замер с поднятыми руками, втянув как можно глубже в плечи покрытую капюшоном голову. Ковров дунул в его сторону. Сатанеев пошатнулся. Он был близок к обмороку.

— Монах и есть,— уверенно сказал Ковров, направляясь к ларцу.

— Типичный монах,— вздохнул Брыль, оставаясь поодаль.

Ковров положил в ларец волшебную палочку и, спокойно пройдя мимо Сатанеева, причем тот опять пошатнулся, поманил Брыля за собой.

— Может, развеешь его, Вить? — спросил Брыль.

— К утру сам рассеется,— безразлично ответил Ковров, и оба исчезли из комнаты.

Сатанеев, едва переставляя ноги, покачиваясь, подошел к ларцу, причем руки он не опустил, а так и держал над головой, готовый сдаться опять любому вновь прибывшему. Крышку ларца он поднял локтем. Потом склонился и только после этого полез в ларец рукой. Выхватил палочку, поднес к глазам, быстро метнулся к камину, чтобы было светлее.

— Она? Она... Она!!!

Согнувшись, как солдат под огнем, он подбежал к двери, твердя на ходу:

— Хочу, чтоб открылась, хочу, чтоб открылась...

При его приближении дверь медленно отошла. Звякнули забытые снаружи ключи. Сатанеев схватил их, судорожно стиснул в потной ладони, потом осторожно опустил в карман и выпрямился. Он приходил в себя.

Подойдя к ларцу, уже почти спокойно достал из кармана свой карандаш, положил его в ларец и, спрятав в карман волшебную палочку, направился к выходу.

Оказавшись на улице, Сатанеев, воровато оглядываясь, вновь извлек волшебную палочку.

— Чего бы еще... Так. Хочу оказаться дома.

И он зажмурился, ожидая полета, переброски через нульпространство или чего-то подобного. Однако ничего не произошло. Послышался шум машины, и сонный голос за его спиной произнес:

— Такси заказывали?

Потрясенный Сатанеев быстро юркнул в теплую машину.

— Улица Луговая, дом...

— Знаю,— сурово перебил его водитель, и машина рванулась.

Остановившись перед домом, таксист выключил счетчик.

— Семьдесят восемь копеек,— твердо сказал он.

Сатанеев протянул рубль и полез из машины. Он уже направился к парадному, когда таксист окликнул его, протягивая что-то на ладони.

— Двадцать две копейки сдачи! — тоном, не терпящим возражений, объявил он.

Такси отъехало. Сатанеев в недоумении разглядывал горстку мелочи.

— Что ж это получается? Чудеса за наличный расчет? Интересно, во сколько обойдется мое омоложение с помощью сферы услуг?

Стол Сатанеева еще больше завален книгами. На самом видном месте стоит электронный калькулятор. Сатанеев занят подсчетами.

— Так... Серные бани...

— Теперь кабинет красоты...

— Итого...— Сатанеев склоняется над калькулятором.— М-да, солидно. Но ничего не поделаешь.

Он вскакивает и принимается расхаживать по комнате.

— Нет, Алена Игоревна, многие ваши рецепты безнадежно устарели! Завтра вы в этом убедитесь!

Он подбегает к столу и заглядывает в обязательство.

— Так, этот пункт ясен, этот тоже... М-м-м... Зам по науке... Это, пожалуй, сложнее всего... Шемаханская никогда не согласится... А что, если...— Сатанеев внимательно смотрит на волшебную палочку, лицо его постепенно расплывается в улыбке.— Алена будет замом по науке, только не Шемаханской — к черту Шемаханскую! Она должна быть моим замом! Нет, положительно, сегодня счастливая ночь!

Возбужденно напевая что-то бравурное, Сатанеев выходит в переднюю, быстро одевается и, подмигнув своему отражению в стенном зеркале, говорит весело:

— А теперь — вперед! К хорошему самочувствию, силе, молодости, успеху и танцам до упаду!

Тут настроение его неожиданно портится.

— Однако, все это изрядно стоит,— говорит он, прихватывая на всякий случай тюбик с валидолом.— Ох, не доработано еще многое, не доработано! Стану директором — обязательно поставлю вопрос...

Сатанеев покряхтел.

— Ну, ни пуха ни пера, Аполлон!

Он оглянулся.

— Вот она — жизнь холостяцкая,— некого даже к черту послать! — С этим он взмахнул палочкой и тут же исчез.

Утро. По коридорам НУИНУ решительным шагом идет группа «ансамбля» во главе с Ковровым и Брылем. Они входят в приемную директора.

— У себя? — коротко осведомляется Ковров.

— Да, но...— Секретарша с протестующим жестом поднимается с места.

— Заходи! — распахивая перед Иваном дверь, командует Ковров. «Ансамбль» преграждает путь возмущенной секретарше.

Кира Анатольевна удивленно поднимает глаза. Ковров останавливается поодаль, Брыль жмется у двери. Иван подходит к столу, за которым сидит Шемаханская.

— Верните мне невесту! — срывающимся голосом, но твердо говорит он.

— Что? — изумленно переспрашивает Кира.

— Он просит вернуть невесту,— вступает Ковров.

— Какую невесту? — не понимает Шемаханская.

— Алену Игоревну Санину,— твердо говорит Ковров.

— Да, ее,— два раза кивнув, подтверждает Иван.

Кира Анатольевна несколько мгновений осматривает вошедших. Иван стоит, как скала. Ковров смотрит, угрюмо склонив голову. Брыль у дверей сжимается в комок.

— Оставьте нас вдвоем,— говорит Коврову Шемаханская.

— Но...— начинает было Ковров.

— Идите! — не обращая на него внимания и глядя только на Ивана, говорит Кира и кивает Ивану на кресло.— Садитесь.

Вышедших из кабинета бледных Коврова и Брыля сразу обступили друзья Ивана.

— Что?

— Как там?

— Не знаю,— грустным голосом произносит Ковров.— Готовьтесь к худшему.

— Может, нам войти? — спрашивает Борис.

— Стойте уж! — осаживает его Ковров.

— Вас там очень испугались! — иронически произносит Брыль.

— Какое безобразие! — поджав губы, цедит секретарша.

В кабинете Кира Анатольевна, покинув стол, стоит у окна в своей любимой позе, отвернувшись от собеседника и глядя вдаль. Рядом стоит Иван. Чувствуется, что ему хочется взять и повернуть директрису к себе лицом.

— Я не могу снять с нее заклятье зимнего сердца,— негромко говорит Кира.— Оно наложено справедливо.

— Как вы можете так говорить! — вспыхивает Иван.— Да вы не знаете Алену!

Кира бледно улыбается.

— А вы? Вы уверены, что знаете ее до конца?

— Она чистый, прекрасный человек, и я люблю ее!

— Я верю вам и понимаю вас. Но все останется, как есть.

— Да почему, в конце концов, почему?

— Потому что она все равно выйдет замуж не за вас.

— За этого, как его там, Осатанелова? Да если б только она не была вами заморочена...

— При чем здесь Сатанеев... Это — ее кара.

— Или ваша месть!

— Нет. Она сама выбрала свой путь. Это только результат предательства.

— Кого же она предала?

— В первую очередь вас, как я теперь понимаю.

— Мне надоели эти загадки! — вскричал наконец Иван и, взяв Киру за локоть, осуществил свое намерение — повернул ее лицом к себе.

Кира качнулась, глаза ее изумленно расширились, и она внимательно посмотрела на раскрасневшееся лицо Ивана.

— Я обыкновенный человек! — продолжал он.— Мне не понятны ваши сложности и намеки. Расколдуйте ее, пусть она только меня вспомнит — я сам с ней все решу!

— Пустите, вы делаете мне больно! — Кира вырвалась из рук Ивана.— Поймите, что вспомнит она не только вас! Хотите вы этого?

— Хочу!

— Но я не хочу!

— Все равно я вас заставлю! — выкрикнул Иван, бросаясь к двери.

— Постойте! — сказала Кира.

Она привыкла, что одного ее слова всегда было достаточно, чтобы люди подчинялись. Но Иван продолжал нестись к двери. И тогда Кира бросилась вслед за ним.

— Подождите же вы, неистовый Иван!

Она крепко схватила его за руку и повернула к себе лицом так же, как он за минуту до этого.

— Я хотела вам сказать, что... понимаю вас. Послушайте меня. Уезжайте! Здесь ничего уже не поправишь. Поверьте, будет только хуже, если вы добьетесь своего.

— Кому хуже? — спросил Иван, останавливаясь.

— Вам и... мне.

Он вышел из кабинета.

В приемной к Ивану бросились толпой друзья. Ковров схватил его за плечи, легонько встряхнул и заглянул в глаза. Иван ответил отсутствующим взглядом.

— Ты меня помнишь? — с тревогой спросил Ковров.

— Помню...— кивнул Иван.

— А он кто? — ткнув пальцем в сторону, продолжал Ковров.

— Фома... Брыль.

Ковров со вздохом облегчения отпустил Ивана.

— Все в порядке. Обошлось.

Все набросились с вопросами.

— Ну, что?

— Как она?

— В гневе была?

— Сердилась, кричала?

Иван вдруг улыбнулся.

— По-моему, она испугалась.

— Это ты брось,— улыбаясь, покачал головой Ковров.

Секретарша жадно прислушивалась к их репликам.

Дверь отворилась, и в приемную заглянула Алена. Разом все примолкли. Окинув взглядом пеструю компанию, Алена танцующей походкой направилась к кабинету директора.

— Кира Анатольевна занята,— сухо сказала секретарша.

— Но меня вызывали,— возразила Алена, берясь за ручку двери.

— Это Аполлон Митрофанович просил вас зайти.

Алена остановилась в недоумении.

— Аполлон... Митрофанович? Странно. Обычно он сам...

— Не знаю, передаю, приказано,— независимо произнесла секретарша.

— Гм... Приказано,— нахмурилась Алена.— Впрочем, если он передумал...

Она резко обернулась к Ивану и сразу расцвела улыбкой.

— Здравствуйте! Я вас сразу и не узнала! Как вы себя чувствуете?

Иван вздрогнул.

— Здравствуй... те!.. Спасибо... хорошо. Очень хорошо!

— Я, конечно, погорячилась, но и вы, знаете ли! — Алена укоризненно покачала головой.— Что, в Москве теперь модны поздние визиты?

— Нет...— запинаясь, пролепетал Иван.— Я, знаете... гулял и... размечтался.

— Да, город наш располагает к прогулкам и мечтам,— снисходительно кивнула Алена.— Кстати, близится новогодняя ночь, а в это время, как известно, сбывается даже самое несбыточное. Так что желаю вам...

— Вы мне... желаете? — недоуменно переспросил Иван.

— А почему бы нет? — очаровательно улыбнувшись, Алена исчезла за дверью.

Все переглянулись. Толкаясь, награждая Ивана восторженными тумаками, вывалились из приемной. В коридоре еще затухал стук Алениных каблучков.

— Кажется, лед тронулся! — в восторге прошептал Брыль.

— Определенно! — кивнул Борис.

Обмен впечатлениями продолжался.

— Ты видел, как она смотрела?

— А улыбалась!

— И разговаривала...

— Может, Кира? Решилась все-таки...

— Нет, сама оттаивает.

— Слушай, все проще! — сказал Ковров.— По-моему, ты ей заново начинаешь нравиться.

— Ну да! По второму разу,— поддержал Брыль.

Алена вошла в кабинет Сатанеева и остановилась в дверях.

— Вы меня вызывали? — официально осведомилась она.

— Что вы! — прячась за дверцей шкафа, простонал Сатанеев.— Кто посмел так исказить форму моей нижайшей просьбы! Я только хотел продемонстрировать...

— Что именно?

— Вот! Результаты, так сказать, усердия...

И с этим он выступил из укрытия.

Алена обомлела. Перед ней стоял худощавый, затянутый в невообразимо модный костюм мужчина. Голова его была украшена иссиня-черной шевелюрой, волосы свисали до плеч, под носом угрожающе торчали стреловидные усы, на подбородке располагалась козлиная эспаньолка. Сатанеев вполне соответствовал облику рокового соблазнителя, каким его представляли в каратыгинских[1] водевилях.

— Это... вы? — отступая на шаг, спросила Алена.

— Конечно, я! — раскрыл ей навстречу объятия преображенный Сатанеев.

Алена взвизгнула и отскочила.

— Что с вами, мое сокровище? — недоумевал Сатанеев, стоя с распростертыми руками.— Все сделано по вашим советам... По рецептам, так сказать... этого самого...

С потолка неожиданно послышался голос Киры, усиленный динамиками внутренней трансляции:

— Внимание! От имени руководства института поздравляю всех сотрудников с наступающим Новым годом! Всем прекратить работу и опечатать служебные помещения. До встречи в актовом зале на новогоднем балу!

Алена, гневно глядя на растерянного Сатанеева, топнула ножкой:

— Немедленно отправляйтесь!

— Куда? — не понял Сатанеев.

— В парикмахерскую, старый козел!

Ко входу в НУИНУ подходит Киврин. За плечами его — большой и, видимо, тяжелый рюкзак. Киврин облегченно

---

[1] П. А. Каратыгин (1805—1879) — актер и драматург, написал свыше сорока водевилей.— *В. Д.*

вздыхает, направляется к двери. В дверях его задерживает Камноедов.

— Здравствуйте, Юлий Цезаревич,— улыбаясь, приветствует его Киврин.— С наступающим вас...

Он собирается пройти в дверь, но натыкается на каменно стоящего Камноедова.

— И вас также,— без улыбки произносит Камноедов, не двигаясь.

— Позвольте пройти,— все еще улыбаясь, просит Киврин.

— Не могу.

— То есть как?

— Прав не имею.

— Вы что, не узнаете меня?

— Узнал, потому и не имею.

— Это что за новости? С каких пор...

— С момента поступления соответствующего распоряжения.

— Распоряжения? От кого?

— Сверху,— лаконично заявляет Камноедов и, полагая, что разговор окончен, закрывает перед носом Киврина дверь.

— Нет, вы погодите! — возмущается зам по науке.— Мало того, что не встретили, так еще дверь закрывать! Как вы смеете! Я... Я... Я не знаю, что с вами сделаю.

— Не знаете, так не говорите.

К подъезду НУИНУ подъезжает машина. Из нее торопливо выбирается Сатанеев. Увидев бушующего Киврина, он вздрагивает и старается проскочить незамеченным, но Киврин хватает его за полу.

— Аполлон! Уйми ты своего цербера. Он что, хватил прежде времени?

— Простите, уважаемый,— осторожно высвобождается Сатанеев.— Я, так сказать, не уполномочен... Не мой департамент... Я по общим вопросам, а здесь, видите ли, дело частное, конкретное.

Ошарашенный Киврин отпускает Сатанеева, и тот стремительно проскакивает мимо Камноедова, шепча на ходу:

— Не допускать ни под каким видом! Приказ директора!

— Знаю! — готовясь к суровой борьбе, отвечает Камноедов.— Не пущу!

Скинув шубу на руки гардеробщице, Сатанеев заглядывает в зеркало, трет гладко выбритое лицо, приглаживает коротко постриженные волосы и, прислушиваясь к негодующим воплям Киврина за дверью, шепчет сам себе:

— Принесла его нелегкая! Поторапливаться надо...

И бросается к лестнице.

Актовый зал НУИНУ под отделанной деревом шатровой крышей. Он заполнен народом, но ни елки, ни традиционных столов нет. На маленькой эстраде играет знакомый нам «ансамбль». Звучит мелодия песни по телефону Алене. Играя, Иван окидывает тревожным взглядом зал, ищет Алену, но... среди собравшихся ее нет.

В дверях под руку с Сатанеевым появляется Алена. Иван опускает трубу, на которой играл соло. Вслед за ним замирают его друзья, музыка обрывается.

— Минуточку внимания! — пользуясь паузой, провозглашает Алена.— Я хочу поделиться с вами своей радостью. Представляю всем моего будущего мужа — Аполлона Митрофановича Сатанеева. Надеюсь, вы все его достаточно знаете.

Общее замешательство. Неуверенные аплодисменты. Верочка бросается вон из зала. Катенька бежит, чтобы остановить ее. Иван в ужасе смотрит на происходящее. Друзья, подойдя к нему, становятся рядом.

— Всё! — говорит Антон.

— Пошли отсюда, Ваня,— мрачно предлагает Борис.

— Обойдутся они без нашей музыки! — сурово добавляет Павел.

— Я никуда не уйду! — твердо объявляет Иван.

— Правильно! — одобряет его подошедший Ковров.— Не сдавайся, Ваня! Часы еще не били!

Нина, во все глаза глядевшая на Ивана, одобрительно кивает и улыбается.

— Дядя Ванечка! Вы даже не знаете, какой вы молодец!

Сатанеев между тем, изготовившись произносить речь, расправляет бумажку и, поглядывая в нее, начинает говорить хорошо поставленным голосом:

— Друзья мои, сотрудники и соратники! Сегодня счастливейший день...

Неожиданно раздаются дружные аплодисменты. Сатанеев поднимает голову.

— Одну минуточку, я только начал...

И видит, что аплодисменты относятся не к нему. В зал входит Шемаханская. За ней следует представительная комиссия, только что прибывшая на торжество.

— Простите, Аполлон Митрофанович,— говорит Кира.— Вы окончите чуть позже, а сейчас мы перейдем к официальной части нашего праздника. Внесите волшебную палочку!

Появляется Камноедов со свитой. Перед собой он толкает столик на колесиках. На столике в зал торжественно въезжает ларец.

Охрипший от ругани Киврин, подхватив свой рюкзак, пошел прочь от ставшего негостеприимным здания. Свернул за угол и носом к носу столкнулся с Дедом Морозом. Киврин опустил рюкзак на землю:

— Стой!

— Чего надо? — неприветливо спросил Дед Мороз простуженным басом.

— Тебя и надо! — весело сказал Киврин.

Перед Кирой на маленьком столике стоит открытый ларец. По сторонам как часовые замерли Ковров и Брыль.

— Внимание! — говорит Кира, поднимая волшебную палочку, и оборачивается к комиссии.— Вы видите — этот зал пуст. Сейчас я взмахну волшебной палочкой, и здесь появится все, что необходимо для встречи Нового года! Раз, два, три!

Кира красиво повела в воздухе волшебной палочкой. Ничего не произошло. В зале послышался недоуменный ропот. Растерянная Кира еще раз взмахнула «волшебной палочкой» — тот же результат.

— Кажется, нам придется встречать Новый год стоя,— сказал Председатель комиссии.

— НУИНУ! — растягивая звуки, произнес

<...>

В комиссии сердито засмеялись. В актовом зале начала сгущаться скандальная атмосфера.

— Смотрите, что сейчас будет. Следите за мной! — шепнул Сатанеев Алене.

И вышел вперед, пряча в рукаве волшебную палочку.

— Дорогие друзья! Высокая комиссия! Хоть меня грубо прервали, я вновь вынужден взять слово. Только что я услышал, как славное название нашего учреждения произнесли в унизительной форме — этого я не могу стерпеть. Долгие годы оставаясь в тени, в неизвестности, на второстепенных ролях, я нес тяжкое бремя, исподволь создавая славу нашего института. Но сейчас, в эту критическую минуту, настало время выйти из тени. Я принимаю на себя всю полноту... потому что, как вы сами убедились, Кира Анатольевна явно не способна... Сейчас я сделаю то, чего не смогла сделать товарищ Шемаханская.

Все смотрели на Сатанеева. В зале стояла напряженная тишина.

— И потому я считаю, что должен, вопреки своей скромности, оказаться, так сказать, на коне и занять наконец высший пост в этом здании.

Сказав это, Сатанеев взмахнул руками. Послышался нарастающий свист. Вытянувшись в струнку, зам по общим вопросам пулей взлетел в воздух и, описав дугу, исчез где-то под потолком. Женщины завизжали.

— Час от часу не легче! — Председатель комиссии развел руками.— Кира Анатольевна, что все это значит?

— Сама не понимаю,— призналась Кира.— Прошу терпения. Сейчас все выяснится.

— Мы — комиссия! — веско сказал Председатель.— Прошу не забывать. Объективность — пожалуйста, компетентность — обязательно, даже снисходительность... в отдельных случаях. Но терпение — это не наша функция.

К Кире подошла взволнованная Алена.

— Кира Анатольевна, где Сатанеев?

— Как — где? — послышался из дверей веселый басистый голос, и в зал вступил Дед Мороз с большим мешком, картонным носом и бородой из ваты, усеянной блестками.— Сидит

на крыше. Сам видел! Занял высший пост на коньке, по собственному желанию!

Толпа шарахнулась к балкону, откуда была видна двускатная крыша здания. На самом гребне конька виднелась скрюченная человеческая фигура.

— Я же тебе говорил! — восторженно прошептал Ковров, обнимая за плечи Ивана.— Еще не точка! Часы еще не били!

— Немедленно снимите его! — сжав кулачки, потребовала Алена.— Я не могу допустить, чтобы мой жених торчал как петух на крыше!

— Жених? — изумился Дед Мороз, внимательно приглядываясь к происходящему.

— Ковров, Санина,— позвала Кира.— Давайте попробуем его снять. Объединим усилия.

Алена стояла рядом с Шемаханской. Ковров не торопился подходить. Кира нахмурилась, бормоча заклинания. Сатанеев начал медленно отделяться от крыши, но дико завопил со страху, цепляясь обеими руками за виток конька. Толпа ахнула.

— Я вам запрещаю! — топнул ногой Председатель комиссии.— Хватит, доколдовались! Будьте добры решать вопросы обычными средствами.

— Правильно! — весело и гулко поддержал Дед Мороз.— Предлагаю утвердить его там. Видите, как за место цепляется.

— Перестаньте шутить! — вне себя крикнула Алена.— Товарищ Камноедов, немедленно снимите его!

— Не имею права,— развел руками Камноедов.— Аполлон Митрофанович сам решил... вознестись, а я решения начальства отменить не могу.

Алена гневно и беспомощно оглянулась.

— Неужели здесь нет никого... Ни одного настоящего мужчины?

Иван, как подстегнутый, сорвался с места.

— Зачем же он,— с досадой махнул рукой Ковров.— Эх, простота!

— Ничего, все верно! — стукнул посохом Дед Мороз.— Все так и должно быть!

Маленькая фигурка ползет по крыше, соскальзывая. Толпа внизу ахает. Нина зажмуривается, но сразу вновь открывает глаза. Иван уже вплотную подобрался к Сатанееву.

— Руку давайте! — хрипит он.

— Снимите меня отсюда,— клацая зубами, твердит Сатанеев.— Снимите только... Я для вас все сделаю!

Алена с волнением смотрит, что делается наверху.

— Держитесь за меня... Так... Так...— Иван с Сатанеевым на плечах подбирается к слуховому окну.

— Спасибо...— кричит Сатанеев.— Я вас не забуду...

Оставляя мокрые следы на полу, Иван вносит дрожащего Сатанеева в зал. Перед ним расступаются. Иван опускает Сатанеева на край эстрады.

Гость с Кавказа бредет по бесконечному коридору, пытаясь делать на стене зарубки металлическим уголком портфеля. Вдруг его внимание привлекают мокрые следы, оставленные Иваном.

— Люди! — восклицает он.— Здесь прошли люди! — И бросается по следу.

— Позвольте пожать вашу руку! — проникновенно говорит Ивану Сатанеев.— Как только меня утвердят директором, я объявлю вам благодарность в приказе.

— Вот это по-сатанеевски! — хохочет Дед Мороз.— С размахом, дешево и мило!

Вокруг смеются. Сатанеев непонимающе озирается.

— А вы что скажете, Алена? — обращается к Саниной Дед Мороз.

— Я? — Алена, вздрогнув, оглядывается. Все смотрят на нее.— Разве нужно обязательно говорить?

Снисходительно улыбаясь, она направляется к Ивану. Толпа расступается перед ней. Сатанеев бросается за ней вслед:

— Очаровательница, подождите!

Кира тоже делает шаг навстречу Алене:

— Санина! Остановитесь!

— Иди, милая, иди! — преграждая дорогу Шемаханской, рокочет Дед Мороз.— Ты меня слушай, сейчас мое время!

Алена приближается к Ивану. Сатанеев пробивается сквозь толпу с явным намерением задержать ее. Ковров ловко подставляет ему ногу. Сатанеев падает, вытянув вперед руки. Из его рукава вылетает волшебная палочка, скользит по паркету и упирается в ботинок стоящего на пороге представителя Кавказа.

— Люди! — шепчет он, жмурясь от яркого света.— Наконец-то я нашел вас!

— Я ведь говорила, что в новогоднюю ночь сбываются даже несбыточные мечты? — сдержанно улыбаясь, говорит Алена.

— Да! — боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть мгновение, едва слышно шепчет Иван.

— Ну, так вот...— Алена поднимается на цыпочках и тянется губами к губам Ивана.

— Очарова...— блеет в ужасе, стоя на корточках, не успевший подняться Сатанеев, но не успевает договорить до конца.

Раздается удар грома. В зале меркнет свет, сверкает молния.

— Опять! — стонет толстяк из комиссии, закрываясь руками.— Опять они колдуют!

— Я же запретил! — возмущается Председатель.

— Артиллерийский полигон! — хнычет худая женщина.

— Ах, как хорошо! — шепчет в дверях кавказец.— Люди, гроза, еще бы дождик пошел...

Мгла рассеивается. Алена стоит в объятиях Ивана.

— Что со мной? — Она проводит ладонью по лбу.

Иван подхватывает пошатнувшуюся девушку.

— Теперь все хорошо, Аленушка. Аленушка, все прекрасно!

Алена обводит зал сияющими глазами.

— Товарищи! — звонко кричит она.— Друзья! Это мой жених... Мой муж! Это он, мой Иванушка!

Все бегут к ним, обступают тесным кругом, слышится смех, приветственные возгласы и восторженный визг Верочки и Катеньки, обнимающих Алену.

— А вот — моя невеста! — громовым голосом провозглашает Дед Мороз, указывая на Киру.

Он срывает с себя бороду и оказывается Кивриным. Происходит отлив толпы. Теперь все окружают новую пару. Комиссию носит туда-сюда в людском водовороте.

— Послушайте,— говорит совсем растерявшийся Председатель.— Это не институт, а дворец бракосочетаний какой-то!

— Ничего, ничего,— вертя головой на толстой шее, уговаривает толстяк.— Может, хоть на свадьбе покормят.

— Убирайтесь вон! — Гневно сверкая глазами, Кира вырывается из объятий Киврина.— Вон со своим картонным носом! Шут, имперсонатор! Я все знаю!

— Что, что вы знаете? — удерживая ее с такой же страстностью, спрашивает Киврин.

— Вы в Москве Алену ждали!

— Я?! — От неожиданности Киврин выпускает Шемаханскую.

— Да! Ждали до последней минуты!

— Я по магазинам бегал до последней минуты! — возмущается наветом Киврин.— Подарок искал по твоему заказу! Полное собрание фантастики! Был еще дополнительный том, но я его на этот костюм поменял, чтобы к тебе проникнуть!

И он вытряхивает из мешка к ногам Киры груды одинаково переплетенных книг.

— Неужели...— говорит потрясенная Кира.— Неужели меня обманули?

— Еще как! — весело смеется Киврин.

Не обращая ни на что внимания, Сатанеев ползает на корточках среди толпы, тщетно пытаясь найти оброненную волшебную палочку.

— Где же она? — бормочет он.— Нельзя же потерять все так сразу!

Нина внимательно следит за ним и вдруг замечает волшебный карандаш у ног кавказца. Она бросается и хватает карандаш. Сатанеев устремляется следом.

— Немедленно верни карандаш! — требует он.

— Это не карандаш! — заявляет Нина, пряча за спину.— А волшебная палочка!

Гость с Кавказа с любопытством прислушивается к разговору.

— Не говори глупостей! — шипит Сатанеев, пытаясь поймать девочку.— Это мой карандаш!

— А мы сейчас проверим,— заслоняя собой Нину, предлагает гость.— Загадай желание, девочка, и сделай вот так.

Он воспроизводит жест, который он подсмотрел у Киры.

— Вы не имеете права! — вскипает Сатанеев.

— Как не имею? — удивляется гость.— У меня наряд! И подпись есть.

— Товарищ Камноедов! — бросается Сатанеев к помощнику.— Прошу изъять! Примените силу!

— У них документ! — разводит руками Камноедов.— Он и есть — сила!

Представитель Кавказа кивает Нине:

— Делай, как я сказал.

— Палочка-выручалочка, выручи нас всех! — быстро произносит девочка.— Сделай так, чтобы мы все-таки встретили Новый год. А то эти взрослые со своей любовью совсем про него забыли.

У тут происходит давно запланированное чудо. В зале появляются накрытые столы. В центре — елка, украшенная цветными огнями. Все оказываются за столом, «ансамбль» на эстраде, а Нина с палочкой-выручалочкой — в центре зала.

— Вот это и есть наша волшебная палочка в действии,— весело говорит Кира, обращаясь к комиссии.

— Замечательно, замечательно, очень эффектно! — одобрительно кивает Председатель.

— И вкусно! — подвязанный салфеткой толстяк на миг отрывается от тарелки.

— Удобно,— удовлетворенно вздыхает худая женщина, развалившись на мягком стуле.

— Будем рекомендовать для внедрения в сферу услуг,— заключает Председатель.

Кира улыбается, поднимает бокал.

— С Новым годом, друзья!

Начинают бить часы. И вместе с ударами часов, подчиняясь их организующему ритму, звучит веселая песенка о Новом годе, о счастье, о любви. Поют ее по куплетам все герои нашей картины под аккомпанемент уже знакомого ансамбля.

С последним ударом часов мы оказываемся вновь в квартире Киврина. Вечер. Хозяин сидит за столом, поглаживая черного кота.

— Так и закончилась наша новогодняя ночь,— говорит он, обращаясь к зрителям.— Впрочем, как вы понимаете, она и не могла закончиться иначе. Волшебство, интриги, даже производственные конфликты — что это все по сравнению с настоящей любовью! Ты согласна, Кира?

Сидящая с ногами в кресле Кира поглощена чтением. С трудом оторвавшись от последнего тома антологии фантастики, она поднимает взгляд на мужа.

— А? Да, согласна, милый.

— Теперь она во всем согласна со мной,— усмехаясь, говорит Киврин.— Особенно, когда читает свою любимую фантастику.

Кира со вздохом захлопывает переплет и кладет книгу на горку уже прочитанных томов.

— Скажи, а что было в том, дополнительном томе? — спрашивает она.

— Какая-то повесть братьев Стругацких,— отвечает Киврин.

Кот, вскочив на стол, прошелся по нему и, повернувшись к хозяину, отчетливо произносит:

— Чародеи...

Появляется финальная мульт-заставка, аналогичная той, которая была в начале I серии. На ее фоне проходят титры. Звучит заключительная песня.

КОНЕЦ ФИЛЬМА

«ХИЩНЫЕ ВЕЩИ ВЕКА»

РУКОПИСИ

Как пишет БНС в «Комментариях»: «Черновик повести был закончен в два приема — первая половина в начале февраля, а вторая половина — в марте 1964 года. Добрых полгода черновик «вылеживался», а в ноябре единым махом был превращен в чистовик». В архиве сохранились оба варианта рукописей. Первый вариант густо испещрен пометками, исправлениями, некоторые страницы перечеркнуты, и тут же находятся рукописные страницы, которые должны были заменить вычеркнутые. Вторая рукопись гораздо чище и мало чем отличается как от первого варианта (если учитывать рукописную правку), так и от окончательного текста ХВВ. Ниже, в основном, будут рассматриваться интересные подробности первого, неправленого варианта.

В «Комментариях» же БНС рассказывал о названии и эпиграфе повести: «Название «Хищные вещи века» придумано было, видимо, еще в конце 1963-го, и эта строчка из Андрея Вознесенского («О, хищные вещи века! На душу наложено вето...») взята была в качестве нового эпиграфа...» Позже начать повествование Авторы планировали с таких эпиграфов:

Понимая свободу, как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок.

Ф. Достоевский

Темный ум, холодная мысль, мелкие цели. Такие они были — оборотни нашего мира.

К. Саймак

Но окончательно остался в изданиях ХВВ только этот эпиграф: «Есть лишь одна проблема — одна-единственная в мире — вернуть людям духовное содержание, духовные заботы... А. де Сент-Экзюпери». В издании 1990 года (ХВВ + ХС) к эпиграфу из А. де Сент-Экзюпери был добавлен первоначально задуманный эпиграф из Андрея Вознесенского, но и позже повесть издавалась без него.

Но вернемся к тексту первого черновика. Амад, встретивший Жилина на выходе из таможни, первоначально имел имя Крайс. После предложения Крайса поселиться в пансионате, Жилин перечисляет добросовестные развлечения, какими занимаются проживающие там и от которых не отвертеться,— не «пикники, междусобойчики и спевки», как в поздних вариантах, а «пикники, капустники и винегретники». В разговоре Амада (Крайса) с Жилиным упоминалось вооружение гангстеров: огнеметы и газовые бомбы. В первом варианте рукописи вместо огнеметов назывались ракетные ружья. Тяжелый штурмовой танк «мамонт», изображение которого Жилин видит позже на фотографии с генерал-полковником Тууром, в черновике названия не имел.

Только в правке появляются заметки о том, что Жилин был в этом курортном городе и раньше, во время военных действий. Жилин не вспоминает и не сравнивает, он просто осматривает новый для него город, отмечая особенности:

Ничего особенного, город как город. Живые изгороди вдоль проезжей части, решетчатые ворота через правильные интервалы, за воротами аккуратные дворики с клумбами и фонтанами, стандартные коттеджи с разноцветными стенами и плоскими крышами, на перекрестках питейные павильоны из слоистого под мрамор пластика. Вот только людей совсем не было видно — ни на улице, ни во двориках. Я хотел было спросить об этом...

В путеводителе Жилин читает перечень религиозных учреждений этого курортного города: «...три католических, одна пра-

вославная и одна протестантская церковь, одна синагога, одна мечеть, буддистский храм, ложа Новых Иеговистов и Убежище Верных Рафаэлитов». Несколько отличается от окончательного и список гражданских обществ, функционировавших в городе: «...Почитателей Науки, Покровителей Животных, Красного Креста и Красного Полумесяца, Эйнштейнианцев, Содействия Порядку, За Старую Добрую Родину Против Вредных Влияний, Усердных Дегустаторов и Знатоков и Ценителей. Наконец, в городе были два спортивных общества — «Голубые» и «Зеленые»...» Из-за изменения названий спортивных обществ (в окончательном варианте были «Быки» и «Носороги»), Жилина в баре спрашивают не «Ты "Носорог"?», а «Ты из "Голубых"?»[1], на что он отвечает: «Я из желтых».

В еженедельниках, которые просматривал Жилин, вместо перечисления их содержимого («Были там воспоминания участников «заварушки» и борьбы против гангстеризма, поданные в литературной обработке каких-то ослов, лишенных совести и литературного вкуса, беллетристические упражнения явных графоманов со слезами и страданиями, с подвигами, с великим прошлым и сладостным будущим, бесконечные кроссворды, чайнворды и ребусы и загадочные картинки...») в рукописи говорится: «Были там и литературные упражнения каких-то графоманов: в них были и слезы, и страдания, и подвиги, и великое прошлое, и сладкое будущее, но не было там одного — того, что я успел увидеть и почувствовать за сутки пребывания в этой стране».

В ресторане в окончательной версии летали попугаи и колибри. В рукописи — колибри не было, но попугаи летали не только с бутербродами, но и говорящие: «На плечо доктору Опиру слетел попугай и картаво сказал: "Еще гр-рафинчик..."»

Более подробно описывается квартира, которую снимает Жилин:

Справа от бара блестели клавиши миниатюрного пульта. Для пробы я нажал несколько клавиш. Пульт действовал: с

[1] Почти по ХС: «И нечего тут скалить зубы, ребята. Если бы Авторы имели в виду то же, что и вы, они бы написали «из "лиловых"» (pansy)». — *В. Д.*

шорохом раздвинулись створки в стене, открывая радиокомбайн, из подлокотников кресел выдвинулись разноцветные пепельницы, потолок разгорелся слабым розоватым сиянием, а противоположная стена бесшумно откатилась в сторону, и в комнату хлынуло голубое небо. За стеной оказалась широкая веранда, выходившая в сад. Сквозь зелень тусклой ртутной стеной блестело море, белел песок, пестрели тенты и шезлонги. Между креслами на чистом дощатом полу веранды стояла большая тренога с длинным черным биноклем. Я заглянул в окуляры и с минуту не без удовольствия рассматривал трех девиц в ярких бикини, как они играют на песке огромным мячом. Бинокль был двадцатикратный, широкоугольный, с отлично исправленной оптикой. Когда девицы покинули поле зрения, я вернулся в дом и прошел в кабинет.

В диктофонной записи, где уехавший курортник делился впечатлениями об отдыхе, говорилось нечто другое. Не совсем — основа была та же, но Парк Грез назывался Парком Улыбок, лучшей девочкой в городе называлась не Бася, а Лана, из советов перечислялось: «...сторонись «Зеленых». Рыжий Кап из «Тихой Пристани» верит в кредит, но он не дурак, а потому держи ухо востро. Вдова — добрая женщина, но любит рассказывать про покойника-мужа...» Интересна также идиома, проскочившая у говорившего, когда он советовал смотреть девятую программу по телевидению: «...остальное все моча...» — говорится в восстановленном варианте; «...остальное все зола...» — говорилось в ранних изданиях; «...остальное все комариная плешь...» — говорилось в первом черновике.

Телевизор в спальне был обыкновенный, без стереоскопического эффекта, поэтому мужчина из экрана не выскакивал, изображение было нормальным: «Взвыли саксофоны. Я посмотрел на экран. Красивая дородная женщина щелкнула пистолетиком-зажигалкой перед носом нетрезвого мужчины с глазами неспросонья идиота, он шарахнулся...»

Возраст детей вдовы, у которой поселился Жилин, немного, но отличался: дочери, Вузи, не двадцать, а восемнадцать лет, сыну, Лэну, не одиннадцать, а двенадцать. Сама вдова, тетя Вайна, описывала войну примерно так же, как и в опубликованном

варианте («Война — это ужасно. Моя мать рассказывала мне, она была тогда девочкой, но все помнит: вдруг приходят солдаты, грубые, чужие, говорят на чужом языке, отрыгиваются, офицеры так бесцеремонны и так некультурны, громко хохочут, обижают горничных, простите, пахнут, и этот бессмысленный комендантский час...»), но в черновике было маленькое дополнение к перечисленным неудобствам («...и виселицы...»), которое не вязалось с примитивизмом тети Вайны и поэтому было Авторами убрано. Восторженное описание армии в окончательном варианте (впечатление от военного парада), о котором тетя Вайна говорит чисто по-женски («...войска, выстроенные побатальонно, строгость линий, мужественные лица под касками, оружие блестит, аксельбанты сверкают, а потом командующий на специальной военной машине объезжает фронт, здоровается, и батальоны отвечают послушно и кратко, как один человек!»), в рукописи было другим, тут тетя Вайна повторяла, вероятно, слова супруга: «Правильно, что уничтожили ракеты, эти ужасные атомные бомбы, но нельзя же было распускать цвет нации, армию и генеральный штаб! Это же смешно — государство без армии!»

Несколько по-другому Авторы описывали и знакомство Жилина с Лэном:

В холле спиной ко мне стоял худенький мальчик в коротких штанишках. Согнувшись в три погибели и сопя, он что-то делал с длинной серебристой трубкой.

— Привет,— сказал я.

Мальчик резко обернулся, что-то звонко щелкнуло, и из трубки вылетела прямая струя угольно-черной жидкости. Меня спасла только годами выработанная реакция. Я отскочил, и чернильный заряд угодил в кремовую стену. По стене потекло. Мальчик переводил испуганный взгляд с меня на растекающуюся кляксу и обратно.

— Что-то ты, брат, нервный,— сказал я.

— Так вы прямо над ухом,— сказал мальчик.

— Кому-то теперь будет,— сказал я. В лице мальчика было несомненное сходство с мужественными чертами генерал-полковника Туура.

— А чего? — сказал мальчик.

Я посмотрел на стену.

— Лично мне это нравится,— признал я.— Но это же на любителя...

Мальчик снисходительно улыбнулся.

— Это же ляпа,— пояснил он.

— Ну?

— Высохнет.

— Ну?

— Ну, и ничего не останется.

— Гм,— сказал я с сомнением.— Впрочем, тебе виднее. Как тебя зовут?

— Лэн. А вас?

— А меня Иван. Что это у тебя такое?

— Ляпник. У него предохранитель испортился.

— Дай-ка посмотреть...

У ляпника была удобная рифленая рукоятка и плоский прямоугольный баллончик, вставляющийся снизу, как магазин автомата. Держать его было удобно и очень хотелось нажимать на спусковой крючок.

— А вы давно приехали? — спросил Дэн.

— Часа три назад.

— Тут до вас жил один, противный такой, подарил мне плавки, красивые такие, я полез купаться, а они в воде растаяли. Хотел я его ляпнуть, а он уже уехал. Подлый тип, верно?

— Верно,— сказал я.— Пошли ко мне.

— Пошли,— сказал Лэн.

Я отдал ему ляпник, и мы прошли в кабинет, причем Лэн крался впереди, ступая с носка на пятку и выставив перед собой оружие. Видимо, я тоже не внушал ему доверия.

— Вот что, Лэн,— сказал я.— Скажи-ка мне почтовый адрес вашего дома.

— Вторая Пригородная, семьдесят восемь,— сказал Лэн. Он положил ляпник на стол и, присев перед полками, стал рассматривать детективы. Я достал из стола чистый лист бумаги и составил телеграмму Марии: «Прибыл благополучно Вторая Пригородная семьдесят восемь целую Иван». Затем я позвонил в бюро обслуживания, передал телеграмму и снова позвонил Римайеру. И снова Римайер не отозвался.

— Можно, я это возьму? — спросил Лэн.

— Что именно?

— Вот эту книжку.

Я взял книжку и перелистал ее. Это был роман Николя Намота «Дело о пауках». Судя по всему, речь в нем шла о контрабандной торговле наркотиками.

— Возьми, конечно,— сказал я.— Только все это вранье.

— Зато интересно.

— Ну раз интересно, тогда читай.

<...>

Проходя через холл, я убедился, что ляпа действительно высохла, стала серой и осыпалась легкими пушистыми хлопьями.

В опубликованном варианте Лэн читал книгу доктора Нэфа «Введение в учение о некротических явлениях». В черновике это была книга доктора Френса «Введение в учение об оборотнях и вурдалаках».

Вечером на вопрос Лэна, можно ли, чтобы у него ночевал Рюг, Жилин отвечает в опубликованном варианте: «Ну да, конечно, хоть два Рюга...» В первоначальном варианте этот ответ отсутствует, вместо него только вопрос о драке подушками, но там мальчишки ночуют не вдвоем: «Я запер дверь в холл и перешел в кабинет, а когда я дочитал Минца, то услыхал, что в гостиной зашептались, потом стукнула дверь в холл, и начали шептаться уже в три голоса. Заснули мальчишки только в двенадцатом часу».

В окончательном варианте нет описания того, как Жилин принимает душ: залез под душ и в следующем же предложении — оделся, причесался и стал бриться. Черновой вариант красиво передает ощущения Жилина: «Душ всегда был моей слабостью, и я провел под холодными тугими струйками минут пятнадцать. Обсушившись под потоком горячего воздуха, я достал из вывода утилизатора свежее белье и комнатные туфли. Приятно было чувствовать себя стерильно чистым, совершенно здоровым и готовым к любому бою и к любому развлечению».

Читая черновик телеграммы, найденной в столе, Жилин сразу делает вывод: «Грин утонул во время рыбной ловли». В первоначальном варианте он более медлителен: «В этой телеграмме было что-то странное. Сначала я решил, что странность заключается в

архаическом слове «рыбари», а потом понял: обычно, когда сообщают о смерти, говорят в первую очередь, отчего или как умер человек, а не у кого он умер. Забавно, подумал я, сунул бумажку обратно в ящик стола и полез на полку за энциклопедическим словарем. Рыбарь. В словаре было сказано только, что «рыбарь» — архаическое слово, соответствующее современному «рыбак». Возможно, Грин утонул во время рыбной ловли?..»

Памятник Юрковскому на площади Авторы задумали с самого начала, но надпись на нем была вырезана сначала английскими буквами, затем — латинскими буквами, в изданиях — просто золочеными буквами. Вместо «5 декабря, год Весов» в черновиках значилось: «5 сентября 1999 года». Мысли Жилина по поводу памятника в рукописи были несколько аморфными (вообще, в первоначальном варианте ХВВ Жилин кажется человеком медлительным и даже нерешительным,— разительный контраст с прежним Жилиным, десять лет до ХВВ, в «Стажерах»):

Не менее четверти часа я смотрел на монумент и не верил своим глазам. Юрковский, несомненно, был человеком известным, правда, во вполне определенных кругах. Он был крупным ученым, неплохим организатором, членом двух академий, но он ни в коем случае не принадлежал к числу людей, которым ставят памятники даже у них на родине, не то что за границей. Еще более странно было видеть памятник ему в стране, к которой он не имел никакого отношения, в городе, где он, насколько мне было известно, если и бывал, то только проездом.

Позже Авторы, вероятно, сами заметили эти необоснованные изменения в характере Жилина и придали мыслям Жилина четкость и ясность:

Юрковским не ставят памятников. Пока они живы, их назначают на более или менее ответственные посты, их чествуют на юбилеях, их выбирают членами академий. Их награждают орденами и удостаивают международных премий. А когда они умирают — или погибают,— о них пишут книги, их цитируют, ссылаются на их работы, но чем дальше, тем реже, а потом наконец забывают о них. Они уходят из памяти и остаются толь-

ко в книгах. Владимир Сергеевич был генералом науки и замечательным человеком. Но невозможно поставить памятники всем генералам и всем замечательным людям, тем более в странах, к которым они никогда не имели прямого отношения, и в городах, где они если и бывали, то разве что проездом...

Эрула, электронная рулетка, изображенная на памятнике Юрковскому, в рукописи описывалась более детально: «Я не понимал только, что это за аппарат из шаров и дисков, на который опирается известный планетолог...»

И еще о памятнике. Артик, отвечая на вопрос Жилина, чей памятник они видят, читает надпись и комментирует: «Так это какой-нибудь немец...», что странно (имя и фамилия «Владимир Юрковский» никак не может ассоциироваться с немцем). В рукописи говорится более ясно: «Какой-то еврей или поляк», что было восстановлено в поздних изданиях. Кстати, о евреях. Когда Жилин рассказывает анекдот про ирландца, который пожелал быть садовником, Вайна Туур замечает, что там фигурировал не ирландец, а негр; в рукописи — не ирландец, а еврей. И о других национальностях. В рукописи Вузи предполагает, что Жилин не тунгус (как в изданиях), а якут, и добавляет: «Жалко. В жизни не видела якутов...» А «революционер», которого Жилин встречает в кафе, в первом черновике не описывался как человек восточного типа и боролся он не против режима Бадшаха, а против режима Клемента.

Возвращаясь к описанию характера и мыслей Жилина, хотелось бы заметить, что иногда при сравнении рукописи и изданий наблюдается и обратное: более пространные рассуждения в изданиях, чем в рукописи. К примеру, впечатление Жилина от работы парикмахера («В зеркале, озаренная прожекторами, необычайно привлекательная и радующая глаз, отражалась ложь. Умная, красивая, значительная пустота. Нет, не пустота, конечно, я не был о себе такого уж низкого мнения, но контраст был слишком велик. Весь мой внутренний мир, все, что я так ценил в себе... Теперь его вообще могло бы не быть. Оно было больше не нужно») в рукописи было описано более кратко, но емко: «...мастер сделал меня не таким, каким я должен быть, а таким, каким мне никогда не стать...»

Размышления Жилина на второе утро пребывания в Стране Дураков в рукописи описывались тоже более кратко и четко, скорее, даже не размышления, а выводы: «За завтраком в пустом кафе-автомате я решил, несмотря ни на что, действовать по старому плану. «Девон» «Девоном», меценаты меценатами, а рыбари рыбарями. Слишком много белых пятен на радостном лике этого города. Были рыбари, были перши, грустецы и артики, были еще какие-то слеги... Возможно, Римайер разрешил бы мои сомнения в две минуты. Но Римайер молчит».

Иногда поначалу Авторы пытаются показать направление мыслей Жилина, но затем отказываются от этого. К примеру, в разговоре с Илиной о рыбарях, Жилин думает: «Я ничего не понимал. Пробыл в городе десять часов и совершенно ничего не понимал. Все расползалось под пальцами, а спрашивать напрямик было пока преждевременно, я это чувствовал».

Жилин после напряженного ожидания в метро видит кибера, предназначенного для работы на астероидах, и в сердцах говорит: «Умники-затейники... <...> Остряки-самоучки... Это же надо было додуматься! Таланты доморощенные...» В рукописи высказывание более жесткое: «Дурни стоеросовые... <...> Безмозглые кретины. Мерзавцы окаянные...»

Разговор Жилина с Илиной в номере Римайера первоначально был другим:

Она повалилась в кресло и задрала ноги на телефонный столик. Я сел в соседнее кресло.

— Меня зовут Иван,— сообщил я.

— А меня Илина. Вы тоже иностранец? Вы все, иностранцы, какие-то широкие. Что вы здесь делаете?

— Жду Римайера.

— Нет, вообще здесь. У нас.

— Я буду писать книгу.

— Бросьте ерундой заниматься. Какой дурак пишет книги в нашем городе? У нас весело!

— Я подумаю,— пообещал я.— Может, и не буду писать. Я только сегодня приехал и еще не осмотрелся.

— Если вы приятель Римайера, я подыщу вам подружку, и мы славно проведем время вчетвером. Будет весело и никаких забот.

— Это было бы здорово,— сказал я.— Только на что мне подружка? Бросьте Римайера и будем веселиться с вами. А подружку вы подыщете Римайеру.

Она опустила ноги со столика и села прямо.

— Вы это серьезно? — спросила она строго.

— Нет,— сказал я.— это я так, пошутил. Согласен на подружку. А когда?

— Сегодня, конечно. Приходите к одиннадцати в «Звездочку», я сегодня там.

— Идет.

— Я буду вкалывать с семи, а к одиннадцати освобожусь, мы выпьем где-нибудь и пойдем на дрожку. Только подходите с задней стороны. Да смотрите, чтобы вас не засекли артики.

— А если засекут?

Она пожала плечами.

— Ничего особенного не будет, только они не любят, когда вокруг них шныряют аутсайдеры. Начнут доискиваться, могут быть неприятности. Нам и так не очень доверяют.

— А кому это — вам?

— Нам. Мы из союза официанток при бюро «Экстренный случай». Нас вызывают для обслуживания всяких нерегулярных собраний.

— А это интересно?

— Когда как. Если ребята веселые, здоровые, тогда интересно, и они не так пристают. С «Зелеными» интересно. С рыбарями интересно, только страшно. Интели тоже ничего парни. А вот нынче я работала у этих беременных мужиков...

— А что это такое?

— Ну как — что? Грустецы! Это, правда, считается тайной, но ведь ты никому не расскажешь?

— Никому,— пообещал я.

Она вдруг вскочила.

— А почему бы нам не выпить? — вскричала она и принялась шарить среди бутылок под окном.— Все пустые... Хотя нет, вот есть немного вермута. Хочешь?

— Пожалуй,— сказал я.

Она поставила бутылку на столик и взяла с подоконника стаканы.

— Надо вымыть, погоди минутку...— Она ушла в ванную и продолжала говорить оттуда.— А тебе какие девушки больше нравятся? Высокие, маленькие? Черные или беленькие?

— Веселые,— сказал я.— Вроде тебя. Чтобы было весело и никаких забот.

Она вернулась со стаканами.

— С водой или чистое?

— Пожалуй, чистое.

— Все иностранцы пьют чистое. А у нас почему-то пьют с водой. Твое здоровье!

Мы выпили.

— Ты где живешь? Здесь в отеле?

— Нет, в городе. Я живу у вдовы генерал-полковника Туура.

— О, у Вузи? Так зачем тебе девушка? Вузи лакомый кусочек.

— А ты ее знаешь?

— Знаю. Славная девчушка. Немного молода еще, но это пустяки.

— Так ты советуешь держаться Вузи?

Она поставила стакан, села ко мне на подлокотник и обняла меня за плечи.

— Милый мой,— сказала она.— Самое главное — чтобы было весело. Мы берем в городе то, что нам нравится. Вот и ты бери то, что тебе нравится.

— Вузи сказала, чтобы я сегодня проводил ее.

— Ну да... У вас там в пригородных улицах иногда шалят подростки, и Вузи их до смерти боится. А куда она собралась?

— Не знаю.

— В общем, если с Вузи у тебя не выйдет, приходи в «Звездочку». Мы что-нибудь придумаем. Ты парень что надо, с тобой любая пойдет.

— Кроме тебя.

— И я тоже. Только не сразу. Когда мне надоест Римайер.

— А он тебе нравится?

Она почесала в затылке.

— Как тебе сказать... Теперь не очень. Он как-то загрустил. Но нужно же соблюдать приличия.

— А раньше он был веселый?

— Не сразу. Сначала все дулся. Многие иностранцы сначала дуются, боятся, что их околпачат. А потом развеселился. А потом снова надулся.

— Бедняга,— сказал я.— Он вспомнил о семье, и ему стало стыдно.

— Черт с ним. Налить тебе еще?

Из этого разговора Илины с Жилиным и из последующего (с Оскаром) видно, что первоначально Авторы не задумывали всеобщую ненависть местных жителей к интелям... А вот Илине Авторы вначале приписывали проницательность...

— Вы не рыбарь?

— Нет.

— А, вспомнила,— сказала Илина.— Вы из университетских интелей. Вы еще подрались тогда в «Ласочке» с маленьким Питом. И попали бутылкой в зеркало. Вам еще Моди оплеух надавала...

Каменное лицо Оскара слегка порозовело.

— Уверяю вас,— произнес он скрипучим голосом.— Я не интель и никогда в жизни не был в «Ласочке».

Илина задумалась.

— Не может же быть, чтобы вы были из грустецов... И на спортсмена вы тоже не похожи.

— Я приезжий,— сказал Оскар.— Турист.

Илина разочарованно вздохнула.

— Надо же так ошибиться...

В опубликованном тексте Илина покидает Жилина во время разговора с Оскаром. В ранней рукописи она остается:

Оскар встал.

— Мне пора,— сказал он.— Не сочтите за труд передать Римайеру, что я заходил.

— Не сочтем,— сказал я.— Если мы скажем, что заходил Оскар, он поймет?

— Да,— холодно сказал Оскар.— Это мое настоящее имя.

Он размеренным шагом подошел к двери и вышел. Илина зевнула.

— Я, пожалуй, тоже пойду,— заявила она.— Мне еще надо выспаться. Пойдем?

— Я подожду еще немного,— сказал я.

— Так ты придешь в «Звездочку»? Приходи вместе с Вузи.

— Ладно,— сказал я.— Обязательно.

Она сладко потянулась, изо всех сил зажмурившись, затем вскочила на ноги.

— Пойду,— сказала она.— До вечера.

— До вечера,— сказал я.

— И приведи себя в порядок. Ты что, битник? Оброс, как рекрут у грустецов.

Она подергала меня за волосы и убежала.

Позже, в разговоре Жилина с Вузи, снова сообщается о том, что Вузи знакома с Илиной и Римайером: «Илина позвонила и сказала, что вы свой парень... А вы возитесь с этой ерундой! Вы что, интель?» Одну из дам в салоне Вузи называет коровой, в рукописи: «Старая сука». И далее разговор возвращается снова к Илине:

— Илина сказала, что вы веселый и свойский парень...— По ее лицу было видно, что она в этом еще не уверена.— Вам понравилась Илина?

— Очень,— сказал я.— У нее чудные ноги.

— Слишком полные. Вы ничего не понимаете.

— Это вы ничего не понимаете. Я мужчина, мне лучше знать.

— Мужчина мужчине рознь... Вы видели ее Римайера? Тоже, скажете, мужчина?

— Римайер мой приятель,— предупредил я.

— Он хуже грустеца, а Илина дура.

— Давайте на них плюнем,— предложил я.

— Тогда сделайте, чтобы было весело!

<...>

— А вот здесь живет старый Руэн. Каждый вечер у него новая. Устроился так, что они сами к нему ходят. Во время зава-

рушки ему оторвали ногу. Видите, у него света нет? Это они радиолу слушают. А ведь страшный, как смертный грех!

— Страшней Римайера? — спросил я.

— Римайер вообще не мужчина.

— Римайер отличный парень,— сказал я.— Не понимаю только, что с ним случилось. Он же был веселый славный парень.

— Всякое рассказывают,— сказал Вузи.— Только я не сплетница.

В баре после дрожки Жилин думает: «Надо бы отыскать Вузи. <...> Неудобно. Только где ее искать? Да и не хочется. Я знал, что настоящая Вузи разве только милой своей мордой похожа на ту, что привиделась мне на площади. И настоящий Римайер, конечно, совсем другой. И рыбари, и слеги, и меценаты имеют-таки к нам отношение...»

Еще позже, перед испытанием Жилиным слега, вместо вечернего разговора с Вузи (о развлечениях и трех желаниях) в рукописи кратко описано появление Вузи и Илины вместе: «Я взял томик Минца, лег в гостиной на тахту и читал до сумерек. Пришли Вузи и Илина. У меня сердце защемило, какие они были юные и хорошенькие и свежие, как недозрелые яблоки. Мы распили бутылку бренди, и я рассказал им двадцать пять анекдотов. Но веселиться с ними я не пошел. Я сказал им, что нынче ночью у меня деловое свидание в спальне. Они не поверили. Я вышел на веранду и слышал, как они, проходя через двор, говорили, что интель и есть интель, а все-таки жалко, ну и пусть его, ну его к чертям свинячим».

В черновике были подробнее описаны действия местных жителей в зависимости от времени суток. Начало их дня, до работы:

По мере того, как я приближался к центру, людей и автомобилей на улицах становилось все больше. Можно было подумать, что все девять тысяч автомобилей, нетерпеливо урча и толкаясь, сбились на перекрестках, и все пять сотен вертолетов, расположившись в четыре горизонта, повисли над крышами. Над улицами медленно крутились вертолеты-регулировщики из прозрачного пластика, лица полицейских были красны и

напряжены. Из кафе и закусочных выбегали толпы жующих на ходу мужчин и женщин с измазанными кефиром губами. На больших магистралях народ валил валом, и невозможно было ни остановиться, ни повернуть. Я отдался на волю потока и принялся осматриваться. Было очень жарко и светло, и странно выглядели в веселой мешанине зелени, сверкающих стекол и пестрых ярких одежд брюзгливые лица, мутные глаза, всклокоченные волосы. Все были недовольны и молчаливы, рты открывались только для ругани и ядовитых замечаний. Крепкий неприятный запах винного перегара висел в воздухе. Меня обгоняли, пихали — иной раз довольно чувствительно, несколько раз спрашивали сигарету.

Но вот автомобили помчались стремительнее, люди побежали быстрее, из кафе стали выскакивать, как из пушки. Людской поток начал редеть, и вдруг стало пусто. Автомобили замерли на стоянках, вертолеты застыли на крышах, а по тротуарам двинулись механические дворники, подбирая бесчисленные окурки и конфетные бумажки. Мокрые и обессиленные бармены и официантки вышли подышать на пороги своих заведений. По улицам пошли ярко размалеванные приземистые платформы бюро обслуживания.

И после работы:

Я был на пути домой, когда улицы снова наполнились людьми и машинами. Снова над перекрестками повисли вертолеты-регулировщики, и потные полицейские разгоняли поминутно возникающие пробки. Но толпа теперь была совсем другой. Не видно было больше хмурых, брюзгливых лиц. У меня было такое впечатление, словно все они хорошенько отоспались на работе и теперь воспряли для очередных радостей жизни. Они были полны почти высокого вдохновения и предвкушения. Они опять валили сплошным потоком, беспощадно толкались и тискали друг друга, но весело, с шутками, с дикарской восторженностью. Казалось, с души города свалился какой-то тяжкий груз, нудная осточертевшая забота, и вот пришло наконец время заняться самым главным, самым интересным делом. «Прости, крошка, чуть не наступил...» «Какой вы быстрый, а ну уберите

пальцы!» «Приходи на дрожку, я тебя найду... Я тебя везде найду!» «Эй, малыш, угости сигареткой!»

Какие-то важные люди с постными лицами несли плакаты. Плакаты взывали присоединяться к самодеятельному городскому ансамблю «Старая Родина», поголовно вступить в муниципальный кружок кулинарного искусства «Будь полезен в семье», записаться на краткосрочные курсы материнства и младенчества «Для юной матери». Людей с плакатами нарочито и с удовольствием толкали, в них кидали окурки и комки жеваной бумаги, им кричали: «Сейчас запишусь, только галоши одену!» «Мы стерильные!» «Дяденька, научи материнству!» А они продолжали медленно двигаться, невозмутимо и с печальной надменностью верблюдов глядя поверх голов.

Когда я выбрался на Вторую Пригородную, в петлице у меня была пышная белая астра, щеки были заляпаны губной помадой, и мне казалось, что я познакомился с половиной девушек города. Молодец парикмахер!

Шофер автомобиля с товарами «в обеспечение личных потребностей», споря с Жилиным о философах, упоминает Слия, которого Жилин называет неоиндивидуалистом, и восклицает: «Конечно, индивидуализм. <...> Но индивидуализм эмоциональный!»

Разговоры аборигенов, услышанные Жилиным в разных общественных местах и в разное время, в рукописи были о другом. К примеру, разговор в баре перед «дрожкой»:

Гомон стоял страшный, и я слышал с трудом. За столиком неподалеку орали:

— Нет, как хотите, терпеть их не могу!

— Хуже интелей!

— Ну, не знаю, как там насчет интелей, а только когда идет на тебя такая вот зеленая жаба в колпаке, да еще облупливается, зелень на ней лохмотьями висит...

— Они нынче желтые!

— Слушайте, а может, попробовать?

— Ступай лучше уж к першам!

— Плевал я на першей! Я сам себе перш! Я и к рыбарям могу пойти!

— Слабо!

— Какой из тебя рыбарь? Грустец ты, а не рыбарь!

Там же девочке с челкой один из посетителей говорит не «Налакалась, дура», а «Заткнись, шлюха». Сама же девочка на вопрос Ивана «Чем бы заняться?» рассказывает:

— Это как повезет,— ответила девочка. Проглотив спиртное, она сразу осоловела.— Никуда не пробьешься... Только решишь повеселиться, как тебя тащат в кусты... Не думай, мне не жалко, только ночь зря проходит. И потом, без знакомств трудно. К меценатам не подступиться, самое интересное, говорят, у меценатов, а как к ним попадешь? Слег — страшно. Рыбари — тоже страшно, да они и не пускают девчонок... Вот и остается одна дрожка. Не к грустицам же идти...

Разговоры в баре после нападения интелей на дрожку: «В школах, сын рассказывал, все фашизм поносят: ах, евреев обижали, ах, ученых травили, ах, лагеря, ах, печи! <...> А кто все выдумал? И дрожку, и слеги... А? То-то...»

Сами интели, которых Жилин видит после бегства от меценатов, были трезвые и разговаривали о другом:

Я шатался и шел медленно, держась поближе к изгородям. Потом я услышал за спиной стук каблуков и голоса:

— Вот он, ваш царь природы. Полюбуйтесь в натуре.

— Пьяное животное.

— Поверженное величество.

Я уже мог сгибать и разгибать левую руку, но мне было еще очень больно. Я остановился, чтобы пропустить их. Они тоже остановились в двух шагах от меня. Насколько я мог разглядеть в темноте, это были молодые, совершенно трезвые парни в одинаковых каскетках, надвинутых на глаза.

— Царь природы. Напился до рвоты, набил кому-нибудь морду, получил свое, и ничего ему больше не надо.

— Вот о таких я и говорю. Гангренозные типы. Их нужно ампутировать, а не заниматься разговорами.

— Я вас не трогал,— заметил я.

Они не обратили на мои слова никакого внимания.

— Самое страшное — что ему ничего на свете не надо. У него уже все есть, он сыт всем. Он способен только блевать.

— До чего вы все любите сентенции... Классификаторы! Это я и сам знаю. Вы мне скажите, что делать!

— Убивать.

— Не говори чепухи. Ведь ты так не думаешь.

— Я думаю именно так.

— Тогда тебя самого нужно убить. Ты зверь, еще хуже этих...

Вот и хорошо, подумал я, вот и занялись бы. Я потихоньку боком двинулся к дому. Дом был уже не очень далеко. Они медленно, не прерывая разговора, пошли за мной.

— Я согласен. Убейте таких, как я, но прежде дайте нам убить этих.

— Слушать тебя противно. Фашист навыворот.

— Главное не то, что фашист, а то, что навыворот.

— Фашист всегда фашист. И вообще ты идиот. Да половина вот таких только и ждут, чтобы пришел фашизм. Власть над людьми — от такого лакомства никто из них не откажется. И вот ты сделаешься фюрером или там дуче, наберешь себе из этих бедняг фюреров поменьше...

— Фюреров поменьше я наберу из вас.

— Нет, не обольщайся. Из нас ты наберешь первых заключенных.

— Ребята, ребята, тихо...

— Бей фашистов,— сказал я.— Но пассаран!

Они переглянулись.

— Видал?

— А что ты хочешь от пьяного?

— Может быть, это наш?

— Наш! Понюхай, чем он воняет! «Дрож-ка! Дрож-ка!»

— Кстати, эти бомбежки надо прекратить. Некоторые слепнут.

— А, все они давным-давно ослепли. И если чем-нибудь еще можно открыть им глаза, то только газовыми бомбами... Они

же гниют заживо! Чувства атрофированы, все мечты и желания сконцентрированы на одном — поменьше размышлений, побольше сладостных грез...

— Чтобы было весело,— сказал я,— и ни о чем не надо думать.

— Тьфу! Они даже ненавидеть не умеют.

— Даже! Если бы они умели ненавидеть, было бы сопротивление, была бы борьба, можно было бы победить...

— Перестаньте. Если бы они умели ненавидеть, они были бы с нами.

— А они и сейчас не против нас. Им на все наплевать. Эй ты, а ну кричи: «Да здравствуют интели!»

— Да здравствуют интели! — заорал я с готовностью.

Они помолчали.

— Наверное, мы напрасно барахтаемся. Исторический путь человечества определился. Мы пойдем вперед, а эти никуда не пойдут. И бог с ними. Наши пути больше не скрестятся.

— Ненавижу такие рассуждения! Мы люди, а не машины. Нечего играть в логику! Есть же какие-то обязательства у людей перед людьми... И что за манера болтать от имени истории, от имени всего человечества? Я тебе советую: когда тебя очень заносит — вспоминай о своих родителях.

— При чем здесь мои родители?

— А при том, что твой отец не пропускает ни одной дрожки, а мать...

— Замолчи!

Они опять помолчали.

— Я не хотел тебя обидеть, извини. Я просто хотел, чтобы ты спустился с небес на землю...

— Между прочим, уже три часа...

Они резко ускорили шаг, обогнали меня и скрылись в темноте. Я стоял и слушал, как затихают вдали их каблуки. Это была интересная встреча. В другое время я бы с удовольствием потолкался среди таких ребят. Только не в них было дело. И не ими надо было заниматься.

Разговор советника муниципалитета и городского казначея, который подслушал Жилин, в первоначальном варианте был таким:

— Утеряна цель жизни,— с убедительной горечью повествовал румяный, расчленяя шницель на мелкие кусочки.— Всякая цель. Вот я вспоминаю свое детство. Я не хочу сказать, что цели нашей тогдашней жизни были непременно благородны и прекрасны. В большинстве люди стремились к мелким целям: к обогащению, к карьере, к выгодному браку... Бывали и подлые цели. Но человек жил во имя чего-то! Ему все время приходилось напрягать ум и воображение. Он был активен. Он не брезговал трудом, хотя, повторяю, это был далеко не всегда общественно-полезный труд. А сейчас ничего этого нет. Никто не трудится. Все отбывают рабочие или служебные часы и спешат к развлечениям. К бесцельным, бессмысленным, животным, я бы сказал...

— Согласитесь, однако,— надменно сказал человек с пластырем,— что они и есть животные. Животными они были во времена наших отцов, животными они и остались.

— Нет, не говорите так. Можно подумать, что они виноваты. А они ни в чем не виноваты.

— Разве я говорю, что они виноваты? Я просто утверждаю, что они животные. Медведь в цирке кое-как взбирается на лестницу, и укротитель жалует ему за это кусочек сахару. Медведь понятия не имеет, для чего надобно лазать по лестницам, но сахаром он доволен. Наш горожанин тоже полон равнодушия и неприязни к своей общественно-полезной деятельности, но он совершенно так же, как медведь, рад своему кусочку сахара. Какая же разница? В том, что кусочек сахара для горожанина дороже обходится? А намного ли?

— Нет, не говорите так. Разница есть. Все-таки нас с вами выбирали не медведи. И нас выбирали — я чувствую это интуитивно — не только ради кусочка сахара... Вся беда в самом стиле жизни. Где-то мы промахнулись. Чего-то не учли. Мы слишком много говорили о благосостоянии. Мы слишком потакали этой буржуазной идее счастья в сытости, счастья в освобождении от забот... Вы понимаете меня? Господи, избавь нас от забот, а с этим кусочком колбасы я уж сам справлюсь...

— Эта идея имеет у нас многовековую традицию. Только избранные уберегли ее от тлетворного воздействия. Они стремились не к сытости, сытостью они пресытились при рожде-

нии. Они стремились к власти, к переустройству мира таким образом, чтобы только человеку было человеково, а дрессированному медведю — медвежье.

— Ну а где они сейчас? У нас давно никто не стремится к власти. Это считается дурным тоном, и вы это прекрасно знаете...

— Да. С тех пор, как во время так называемой заварушки эти дрессированные медведи растерзали последнего диктатора, стремиться к власти стало дурным тоном.

— Это не так. Вы же знаете, что это не так. Изобилие! Изобилие сделало стремление к власти дурным тоном! Зачем человеку стремиться к власти, когда в пресловутой дрожке он получает гораздо больше, чем может получить, находясь у власти...— Он понизил голос.— А теперь появились слеги. Вы слыхали о слегах? Никто не знает толком, что это такое, но рассказывают фантастические вещи! Ценою пустячка — собственной жизни — вы можете прожить двадцать жизней. И каких жизней! Императора Всея Вселенной. Властелина Острова Женщин. Бога-Творца...

— Я не верю в это,— сказал человек с пластырем.— И потом, это аморально. А если это все-таки правда, то я скажу вам, чего нам недостает: жадной, жестокой, отлично вымуштрованной оккупационной армии.

— Вы рассуждаете как интель.

— Ничего подобного. Я еще давеча хотел сказать вам. Напрасно вы полагаете, что в стране нет элементов, недовольных сытостью и стремящихся к власти. Вы забыли интелей, дорогой советник. Им не нужны оккупанты. Если они придут к власти, они устроят режим пострашнее оккупационного.

— Мой дорогой друг, это заблуждение. В том-то и беда, что даже интели не стремятся к власти. Что бы они ни вытворяли, что бы о них не говорили, это весьма благородные люди. По крайней мере, субъективно. Им не нужна власть. Они хотят расшевелить, дать хоть какую-нибудь цель... Пусть самую варварскую. Но активную цель! Это совсем иное, чем ваша оккупационная армия. Вы хотите подавить, а они стремятся расшевелить, разбудить. И когда я сказал, что вы рассуждаете как интель, я имел в виду совсем другое. Я имел в виду ваш экстремизм, склонность к жестокости. Если интели и приветствова-

ли бы оккупационную армию, то лишь как средство возбуждения общенародного духа, пробуждения народа... Вы понимаете?

— Духа нет, дорогой советник. Дух давно умер. Он захлебнулся в брюшном сале. Давайте с этим считаться и оставим глупые надежды.

Некоторое время они молчали, потом румяный советник проговорил:

— Боже мой, боже мой... Дрожка... Меценаты... Рыбари... Перши и артики... Люди, куда мы идем? Что бы мы ни начинали делать, все разбивается вдребезги. Бросьте, говорят нам. Пусть будет просто весело и ни о чем не надо думать... Но где-то кто-то все-таки летит ведь к звездам! Где-то строят мезонные реакторы! Где-то создают новую педагогику! Где-то пишут книги, спорят, не соглашаются, думают, ошибаются, расплачиваются за ошибки, кровью и страданиями расплачиваются, а не глупыми искусственными слезами над трупиком белой кошечки...

Пек Зенай в первом черновике имел имя Петер Зенер. Жилин, пытаясь всколыхнуть воспоминания в душе Петера, говорит ему: «Курсант Петер Зенер, уберите с колен Петрония Арбитра и вернитесь с Земли на небо. <...> И сто шестой рейс не помнишь? И абордаж на Титане не помнишь?» — и думает о нем: «Настоящая развалина. Совершенно невозможно было поверить, что этот человек испытывал самые рискованные модели космических кораблей».

Разговор Жилина с Бубой в черновике тоже отличался от опубликованного:

— Почему ты не хочешь дать мне слег, Петер? — сказал я.— Всем даешь, а мне нет.

— Да никому я не даю! — сказал Буба.— Что ты ко мне пристал? Откуда ты взял, что у меня есть слег? Неужели тебе не совестно? Пристал к незнакомому человеку, как гомосексуалист какой-то, ей-богу...

Если бы он не сказал о незнакомом человеке, мне было бы очень совестно. Но тут я озлился.

— Откуда я взял? Пэт мне сказал. Знаешь, с таким губчатым носом. И «Девон» ты ему дал. И Эль-рыбарь сказал мне обратиться к тебе...

На вялом лице Бубы изобразилось отчаяние.

— Не знаю я их,— сказал он.— Эль сволочь, он на меня клепает. За то, что я у него жену увел. Не верь ты им. Говорят сами не знают что. Что я им, фабрика, что ли?

— Слушай, Петер,— сказал я.— Ты меня знаешь, я человек упрямый. Я тебя не выпущу, пока не получу слег и твой адрес.

Буба вдруг решился.

— Ну и черт с тобой,— сказал он.— Подыхай. Какое мне до тебя дело? Все уже было. И никогда ничего больше не будет. Только ты дурак, Иван. Все так начинают. Любопытно, интересно, шепоток, слухи... А вообще-то, это стоит всего прочего. Но только мне кажется, это не для тебя. Или тебя тоже жизнь стукнула?

— Нет,— сказал я.— Мне просто любопытно и интересно. Я ведь из космоса ушел. Вот приехал отдохнуть, развлечься...

Он начал тихо смеяться.

— Ай да слег,— бормотал он,— ну что за молодец!.. И правильно... Кто докажет, эта жизнь настоящая или та? Верно, Иван?

— Я еще не знаю. Я узнаю и скажу тебе. Дай мне слег, Петер. И дай мне твой адрес, потому что я хочу встретиться с тобой не в кабаке, а дома, испытатель Петер Зенер.

На его вялом лице появилась странная улыбка. Он запустил пальцы в нагрудный карман и вытащил плоский пластмассовый футлярчик.

— Пользуйся,— сказал он.— Нашего полку прибыло.— Он раскрыл футлярчик. Внутри было несколько блестящих металлических трубочек, похожих на кристаллические модуляторы для карманных радиоприемников. Он взял одну трубочку и протянул мне. Она была маленькая — длиной не больше дюйма и толщиной в два миллиметра.— Пользуйся,— повторил Петер.— Пользуйся, борт-инженер Иван Жилин. Начинай новую жизнь. Не пожалеешь.

— А что с ней надо делать? — спросил я спокойно.

— Это кому как нравится,— ответил он.— Приемник есть? Вставь туда вместо модулятора, повесь где-нибудь в ванной и валяй.

— В ванной?

— Да.

— Обязательно в ванной?

— Да. Нужно, чтобы тело было в воде.

— Так. А «Девон»?

— А «Девон» высыпают в воду. Брось таблеток пять в воду и одну проглоти. Это самое неприятное. И еще обязательно добавь в воду ароматических солей. С ними очень здорово. А перед началом хорошо выпить пару стаканчиков чего-нибудь покрепче. Это чтобы развязаться.

— Так,— сказал я.— Понятно. Теперь все понятно.— Я спрятал слег в карман.— Сколько я тебе должен?

— Пустяки.— Он опять тихо засмеялся.— Дарю тебе по старой дружбе. Сладкая смерть, лучший подарок старому другу.— Он вдруг перестал смеяться и сказал просительно: — Ну пойдем, может быть? Чего зря время тратить?

— Сейчас,— сказал я.— Только дай мне твой адрес. Я зайду к тебе завтра вечером.

— Солнечная, одиннадцать,— сказал он. Ему не терпелось уйти, но он все же добавил: — Только ты не придешь.

— Почему?

— Сам увидишь. Ну пойдем, что ли?

И сразу после отъезда Бубы в черновике:

Я проводил взглядом его машину и вдруг увидел Оскара. Мокрый, со слипшимися волосами, он стоял на углу и пристально смотрел на меня. Я и мигнуть не успел, как он исчез. Сначала я решил взять такси и проводить Бубу хотя бы до дома. Оскар становился опасен. Если он связан с «Девоном», значит, он связан и со слегами, значит, он не зря следит за мной... или за Бубой, или сразу за мной и за Бубой, и если он догадывается, кто я такой и кто такой Римайер, а он, кажется, догадывается, то Бубе будет плохо, и Римайеру будет плохо, и вообще, если Мария не пришлет сюда завтра кого-нибудь, то все полетит к

чертям, потому что мне просто не поспеть за всеми. Потом я сообразил, что на активные действия Оскар или те, кто за ним стоит, сейчас не решится. Он отлично знает, что я его заметил, и вряд ли знает, сколько нас здесь. Я успокоился, взял такси и поехал домой. Я мог быть доволен: то, что мы искали, найдено. У меня было такое ощущение, что дело движется к концу.

В черновике, когда Жилин появился в квартире у Бубы, было дополнение: «Почему-то мне было страшно идти прямо в ванную, и я осмотрел спавших. Человек в брюках был мне незнаком. Бородатый без брюк тоже был мне незнаком. Оба они были пьяны до последней степени, и когда я давал им нюхать «потомак», они только рычали и чихали, слабо отмахиваясь».

Мысли Жилина после смерти Бубы в черновике были более поясняющими: «Только-только я нашел концы, и они сразу оказались обрублены. Впрочем, оставалась еще Вузи. И конечно, оставался Римайер. И еще бродил где-то Оскар, которого, пожалуй, все-таки следовало тогда нокаутировать. На Вузи надежда мала. Значит, Римайер».

В первом варианте черновика у Жилина не описывалось состояние, когда он был близок к тому, чтобы принять слег и такую жизнь. Не было и мысленного разговора с Римайером, вместо него Жилин размышляет о дальнейших действиях:

Торопиться теперь было некуда. Я просидел в номере до девяти часов и решил пойти позавтракать, затем выспаться, а вечером заняться Вузи. Вузи была единственной и очень ненадежной ниточкой, оставшейся в наших руках. Она может просто не помнить, от кого получила слег. Оскара же я больше не надеялся увидеть. Я был уверен, что его придется искать.

Вместо записки Лэна («Берегитесь. Она что-то задумала. Возилась в спальне») в первом варианте рукописи Жилин видит другую записку, в которой узнает о сущности Оскара, и поэтому не ждет уже Оскара с таким напряжением.

Я вошел в кабинет и обнаружил на столе записку: «Не застал вас в десять. Зайду в двенадцать. Привет от Марии. Оскар».

В рукописи можно узнать дополнительные подробности о дрожке, слеге и волновой стимуляции мозга. Психотехника в рукописи называется гипнотерапией. Видения, которые посещают Жилина на дрожке, в рукописи были более связными:

Тут я понял, что все это необычайно весело. Мы все хохотали. Стало просторно, загремела музыка. Я подхватил хорошенькую девчонку, и мы пустились в пляс. Это была такая красавица и умница, каких я до сих пор ни разу не встречал. С нею можно было говорить о чем угодно, она все понимала, Минца она знала наизусть и надеялась на меня, как на каменную гору, и этим можно было гордиться. Мы натанцевались всласть и отошли в сторонку, чтобы нас не толкали, и немножко поговорили об эмоциональном индивидуализме, и она согласилась, что шофер был не прав. Потом к нам подошел Римайер, он хорошо выспался, был в отличной форме, и лицо у него было, как и раньше, веселое и розовое. Я познакомил его с Вузи, и он сказал, что я молодец. Потом Римайер сказал — прямо при Вузи! — что все эти рыбари, слеги и меценаты к нам никакого отношения не имеют, и мы все трое очень обрадовались, потому что Вузи и сама так думала. Я ощутил к Вузи огромную нежность, обнял ее, и мы снова пошли танцевать, прижавшись друг к другу. Я подумал, что глупо молчать, и сказал: «Я тебя люблю, Вузи». Она подняла лицо, и я увидел, что ее можно поцеловать...

Слег в первоначальном варианте имел название не четырехразрядный вакуумный тубусоид, а двухразрядный микрогенератор, и вставлялся он в приемник не вместо гетеродина, а вместо модулятора. О таблетке «Девона» в черновике Жилин говорит так: «...по вкусу и запаху она напоминала теплый пот...»

Бредил Римайер после слега в рукописи так:

— Не надо... Мария не велит... Бери его, он твой... Нехорошо, когда просыпаешься, никому не надо просыпаться... и пусть не начинают... <...> Пусть все войдут...— бормотал Римайер.— Пусть встанут на брови... Так я велел... Альзо шпрахт

Римайер... А потом он проснется. <...> Пусть все уйдут... Мы хотим остаться одни. Наедине с миром...

И впечатление Жилина от слега после размышлений об экспериментах по мозговой стимуляции Авторы описывали сначала по-другому:

Теперь я знал, что он [Кингсли Эмис.— *С. Б.*] был прав в своих опасениях. Я понял, что имел в виду несчастный Буба, когда бормотал в полубреду: «Еще неизвестно, какая жизнь настоящая — эта или та...» И Буба был тоже прав, потому что ТА жизнь была, несомненно, гораздо ярче, слаще, полнее для человека, предпочитающего г о т о в е н ь к о е. Все мы, черт подери, любим готовенькое. К счастью, в большей или меньшей степени. Особенно когда труд не требует затрат духовной энергии, когда человек с детства систематически грабится интеллектуально и эмоционально, когда главным стимулом существования становится жажда развлечений, и наслаждение объявляется единственной ценностью жизни, а все остальное — вздор, скука, «чушики». Слег надвинулся на этот мир, и этот мир разнузданной сытости был готов покориться слегу...

Впрочем, все это была философия. Я хлебнул бренди, выключил приемник и сразу почувствовал себя лучше. В общем, эта жизнь тоже, несомненно, имела смысл. Она стоила того, чтобы ради нее действовать. Впереди была большая драка, а за этой дракой виделась еще более грандиозная, и еще, и еще.

В первом черновике в конце повести не было длинных рассуждений Оскара о центре, не было жилинских прерываний этого повествования, не было и полосатого Марии после ванны. Повесть оканчивалась так:

Тут открылась дверь, и вошли Оскар и Мария. Оскар самодовольно улыбался, а Мария — плотный седой мужчина в темных очках и с толстенной тростью — был, как всегда, печально-спокоен и немного смахивал на ветерана, потерявшего зрение. Мы пожали друг другу руки. Мария уселся в мое кресло, а я притащил для Оскара и для себя стулья из гостиной.

— Занимаемся радиотехникой? — благодушно пророкотал Мария, поглядев на стол. Я понял, что они ничего не знают.— А как там насчет смысла жизни? Вы, кажется, его нашли? Надеюсь, вас не придется увозить, как беднягу Римайера?

— Не придется,— сказал я.— Я не успел втянуться. Что вам рассказал Римайер?

— Практически ничего,— сказал Мария.— Только намекнул, что он нашел снадобье. И замолчал. Впервые в жизни встречаю сотрудника, который отказывается давать информацию. Правда, он болен... Ну что же, удовольствуемся соображениями нашего Оскара. Нынче же начнем планировать операцию.

Я взглянул на Оскара.

— Какую операцию?

— Обнаружения и захвата центра.

— Ах, центра?

— Но сначала хотелось бы выслушать ваши соображения,— сказал Мария.

— Хорошо,— сказал я.— Слушайте.

И я рассказал.

Сначала они слушали меня с недоверием. Потом они уставились на слеги и не сводили с них глаз, пока я не закончил. Когда я закончил, они довольно долго молчали. Мария осторожно, как жужелицу, взял один слег и внимательно его осмотрел. Оскар тоже взял слег и тоже осмотрел.

— Гм...— сказал он.— Микрогенератор... Высокочастотное поле. Что же, это возможно. Н-но... Послушайте, Иван, в ваших рассуждениях есть один существенный просчет. Если нет тайного центра, если все это стихийная самодеятельность, то откуда такая бешеная... конспирация? Об этом шепчутся, об этом никогда не говорят вслух. Мне так и не удалось узнать, что такое слег... от меня шарахались, когда я спрашивал.

Мария с интересом уставился на меня. Я взял у него слег, вставил в приемник и протянул Оскару.

— Вот,— сказал я ему.— Идите в ванную, Оскар. «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду. Водка под умывальником. Мы вас подождем с Марией. А потом вы нам расскажете — громко, вслух, своим товарищам по работе — об

ощущениях и переживаниях. А мы... вернее, Мария послушает, а я, так и быть, выйду.

Оскар слегка покраснел и положил приемник на стол. Снова воцарилось молчание.

— Вы думаете, он не расскажет? — спросил Мария.

— Думаю, что нет. Нужно быть животным, чтобы рассказывать об этом. А животные молчат. Они знай себе давят на рычаг.

Они не поняли, и я рассказал про опыты с мозговой стимуляцией.

— Гм,— сказал Оскар.— Я что-то слыхал об этом...

Чувствовалось, что ему страсть как не хочется расставаться со своей версией. Мария встал и угрюмо сказал:

— Дайте мне этот приемник. Пойду попробую. А потом поговорим. Где у вас тут ванная?

Я проводил его, и он заперся. Было слышно, как он там все роняет.

— Странное дело,— сказал Оскар.

— Страшное дело,— поправил я.— Это вам не гангстеры. Ясно даже и ежу, как говаривал Владимир Юрковский.

— Кто? — спросил Оскар.

— Юрковский. Был такой известный планетолог.

— А,— сказал Оскар.— Между прочим, на площади против «Олимпика» стоит памятник Юрковскому.

— Это тот самый,— сказал я.— Хорошая скульптура.

— Вряд ли,— возразил Оскар.— Этот Юрковский прославился тем, что сорвал банк в электронную рулетку. Впервые в истории. Этот подвиг они и решили увековечить.

— Я ожидал чего-нибудь в этом роде,— пробормотал я.

В ванной журчала вода, весело взревывал приемник. Потом наверху что-то сердито крикнула Вузи и тонко и жалобно заплакал Лэн. Я уже знал, что не уеду отсюда. Я понятия не имел, что здесь можно сделать, в этой отравленной стране, съеденной вещами, но я знал, что не уеду отсюда, пока мне позволяет закон об иммиграции, а когда он перестанет позволять, я его нарушу.

Позже Стругацкие решают переделать окончание повести, пользуясь ими же составленным планом:

1. Что такое слег?
2. Марию в ванне заливают чернилами.
3. Памятник Юрковскому.
4. Реакция на объяснение.
5. Аргументации.
6. Что такое решение проблемы.
7. Жилин подает в отставку.

Люди действия. Гордятся, что действуют без предвзятости и без социальных предрассудков. На самом деле — всегда один и тот же предрассудок: предусматривается принятие решения на немедленное кардинальное действие. Хорошо показали себя там, где надо стрелять, брать, рубить, и их по инерции посадили на это место.

И еще об одном. Стругацкие, как и всякий автор, окончив рукопись, давали ее почитать своим друзьям. Неизвестно, кто именно читал тогда рукопись ХВВ, но на полях он оставил язвительные записи. Стругацкие не отреагировали на них, поэтому слова, к которым «цеплялся» читатель, остались не измененными. К имени «Вузи»: «А у нее нет сестры Рабфаки? Или Техникуми? Тоже ведь красиво!» К «светски содрогаясь»: «Аркадий! Покажи, как это делается! Умираю от любопытства!» К «тетя Вайна»: «Почему — тетя? За тетю не было сказано». К «портниха»: «А почему — если салон, то портниха? Скорее уж — парикмахер». К слову «ёкало»: «Щеки все же не селезенка — как это ими ёкать. И слышал ли ты, друг мой, как вообще ёкает?» К «веки тяжелы от бессонницы и усталости»: «Что он их, взвешивал?»

ИЗДАНИЯ

Рассказывая, как проходила рукопись ХВВ через рогатки издательства и цензоров, БНС в «Комментариях» упоминает о предисловии, написанном самими Авторами, которое должно было смягчить это прохождение. Из письма АНС: «...ХВВ подписана главным редактором без чтения (вероятно, прочитал авторское предисловие и удовлетворился)...» Само авторское предисловие в архиве не сохранилось, остался лишь черновик его начала:

ОТ АВТОРОВ

На наш взгляд самым страшным свойством буржуазной идеологии является ее способность разлагать души людей, ежедневно и ежечасно пополнять ряды корыстолюбцев, потребителей, паразитов, ищущих в мире только сытости и наслаждений. И особенно страшным представляется действие этой идеологии в условиях материального довольства. В этих условиях человек, лишенный истинно человеческого взгляда на мир, считающий труд не величайшим достижением в мире, а докучным неизбежным злом, человек эгоистический, антисоциальный, лишенный представления о том счастье, которое дается ощущением единства с остальным человечеством, человек, лишенный знаний и презирающий знания, не способный черпать из духовной сокровищницы мировой культуры, такой человек — порождение буржуазного строя, буржуазной системы воспитания и буржуазной пропаганды — должен неизбежно скатиться до уровня наслаждающегося животного. А общество, составленное из таких людей, должно неизбежно деградировать и потерять способность к прогрессу.

Мы в этой повести попытались продемонстрировать конечный этап такой деградации. Мы попытались показать, что опасен не только сам капитализм и последствия его хозяйствования в душах людей, что коммунистическим государствам недалекого будущего придется много потрудиться, чтобы ликвидировать последствия духовного гниения капитализма нашего времени, что вычистить авгиевы конюшни буржуазной идеологии выпадет на долю организациям коммунистических государств недалекого будущего. Что капитализм не собирается (да ему и не под силу) чистить свои авгиевы конюшни и что сделать это выпадет на долю [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

Можно представить себе различные модели такой деградации, но не это является существенным. Главное состоит в том, что [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

Повесть ХВВ впервые была издана в одноименном сборнике (вместе с ПКБ) в 1965 году, затем была переиздана в 1980 году в сборнике «Трудно быть богом» (Баку; переиздание в 1981 году),

в сборнике «Жук в муравейнике» (Кишинев, 1983). Опубликованный текст, как с горечью замечал БНС в «Комментариях», был достаточно искажен редакторскими и цензорскими поправками и указаниями: «Не-ет, идеологические инстанции знали свое дело! Они умели ПРЕВРАЩАТЬ текст и превращали его в нечто межеумочное, причем руками самих авторов. Авторский замысел смазывался. Черное становилось серым, светлое — тоже. Острота произведения в значительной степени утрачивалась...»

Восстанавливалась повесть по второму черновику с помощью Юрия Флейшмана, подготовившего для Б. Н. Стругацкого перечень разночтений. Внести изменения в издание собрания сочинений «Текста» не успели, поэтому первый раз в восстановленном виде ХВВ вышли в «Мирах братьев Стругацких». Об этом издании Б. Н. Стругацкий писал: «Парадоксально, но уже в новейшее время, подготавливая текст к очередному переизданию, я снова вошел в конфликт с одним из издателей, причем — что замечательно! — с человеком пишущим, умным и большим знатоком и любителем АБС. Дело в том, что все вставки, сделанные в свое время под давлением, я, разумеется, из повести убрал. Текст сделался таким (или почти таким), каким он вышел из пишущей машинки в ноябре 1964 года. Но тут вдруг выяснилось, что многие из НЫНЕШНИХ редакторов, с детства привыкших к старому, подслащенному и исковерканному, тексту, ни в какую не хотят с ним расставаться! Меня всячески упрашивали оставить все как есть, ну, хотя бы частично, ну, хотя бы только то-то и то-то...»

Прежде чем заняться перечнем убранного и измененного в ХВВ, хотелось бы сказать несколько слов по поводу вообще изменений в текстах Стругацких за последнее время. Восстановление текстов, в свое время усеченных цензурой, опасливыми редакторами или даже самими Авторами (самоцензура),— благородная цель, и она была выполнена. Тексты собрания сочинений «Сталкера» если не полностью повторяют те тексты, которые сами Авторы хотели бы видеть изданными, будь в то время полная свобода печати, то максимально приближены к ним. Получив же это издание на руки, многие любители творчества Стругацких их игнорировали. Нет, не полностью отвергли их, но, ознакомившись с ними, перечитывать все же предпочитают старые издания. Привычка — великая вещь, преодолеть ее, вероятно, невозможно.

Однако же, позволю заметить тем, кто восклицает: «Привычнее — значит лучше»... Мы, наше поколение, привыкли к этим текстам, нас не переделать, но значит ли это, что и следующие поколения читателей фантастики обязаны привыкать именно к этим урезанным или подчищенным текстам? Значит ли это, что и исследовать критики и литературоведы должны именно эти тексты, привычные нам, но искалеченные с точки зрения самих Авторов?

Поэтому даже те отрывки, которые знакомы нам практически дословно, уже относятся к вариантам текста, и этот отрывок, который Стругацкие вставили в конце ХВВ по указанию издательства и который из окончательного варианта был убран,— уже история...[1]

Рюг и Лэн пришли ко мне после уроков, и Лэн сказал: «Мы уже решили, Иван. Мы поедем в Гоби, на Магистраль». У Лэна был рыжий пух на губе и большие красные руки, и было видно, что про Магистраль придумал именно он, и совсем недавно, минут десять назад. Рюг, как обычно, молчал, и жевал травинку, и внимательно рассматривал меня спокойными серыми глазами. Совсем стал квадратный, подумал я про него и сказал: «Превосходная книга, правда?» — «Ну да,— сказал Лэн.— Мы сразу поняли, куда надо ехать». Рюг молчал. «Зной и смрад стоят в тени этих чернорабочих драконов,— сказал я на память.— Они жуют все под собою — старую монгольскую кумирню и кости двугорбого животного, павшего когда-то в песчаной буре...» — «Да»,— сказал Лэн, а Рюг все жевал травинку. «Каждый раз,— продолжал я (уже из Ичиндаглы),— когда солнце занимает на небе математически точно определенное положение, на востоке расцветает мираж странного города с белыми башнями,

[1] Ну, во-первых, в каком-то смысле, ХВВ — вообще уже давно история. Во-вторых, так называемый «канонический» текст — это тоже лишь один из вариантов. В-третьих, не надо слишком упирать на привычку, кроме «Привычнее — значит лучше» есть и другие аргументы. Вот этот отрывок, про Магистраль. По-моему, он ничуть не выпадает из мировоззрения Жилина, естественным образом связывает ХВВ с идеями Воспитания и вполне логично завершает роман. Мнение автора — это, конечно, серьезно. Но осмелюсь заметить, что именно те, «искалеченные» тексты принесли АБС любовь читателей.— *В. Д.*

которого никто еще не видел наяву...» — «Надлежит увидеть это своими глазами»,— сказал Лэн и засмеялся. «Друг мой Лэн,— сказал я,— это слишком увлекательно и, следовательно, слишком просто. Вы сами увидите, что это слишком просто, и это будет неприятное разочарование...» Нет, я не так сказал. «Друг мой Лэн,— сказал я,— ну что это за мираж? Вот я семь лет назад в доме твоей матери увидел действительно прекрасный мираж: вы оба стояли передо мной уже почти взрослые...» Нет, это я говорю для себя, а не для них. Надо сказать не так. «Друг мой Лэн,— сказал я.— Семь лет назад ты объяснил мне, что твой народ проклят. Мы пришли сюда и сняли проклятье с тебя, Рюга и со многих других детей, у которых не бывает родителей. А теперь ваша очередь снимать проклятье, которое...» Будет очень трудно объяснить. Но я объясню. Так или иначе я им объясню. Мы с детства знаем о том, как снимали проклятья на баррикадах, и о том, как снимали проклятья на стройках и в лабораториях, а вы снимете последнее проклятье, вы, будущие педагоги и воспитатели. В последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат.

Целый ряд мелких правок, когда слова или фразы, присутствующие во втором черновике, отсутствовали в первых изданиях и снова появились в последних, представлен ниже. Причина большинства из них была вызвана политической системой того времени.

Много изменений было в перечислении туристов, прибывших на отдых в эту страну. Заменяли мелких партийных боссов из Аргентины (мелкие католические боссы из Испании), венгерских баскетболисток (итальянские баскетболистки), иранских студентов (китайские студенты); черные профсоюзные деятели из Замбии лишились определения «черные».

В перечислении Жилиным, как ему хотелось бы отдохнуть, «назначить свидание какой-нибудь киске» было заменено «покидать мяч с ребятами»; слова «выпить с ним [Пеком.— *С. Б.*] — он теперь, наверное, тоже пьет — почему бы и нет?», бывшие в рукописи, заменены на «расположиться с ним в прохладной комнате на полу».

Еще один отрывок, который был убран Б. Н. Стругацким при восстановлении текста, относится к монологу Опира: «Позвольте, как вас зовут? Иван? А, так вы, надо думать, из России... Коммунист? Ага... Ну да, у вас там все иначе, я знаю...»

В размышления Жилина о монологе доктора Опира («Неооптимизм... Неогедонизм и неокретинизм...») в первых изданиях был вставлен «неокапитализм». А в рассуждения Жилина по поводу путчиста вставлено определение «микрогитлеры». В речи же самого путчиста, в перечислении планов этих «революционеров» было убрано: «Мы построим у себя химические заводы и завалим страну едой и одеждой». Уж очень это было похоже на нашу революцию...

В первых изданиях была убрана фраза шофера («Ну его в штаны!»), когда он говорил свое мнение о докторе Опире («Сучий потрох... <...> Сластолюбивый подонок. Амеба»).

Заменено, а затем восстановлено в изданиях было определение «длинноногие гладкокожие красотки, годные только для постели», вместо него в первых изданиях было «стандартизированные, развинченные читательницы журналов мод».

Проклятия посетителей бара после нападения интелей на дрожку также были изменены. В первых изданиях вместо «дерьмо свинячье, стервы... пархатые суки... Свербит у них в заднице» было «собаки свинячьи, дряни поганые... Свербит у них».

В первых изданиях исправлениями постарались ограничить критику мещанства, распространенного во всем человечестве, заменив ее критикой мещанства только в данной стране. После просмотра Жилиным прессы он восклицает: «Ну что за тоска!» — и далее размышляет: «Какое-то проклятье на человечестве...» Издатель указывает, и Авторы добавляют: «Ну что У НИХ ЗДЕСЬ за тоска!» — и изменяют: «Какое-то проклятье на ЭТИХ ЛЮДЯХ...» Криницкий и Милованович, написавшие брошюру о системе воспитания, в рукописи и в поздних изданиях — педагог и инженер (без упоминания принадлежности к какому-либо государству), в ранних изданиях — советские педагоги.

Убрано было в первых изданиях, а в последних восстановлено и размышление Жилина по поводу действий Марии: «В конце концов, спекулируют всегда только тем товаром, на который есть спрос. Но Мария-то все равно пошлет нас ловить спекулянтов,

подумал я уныло». Вместо этого было: «Беда, что существует эта Страна Дураков, этот поганый неострой. Он взял под свою опеку дрожку и ждет не дождется момента, когда можно будет узаконить слег... В конце концов, спекулируют всегда только тем товаром, на который есть спрос. Но Мария-то все равно пошлет нас ловить спекулянтов, подумал я уныло».

«УЛИТКА НА СКЛОНЕ»

УНС, одно из наиболее сложных из-за своей абстрактности произведение Стругацких, дает литературоведу бездну ассоциаций, море предположений и неисчислимое количество различных выводов, которые можно сделать из текста, но каковые Авторы и не думали вкладывать в УНС. Одна из интерпретаций, авторская, состоит в том, что Управление — это Настоящее, а Лес — это Будущее. Но с таким же успехом можно предположить, что Управление — оно управление и есть (наша советская система управления страной в те времена), а Лес — собственно наша страна, которую, как и саму жизнь народа, пытаются изучать, охранять, переделывать официальное Управление и различные параллельные системы... Если говорить абстрактно, как и написана сама УНС, в ней показаны политика и экономика СССР и как они отражаются на жизни простого народа. Или, если отвлечься от политики и погрузиться в саму науку, то можно предположить, что Управление (естественные науки) изучает Природу, а Славные Подруги — это наши парапсихологические науки, которые пытаются воздействовать на Природу по-своему...

Но не только общая идея и смысл (вернее, многосмыслие) УНС интересны исследователю. Сравнивая различные тексты и варианты УНС, можно многое увидеть, понять или довообразить.

Как известно, УНС имеет два опубликованных варианта, в каждом из которых по два почти самостоятельных повествования. Ранний вариант «Беспокойство» («Улитка на склоне» — 1) повествует о Базе (главное действующее лицо — Горбовский) и о лесе Пандоры (главное действующее лицо — Атос-Сидоров). Окончательный, поздний вариант — собственно «Улитка на склоне» —

повествует об Управлении (главное действующее лицо — Перец) и некоем абстрактном Лесе (главное действующее лицо — Кандид). Кроме этого, существует еще ранний вариант Управления, где все основано не на неких зарубежных, а вполне наших, советских тогда, реалиях.

Процессы ступенчатой переделки ГОРБОВСКИЙ — СССР — УПРАВЛЕНИЕ и переделки ПАНДОРА — ЛЕС показаны ниже.

Но до этого было написано Авторами начало некоей повести:

Э, да что вы мне говорите! Я-то уж знаю, как всё это начиналось и чем всё это кончилось. Я сам напросился туда, но меня взяли только радистом, хотя я восемь лет проработал на Пандоре на грузовых вездеходах, и мне казалось, что это уже само по себе рекомендация. Но в поиск пошел Андрюшка Соколов, десантник, Том Монтана — да-да, тот самый, я не оговорился,— его вызвали с Фиесты и он был очень этим недоволен, потому что считал, что задача проста до предела. Да еще Иржи Марек — он пошел как врач. А я сидел на Базе и держал с ними связь, так что я все видел с самого начала. Как они выкатились из ангара на своем чудовище и все трое торчали из люка — очень веселые и шумные,— да и нельзя их винить за легкомыслие, потому что Соколов — это Соколов, а Монтана — это Монтана. Иржи шел в третий раз, и он был самый опытный из них, хотя всю жизнь провел в этих джунглях, а они облетали всю Вселенную. Кстати, и танка такого еще здесь никогда не было.

Так вот, в первый раз они завязли еще в виду базы. Мы все собрались на крыше и видели, как они буксуют, причем танк ревел, как звездолет, и с каждым оборотом гусениц зарывался все глубже и глубже, пока они не заморозили все вокруг на сотню метров. Только тогда танк выбрался из ямы и скрылся за деревьями. Мы сразу помрачнели, и всем было ясно, что дело плохо.

В первые сутки они продвинулись на восемь километров и настроение было еще довольно бодрое. На вторые сутки двигатель отказал и мы сбросили им с вертолета другой, но он утонул в болоте. Они шесть часов провозились в двигателе и все-таки запустили его. Оказалось, что знаменитая ку-смазка была сожрана начисто какими-то червяками неизвестного вида.

А мы-то так полагались на эту смазку! К концу третьих суток они прошли двадцать два километра, и перед самым ночлегом танк провалился в болото и утонул. На связь вышел Том. Физиономия у него была мокрая, один глаз заплыл. Он сказал мне, что танк лежит в бездонной воронке на глубине семи метров под водой, причем вверх колесами, но ему наплевать, потому что все уже спят и он тоже сейчас ляжет. Выберемся, сказал он и выругался. Утром они действительно выбрались и подверглись нападению какого-то чудовища, которое обвилось вокруг танка и стало его заглатывать. Никакие ОВ на него не действовали. Неизвестно, чем бы это кончилось, но тут на это чудище накинулось другое, и они стали драться. После них осталась мощная просека, и танк двинулся дальше. В тот день они прошли двенадцать километров, и все было решили, что теперь все пойдет как по маслу, но тут свалился Иржи. Его рвало, а все тело покрылось радужными пятнами величиной с ладонь. Когда врач заболевает, надо возвращаться, но они пошли дальше. На пятые сутки они попали в колонну насекомых, похожих на муравьев, и эти муравьи сожрали органические гусеницы и ушли. В течение суток они выращивали новые гусеницы, но потом свалился Том. Иржи в этот день стало гораздо лучше, он чувствовал себя просто здоровым, хотя и был пятнист, как оцелот. У Тома же началось что-то вроде лихорадки, и они двинулись дальше. На шестые сутки они нашли в джунглях «Селл», брошенный в последнюю попытку, когда погибли Муррей и Панов. Они рассказывали, что от «Селла» остался один скелет — вся органика была сожрана, все металлическое превратилось в ржавчину. Потом Андрюха пожаловался на какой-то туман и связь прервалась на сутки, а когда связь возобновилась, то выяснилось, что больны все трое. Все трое лежат, а танк стоит. На восьмые сутки Том поднялся и хотел идти дальше, но тут из Иржи, из его пятен, полезли маленькие белые червячки с черными головками, и пришлось возвращаться.

Далее то ли не было написано, то ли не сохранилось. После внимательного рассмотрения этого текста было решено его отнести к ранним черновикам УНС. Но текстолог может ошибаться, как и любой литературовед, делающий выводы на основании сво-

их построений. Вот что сообщил Б. Н. Стругацкий: «Приведенный же отрывок не имеет никакого отношения к УНС и вообще к Пандоре. В середине 60-х Илья Иосифович Варшавский подарил нам сюжет короткого рассказа, который начинался примерно так, как приведенный отрывок. Потом должны были идти три-четыре странички похожего же текста — ужасы джунглей, фантастические смерти героев и пр.— и завершалось все коронной фразой: «Так закончилась шестая и последняя попытка пересечь по меридиану бассейн реки Амазонки». Замысел этот пришелся мне (но не АНу!) по душе, и я несколько раз пытался его реализовать: начинал, писал десяток фраз и остывал. Оказалось, это не всякому дано: исписать четыре страницы ради одной-единственной последней фразы. Так рассказ и не получился — ни у нас, ни у Варшавского».

Но, как было сказано в «Хромой судьбе», «у хорошего хозяина даром ничто не пропадает, все в дело идет». Можно предположить, что проработка описания ужасов джунглей Амазонки както, возможно даже и неосознанно, повлияла на описание ужасов джунглей Пандоры.

Интересны некоторые стилистические особенности текста, которые можно видеть только при пословном сравнении текстов «Улиток». К примеру, слово «мох», встречающееся в обеих частях повествования, характеризует тонкую работу Авторов над словом. Склоняя («мха, мхом...»), Авторы в раннем варианте придерживаются обычного написания, позже — в окончательном варианте — Авторы пользуются малоупотребляемым «моха, мохом», но не всегда. Когда повествование идет замедленно-размеренное, применяется вторая форма:

<...> ...как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и проросло грубым мохом.

<...> Они миновали полосу белого опасного моха, потом полосу красного опасного моха...

Когда же повествование убыстряет свой ход, становится отрывистым перечислением действий, применяется форма с беглым «о»:

<...> Стоян, двигаясь с большой аккуратностью правыми колесами по тропинке, а левыми — по пышному мху, догнал их...

<...> ...и то, что ствол вот этого дерева порос именно красным мхом...

ПАНДОРА — ЛЕС

В этой части повествования главным действующим лицом вместо Атоса-Сидорова, знакомого читателю еще по ПХХIIВ, стал Кандид (многозначительное имя), а действие перенеслось с Пандоры в некий полуабстрактный Лес, уйдя из цикла Полудня.

Персонаж, называемый Авторами «стариком», в окончательном варианте стал «старцем» — тоже нечто более абстрактное, чем просто «старик». Старик говорит о своем родовом долге, старец — просто о своем долге. В варианте Пандоры пропавшими в лесу, о которых вспоминает и которых видит в «лукавой деревне» Атос, являются Карл и Валентин («И тут он вспомнил, что Карл-то пропал без вести, а Валентина нашли через месяц после аварии и похоронили»). В варианте Леса — присутствует только Карл.

Изменили свои названия топографические элементы: Хлебное болото стало называться Хлебной лужей, а Новая деревня — Выселками. Атос ищет в лесу Базу, Кандид в Лесу — биостанцию.

Изменилось и описание приема передач Слухачом. На Пандоре («Глаза его выкатились, руки как бы сами собой поднялись ладонями вверх. <...> Мутное лиловое облако возникло возле лица Слухача, губы его затряслись, и он заговорил быстро и отчетливо, чужим металлическим голосом...») Слухач более похож не на некий живой радиоприемник, а на диктора, будто бы он читает текст, изображение которого передается в лиловом облачке, как на экране. В Лесу («Глаза его зажмурились, руки как бы сами собой поднялись ладонями вверх. Лицо расплылось в сладкой улыбке, потом оскалилось и обвисло. <...> Мутное лиловатое облачко сгустилось вокруг голой головы Слухача, губы его затряслись, и он заговорил быстро и отчетливо, чужим, каким-то дикторским голосом...») Слухач становится живым радиоприемником — телепатически принимающим текст сообщения[1].

[1] Признаться, не смог уловить столь существенных различий. Слухач — в обоих вариантах живой приемник, просто оттачивается текст произведения.— *В. Д.*

В пандорианском варианте еще не устоялись некоторые термины: травобой — иногда травобойка. Пролитый травобой — рассыпанная травобойка. Иногда простое сравнение отдельных слов из разных вариантов заставляет задуматься о богатстве русского языка. Трясина, когда в нее Атос-Кандид толкнул убитого мертвяка, чвакнула (Пандора) и чавкнула (Лес). А как лучше?

Перенесение событий с Пандоры в абстрактный Лес заставляет авторов вуалировать некоторые действия персонажей, делая их странными и непонятными. Ночью в «лукавой деревне», услышав крик и выйдя из дома, где они ночевали, Кандид в панике озирается и далее: «"Где Нава? — закричал он.— Девочка моя, где ты?" Он понял, что сейчас потеряет ее, что настала эта минута, что сейчас потеряет все близкое ему, все, что привязывает его к жизни, и он останется один. Он повернулся, чтобы броситься обратно в дом...» Действия Атоса: «И почти тотчас же он сам ощутил острый укол в спину. Он обернулся...» В обоих вариантах герой видит падающую навзничь Наву. В «пандорском» еще ясно: на Наву подействовали эманации леса, она должна была вскрыть Атоса скальпелем. Поэтому и скальпель оказался в ее руке, когда они очнулись: «Вот где он мне залез в кулак! — сказала она.— Только вот что удивительно, Молчун, я совсем его тогда не боялась, даже наоборот... Он мне даже был для чего-то нужен...» При превращении Пандоры в Лес теряется и эта ниточка, читатель может лишь предполагать и по-своему интерпретировать: откуда взялся скальпель, для чего он был ей нужен...

Анатомическая особенность аборигенов Пандоры, интересовавшая Молчуна («...Ее открытое горло было перед его глазами, то место, где у всех землян ямочка между ключицами, а у Навы было две таких ямочки, и у всех местных людей было две таких ямочки, но ведь это чрезвычайно важно узнать, почему у них две. <...> Что же им дают две ямочки? В чем целесообразность?»), превращается в анатомическую особенность именно Навы, о местных жителях в варианте Леса — ни слова, а «земляне» заменены на «людей».

«Это вам не на Земле, здесь не верят»,— думает Атос. «Сами вы дураки, так я вам и поверил. Хватит с меня — верить...» — думает Кандид. Преобразования частностей в нечто общее, вычленение мелких реальных особенностей и преобразование их в

абстрактные категории видны при сравнении двух текстов на каждом шагу (странице).

Особенность Пандоры («Пожалуй, самой удивительной характеристикой топографии Пандоры является необычайно быстрое перемещение фронта озер и болот... Перемещение фронта... На всех фронтах... Борьба...») в варианте Леса превращается тоже в некую абстрактную категорию, о которой можно размышлять и которую можно интерпретировать по-всякому. Хотя наиболее ярким примером различий «конкретного» и абстрактного варианта, как мне кажется, является смысл слова «Одержание». До публикации первоначального варианта УНС это слово некоторые критики понимали как «одержимость» (одержимость дьяволом, к примеру)[1], и только много позже стал понятен смысл, вкладываемый в это слово Авторами: «Одержание победы над врагом». Пожалуй, даже сами Авторы не могли предугадать такой интерпретации, ибо они-то знали о первоначальном варианте изначально.

Абзац, посвященный особенностям флоры и фауны Пандоры («Атос поймал себя на том, что мысленно перебирает известных ему диких обитателей леса. Тахорги, псевдоцефалы, подобрахии, орнитозавры Циммера, орнитозавры Максвелла, трахеодонты... это только самые крупные, тяжелее пяти центнеров... рукоеды, волосатики, живохваты, кровососки, болотные прыгуны... Почти каждый выход в лес означал встречу с каким-нибудь новым животным — не только для чужака, но и для местного жителя. То же самое относилось и к растениям. И никого это не удивляло. Новые растения приносили из леса, новые растения совершенно неожиданно вырастали на поле — иногда из семян старых. Это было в самой природе, и никто не искал этому объяснений. Возможно, новые животные тоже рождались от старых, давно известных. А может быть, они были стадиями метаморфоза — личинками, куколками, яйцами... Эти слизни-амебы, например, наверняка какие-нибудь зародыши...»), в окончательном варианте заменен на более абстрактное (соответствующее общему духу

[1] Да-а, «некоторые критики» отличаются завидной оригинальностью мышления. По-моему, интерпретация Одержания как одержимости — сбой чувства языка, не могли Авторы допустить такую корявость (этим существительным соответствуют причастия разных залогов).— *В. Д.*

УНС) размышление Атоса о мухах, которые бьются о стекло, но воображают, что они летят. А реальный (для мира Полудня) тахорг заменен гиппоцетом («лошадиный кит» — видимо, нечто, похожее на лошадь, но очень большое).

Предложение одной из «амазонок» вызвать воду («Она сказала что-то другое, но Атос понял ее именно так») в окончательном варианте превращается во вполне абстрактное предложение «заставить живое стать мертвым».

Вместо общих рассуждений в окончательном варианте УНС («Живой радиоприемник. Значит, есть и живые радиопередатчики... и живые механизмы, и живые машины, да, например, мертвяки... Ну почему, почему все это, так великолепно придуманное, так великолепно организованное, не вызывает у меня ни тени сочувствия — только омерзение и ненависть...») Атос думает более конкретно и даже поясняюще: «Наверное, уж много веков тысячи Слухачей в тысячах деревень, затерянных в лесах огромного континента, выходят по утрам на пустые теперь площади и бормочут непонятные, давным-давно утратившие всякий смысл фразы о подругах, об Одержании, о слиянии и покое; фразы, которые передаются тысячами каких-то людей из тысяч Городов, где тоже забыли, зачем это надо и кому». И далее, в рассуждениях о прогрессе на Пандоре (в Лесу) изменяются фразы: вместо «сильные этой планеты считают их лишними, жалкой ошибкой» — «сильные их мира видят в них только грязное племя насильников», вместо «всё для них уже предопределено, что будущее человечество на этой планете — это партеногенез и рай в теплых озерах» — просто «всё для них уже предопределено». И окончание этого размышления в варианте Пандоры хотя и пессимистично, но конкретно: «...а если мне это не удастся,— а мне почти наверняка не удастся уговорить их,— тогда я вернусь сюда один и уже не со скальпелем... И тогда мы посмотрим», а в варианте Леса философски отстранено: «Впрочем, если мне удастся добраться до биостанции... М-да. Странно, никогда раньше мне не приходило в голову посмотреть на Управление со стороны. И Колченогу вот не приходит в голову посмотреть на лес со стороны. И этим подругам, наверное, тоже. А ведь это любопытное зрелище — Управление, вид сверху. Ладно, об этом я подумаю потом».

И, что лишь поначалу кажется странным, при переработке Пандоры в Лес, Авторы убрали шесть отрывков — рассуждений славных подруг, «философских», глубокомысленных размышлений. Вероятно, странно было бы загромождать абсурдизм Леса абстрактностью этих разговоров, а разговоры действительно были интересными, ибо речь в них идет не о противостоянии Севера и Юга, как в окончательном варианте (эти реалии соотносятся, скорее, с менталитетом американцев), а о противостоянии Востока и Запада (вполне российские реалии...):

— Ты хочешь есть? — спросила мать Навы Атоса.— Вы всегда хотите есть и едите слишком много, совершенно непонятно, зачем вам столько еды, вы ведь ничего не делаете... Или, может быть, ты что-нибудь делаешь? Некоторые твои приятели умеют работать и даже могут быть полезны для Одержания, хотя они совершенно не знают, что такое Одержание, между тем грудной младенец знает, что Одержание есть не что иное, как Великое Разрыхление Почвы...

— Ты всегда делаешь одну и ту же ошибку,— мягко прервала ее беременная женщина.— Влияние этой толстой желтой дуры сказывается на тебе до сих пор. Великое Разрыхление Почвы есть не цель, а всего лишь средство для Одержания Победы над врагом...

— Но что есть Победа над врагом? — слегка повысив голос, сказала мать Навы.— Победа над врагом есть победа над силами, которые лежат вне нас. А что значит «вне нас»? Вне нас — это не только вне меня и не только вне тебя, это вне нас всех, это вне Запада и вне Востока, ибо Запад — это тоже мы... Одержание — это не Одержание над Западом, но Одержание над тем, что есть вне Запада и вне Востока...

<...>

— Видишь ли, подруга,— сказала она,— я могу ответить тебе только одно. Твои слова — это вольное и бездоказательное толкование разговоров нового времени, эти разговоры не представляют ничего нового, они начались задолго до того, как ты появилась среди нас. Поверь мне, Одержание состоит в победоносной борьбе с Западным лесом и с теми, кто этот лес ведет

на нас, это знают даже мужчины. Вот он, например. Послушай, человек с Белых Скал, в чем состоит Одержание?

<...>

Я зачем-то искал хозяев, думал он. Все дело в том, что я ждал совсем не таких хозяев. Я ничего не понимаю. Я думал, что хозяева совсем другие, и теперь не могу вспомнить, зачем они были мне нужны. Я искал злых, холодных, умных владык леса, они и есть владыки леса, эти бабы, но ведь они просто болтающие обезьяны, они сами не знают, чем они занимаются... И я не знаю, чем они занимаются, и чего они хотят, но если они не знают, чем они занимаются и чего хотят, то как я могу это узнать... Впрочем, мне это и не нужно знать, мне нужно совсем другое... Он сморщился от шума в голове... Что же мне нужно узнать...

<...>

— Молчун! — позвала Нава и обернулась и увидела мертвяка.— Мама! — завопила она и рванулась вперед, вырывая руки.

Женщины величественно повернули головы. Не было в этом мире ничего такого, ради чего стоило бы оборачиваться быстро. Хозяева, подумал Атос. Мать Навы засмеялась.

— Старые страхи! — сказала она беременной женщине. Та тоже улыбалась, но с некоторым неудовольствием.— Не бойся, девочка,— сказала мать Наве.— Это работник. Посланец. Тебе не нужно их бояться. Бояться вообще никого не нужно: здесь все твое. Работники тоже принадлежат тебе. Завтра ты будешь уже командовать ими, и они будут делать все, что ты прикажешь, и пойдут, куда ты пожелаешь...

— Лес страшен только мужчинам,— сказала беременная женщина.— Потому что в лесу ничто не принадлежит им. Теперь ты стала нашей подругой и лес принадлежит тебе...

— Есть, однако, воры,— сказала мать Навы, обнаруживая готовность уточнять и спорить.— Вероятно, это самая опасная ошибка, но их становится все меньше...

— А я видела воров,— сказала Нава.— Молчун бил их палкой, а потом они гнались за нами, но мы убежали, мы очень быстро бежали, прямо через болото, хорошо, что Колченог показал мне, где тропа, а то нам бы не убежать. Молчун совсем

из сил выбился, пока мы бежали, он совсем плохо бегает... Молчун, ты не отставай, ты за нами иди!..

<...>

— К Белым Скалам тебе не пройти. Ты сгинешь по дороге. Даже мы не рискуем пересекать линию боев. Даже приближаться к ней...

— А ведь мы защищены,— добавила мать Навы.— Правда, там не линия боев, конечно, а фронт борьбы за Разрыхление Почвы, но это не меняет дело. Тебе не перейти. Да и зачем тебе переходить? Ты все равно не сможешь подняться на Белые Скалы...

— Тебе не пройти линии боев между Западом и Востоком,— сказала беременная женщина.— Ты утонешь, а если не утонешь, тебя съедят, а если не съедят, то ты сгниешь заживо, а если не сгниешь заживо, то попадешь в переработку и растворишься... Одним словом, тебе не перейти. Но может быть, ты защищен? — В глазах ее появилось что-то похожее на любопытство.

— Не ходи, Молчун, не ходи,— сказала Нава.— Зачем тебе уходить? Оставайся с нами, в Городе! Ты ведь хотел в Город, вот это озеро и есть Город, мне мама сказала, правда, мама?

— Твой Молчун здесь не останется,— сказала мать Навы.— Но и фронт Разрыхления ему тоже не пересечь. Если бы я была на его месте — забавно, подруга, я сейчас попытаюсь представить себя на его месте, на месте мужчины с Белых Скал... Так вот, если бы я была на его месте, я бы вернулась в деревню, из которой я так легкомысленно ушла, и ждала бы там Одержания, потому что это неизбежно, и очередь его деревни наступит, как прежде наступила очередь многих и многих других деревень, таких же грязных и бессмысленных...

— Я тоже хочу вернуться с ним в деревню,— заявила вдруг Нава.— Мне не нравится, как ты говоришь. Раньше ты так никогда не говорила...

— Ты просто ошибаешься,— спокойно сказала ей мать.— Может быть, и я тоже когда-то ошибалась, хотя я этого и не помню. Даже наверняка ошибалась, пока не стала подругой...

Беременная женщина все смотрела на Атоса.

<...>

— Значит, не защищен,— сказала женщина.— Это хорошо. Тебе не надо ходить к Белым Скалам и тебе не надо возвращаться в деревню. Ты останешься здесь...

— Да, с нами,— сказала Нава.— Я так и хотела, и вовсе я не ошибаюсь. Когда я ошибаюсь, я всегда говорю, что ошибаюсь, правда, Молчун?

ГОРБОВСКИЙ — УПРАВЛЕНИЕ

Сравнение вариантов «Горбовский на Базе» и «Перец в Управлении» осложнено основательной переделкой текста, но, что интересно, общего тоже немало.

Вместо Горбовского — главного персонажа повествования — появляется Перец, одно имя которого представляет интерес для исследователя. Вместо Поля — Ким. Вместо Стояна — Курода (Алик?), позже — Стоянов. Вместо Квентина — Сартаков.

В общих отрывках текста происходит замена фантастических реалий будущего на существующие либо более приличествующие некоей конторе (или, как сейчас принято говорить,— офису): не эскалатор, а лестница; не диспенсер, а мусорное ведро. В клоаку падает не вертолет, а мотоцикл. Из леса Перец видит смутные очертания скалы Управления, Горбовский — очертания дирижабля.

Таинственное действо, которому подвергаются все научные работники, у кого публикуется меньше пятнадцати статей за год, называется в советском варианте, чистовике и поздних изданиях — спецобработкой, в издании «Смены» — обработкой, в остальных изданиях — спецпереработкой.

В раннем варианте рукописи «Беспокойство» Горбовский, говоря по дальней связи («А нельзя ли как-нибудь этого Прянишникова временно посадить под замок? Чтобы не открывал... Закрыть надо, а не работать! Слышишь? Закрыть! Контакт уже установлен?.. Ну вот. Только этого нам и не хватало...»), называет не Прянишникова, а Комова, что странным образом соотносит «Беспокойство» с «Малышом».

Помимо повторяемых отрывков текста (сидение и разговоры у обрыва, появление человека из леса с приросшей к нему лианой, поездка в Лес с описанием клоаки и щенков), весьма инте-

ресна для анализа речь директора Управления — бессмысленно-абстрактная, ни к чему не привязанная. Авторы создали эту речь, пользуясь текстом первоначальной части с Горбовским. Неизвестно, выбирали ли они отдельные предложения, пользуясь методом Стивенсон-заде или Эджуорта, или мысленно бросали кости домино (как позже Ким рекомендует слушать речь Директора), но почти вся эта речь состоит из реплик предыдущего варианта:

...Управление реально может распоряжаться только ничтожным кусочком территории в океане леса, омывающего континент. [Слова от авторов о директоре Базы Поле. Глава 1.] Смысла жизни не существует и смысла поступков тоже. [Из речи Турнена. Глава 9.] Мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. [Говорит Горбовский Полю. Глава 3.] Он даже не противостоит, он попросту не замечает. [Слова от авторов о Лесе. Глава 1.] Если поступок принес вам удовольствие — хорошо, если не принес — значит, он был бессмысленным... [Из речи Турнена. Глава 9.] <...> Противостоим миллионами лошадиных сил, десятками вездеходов, дирижаблей и вертолетов, [Слова от авторов о Базе. Глава 1.] медицинской наукой и лучшей в мире теорией снабжения. [Этого нет. Дописано.] У Управления обнаруживаются по крайней мере два крупных недостатка. [Говорит Горбовский Полю о человечестве. Глава 3.] В настоящее время акции подобного рода могут иметь далеко идущие шифровки на имя Герострата, чтобы он оставался нашим любимейшим другом. [Горбовский говорит по Д-связи. Глава 3.] Оно совершенно не способно созидать, не разрушая [Говорит Горбовский Полю о человечестве. Глава 3.] авторитета и неблагодарности... [Этого нет. Дописано.] <...> Оно очень любит так называемые простые решения, [Говорит Горбовский Полю о человечестве. Глава 3.] библиотеки, внутреннюю связь, географические и другие карты. [Этого нет. Дописано.] Пути, которые оно почитает кратчайшими, [Говорит Горбовский Полю о человечестве. Глава 3.] чтобы думать о смысле жизни сразу за всех людей, а люди этого не любят. [Из речи Турнена. Глава 9.] Сотрудники сидят, спустив ноги в про-

пасть, каждый на своем месте, толкаются, острят и швыряют камешки, и каждый старается швырнуть потяжелее, [Ответ Горбовского Турнену. Глава 9.] в то время как расход кефира не помогает ни взрастить, ни искоренить, ни в должной мере законспирировать лес. [Этого нет. Дописано.] Я боюсь, что мы не поняли даже, что мы, собственно, хотим, [Говорит Горбовский Полю о человечестве. Глава 3.] а нервы, в конце концов, тоже надлежит тренировать, как тренируют способность к восприятию, [Говорит Горбовский Полю. Глава 3.] и разум не краснеет и не мучается угрызениями совести, [Ответ Горбовского Турнену. Глава 9.] потому что вопрос из научного, из правильно поставленного становится моральным. [Ответ Горбовского Турнену. Глава 9.] Он лживый, он скользкий, он непостоянный и притворяется. [Горбовский о Лесе. Глава 9.] Но кто-то же должен раздражать, [Горбовский о себе. Глава 3.] и не рассказывать легенды, а тщательно готовиться к пробному выходу. Завтра я приму вас опять и посмотрю, как вы подготовились. [Поль Сименону. Глава 3.] Двадцать два ноль-ноль — радиологическая тревога и землетрясение, восемнадцать ноль-ноль — совещание свободного от дежурства персонала у меня, как это говорится, на ковре, двадцать четыре ноль-ноль — общая эвакуация... [Поль составляет план: пишет на сводке и говорит секретарю. Глава 3.]

В архиве сохранились материалы предварительных наработок по написанию части «Управление»: план первых двух глав и описание машин, разговор которых слышит Перец.

Гл. I.

1. Описание леса.
2. Описание директора.
3. Появление Домарощенных; эмоции П.
4. Описание Д.— человек большой значительности, с видом вселенского обвинителя и носителя огромного морального и интеллектуального заряда.
5. Разговор: a. «Как вам не страшно и почему вы босиком?»
   b. О камешках.

c. Обсуждение отношения П. к Лесу. («Вы любите Лес?» — «А вы?» «Ваш вопрос странен... Если он не является провокацией»...)

d. «Мой интерес обоснован, ибо вами интересуются Там». (Алевтина его спросила.)

e. Рассуждения о простоте и ясности. Кто вы такой, Перец? («Вот вы сидите на обрыве, а никто этого не делает, разве что справить нужду» — ужас Переца.) «Это не вызов, не дерзость, это невежество».

f. «У меня... здесь свидание с Директором...» — «Ах вот как это у вас делается... Не оправдывайтесь. Ясность м. б. лишь на опр. ур-не. И простота. Абсолютная ясность бывает лишь на самом верху».

g. Жалкие попытки П. оправдаться. Потом он машет рукой и предлагает идти завтракать.

6. Описание дороги до столовой (в одном абзаце).

7. Завтрак. Сосед у него — шофер Коля. Вокруг пьют кефир. Под столом — бутылки из-под водки.

8. Разговор ведет Коля.

a. Бегающие деревья.

b. Русалки.

c. Аборигены.

d. Спор о Кандиде (разбился или заброшен с вертолета). «Служ. секретные признано числить Кандида живым».

e. Гудок. Пора работать. Коля сдвигает стулья и ложится спать. Напоминает: «Так вы завтра утром идите прямо в гараж и садитесь в машину. Часам к семи».

f. Перечисление методов уехать отсюда. [Этот абзац перенесен стрелкой перед пунктом «е».]

Вопрос Переца. Каким д. б. человек? — Непьющим.— Простым и ясным.

9. Идет в здание Управления. Ищет туалет, чтобы помыть руки. Попадает в кабинет к Киму и к собств. столу. «Сегодня

переменили этажи. Наш этаж теперь четвертый. А тебе разве не сообщили в четыре утра?»

10. Изложение идеи Управления, как силы, по замыслу решающей судьбу Леса.

11. Садится за стол и начинает по просьбе Кима умножать и делить. Потом выясняется, что машина врет. «Я знаю», говорит Ким.

12. Завклубом, выпускник философского ф-та МГУ. Восхищается Лесом и предлагает сделать Перецу доклад о Лесе. Испытывает Переца на способности. Договаривается насчет доклада по диссертации «Особенности стиля и ритмики женской прозы позднего Хэйана на материале "Макура-но соси"».

13. Появляется Стоян на мотоцикле. Привез цветок для девушки. «Передай ей, скажи, что от меня». Лиана. Росток из шеи. Уезжает. «Теперь придется все пересчитывать»,— с досадой говорит Ким.

14. «А зачем ты был на обрыве? Ах, с директором... Действительно, это мысль!»

Гл. II

1. Будит комендант поздно ночью.
   1. Переполнена гостиница.
   2. Белье нужно отдавать в стирку.
   3. Сейчас здесь будет ремонт.
   4. Истек срок пропуска (по секрету, тяжелое нарушение, а тут еще лес под боком... «Я не могу так, я женат...»).

2. Сначала идет на обрыв, смотрит на ночной лес. Первый раз видит лес ночью. Ночное Управление. Библиотека. «Насколько книги могут помочь чел-ку, что сделать с Лесом».

Книги делают человека добрым и честным. Но нужно ли это в лесу?

Книги дают знание. Но знания не имеют к лесу никакого отношения.

Книги вселяют неверие и упадок духа.

Книги, кот. обманывают.

Книги, вселяющие сомнение.

Дремлет. Разговор между книгами. Книги спорят — какая самая главная и самая лучшая. (Для читателя? Для вас самого? Для автора?)

3. Алевтина щупается с шофером Колей между стеллажами.

* * *

1. Машинка. Экспресс-лаборатория. Страх смерти, предчувствие.

2. Бас. Изобретатель и строитель. Люди отбирают плоды трудов. Боится влаги.

3. Оловянный голос. Машина — истребитель машин.

4. Фальцет. Логист.

5. Старик. Хирург.

6. Садовник. Лес превратить в сад и по саду гуляют люди — красиво, приятно глядеть.

1. Кукла.
2. Винни Пух.
3. Оловянный солдат.
4. Астролог.
5. Крот.
6. Клоун.

СССР — УПРАВЛЕНИЕ

В первоначальном тексте действие разворачивается не в некоем абстрактном Управлении с неопределенно-иностранными реалиями, а в нашем, тогда еще советском. Основные отличия от окончательного варианта — разговор машинок и убранный отрывок, который находился между обращением Переца к книгам в библиотеке и пробуждением Переца:

— У меня интересное содержание, четкий шрифт и красивый переплет.

— Все равно барахло.

— Почему же это барахло? Меня читают. Меня часто читают. У меня даже одна страница отклеилась.

— Это еще ничего не́ значит. Мою соседку вот зачитали, стоять с нею рядом противно. Вся в супе и в читательских соплях. А двух слов связать не может. Сплошное «он обнял и стал ее раздевать».

— Слушайте, потише, здесь детские книги...

— А что у меня на полях один ребенок написал!

— Так почему же все-таки я барахло?

— Потому что вранье.

— А уж ты — сама правда!

— Во всяком случае, мой автор во все это верил.

— Какая же разница, если это все равно вранье? Мой автор тоже может сказать, что он во все это верит.

— Твой? Подонок он! Пьяница и подхалим...

— Руганью ты ничего не докажешь. Да и что это за разговор! Вранье — не вранье... Что ты об этом знаешь? Правда — понятие социальное. А если строго между нами, то перед лесом мы все — одинаковое барахло.

— При чем же тут лес? Кто его видел? Кто докажет, что он есть?

— Лес есть!

— Кто это еще там орет с верхней полки?

— Но-но, потише, я — про лес!

Смех. Да, подумал Перец, можно себе представить, что это за книга.

— Что-то давно меня никто не берет.

— Про любовь?

— Не-ет.

— Приключения?

— Нет.

— Ну и не жди, не возьмут.

— А ведь брал кто-то. Предисловие прочитал и первую главу. В двух местах подчеркнул, а в одном месте поставил «нотабене». Кто же это был? Не помню.

— А что же он не кончил?

— Ему уезжать надо было. Хотел он меня украсть, да постеснялся. А я еще тогда подумала: никогда его не забуду. И вот забыла.

— В очках?

— Нет.

— Странно.

— А чего ты там расхвасталась? Меня, может, каждый раз крадут, да сам директор приказывает возвращать. Я в букинистическом знаешь сколько стою? Меня в свое время из-под полы продавали, если хочешь знать...

— Вместе с интересными открытками, надо понимать?

Изменению подверглись в первую очередь имена персонажей. Повариха, не имевшая в окончательном варианте имени, а лишь прозвище (Казалунья), в советском варианте «Управления» называлась Ксенией Петровной. Мадам Бардо, начальница группы Помощи местному населению, в первоначальном варианте была также «мадам», но — Филаретова. Тузик назывался Колей (Туз — Николай). Неизвестный из группы Инженерного проникновения имел фамилию Трунов. Клавдий-Октавиан Домарощинер назывался Валерием Африкановичем Домарощенных. Ким в советском варианте был Кимом Гостомысловым (смысловая фамилия — «мыслит ГОСТами»). Беатриса Вах называлась Анной Ивановной. Сумрачный сотрудник в приемной Директора, которого, «судя по опознавательному жетону на груди и по надписи на белой картонной маске, следовало называть Брандскугелем», в советском варианте назывался Петром и имел об этом надпись «на пластиковой табличке под левым нагрудным карманом». Профессор Какаду был товарищем Рыбкиным, Квентин — Семеном Сартаковым. Перец вспоминает убитую Эсфирь (в советском варианте — Олю). Из башни броневика кричат не о многоуважаемой княгине Дикобелле, а о князе Александре Петровиче. В некоторых случаях замена имен особенно интересна изменением контекста, подразумеваемого этими именами.

В грузовике говорят о пропавшем в Лесу Кандиде, в советском варианте — об Иванове. А вот «товарища Сидорова» Перец встречает во второй приемной Директора, позже он был заменен на «преподобного Луку».

Вместо Домарощинера почетным секретарем выбирали Кузнецова. Вместо менеджера упоминался завгар. А вместо Проконсула в кабинет к Киму является заведующий клубом. И поет он не

«Аве Мария!», а «Хороши весной в саду цветочки». И предлагает не «содрать с фактов шелуху мистики и суеверий, обнажить субстанцию, сорвав с нее одеяние, напяленное обывателями и утилитаристами», а «сорвать идеалистическую и метафизическую шелуху с рациональных зерен, обнажить сущность объекта, сорвав с него одеяния, которое напялило на него обывательское мировоззрение».

Мосье Ахти поет Перецу: «Откроем, ребята, заветную кварту!..» В советском варианте Ахти (просто — Ахти) поет: «Выпили, добавили еще раза...» Пахнет от него не спиртом, а водкой, и рассказывает он не: «Инженера позовем, Брандскугеля, моншера моего. <...> Он такие истории излагает — никакой закуски не надо...», а «Инженера позовем, Петьку. <...> Он такие истории рассказывает, оборжешься...»

Водитель Вольдемар ранее был Володей. На удостоверении Вольдемара был написан телефон Шарлотки, а на правах Володи — телефон Зинки. В шахматы этот персонаж собирался играть не с Ахиллом-слесарем, а с Семеном-слесарем. В окончательном варианте, играя на мандолине, водитель поет:

Тоске моей не вижу я предела,
Один брожу безумно и устало,
Скажи, зачем ко мне ты охладела,
Зачем любовь так грубо растоптала?
<...>
...Теперь с другим ты радуешься жизни,
А я один, безумный и усталый.

Об этой песне Б. Н. Стругацкий говорит: «Это — выдумка авторов. Попытка сделать пошловатый текст окончательно пошлым.

На землю пал последний луч заката,
Ночная темнота на землю пала.
Прости меня, но я не винова-а-а-ата,
Что и грустить, и ждать тебя устала...
<...>
А за окном свирепый ветер воет
И мне вослед смеется и рыдает.

А это (насколько я помню) — оригинальный текст так называемого «балканского (так, кажется?) танго», весьма популярного в начале 60-х. По крайней мере, именно так напел мне его экспедиционный шофер Юра, прообраз шофера Тузика». В «советском» варианте текст песни — именно такой, как в танго, без переделок.

Гостиница, в которой жил Перец, именовалась гостиницей-общежитием. В столовой не стойка, а окно раздаточной, вместо стульев — табуретки, а вместо стула без сиденья — колченогая табуретка. Вместо бутылки из-под бренди, выкатившейся из-под стола, выкатывается водочная бутылка. Траурное извещение о гибели Кандида было не просто в газете, а в стенгазете. У Тузика была не стеганка, а ватник. В парке не павильоны и купальщицы, а диаграммы и атлеты с гимнастками. Вместо сева — посевная («Доложите, как идет посевная? Сколько посеяно? Сколько посеяно разумного, доброго, вечного?»). Очередь в буфете Управления с сумками, ранее — с авоськами. Жалованье в раннем варианте называлось зарплатой или получкой. На шлагбауме развешаны кальсоны, в советском варианте — онучи. И требуют предъявить не «бумаги», а «документики». Кавардак и бедлам в советском варианте назывались бардаком.

«Доказывай потом, что ты не домкрат»,— говорит шофер Тузик. «Доказывай потом, что ты не верблюд»,— говорит шофер Коля.

Вместо «антабуса» в справке Домарощинера ранее было написано «холецистит».

Общее обращение «господа» заменило советские обращения «товарищи» или «граждане». Переца называют в окончательном варианте: пан, мосье, мингер (в одном издании — мингерц), сударь, герр, господин; в первом варианте — товарищ Перец, иногда — гражданин.

Небольшой отрывок, отсутствующий в окончательном тексте, присутствовал в первой главе, когда Перец завтракает в столовой:

Проходя мимо Переца, многие хлопали его по плечу, ерошили ему волосы, пожимали локоть. «Здравствуй, Перчик»,— говорили ему. «Здорово, товарищ Перец». «Привет, старик». «Что же ты не приходишь играть? — говорили ему.— Вчера мы

тебя ждали все утро, сегодня ждали, что же ты?» «Перец, говорят, ты уезжаешь? Брось, не уезжай!»

Комендант выгоняет Переца из гостиницы, потому что у него истекла не виза, а командировка, и шепчет дежурному не «Понял? Ты отвечаешь...», а «Понятно, чем пахнет?»

В качестве наказания могут отослать на биостанцию, но не микробов ловить, а землю копать. Хулиганские действия в советском варианте назывались аморальным поведением. Нарушителя помещают не в карцер, а в милицию. «Можно, например, и по этой... по заднице»,— предлагает Тузик совершить в качестве аморального поступка. В советском варианте: «...леща дать».

Обращение Переца к двухтомнику («Вот ты, как тебя... Да-да, ты, двухтомник! Сколько человек тебя прочитало? А сколько поняло?..») было более конкретным: «...как тебя... Хемингуэй!»

В рассуждениях Переца о прогрессе в советском варианте было: не «эти знаменитые "зато"», а «наши знаменитые "зато"»; не специалист, а токарь; не проповедник, а лектор; не администратор, а хозяйственник; не растлители, а развратники.

В библиотеке Коля (Тузик) и Алевтина закусывают черным хлебом (позже — штруцелем), помидорами и огурцами (позже — очищенными апельсинами), а пьют из эмалированной кружки (пластмассового стаканчика для карандашей) водку (спиртное). Кстати, о штруцеле. Так именовалась закуска в первых изданиях и издании «Миров». В издании СС «Текста» был шницель, а в изданиях 89—92 годов — штрицель. Это же разночтение повторяется с черствым батоном, который ели завгар (менеджер) и Перец.

Перец думает, что шофер будет брать каких угодно попутчиков (в советском варианте — левых пассажиров) и будет сворачивать, чтобы завезти кому-то молотилку из ремонта (в советском варианте — три мешка картошки).

Изменился и рассказ о Тузиковых похождениях. Богатая вдова, которая «хотела бедного Тузика взять за себя и заставить торговать наркотиками и стыдными медицинскими препаратами», в советском варианте — «торговать клубникой собственного огорода». В машине у Тузика покачивался, растопырясь, Микки Маус, у Коли — Буратино. А колесо, которое снимали и которое потом катилось, в советском варианте было тяжелое двускатное зад-

нее, в первых изданиях — тяжелое заднее, в изданиях с 89 года — тяжелое. С «Миров» описание колеса возвратилось ко второму варианту.

Из разговоров сотрудников после телефонной речи директора в окончательном варианте: «Я смотрел в каталоге Ивера: сто пятьдесят тысяч франков, и это — в пятьдесят шестом году»; в советском варианте: «Я смотрел в каталоге Шампиньона: сто пятьдесят тысяч франков. И это — в тридцать третьем году».

Методы понимания директорской речи по Киму: «Есть метод Стивенсон-заде»; в советском варианте — «метод Эджуорта».

Секретарша во второй приемной читает книгу. В окончательном варианте ее название — «Сублимация гениальности», в советском — «Павлов и Фрейд».

Так как Перец не заполнял анкету, предлагают «проверить сотрудника Переца, так сказать, в демократическом порядке»; в советском варианте — «силами общественности». При проверке Перец вспоминает собаку Мурку, ранее — собаку Мурзу. «Это была последняя болезнь моих ног»,— говорит Перец при перечислении болезней ног о гангрене с последующей ампутацией. В советском издании: «После этого ноги у меня больше не болели». На вопрос о мировоззрении Перец отвечает: эмоциональный материалист, в советском варианте — воинствующий материалист.

Вот изменения в рассуждениях Переца о нормальных людях. Чтобы никто не требовал: в окончательном варианте — «автобиографии в трех экземплярах с приложением двадцати дублированных отпечатков пальцев», в советском — «восьми фотокарточек размером четыре с половиной на шесть». Вместо «Не нужно, чтобы они были принципиальными сторонниками правды-матки, лишь бы не врали и не говорили гадостей ни в глаза, ни за глаза» — «Не нужно, чтобы они были принципиальными сторонниками свободы и демократии, лишь бы они сами были терпимы и отчетливо представляли себе разницу между теоретическими спорами и вооруженной контрреволюцией».

Несколько более подробно и местами более жестко давался разговор между машинками. В окончательном варианте разговор начинается с реплики-ответа «Винни Пуха» («тэдди-биера» — дополнение в советском варианте). В советском варианте разговор описывался с предыдущей реплики:

— Мне стало просто страшно,— сказали тонким дрожащим голосом за спиной у Переца.— Я почувствовала, что приближается э т о. Вы же сами знаете, так уже бывало. Появляется тревога, все путается, убегаешь с места работы, не знаешь, куда себя девать, мечешься... и через несколько часов — взрыв, разлетаешься на мельчайшие брызги, или превращаешься в горячий пар. Чувствуете, как меня трясет?

Далее следует разговор о работе, в котором есть некоторые мелкие дополнения. К примеру, к фразе «Всегда одно и то же: железо, пластмасса, бетон, люди» добавлено: «Одна и та же погода, один и тот же ветер, одни и те же запахи». «Люди — дерьмо»,— говорит «заводной танк». Отличается и начало разговора о людях:

— Все вы достаточно глупы в своих суждениях,— сказал астролог.— Но особой глупостью поражает меня наш садовник. Что вы там болтаете насчет садов? Ну, хорошо, насадите вы свои сады, напустите в них людей — и тех, кто поднимает ножку возле деревьев, и тех, кто делает это другим способом. И что, спрашивается, дальше?

— Ничего,— сказал звонкоголосый садовник.— Будет красиво. И вообще хорошо.

— Кому хорошо?

— Мне хорошо.

— Ах, в а м хорошо?

— Конечно. Пусть всем будет хорошо. Мне хорошо, когда я сажаю сады, вам хорошо, когда вы оперируете людей...

— Мне совсем не обязательно оперировать людей,— прервал астролог.— Я могу оперировать насекомых, лягушек.

— Но ведь признайтесь, всего приятнее вам оперировать именно людей.

— Опять о людях, опять о людях,— сокрушенно сказал Винни Пух.— Седьмой вечер мы говорим только о людях.

— Кое-кто дал бы по людям бортовой залп,— сказал танк сонным голосом.— Вот только лень подниматься...

— Вам всегда лень подниматься в таких случаях,— сказал астролог.

— Вздор, отставить! — сказал танк.

— А если вздор, то поднимитесь и дайте. Ну? Дайте!

— Может быть, кое-кто и получает удовольствие, имея дело с насекомыми и лягушками,— сказал танк.— Но некоторые предпочитают более солидные цели. Я сказал — некоторые. И при этом я точно знал, кого я имел в виду. Но включаю ли я туда себя — этого я не сказал.

— Вот так всегда,— сказал астролог.— Семь вечеров мы проговорили о людях и проговорим еще семьдесят семь. А между тем они всем мешают. Всем, кроме садовника. Но для садовника можно было бы оставить несколько десятков экземпляров.

Наступила тишина. Потом садовник осторожно спросил:

— Как вы сказали? Оставить?

— Гм,— сказал астролог.— Я сказал — оставить? Я, вероятно, недостаточно точно выразился. А впрочем, почему бы не оставить? Не всех же... э-э... да и зачем?

— Абсолютно незачем,— сказал Винни Пух.— Вам бы только потрошить. А речь идет совершенно не об этом. Речь идет о том, чтобы как-то разорвать установившееся, по-видимому, между нами и ними связи. Я думаю, никто не станет отрицать, что между нами и ними, как бы нелепо это ни звучало, существует связь...

«Директор писал крупно и разборчиво, как учитель чистописания» — в окончательном варианте, «...как учитель русского языка» — в советском варианте. Тузик систематически не посещал не «Музей истории Управления», а авиамодельный кружок. «Кто мне судья? Я — директор, глава»,— думает Перец. В советском варианте вместо «глава» — «единоначальник». В «Проекте директивы о привнесении порядка» тоже некоторые нюансы звучали по-другому. Вместо «сокращаются непроизводительные расходы» — «сокращается переписка», вместо «идеал организованности» — «общий дух организованности», вместо «взыскание» — «наказание». Дата Директивы: вместо «месяца ... дня ...» — «октября 19..». Имена — вместо Х. Тойти — Иванов, вместо Ж. Люмбаго — Сидоров, а собаковод Г. де Монморанси прежде был безымянным.

Домарощинер имел два блокнотика, Домарощенных — две тетрадочки.

Директиву о привнесении порядка Алевтина называет Директивой о хаосе. Неразбериха (по мнению Алевтины) в окончательном варианте: «...какие-то люди ходят везде и меняют перегоревшие лампочки»; в советском варианте: какой-то человек ходит и чинит «мерседесы» (для нового поколения добавим: «мерседес» в данном случае — это не автомобиль, а счетная машинка). Алевтина предлагает: «...проведи совещание с завгруппами, скажи им что-нибудь бодрое...», в советском варианте предложение более скромное: «...прими двоих-троих...»

Обилие таких мелких, но ярких поправок текста позволяет предположить, что когда-нибудь будет опубликован и вариант «советского Управления» полностью, а литературоведы, как следует изучив все варианты УНС, порадуют читателей своими исследованиями и напишут не одну диссертацию...

ПОСЛЕДНИЙ ВАРИАНТ

Окончательный текст Стругацких был несколько сокращен при первой публикации: сборник «Эллинский секрет» (Лес) и журнал «Байкал» (Управление). Вторая публикация — через двадцать лет — в журнале «Смена» содержала полный вариант текста, который печатался по рукописи Стругацких. Следующие публикации (книжные) почему-то использовали сокращенное первое издание, полный вариант был восстановлен при работе над собранием «Миров» и окончательно дополнен (по рукописям и черновикам) в СС «Сталкера».

В «Беспокойстве» (в издании «Миров» и далее) издатели с разрешения Б. Н. Стругацкого изменили Мировой Совет на Всемирный совет, так как в завершающих цикл Полудня повестях (ЖВМ, ВГВ) он именуется именно так. Хотя как раз здесь правильность замены под вопросом, так как «Беспокойство» относится скорее к ранним произведениям цикла (ПХХIIВ, ПКБ), где название этого органа — «Мировой Совет».

И в дополнение к сказанному. Интересен тот факт, что при первом разговоре с Перецем Домарощинер делает записи при беседе в два блокнота — малый и большой, доставая один и пряча

другой. Позже Алевтина говорит: «У Домарощинера есть два блокнотика. В один блокнотик он записывает, кто что сказал — для директора, а в другой блокнотик он записывает, что сказал директор». То есть еще на первых страницах дается понять, что Перец — претендент в директоры Управления и это известно Домарощинеру. Постоянно меняя блокноты, он как бы сомневается, будет ли Перец директором. Если перечитывать УНС с учетом этого предположения, то по тексту видно, что все окружение Переца знает, что, во-первых, кого выберет Алевтина, тот и будет директором, и что, во-вторых, Алевтина выбрала Переца. Становится оправданным многое: вопрос Кима: «А ты где был? У Алевтины?» (он-то знает, что Перец еще не был, иначе бы здесь не сидел, но вопросом подталкивает Переца к Алевтине), комендант выгоняет Переца из гостиницы (ему здесь не место, ему место — у Алевтины), Алевтина появляется в библиотеке с Тузиком (который ни одной юбки не пропускает, но в данном случае смотрит на Алевтину только с сожалением — не его эта дама, она выбрала Переца)... Получается, что и в Управлении, а не только в Лесу женщины управляют миром... Впрочем, оставим такие заключения литературоведам-интерпретаторам. УНС своей абстрактностью дает массу материалов для таких выводов, как истинных, так и ложных.

«ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ МАРСИАН»

ВНМ, пожалуй, одно из самых неоднозначных произведений АБС. Как и ХВВ, оно не дает ответа, кто же тут прав, за кем истина (потому что правда у каждого героя своя). Неоднозначно оно и потому, что практически все произведения АБС написаны так, что читатель, прочитав или перечитав в очередной раз какое-либо из произведений АБС, может сделать свой собственный вывод, примкнуть к тому или другому мнению или, по крайней мере, стать над процессом и попытаться понять — почему? что плохо? что хорошо? Прямых ответов Авторы никогда не дают, но, ставя перед читателем проблему, заставляют его самого в процессе или уже после прочтения давать оценку происходивших событий. Обычно читатель сам придумывает ответ, правильный для него. Иногда бывает и так, что, взрослея или меняясь в результате каких-то жизненных событий, читатель переосмысливает свои взгляды, из-за этого меняется и трактовка перечитанного произведения, и, соответственно, выводы после чтения.

Возможно, кто-то, прочитав ХВВ или ВНМ, точно так же сделал для себя определенные выводы, примкнул к тому или другому лагерю... Но рано или поздно осознаешь, что на главные вопросы этих произведений не существует однозначного ответа, потому что сам БНС в «Комментариях» пишет по поводу ХВВ: «Наше отношение к этому миру, как к АНТИУТОПИИ, переменилось. Мы поняли, что этот мир, конечно, не добр, не светел и не прекрасен, но и не безнадежен в то же время,— он способен к развитию»,— и по поводу ВНМ: «И кто все-таки в нашей повести прав: старый, битый, не шибко умный гимназический учитель

астрономии или его высоколобый зять-интеллектуал? Мы так и не сумели ответить — себе — на этот вопрос».

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В архиве АБС сохранилось несколько страниц (рукописных и напечатанных на пишмашинке), по которым можно увидеть самое начало работы по созданию ВНМ.

Подробный план повести на пяти страницах содержит описание событий пяти дней из жизни главного персонажа, который по имени еще не назван. Отсутствуют имена и у других персонажей. Но вот что интересно — хотя план в пунктах практически ничем не отличается от самого текста ВНМ, вывод из происходящего главный герой делает совсем другой.

День первый

1. Описание ночного взрыва. Связи с городом нет.

2. Начало: нынче я точно узнал, что она путается с секретарем. Ночью был взрыв, и она...

3. Утром к городу по дороге пошли машины с солдатами.

4. Идет в магистратуру, по дороге встречает людей, разговоры о ночном взрыве: восстание; война; взрыв заводов с горючим; маневры; иллюминация по случаю годовщины чего-то.

5. Магистратура, разговор с секретарем, косвенно узнает, что нет связи с городом. Вопрос о пенсии.

6. Идет к аптекарю. Разговор с аптекарем насчет марок.

7. Толпа на площади, выясняется точно, что был взрыв заводов, ругаются, что седьмой раз пропили деньги, отпущенные на строительство стадиона, то-то в магистратуре волнение, у всех рыло в пуху, вскрылись тайные связи городского архитектора с торговцем наркотиками. Полицейский приходит, вмешивается в разговор и, когда ему не удается доказать свою бредовую точку зрения, он всех разгоняет.

8. Пошел в бар. Размышления о качестве вина. О владельце бара. О музыке от радиолы.

9. Возвращаясь домой, застает секретаря, любезничающего с дочерью. Перепалка с секретарем. Намеки секретаря на экономку. Дома сидеть не любит, его доводит экономка, хуже жены.

[Рукописно: 1) Показать где-то молодежь: «Марсиане? Бред... Скучище», и — хлоп водки.

2) Размышления о жизни: скучно, ничего не происходит.]

День второй

1. Утром, едва вышел за ворота, встретил приятеля, который сообщил, что напали марсиане. Только что были в магистратуре.

2. Идет в магистратуру. Там толпа перед крыльцом, рассматривает таинственный след, высказываются суждения и выслушиваются очевидцы. В толпе полицейский, защищающий, как всегда, самую глупую точку зрения. Выходит инвалид, автор следа, и полицейский всех разгоняет.

3. Заходит в магистратуру. Как насчет пенсии в связи с прибытием марсиан? Насчет марсиан ничего не говорят, но узнается, что отныне пшеницу сеять не велено, а велено сеять какую-то траву. Мешки с семенами. [Рукописно: Насчет пенсии обнадеживают.]

4. Идет к аптекарю. Разговор о марках. Аптекарь дает идею, что у марсиан могут быть марки.

5. Герой мчится на почту, не пришла ли корреспонденция с новыми марками. Герой не верит насчет марсиан, потому что прочитал брошюру о том, что жизни на Марсе нет.

6. Тянется в кабачок и на площади видит толпу ветеранов с оружием в руках. Выясняется, что из соседнего гарнизона в увольнительную пришли солдаты. Речь полковника насчет желудочного сока. Ветераны божатся, что не дадут желудочного сока и будут все отстаивать с оружием в руках, отечество объявляется в опасности. Приходит полицейский, отстаивает глупую точку зрения и всех разгоняет.

7. Все, и он тоже, идут в бар. Там допрашивают служащего магистратуры, какие марсиане. Люди как люди, один Петр, другой Иван. Герой угощает служащего водкой и пытается выяс-

нить насчет пенсии. Полицейский приходит и сообщает: ты вот тут сидишь, а твоя дочка уже в открытую милуется с секретарем.

8. Дома разворачивает вечерние газеты, там огромная статья-дискуссия о значении желудочного сока и о недостатках пшеницы, как главного питательного продукта.

День третий

1. Ночью появляется зять-редактор. Ободранный, окровавленный, рисует мрачные картины, собирает автомат и ложится спать.

2. Проснулся поздно, дома никого. Пошел в магистратуру. По дороге видит: за околицей пшеница посинела, а на площади три фургона — донорские пункты желудочного сока. Вокруг толпа. За сок платят и потом будут брать в счет налогов.

3. По улице медленно идет странная машина марсиан, за нею с гиканьем бегут мальчишки. Ветераны стоят перед магистратурой, грозятся, что всё разнесут.

4. В магистратуре о пенсии ему говорят, что будут выдавать пенсию желудочным соком. Он совершенно удручен.

5. Идет к аптекарю, не скажет ли аптекарь, что полезное можно сделать с желудочным соком.

6. Сцена избиения и ареста торговца наркотиками. Марсианская машина, из нее выходят вполне земные молодчики. Часть молодчиков уезжает, а двое пошли в магистратуру.

7. Толпа на площади. Обсуждает происшествие. Бредовые точки зрения: молодчики — это не люди, а марсианские роботы. Полицейский разгоняет толпу.

8. В бар. Ветераны пристают к роботам, пытаются выяснить, роботы это или нет. Дело кончается дракой. Герой, улучив момент, спрашивает одного из молодчиков, как с пенсией, и получает в глаз.

9. Возвращается домой, секретарь любезничает с дочкой. [Рукописно: Зять скрылся.]

День четвертый

1. Утром завтракает синим хлебом. Все вкусно, чем больше ешь, тем больше хочется есть. Экономка подает редкую рус-

скую икру, он хочет устроить сцену за расточительство, а экономка сообщила, что за желудочный сок очень хорошо заплатили.

2. Идет сдавать желудочный сок. Получает книжечку донора. Сок сдавать раз в неделю. Надо на пустой желудок.

3. В магистратуре успокоили насчет пенсии и сообщили, что налоги действительно будут взиматься желудочным соком. Зам. редактора ругается с мэром, который опечатал типографию за то, что в последнем номере есть стихотворение: «И на далеком горизонте свирепый Марс горит пожаром».

4. Толпа ветеранов и иных, кое-кто с оружием, обсуждает вопрос о том, какими боевыми средствами располагают марсиане. Муссируются слухи, что в десяти милях группа сопротивления напала на марсианскую машину, всех перебила и машина сама собой взорвалась. Говорят, что во главе группы стоит зять-редактор. Полицейский разгоняет, а старика записывает. Проходит машина марсиан, мало внимания на нее, только кто-то бросает замечание, типа: доедет колесо до Рязани или не доедет?

5. Идет к аптекарю: как повлияет участие зятя в сопротивлении на пенсию. Аптекарь туманно намекает, что получены необыкновенные марки. Марсианин заходит и получает по рецепту лекарство и уезжает на своей машине, а они и не заметили. Вспоминают, как выглядел марсианин.

6. В бар с аптекарем поделиться. Но никого этим не удивишь. Приходит человек и под строгим секретом сообщил, что один там пробовал гнать водку из синей травы, принес фляжку. Старику не досталось. Бармен всех выпирает, что за свинство, приносить чужую водку и портить дело в заведении.

7. Дома. На секретаря махнул рукой. Читает интервью с президентом. Ничего не понять, один желудочный сок. [Рукописно: От этой синюховки — отрыжка.]

День пятый

1. Ночью драка на улице: вернулся редактор и избил секретаря. Редактор страшно злой, суть в том, что сопротивления не получилось: некому сопротивляться. Никаких машин никто не

взрывал. Одну машину они остановили, оттуда вылез Петер такой-то и сказал, что везет желудочный сок в столицу. Он вылез прямо с кишкой и думал, что остановили опоздавшие сдать вовремя. Предложил сдать. Трое согласились, получили деньги и ушли. Пока, ребята! Редактор забирает последние выпуски местной газеты и уходит к себе.

2. С утра дома тишина, дочь ходит на цыпочках с опухшим носом. Каждый день с утра рассматривает марки. Пошел в магистратуру, там сказали, что вопрос о пенсии подан на рассмотрение министру почты и телеграфа. Секретарь не пришел, прислал младшего брата сказать, что сильный насморк.

3. На площади толпа обсуждает, что вернулся редактор и избил секретаря. Разведется редактор или нет? К старику пристают с этим вопросом. Подходит машина марсиан, изнутри кто-то на ломаном языке спрашивает, как проехать в редакцию. Нетерпеливо отмахиваются, посылают мальчишку показать дорогу. Приходит полицейский, высказывает чудовищное предположение о том, что сейчас началась мода жить как у кошек, втроем-вчетвером с одной женщиной. Когда с ним не соглашаются — разгоняет. Записывает старика и предупреждает: второй раз записываю.

4. У аптекаря. Аптекарь подробно описывает марсианские марки, которые у него есть, но ничего не показывает: только при красном свете. Говорит, что марсианские марки очень дорогие, и этим наводит на грустнейшие размышления о пенсии.

5. Идет в бар. Там пьяный вдребезги молодчик описывает, как он веселился в столице. Слушают, раскрыв рты. О марсианах нигде ни слова.

6. Дома. Ужин. Уже собираясь спать, слышит, как в саду шепчутся секретарь и дочка. Экономка сообщила, что редактор звонил и сказал, чтобы ужинали без него, придет поздно.

По небу проходят огромные светящиеся машины. И он думает: вот проклятый мир, ничего не меняется, даже с марсианским нашествием.

На последней странице «Дня пятого» появляются рукописные записи Авторов с именами, где только Аполлон назван как в окончательной версии:

Старик: Аполлон
Дочь: Эвридика
Редактор: Персей
Секретарь: Ромул
Экономка: Гера
Полицейский: Помпей
Аптекарь: Понтий
Наркоман: Харон

Во втором столбце Авторы перечисляют другие, могущие им понадобиться имена: «Прозерпина, Элигий, Сулла, Кир, Алкивиад, Юлий, Гай, Марсий, Мерона».

После этого Авторы пишут еще один список имен, где часть из них вычеркнута, у части рядом присутствуют «птички» или другие имена — более привычные, обыденные, или, наоборот, напоминающие о других произведениях АБС:

Аполлон
Артемида
Харон — [Артур — перечеркнуто] Феликс
Гермиона
Никострат
Лаомедонт — [Вандермедонт — перечеркнуто] Вандеркапет
Персефона — Травиата
Пандарей
Минотавр
Япет — [Капер, Явец — перечеркнуто] Кракен
Полифем
Силен — [Кракен — перечеркнуто] Шарлай
Парал
Морфей — Гагек
Калаид
Ахиллес — [Каковойц — перечеркнуто] Раппапорт
Миртил
Димант
Корибант

Есть в архиве и перечень рассуждений Аполлона: об отношениях Харон — Артемида, о спорах, о том, как хорошо быть в

мужской компании, о патриотизме, о пенсии, о господине Лаомедонте. Тут же — снова список имен:

Силен — юрист
Полифем — унтер в отставке
Морфей — парикмахер
Парал — разорившийся владелец мастерских
Калаид — ветеринар
Димант — часовщик
Миртил — владелец бензоколонки
Ахиллес — аптекарь

Фаргос — столица [перечеркнуто]
Марафины — столица
Милес

Имена в ВНМ еще ждут своего исследователя, способного объяснить не только почему они взяты именно из древнегреческих мифов (а также — из какой конкретной книги они взяты, если по порядку следования имен в списках можно атрибутировать источник), но и случайность или закономерность принадлежности конкретного имени из древнегреческих мифов конкретному персонажу, типажу из ВНМ[1].

ЧЕРНОВИК

Черновик ВНМ в архиве отсутствует. Сохранились лишь первые попытки работы над текстом: первая страница одного вари-

[1] К вопросу о «древнегреческих» именах. Сама идея состояла в том, чтобы дать героям имена вполне реальные и, в то же время, максимально абстрактные, не привязанные ни к какой из нынешних стран. Источником имен стал (в конце концов) «Мифологический словарь». А выбирались имена, в общем, вполне случайно, без подтекста. За редкими исключениями, вроде одноногого Полифема, имеющего прообразом одноглазого Полифема из мифов. Так что любые «придания смысла» именам априори должны считаться случайными, не совпадающими с авторским замыслом — просто потому, что такового (замысла) не было вовсе.— *БНС.*

анта и шесть страниц (со второй по седьмую) — другого. Так как первая и единственная страница одного варианта находится на обороте 6-й страницы второго варианта, можно сделать вывод, что эта страница написана ранее тех шести страниц. Начало первого варианта черновика:

Нынешней ночью я совершенно уверился в том, что не обрету покоя на этом свете. На сей раз инструментом провидения оказалась моя родная дочь. И не знаменательно ли, что глаза мои открылись благодаря странному феномену, необъяснимому явлению природы, возбудившему беспокойство и неуверенность во всех очевидцах?

Я проснулся от сильного, хотя и отдаленного грохота, и меня поразила зловещая игра пятен кровавого света на стенах спальни. Грохот был рокочущий и перекатывающийся, подобный тому, какой бывает при землетрясениях, так что весь дом содрогался, звенели стекла, и пузырьки с лекарствами, словно канатные плясуны, подпрыгивали на ночном столике. Я вскочил с постели и подбежал к окну. Все небо на севере полыхало; казалось, будто там, за далеким горизонтом, разверзлась земная твердь, обнажив доселе скрытые от глаз человеческих адские бездны, и к звездам из-под земли бьют разноцветные фонтаны первозданного пламени. Некоторое время я стоял неподвижно, не в силах пошевелиться, как вдруг взгляд мой упал на влюбленную пару, сидящую на скамеечке под самым моим окном. Ничего не видя и не слыша, озаряемые страшными сполохами и колеблемые подземными толчками, они пребывали в объятьях друг друга и целовались взасос. Я сразу узнал Артемиду и решил было, что это вернулся Харон, и она так обрадовалась, что вот целуется с ним, как невеста, вместо того чтобы вести его прямо в спальню. Но в следующий миг я узнал в кровавом свете новую заграничную куртку господина Никострата. Сердце мое облилось кровью. Только этого мне не хватало для украшения моей безбедной жизни.

Не то чтобы это явилось для меня полной неожиданностью. Я сразу вспомнил темные слухи, которые распространялись городскими насмешниками, язвительные намеки Парала и сочувственные взгляды Япета. Припомнил я и собственные по-

дозрения, когда однажды, не могу даже сказать, при каких обстоятельствах, я усмотрел на плечах и шее Артемиды темные пятна величиной в пятак. Слепец! Во всем городе, да что там в городе — во всей округе один лишь распутник Никострат оставляет на женщинах такие пятна. Насмотрится иностранных фильмов [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

Чем-то, вероятно, Авторов такое начало не устроило, и они начинают повесть несколько по-другому. Здесь Аполлон старается вести свой дневник, обогащая его более художественными и даже экзальтированными деталями, но делает это, по задумке Авторов, неумело:

<...> будто к звездам из-под земли били разноцветные фонтаны огня, будто там, за далеким горизонтом, разверзлась земная твердь, обнажив доселе скрытые от глаз человеческих адские бездны. А эти двое, ничего не видя и не слыша, озаряемые адскими сполохами и колеблемые подземными толчками, сидели на скамейке под самым моим окном и целовались взасос. Я сразу узнал Артемиду, и сердце мое облилось кровью, хотя я и попытался заставить себя думать (о, эта вечная слепота любящего существа!), что это Харон внезапно вернулся из командировки, и она так ему обрадовалась, что вот целуется с ним в саду, как невеста, вместо того чтобы идти прямо в спальню. И тут в кровавом свете я вдруг узнаю новую заграничную куртку господина секретаря! От гнева и горя, от поруганного отцовского чувства, в предвидении позора на весь город и неминуемых объяснений с Хароном все помутилось у меня перед глазами, и я как был, босиком, бросился в гостиную, чтобы позвонить в полицию. Телефон полиции долго был занят, но я звонил до тех пор, пока не дозвонился. К сожалению, дежурным оказался Пандарей. «Алло,— сказал я,— это вы, Пандарей?» — «Да,— сказал он,— вас слушает старший полицейский Пандарей. Это вы, Аполлон?» — «Да, это я,— сказал я.— Что это там происходит за горизонтом?» — «Где, где?» — спрашивает он. «За горизонтом».— «За каким горизонтом?» — спрашивает этот осел. «За северным горизонтом».— «Вы это о чем? — спрашивает он.— Вы это насчет пожара?» — «Ну да! — отвечаю я.— Что там го-

рит?» — «Что-то такое, видимо, горит,— сообщает он.— Но вот что горит, это не установлено».— «Значит, вы тоже не знаете,— говорю я.— Но вам, Пандарей, следовало бы давно позвонить куда-нибудь и выяснить. Ведь спать невозможно».— «Я без вас знаю, что мне следует и что мне не следует,— отвечает он,— и я бы уже давно принял меры, но не могу, потому что вы все звоните без перерыва, а я по уставу обязан отвечать на каждый звонок... Ну вот,— говорит он с досадой,— опять привели этого проклятого золотаря. Подожди минутку, Феб... Ну что он еще натворил? — спрашивает он кого-то.— Ага... Понятно. Ты меня слушаешь, Феб? Так вот, на этот раз он осквернил крыльцо мэрии. Пьян мертвецки, даже драться не может. Ты меня извини, Феб, но мне теперь придется составлять протокол, а если тебя так уж волнует этот пожар, позвони попозже, наверное, что-нибудь выяснится».

Я вернулся в спальню, надел халат и туфли и снова выглянул в окно. Грохот словно бы утих, но сполохи продолжались, а эти двое уже больше не целовались и даже не сидели обнявшись. Они стояли, держась за руки, хотя многие из соседей повыходили на улицу кто в чем и могли в любую минуту их увидеть, потому что от огня за горизонтом было светло, как днем, только свет был не белый, а красно-оранжевый, и по нему ползли облака дыма, коричневого, с оттенком жидкого кофе. Соседи были очень напуганы, и я надеюсь, что никто из них не заметил стыда и позора моей дочери. Все были растеряны и не знали, что предпринять. Миртил смотрел-смотрел, а потом вывел из гаража свой грузовик и принялся вместе с женой и сыновьями выносить на улицу свое имущество. Глядя на него, еще несколько человек тоже пошли собираться. Я не поддался панике, ибо разумно полагал, что извержение происходит далеко от нас и нашему городку пока ничего не грозит. Однако я поднялся наверх и сделал попытку разбудить Гермиону, и, как всегда, она ни за что не хотела просыпаться и только бормотала: «Отстань, пьяница... Нечего было коньяк пить на ночь, тогда бы ничего не болело...» Я стал громко и убедительно рассказывать об извержении. Она затихла, и я совсем было отчаялся, как вдруг она вскочила с постели, оттолкнула меня и устремилась прямо в столовую, приговаривая: «А вот я сейчас посмотрю, и

тогда берегись...» В столовой она прежде всего отперла буфет и тщательно обследовала бутылку с коньяком. «Откуда же ты такой вернулся? — спросила она с неудовольствием, убирая бутылку обратно.— Из какого гнусного ночного вертепа?» Я с достоинством промолчал, но в глубине души почувствовал себя определенно польщенным тем обстоятельством, что меня в моем возрасте еще можно заподозрить в посещении гнусных ночных вертепов. Я только объяснил ей, спокойно и немногословно, что происходит извержение, что жизнь наша вне опасности, Миртил уже практически упаковался, что я не намерен уезжать прямо сейчас, но настаиваю на том, чтобы она отобрала наиболее ценные вещи и подготовилась к возможной эвакуации. «Какое извержение, какая эвакуация?» — раздраженно спрашивает она, но все-таки идет к окну посмотреть, все-таки я ее убедил, я умею убеждать, этого у меня не отнимешь. К сожалению, оказалось, что северный горизонт уже вновь погрузился в тишину и темноту, и если что-нибудь там оставалось еще от извержения, то разве что туча дыма, совершенно скрывавшая звезды. Однако паника на улице еще не улеглась, и Гермиона могла видеть как соседей, сидящих на чемоданах в дорожной одежде, так и Миртила, который стоял в одних подштанниках на крыше своего дома и глядел на север в полевой бинокль. Этого Гермиона, конечно, оставить не могла, и они с Миртилом сцепились по поводу подштанников. Миртил — паникер, но в этом споре правда была на его стороне: нельзя же одновременно грузить машину и заниматься туалетом, не говоря уже о том, что сама Гермиона тоже была порядком дезабилье. Между тем Артемида вернулась наконец в дом, одна. (Что я пишу! Можно подумать, что моя дочь осмелилась бы явиться в дом под ручку с этим человеком!) Выглянув в окно, я с облегчением убедился в том, что господина секретаря поблизости уже нигде не видно. Я немедленно услал Гермиону наверх и высказал своей дочери все, что уже написал выше. Сердце мое обливалось кровью, такая она была бледная, испуганная, ищущая защиты, но я был тверд, как гранит. «Вот видишь,— сказал я ей,— ты дрожишь от страха, а он не поддержал тебя, не защитил, сорвал цветок удовольствия и побежал по своим делам».— «А о ком ты говоришь, па?» — спрашивает она и уже

больше не дрожит и не прижимается ко мне, а глядит нахальными фальшивыми глазами. Нахальство это и наигранная эта невинность так меня раздражили, что я немедленно приказал ей идти спать и пригрозил все рассказать Харону. Она пожала плечиками и удалилась, сказавши на прощание: «Тебе, папа, что-то со страху привиделось, и я просто не желаю этого слышать». Какова! И все-таки, если говорить честно, я определенно испытываю некоторую гордость, глядя на нее, и Харону я, конечно, ничего пока не скажу. Все-таки она моя дочь, и плохо или хорошо я ее воспитал, но она умеет постоять за себя, а это так много значит в нашем мире. Приятно, когда женщина может постоять за себя, а Харон, в конце концов, сам виноват. Имея женой такую красивую и независимых суждений женщину, он мог бы поменьше заниматься политикой и сомнительными философствованиями, и, уж во всяком случае, отправляясь в командировки, мог бы брать жену с собой, хотя бы изредка. Артемида любит танцевать. Он, видите ли, танцевать не любит. Не то чтобы даже не умеет, а именно не любит, из принципиальных соображений. Танцевать ему скучно. Танцы, видите ли, пустое и бессмысленное времяпрепровождение. Артемида терпеть не может философских бесед. Он же такие беседы обожает и соответственно подбирает себе гостей, так что на девочку просто жалко смотреть, когда они затевают эти свои посиделки. Я понимаю: мужчине — мужское, но ведь, с другой стороны, и женщине — женское. Нет, я люблю моего зятя, он мой зять, и я его люблю. Но сколько же можно рассуждать о тоталитаризме, о фашизме, о менеджеризме, о коммунизме? Какой смысл во всей этой болтовне? Что от нее изменится? Я сам иногда не прочь порассуждать на отвлеченные темы; в конце концов, я образованный человек и мне тоже свойственно пытаться как-то проанализировать окружающее и вообще поупражнять ум. Однако я четко себе представляю, что все эти разглагольствования никак не могут заключать в себе суть бытия. Что бы вы ни говорили о менеджеризме, менеджеризму от этого ни тепло, ни холодно. А вот если вы перестаете обращать должное внимание на молодую жену, жена способна отплатить вам той же монетой, и тогда уж никакие

философствования вам не помогут. Пропорции надо соблюдать, господа, пропорции!

Может быть, Артемида и имеет право по существу, однако впредь я не позволю ей нарушать приличия. Честь семьи дороже всего. Я не желаю, чтобы на меня указывали пальцами. Либо ты, милая моя, будешь вести себя как порядочная женщина, либо попрошу вас покинуть мой дом и удалиться на все четыре стороны. Я должен быть очень решителен в этом вопросе. Чтобы отвлечься от горестных раздумий, я снова позвонил в полицию, и снова звонил долго, и когда дозвонился, Пандарей сказал мне, что связаться он ни с кем не может, но в остальном все в порядке, золотарю Минотавру впрыснули успокаивающее, и он теперь спит, а что касается пожара, то пожар давно кончился и, по мнению Пандарея, был вовсе не пожаром, а большим праздничным фейерверком. Пока я вспоминал, какой сегодня праздник, Пандарей повесил трубку. Отвратительно он все-таки воспитан, и всегда он был таким, с самого детства. Отлично помню, как, еще будучи учеником, он высморкался с верхнего этажа школы директору на шляпу, а когда его разоблачили, наотрез отказался извиниться. И почему-то именно такие люди, грубые, невежественные, некультурные, в конце концов попадают в полицию, то есть, выражаясь точнее, становятся полицейскими. Странно, что никого эта проблема не волнует. Я по-прежнему убежден, что полицию надлежит формировать согласно достаточно высокого образовательного и общекультурного ценза[1]; наш полицейский должен быть интеллигентен, тонок, воспитан, он должен быть образцом для молодежи, героем, которому хочется подражать, это должен быть человек, которому можно без опаски вверить не только оружие и власть, но и воспитательную деятельность. Харон высмеял мою идею самым оскорбительным образом, он назвал такую полицию компанией очкариков и заявил, что такая полиция никакому правительству не нужна, потому что она начнет хватать и пе-

[1] По мнению автора исследования, благородный родительный падеж в этом обороте является устаревшей формой и своеобразной возрастной характеристикой персонажа. По моему же скромному мнению, это армейский канцелярит, происходящий из военного прошлого АНС.— *В. Д.*

ревоспитывать самых полезных государству людей, начиная с премьер-министра и полицей-президента. Эти его доводы кажутся мне странными и, я бы даже сказал, пасквилянтскими, тем более что сам он, припертый к стенке, был вынужден признать в конце концов, что от такой полиции не отказался бы. Анализируя свое отношение к Пандарею, я вернулся в спальню и попытался заснуть, но был слишком возбужден и снова встал, когда на улице послышался шум от многих моторов и лязг железа. Оказалось, что мимо дома проходит колонна военных грузовиков и броневых машин с войсками. Сначала это удивило меня, но я быстро понял, в чем дело. Конечно, не было никакого пожара, никакого фейерверка и даже извержения. Видимо, происходили большие военные учения, возможно даже с применением атомного оружия. Соседи все уже разошлись по домам, и улица пуста. Миртил, вероятно, спит на раскладушке. Так ему и надо, паникеру.

Что же мне делать с Артемидой?

Полных же поздних черновиков не сохранилось. Лишь по первому опубликованному варианту в журнале «Байкал» можно судить о доработках повести Авторами.

ИЗДАНИЕ «БАЙКАЛА»

Публиковалась повесть сначала в журнале «Байкал» (1967), затем в известном «перевертыше» вместе со «Стажерами» (1968), в последующих переизданиях использовался текст «перевертыша».

Первое издание ВНМ при сверке оказалось наиболее полным, оттуда потом и брались некоторые дополнения в основной вариант.

В этом издании все еще оставались описанными «последствия» связи Артемиды и секретаря. В самом начале повести: «Слухи были, намеки, всякие шуточки, да и я, помню, сам видел на плечах и на шее Артемиды темные пятна величиной с пятак. Разве я не знал, кто у нас в городе оставляет на женщинах такие пятна? Насмотрится нынешних фильмов и оставляет». Позже упоминается Артемида, сначала — «вся в запудренных пятнах», по-

том: «Припудриться со сна она не успела, и Никостратовы пятна были совершенно на виду...»

Мелкие, но интересные подробности о самом секретаре сообщались так: «...к этому прилизанному по новейшей моде красавчику с его вызывающими бачками и экстравагантной заграничной курткой». А после слов секретаря («...ответ из министерства еще не пришел») в этом издании Аполлон думает: «Почему не пришел, когда можно ожидать, можно ли вообще ожидать...», но спрашивать не решается.

Здесь же сообщаются и подробности жизни Аполлона: «Едва я положил трубку, как Гермиона поймала меня и принудила принять капли от экземы. Какое-то новое средство — гадость феноменальная». И еще: «Сначала мы с ней поссорились из-за коньяка. Она считает, что от коньяка у меня усиливается экзема. Я ответил ей, что это вздор, что экзема усиливается у меня от нервных потрясений, от жары и от таких вот разговоров. Никак она не может понять, что мне необходим покой. Хорошо еще, что она не жена мне и что я имею хотя бы формальное право ей приказывать». Уточнение о мальчишках, бежавших за машиной марсиан, говорит о хорошей зрительной памяти Аполлона, только что вышедшего на пенсию: «...мальчишки из пятого «Б» класса...»

Пандарей в этом издании называется Пандереем, причем совершенно неизвестно почему, так как и в архиве (черновике и списках имен) он называется Пандареем, и в мифологии Пандерея не значится, а вот Пандарей присутствует (Пандарей — милетянин, укравший из храма Зевса на Крите золотую собаку. Зевс покарал его за это смертью. Дочерей Пандарея воспитала Афродита).

Полифем о войне говорил в этом издании более жестко и откровенно: «...что такое сидеть в окопе, пасть у тебя забита дерьмом, на тебя прут танки...» Ветераны потрясали оружием, которое не успели освободить от смазки, и здесь в тексте добавка: «...и которое сильно пачкало их одежду, равно как и платье окружающих». Речь же Полифем произносил не просто так, а «со скамейки».

О трактире. После сожаления о том, что трактир набит родителями учеников, но учитель, если зайдет туда, то на следующий же день имеет разговор с директором, следует продолжение: «Во-вторых, у стойки вечно толкутся старшеклассники, манкирующие

уроками и пренебрегающие кодексом школьника, где прямо сказано, что учащийся не должен посещать публичных заведений со спиртными напитками».

И немного об опечатках.

Аполлоном употребляются спецтермины из филателии, к примеру, «надпечатка». Но вот «наклейка» в изданиях 89—90 года и собрании сочинений «Текста» называется «надклейка».

Некоторые опечатки были исправлены только после работы над изданием «Байкала». Вопрос Аполлона «Что с нами сделают?» привел Харона в ярость. Во всех переизданиях этот вопрос назывался ЕДИНСТВЕННЫМ, а правильно — ЕСТЕСТВЕННЫЙ. Опечатка, присутствующая также во всех переизданиях, кроме последних: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ малолитражка Полифема на самом деле — ИНВАЛИДНАЯ. Любопытна опечатка в собрании сочинений «Текста»: вместо АВТОМАТНОЙ стрельбы — АТОМНАЯ... Но в первом издании были и свои опечатки, которые, начиная со второго издания («перевертыша»), были исправлены. К примеру, о речи Харона («Подумать только,— с надрывом проговорил он, уронив голову на руки,— не баллистические ракеты, а всего-навсего горсть медяков за стакан желудочного сока погубили цивилизацию...») Аполлон писал, что «он говорил, конечно, гораздо больше и гораздо ЭФФЕКТНЕЕ» (в первом издании — ЭФФЕКТИВНЕЕ), и называл он эту речь ИСТЕРИЧЕСКИМИ словоизлияниями (в первом издании — ИСТОРИЧЕСКИМИ).

«ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ»

«Нужно ли печатать ГЛ вместе с ХС или все-таки лучше давайте сделаем отдельно?» — с таким вопросом я обращалась к БНС неоднократно во время работы над собранием сочинений «Сталкера». Я обращала внимание на то, что издание у нас — хронологическое, ГЛ были написаны гораздо ранее ХС, там и стилистика другая, и высказанные в ГЛ идеи идут в развитии именно между ВНМ и СОТ; что, ставя ГЛ гораздо позже, мы как бы отрываем эту повесть от общего контекста творчества, творчества в своем развитии — от одного произведения к другому, от одной идеи через другую к третьей... БНС же был тверд: «Расчленению «Хромой судьбы» (выделению ГЛ в отдельную повесть) — НЕТ» и приводил весомый аргумент: «Мы с Аркадием Натановичем договорились, что ХС будет издаваться только вместе с ГЛ». Я возражала: «Ведь в «Мирах братьев Стругацких» ГЛ идет отдельно!» На что получила ответ: «"Миры" — это не собрание сочинений, это серийное издание, но вот в собрании сочинений — только вместе». Пришлось согласиться. Но в данной работе, при рассмотрении черновиков в хронологическом порядке, ГЛ все же рассматривается отдельно, тогда, когда эта повесть была написана.

РАННИЕ МАТЕРИАЛЫ В АРХИВЕ

Первоначальный вариант ГЛ, задуманный Авторами, существенно отличается от окончательно написанного. В этой версии многие персонажи еще не имеют ни своих окончательных имен, ни профессий, но зато присутствует целая народность «нанты»,

позже исчезнувшая из текста. В архиве сохранился перечень действующих лиц и один из первых планов повествования. Здесь Виктор — еще Рашевский, а Юл Голем — переводчик с нантского.

белые

Сотрудник департамента — Павор Сумман
Ротмистр — Виктор Рашевский [вычеркнуто] Банишевский
Переводчик — Юл Голем
Спившийся промышленник — Фламин Ювента
Доктор из санатория — Рем Квадрига
Медсестра — Диана Ювента [вычеркнуто] Виртута
Фельдфебель — Мамерт
Пропавший командир — Перенна

нанты

Писатель Росшепер-Нант, депутат парламента
Вождь пастухов Зурзмансор
Девушка — Бунашта

1. Виктор Рашевский прибывает в сан. «Теплые воды» сменить без вести пропавшего командира отряда осназ Перенну. Застает сотрудника ДИ как следователя. Тот здесь уже несколько месяцев, но притворяется, что только что приехал. Знакомится с Юлом Големом, переводчиком с нантского.

2. Гарнизонная жизнь. Ухлестывает за Дианой, ходит на рекогносцировки, потом спаривается с Бунаштой. Разные слухи о мокрецах. Фламин Ювента предлагает отстрел. Эшелон с книгами.

3. Посещает особую деревню на пути на пляж. Находит на пляже мундир Перенны.

4. Бандиты пытаются прорваться. Бой. Захвачены пленные, Павор Сумман захватывает жителя. Допрос. Узнают, что некоторые бандиты скрылись в деревне.

5. Карательная экспедиция. Обыск в деревне. Удивление грязью, книгами, интеллектом. Стычка с деревенскими, камень в лоб.

6. Павор Сумман захватывает мокрецов и везет в центр. Приказ провести отстрел мокрецов.

7. Отстрел, дети не дают стрелять. Выясняется, что мокрецы разумные. Радио в центр. Требует отменить приказ. Ему отвечают, что он переходит в подчинение Павора.

8. Стычка с Павором. Павор тверд. Виктор бегает по городу и санаторию, ища защиты для мокрецов. Росшепер — инициатор отстрела. Вернувшись в казарму узнает, что Павор вызвал военные вертолеты. Бунтует. Павор пытается его арестовать, он прорывается в горы.

9. Пытается найти защиту у нантов. Бунашта его отговаривает, и вождь. Его посылают. Он бежит к мокрецам.

10. Афронт у мокрецов. Он возвращается в горы, смотрит, как нападают вертолеты. Гибель вертолетов. Открывает огонь, Бунашта подает диски. Их гибель.

Тут же, после плана, Авторы записывают отдельные важные моменты:

Отразить:

1. Роль детей в защите мокрецов. Деревня — особая за счет детей. Школьники ведут агитацию за мокрецов среди городских детей.

2. Павор уже раздал пастухам оружие. Увидишь мокреца — стреляй.

3. Единственная помощь, которую ротмистру предлагают,— это дети — и у нантов, и в городе.

4. Государство не только вертолетами действует, но и ведет исподволь натравливание на мокрецов ВСЕХ — горожан, санатория и т. д. Заметки в газетах. В центральных газетах — об открытии новых животных вроде моржей.

5. Хлопающие ушами ученые — Павор их не пускает.

6. Доктор — один из последних исчезнувших людей. Исчезает на глазах у ротмистра. С доктором детективная история: он заболевает, следы в запертой комнате и т. д.

Далее Авторы разрабатывают сюжет, уточняют некоторые детали, перечисляют для себя особенности мокрецов, о которых нужно будет рассказать:

Проявления мокрецов

1. Пословицы и поговорки.

2. Бармен с волшебной палочкой. Якобы древнее нантское колдовство. Переводчик: у нантов только овцы и Росшепер. Откуда палочка — не говорит.

3. Дети любят мокрецов:

а) мокрецы рассказывают удивительные сказки;

б) мокрецы делают удивительные игрушки.

4. Юношество — презрение к мат. благам и ко взрослым. Виктор принимает их за стиляг. У них в перспективе — овладение всеми чудесами мокрецов — наследники мокрецов и этого мира.

5. «Злой волчок» — исполнение желаний. Корежит пожелавших паскудного.

6. Волшебные игрушки: деревянная собачка, управляемая мыслью; фигурка мокреца, предупреждающая о реакции родителей на шалости.

7. Блуждающие огни — всех сбивают с толку. В годы оккупации немцы стреляли из минометов.

8. Существо с доминирующим инстинктом познания. Духовный голод. Прием духовной пищи трижды в день. Ученые и художники. Впитывание природы и выражение себя: познание и искусство. Высший синтез, непостижимый для человека: власть над мертвой материей. В частности, власть над мертвецами.

9. Переводчик всегда пьян. «Всемогущ я, как бог. Но нет власти над живыми. Тогда я сделаю всех мертвыми и буду властелин».

10. Виктор и контрразведчик удят дохлую форель.

11. Убитые и зарезанные овцы убегают к мокрецам из домов нантов.

Записываются и частности, могущие раскрыть те или иные особенности действующих лиц:

1. Действия молодежи, привязанной к мокрецам. Их все побаиваются, а бандиты и хулиганье боится по-настоящему. Но это нигде не сказано явно, а является Рашевскому в виде смутных

ощущений и необычных сценок. Иногда заставляет задуматься, но и только. Один лишь пьяный переводчик все замечает.

2. В мокрецы уходят только очень честные и умные люди. Дать на примере пропавшего Перенны.

3. Перенна: для него прошлое не внизу, как у всех нас в книгах, а наверху. В его представлении вселенная с трудом поднимается вверх, таща свое бесконечное тело на какую-то бесконечную гору.

И после этого Авторы начинают писать первую версию повести. Текст этой версии (главы с первой по третью, 24 страницы), вероятно, сохранился в архиве полностью, так как дописан не был — у Авторов возникли другие идеи, другой сюжет. Сам же текст был таким:

ГЛАВА 1[1]

— Опять от него тиной воняет,— с негодованием произнес доктор Р. Квадрига.— Вечно от него в ресторане воняет тиной. Как в пруду. Ряска.

Павор внимательно посмотрел на него, затем улыбнулся Виктору.

— Срам! — с негодованием сказал доктор Р. Квадрига.— Чешуя. И головы.

— Что вы пьете? — спросил Павор.

— Кто — мы? — осведомился Голем.— Я, например, пью только коньяк.

— Двойной коньяк! — крикнул Павор официанту.

Лицо у него было мокрым от дождя, густые волосы слиплись, и от висков по бритым щекам стекали блестящие струйки. Твердое лицо, можно позавидовать. Сыплет дождь, прожектора, тени на мокрых вагонах мечутся, ломаются, все черное и блестящее. Только черное и только блестящее. И никаких разговоров. Только команды, и все повинуются. Не обязательно вагоны, может быть, самолеты. И потом никто не знает, где он был и откуда пришел. Девочки падают навзничь, а мужчинам

[1] На полях рукописно: «Упущен Фламин Ювента».— *С. Б.*

хочется сделать что-нибудь мужественное — например, расправить плечи и втянуть брюхо. Вот Голему не мешало бы втянуть брюхо, только вряд ли, куда он его втянет, там у него все занято. Доктор Р. Квадрига — да, но зато ему не расправить плечи. Вот уже много дней он согбен. Вечерами он согбен над столом. По утрам — над тазиком. А днем — из-за больной печени. А значит, только я здесь способен втянуть брюхо и расправить плечи, но я предпочел бы мужественно хлопнуть стопку очищенной.

— Нимфоман,— грустно сказал доктор Р. Квадрига.— Русалкоман. И водоросли.

— Заткнитесь, доктор,— сказал Павор. Он вытирал лицо бумажными салфетками, комкал их и бросал под стол. Затем он стал вытирать руки.

— С кем ты подрался? — спросил Виктор.

— Изнасилован мокрецом,— произнес доктор Р. Квадрига, мучительно пытаясь развести по местам глаза, которые съехались у него к переносице.

— Пока ни с кем,— проговорил Павор и снова внимательно посмотрел на доктора. Р. Квадрига этого не заметил.

Официант принес рюмку. Павор медленно выцедил коньяк и снова принялся вытирать руки.

— Пойду лучше умоюсь,— сказал он ровным голосом.— Весь в дерьме.

Он поднялся и ушел, задевая по дороге стулья.

— Что-то происходит с нашим господином уполномоченным,— сказал Голем. Он щелчком сбросил со стола мятую салфетку.— Что-то мировых масштабов. Вы случайно не знаете, что именно?

— Вам лучше знать,— сказал Виктор.— Вы здесь все знаете. Кстати, Голем, откуда вы все знаете?

— Мокрецом! — произнес доктор Р. Квадрига.— Или наоборот.

— Никто ничего не знает,— сказал Голем.— Некоторые догадываются. Очень немногие. Кому хочется. Но нельзя спросить, откуда они догадываются, это насилие над языком. Куда идет дождь? Кому встает солнце? Как грядет жених во полунощи? Вы бы простили Шекспиру, если бы он написал что-ни-

будь в этом роде? Впрочем, Шекспиру бы вы простили. Шекспиру мы многое прощаем. Слушайте, капитан, у меня есть идея. Я выпью коньяку, а вы дернете стопку очищенной, а?

— Голем,— сказал Виктор,— вы знаете, что я железный человек?

— Я догадываюсь.

— А что из этого следует? — спросил Виктор.

— Что вы боитесь заржаветь.

— Предположим,— сказал Виктор.— Но я имею в виду не это. Четверть часа назад я бросил пить.— Он перевернул пустую рюмку Павора донышком вверх.— И я железный человек. Как это называется, силлогизм?

— Ах вот в чем дело,— сказал Голем, наливая себе из графинчика.— Ну хорошо, мы еще вернемся к этой теме.

— Я не помню,— сказал вдруг ясным голосом доктор Р. Квадрига.— Я вам представлялся или нет, господа? Честь имею, доктор Рем Квадрига, заместитель начальника этнографической экспедиции. Вас я помню,— сказал он Виктору.— Вы военный. А вот вы, простите...

— Меня зовут Юл Голем,— небрежно сказал Голем.— Я писатель.

— Ах да,— сказал доктор Р. Квадрига.— Простите меня, Юл. Конечно. Только почему вы меня обманываете? Вы просто переводчик с нантского, а никакой не писатель. Я вас беру в экспедицию. У нас никто не знает нантского. И вообще ничего не знает... Простите,— сказал он неожиданно.— Я сейчас...

Он выбрался из-за стола и направился к туалету, блуждая между столиками. К нему подскочил официант, и доктор Р. Квадрига обнял его за шею.

— Это все дожди,— сказал Голем.— Я очень рад за нашего господина уполномоченного, он скоро уедет.

— Павор? Почему вы так думаете?

— Я догадываюсь,— сказал Голем.

— С какой стати ему уезжать? Бросьте, Голем. Чепуха. У вас плохая агентура.

— Капитан,— серьезно и печально произнес Голем,— я вынужден с величайшим прискорбием сообщить вам, что половина нашей компании погибла в туалете.

Если бы не сизые мешки под глазами. Если бы не вислое студенистое брюхо. Если бы этот благородный семитский нос не был бы так похож на топографическую карту... Хотя, подумавши, все пророки были, наверное, пьяницами. Потому что скучно же: ты все знаешь, а тебе никто не верит. Если бы в армии ввели должность пророка, им пришлось бы присваивать не ниже полковника. С правом отдавать пророчества в приказе. Только не помогло бы...

— За систематический пессимизм,— сказал Виктор вслух,— ведущий к подрыву боевого духа, приказываю дивизионного пророка полковника Голема побить камнями перед строем...

Голем хихикнул.

— Я всего лишь лейтенант запаса,— сообщил он.— И потом, какие пророки в наше время? Я не знаю ни одного. Множество лжепророков и ни одного пророка. Вы сами не понимаете, что говорите, капитан. В наше время нельзя предвидеть будущее. Это насилие над языком. Что бы вы сказали, если бы прочитали у Шекспира выражение: «предвидеть настоящее»? Разве можно предвидеть шкаф в собственной комнате?.. А вот идет наш уполномоченный. Как вы себя чувствуете, уполномоченный?

— Лучше,— сказал Павор, усаживаясь.— Официант, двойной коньяк! Там в туалете нашего доктора держат четверо,— сообщил он.— Объясняют ему, где выход. Я не стал вмешиваться, он не верит и дерется. О каких шкафах идет речь? Виктор опять собирается жениться?

— Мы говорим о будущем,— сказал Голем.

— Какой смысл говорить о будущем? — возразил Павор.— О будущем не говорят, будущее делают. Вот рюмка коньяка. Она полная. Я сделаю ее пустой. Вот так. Один умный человек говорил, что будущее нельзя предвидеть, но можно изобретать.

— Другой умный человек,— возразил Виктор,— говорил, что будущего вообще не бывает. Есть только настоящее.

— Я не люблю классической философии,— сказал Павор.— Эти люди ничего не хотели и ничего не умели. Им просто нравилось рассуждать, как Голему — пить.

— У меня всегда возникает странное ощущение,— сказал Голем,— когда я слышу, что штатский человек рассуждает как военный.

Виктор покосился на Павора. Павор улыбался.

— Военные вообще не рассуждают,— сказал он.— Извини, Виктор. У военных только рефлексы и эмоции. Мы с вами, Голем, старые лейтенанты, мы знаем, каково это.

Голем допил свой коньяк, затем достал из кармана и поставил между рюмками «лошадку».

— У меня есть идея,— объявил он.— Закажем сразу бутылку. А кому платить — пусть скажет «лошадка».

— Ого! — сказал Виктор с изумлением.— Где вы ее раздобыли?

— А что это такое? — спросил Павор.

— Украл у Росшепера,— сказал Голем.— Это «лошадка»,— объяснил он Павору.— Народная нантская игрушка. Неужели вы никогда не видели, господин уполномоченный? Вы же уполномоченный именно по нантам.

Виктор смотрел на «лошадку». Она была гладкая, пестрая и совсем была не похожа на лошадку, даже на игрушечную. Идика сюда, подумал он, сюда, сюда, ко мне. На мгновение ему показалось, будто деревянная фигурка вздрогнула, но это был, конечно, обман зрения, и он привычно огорчился. Она неподвижно стояла на скатерти и казалась совсем не деревянной, а мягкой, теплой, шелковистой, как детская кожа. Павор взял ее двумя пальцами и щелкнул по носу. Виктор почувствовал боль и обиду и рассердился на Павора.

— Зачем ты? — сказал он.— Поставь!

— Оригинальная вещичка,— сказал Павор.— В музее я такой не видел.

— А какую вы видели? — спросил Голем.— Поставьте-ка на место. Или лучше дайте сюда. Все испортили.— Он сунул «лошадку» в карман и приказал: — Заказывайте коньяк на всех.

Павор, сдвинув брови, посмотрел на него, потом на Виктора.

— Официант! — крикнул он.— Бутылку коньяку. Не злитесь,— сказал он.— Я не знал, что это так болезненно. Можете каждый меня обидеть по разу.

— Гм,— произнес Голем.— Я подумаю.

— Не будем друг на друга злиться,— сказал Павор.— По крайней мере сегодня. Сегодня я люблю всех. Даже пьяниц.

Даже доктора Р. И пусть льется искрометное. Виктор, ты опять бросил пить? Это невыносимо. Только не сегодня.

Он отобрал у официанта бутылку и налил всем. А Дианы все не было. И она, наверное, не придет сегодня. И вообще, какого черта! Все пьют. И приходят к женщинам, как свиньи. И их всегда прощают. Виктор поднял рюмку и сказал:

— Я предлагаю выпить с тостом. Не знаю, с каким. С каким-нибудь.

— За армию,— провозгласил Павор.

— За армию,— согласился Голем.

Они выпили, и все сразу стало на свои места. Больше не хотелось куда-то идти и что-то делать, сделалось ясно, что этот пустой полутемный зал, еще совсем не ветхий, но уже с потеками на стенах, пропитанный кухонной вонью, с расхлябанными половицами, вовсе не так уж плох, если вспомнить, что снаружи во всем мире идет дождь, над булыжными мостовыми — дождь, над островерхими крышами — дождь, над грязными дорогами — дождь, и дождь заливает горы и море, и часового у казармы, и поручика Аспида на шестом посту — бедного поручика Аспида, которому так хотелось сегодня пойти к бабам и отпраздновать полное излечение от офицерского насморка. И может быть, дождь льет на тело бедного Перенны в какой-нибудь грязной рытвине под кустами — в затылке дыра, карманы вывернуты и пустая кобура валяется рядом, а я здесь сижу и пью.

Он торопливо налил и выпил еще коньяку и уставился на лысого Тэдди, который у себя за стойкой, словно механический манекен в ярко освещенной витрине, медлительными движениями стирал пыль с разноцветных бутылок. Или может быть, сейчас его привязали к скамье и пытают зажигалками, а он молчит, и через десять минут его застрелят и выбросят труп под дождь. Если бы я поменьше пьянствовал и меньше бегал за Дианой, а чаще оставался бы дома и играл бы с ним в шахматы, или спорил о Шпенглере, или хотя бы запретил ему ходить в горы без солдат... Он сердито посмотрел на Павора. Плохо работаете, подумал он, ни черта от вас толку нет, господа хорошие, и никогда не было. И не будет.

— Изнасилован мокрецом[1],— сказал Павор. Это возвращался доктор Р. Квадрига. Он был весь мокрый, но он не был под дождем. Его обливали над раковиной. Он выглядел утомленным и разочарованным.

— Черт знает что,— брюзгливо сказал он, приближаясь.— Никогда со мной такого не бывало. Простите, я, кажется, заставил вас ждать, господа.— Он сел и увидел Павора.— Опять он здесь,— сообщил он Голему доверительным шепотом.— Надеюсь, он вам не мешает? А со мной, знаете ли, произошла удивительная история. Всего облили.

Голем налил ему коньяку.

— Благодарю вас,— сказал Р. Квадрига.— Но я, пожалуй, лучше пропущу пару кругов. Надо обсохнуть.

— А я консерватор,— говорил Голем.— И сейчас я более консервативен, чем был в юности, и вовсе не потому, что стал стар, а потому что я ощущаю в этом потребность. Люди обожают критиковать правительства за консерватизм, люди обожают превозносить прогресс. Старо и глупо. Им надлежало бы молить бога, чтобы даровал он самое косное, самое заскорузлое и конформистское правительство. Собственно, государственный аппарат во все времена почитал своей главной задачей сохранение статус-кво. Я не берусь судить, насколько это было оправдано раньше, но сейчас такая функция государства просто необходима. Я бы определил эту функцию так: всеми силами мешать будущему запускать щупальца в наше время. Обрубать эти щупальца. Прижигать каленым железом. Мешать изобретателям. Поощрять схоластов. В школах ввести повсеместно только классическое образование. На государственные посты — только старцев. Обремененных семействами и долгами, не моложе пятидесяти лет, чтобы брали взятки и спали на заседаниях...[1]

---

[1] На полях рукописно: «Не мокрецы, а "очкарики"».— *С. Б.*

[2] Здесь, как и в вариантах ПНА, возраст «старцев» растет: в основном тексте — «не моложе шестидесяти». Кстати, для гарантии косности и неизбежности застоя можно — наоборот — назначать начальниками относительно молодых, чтобы сидели потом по сорок лет. Вот, например, тов. Сталин как назначил наркомом вооружений Дм. Устинова в 33 года, так тот и правил потом до 72-х.— *В. Д.*

— Что вы такое несете, Голем? — сказал Виктор.

— Нет, отчего же,— сказал Павор.— Необычайно приятно услышать в наше сумасшедшее время такие умеренные и лояльные речи.

— Мешать и препятствовать! — провозгласил Голем.— Талантливых ученых назначать администраторами с крупным окладом. Все без исключения изобретения принимать, оплачивать и класть под сукно. Ввести драконовские налоги на каждую товарную и производственную новинку...

Он обращался исключительно к Павору, и Виктор решил, что он принимает Павора за стукача. Павор, по-видимому, подумал то же самое о Големе, потому что он сказал:

— Вы совершенно правы. Консерватизм — наше спасение.

Голем поднял палец.

— Однако,— сказал он,— вся вышеизложенная программа обречена на провал. Достаточно вспомнить, что те самые широкие массы потребителей, которые на первый взгляд являются источником и опорой благотворного конформизма, эти широкие массы слепо и неколебимо верят в прогресс и, мало того, любят прогресс и хотят прогресса. Потому что прогресс — это не только разрушительные идеи и революционные открытия, но и дешевые автомобили, бытовая электроника и вообще возможность делать поменьше и получать побольше. И поэтому каждое правительство вынуждено одной рукой... нет, не рукой. Одной ногой нажимать на тормоза, а другой — на акселератор. На тормоза — чтобы не потерять управление, на акселератор — чтобы какой-нибудь демагог, поборник прогресса для всех, не спихнул его с водительского места.

— С вами трудно спорить,— вежливо сказал Павор.

— А вы и не спорьте,— сказал Голем.— Не надо спорить: в спорах рождается истина, пропади она пропадом.

— А что скажет по этому поводу доктор Р. Квадрига? — спросил Павор.

Доктор Р. Квадрига очнулся от кратковременного забытья и сказал:

— Так я продолжаю, господа. Начальник экспедиции — инженер-строитель. Заместитель начальника, то есть я,— специалист по эрозии почв. Прочие научные сотрудники: бухгалтер

из министерства торговли, физик-акустик и ихтиолог. И вся эта экспедиция называется Этнографической Экспедицией Академии Наук. Хорошо. Но почему вы нас не пускаете к нантам? — спросил он Павора.

— Я? — удивился Павор.— Это вот он не пускает,— он показал на Виктора.

Доктор Р. Квадрига поискал за столом Виктора, нашел и схватил за рукав, словно бы для того, чтобы больше не потерять.

— Капитан,— сказал он с тоской.— Я здесь сопьюсь. Пустите меня к нантам. Эрозия почв. Опасно. Крайне нужен бухгалтер.

В эту минуту Виктор увидел Диану. Она словно возникла возле стойки в мокром дождевике с откинутым капюшоном, и она не смотрела в его сторону. И он опять подумал, что из всех женщин, которых он знал, она самая красивая, и что такой у него больше никогда, наверное, не будет. Проклятые пьяницы, подумал он, опять я из-за вас напился. Я и моргнуть не успел, а уже напился. И этот проклятый вечный дождь и ты, Перенна. Прости меня, Перенна, но ты очень виноват в том, что я сейчас напился. Ну откуда я знал, что она все-таки придет сегодня?

Диана что-то негромко говорила Тэдди, а Тэдди кивал, сверкая лысиной, и что-то записывал, а потом ушел, и Диана осталась стоять, опершись на стойку, и лицо ее казалось очень бледным и очень равнодушным. Она была самой красивой. У нее все было красивое. И всегда. И когда она плакала, и когда смеялась, и когда сердилась, и когда была холодной, как статуя, и даже когда мерзла. Может быть, я не так уж и пьян? Конечно, нет. Ну сколько я там выпил... Черт, две бутылки пустые на столе. Когда это они успели? Ерунда, я, может быть, только чуть-чуть под хмельком, но не в этом дело, разит, наверное, как от доктора. Он вытянул нижнюю губу и подышал себе под нос. Ничего не разобрать.

Тэдди появился из кладовой, таща перед собой на животе ящик с бутылками. Загребая кривоватыми ногами, он поплелся к выходу, и Диана забежала вперед и распахнула ему стеклянную дверь, и они вышли, и дверь закрылась. Словно меня здесь нет. Наверное, поглядела на меня разок, когда вошла, и

больше уже не глядела. Как будто это не она была в «джипе» под навесом возле казармы, и дождь барабанил по навесу, и воняло бензином, и она все просовывала захолодавшие руки мне в рукава. Как будто я и тогда не был пьян. Я дурак. Надо было всегда приходить пьяным и не давать никаких слов. Стеклянная дверь распахнулась снова, и вернулся Тэдди без Дианы и без ящика, обтирая ладонью мокрую лысину. Он зашел за свою стойку и снова принялся вытирать бутылки. Виктор отодвинул стул, поднялся и, чувствуя себя очень трезвым, направился к стойке. Тэдди посмотрел на него без любопытства.

— Как всегда? — спросил он.

— Подожди,— сказал Виктор.— Что я у тебя хотел спросить?.. Да! Как дела, Тэдди?

— Дождь,— коротко сказал Тэдди и налил очищенной.

— Проклятая погода у нас в городе,— сказал Виктор и оперся о стойку.— Что там у тебя на барометре?

Тэдди сунул руку под стойку и достал «погодник». Все три шипа плотно прилегали к блестящему, словно лакированному стволику.

— Без просвета,— сказал Тэдди, внимательно разглядывая «погодник».— Дьявольская выдумка.— Подумав, он добавил: — А вообще-то, бог его знает. Может быть, он давно уже сломался. Второй год дождь, как проверишь?

— Можно съездить в Сахару,— сказал Виктор.

Тэдди ухмыльнулся.

— Смешно,— сказал он.— Господин этот ваш, Павор Суманман,— смешное дело — двести крон предлагает за эту штуку.

— Спьяну, наверное,— сказал Виктор.— Зачем она ему...

— Я ему так и сказал.— Тэдди повертел палочку и поднес ее к правому глазу.— Не отдам,— сказал он решительно.— Пусть сам ищет.— Он сунул «погодник» под стойку, посмотрел, как Виктор крутит в пальцах рюмку и сообщил: — Росшепер опять гуляет. Гоняет девочку за коньяком, жирная морда. Писатель, тоже мне. Народный певец. Вы за нее не опасаетесь?

Виктор пожал плечами.

— Дороги скользкие, мокрые,— продолжал Тэдди.— И Росшепер этот, бабник ведь наверняка.

— Росшепер — импотент,— сказал Виктор.

— Это она вам сказала?

— Брось, Тэдди,— казал Виктор.— Перестань.

Тэдди вздохнул, крякнув, присел на корточки, покопался под стойкой и выставил перед Виктором пузырек с нашатырным спиртом и початую пачку чая. Виктор тоже вздохнул и, крякнув, выпил рюмку очищенной. Он смотрел, как Тэдди неторопливо достал чистый бокал, налил в него содовой, покапал из пузырька и помешал стеклянной палочкой. Потом он придвинул бокал к Виктору. Виктор выпил и зажмурился, задерживая дыхание. Свежая и отвратительная, отвратительно-свежая струя нашатыря ударила в мозг и разлилась где-то за глазами. Виктор потянул носом воздух, сделавшийся нестерпимо холодным, и запустил щепоть в пачку с чаем.

— Ладно, Тэдди,— сказал он.— Спасибо. Запиши на меня, что полагается. Они тебе скажут, что полагается. Пойду.

Он вернулся к столику. Павор и Голем, освободив место на скатерти, играли в кости, а доктор Р. Квадрига, охватив голову руками, монотонно повторял: «Нант... Лейте-нант... Гувернант... Интен-дант... не получается... Ма-мант... Мо-мант... Нант...»

— Я пошел,— сказал Виктор.

— Жаль,— сказал Голем.— Впрочем, желаю удачи.

— Привет Росшеперу,— сказал Павор.

— Капи-тант,— сказал Р. Квадрига, оживившись.

Виктор взял свою зажигалку и пачку сигарет, снял со спинки стула ремень с маузером и пошел к выходу. Позади доктор Р. Квадрига громко произнес: «Простите меня, но я считаю, что пора все-таки познакомиться. Я — доктор Рем Квадрига. А вот кто вы — не помню... не припоминаю...» В дверях Виктор столкнулся с озабоченным толстым тренером футбольной команды «Братья по разуму». Тренер был очень озабочен, очень мокр и уступил Виктору дорогу.

ГЛАВА 2[1]

Виктор забрался в «джип» и несколько секунд сидел, не двигаясь, в сырой темноте и слушал, как дождь барабанит по бре-

[1] На полях рукописно: «Нанты поют о мокрецах (с ненавистью)».— *С. Б.*

центу. Ветровое стекло было все залито водой, в извилистых дергающихся струях дробились и прыгали редкие огни города. Напрасно я ушел, подумал он вдруг. Ну куда я поеду? Везде были только мрак и дождь, мрак, пропитанный дождем. И там просто не могло быть места для Дианы. Он завел двигатель, и дворники замотались по стеклу, размазывая воду. С ветерком, подумал он. Дави пьяных. Асфальтированный участок перед рестораном кончился очень быстро, колеса застучали по брусчатке главной улицы, прохожих не было, только у кинотеатра в неоновом свете под навесом толпились молодые люди неопределенного пола в блестящих плащах до пяток, да на углу Арсенальной, опять-таки под навесом, курили в мокрый рукав двое патрульных автоматчиков из четвертого взвода. При виде «джипа» автоматчики укрыли сигареты и подтянулись. Виктор свернул на Арсенальную, на булыжник, в густой мрак — только далеко впереди мигал, раскачиваясь, фонарь над воротами консервного завода — и включил ближний свет. Он представил себе, как солдаты, провожая машину глазами, спокойно затягиваются дымом казенных сигарет, затем старший деловито констатирует: «До женщины направляется». Младший, первогодок, позволяет себе оценку: «Красивая у него баба», на что старший замечает уклончиво: «По всему видать, в санаторий направляется». После чего, бросив окурки в лужу, они неторопливо движутся к кинотеатру. И оба, стервецы голодные, представляют себе Диану и наверняка заберутся в кинотеатр и просидят там два сеанса...

На выезде из города его остановил второй патруль. Заглянули в машину, посветили фонариком, козырнули, сказали осипшими глотками: «Здравия желаем, господин капитан». «Все спокойно?» — спросил Виктор для порядка. «Так точно, спокойно»,— ответили ему, затем, поколебавшись, добавили: «С четверть часа назад туда-обратно медсестра проехала. Одна». Виктор захлопнул дверцу и поехал дальше. Потянулся грейдер с обочинами, залитыми жидкой грязью, невысокие кусты справа и слева, и больше ничего не было видно, и когда Виктор включил дальний свет, белые лучи уперлись в дымную стену дождя. Грейдер был выпуклый, скользкий, машину все время норовило снести, Виктор уселся поудобнее и крепче взялся за руль. Хорошо было бы,

если бы Диана завязла где-нибудь со своим грузовиком. Стояла бы она у обочины и плакала бы от злости и от бессилия. А я бы подъехал, перетащил бы, не говоря ни слова, ящик с коньяком, сели бы мы с нею рядом и выкурили бы по сигарете, чтобы успокоиться. Что ужасно? Ужасно, что Диана ни в ком никогда не нуждается. Совершенно независимая женщина. Всегда одна и никто ей не нужен. Трудно любить женщину, которой никто не нужен. Честно говоря, если даже она и завязла бы, то не стала бы она стоять у обочины и плакать, а зажгла бы она свет в кабине, включила бы печку и стала бы читать какую-нибудь книгу. Или заснула бы. И радовалась бы, что скотина Росшепер остался без спиртного. «Тебе бывает скучно?» — «Бывает».— «Что ты тогда делаешь?» — «Скучаю». Вот именно. Вся она в этом. Она спокойно, вольно и независимо скучает. Осуществляет свое право на скуку. Прелесть ты моя суверенная.

Он увидел впереди на дороге три темные фигуры и на секунду рефлекторно убрал ногу с педали газа. Но только на секунду. Прорвусь, подумал он пренебрежительно и, выжимая педаль до отказа, отнял одну руку от руля, нашарил рядом на сидении деревянную кобуру. Он еще не успел поймать рукоятку маузера, когда понял, что это не «кайманы». Это был Бол-Кунац и еще два нантских мальчика примерно того же возраста. Виктор остановился рядом с ними и открыл дверцу.

— В город или домой? — спросил он.

Бол-Кунац вежливо подошел к машине. Его товарищи остались на месте.

— К сожалению, не то и не другое, господин капитан,— сказал Бол-Кунац.— Нам не нужно в город и не нужно в горы.

— А куда же вам нужно, странные вы дети? — спросил Виктор. Ему очень нравились нантские ребятишки. Никогда в жизни и нигде он таких не видел.

— Если быть вполне откровенным,— сказал Бол-Кунац,— то нам никуда не нужно. Нам нужно быть здесь, где мы стоим.

— Зачем? — закричал Виктор.— Зачем вам быть здесь, под дождем, когда ваш народ празднует сейчас встречу со своим великим певцом Росшепером Нантом? Полезайте в машину, я отвезу вас к нему.

Бол-Кунац отступил на шаг и покачал головой.

— Господин капитан знает, что наши мысли о Росшепере Нанте полностью совпадают с его мыслями,— сказал он.— К тому же нам нужно быть здесь. Но если бы у господина капитана нашлось несколько лишних сигарет...

Виктор достал из кармана пачку, закурил одну сигарету, а остальные вместе с зажигалкой передал Бол-Кунацу.

— А зачем же все-таки вы здесь стоите? — спросил он.— Ждете кого-нибудь?

— Мы ждем,— сказал Бол-Кунац.— Но мы ждем не человека. Нам нужно узнать, до какого места дойдет туман.

Виктор глубоко затянулся и, задержав дым в легких, внимательно посмотрел на мальчика, на тоненького гибкого мальчика в брезентовом комбинезоне, на его узкое темное лицо, по которому стекала вода, на его губы с вежливо приподнятыми уголками.

— Когда ты вырастешь, Бол-Кунац,— медленно сказал он,— я почту за честь служить у тебя под начальством.

Спутники Бол-Кунаца тоже подошли поближе, и один из них, улыбаясь, сказал:

— Это будет большая честь для нас, господин капитан.

— Вот как?

— Несомненно. Вы — единственный человек в округе, который знает Шпенглера.

— Гм,— сказал Виктор.— Вы мне льстите. Но есть еще Юл Голем, и был еще поручик Перенна.

— Да, Перенна был поручиком,— сказал Бол-Кунац.— Мы вам очень благодарны за сигареты, господин капитан.

Виктор вздохнул.

— Когда будешь в городе, занеси зажигалку в казарму.

— Обязательно,— сказал Бол-Кунац.— Не можем ли мы в свою очередь попросить вас, господин капитан, заметить время, когда вы по дороге в санаторий въедете в туман?

— И место,— добавил один из его товарищей.

— С точностью хотя бы до ста метров,— добавил другой.

— Обычно при таком дожде тумана не бывает,— сказал Виктор.— Но раз вы утверждаете... Что слышно в деревне о «кайманах»? — спросил он.

— О «кайманах» ничего не слышно вот уже две недели,— сказал Бол-Кунац.— В наших горах «кайманов» сейчас нет, господин капитан. Вы можете быть спокойны: старец Зурзмансор осведомляет господина Суммана достаточно регулярно.

— Регулярно так регулярно,— машинально сказал Виктор и совсем уже собрался воткнуть первую передачу, как вдруг до него дошло.— Так,— сказал он, потому что не знал, что сказать. Шляпа, растерянно думал он. Ну что за шляпа. Кашевар. Сапожник. Надо было что-то сделать, надо было казаться небрежным, и он стал протирать ветровое стекло.— Нет, значит, «кайманов» в наших горах,— сказал он бодро.

— Прошу прощения,— медленно сказал Бол-Кунац,— но господин капитан давно и хорошо знает господина Павора Суммана?

— О, мы старые знакомые,— бодро сказал Виктор.— Мы вместе учились. В одном классе,— поспешно добавил он. Тут его прорвало.— А тебе не кажется, Бол-Кунац, что твоя осведомленность может тебе повредить, черт бы тебя побрал?

— Ваши мысли о Бол-Кунаце,— холодно сказал мальчик,— в этой части полностью совпадают с нашими мыслями о господине Суммане.

— До свидания,— буркнул Виктор, захлопнул дверцу и поехал дальше.

За шиворот тебя, подумал он. В комендатуру тебя, подумал он. Откуда ты это узнал, откуда? Павор, шляпа, сапожник, мазила, чему вас там учат, дармоедов? Глаза и уши армии! Задница ты, а не глаза и уши. Если уж каждый мальчишка знает, кто ты есть, то что же знают «кайманы»! Ты же все дело провалил. Холодное твердое лицо. Что же мне теперь, докладную на тебя писать? Или прикажешь понимать всю твою информацию наоборот?..

Он опомнился, когда въехал в туман. Это было уже на горе, рядом с санаторием. Он посмотрел на часы. Было без четверти десять. Всё они знают, подумал он. Про туман они знают, и про Павора они знают, и про меня они знают, и про Диану, наверняка, знают. Туман был плотный, молочный, вокруг было светло от фар, но ничего не было видно. Он с трудом нашел ворота санатория и дальше ехать уже не рискнул, опасаясь своротить

какую-нибудь гипсовую вазу или купальщицу. Он вылез из «джипа», волоча за собой ремень с кобурой. Теперь, когда фары погасли, он смутно различал впереди освещенные окна. Пахло почему-то дымом, слышалось нестройное унылое пение, вскрики, топот и шарканье. Виктор двинулся вперед, стараясь держаться середины песчаной аллейки, он был очень осторожен и тем не менее вскоре споткнулся обо что-то и прошелся на четвереньках. Позади вяло выругались по-нантски. Праздник встречи, начавшийся месяц назад, был в разгаре. Виктор тоже выругался по-нантски и пошел дальше.

В вестибюле горел костер. Над огнем кипел закопченный котел, вокруг в живописных позах возлежали друзья и родственники Росшепера Нанта. Трезвых здесь не было. Виктор узнал учителя городской гимназии и владельца бакалейной лавки. Они сидели, обнявшись, на ящике из-под коньяка, плакали и пели: «О мои горы, о мои овцы, о заливные луга вы мои...» На учителе был испачканный фрак. Виктор по ковровой лестнице поднялся на второй этаж и постучал в комнату Дианы. Никто не отозвался. Дверь была заперта, ключ торчал в замочной скважине. Виктор вошел, включил свет и присел к телефонному столику. Пока он раздумывал, где может быть сейчас Павор — еще в ресторане или уже дома, или у Агнессы,— телефон зазвонил, и он взял трубку.

— Слушаю.

— Господин капитан?

— Да, я.

— Докладывает дежурный по роте подпоручик Смилга. За время моего дежурства никаких происшествий не случилось. Рота готовится к отбою.

— Благодарю, подпоручик. Аспид выходил на связь?

— Так точно. Ничего нового.

— Хорошо.— Виктор помедлил.— Фельдфебель еще не ушел?

— Никак нет.

— По дороге домой пусть зайдет в кинотеатр. Я подозреваю, что там отсиживается городской патруль. Если так, пусть выгонит и накажет.

— Слушаюсь.

— У меня все, подпоручик. До свидания.

Виктор повесил трубку и набрал номер ресторана.

— Тэдди? Это капитан Банев. Посмотри, пожалуйста, Сумман еще у вас? Позови его к телефону.

Держа трубку возле уха, он огляделся. Все здесь было по-прежнему, и, слава богу, на туалетном столике по-прежнему стояла его фотография. И все было чистое и белое, и занавески, и стены, и заснеженная деревушка на картине, и накрахмаленный халатик на спинке кресла. А внизу орали: «Ой вы, горы мои и бараны мои...» Куда же она пошла, подумал он. Здесь только один больной, да и тот здоровый Росшепер.

— Да,— сказал в трубке голос Павора.

— Это я,— сказал Виктор.

— О, Виктуар! — вскричал Павор.— Как твое самочувствие? Оказали тебе медицинскую помощь?

Судя по голосу Павор был изрядно пьян, но Виктор знал, что глаза у него сейчас такие же, как обычно,— выпуклые и пристальные. Шляпа, подумал он. Задница с пристальными глазами.

— Завтра в десять ноль-ноль жду тебя в канцелярии,— сказал он.— Обязательно.

— В чем дело? — трезво спросил Павор.

— Это не телефонный разговор.

— Я могу приехать к тебе.

— Не стоит,— сказал Виктор.— Дело пока терпит. Но завтра будь у меня точно в десять ноль-ноль. Или даже лучше в девять ноль-ноль. И никуда больше не заходи. Прямо из дома ко мне.

— С-слушаюсь, господин Банев,— сказал Павор. Он снова был сильно пьян.— Будет исполнено.

Он говорил еще что-то, но Виктор бросил трубку и задумался. Шляпа, извозчик. Одно утешение: вечер я тебе сегодня испортил. Ты мне, а я тебе. Хорошо еще, что мальчишка предупредил вовремя. А вдруг не вовремя? А чего не вовремя? Рота цела, город цел. И Павор пока цел. Что я от него имел за последние дни? Что «кайманов» в горах нет и что у соседа они ведут себя тихо. Правда это или нет? Теперь я должен во всем сомневаться, разве я знаю, откуда у Павора все эти сведения? Хотя по оперсводке — то же самое. И Бол-Кунац подтверждает. Все равно нужно вернуться в город: вдруг они нападут сегодня?

Правда, туман... Виктор вскочил и подошел к окну. Да, туман. Такого тумана здесь не бывало. Они поубиваются в ущельях или завязнут в болоте, если попытаются. Этих гор они не знают. Все равно. Все равно лучше вернуться в город и ночевать в роте. Перенны у меня нет, вот жалость... Вот так вот, Диана, подумал он, стоя перед зеркалом и изо всех сил затягивая на поясе ремень с кобурой. Вот так вот и только так. Целую ручки.

Он вышел и запер дверь. Где ее носит? Коридор был длинный, тихий, лампы горели через одну, двери в палаты были открыты, там было темно, тянуло сыростью из распахнутых окон. Виктор спустился в вестибюль и увидел Диану. Сначала он не понял, что это Диана, а потом кисло подумал: очень мило. Два совершенно трезвых и потому сумрачных пастуха выводили на дудках заунывную мелодию, гости хлопали, с трудом попадая ладонью в ладонь, а в центре круга, возле чадящего костра, Диана отплясывала буги с дежурным врачом. У нее горели глаза, волосы летали у нее над плечами, и вообще черт был ей не брат. Потный врач испытывал блаженство. Дурак, подумал Виктор, все равно тебе ничего не отломится. Попляшешь вот, разгорячишься, да и пойдешь коротать ночь один на диванчике. Никому сегодня не отломится, потому что мне надо в город. Кто-то потянул его за кобуру, Виктор вздрогнул, сцапал чью-то потную мягкую руку и повернулся. Это был сам Росшепер Нант. На нем была расшитая бисером и янтарем меховая безрукавка на голое тело и пижамные штаны, заправленные в пастушьи унты. Отвислое голое брюхо было испачкано песком. Все три подбородка были покрыты многодневной щетиной, заплывшие глазки слезились.

— Дай,— боднув головой, сказал он.

— Что вам угодно? — спросил Виктор.

— Дай! — повторил Росшепер, слабо шевеля схваченной рукой.— Хочу.

Виктор выпустил его руку и обтер ладонь о штаны.

— Не понимаю,— сказал он резко.

— Левор... Револьвер! — сказал Росшепер Нант.— Оружие! — Он поднял руку и несколько раз согнул указательный палец, нажимая на воображаемый курок.

Ну и мурло, подумал Виктор, привычно удивляясь. Он вспомнил, что говорил Тэдди, и вспомнил шуточки Павора, и ему захотелось наступить Росшеперу на ногу и толкнуть его в грудь. Росшепер снова потянулся к кобуре.

— Пострелять,— выговорил он.— Хочу. Сейчас.

— Нельзя,— сказал Виктор.— Отойдите! Ну?

Росшепер, отвесив губу, смотрел на него снизу вверх.

— Я член парламента,— обиженно сказал он.— У вас нет никакого права, я вас разжалую. В капралы! — заорал он истошным голосом.

— Пошел вон,— сказал Виктор сквозь зубы и повернулся к нему спиной. Диана, распихивая коленями гостей, шла к нему.

— Пошли танцевать! — закричала она еще издали. Она подбежала, схватила его за рукав и потащила в круг.— Пошли, пошли, здесь все свои, вся пьянь, рвань, дрянь... Весело! Покажем им, как надо, а то этот очкарик ни черта не умеет...

Она втащила его в круг, и всклокоченный бакалейщик завопил:

— Капитан Банев, ура!

Трезвые пастухи, переведя дух, снова затянули что-то заунывное. От Дианы пахло духами и коньяком, и то ли от костра, то ли от ее тела накатывало жаром. Виктор теперь ничего не видел, кроме ее разгоряченного прекрасного лица.

— Пляши! — крикнула она, и он стал плясать.

— Молодец, что приехал.

— Я сейчас уезжаю.

— Чепуха, никуда ты не уедешь.

— Уеду. Ничего не поделаешь.

— Почему ты трезвый? Вечно ты трезвый, когда не надо.

— А когда не надо?

— Сегодня не надо. Особенно сегодня. Сегодня ты мне нужен пьяный.

— Откуда мне было знать?

— Чтобы я могла делать с тобой, что хочу. Не ты со мной, а я с тобой.

— Все впереди.

— Ты же уезжаешь.

— Это не срочно,— сказал Виктор.

Она удовлетворенно засмеялась, и они стали плясать молча, ничего не видя и ни о чем не думая. Гости били в ладоши и вскрикивали, и кажется еще кто-то пытался плясать, а Росшепер протяжно кричал: «О мой бедный пьяный народ!»

— Кто все эти люди? — спросила Диана.

— Учитель...— сказал Виктор.— Бакалейщик... Акцизный чиновник... Вся контора завода... Я не всех знаю. А это пастухи из деревни... А вон спит Зурзмансор, староста...

— О мой бедный, темный народ! — стонал Росшепер.

— Ты уверена, что он импотент? — спросил Виктор.

— Уверена,— сказала Диана.— Раз в неделю я его мою в ванной.

— Пойдем отсюда,— сказал Виктор.

Они пошли из круга, и пастухи сразу перестали играть. Росшепер заступил им дорогу.

— Я великий певец нантского народа,— просительно сказал он.— Дайте мне пострелять из револьвера.

— Нельзя,— сказал строго Виктор, отодвигая его.— Вы пьяны.

— Но я же хочу! Ну дай! Я член парламента.

Гости обступили его, поддерживая под локти, и принялись подобострастно уговаривать. Он забил ногами.

— Хочу! — заорал он.— Почему он не слушается?

— Дай ты ему, в самом деле,— сказала Диана.— Пусть пальнет.

— К черту,— раздраженно сказал Виктор.— Еще попадет в кого-нибудь.

— И хорошо! Веселее будет... Работа будет для дежурного.

Росшепер вырвался и вцепился в кобуру.

— Ладно,— сказал Виктор и вынул маузер.— Всем отойти к стене,— скомандовал он.

— К стенке! — визгливо закричал Росшепер.— Все к стенке! Я буду стрелять!

Гости бросились врассыпную. Виктор высыпал из магазина девять патронов, подвел Росшепера к выходу в парк и сказал:

— На.

Росшепер взял маузер, поискал глазами и увидел гипсовую статую. Он поднял маузер, приставил к правому глазу и стал целиться.

— Эй, погодите...— сказал Виктор, а потом подумал: черт с ним.

Грянул выстрел, и Росшепер с криком упал на спину. Воцарилась тишина. Потом Диана спросила:

— Готов?

Виктор подобрал пистолет. Росшепер лежал, закрыв лицо руками. Гости, перешептываясь, стали подбираться, вытягивая шеи. Росшепер вдруг сел и отнял руки от лица. Правый глаз у него уже заплывал.

— О мой бедный глаз,— сказал он.— О горе. Закрылась половина вселенной.

Гости окружили его, опустились на корточки и стали подвывать. Пастухи затянули грустную мелодию.

— Пошли,— сказал Виктор.— Мне пора.

Он спустился в парк и направился к машине. Диана догнала его и пошла рядом, обняв его за талию и прижавшись головой к плечу. Он высвободил руку и обхватил ее теплые плечи. Вокруг был густой молочный туман. Даже лица ее не было видно.

— Где же твоя машина? — негромко проговорила она.

— Сейчас,— ответил он.— Сейчас.

ГЛАВА 3.

— Да,— проговорил Павор,— любопытные ты мне новости сообщил, капитан Банев.

По лицу его никак нельзя было понять, какое впечатление произвело на него сообщение Виктора. Он прогуливался взад-вперед по канцелярии, время от времени заглядывая в окно, и держался как всегда — легко, чуть развязно, чуть снисходительно. Потом он сел напротив Виктора и принялся задумчиво барабанить пальцами по столу.

— Нантский мальчик,— сказал он.— А как зовут нантского мальчика?

— Это существенно? — спросил Виктор.

— Не особенно,— сказал Павор.— Тем более что их было трое. Кстати, тебе не кажется, что нантские мальчики — очень странные мальчики?

— Это существенно? — снова спросил Виктор.

— Капитан Банев,— сказал Павор.— Не надо раздражаться. Давайте лучше рассуждать. Кому в округе известно, что я не только уполномоченный департамента по делам нацменьшинств?

— Мне,— сказал Виктор.

Павор поднял на него выпуклые глаза и улыбнулся.

— Отпадает.

Улыбка была самая дружеская, взгляд был самый теплый, и сказано было с полным убеждением, и все это ровно ничего не значило.

— Почему же отпадает? — сказал Виктор.— Я мог проговориться, нас могли подслушать...

— Но ведь ты не проговаривался? — сказал Павор, улыбаясь.— Кто следующий?

— Начальник погранзаставы.

— Тоже отпадает. И по тем же причинам. Дальше?

— Был Перенна. Но за Перенну ручаюсь я.

— Перенна...— сказал Павор.— Да, Перенна. Давай пока оставим Перенну.

— Перенна вне подозрений,— сказал Виктор.— Даже если он попал к «кайманам», они из него ничего не выбьют. Я тебе говорю, что я ручаюсь за Перенну. Он был лучше нас с тобой вместе взятых.

— Хорошо, хорошо,— сказал Павор.— Разве я спорю? Кто же еще?

— Ты,— сказал Виктор.

— За меня ты не ручаешься? — сказал Павор.

— Я не говорю, за кого ручаюсь. Я перечисляю, кто знал. Я, начальник погранзаставы, Перенна и ты. Больше никто. Или, может быть, еще кто-нибудь?

— Нет, больше никто,— сказал Павор.

— А Зурзмансор?

Павор покачал головой.

— Зурзмансор,— сказал он, улыбаясь,— знает только, что уполномоченный — очень трусливый человек, который очень боится попасть в руки «кайманов». Он знает также, что отвечает за безопасность уполномоченного, и потому всегда спешит сообщить уполномоченному о положении с «кайманами».

— Ладно,— сказал Виктор,— я, собственно, имел в виду не только Зурзмансора. Я имею в виду всю твою агентуру.

— Да, я вижу, что в этом доме никто не хочет за меня поручиться,— сказал Павор.— Придется мне поручиться за самого себя.

Он вытащил сигарету и закурил. И Виктор тоже закурил, бездумно разглядывая ведомость на выдачу постельного белья.

— Теперь тебя, наверное, отзовут,— сказал он с сожалением и вдруг вспомнил слова Голема.— Слушай,— сказал он,— а кто такой Юл Голем? Ты о нем знаешь что-нибудь?

— О, Юл Голем — это фигура! — сказал Павор.— А почему ты спросил?

— Он сказал вчера, что ты скоро уедешь.

— Ну, не так скоро,— возразил Павор.— Сначала мы с тобой проведем здесь небольшую операцию.

Виктор поднял голову.

— Какую операцию?

— Есть сведения...— начал Павор, но тут в дверь постучали.

— Погоди минутку,— сказал Виктор.— Войдите!

Вошел дежурный радист, щелкнул каблуками.

— Сводка, господин капитан.

— Давайте.

Радист протянул Виктору лист бумаги, покосился на Павора и сказал:

— Разрешите идти?

— Идите,— сказал Виктор, быстро проглядывая оперсводку.

«В течение последней недели войска боевого района совместно с подразделениями пограничников отбивали упорные атаки банды, состоящей из остатков разгромленного легиона «Кайман», пытавшейся прорваться через государственную границу в районе деревни Хлога. Потеряв до ста человек убитыми и пленными, банда была оттеснена на исходные позиции. 14 июня войска боевого района завершили полное окружение и разгром банды. Двум группам бандитов численностью до двухсот человек каждая удалось прорваться и уйти в горы через перевалы Ветряной и Скользкий. Обе группы преследуются войсками боевого района».

— Опять вывернулись,— проговорил Виктор, передавая сводку Павору.— Но теперь им, кажется, конец. За Ветряным и Скользким долго не продержишься.

Павор бросил листок на стол.

— Это нас с тобой мало касается,— сказал он.— Я имею сведения, что послезавтра на рассвете твой полковник Гриппа намерен устроить прорыв.

— Где? [Далее отсутствует.— *С. Б.*]

По-видимому, Авторы поняли, что ставить на первую роль повествования «статиста», человека, стоящего рядом с процессом, но не внутри его,— это обкрадывать самих себя. Когда есть возможность описать ситуацию не только с точки зрения человека, который узнает о мокрецах и помогает мокрецам (кем бы они ни являлись, эти хомо новус,— пришельцами из будущего или возникающими здесь и сейчас), но и человека, который как бы «становится» на время мокрецом, но пугается этого, не хочет этого, противодействует и, в итоге, сожалеет об упущенной возможности,— задача гораздо более интересная и плодотворная. (Пытливому читателю: хочу заметить, что вышеизложенное — всего лишь мнение С. Бондаренко «Почему АБС решили переделать текст ГЛ»; Ваше право — предложить свою версию, основываясь на тех же материалах архива, ибо все материалы — здесь[1].)

Итак, Авторы изменяют сюжет и переосмысливают идеи повести, делая для себя заметки по поводу как отдельных персонажей, так и мыслей главного героя:

1. Непонимание и необращение внимания.
2. Жалость и натуральное сочувствие (драка в ресторане).
3. Озлобление по личной причине (после выступления в школе; столкновение из-за девочки).

---

[1] А я что же, не пытливый читатель? Моя версия, понятно, другая. История капитана Банева, которого послали кого-то давить-истреблять, а он прозрел и стал спасать-защищать,— это история, в общем, тривиальная, «совесть пробуждается». А конфликт писателя Банева, «будущее создается тобой, но не для тебя»,— значительно глубже. Поэтому АБС решили переделать текст ГЛ.— *В. Д.*

4. Сочувствие общего характера (после разговора с отцами города; отбивает автофургон с книгами).

5. Озлобление и униженность как человека (после исхода детей).

6. Разум и сравнение помогают ему стать на сторону мокрецов (собственные размышления; беседы с; вид города) поездка в интернат, встреча с дочерью.

7. Заболевание и выздоровление.

«Бедный прекрасный утенок»[1].

Павор

1. Попытка освобождения мокреца. По черепу.
2. У Павора выпадает кастет.
3. Словесная перепалка с Павором. Укрепление неприятия.
4. Рабочие делают кастет Павору.

Мол. чел. в очках

1. Виктор сообщает, что похищение устроил Павор (после перепалки с Павором).
2. После исхода детей приходит мол. чел. и приносит медаль и реабилитацию.

Бол-Кунац

1. Бол-Кунац находит его под водосточной трубой.
2. В школе.
3. По дороге в санаторий.
4. Тоска в ресторане.
5. В интернате веселый Бол-Кунац.

Я весь в старом мире: глупость, косность, фашизм — я без них не могу, потому что это пища моя, я пожираю их и тем живу.

---

[1] На полях справа от текста стихотворение:

«У мокрецов голубые глаза,
Мягкие слабые руки...
Глянешь — и хочется выступить за,
Хочется взять на поруки».

Интересно, откуда это? — *С. Б.*

Значит, я за старый мир. Но я же и борюсь против старого мира, следовательно, борясь против него, я рублю сук, на котором сижу. Пришло время выбрать: если я уйду в старый мир, который питал меня, я потеряю право его пожирать. Я буду иметь право бороться, только перейдя в новый мир.

Но этот новый мир не даст мне миноги, пьянство, развлечения. Это страшно строгий, чужой, стерильный мир. Он мне чужд уже совершенно, меня от него тошнит. И вообще, что я могу дать этому новому миру? Я для него — нуль. А я не привык быть нулем, в старом мире я был величиной, удостоенной господина президента. Следовательно, я за старый мир. Но я этот старый мир ненавижу — я ненавижу старый мир, но жить без него не могу. Я за новый мир, но жить в нем не хочу.

Подготовившись, Авторы пишут черновик теперь уже окончательной версии повести.

ЧЕРНОВИК

Черновик ГЛ представляет собой как бы два черновика: он настолько густо исчеркан, исписан поверх машинописи рукописной правкой, вставки порой пишутся даже на отдельных страницах — не хватает места на полях, но и правленый вариант местами еще отличается от окончательного опубликованного текста.

Первый черновик оканчивается главою раньше, когда Банев сначала думает, что он превратился в мокреца, а затем узнает, что у него аллергия. Последние слова первого черновика были такие:

— Дружище,— сказал он официанту,— бутылку джина, лимонного соку, лед и четыре порции миног в двести шестнадцатый. И быстро!.. Алкоголики,— сказал он Голему и Р. Квадриге.— Жалкие ресторанные крысы. Пропадите вы тут пропадом, а я пойду к Диане.

Он отпихнул кресло и пошел к выходу. И он уже не слышал, как Голем, глядя ему вслед, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Бедный мускулистый прекрасный утенок!

— Я имею честь представиться! — провозгласил доктор Р. Квадрига.— Доктор Р. Квадрига, специалист по эрозии почв...

— Очень приятно,— сказал Голем.— Очень приятно познакомиться.

Рукопись оканчивается 171 страницей, на которой под текстом стоит слово «КОНЕЦ», далее идут еще 27 страниц, нумерованные с первой,— уже следующего варианта, текст двенадцатой главы, написанной позже. Эти страницы тоже насыщены густой правкой от руки, и окончание двенадцатой главы также отличается от опубликованного. Там нет видения Дианы Счастливой:

Диана поцеловала его и сказала:

— Молодец.

Он не возражал. И только сказал, что она тоже молодец. Они шли и шли под синим небом, под горячим солнцем, по земле, которая уже зазеленела, и пришли к тому месту, где была гостиница. Гостиница не исчезла вовсе, она стала огромным серым кубом из грубого шершавого бетона, и Виктор подумал, что это, вероятно, памятник какому-то большому делу, а может быть, пограничный знак между старым и новым миром. И едва он это подумал, как из-за глыбы бетона беззвучно выскользнул реактивный истребитель со щитком Легиона на фюзеляже, все еще беззвучно промелькнул низко над землей, все еще беззвучно вошел в разворот где-то возле солнца и исчез, и только тогда налетел адский свистящий рев, ударил в уши, в лицо, в душу, но навстречу уже шел Бол-Кунац, повзрослевший, широкоплечий, с выгоревшими усиками на загорелом лице, а поодаль шла Ирма, босая, в простом легком платье, тоже взрослая, с прутиком в руке. И она посмотрела вслед истребителю, подняла прутик, словно прицеливаясь, и сказала: «Кх-х!» Диана расхохоталась, Виктор тоже засмеялся, представив себе, что летчик будет докладывать генералу Пферду, но посмеявшись, он погрозил себе пальцем и подумал: все это прекрасно, но не забыть бы вернуться.

ОСТАВШЕЕСЯ ОТ РАННЕЙ ВЕРСИИ

Некоторые подробности или даже отрывки повествования в первом варианте рукописи еще напоминают о предыдущей версии. Отель здесь называется все еще гостиницей, гимназия —

школой (соответственно, гимназисты — школьниками), полицмейстер — начальником полиции, бургомистр — мэром (немецкий и английский вариант градоначальника), а вместо вокзала часто упоминается фабрика. В перечислении философов («Гейбор, Зурзмансор, Фромм») в рукописи присутствует «Бунашта». Автобусы для родителей, которые желают встретиться с детьми, будут отходить от: сначала — мэрии, затем — муниципалитета, и окончательно — от городской площади.

В первом черновом варианте Р. Квадрига уже не заместитель начальника этнографической экспедиции, но еще и не живописец, он — заместитель начальника метеорологической станции. При описании первой посиделки в ресторане:

— А что скажет по этому поводу ученый Р. Квадрига? — спросил Павор.

Доктор Р. Квадрига очнулся от кратковременного забытья и произнес:

— Так я продолжаю, господа. Начальник станции — инженер-строитель. Я — специалист по эрозии почв. Прочие научные сотрудники: бухгалтер из департамента торговли, физик-акустик и, кажется, ихтиолог. Все это называется метеорологическая станция Академии Наук и призвано исследовать неспровоцированные изменения макроклимата в данном районе. Хорошо. Но почему вы не пускаете нас в эпицентр? — спросил он Павора.

— Я? — удивился Павор.— Меня самого не пускают.

Доктор Р. Квадрига поискал кого-то за столом, не нашел и сказал Виктору с тоской:

— Господин Голем! Я здесь сопьюсь! Пустите меня в эпицентр. Солдаты какие-то... Зачем? Эрозия почв. Опасно. Крайне нужен бухгалтер.

Чуть позже пьяный Квадрига бубнит не названия своих картин, а известное по ранней версии с нантами: «Лейте-нант... Гувер-нант... Интен-дант... Нет... Ма-мант... Мо-мант... Капи-тант...»

О взаимоотношениях Дианы и Р. Квадриги. Первоначально не было сказано, что Диана Квадригу «обычно не терпела». В ресторане после драки в защиту мокреца, когда Банев рассказыва-

ет, как ему помогла Диана, «доктор Р. Квадрига поймал ее руку и галантно поцеловал». И Квадрига рассказывает, что сидит здесь не полгода, а два месяца, что находится здесь в секретной командировке, и:

— Никаких государственных тайн,— сказал Виктор.— Я неблагонадежный.

— Никаких тайн нет,— сказал Квадрига.— Кроме тайн природы. Нет, есть еще тайны общества: зачем специалиста по эрозии почв назначать заместителем начальника метеостанции, который сам есть прирожденный инженер-строитель. На станции он уже четвертый раз реконструирует клозет...

— А нельзя его пригласить к нам в санаторий? — спросила Диана.

— Не пойдет,— убежденно сказал Р. Квадрига.— Он все время боится выдать государственные тайны.

— Вы совсем ничего не понимаете в метеорологии? — с интересом спросил Виктор.

— Ветер слабый до умеренного,— сказал Р. Квадрига. Затем менее убежденно добавил: — Ожидается прояснение. Анемометр, барометр, термометр. И еще психрометр.— Он махнул рукой и налил себе еще стакан рому.— Я вам скажу, зачем мы здесь. Чтобы никто не мог понять, почему в этом засушливом районе третий год подряд идет дождь. И больше меня не спрашивайте.

И далее Квадрига, именуя себя, говорит не «доктор гонорис кауза», а «Караванский университет».

Диана, по прибытию Банева в санаторий, не просто отплясывала, как в окончательном варианте. Авторы указывают конкретно — она «отплясывала буги». И была вставка: «Радиола громыхала. Виктор прислонился к косяку и стал думать, как бы ее отсюда вытащить без особенного шума». Во время пляски Дианы с Виктором приводился их диалог:

— Кто все эти люди? — спросил Виктор.

— Шушера, мелочь пузатая... Бакалейщик... Акцизный... Заводская контора... Я не всех знаю. Родственники...

— О мой бедный, пьяный народ! — стонал Росшепер.

СОКРАЩЕНИЕ РУКОПИСИ

Часто работа над рукописью ГЛ состояла в сокращении ненужных (с точки зрения Авторов) подробностей, особенностей, деталей. Некоторые, как мне кажется, можно было бы и оставить (с точки зрения любителя Стругацких — все подробности интересны), но Авторы лучше знают, как строить текст. Нижеприведенные, вырезанные в окончательном варианте фразы и отрывки могут быть интересны как сами по себе (мелкие факты, о которых Авторы почему-то не захотели сообщить читателям), так и послужить материалом для исследования: а почему это все-таки убрано?

Банев, наблюдая за Ирмой, думает: «А косички плохо заплетены, небрежно». И еще размышляет о дочери: «Как будто она нам тут теорему доказала — просчитала все, проанализировала, РАССТАВИЛА ВСЁ ПО СВОИМ МЕСТАМ, деловито сообщила результат...» Так же, со вставкой РАССТАВИЛ ПО МЕСТАМ, Банев позже думает и о речи Бол-Кунаца. И в продолжение этой мысли добавляет: «Впрочем, это естественно: скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твои друзья».

В разговоре с Лолой Банев сообщал о своем положении:

— Минуточку, Лола,— сказал он.— Дело ведь вот в чем. Ехать мне в столицу сейчас нельзя.

— То есть как это нельзя? Только не ври мне, что ты работаешь!..

— Минуточку. Понимаешь... как бы это тебе объяснить... Ну, словом, мне сейчас запрещено появляться в столице.

Лола хрустнула пальцами.

— Опять какой-нибудь скандал,— сказала она брезгливо.

— Н-ну, в общем, да... скандал. Я слегка повздорил с господином президентом, и мне порекомендовали год-другой пожить в провинции. Поэтому, собственно, я и приехал.

Она смотрела ему в лицо, и видно было, как брезгливость сменяется у нее сомнением, а сомнение — каким-то ужасным подозрением.

— Только не воображай, что меня разыскивает полиция,— сказал он с досадой.

Она поджала губы.

— Я ничего не воображаю,— сказала она и надолго замолчала.

Убран этот разговор, вероятно, не только потому, что ТАКОЙ бывшей жене такие новости-подробности не сообщают, но и потому, что Авторы решили сказать читателю об опальности Банева позже.

Об особенностях погоды тоже мимоходом говорится в самом начале повести:

— Что у вас тут сделалось с погодой? — спросил Виктор.— Или просто лето неудачное?

— У нас теперь всегда так,— сказала она с неожиданной злостью.— Ах, как ты мне надоел!

И даже об особом отношении мокрецов к детям говорится сразу:

<...> Так и отдать ее мокрецам? Чтобы мокрецы ее воспитывали, да?

— Какие еще мокрецы? — спросил Виктор, морщась.— Знаешь, Лола, ты все-таки, знаешь...

В перечислении же Павором бед от мокрецов в рукописи еще и такая «беда»: «Телевизоры не работают — от мокрецов».

Бол-Кунац на вопрос Банева, где он был и что делал, когда его ударили по голове, отвечает: «Видите ли, я лежал тут за углом...» В черновике было продолжение: «Когда вы упали, я бросился на него, и тогда он ударил меня, и я опять не успел его разглядеть».

«Знаю я нынешних уголовников»,— думает Банев и (в черновике) добавляет: «Отрыщь набок, хлява, и бе. По'л? По'л. Не то». А когда Банев вспоминает детство и цирк («любоваться на ляжки канатоходицы»), он добавляет: «Где еще в нашем городке было на ляжки любоваться...»

Подробности в речах Голема. Среди примеров насилия над языком кроме «Куда идет дождь?», «Чем встает солнце?» Голем

еще называет: «Кем грядет жених во полунощи?» Баневу Голем говорит: «Это все дожди. <...> Мы дышим водой». В черновике он добавляет, конкретизируя: «Уже три года, как этот город дышит водой». Вместо пафосной речи об Апокалипсисе, злаках и плевелах Голем иронизирует: «А тем временем доктор Квадрига погиб в туалете. Он не захотел ждать, и, может быть, он прав».

Более подробно в черновике описывается и разговор Голема с Павором:

— Согласитесь, Голем,— говорил Павор,— я в глупейшем положении. Вы сами понимаете, что я не могу жаловаться на военных. Сам отвечать я тоже не намерен. Мне остается только одно — писать жалобу на вас.

— Но вы же знаете, что я тоже ни при чем,— лениво возразил Голем.

— Так я и говорю: глупо. Но если я не представлю отчета, на меня наложат взыскание. Зачем мне взыскание? Я представлен к повышению, а из-за этой глупости...

<...>

— Вы можете мне что-нибудь посоветовать?

— Не знаю... Нет.

— Может быть, мне обратиться к начальнику охраны?

— Может быть. Обратитесь. Ох, и надоело же мне это.

— Мне тоже. А где я его возьму?

— Представления не имею. Я его один раз только видел. Спросите у солдат.

Павор залпом опрокинул свою рюмку.

— Я констатирую, что вы не хотите мне помочь.

— Я не знаю — как,— сказал Голем.

— Но это же вздор! Вы — главный врач лепрозория, царь и бог, вы подписываете пропуска. Неужели у вас нет никаких возможностей провести меня на территорию?

— Есть одна. Если вы заболеете, я приму вас к себе.

Санаторий, в котором работала Диана, находился на Санаторной горе (говорится в рукописи).

«Плохо, если на рудники»,— думает Банев о сопротивлении президенту. В рукописи были не просто рудники, а «урановые

рудники». В рассказе бургомистра о заболевшем очковой болезнью приехавшем известном физике говорилось о физике-ядерщике.

Разговор Банева с мокрецом, угодившим в капкан, на крыльце санатория был более информативным:

— Вам что-нибудь нужно? — спросил Виктор.— Может быть, глоток джину?

— Кто вы такой? — спросил мокрец.

— Моя фамилия Банев.

— Вы живете в этом городе?

— Да. Временно. Вам больно сейчас?

Виктору были видны только его глаза, но ему показалось, будто мокрец безрадостно ухмыльнулся под черной повязкой.

— А вы как думаете?

— Ничего. Потерпите еще несколько минут,— сказал Виктор.— Сейчас за вами приедут... Вам на редкость не повезло, однако.

— Да. Не повезло.

— Завтра найду этого дурака, который ставит капканы на человечьих тропинках, и обрадую его. Тоже мне, траппер, Кожаный Чулок, Соколиный Глаз...

Диана на вопрос Банева, почему ей не нравится Павор, отвечает, что таких белокурых бестий она ненавидит. В рукописи же сначала она сообщает более конкретно:

— Мне не нравится, что он занимается мокрецами. И мне не нравится, что его не пускают в лепрозорий.

— Не понимаю,— сказал Виктор благодушно.— Мокрецами он занимается потому, что он инспектор департамента здравоохранения, а не пускают его... так ведь никого не пускают.

Фламин Ювента в рукописи был племянником не полицмейстера, а директора завода. И Тэдди после драки говорит Баневу не «Дядюшка у него знаешь кто», а «Его дядюшка приятель с начальником полиции».

В время разговора с Дианой о людях-«медузах» Банев на вопрос Дианы, что делают с медузами, отвечает более конкретно: «На Дальнем Востоке из них, кажется, делают консервы».

Появившись в ресторане, мокрец обращается с вопросом к Диане. В первоначальном варианте вопрос был общим (к Диане и Виктору), и отвечал на него Виктор более подробно:

— Простите,— сказал он,— вы не можете мне сказать, где доктор Юл Голем?

— Нет,— сказал Виктор.— Обычно в это время он бывает здесь, но сегодня где-то задержался. Он будет с минуты на минуту.

— Присядьте,— предложила Диана,— подождите.

— Благодарю вас,— сказал мокрец,— я подожду в вестибюле.

— Вы нам нисколько не помешаете,— сказала Диана.— Садитесь.

После этого в окончательном варианте «Виктор налил ему коньяку. Мокрец привычно небрежным жестом взял рюмку, покачал, как бы взвешивая, и снова поставил на стол». В черновом варианте:

Виктор молча налил коньяку в третью рюмку и придвинул к нему. Но он не обратил внимания ни на Виктора, ни на коньяк. Он пристально смотрел на Диану.

Конкретные размышления Банева по поводу сидящего рядом мокреца в рукописи («Интересно, что ему понадобилось от Дианы? Опять медикаменты?») Авторы заменяют более общими, продолжающими мысли Банева о человечестве: «А вы, сударь, отдали бы свою дочь за мокреца?..»

Поведение мокреца, услышавшего от Фламина Ювенты «А ну, зараза, пошел отсюда вон!», в окончательном варианте не описывалось. А в черновике было: «Зурзмансор уже стоял, сгорбленный и покорный». И позже, во время драки, в окончательном варианте «Зурзмансор, спокойно откинувшийся в кресле», а в первоначальном — «Зурзмансор, прижавшийся к стене».

В начале беседы с бургомистром о статье против мокрецов Банев заявляет на длинную речь бургомистра: «Давайте говорить просто...» В рукописи он добавляет: «Я не избиратель и не министр иностранных дел». Далее, подстраиваясь под бургомистра, Банев с издевкой говорит: «Вы ведь знаете, мы, писатели, народ неподкупный, действуем исключительно по велению совести».

Голем и Банев беседуют о молодом человеке в очках и Паворе. В рукописи было дополнение:

— Ладно,— сказал Виктор.— Значит, генерал Пферд... Ага,— сказал он.— И этот молодой человек с портфелем... Вот оно что! Значит, это у вас просто военная лаборатория. Понятно... А Павор, значит, не военный. Он знает, кто этот тип в очках и с портфелем?

— Думаю, да,— сказал Голем.— Во всяком случае, он пытался проникнуть к нему в номер. Это я сам видел.

— Ну и что? — заинтересовался Виктор.

— Не получилось.

— Так, Павор, значит, не военный,— повторил Виктор.— А этот тип знает, кто такой Павор?

Убирается изложение бородатого анекдота (впрочем, может быть, в то время он был новым?) во время разговора Дианы и Виктора утром, когда Виктор бреется:

— Вспомнила анекдот про мужа, который бреется утром.

— Изложи.

— Морщится он от боли, страдает и спрашивает жену: «Хотела бы ты быть мужчиной, кошечка?» А жена отвечает: «А ты, милый?»

— Пардон,— сказал Виктор.— Я не понимаю.

Начало разговора Банева с Зурзмансором в рукописи было описано несколько по-другому:

Он тут же увидел его: человек из лепрозория сидел за служебным столиком в дальнем углу, где обычно Диана кормила Виктора. Он поднялся им навстречу. Это был тот самый жел-

толицый обладатель орлиного профиля, и на нем был вечерний черный костюм, и он был в черных перчатках и руки не подал, просто поклонился и сказал отчетливо, но негромко:

— Здравствуйте, рад вас видеть.

— Банев,— представился Виктор, ощущая некоторое разочарование. Он ожидал, что это будет настоящий мокрец.

— Мы, собственно, уже знакомы,— сказал человек из лепрозория.— Я Зурзмансор.

Виктор постарался не выдать своего замешательства. Они сели, разобрали салфетки, и официантка принесла суп. Ладно, подумал Виктор, значит вот они какие без повязки. Подожди, а где его «очки»? У Зурзмансора не было «очков», можно было подумать, будто они расплылись по всему лицу и окрасили кожу в желтоватый цвет.

— Ирма передает вам привет,— сказал Зурзмансор, разламывая кусочек хлеба.— Просит не беспокоиться.

— Спасибо,— медленно сказал Виктор. Так, подумал он, значит, он знал, что увидит меня. И может быть, даже хотел увидеть меня. Ну, тогда пусть он и начинает. Виктор деликатно глотал диетический суп, помалкивал и краем глаза следил, как Диана со странной, какой-то материнской улыбкой смотрит то на него, то на человека из лепрозория. Это было неприятно. Виктор почувствовал что-то вроде ревности, но постарался отогнать это ощущение. Зурзмансор ел, не снимая перчаток. В том, как он орудовал ложкой, как аккуратно ломал хлеб, как пользовался салфеткой, чувствовалось хорошее воспитание. Несколько раз он взглядывал на Виктора — без улыбки, но с каким-то юмористическим выражением в глазах.

Принесли второе. Внимательно следя за собой, Виктор принялся резать мясо. Очень весело, думал он. За столом не угасала оживленная беседа. Бутылки ходили по кругу, градом сыпались остроумные шутки... За длинными столами дружно и простодушно чавкали «Братья по разуму», гремя ножами и вилками.

— Как продвигается работа над статьей? — спросил Зурзмансор.

Виктор угрюмо посмотрел на него. Нет, это была не насмешка. И не просто праздный вопрос, чтобы завязать беседу. Человеку из лепрозория, кажется, действительно было любопыт-

но узнать, как продвигается работа над статьей. Даже доктор Голем — и тот трепло, подумал Виктор.

А после разговора, когда Диана сказала Баневу, что любит его за то, что он нужен таким людям, Банев не говорит с сарказмом: «Интеллектуалы... Новые калифы на час», а:

— Значит, все-таки стоит жить на свете? — спросил он недоверчиво.

— Да,— сказала она.

— Значит, есть смысл жизни?

— Конечно,— сказала она.

— Эх, за машинку бы сейчас,— сказал Виктор.— Только все это болтовня. Пока я доберусь до машинки, мне расхочется.

На вопрос долговязого, прилично ли платят за писания Баневу, последний отвечает в рукописи: «Жить можно». В части опубликованных вариантов вместо ответа в тексте стоит многоточие, в части: «Ком си, ком са».

Интересны и подробности разговора Банева с Големом после ареста Павора. Банев, предлагая Голему напиться, в рукописи добавляет: «Будем, как этот счастливчик Р. Квадрига». Размышления Банева по поводу понимания и непонимания были подробнее (убранное Авторами позже — выделено):

— Это удивительный парадокс, Голем,— сказал он.— Было время, когда я все понимал. Мне было шестнадцать лет, я был старшим рыцарем Легиона, я абсолютно все понимал, и я был никому не нужен! В одной драке мне проломили голову, я месяц пролежал в больнице, и все шло своим чередом: Легион победно двигался вперед без меня, господин президент неумолимо становился господином президентом — и опять же без меня. Все прекрасно обходились без меня. Потом то же самое повторилось на войне. Я офицерил, ПРОЯВЛЯЛ ЧУДЕСА ХРАБРОСТИ, хватал ордена и при этом, естественно, все понимал. Мне прострелили грудь, я угодил в госпиталь, и что же, МЫ ПРОИГРАЛИ ВОЙНУ? СДАЛИ ИЗ-ЗА ЭТОГО ХОТЬ ОДИН НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ? Кто-нибудь побеспокоил-

ся, заинтересовался, где Банев, куда делся наш Банев, наш храбрый, все понимающий Банев? Ни хрена подобного. А вот когда я перестал понимать что бы то ни было — о, тогда все переменилось.

Вместо высказывания предположений, чем занимаются мокрецы и генерал Пферд, Банев прямо спрашивает Голема:

<...> Слушайте, Голем, вам нравятся мокрецы?
— Да,— сказал Голем.
— За что?

И далее Голем уже предлагает: не рассказать ли Баневу, что он думает о мокрецах. После этого в окончательном варианте идет: «Валяйте,— согласился Виктор.— Только больше не врите». В рукописи: «Еще бы,— произнес Виктор и даже протрезвел».

В окончательном варианте в это время Баневу звонит бывшая супруга, а затем Голем не столько говорит о мокрецах, сколько спорит с Баневым, изредка вставляя какие-то сведения, по которым можно лишь предполагать, кто такие мокрецы. В рукописи же разговор идет более прямой и откровенный:

— Рассказывайте,— потребовал он.— Ах да, я должен спрашивать...
— Четыре вопроса,— сказал Голем.— Не больше.
— Ладно,— сказал Виктор.— Первый: они люди?
— Не совсем,— сказал Голем.
— Роботы?
— Это уже второй вопрос.
— Нет-нет, это все первый. Люди они или роботы?
— Они не роботы,— сказал Голем.— Что за идиотская мысль?
— Очковая болезнь — это действительно болезнь?
— Не совсем,— сказал Голем.— Точнее, в известном смысле.
— Слушайте,— рассердился Виктор.— Отвечать так отвечать.
— А вы спрашивайте как следует.
— Ну, они больны? У них болит что-нибудь?

— Я могу вам рассказать симптомы, хотите? Это везде опубликовано.

— Ну, расскажите,— сказал Виктор.— Только без терминов.

— Сначала изменение кожи. Прыщи, волдыри, особенно на руках и на ногах, иногда гнойные язвы...

— Слушайте, Голем, а это вообще важно?

— Для чего?

— Для сути,— сказал Виктор.

— Для сути — нет,— ответил Голем.— Я думал, вам это интересно.

— Я хочу понять суть,— сказал Виктор.— Что это значит — не совсем люди?

— Следующая ступень,— сказал Голем.— Вот люди — это не совсем обезьяны, а мокрецы — это не совсем люди.

— Позвольте,— сказал Виктор.— Люди — это совсем не обезьяны.

— Вы так полагаете?

— А вы?

— Вы знаете, Виктор,— сказал Голем,— мне опять надоело. Вы уже задали больше четырех вопросов, и потом, я все равно вам все вру. Я это только что заметил. Не бывает у них гнойных язв.

И позже, сквозь пьяную дремоту, Банев слышит голос Голема:

— ...Потому что у них ведь нет ни зависти, ни корысти, ни злобы, они очень уравновешенные люди и очень уважают друг друга, потому что им есть за что уважать... У них совсем, совершенно нет наших гадостей. Может быть, у них есть какие-то свои гадости, но о них ничего пока не известно, ни нам, ни им...

Зурзмансор, который сидел на носу лодки, повернул голову, и стало видно, что у него нет лица, лицо он держал в руках, и лицо смотрело на Виктора, хорошее лицо, честное, но от него тошнило, а Голем все не отставал, все гудел.

— ...Они очень молоды, у них все впереди. У нас впереди нет ничего, а у них — все. Конечно, человек овладеет вселенной, но это будет не краснощекий богатырь с мышцами, и конечно, человек справится с самим собой, но только сначала он

изменит себя... Природа — хитрейшая баба! Нет, она не обманывает, она выполняет свои обещания, но не так, как мы бы хотели...

В последней главе, там, где Банев рассуждает о связи литературы и жизни, в рукописи была еще добавка:

Вот, например, критики, профессиональные искатели связей литературы с современностью. Что они скажут об этих рассказах? Разное скажут. Они представления не имеют о дождливом городе, о мокрецах, о Диане, о Паворе и о прочем. И им на все это наплевать, потому что они воображают, будто все связи должны быть прямыми, кратчайшими...

Собираясь бежать из гостиницы с Квадригой, Банев берет с собой документы и деньги. В первом варианте он думает еще и о рукописях:

Виктор сунул ему [Квадриге.— *С. Б.*] свой старый плащ и погасил свет. Потом он подумал, вынул из ящика документы, деньги и рукописи. Деньги и документы он рассовал по карманам, а над рукописями задумался. Шесть набитых папок и еще куча исписанной бумаги. Без паники, сказал он себе. Он сгрузил все обратно в ящик и запер стол. Потом он закрыл окно и отдался на волю Квадриги.

Путешествие Банева и Квадриги по темному городу тоже описывалось в рукописи несколько по-другому:

Виктор был зол. Несколько раз он ступал в глубокие лужи, туфли промокли, дождь лил по лицу, и очень хотелось плюнуть на все и вернуться обратно в номер. Что за глупости? Какое мне дело до их съездов и их восстаний? Мало ли что там говорит Голем? Выгоняют под дождь ночью ни в чем не повинного человека, волокут его через весь город аж на окраину. Зачем? Не желаю. Не потерплю даже от суперменов. Вернусь вот сейчас и завалюсь спать. Два обстоятельства сдерживали его: Квадрига, вцепившийся как клещ, и то обстоятельство, что в ресторане

спиртного не дадут, не драться же с ними из-за бутылки водки, а у Квадриги должен быть запас. Он налетел на фонарный столб. Квадрига оторвался и сейчас же заорал на весь город: «Банев, где ты?» Пошарив в мокрой темноте, они нашли друг друга и двинулись дальше. Над головами хлопнуло окошко, придушенный голос шепотом спросил вслед: «Ну, что слышно?» — «Света нет»,— сказал Виктор через плечо. «Точно,— сказал голос.— И воды. Хорошо, мы ванну успели набрать...» — «А что будет?» — спросил Виктор. После некоторого молчания голос произнес: «Удирать надо». И окошко захлопнулось. Потащились дальше. Квадрига, держась за Виктора обеими руками, сбивчиво рассказывал, как он проснулся от ужаса, спустился вниз и увидел там это сборище. Налетели впотьмах на грузовик, обогнули его и сбили с ног человека, который этот грузовик чем-то грузил. Квадрига опять заорал. «В чем дело?» — спросил Виктор. «Дерется,— сказал Квадрига.— Прямо по печени. Палкой. Или ящиком». Ни черта не было видно. Общее направление еще можно было угадать по уличным фонарям, горящим вполнакала, да кое-где виднелись слабые полоски тускло-розового света сквозь щели в ставнях. Дождь лупил без передышки. Но улица не была безлюдна. То и дело попадались автомобили, поставленные кое-как, где-то переговаривались шепотом, мяукал грудной младенец. Кто-то окликнул их и спросил, как пройти на Проспект Президента. Около самой площади, когда впереди появились освещенные автомобильным прожектором двери полицейского управления и толпа народу у этих дверей под навесом, пришлось остановиться. Им осветили лица фонариками и потребовали документы. Оказалось — военный патруль. У Квадриги документов, естественно, не было, Виктор из солидарности сказал, что у него тоже нет. Патруль с ворчанием отстал. Старший патруля сказал что-то вроде «пусть идут, это шпаки». Пересекли площадь. Около полицейского управления бессмысленно бегали золоторубашечники, сверкая касками в лучах фар. Раздавались зычные неразборчивые команды, отъезжали и приезжали машины. Сразу было видно, что центр паники здесь. Огни на площади еще некоторое время освещали им дорогу, потом снова стало темно.

Встреча с дезертировавшим солдатиком в рукописи сопровождалась таким диалогом:

Позади послышалось завывание автомобиля, и по стенам домов заметались световые блики.

— Э,— сказал Виктор.— Приятель, а ведь я тебя знаю. И ты меня знаешь. Помнишь, я машину угнал, а ты меня спас от полиции?

— Помню,— сказал голос.— Только вы не шевелитесь и не кричите, когда машина проезжать будет, а то ей-богу застрелю. Мне теперь все равно.

Визг Квадриги, разбудивший Банева, в рукописи описывался подробнее:

Визжал Р. Квадрига. Он стоял, раскорячившись, перед раскрытым окном, глядел в небо и визжал, как баба. Было светло, но это не был дневной свет. На захламленном грязном полу лежали ровные ясные квадраты, и Виктор даже не сразу понял, что это такое[1]. Он подскочил к окну и выглянул. Это была луна. Ледяная, маленькая, ослепительно яркая. В ней было что-то невыносимо страшное, Виктор не сразу понял — что. Небо было по-прежнему затянуто тучами, и в этих тучах кто-то вырезал ровный аккуратный квадрат чистого неба с луной в центре.

И на эту луну, на этот квадрат выл Квадрига, словно собака в морозную ночь. Впрочем, уже не выл. Он зашелся от крика и издавал только слабые скрипучие звуки.

«Драп» из города тоже описывался несколько по-другому:

Первое время имела место видимость какого-то порядка: драпало начальство. Росшепер в «кадилляке» с депутатским

[1] Здесь Авторы исправили существенную ошибку. Вот из основного текста: «...было светло, но это не был дневной свет: на захламленном полу лежали ровные ясные прямоугольники». И все. Т. е. это прямоугольники от освещенных снаружи окон, а в первом варианте получалось, что на полу тени от квадрата, вырезанного в облаках. Такой ужас, пожалуй, даже мокрецам не организовать.— *В. Д.*

флажком, господин бургомистр с гигантской супругой, полицмейстер, теща полицмейстера, жена и дети полицмейстера, директор гимназии, судья, почта и телеграф, акциз, финансы, грузовики с мебелью, грузовики с багажом, грузовики с прислугой, полиция, золотые рубашки, все, все, отчетливо видные в лунном свете, встрепанные, перепуганные, грызущиеся, кто-то кому-то не давал дорогу, а должен был бы дать, кто-то гудел, кто-то грозил стрелять; рев стоял на шоссе. Город выдавливался, как огромный нарыв. Потом гной схлынул, и потекла кровь. На битком набитых грузовиках, в старых автобусах, на мотоциклах, на велосипедах, пешком, на сельскохозяйственных машинах, на повозках уходило население, уносило скудный скарб, оставив позади дома, клопов, нехитрое счастье детей, угрюмое, молчаливое, несчастное. Светало, небо приняло неопределенно серый цвет, луна побледнела, а квадрат вокруг нее расплылся, тучи на его границах таяли, и половина неба очистилась — наверное, впервые за несколько лет. Население прошло, двинулась армия. Виктор вдвинулся поглубже в сирень. Проехали два вездехода с офицерами, два грузовика с солдатами, походная кухня и наконец знаменитый броневик с пулеметами, развернутыми назад. Наступило время мародеров, но мародеры, судя по всему, удрали первыми, еще до начальства.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАВКА

Во время правки черновика Стругацкие тщательно и педантично работают над стилем. Каждое предложение, каждое слово проверяется на прочность и достоверность. Многочисленные примеры, приведенные ниже, думаю, могут служить в качестве пособия «Как надо работать над текстом» для многих молодых авторов и неопытных редакторов.

Не останавливаясь подробно на каждой правке и предлагая читателю самому понять «а чем же этот вариант лучше предыдущего?», позволю себе лишь расположить их в определенном порядке и прокомментировать некоторые из них.

Одна из примечательных особенностей стиля АБС — рассказывать читателю о биографии, характере, а то и о самой сущнос-

ти того или иного персонажа посредством реплик или мыслей его. В этих репликах важно всё: употребление того или иного слова, их порядок в реплике, эмоциональная насыщенность и правильность построения каждого предложения.

Речь и мысли Банева. Первое впечатление от дочери: «Какая-то жестокость. Просто и ясно» — позже правится на: «Это даже не грубость, это — жестокость, и даже не жестокость, а просто ей все равно».

«И с этой женщиной я СПАЛ»,— думает Банев о Лоле. Исправлено на ЖИЛ. «До сих пор не ЗНАЮ, что она думала, когда я читал ей Бодлера?» — продолжает Банев. Исправлено на ПОНИМАЮ. Лолу «губит то, что она НЕПРЕРЫВНО говорит» — мысли Банева. Исправлено на ОЧЕНЬ МНОГО.

«Все как у людей, и ТУТ ОТКРЫВАЕТСЯ ДВЕРЬ И входит Ирма...» — продолжает думать Банев. Выделенное заменено на ВДРУГ. Об Ирме и о полезности чтения Банев думает: «А она, кажется, это и без меня знает...» КАЖЕТСЯ убрано. «Девочку придется, наверное, забрать, подумал Виктор». НАВЕРНОЕ — убрано. «Да не в этом дело, девочка должна быть у меня, а не у экономки — вот в чем дело». Изменено на «Да не в этом же дело: девочка должна быть со мной, а не с экономкой...»

В рукописном варианте Банев думает: «Звучит отвратительно, как и всякая правда. Цинично, себялюбиво, гнусно. Честно. Вот если бы это был мальчик, отвратительно фальшиво подумал он...» Это высказывание основательно переделано: «Я привык один. Я люблю один. Я не хочу по-другому... Вот как это выглядит, если честно. Отвратительно выглядит, как и всякая правда. Цинично выглядит, себялюбиво, гнусненько. Честно».

«Все равно сегодня мы с нею ничего не решим»,— думает Банев. Авторы исправляют на: «Все равно ничего я сегодня ей не отвечу. И ничего не стану обещать».

В конце разговора с Лолой Банев сначала говорит: «О девочке подумаю. И все, что сумею, сделаю». Затем Авторы заменяют это высказывание на: «Решать с бухты-барахты я тоже ничего не намерен. Буду думать».

Увидев драку, Банев замечает: «Это мы понимаем». Затем Стругацкие уточняют: «Правильно, у нас без этого нельзя, мы без этого никак не можем». Реплика Банева, обращенная к дерущим-

ся, показалась Авторам слишком вялой: «А ну, что тут у вас?» — и они ее заменяют на «Отставить!».

О воде, которая хлестала ему в лицо, Банев сначала думает: «...и вкус у нее был ржавый», затем Авторы изменяют: «...и ржавая на вкус».

«Кто же это меня?» — спрашивает Бол-Кунаца Банев и продолжает: «Уж не ты ли?» Вторая фраза позже звучит так: «Надеюсь, не ты?»

Вставая, Банев комментирует свои действия: «Затем, слегка оттолкнувшись от стены, перенести центр тяжести таким образом, чтобы он находился над ступнями...— Это ему сделать не удалось...» Авторы меняют: «Затем, слегка оттолкнувшись от стены, перенести центр тяжести таким образом...— Ему никак не удавалось перенести центр тяжести...»

По мнению Банева, любой мальчишка «как-нибудь среагировал бы на это раздражающе-неопределенное "А..."». Часть фразы меняется на «заинтересовался бы этим раздражающе неопределенным "а-а"». «Он ничего не сказал. Его это не интересовало» меняется на «Его не занимали интригующие междометия».

Руку на плечо Бол-Кунацу Банев кладет, «преодолев минутную нерешительность». Затем МИНУТНУЮ меняется на НЕКОТОРУЮ. Позже в том, как отечески он держал руку на плече странного мальчика, «Виктор вдруг ощутил разительную фальшь». Фраза меняется на то, что в этом «было нечто удивительно фальшивое».

После взрослого, обоснованного ответа Бол-Кунаца Банев «приоткрыл рот, но сейчас же заметил это и снова закрыл. У него что-то шевельнулось в душе». Длинно и непонятно, и Авторы вместо этого пишут: «Виктор ощутил какой-то холод внутри». После в перечислении этих странных движений души: «Какое-то беспокойство. Или даже страх» — убирается «Или брезгливость».

«У меня в детстве был один знакомый мальчик...» — говорит Банев Бол-Кунацу. Стругацкие чувствуют фальшь — если он сам был ребенком, то что значит «один знакомый мальчик»? И они меняют «одного знакомого мальчика» на «приятеля». «Ты зачем сюда пришел?» — шипит швейцар Бол-Кунацу. ПРИШЕЛ меняется на ВПЕРСЯ. «Мальчик со мной»,— говорит ему Банев. МАЛЬЧИК меняется на ПАРНИШКА.

«О выступлениях я всегда забываю»,— говорит Банев Бол-Кунацу. «Стараюсь забыть»,— правят Авторы, и сразу изменяется смысл фразы: не просто забывчивость, а нежелание помнить. «Выступления» — слишком коротко и конкретно. «О раутах, суаре и банкетах, а также о митингах»,— перечисляют Авторы, а во втором черновике добавляют: «...встречах и совещаниях». Перечислены все мероприятия, вывод — никаких массовых собраний Банев не любит.

Размышляя о нападении, Банев предполагает: «Похоже на резиновую дубинку. В столице это была бы резиновая дубинка, а здесь прямо-таки не знаю». Авторы убирают информацию о столице, но добавляют гораздо больше информации о главном герое: «Впрочем, откуда мне знать, как это бывает от резиновой дубинки? Как бывает от модернового стула в «Жареном Пегасе» — это я знаю. Как бывает от автоматного приклада или, например, от рукоятки пистолета — я тоже знаю. От бутылки из-под шампанского и от бутылки с шампанским...»

Давая выдержку из газеты о встрече Банева и Президента, Авторы сначала передают мысли Банева только информативно: «...там было сказано...», затем добавляют сарказма: «В газетах честно и мужественно, с суровой прямотой сообщили...» Вспоминая встречу, Банев сначала думает: «Если я когда-нибудь стану президентом...» Опальный, свободолюбивый Банев так думать не может, и Авторы меняют: «Странно, как хорошо я все это помню».

Щеки Банева при гневе «бледнеют», позже — «белеют». «Что это я от злости, а не от страха»,— думает об этом Банев. Позже: «...что бледнею я от злости, как Людовик XIV...»

Банев думает об опасностях, подстерегающих человека, осмелившегося выступать против президента: «...и вообще швейцара не будет, БУДЕШЬ САМ швейцаром». Затем Авторы уточняют: «САМОГО СДЕЛАЮТ».

Банев вспоминает «странного человека с орлиным профилем» (исправлено на «плясуна с орлиным профилем»): «Артист, который играет артиста, который играет артиста, который играет артиста...» Позже исправлено на: «Артист, который играет другого артиста, который играет третьего...» Тут же Авторы заменяют «пижона» на «разболтанного хлыща».

Мысли Банева передаются Авторами более правдоподобно. Вместо «Сейчас не хотелось бы» — «Неохота. Сегодня неохота». Иногда такое же упрощение используется и в речи Банева: вместо «Я не берусь судить» — «Не знаю».

Виктор спрашивает у Дианы: «А капканы на дорогах — это у вас обычное дело?» ОБЫЧНОЕ ДЕЛО изменяется на В ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ.

В философском разговоре с Дианой о людях (или фашисты, или медузы, нули) Банев говорит сначала: «Сегодня уже вообще мало интересуются вопросом, для чего живет человек...», позже: «Сегодня уже все знают, что есть человек».

Банев Диане после драки говорит не «считаю себя обязанным викториею своею», а «обязан я викторией своею».

Речь Лолы. Ругается на Ирму: «У всех дети, как дети, послушные, вежливые...» Исправлено на «Мерзавка, хамка...»

«Я тебя не упрекаю»,— говорит Лола. Исправлено на: «Тебе, конечно, не до того, куда там...» И продолжает: «У тебя своя жизнь, свои заботы. У тебя женщины...» Замечание о жизни Авторы переносят в следующее высказывание Лолы, а здесь исправляют на: «Столичная жизнь, всякие балерины, артистки...». «...Ты жил, как хотел...» — здесь оканчивается высказывание Лолы, далее Банев уже не слушает, думает о своем, в черновике же следует еще одна реплика: «...но теперь ты видишь, что из этого получилось...»

Фраза Лолы: «Но ты же видишь, я не справляюсь. Я работаю, у меня общественные обязанности... в конце концов, я женщина и не старуха еще...» — заменена на: «Но теперь мне нужна не такая помощь... Счастливой назвать я себя не могу, но и несчастной тебе тоже не удалось меня сделать. У тебя своя жизнь, а у меня — своя. Я, между прочим, еще не старуха, у меня еще многое впереди...»

В первом черновике Лола говорит: «Я уже десять минут молчу, жду, когда ты отреагируешь». Исправлено на: «Я уже полчаса жду, когда ты соизволишь отреагировать». И выброшена реплика Банева: «Да,— промямлил Виктор.— Конечно...»

В перечислении недостатков Банева («Негодный муж, бездарный отец») Лола еще называла его: «...никудышный гражданин».

Затем Авторы это убрали — не такова Лола, чтобы думать об общественной пользе своего бывшего мужа.

В риторических вопросах и восклицаниях Лолы о дочери: «Ну что мне теперь делать? От тебя же никакого проку. Учителя руками разводят. Я из сил выбилась, не могу ничего» — реплика об учителях выброшена.

Речь Бол-Кунаца. О мокрецах, когда Банев употребляет слово «прокаженный», Бол-Кунац говорит: «Как вы можете так говорить?», затем фраза Бол-Кунаца меняется: «Он поздоровее вас...»

Речь Голема. Голем выглядит человеком ленивым, и поэтому его высказывание: «...если вам надо на кого-нибудь жаловаться — жалуйтесь...» изменяется на «Хотите жаловаться на военных — жалуйтесь...»

Речь Тэдди. О погоднике Тэдди сначала говорит «сломался», затем Авторы специально делают его речь неправильной: «заломался». Говоря о драке, Тэдди рассуждает: «Манеру взяли — каждый четверг драться». Позже ДРАТЬСЯ заменено на БУЯНИТЬ. И далее, обращаясь к Баневу: «А драться ты, господин писатель, научился». НАУЧИЛСЯ заменено на НАВОСТРИЛСЯ. Еще Тэдди замечает, что «стену испачкали». ИСПАЧКАЛИ заменено на ЗАГАДИЛИ. Банев спрашивает у Тэдди счет («Много получилось?»), а тот отвечает сначала: «Ты выдержишь», а затем: «Твой карман выдержит». Тэдди об ушедших детях и мокрецах сначала говорит: «Все ушли! Что теперь делать? Бить их, гадов, что ли?» Нерешительность Тэдди несвойственна, поэтому Авторы правят: «Ну теперь все! Хватит, натерпелись... Теперь все!»

Речь Дианы. Сначала Диана обращается к Баневу с предложением: «Пошли танцевать!» Но это не соответствует ее вдохновенному танцу, и Авторы изменяют: «Пошли плясать!»

Речь Павора. На вопрос Банева, пустили ли его в лепрозорий, Павор отвечает: «Не пустили и, по-видимому, не пустят». Общерасплывчатое ПО-ВИДИМОМУ заменяется на конкретное НАДО ПОНИМАТЬ. И далее, о подсчете подштанников, Павор говорит: «Дьявольски интересно». Позже: «Дьявольски увлекательно».

Речь Квадриги. «Опять он здесь»,— говорит Квадрига о Паворе и добавляет сначала с отвращением: «Как это я не заметил, что он пришел!», затем с отчаянием: «И когда успел?..» В пере-

числении неприличных фамилий Квадрига в рукописи упоминает не Баттокса, а Фака.

Качество восприятия читателем текста очень часто зависит от достоверности и четкости описания автором какого-либо действия персонажа. Здесь зачастую даже одно слово играет большую роль. Уточняющих правок в рукописи ГЛ тоже много. Приведу лишь некоторые.

Бол-Кунац набрал пригоршню воды и «плеснул ему в лицо. Виктор отплюнулся». Второе предложение Авторы вычеркивают, а в предыдущем меняют: «...плеснул ему в глаза».

«Он очень честно ПРЕДСТАВИЛ СЕБЕ свою жизнь в столице». Заменено на ВСПОМНИЛ.

Лицо Лолы «БЫЛО ПОКРЫТО красными пятнами». Позже ШЛО.

Поза Лолы должна действовать на провинциальных адвокатов БЕЗ ПРОМАХА. Исправлено на ЧРЕЗВЫЧАЙНО.

«Снова пускаясь в путь» — пишут Стругацкие о Баневе, затем меняют на «и двинулся дальше».

Банев разувается, «уперев носок другой ноги в задник». Фраза несколько корявая, Авторы ее переделывают: «...упершись в задник носком другой ноги».

Павор в ответ на негативные высказывания о нем пьяного Квадриги «внимательно взглянул на него», позже — «пристально посмотрел».

Пьяный Квадрига сначала «выбрался из-за стола и направился», позже — «выбрался из кресла и устремился».

Голем на шутку Банева «хихикает». Но хихиканье грузному вальяжному Голему не идет, и Авторы меняют на «хмыкнул».

Предположение Банева: Квадригу «обливали над раковиной», позже — «отмывали над раковиной».

Диана, по мнению Банева, была красивой всегда: «И когда она плакала, и когда смеялась, и когда сердилась, и когда была равнодушной...» Позже переделано: вместо СЕРДИЛАСЬ — ЗЛИЛАСЬ, вместо БЫЛА РАВНОДУШНОЙ — ЕЙ БЫЛО НАПЛЕВАТЬ.

Во время ухода Банева Квадрига снова начинает всем представляться и знакомиться; сначала он это «громко произнес», но

затем найдено более верное выражение: «ясным голосом произнес», что говорит о степени опьянения.

«Росшепер протяжно ЗАВЫВАЛ: "О мой бедный пьяный народ!"» Завывать разборчиво невозможно, поэтому Авторы меняют: КРИЧАЛ.

«Туман стал реже» — «туман поредел». Мокрец в капкане «не издал ни одного стона» — «не стонал».

Подойдя к лежащему мокрецу, Виктор спрашивает:

— Что тут происходит? — растерянно спросил Виктор и вдруг заметил, что прокаженный смотрит не на него, а за его плечо. Виктор хотел обернуться, но в этот момент что-то ударило его в затылок так, что у него лязгнули челюсти. Это было последнее, что он помнил.

Авторы правят текст: меняют ТУТ ПРОИСХОДИТ на СЛУЧИЛОСЬ; убирают РАСТЕРЯННО; меняют ВДРУГ ЗАМЕТИЛ на ТУТ ОБНАРУЖИЛ, ПРОКАЖЕННЫЙ на «ОЧКАРИК», ЗА ЕГО ПЛЕЧО на МИМО... Но текст все равно кажется им вялым, и они переписывают его:

— Что случилось? — спросил Виктор.

Очкарик смотрел не на него, а мимо, глаза его выкатились. Виктор хотел обернуться, но тут его с хрустом ударило в затылок...

Драка между Фламином Ювентой и Баневым в ресторане. Банев не «схватил его за нос», а «ущемил его нос», потом крутил его не «с удовольствием», а с «ледяным наслаждением». Фламин Ювента не «отчаянно размахивал руками», а «месил воздух кулаками», пытался не «ударить ногой в пах», а «лягнуть в пах».

Водитель фургона с книгами через площадь сначала «мелкой рысью побежал», потом «мелкой рысью почесал», затем просто «почесал».

«Братья по разуму» мячи по полю ГОНЯЛИ, позже — ЛЯГАЛИ, затем — ПИНАЛИ.

Для восприятия текста очень важны и описания. «Увидеть картинку», читая книгу, читатель может, только если текст будет описывать эту картинку ярко, достоверно, с точными деталями.

В вестибюле санатория Банев замечает: «...какой-то остряк повесил свою — или, скорее, чужую — шляпу на фикус». Авторы убирают уточнение о принадлежности шляпы, меняют КАКОЙ-ТО на НЕКИЙ. Получается более коротко и емко: «...некий остряк повесил шляпу на фикус».

«Квадрига, охватив ГОЛОВУ РУКАМИ, монотонно бубнил...» Авторы заменяют на НЕЧЕСАНУЮ ГОЛОВУ. РУКАМИ — а чем же еще? НЕЧЕСАНУЮ — добавляет объемности изображению.

В тумане около санатория Банев слышит обычные звуки: «гоготали мужчины, взвизгивали женщины». Позже: «дребезжала посуда, кто-то хрипло орал». В тумане Виктор спотыкается ОБО ЧТО-ТО, затем — О МЯГКОЕ.

Заснувшего пьяного Виктор видит у накрытого стола: «...если не считать одинокой потной лысины, храпевшей мордой в блюде с заливным». «Морда лысины» — неправильно, тем более что непонятно, к какому слову относится «храпевшей» — к «лысине» или «морде». Авторы убирают слово «мордой».

Диана ведет Банева. Авторы добавляют конкретики. Сначала: «пробрались через кустарник», затем: «пробрались через мокрые кусты», затем: «пробрались через сирень».

Еще конкретика. Капкан: «...железные дуги снова сомкнулись и сжали РУКИ ВИКТОРА». Изменено на ЕМУ ПАЛЬЦЫ.

Более яркая картинка. Молодой человек в очках и его долговязый спутник сидели в ресторане не «управляясь с дежурным ужином», а «меланхолично пережевывая дежурный ужин».

В описании города: под карнизами высыпала плесень, ранее — белесая, позже — белая.

Фургон едет, подымая колесами из глубоких луж сначала водопады, затем фонтаны.

Голем приехал за мокрецом, угодившем в капкан, на «санитарном додже». Авторы изменяют марку машины на более привычный «джип», поэтому и далее текст изменяется: грузят Голем с Баневым мокреца в машину сначала «откинув заднюю брезентовую стенку», затем «распахнув дверцу».

«Развороченную кровать» Авторы правят на «разворошенную постель», ибо в номере Банева не кровать поломана, а просто не убрана постель.

Мастерство описания позволяет не только «увидеть картинку», но и «услышать» ее.

«Лязгнула дверца» — так сначала описывается отъезд машины. «Стукнули дверцы» — исправленный вариант.

Банев в санатории слышит: «Кто-то прошел по коридору». Фраза заменяется более конкретной: «Послышались шаги».

От работающего мотоцикла ДОНОСИЛСЯ ТРЕСК, позже — ДОНОСИЛОСЬ ТАРАХТЕНЬЕ. Броневик за оградой лепрозория едет, ЛЯЗГАЯ железом, позже — ПОЗВЯКИВАЯ.

Газета — сначала ХРУСТЕЛА, затем ШЕЛЕСТЕЛА.

Русский язык богат на синонимы, подобные слова. Можно о чем-то сказать так, а можно и этак. Поиск автором «самого правильного» слова тоже очень важен для качества текста.

О лучших девчонках детства Банев вспоминает: «...коленки в ссадинах, дикие кошачьи глаза и пристрастие к подножкам...» Затем Авторы меняют КОШАЧЬИ на РЫСЬИ.

Профессия Банева изменяется: ранее нейтральное «писатель», позже — «беллетрист».

В речи Банева о будущем Авторы меняют «изменения» на «перемены» («...и все перемены маячили где-то за далеким горизонтом»).

Парочка (молодой человек в очках и долговязый) выглядит, по мнению Банева, «как в ПОЛОМАННОМ бинокле: один в фокусе, другой расплывается». Позже ИСПОРЧЕННОМ.

ИЗДАНИЯ

Повесть ГЛ, написанная в шестидесятых годах, опубликована была только во второй половине восьмидесятых (если не считать, конечно, скандального зарубежного издания 72-го года). У каждого моего сверстника, любителя творчества АБС еще в те годы, наверное, есть своя история: «Как ко мне попала рукопись ГЛ». Рукопись эта распространялась в машинописном виде, в виде фотокопий с машинописи, в ксерокопиях (опять же — с машинописи). Помню, в 1979 году я сама перепечатывала ГЛ в восьми экземплярах (желающих было, насколько помню, шестеро, ос-

тальные копии делались про запас) с фотокопий...[1] Символично было, что вскоре после этого вышел на экраны «Сталкер». И, просмотрев его впервые, я не смогла удержаться, чтобы не воскликнуть: «Смогли! Ах, смогли!», что означало: «Стругацкие смогли, несмотря на запрет публикации ГЛ, протащить в диалоги «Сталкера» некоторые диалоги и реплики из ГЛ». Недавно перепечатанный текст ГЛ почти дословно хранился в памяти, поэтому процесс узнавания высказываний Банева или Квадриги в репликах Писателя при просмотре фильма придавал какое-то дополнительное удовольствие и даже некую сопричастность. О сценарии «Сталкер» и связях этого текста с другими произведениями АБС (ПНО, УНС, ГЛ) будет рассказано в главе «Пикник на обочине», пока же — возвращаемся к публикациям ГЛ.

Первые, журнальные, издания ГЛ («Изобретатель. Рационализатор», 1986; «Даугава», 1987; «Природа и человек», 1988—89) содержат более или менее сокращенные варианты.

В «Изобретателе. Рационализаторе» текст назывался «"Прекрасный утенок": выдержки из повести "Сезон дождей"» и был действительно сильно сокращен. Убран разговор с Лолой, убран весь разговор с Бол-Кунацем (по дороге домой и в гостинице), вторая половина разговора в ресторане и вся первая поездка к Диане в санаторий, посещение Баневым гимназии и встреча с детьми, вторая поездка к Диане с Ирмой, вся линия шпиона Павора и его разоблачения Баневым, разговор Банева с Зурзмансором, работа Банева (сюжеты) и бегство вместе с Квадригой... Даже в оставшихся фрагментах были сокращения.

В журналах «Даугава» (Рига) и «Природа и человек» ГЛ назывались «Время дождя». В этих изданиях текст подвергся мелким, но частым сокращениям: изымались 1—2 слова, фраза, предложение. При просмотре этих сокращений можно сделать вывод, что ничего, кроме урезания объема (журналы часто страдают

---

[1] В 1969 ко мне ненадолго попали фотопленки — негатив фотокопии машинописного текста ГЛ, чистовик, но с небольшими рукописными правками. Качество снимков было жутким, да и отпечатать пленку на бумаге не было возможности. И мы, три студента физфака МГУ, по очереди читали вслух текст, разглядывая пленку в детский фильмоскоп, ну, глядя через него на лампу. И записывали на магнитофон («Яуза-5»). А потом давали хорошим людям «послушать Стругацких». — *В. Д.*

недостатком места при публикации крупных произведений), эти изменения в себе не несут. Специально, по каким-то мотивам, не удалялось ничего. Достаточно в этих изданиях и опечаток: журналы времени перестройки часто печатались небрежно для ускорения работы над изданием, и это, скорее, особенность того времени, чем нечто более существенное. Кое-что еще проскальзывало в них из варианта рукописи, позже (в другом издании — журнальном или книжном) уже убранное или измененное.

Первое книжное издание ГЛ (отдельное, без включения их в ХС) было в сборнике научной фантастики (Вып. 34, 1990), затем в 1991 году вышла книга «Гадкие лебеди» в Таллинне, в 1993 — вместе с ГО (издательство «Terra Fantastica»), с ЗМЛДКС и ПНО (совместное издание издательств «Альянс» и «Полисофт») и, наконец, в 1997 году в «Мирах братьев Стругацких».

Текст ГЛ был частично восстановлен по рукописям и исправлен в «Мирах братьев Стругацких» и окончательно — в собрании сочинений «Сталкера».

ХС, которая включала в себя ГЛ в качестве Синей Папки, была сначала дважды опубликована в 1989 году (Л.: «Советский писатель» и М.: «Орбита», серия «АЛЬФА фантастика»), а затем переиздавалась вместе с ГЛ, за исключением издания в «Мирах братьев Стругацких».

При внесении текста ГЛ в качестве Синей Папки в повествование ХС сам текст не изменился, но количество глав ГЛ сократилось (от двенадцати до пяти). Они приобрели собственные названия: главы 1—3 стали второй главой ХС с названием «Банев. В кругу семьи и друзей»; главы 4—6 — четвертой главой «Банев. Вундеркинды»; главы 7 и 8 — шестой главой «Банев. Возбуждение к активности»; главы 9—11 — восьмой главой «Банев. Гадкие лебеди»; глава двенадцатая стала десятой главой ХС с названием «Банев. Exodus».

«СКАЗКА О ТРОЙКЕ»

Непростая судьба «Сказки о Тройке», едко-сатирического произведения, которое вроде бы должно было стать продолжением юмористически-оптимистического «Понедельника...», выразилась в очередности публикации ее вариантов. Первоначальный, нулевой, черновой вариант, написанный в марте 67-го года, публикуется здесь впервые. Окончательный чистовик (так называемая СОТ-1) написанный в мае 67-го, первый раз был опубликован в журнале «Смена» в 1987 году. Сокращенный вариант, а вернее, основательно переделанная в октябре 67-го года версия, СОТ-2,— в 68-м году в журнале «Ангара».

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Работа над созданием СОТ протекала очень интенсивно. Сначала, как всегда, шла разработка сюжета и фабулы, реалий и особенностей описываемого места событий. Тогда был изображен Авторами и план Китежграда и окрестностей (см. рисунок); масштаб карты: в 1 см 200 м.

На плане можно видеть тайгу на севере и на юге; заколдованное болото и соединенное с ним озеро, также из болота вытекает ручей, впадающий в реку Китёжу; автомобильную дорогу, проходящую с юга до города, около которой расположена деревня Лопухи и справа от дороги — заколдованный холм; железную дорогу, проходящую через город с юго-востока на север; реку под названием Китёжа, также проходящую через город, но с северо-востока на юго-запад. Сам Китежград на плане расположен

следующим образом: железная дорога отсекает завод маготехники от остального города, по другую сторону железной дороги от завода расположен вокзал. Река Китёжа отделяет Новый Китеж от Старого. На правом берегу реки обозначены (перечень по течению реки) завод маготехники, вокзал, пристань, гостиница, столовая, кафетерий, дом культуры; за безымянным ручьем, вытекающим из болота и впадающем в реку, расположены Черемушки, курган циклотации, городской сад и колония. По другую сторону реки напротив центральной части города расположен Старый Китеж с огородами и старой крепостью.

Курган циклотации, изображенный на карте, так и остался необъясненным явлением, Авторы о нем более нигде не пишут. Черновой же вариант СОТ, СОТ-0, полностью представлен ниже. В машинописном тексте изредка присутствует рукописная правка, Хлебовводов называется Хлебоедовым, а фамилия председателя Тройки еще не определилась окончательно: Вунюков — иногда Ванюков.

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

Пролог

Мы сидели на ступеньках заводского клуба. Федя читал позавчерашний номер «Китежградских новостей», медленно ведя по строчке черным неразгибающимся пальцем, а я просто жмурился на солнышко и переваривал обед. Комаров и слепней поблизости не было, они тоже, вероятно, переваривали обед. Окна заводского управления были раскрыты, и слышно было, как пишущие машинки вяло и неубедительно отвечали на энергичные напористые очереди «рейнметаллов». Вообще, если зажмуриться, можно было представить себя в районе боев местного значения. В полуподвале управления, подчиняясь сложному ритму, сдвоенно и тяжело лязгали печатающие механизмы табуляторов. Пикирующими бомбардировщиками завывали и визжали на складе циркулярные пилы. По бомбардировщикам выпускали обойму за обоймой скорострельные пневматические молотки. В ремонтных мастерских за клубом, устрашающе гремя гусеницами, разворачивались танки, а где-то в цехах дально-

бойно ухал паровой молот. И еще у ворот склада разгружали машину листового железа — звуки были сочные, впечатляющие, но я не мог подобрать для них военную аналогию.

— Саша, что такое детский сад? — осведомился Федя.

— Детский сад? Детский сад...— Я подумал.— Детским садом называется организация, которая заботится о детях дошкольного возраста, пока родители заняты на производстве.

— Спасибо, Саша,— сказал Федя, и по его тону я понял, что он не удовлетворен.

— А что там написано? — спросил я.

— «У меня аптека, а не детский сад...» — по слогам прочитал Федя.

— Ясно,— сказал я.— Заведующий китежградской аптекой подвергается принципиальной критике за то, что препятствует выдвижению молодых кадров. Так?

— Кажется, так,— сказал Федя неуверенно.— Но я все равно не понимаю... Аптека — это магазин, где продают лекарства... Вы знаете, Саша, я стал понимать даже хуже, чем раньше. Он что хотел сказать, что не хочет продавать лекарства детям дошкольного возраста, пока их родители заняты на производстве? Тогда он прав, они же маленькие, не понимают... А молодые кадры — это просто молодые люди... Да, правильно, здесь есть такое слово. Кад...ры. Вот оно. Нет, не понимаю.

— Заведующий хотел сказать,— пояснил я,— что ему в аптеке нужны опытные работники, а не молодые люди, которых он фигурально сравнивает с детьми дошкольного возраста.

— А,— сказал Федя.— Тогда другое дело. Как же можно сравнивать? Тогда он не прав. Молодые люди — скажем, вы, Саша,— это одно, а маленькие дети — это совсем другое. Правильно его критикуют. Я, знаете ли, тоже не люблю, когда человек хочет сказать одно, а говорит совсем другое. Помните, когда Говорун назвал Спиридона старой дубиной? Зачем? Ведь Говорун хотел сказать, что Спиридон недостаточно понятлив, и хотя это тоже совершенно неправильно, потому что Спиридон, по-моему, самый понятливый из нас, что, в общем, неудивительно, если учесть, сколько ему лет, но совсем уж непонятно, почему нельзя было именно так и выразиться, не прибегая к уподоблению такому совершенно постороннему, решительно

не имеющему к делу никакого отношения веществу, как дерево. Или я ошибаюсь? — Он с некоторой тревогой наклонился и заглянул мне в глаза.

Я открыл было рот, но тут представил себе, в какие дебри нам придется забираться, как трудно будет объяснить, что такое метафоры, иносказания, гиперболы и просто ругань, и зачем все это нужно, и какую роль здесь играют воспитание, привычки, степень развитости языка, эмоции, вкус к слову, начитанность и общий культурный уровень, чувство юмора, такт, и что такое юмор, и что такое такт, и представив себе все это, я ужаснулся и горячо сказал:

— Вы совершенно правы, Федя.

Федя застенчиво улыбнулся и снова углубился в газету. Очень он мне нравился. Очень он был мягкий, добрый и деликатный. Он медленно вел палец по очередной строчке, подолгу задерживаясь на буквах «щ» и «ь», трудолюбиво сопел, добросовестно шевелил большими серыми губами, длинными и гибкими, а наткнувшись на точку с запятой, надолго замирал, собирал кожу на лбу в гармошку и судорожно подергивал далеко отставленными большими пальцами ног. Пока я смотрел на него, он добрался до слова «дезоксирибонуклеиновая», дважды попытался взять его с налету, не преуспел, применил слоговый метод, запутался, пересчитал буквы, испугался и наконец в полном смятении задрал правую ногу, осторожно снял пенсне и принялся тереть линзы о штанину левой. Потом он робко посмотрел на меня.

— Дезоксирибонуклеиновая,— сказал я.— Это такая кислота. Дезоксирибонуклеиновая.

Он снова водрузил пенсне на сморщенную переносицу.

— Кислота,— повторил он.— А зачем она такая?

— Иначе ее никак не назовешь,— сочувственно сказал я.— Разве что сокращенно: ДНК. Да вы это пропустите, Федя, читайте дальше.

— Нет,— сказал он, виновато улыбаясь.— Устал. Лучше я немножко так посижу.

Он отложил газету, обхватил колени руками и стал смотреть вдаль за реку, на поля, томящиеся сладко под солнцем. Там по

желтой ровной насыпи, выбрасывая белые дымки, полз игрушечный поезд. Потом в небе над поездом возникло летающее блюдце, сверкнуло солнечными зайчиками, низко пронеслось над серыми башнями крепости, вновь ослепительно сверкнуло над «Черемушками» и пропало — нырнуло в туманное марево над Колонией.

— Сегодня утром,— сказал Федя,— к нам в мастерские приходил Константин, знаете, этот, несчастный, с Бетельгейзе. Плакал. Как это все-таки ужасно, когда не можешь вернуться домой!

— А зачем он приходил?

— Принес металлическую пластинку, просил просверлить два отверстия — не берет сверло. И он заплакал. Неужели никак нельзя ему помочь? Обратиться к специалистам, на специальный завод... Невозможно смотреть, как он мучается.

— Какие же у нас специалисты,— сказал я.— У нас такие специалисты лет через двести будут. Придется ему потерпеть.

Мы оба непроизвольно вздохнули.

— Я тоже домой хочу,— сказал Федя.

— И я хочу,— признался я.

— У меня дома клавесин есть,— сказал Федя мечтательно.— Стоит у меня там на горе клавесин, на леднике. Я люблю играть на нем в ясные лунные ночи, когда очень тихо и совершенно нет ветра. Тогда меня слышат собаки в долине и начинают мне подвывать. Право, Саша, у меня тогда слезы навертываются на глаза, так это получается хорошо и печально. Луна, звуки в просторе несутся, и далеко-далеко воют собаки.

— А как к этому относятся ваши соседи? — спросил я.

— Их в это время никого нет. Остается обычно один мальчик, но он мне не мешает. Он хроменький... Впрочем, это вам не интересно.

— Наоборот, очень интересно.

— Нет-нет. Вы, наверное, хотели бы узнать, откуда взялся на вершине клавесин? Его занесли альпинисты. Они ставили рекорд и обязались втащить на нашу гору клавесин. У нас на горе много неожиданных предметов. Задумает альпинист подняться на вершину на мотоцикле, и вот у нас мотоцикл, прав-

да, испорченный. Попадаются гитары, велосипеды, бюсты[1], зенитные пушки. Один рекордсмен хотел подняться на тракторе, но трактора ему не дали, а получил он асфальтовый каток. Если бы вы видели, как он мучился! Как старался! Но ничего не вышло. Не дотянул до снегов. Метров пятьдесят не дотянул, а то бы у нас был асфальтовый каток...

Федя замолчал. У меня не было клавесина, и, может быть, именно поэтому мне тоже ужасно захотелось домой. Я пригорюнился и, подперев подбородок ладонью, стал смотреть на груду бракованных волшебных палочек, сваленных у забора среди прочего металлолома.

Из столовой вышла компания молоденьких работниц. Завидя Федю, они принялись поправлять платочки и взбивать прически, размахивать ресницами, перехихикиваться и совершать прочие обыкновенные для их возраста действия. Федя дернулся, чтобы удрать, но сдержался и, потупившись, стал щипать рыжую шерсть у себя на левом предплечье. Девушки это сейчас же заметили и затянули частушку матримониального содержания. Федя жалобно улыбался. Девушки стали его окликать и приглашать вечером на танцы. Федя вспотел. Когда компания прошла, он судорожно перевел дыхание и сразу перестал улыбаться.

— Вы, Федя, пользуетесь успехом,— сказал я не без некоторой зависти.

— Да, это очень меня мучает,— произнес Федя.— Вы меня не поймете. У вас тут совсем иные порядки. А ведь у нас в горах матриархат... Я не привык... Это совершенно невыносимо, когда на тебя обращает внимание столько девушек сразу. У нас такое положение грозило бы многими бедами... Впрочем, у нас это невозможно.

---

[1] Намек в то время был прозрачным: незадолго до написания СОТ на какой-то пик (наверно, Ленина) взволокли бюст (естественно, Ленина). Дело шло к столетнему юбилею. Кстати, вот замечательный текст, прочитанный мной на соответствующей бронзовой доске: «Наградить Курганский машиностроительный завод им. Ленина орденом Ленина и впредь именовать: Курганский ордена Ленина машиностроительный завод им. Ленина»...— *В. Д.*

— Ну, у нас это тоже бывает только в исключительных случаях,— возразил я.— И потом, они больше шутили, чем что-нибудь серьезно.

— Шалунишки! — вскричал Панург.— Симпомпончики! Между прочим, матриархат имеет свои преимущества. В московском городском бассейне некий гражданин повадился подныривать под купальщиц и хватать их за ноги. И вот одна из купальщиц, изловчившись, двинула его ногой по голове.— Панург захохотал во все горло.— Она попала ему по челюсти, вышла и отправилась одеваться. Проходит время, а гражданина нет и нет. Вытащили его...— Панург снова захохотал.— Вытащили они его...— Панург еле говорил от смеха.— Вытащили, понимаете ли, его, а он уже холодный. И челюсть сломана.

Мы с Федей тоже не могли удержаться от смеха, хотя я ощутил некий озноб, а по шерстистому загривку Феди прошла волна. Потом Федя тоскливо сказал:

— Домой хочу. У вас было сегодня заседание?

— Было,— сказал я.— И еще будет.

— А что было сегодня?

— Изобретатель вечного двигателя. Очень он понравился Вунюкову. А потом Вунюков рассказывал, как он был финдиректором Всесоюзного общества испытателей природы[1].

— А меня когда вызовут? — спросил Федя.

— Ох, не знаю,— сказал я.— Ничего я не знаю, Федя. Застряли мы здесь с тобой... простите, с вами, конечно.

— Ничего, ничего,— сказал Федя.— Вы называйте меня на «ты», если вам хочется. Я понимаю, это смешно, мы уже давно

---

[1] Здесь, конечно, имеется в виду «Чудо в Бабьегородском переулке». Так с подачи журналистов называлась довольно темная история с созданием на заводе «Сантехника» в Москве устройства (теплового насоса), нарушающего второе начало термодинамики (а по размышлении — и первое). Не вдаваясь здесь в подробности, можно отметить, что последующие опыты проводило Московское общество испытателей природы — старинная организация, созданная еще в 1805 г. при МГУ. Это общество, между прочим, имеет биологическое и геологическое отделения, при чем тут термодинамика? (Кстати, АНС редактировал книгу Е. Войскунского и И. Лукодьянова «Экипаж "Меконга"», где также упоминается это «чудо».) — *В. Д.*

знакомы и все на «вы», но я как-то не умею на «ты». А вам если хочется, пожалуйста...

Я почувствовал себя обязанным ободрить его.

— Ничего, Федя,— сказал я.— Всему бывает конец.

Мы встали. Обеденный перерыв кончился. Я отправился в КБ, а Федя — в свои мастерские. На крыльце осталась аккуратно сложенная газета и шапочка с бубенцами, которую часто оставлял после себя Панург.

Глава первая

Ровно в пять часов я перешагнул порог комнаты заседаний. Как всегда, кроме коменданта, никого еще не было. Комендант сидел за своим столиком, держал перед собою открытое дело и весь подсигивал от нетерпеливого возбуждения. Глаза у него были как у античной статуи, а губы непрерывно двигались, словно он повторял в уме горячую защитительную речь. Я прошел на свое место, достал из стола тома «Малой Советской Энциклопедии», раскрыл тетрадку для стенографии и заточил карандаш.

— Всенепременнейше! — громко сказал комендант и победительно оглядел пустую комнату. Затем он очнулся.

— Я не понимаю, Александр Иванович,— заявил он,— что вам стоит? Это же смешно! А ведь вы мне казались не формалистом.

— А в чем дело? — спросил я.

— Вы меня гробите! — закричал комендант.— Вот в чем дело! Две недели заседаем, и только одно положительное решение! Я не понимаю, какого рожна вам нужно? Двигатель с КПД двести процентов! Йог с обратной перистальтикой! Эта самая... трисекция... этой... квадратуры! Я уже не говорю о пришельцах. Что за безобразное безобразие с этими пришельцами получается? Что за бездушное отношение? Люди летели тыщи лет, можно сказать, жизни не пожалели... Вот что вы мне здесь написали? — Он стал торопливо рыться в бумагах.— Вот... «Неизвестное существо (возможно, вещество) с неизвестной планеты (возможно, не с планеты) невыясненного химического состава и с принципиально неопределяемым уровнем интел-

лекта...» Это же безобразие, а не краткая сущность необычности! Неизвестное... неизвестной... неопределяемым... Вы для кого это пишете? Вы для Фарфуркиса это пишете! Его хлебом не корми, только дай выяснять невыясненное и определять неопределяемое...[1] Саботаж! — заорал он вдруг.— Я жаловаться буду! В центр! Я до самого товарища Голого дойду!

— А как я, по-вашему, должен был написать? — спросил я раздраженно.— Ни рук, ни ног у него нет, головы тоже нет, ничего нет, кроме запаха... Даже Рабиновичев его фотографировать отказался, потому что не нашел, где у него фас.

— Вы разумный человек? — спросил комендант неожиданно спокойно.

— Более или менее,— ответил я.

— Вы хотите здесь сидеть год, два, три... Хотите?

— Не хочу и не буду,— сказал я.— Кончу свои дела на заводе, и только вы меня здесь и видели.

— Эгоист! — прошипел комендант.— А я? А мне что делать? Послушайте, Александр Иванович,— сказал он плачущим голосом.— Я же погибаю там, с этими змеями вонючими, с этими каракатицами... Я аппетит потерял, худею... И никакой же перспективы! Неужели нельзя посочувствовать? Сегодня вот еще один паразит прилетел, лопочет чего-то не по-русски, каши не жрет, мяса не жрет, а жрет он зубную пасту, видите ли... Бандитизм! — заорал он и вдруг затих, и глаза его снова сделались, как у статуи.

Вообще, я ему очень сочувствовал. Жил-был человек, ничего такого не делал, был комендантом рабочего общежития, достиг успехов, и вдруг вызвали его и перевели с повышением: комендантом колонии Необъяснимых Явлений. Будь он помоложе, поначитанней, он, возможно, и прижился бы там, на мой взгляд там было очень интересно, но комендант был не таков, комендант был служака, и к тому же человек повышенной брезгливости. И я охотно верил, что он погибает. Но я-то что мог сделать?

— Ну хорошо, товарищ Зубо,— сказал я примирительно.— Ну давайте посоветуемся. Ну чем я могу помочь?

---

[1] Позже вставлено: «Опять же отложат до выяснения...» — *С. Б.*

— Вы научный консультант,— сказал комендант задушенным голосом.— Вы как сформулируете, так всё и будет. Ну написали бы... Космический, мол, пришелец с планеты... Знаете вы какие-нибудь планеты?

— Марс,— сказал я.

— Нет, Марс, говорят, близко очень, еще обнаружится. Какие-нибудь такие планеты знаете? Особой удаленности, куда еще не скоро доберутся. Ну, все равно. Космический, значит, пришелец, представляет огромный интерес для науки и, следовательно, для народного хозяйства. Опытом поделиться может или, скажем, пустыни орошать. Вам что — авторучкой только шевельнуть, а мне облегчение: одну глисту с плеч долой. Невозможно же, две недели заседаем, а Вунюков только один вечный двигатель принял, да и то, по-моему, по блату, видел я, как этот изобретатель с Фарфуркисом шептался...

Я хотел ему сказать, что именно этот случай с вечным двигателем и демонстрирует мою беспомощность, потому что именно я требовал гнать изобретателя в три шеи, но тут заявилась Тройка в полном составе — все четверо.

Лавр Федотович Вунюков, ни на кого не глядя, проследовал на председательское место, сел, водрузил перед собой огромный портфель, с лязгом распахнул его и принялся выкладывать на зеленое сукно предметы, необходимые для успешного председательствования: роскошный бювар крокодиловой кожи, набор шариковых авторучек в сафьяновом чехле[1], коробку «Герцеговины Флор», зажигалку в виде Триумфальной арки и театральный бинокль. Отставной полковник мотокавалерии, брякнув медалями, устроился справа от него, высоко задрал седые брови и, придав таким образом своему лицу выражение бесконечного изумления и неодобрения, мирно заснул. Рудольф же Архипович Хлебоедов, еще более пожелтевший и усохший за минувшие три часа, сел ошую Лавра Федотовича и принялся

[1] В то время шариковые ручки были предметом весьма престижным: они только-только вышли из состояния глухого дефицита. Их дарили, перезаряжали стержни пастой через пишущий узел, а над канцелярским ларьком в Главном здании МГУ висело гордое объявление: «Шариковые ручки».— *В. Д.*

немедленно что-то шептать ему в ухо, бегая воспаленными, с желтизной глазами по углам комнаты. Фарфуркис устроился на жестком стуле напротив коменданта, вынул толстую дряхлую записную книжку и сразу же сделал в ней пометку.

— Гр-р-р-м! — произнес Лавр Федотович и оглядел нас всех взглядом, проникающим сквозь стены и читающим в сердцах. Все были готовы: полковник дремал, Хлебоедов нашептывал, Фарфуркис сделал вторую заметку, комендант товарищ Зубо, похожий на ученика перед опросом, судорожно листал страницы дела, а я, пробуя карандаш, изобразил на чистой странице первый сверхчеловеческий профиль.

— Вечернее заседание Тройки объявляю открытым,— сказал Лавр Федотович.— Следующий! Докладывайте, товарищ Зубо.

Комендант вскочил и, держа перед собой раскрытую папку, начал было высоким голосом: «Машкин Эдельвейс Захарович...», но его тут же перебил Фарфуркис.

— Протестую! — крикнул он, обращаясь к Лавру Федотовичу.— Где порядковый номер дела? Почему не назван пункт?

Лавр Федотович взял бинокль и некоторое время смотрел на коменданта.

— Правильное обобщение, верное,— сказал он.— Огласите.

Комендант с бумажным шорохом облизнул сухим языком сухие губы и упавшим голосом начал снова:

— Дело номер сорок второе. Фамилия: Машкин. Имя: Эдельвейс. Отчество: Захарович...

— С каких это пор он Машкиным заделался? — брюзгливо спросил Хлебоедов.— Бабкин, а не Машкин. Бабкин Эдельвейс Петрович. Я с ним работал в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году в комитете по молочному делу. Эдик Бабкин, и, кстати, никакой он не Эдельвейс, а Эдуард. Эдуард Петрович Бабкин...

Лавр Федотович медленно повернул к нему каменное лицо.

— Бабкин? — сказал он.— Не помню. Продолжайте,— сказал он коменданту.

— Отчество: Захарович,— болезненно улыбаясь, повторил комендант.— Год и место рождения: тысяча девятьсот двадцать девятый[1], город Смоленск. Национальность...

---

[1] Позже исправлено на «тысяча девятьсот первый».— *С. Б.*

— Э-дуль-вейс или Э-доль-вейс? — спросил Фарфуркис.

— Э-дель-вейс,— сказал комендант.

— Дивизия СС «Эдельвейс»,— прошамкал сквозь дрему полковник.

— Национальность: белорус,— сказал комендант.— Образование: высшее, Ленинградский политехнический институт[1]. Знание иностранных языков: английский[2] — свободно, немецкий и французский[3] — со словарем. Место работы...

Хлебоедов вдруг звонко шлепнул себя по лбу.

— Да нет же! — закричал он.— Он же помер!

— Кто помер? — деревянным голосом спросил Лавр Федотович.

— Да этот Бабкин! Я же абсолютно точно помню. В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году помер от инфаркта. Пришел, знаете, утром в свой кабинет, сел, вздохнул и умер. Так что тут какая-то путаница.

Лавр Федотович поглядел на коменданта.

— У вас отражен факт смерти? — спросил он.

— Да какой же смерти? — пролепетал комендант.— Да почему же смерти? Живой он, в коридоре дожидается...

— Одну минуточку,— вмешался Фарфуркис.— Вы разрешите, Лавр Федотович? Кто дожидается в коридоре? Только точно. Фамилия, имя, отчество.

— Бабкин! — с отчаянием сказал комендант.— То есть Машкин. Машкин дожидается, Эдельвейс Захарович.

— Понимаю,— сказал Фарфуркис.— А где Бабкин?

— Бабкин помер,— сказал Хлебоедов.— Это я вам точно могу сказать. В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом. Правда, у него сын был. Тоже Бабкин. Пашка, по-моему. Значит, Павел Эдуардович. Я его недавно встречал. Кажется, он сейчас заведует магазином текстильного лоскута в Голицыне. Толковый работяга, но, кажется, не Павел все-таки...

---

[1] Позже исправлено на «неполное среднее общее, неполное среднее техническое».— *С. Б.*

[2] Позже «английский» исправлено на «русский».— *С. Б.*

[3] Позже «немецкий и французский» исправлено на «украинский и белорусский».— *С. Б.*

Я налил стакан воды и передал коменданту. В наступившей тишине было слышно, как комендант гулко глотает. Лавр Федотович размял и продул папиросу.

— Никто не забыт и ничто не забыто,— произнес он.— Это хорошо. Александр Иванович, я попрошу вас занести в протокол и в констатирующую часть резолюции, что Тройка считает полезным принять меры к отысканию сына Бабкина Эдуарда Петровича на предмет выяснения его имени. Нам[1] не нужны безымянные герои. У нас их нет.

Я кивнул и нарисовал еще один профиль, совсем уже сверхчеловеческий.

— Вы напились? — осведомился Лавр Федотович, разглядывая несчастного коменданта в бинокль.— Тогда продолжайте докладывать.

— Был[2] ли за границей,— нетвердым голосом прочел комендант.— Не был. Краткая сущность необычности, в скобках — новизны: эвристическая машина, то есть электронно-механическое устройство для решения инженерных, научных, социологических и иных проблем. Ближайшие родственники: сирота, братьев и сестер нет.

— Позвольте,— сказал Фарфуркис.— А отец, а мать?

— Сирота,— проникновенно пояснил комендант.

— И всегда был сирота? Смешно. Я протестую.

— Он в детдоме[3] воспитывался,— сказал комендант.

— Откуда это следует?

— Ну, он мне рассказывал.

— Прошу занести в протокол,— торжественно сказал Фарфуркис.— Комендант оперирует недокументированными данными.

Я изобразил еще один профиль.

— Адрес постоянного местожительства,— прочитал комендант.— Новосибирск, улица Щукинская, 23, квартира 88. Все.

— Все? — переспросил Лавр Федотович.

---

[1] Позже «Нам» заменено на «Народу».— *С. Б.*

[2] Перед «Был» позже вставлено: «Профессия и место работы в настоящее время: изобретатель-пенсионер».— *С. Б.*

[2] Позже «в детдоме» исправлено на «в приюте».— *С. Б.*

— Все ли? — саркастически осведомился Фарфуркис.

— Все,— решительно сказал комендант и вытер со лба пот.

— Какие будут предложения? — спросил Лавр Федотович, приспустив тяжелые веки.

— Па-а машинам! — ожил вдруг полковник, не просыпаясь.— Пики перёд себя! Заводи! Рысью... арш-а-а-арш!

Мне все это очень понравилось, и я занес слова полковника в протокол, но больше никто на него внимания не обратил.

— Я бы предложил впустить,— сказал Хлебоедов.— А вдруг это Пашка?

— Других предложений нет? — спросил Лавр Федотович. Он пошарил на столе, ища кнопку, не нашел и сказал коменданту: — Пусть войдет, товарищ Зубо.

Комендант опрометью кинулся к двери, высунулся и вернулся, пятясь, на свое место. Следом за ним, перекосившись набок под тяжестью огромного черного футляра, вкатился небольшой старичок в толстовке и в военных галифе с оранжевым кантом. По дороге к столу он несколько раз пытался прекратить движение и с достоинством поклониться, но футляр, обладавший, по-видимому, чудовищной инерцией, неумолимо нес его вперед, и, может быть, не обошлось бы без жертв, если бы я не подхватил старичка в полуметре от затрепетавшего уже Фарфуркиса. Я сразу узнал этого старичка — он уже бывал в нашем институте, и во многих других институтах он тоже бывал, а один раз я видел его в приемной заместителя министра тяжелого машиностроения, терпеливого, чистенького и пылающего энтузиазмом. Старичок был неплохой, безвредный, и, в конце концов, не всем же совершать великие открытия. Я забрал у него тяжеленный футляр и водрузил его на демонстрационный столик. Освобожденный наконец старичок поклонился и сказал дребезжащим голосом:

— Мое почтение. Машкин Эдельвейс Захарович, изобретатель.

— Не он,— сказал Хлебоедов вполголоса.— Надо полагать, совсем другой Бабкин.

— Да-да,— согласился старичок, улыбаясь.— Принес вот на суд общественности. Готов демонстрировать, ежели будет на то ваше желание.

Внимательно разглядывавший его Лавр Федотович отложил бинокль и медленно наклонил голову. Старичок засуетился. Он снял с футляра крышку, под которой оказалась старинная громоздкая пишущая машинка, вынул из кармана моток провода, воткнул один конец куда-то в недра машинки, огляделся в поисках розетки и, обнаружив, размотал провод и воткнул вилку.

— Вот, изволите видеть, так называемая эвристическая машина,— сказал старичок.— Точный электронно-механический прибор, служащий для ответов на любые вопросы, в том числе научные и хозяйственные. Как она у меня работает? Не имея достаточных средств и будучи отфутболиваем различными бюрократическими организациями, она у меня не полностью пока автоматизирована. Вопросы задаются устно, и я их печатаю и ввожу таким образом к ней внутрь, довожу, так сказать, до ее сведения. Ответы ее, опять же в силу неполной автоматизации, печатаю тоже я. В некотором роде посредник, хе-хе. Так что, если угодно, пожалуйста.

Он встал за машинку и шикарным жестом щелкнул тумблером. Внутри машины загорелась неоновая лампочка.

— Прошу вас,— сказал старичок.

— А что это там за лампа? — подозрительно спросил Фарфуркис.

Старичок ударил по клавишам, потом быстро вырвал из машинки листок бумаги и рысцой поднес его Фарфуркису. Фарфуркис прочитал вслух:

— Вопрос: что у нея... гм... у нея внутре за лэпэчэ... Лэпэчэ... Кэпэдэ, наверное? Что это за лэпэчэ?

— Лампочка, значит,— хихикнул старичок, потирая руки.— Кодируем помаленьку.— Он вырвал у Фарфуркиса листок и побежал обратно к своей машине.— Это, значит, был вопрос,— произнес он, загоняя листок под валик.— А сейчас посмотрим, что она ответит.

Члены комиссии, за исключением полковника, с интересом следили за его действиями. Старичок бодро простучал по клавишам и снова выдернул листок.

— Вот, извольте, ответ.

Фарфуркис прочитал:

— У мене внутре... гм... не... неонка. Гм. Что это такое — неонка?

— Одну минуточку! — сказал старик, выхватил у него листок и снова побежал к машинке.

Дело пошло. Машина дала безграмотное объяснение, что такое неонка, затем она ответила Фарфуркису, что пишет «внутре» согласно правил грамматики, а затем...

Фарфуркис: Какой такой грамматики?

Машина: А нашей русской грамматики.

Хлебоедов: Известен ли вам Бабкин Эдуард Петрович?

Машина: Никак нет.

Лавр Федотович: Гррм... Какие будут предложения?

Машина: Признать мене за научный факт.

Старичок бегал и печатал с неимоверной быстротой. Комендант восторженно подпрыгивал на стуле и показывал мне большой палец.

Хлебоедов (раздраженно): Я в таких условиях работать не могу. Ну что он взад-вперед мотается?

Машина: Ввиду стремления.

Хлебоедов: Да уберите вы от меня ваш листок! Я вас ни про чего не спрашиваю, вы можете это понять?

Машина: Так точно, могу.

До всех наконец дошло, что если они хотят кончить когда-нибудь сегодняшнее заседание, надо воздержаться от вопросов, в том числе и от риторических. Наступила тишина. Старичок, который основательно умаялся, присел на краешек кресла и, часто дыша полуоткрытым ртом, вытирался платочком.

— Есть предложение,— тщательно подбирая слова, сказал Фарфуркис.— Пусть научный консультант произведет осмотр и экспертизу.

Лавр Федотович поглядел на меня в бинокль и кивнул.

— Обязанности секретаря,— произнес он,— временно возлагаются на товарища Фарфуркиса.

Я неохотно встал и подошел к машине. Старичок приветливо мне улыбнулся.

— Та-ак,— сказал я.— Имеет место пишущая машинка «ремингтон» выпуска тысяча восемьсот девяносто пятого года, в сравнительно хорошем состоянии. Шрифт дореволюционный,

тоже в хорошем состоянии.— Я поймал умоляющий взгляд коменданта, вздохнул и пощелкал тумблером.— Короче говоря, ничего нового печатающая конструкция не содержит, содержит только очень старое...

— Внутре...— прошелестел старичок.— Внутре смотрите, где у нее анализатор и думатель...

— Анализатор,— сказал я.— Серийный выпрямитель, тоже старинный, неоновая лампочка обыкновенная, по-моему, из лифта вывернута. Тумблер. Хороший. Та-ак... Еще имеет место шнур. Очень хороший шнур, новый... Вот, пожалуй, и все.

— А вывод? — живо осведомился Фарфуркис.

Комендант молитвенно сложил руки. Я кивнул ему — в том смысле, мол, что будет сделано.

— Вывод,— сказал я.— Описанная машинка «ремингтон» в соединении с выпрямителем, неоновой лампочкой, тумблером и шнуром необъясненным явлением признана быть не может.

— А я? — вскричал старичок.

Я посмотрел на него с сочувствием и развел руками.

— Какие будут вопросы к консультанту? — осведомился Лавр Федотович.

Уловив вопросительную интонацию, старичок взвился и рванулся было к своей машине, но я удержал его, обхватив за талию.

— Правильно,— сказал Фарфуркис,— держите его, а то работать невозможно. Какой-то вечер вопросов и ответов...

— Да-да,— подхватил Хлебоедов, а старичок все бился и рвался у меня из рук, так что я ощущал себя жандармом.— И вообще выключите ее пока, нечего ей подслушивать.

Высвободив одну руку, я щелкнул тумблером, лампочка погасла, и старичок затих.

— А вот все-таки у меня есть вопрос,— сказал Хлебоедов.— Как же это она все-таки отвечает?

Я обалдело воззрился на него. На лице коменданта выразилось отчаяние.

— Выпрямители там, шнуры разные, это нам товарищ научный консультант все хорошо объяснил. Одного он нам не объяснил: фактов он нам не объяснил. А непреложным фактом является, что когда задаешь ей вопрос, то получаешь от-

вет. И даже когда не ей задаешь вопрос, все равно получаешь ответ. Что же говорит по этому поводу наука?

Наука в моем лице потеряла дар речи. Хлебоедов меня сразил. Зато старичок отреагировал немедленно.

— Высокие достижения нейтронной мегалоплазмы! — провозгласил он.— Ротор поля, подобно дивергенции, градуируется вдоль спина и обращает материю вопроса в спиритуально-электрические вихри, из коих и возникает синекдоха ответа!..

У меня потемнело в глазах, рот наполнился горькой слюной и заболели зубы, а проклятый старикашка все говорил и говорил, и речь его была гладкой и плавной, это была хорошо составленная, отлично отрепетированная и многажды произнесенная речь, в которой каждый оборот, каждая интонация были преисполнены эмоционального содержания, эта речь была настоящим произведением искусства, и как всякое настоящее искусство она была беспредельно убедительной, и как всякое произведение настоящего искусства она облагораживала слушателя, делала его умнее и значительнее, преображала его и поднимала на несколько ступенек выше. Старик не был изобретателем, старик был художником, гениальным оратором, достойным учеником Демосфена, Кикерона[1], Иоанна Златоуста... Шатаясь, я отступил в сторону и прислонился лбом к холодной стене.

Тройка внимательно слушала. Слушал седой полковник, пристально глядя из-под клочковатых бровей, и в полусумраке торжественно и грозно блестело золотое шитье его мундира и отсвечивали тяжелые гроздья орденов. Слушал Лавр Федотович, опустив на руки мощный череп, сутуля широкие плечи, обтянутые черным бархатом мантии. А Хлебоедов слушал, весь подавшись вперед, весь собравшись в хищном напряжении, стиснув подлокотники большими белыми руками, прижав гру-

---

[1] Жаль, что в основном тексте, в обоих его вариантах, это исправлено на стандартное «Цицерон». Фамилия Марка Туллия Цицерона (Cicero), древнеримского оратора и политического деятеля, произносилась именно со звуком «к»: смягчение (ассибиляция) латинской согласной С началось уже в послеантичную эпоху. Так что через «к» значительно пафосней.— *В. Д.*

дью к столу массивную платиновую цепь. А Фарфуркис слушал задумчиво, откинувшись на спинку кресла, уставив неподвижный взгляд в низкий сводчатый потолок.

Старик уже давно кончил, но все оставались неподвижны, словно вслушиваясь в глубокую средневековую тишину, черным бархатом повисшую под скользкими сводами. Потом Лавр Федотович поднял голову и встал.

— По закону и по всем правилам я должен был бы говорить последним,— начал он.— Но бывают случаи, когда законы и правила оборачиваются против своих адептов, и тогда приходится отбрасывать их. Я начинаю говорить первым, потому что мы имеем дело как раз с таким случаем. Я начинаю говорить первым, потому что не могу ждать и молчать. Я начинаю говорить первым, потому что не ожидаю и не потерплю никаких возражений.

Теперь слушал старик, неподвижный, как черная статуя, рядом со своим Големом, рядом со своим чудовищным железным Оракулом, во чреве которого медленно возгорались и гасли угрюмые огни.

— Мы — гардианы науки, мы — ворота в ее храм, мы — беспристрастные фильтры, оберегающие науку от фальши, от легкомыслия, от заблуждений. Мы охраняем посевы знаний от плевел невежества и ложной мудрости. И пока мы делаем это, мы не люди, мы не знаем снисхождения, жалости, лицеприятия. Для нас существует только одно мерило: истина. Истина отдельна от добра и зла, истина отдельна от человека и человечества, однако только до тех пор, пока существует добро и зло, пока существуют человек и человечество. Нет человечества — к чему истина? Никто не ищет знаний, значит — нет человечества, и к чему истина? Есть ответы на все вопросы, значит, не надо искать знаний, значит, нет человечества, и к чему тогда истина? Когда поэт сказал: «И на ответы нет вопросов», он описал самое страшное состояние человеческого общества — конечное его состояние. Этот человек, стоящий перед нами,— гений. В нем воплощено и через него выражено конечное состояние человечества. Он убийца, ибо он убивает дух. Он страшный убийца, ибо он убивает дух всего человечества. И потому больше не можно нам оставаться беспристрастными

фильтрами, и должно нам вспомнить, что мы люди, и как людям должно нам защищаться от убийцы. И не обсуждать должно нам, а судить, но нет законов для такого суда, и потому должно нам не судить, а беспощадно карать, как карают охваченные ужасом. И я, старший здесь, нарушая законы и правила, первый говорю: смерть.

— Смерть человеку и распыление машине,— хрипло сказал полковник.

— Смерть человеку...— медленно и как бы с сожалением проговорил Хлебоедов.— Распыление машине и забвение всему этому казусу.— Он прикрыл глаза рукой.

Фарфуркис выпрямился в кресле, глаза его были зажмурены, толстые губы дрожали. Он открыл было рот и поднял сжатый кулачок, но вдруг помотал головой и капризно произнес:

— Ну, товарищи, ну куда это мы с вами заехали, в самом деле?

— Гррrм,— произнес Лавр Федотович и сел.

Хлебоедов, смутно видимый в сгустившихся сумерках, сунулся носом в большой клетчатый платок и проговорил невнятно:

— Свет зажечь, что ли, пора?

Комендант сорвался с места и включил свет. Все зажмурились, а мотокавалерийский полковник оглушительно чихнул и проснулся.

— Как? — произнес он дребезжащим голосом.— Уже? Я за то, чтобы это... отставить, отставить. Хлопот много, а боевой эффект ничтожен. Это ничего не решает. Мотокавалерия все решает. Так что... это... отставить.

— Гррrм,— сказал Лавр Федотович и уставился мертвым взглядом на «ремингтон».— Выражая общее мнение, постановляю: данное дело отложить до выяснения ряда обстоятельств.

Комендант всхлипнул, а поникший было старичок воспрянул.

— Товарищи,— сказал я.— Изобретения никакого не существует. Просто нет изобретения. Ни обстоятельств нет, ни изобретения, ничего нет. Заблуждение это. Фальшь. Плевел.

— Александр Иванович,— сказал Вунюков, глядя на меня и одновременно как бы не глядя.— Я уже выразил общее мнение.

Комендант бессильно осел на своем стуле, а старикашка показал мне длинный обложенный язык и принялся споро упаковывать свою машину.

— Справочку только извольте,— бодро приговаривал он.— Без справочки, сами знаете... Что мы такое без справочки? Дым один...

Комендант нетвердой рукой выписал ему справку, члены Тройки подмахнули ее, а Фарфуркис прихлопнул печатью. Старичок сообщил коменданту, что впредь довольствие он будет получать сухим пайком, поклонился присутствующим в пояс и, увлекаемый тяжестью своей машины, понесся к двери. Вероятно, у меня был весьма мрачный вид, потому что Фарфуркис вдруг хихикнул и, показав на меня пальцем, сообщил:

— Консультант-то наш... недоволен консультант!

— И напрасно,— сказал Хлебоедов убедительно.— Еще очень многое надо об этом деле выяснить. На вопросы-то машина все-таки отвечает... И потом, может быть, он все-таки родственник Бабкину. Я уж не говорю о том, что старичок — фигура интересная, самобытная, нельзя такими старичками бросаться...

— Народ не позволит нам бросаться старичками,— каменно сказал Лавр Федотович, словно бы ставя тяжкую точку на обсуждении.— И будет, как всегда, прав.

— Поехали дальше? — спросил Хлебоедов, потирая руки.

— Протестую,— сказал Фарфуркис.— Согласно инструкции мы должны установить время следующего пересмотра, хотя бы приблизительное, но с точностью не меньше месяца.

Поговорили, поспорили. Хлебоедов предлагал середину августа, Фарфуркис сомневался, чтобы к середине августа все обстоятельства были выяснены, а полковник отдал приказ взять повод и включить третью скорость. Несколько опомнившийся комендант настаивал на следующей неделе. Он дрался как лев, но Лавр Федотович, тщательно изучив его в бинокль и обнаружив, по-видимому, какие-то несообразности, сослался на мнение народа и утвердил пересмотр на конец ноября. Я рисовал профили и с радостью думал, что уж в конце ноября меня здесь наверняка не будет.

— Продолжаем вечернее заседание Тройки,— провозгласил наконец Лавр Федотович.— Следующий! Доложите, товарищ Зубо.

Комендант медленно поднялся, раскрыл папку и начал читать погасшим голосом:

— Дело номер шестьдесят четвертое. Пункт первый, фамилия...

— Постойте,— сказал Фарфуркис.— Почему шестьдесят четвертое? Должно быть семьдесят второе.

— Согласно протоколу,— устало сказал комендант.

— Согласно какому протоколу?

— Согласно протоколу вчерашнего вечернего заседания. Вот протокол.

Фарфуркис ознакомился с протоколом и сделал несколько пометок в своей записной книжке.

— Продолжайте, товарищ Зубо,— сказал Лавр Федотович.

— Фамилия: не установлена. Имя: не установлено. Отчество: не установлено...

— Протестую,— сказал Фарфуркис.— Это незаконно. Что значит — не установлено? Надо установить! Милицию вызвать, если потребуется!

— Запирается, сволочь,— сказал Хлебоедов кровожадно.

— Это пришелец,— вяло сказал комендант.— У них не всегда есть.

— Я категорически протестую! — закричал Фарфуркис, бешено перелистывая свою книжку.— В инструкции сказано абсолютно четко. Параграф шестой главы четвертой части второй... Вот! «В случае, если необъясненное явление представляет собой живое существо, но по тем или иным причинам собственное имя его не может быть установлено, надлежит в целях удобства регистрации и идентифицирования придать ему фамилию, имя и отчество по выбору и утверждению Тройки. Примечание. Во избежание имперсонаций, злоупотреблений и диффамаций категорически запрещается присваивать указанным живым существам имена широко известных деятелей истории, литературы и искусства. Примерный список имен см. приложение № 19». Вы что, никогда не читали инструкцию?

— Не читал,— сказал комендант, понемногу распаляясь.— Это же не мне инструкция, это вам инструкция. Мне ее и в руки не дают. А у меня вот приложение к анкете есть... Вечно вы не

дослушаете. Вот приложение: «Краткое описание дела номер шестьдесят четвертого».

— Какое там еще описание? — сказал Фарфуркис, но вид имел явно смущенный и вновь листал книжку.

— Сами же на прошлом заседании велели: если нет у человека ФИО, пусть будет хоть описание. Александр Иванович вчера и составил. Говорят, говорят, и сами не знают, что говорят...

— Затруднение? — мертвым голосом осведомился Лавр Федотович.— Устраните, товарищ Фарфуркис.

— Да, действительно,— признался Фарфуркис.— Я несколько поторопился с протестом. Дело в том, что я исходил из параграфа шестого, в то время как рассматриваемое дело подпадает под параграф седьмой той же главы, где говорится: «В случае, если необъясненное явление представляет собой субстанцию, лишь с некоторой долей неопределенности могущую быть названной живым существом, то есть если сам факт идентификации необъясненного явления как живого существа представляет для Тройки какие-либо затруднения...» — вот тогда, товарищи, действительно надлежит именовать такое явление по номеру дела и прилагать к анкете краткое описание. Я снимаю свой протест.

— Устранили? — осведомился Лавр Федотович.— Продолжайте, товарищ Зубо.

— А что продолжать? — спросил Зубо.— Пункт четвертый продолжать или сначала описание?

— Какая нам разница? — опрометчиво сказал Хлебоедов и тут же испугался и полез за чем-то под стол. Фарфуркис листал книжку в поисках указаний, но указаний, по-видимому, не было. Я поглядел на Лавра Федотовича и ощутил себя потрясенным. Лавр Федотович возвышался над всеми нами как некая скала. Страшно было подумать, какая бешеная работа мысли кипела сейчас за ледяным фасадом его спокойствия и невозмутимости. Это было не напускное спокойствие и не фальшивая невозмутимость. Это была беспредельная убежденность в том, что он один несет ответственность за все, убежденность, выкованная и отшлифованная десятилетиями работы на ответственных должностях.

— В инструкции нет соответствующих указаний,— обреченным голосом произнес Фарфуркис. Это звучало как: медицина бессильна, остается надеяться только на чудо. И чудо свершилось.

— Доложите описание,— просто сказал Лавр Федотович.

И все ожило. Фарфуркис принялся делать пометки, Хлебоедов вылез из-под стола, и даже спящий полковник вышел из некоторого инстинктивного оцепенения и позволил себе два раза всхрапнуть, но таким, однако же, образом, что произведенные им звуки могли быть при желании истолкованы как одобрительное ворчание.

— Описание дела номер шестьдесят четвертого,— прочитал комендант.— Дело номер шестьдесят четыре представляет собой бурую тестообразную субстанцию объемом около десяти литров и весом в шестнадцать килограммов. Запаха не имеет, вкус неизвестен. Принимает форму сосуда, в который помещена. На гладкой поверхности принимает форму круглой лепешки толщиной до двух сантиметров. Признаки жизни: слабая реакция на раздражение электрическим током и на посыпание солью; легко усваивает углеводы (сахарный песок); со временем не портится. По-видимому, способна восстанавливать изъятые из нее массы.— Комендант отложил приложение и вернулся к анкете.— Пункт четвертый, год и место рождения: не установлены, вероятно, не на Земле...

— Вероятно,— саркастически сказал Фарфуркис.— Это вы нам потом все обоснуете! — сказал он мне, погрозив пальцем.

— Национальность,— повысив голос, продолжал комендант.— Вероятно, пришелец. Образование: вероятно, высшее. Знание иностранных языков: не обнаруживает. Место работы: вероятно, пилот космического корабля. Был ли за границей: возможно.

— То есть как? — вскинулся Хлебоедов.— То есть как это «возможно»?

— А так,— сказал комендант.— Откуда я знаю? Может, он из Швеции к нам прибыл, он же не говорит.

— Занесите-ка в протокол на всякий случай,— сказал Хлебоедов.— По-моему, бдительность у вас не на высоте. Так и запишите: Хлебоедов, мол, напоминает коменданту о бдительности.

— Краткая сущность необычности,— продолжал комендант.— Неизвестное существо (возможно, вещество) с неизвестной планеты (возможно, не с планеты)...— комендант укоризненно посмотрел на меня поверх анкеты,— ...невыясненного химического состава и с принципиально неопределяемым уровнем интеллекта. Данные о ближайших родственниках отсутствуют, адрес постоянного местожительства неизвестен. Все.

— Ничего себе «все»! — сказал Хлебоедов, желчно похохатывая.— Это был я директором конного парка номер два погрузоразгрузочной конторы, как сейчас помню, номер девять, в одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году, и приходит ко мне один мерин. Я, говорит, мерин. Документов нет. Языков не знает, имя тоже неизвестно. И я его, понимаешь, по неопытности принял, чего там, думаю, пусть, мерин ведь. А он через неделю жеребенка приносит — раз! Смывается без следа — два! И еще пять мешков овса как корова языком слизнула. Вот так вот. А вы говорите — «неизвестно», там, «возможно», «не обнаружено»... Как дети, ей-богу!

— Да, да,— сказал решительно Фарфуркис.— Я тоже неудовлетворен. Это не работа, знаете ли. Мы не юннаты, мы ответственность несем, наша обязанность — рассматривать объекты необъясненные, а вы же нам, товарищ Зубо, подсовываете объект неизвестный. Согласно же инструкции метод работы с неизвестными объектами должен быть совершенно иным, поскольку неизвестный объект может, в частности, оказаться взрывчатым, ядоопасным или, скажем, самовозгорающимся. Я категорически против.

Все взгляды устремились на Лавра Федотовича. Лавр Федотович долго молчал, опустив веки и дымя «Герцеговиной Флор». Затем он произнес:

— Народ.

— Да, да,— подхватил Фарфуркис.— Вот именно!

Но Лавр Федотович словно не слышал этого восклицания. Он поднял к глазам бинокль и несколько минут рассматривал меня и коменданта по очереди.

— Народ! — повторил он наконец, опуская бинокль.— Народ ждет от нас подвига. Пусть дело войдет, товарищ Зубо.

Комендант засеменил к двери, а Лавр Федотович достал из портфеля противогазовую маску и положил рядом с собой. Комендант быстро вернулся, держа обеими руками большую стеклянную банку с делом номер шестьдесят четыре. Лицо у него было отчаянное, и я его сразу понял. Во-первых, банка была из-под соленых огурцов, максимум на пять литров, и куда девались остальные пять литров пришельца — было непонятно. Во-вторых, дело номер шестьдесят четыре было отчетливо синее, а не бурое, как вчера, когда я составлял описание. На кой черт он перелил его в банку? — лихорадочно соображал я. Ведь оно было в таком удобном контейнере... И где его вторая половина? Ну, сейчас начнется. И началось.

Комендант еще не поставил банку на демонстрационный столик, как Фарфуркис отчаянно вскрикнул, схватил с комендантского стола описание и впился в него глазами.

— Бурая! — закричал он.— Бурая! Что вы нам демонстрируете, товарищ Зубо? Почему синяя, когда бурая? Лавр Федотович! Синяя, а не бурая! А по описанию бурая, а не синяя!

Бедный комендант бил себя в грудь кулаками и клялся, что еще днем была бурая, не знает он, почему она посинела, сама она посинела, он ее не красил и не подменял; Хлебоедов требовал акта и все поминал обманщика-мерина; Фарфуркис грозил судом, обвинял в подлоге и в попытке ввести в заблуждение ответственную комиссию; Лавр Федотович молча сидел в противогазе, время от времени отдирая пальцем край маски, чтобы подышать; а полковник проснулся и, как петух на насесте, что-то неразборчиво выкрикивал, ошалело крутя головой и всплескивая ручками. Потом все утомились и замолкли, только комендант из последних сил хрипел истово: «Иисусом Христом нашим... сыном божьим... матерью его, пречистой девой Марией клянусь... не красил!..» Наконец затих и он. В образовавшейся паузе, словно из пещеры Лейхтвейса, глухо прогудел голос Лавра Федотовича:

— Затруднение? Товарищ Фарфуркис, устранить.

Фарфуркис встал и произнес речь, из которой следовало, что подобные случаи предусмотрены инструкцией, а именно семьдесят девятым параграфом шестой ее главы пятой части, где говорится черным по белому, что в случае изменения

внешнего вида или даже внутренней структуры необъясненного явления надлежит составить акт по форме номер шестьсот тринадцать дробь двенадцать. Он продемонстрировал Лавру Федотовичу форму и с его согласия принялся было составлять акт, но тут обнаружилось, что при составлении акта исходным материалом должны служить: а) необъясненное явление в его настоящем виде и б) цветная его фотография (кинолента) в первоначальном виде. Поскольку запуганный комендант пребывал в полуобморочном состоянии, Фарфуркис сам полез в дело за фотографией (кинолентой) и немедленно обнаружил, что фотографии (киноленты) в деле нет.

— Где фотография? — жутким голосом спросил он, таким жутким, что комендант очнулся.— Где две цветные фотографии дела номер шестьдесят четыре размером шесть на двенадцать?

Комендант слабо шевелил губами.

— Да он преступник! — сказал Фарфуркис безмерно удивленным тоном.

— Нет,— сказал комендант.

— Халатность и саботаж,— сказал Фарфуркис, с отвращением глядя на него.

— Нет! — сказал комендант.— Иисусом Христом... двенадцатью святыми апостолами...

— Гнойный прыщ на лике местной администрации,— сказал Фарфуркис.

— Да нет же! — заорал комендант.— Я-то здесь при чем? Это Рабиновичев! Это же не я! Это он отказался!

— То есть как отказался?

— Я ему говорю: фотографируй. А он не хочет. Фотографируй, говорю. Нет, не фотографирует! А он мне не подчиняется, он вам подчиняется... У меня и допуска нет...

— Рабиновичева ко мне,— глухо прогудел Лавр Федотович.

Комендант выбежал из комнаты.

— Не нравится мне этот Зубо,— сказал Фарфуркис.— Этакая скользкая личность.

Тут Хлебоедов, который давно уже сидел с отрешенным видом, уставившись на банку с посиневшим делом, вдруг поднялся, подошел к демонстрационному столику и обошел его кру-

гом. Погиб комендант, подумал я. И точно: Хлебоедов взял банку в руки и покачал, взвешивая на ладони.

— А ведь не будет здесь пуда,— сказал он.— Здесь, если хотите знать, и полпуда нет. То-то же я смотрю, что в описании сказано — десять литров, а банка мне хорошо знакомая, пятилитровая. Знаю я эти банки, всегда из них закусываю... А вот, тут и этикетка есть... «Огурцы соленые... Емкость пять литров». Вы чувствуете, на что я намекаю? Чувствуете?

Лавр Федотович содрал с лица противогаз и поднял к глазам бинокль. Фарфуркис листал свою книжку, а я думал, что теперь будет с комендантом: просто ли перевод с понижением или приклеят ему уголовщину. Жалко мне было коменданта, хороший он был человек, но дурак.

— И ведь еще ничего неизвестно,— сказал Хлебоедов, сосредоточенно нюхая дело.— Он еще, может быть, водой разбавил. И вообще это может быть вода. Набросал туда синьки для крепости и думает, что дело в шляпе...

Дверь распахнулась, и в комнату ввалился, нагнув голову, длинный и тощий Симеон Рабиновичев, держа руки в карманах. Прямо с порога он затянул, глядя в нижний дальний угол комнаты: «Ну чего еще?.. Ну чего придираетесь?.. Ну чего еще я не угодил?» Однако на него не обратили внимания. Все взгляды со зловещим выражением устремились на бледного коменданта, который выдвинулся из-за спины Рабиновичева и тоже прямо с порога заныл: «Вот он пускай и отвечает, а я что... У меня и допуска нет...»

— Товарищ Зубо,— ровным голосом сказал Лавр Федотович, и все затихли.— Надлежит вам представить недостающие пять литров дела. Срок четыре минуты.

Я подскочил к коменданту, подхватил его под мышки и выволок в приемную, где уложил на деревянную скамью, модных очертаний, для посетителей. Комендант был теперь белее мрамора, глаза его были закачены, дыхание едва ощущалось. Я подложил ему под голову свою куртку, расстегнул ему воротник косоворотки и похлопал по щекам, дуя в лицо. Это не произвело на несчастного никакого впечатления, но мне было ясно, что он не умирает, и я, оставив его, заглянул в комнату заседаний. Мне было очень интересно, как выкрутится Рабиновичев.

А Рабиновичев выкручивался с блеском. Он загнал Хлебоедова и Фарфуркиса в угол, навис над ними всеми своими двумя баскетбольными метрами и орал:

— Я параграф девяносто четвертый знаю получше вашего! Я на нем крокодила съел! Собакой закусил! Там сказано: анфас! Понимаете по-русски? Ан-фас! Покажите мне его анфас, я целый день снимать буду! Где у него анфас? Где? Ну где? Ну чего же молчите? Я самого господина Сукарно[1] снимал! Я самого этого снимал... как его... ну в шляпе еще все ходил! Я параграф девяносто четыре наизусть!.. А если фаса нет? У господина Сукарно фас был нормальный! У этого, как его, фас был будь здоров, в три дня не обгадишь![2] А у этого где?

Хлебоедов и Фарфуркис уже не помышляли о нападении. Бегая глазами, они только тупо пытались вырваться из угла, топоча как взволнованные лошади в загоне. Полковник от шума проснулся, и ему, видимо, спросонья тоже пришли в голову какие-то лошадиные аналогии, потому что он ерзал в кресле и, жуя губами, пронзительно вскрикивал: «Взнуздывай, взнуздывай!» А Лавр Федотович, удобно расположившись, рассматривал все это в бинокль.

Я вернулся к коменданту и дал ему понюхать воды из графина для посетителей. Комендант тут же очнулся, но предпочел впредь до выяснения притворяться бесчувственным.

— Иннокентий Филиппович,— сказал я ему на ухо.— Ваше дело полуобморочное. Лежите тут и минут через пять-десять приходите и твердите одно: ничего, мол, не знаю, ничего не делал. А я все постараюсь устроить. Договорились?

Комендант слабо вздохнул в знак согласия. Он что-то хотел сказать, но тут дверь с треском распахнулась, и он снова притворился мертвым. Впрочем, это был всего лишь Рабиновичев. Он с наслаждением ахнул дверью, так что за обоями что-то посыпалось, и сообщил:

---

[1] Хаджи Ахмед Сукарно (1901—1970) — первый президент республики Индонезия.— *С. Б.*

[2] По приметам проходит творец «оттепели», народный артист и четырежды Герой, которого в народе любовно называли «наш дорогой Никита Сергеич».— *В. Д.*

— Меня охрана топтала, когда я этого снимал... как его... и то ничего. Не на таковского напали. Где фас? Нет фаса! Нет фаса — нет фото. Будет фас — будет фото. Инструкция! — Он пренебрежительно поглядел на распростертого коменданта и сказал: — Слабак! Курица! Я таких пачками снимал. Закурить есть?

Я дал ему закурить, и он удалился, грохая всеми дверьми. Я тоже закурил и вернулся в комнату для заседаний. Полковник уже снова дремал, Фарфуркис, отдуваясь, листал записную книжку, а Хлебоедов что-то шептал на ухо Лавру Федотовичу. Завидя меня, он перестал шептать и спросил боязливо:

— Этот... фотограф... ушел?

— Да,— сказал я сухо.

— А комендант где? — грозно спросил Хлебоедов.

— У него печеночная колика,— сухо сказал я.

— Госпитализирован? — быстро спросил Фарфуркис.

— Нет,— сказал я.

— Тогда пусть войдет! Пусть ответит! Это подсудное дело!

— Мне непонятно, товарищи,— сказал я авторитетным голосом.— Мне непонятно, где я нахожусь. Это авторитетная комиссия или это я не знаю что? Мы присутствуем при интересном научном явлении, которое развивается по имманентным ему законам, представляющим огромный научный интерес. Если бы нашей задачей было научное исследование факта, я потребовал бы констатировать в протоколе, что нами обнаружено несомненная корреляция между колориметрическими и контракционными характеристиками объекта. Иначе говоря, резкое изменение объема и массы объекта (контракция) привело к изменению цвета, наблюдаемому простым глазом. Вы вдумайтесь, товарищи, в этот факт! Мы обнаруживаем изменение цвета, не имея в своем распоряжении ни колориметра, ни спектрографа, ни даже простейшего термобарогелиоптера...— Я наблюдал, как они вдумываются в этот факт. Пример проклятого старикашки вдохновлял меня, и меня несло. Когда они достаточно вдумались, я нанес последний удар: — Мне еще неясно,— сказал я,— должен ли я рассматривать происшедшую здесь безобразную сцену как недоразумение, проистекающее из легкомыслия или халатности отдельных членов Тройки, или,

может быть, как сознательную попытку отдельных членов Тройки замазать эффект и скрыть его от народа и от научной общественности. Такие случаи бывали,— закончил я гробовым голосом, быстро сел на свое место и изобразил несколько профилей.

Было слышно, как на столе перед председателем умывалась муха.

— Гррм,— сказал Лавр Федотович.— Какие будут вопросы к докладчику... Нет вопросов? Какие предложения?

Я нервным движением смял листок, отшвырнул его в сторону и сказал:

— Я предлагаю, более того, я категорически настаиваю отложить рассмотрение дела номер шестьдесят четыре на срок, который потребуется компетентным органам для специального заключения по поводу обнаруженного здесь нами эффекта.— Затем я напустил на себя благородную задумчивость и добавил: — Я буду настаивать перед компетентными органами на присвоении этому эффекту имени товарища Вунюкова.

Дальше все пошло как по маслу. Появился комендант, который, несомненно, подслушивал под дверью, встретили его благосклонно, он твердил, что ничего не знает, что это дело научное, а у него только восемь классов за душой, а ему твердили, что все выяснилось, что нельзя же так, работа есть работа, бывают срывы, бывают отдельные ошибки. Фарфуркис похлопал его по плечу, Хлебоедов назвал голубчиком, а Лавр Федотович даже пошутил: «Была вам здесь сегодня баня, товарищ Зубо, так что посетите вы сегодня баню».

Когда все отсмеялись, Лавр Федотович посуровел и сказал:

— Повестка дня исчерпана. Я констатирую, что сегодняшние заседания, как и все предыдущие, происходили в деловой рабочей атмосфере. Другие предложения будут? Нет? Тогда перейдем к намечению дел на завтрашние заседания. Слово для предложения представляется товарищу Зубо.

Комендант, ободренный снисходительностью начальства, предложил было на завтра сразу двенадцать дел, однако его быстро осадили и утвердили на утреннее заседание три дела, а на вечернее — два. По поведению Тройки чувствовалось, что комиссия проголодалась и стремится вечернее заседание зак-

руглить. Я против этого не возражал, комендант, после того как количество дел на завтра определилось,— тоже, Лавр Федотович закрыл заседание, и комиссия удалилась. Полковника сперва забыли, но потом за ним вернулся Фарфуркис, разбудил и увел. Мы остались с комендантом вдвоем, и я открыл все окна.

— В гроб они меня вгонят, вот что,— озабоченно сказал комендант.— Погибель они моя. Мор, глад и семь казней египетских.

— Ну, вы тоже хороши, Иннокентий Филиппович,— возразил я.— Трясетесь, как осиновый лист... И куда вы девали пять литров этого пришельца?

— Ничего не знаю, ничего не делал, это эффект научный...— забарабанил было комендант, но спохватился и сказал шепотом: — Жуткое происшествие, Александр Иванович. Жуткое. Вчера — помните? — вместе осматривали, и пришелец был в полном ассортименте. А сегодня утром прихожу готовить к демонстрации — банка евонная, глиняная, ну в которой он прилетел, лопнула, и половина его вытекла, растеклась лужей и дальше вытекает. Ну что мне делать? Эх, думаю, семь бед один ответ. Перелил я, что осталось, в банку из-под огурцов, совру, думаю, что-нибудь. А может, и вовсе не заметят... Но это еще что! — В глазах его блеснул пережитый ужас.— Бурый он ведь был, Александр Иванович, утром бурый был и после обеда бурый, а давеча выхожу за банкой, мать моя мамочка! — синий! Не-ет, вгонят они меня в гроб, сегодня бы еще вогнали, если бы не вы, Александр Иванович, благодетель...

Потом он успокоился и сказал задумчиво:

— И с чего бы ему это синеть? Может, от гриба?

— Какого гриба? — спросил я.

— В банке-то в этой гриб у меня был, китайский, чайный. Гриб я выплеснул, а банку не сполоснул, торопился очень...

Он говорил еще что-то, а я с меланхолической грустью разглядывал синее тесто в банке и думал, что вот летел кто-то, тысячи лет летел к братьям по разуму, и надо же было ему наткнуться в конце пути на такого дурака.

— Ладно,— сказал я.— Давайте посмотрим, что там у нас завтра.

Глава вторая

Когда в начале девятого я вышел наконец из Дома культуры, Федор уже ждал меня. Он поднялся со скамеечки, и мы рука об руку пошли вдоль улицы Первого Мая.

— Устали? — спросил Федя.

— Ужасно,— сказал я.— Говорить устал и слушать устал, и поглупел... Вы замечаете, как я поглупел?

— Нет еще,— сказал Федя застенчиво.— Это у вас начнется через час-другой.

— Есть хочу,— сказал я.— Пойдемте сегодня в кафе, Федя, закатим пир, вина выпьем, мороженого...

Федя не возражал, хотя никогда не пил вина и не понимал мороженого. Народу на улицах было много, но все почти не слонялись, скажем, по улицам, как это обычно бывает в городах летними вечерами, а тихо культурно сидели на своих крылечках и молча трещали семечками. Семечки были арбузные, подсолнечные, дынные, тыквенные, а крылечки были резные с узорами, резные с фигурами, резные с балясинами и просто из гладких досок, знаменитые китежградские крылечки, среди которых попадались и музейные экземпляры многовековой давности, взятые под охрану государством и обезображенные тяжелыми чугунными досками, об этом свидетельствующими. Где-то крякала гармонь — кто-то, что называется, пробовал лады. Я покосился на Федю, однако он был спокоен. Федя вообще сочувственно относился к гармоням и склонен был даже считать аккордеон музыкальным инструментом, но вот от гитар он шарахался. Я давно уже заметил эту его странность, а недавно он объяснил мне, в чем здесь дело. Дело было в альпинистах и в их обыкновении петь под гитару. «Вы не можете себе представить, как это страшно, Саша,— рассказывал Федя,— когда в ваших родных тихих горах, где шумят одни лишь обвалы, да и то в заранее известное время, вдруг кто-то над ухом зазвенит, застучит и примется орать, как они вскарабкались по «жандарму» и «запилили по гребню» и как потом какого-то «психотика» «пробило на землю». Это бедствие, Саша, у нас некоторые болеют от этого, а кое-кто и умирает».

Около входа в кафе отирался клоп Говорун. Он хотел войти, а его не пускали. Он был в бешенстве и, как всегда, нахо-

дясь в возбужденном состоянии, испускал сильный, неприятный для непьющего Федора, запах дорогого коньяка «Курвуазье». Я посадил его в спичечный коробок и велел сидеть тихо, и он сидел тихо, но как только мы прошли в кафе и нашли свободный столик, сразу же развалился на стуле и стал стучать по столу всеми шестью лапами, требуя официанта. Сам он, естественно, в кафе ничего не ел и не пил, но жаждал справедливости и полного соответствия между работой бригады официантов и тем высоким званием, за которое эта бригада борется.

Я заказал себе яичницу по-домашнему, салат из раков[1] и стакан вина. Федю в кафе хорошо знали и принесли ему сырого тертого картофеля и капустных кочерыжек, а перед Говоруном поставили фаршированные помидоры, которые он заказал из принципа.

Съевши салат, я ощутил, что устал, как последняя собака, что язык у меня не поворачивается и что мне ничего не хочется. Кроме того, я заметил за собою, что все время вздрагиваю, потому что в шуме публики мне постоянно слышалось утробное «грррм». Зато прекрасно выспавшийся за день Говорун чувствовал себя бодрым, как никогда.

— До чего бессмысленные и неприятные существа,— говорил он, озирая кафе с видом превосходства.— Воистину только такие грузные, неповоротливые жвачные животные способны под воздействием комплекса неполноценности выдумать миф о том, что они цари природы. Откуда взялся этот миф? Например, мы, насекомые, считаем себя царями природы по справедливости. Мы многочисленны, неприхотливы, мы обильно размножаемся, и многие из нас заботятся о потомстве. Мы обладаем органами чувств, о которых вы, хордовые, даже понятия не имеете. Мы умеем погружаться в анабиоз на целые столетия без всякого вреда для себя. Наиболее интеллигентные наши представители прославлены как крупнейшие математики, архитекторы, социологи. Мы открыли идеальное устрой-

[1] Сразу видно, что Китежград расположен далеко от Москвы: я вот первого натурального рака увидел в 1973 на Урале. Зато в детстве, в пионерлагере (около 1960) на ужин каждый второй день был салат из крабов.— *В. Д.*

ство общества, мы овладели гигантскими территориями, мы проникаем всюду, куда захотим. Поставим вопрос следующим образом: что вы, люди, самые, подчеркиваю, высокоразвитые из хордовых, можете такого, что бы хотели уметь, но не умели бы мы? Вы много хвастаетесь, что умеете изготовлять орудия труда и пользоваться ими. Простите, но это смешно. Вы подобны калеке, который хвастается своими костылями. Вы строите себе жилища, мучительно, с трудом, привлекая для этого такие противоестественные силы, как огонь, пар, строите тысячи лет и все время по-разному, и все никак не можете найти удобной и рациональной формы жилища. А жалкие муравьи, которых я искренне презираю, решили эту простенькую проблему сто миллионов лет назад — и решили раз и навсегда. Вы хвастаете, что все время развиваетесь и что вашему развитию нет предела. Нам остается только хохотать. Вы ищете то, что давным-давно найдено, запатентовано и используется с незапамятных времен: разумное устройство общества и смысл существования. Вы называете нас паразитами и убеждаете друг друга, что паразит — это плохо. Но будем последовательны. Что есть паразит? В переводе это значит «нахлебник», «блюдолиз»[1]. Паразитирующим даже ваша наука называет тот вид, который существует на другом виде и за счет другого вида. Например, я с гордостью утверждаю: да, я паразит. Я питаюсь жизненными соками существ иного вида, так называемых людей. А как обстоят дела с этими так называемыми людьми? Могли бы они заниматься своей сомнительной деятельностью или даже просто существовать, если бы они ежедневно и по нескольку раз в день не вводили бы в свой организм живые соки не одного, а множества живых видов как животного, так и растительного царства? Глупцы бросают нам обвинение, что мы подкрадываемся к своей так называемой жертве, пользуясь темнотой и ее, жертвы, сонным и, следовательно, беспомощным состоянием. Все это ханжеские бредни, и я отвечу на них просто: может быть, МЫ убиваем свою жертву, прежде чем ввести ее соки в свой организм? Может быть, МЫ изобретаем все более и более

[1] Parasitos — буквально «нахлебник». Русские слова «жито», «сыто» (медовый напиток) — того же корня.— *В. Д.*

утонченные способы этого убийства? Может быть, МЫ разработали и практикуем изуверские способы уродования своих жертв путем так называемого искусственного отбора для удобства их пожирания? Нет, не мы! Мы, даже самые дикие и нецивилизованные из нас, позволяем себе урвать лишь крошечную толику от щедрот, коими наделила вас природа. Но вы идете еще дальше. Вас можно назвать сверхпаразитами, ибо ни один другой вид не додумался еще паразитировать на самом себе. Ваше начальство паразитирует на подчиненных, ваши преступники паразитируют на так называемых порядочных гражданах, дураки паразитируют на мудрецах. И это цари природы!

Лень мне было спорить с этим толстовцем, да и сил не было. Но Панург громко расхохотался и воскликнул, гремя бубенцами:

— Вот это отповедь, черт меня подери со всеми потрохами, включая аппендикс и двенадцатиперстную кишку! Осмелюсь добавить только, что Ода Нобунага был знаменитым воякой и тираном жестокости беспредельной, уродлив, как мартышка, и не терпел лжи. Всех, кто поступал не в соответствии, он рубил в капусту на месте сам или отдавал на шинкование некоему Тоётоми Хидэёси, который тоже хорошо понимал в этом деле. «Правда ли, говорят, что я похож на обезьяну?» — спросил однажды Ода Нобунага одного своего приближенного, до которого давно добирался. Лизоблюд помертвел и опачкался, и Ода Нобунага уже взялся за рукоятку меча, но тут обреченный лизоблюд, движимый отчаянием, нашелся. «Да что вы, ваше превосходительство! — вскричал он.— Как можно! Наоборот, это ОБЕЗЬЯНА имеет несравненную честь походить на вас!» Что и привело свирепого диктатора в самое превосходное состояние духа.

— Я не понял этого намека,— с достоинством объявил Говорун, но по лицу его медленно проскользнула тень многовекового застарелого ужаса перед зловещим призраком чудовищного указательного пальца, неумолимо надвигающегося на него с непреложностью рока.

— Я, конечно, слабый диалектик,— произнес Федя, покусывая кочерыжку великолепными зубами,— но меня воспитали в представлении о том, что человеческий разум — это все-

таки высшее творение природы. Мы в горах привыкли бояться человеческой мудрости и преклоняться перед нею, и теперь, когда я некоторым образом получил образование, я не устаю восхищаться той смелостью и тем хитроумием, с которым человек уже создал и продолжает создавать так называемую вторую природу. Человеческий разум — это... это...— Он медленно помотал головой и замолк.

— Вторая природа! — пренебрежительно сказал клоп.— Третья стихия, четвертое царство. Как мог бы сказать один крупный человеческий деятель, зачем вам две природы? Загадили одну и пытаются заменить ее другой. Я же вам уже сказал, Федор: вторая природа — это костыли калеки. А что касается разума... Не вам бы говорить, не мне бы слушать. Сто веков эти бурдюки с питательной смесью болтают о разуме и до сих пор не знают, что это такое. В одном только они согласны — это что, кроме них, разумом никто не обладает. Если мысленным взором окинуть всю историю изучения человеком вопроса о мышлении, легко увидеть, что все это изучение сводится к выдумыванию более или менее сложных терминов для обозначения явлений, которых он, человек, не понимает. Так появляются РАЗДРАЖИМОСТЬ, ОЩУЩЕНИЕ, ИНСТИНКТЫ, РЕФЛЕКСЫ УСЛОВНЫЕ, РЕФЛЕКСЫ БЕЗУСЛОВНЫЕ, ПЕРВАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА, ВТОРАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА... Теперь обнаружили еще третью, ту самую, между прочим, которой мы, клопы, пользуемся с незапамятных времен. И ведь что замечательно. Если существо маленькое, крошечное, если его легко отравить какой-нибудь химической гадостью или просто раздавить пальцем, то зачем с ним церемониться? У него, конечно, инстинкт, примитивная раздражимость, низшая форма нервной деятельности. Типичное мировоззрение самовлюбленных имбецилов. Но они же разумные, им же нужно все это обосновать! Чтобы насекомое можно было раздавить без зазрения совести. И посмотрите, Федор, как они это обосновывают. Скажем, земляная оса отложила в норку яички и таскает для будущего потомства пищу. Что делают эти бандиты? Они варварски крадут отложенные яйца, а потом, исполненные идиотского удовлетворения, наблюдают, как несчастная мать закупоривает цементом пустую норку. Вот,

мол, оса дура, не ведает, что творит, а потому у нее инстинкты — слепые инстинкты, вы понимаете? — а не разум, и потому ее можно в случае нужды и к ногтю. Вы ощущаете, какая гнусная подтасовка терминов? Априорно предполагается, что целью жизни осы является размножение и охрана потомства, и если даже с этой главной задачей она не способна разумно управиться, то что же с нее взять? У них, у людей, космос-мосмос, фотосинтез-мотосинтез, а у жалкой осы сплошное размножение, да и то на уровне инстинкта. И в голову вам, млекопитающим, не приходит, что у осы богатейший духовный мир, что за свою недолгую жизнь она должна преуспеть и в науках, и в искусствах, вам, теплокровным, и неведомых, что у нее просто ни времени, ни желания нет оглядываться на своих детенышей, тем более что это и не детеныши даже, а бессмысленные яички... Ну конечно, у них существуют правила, нормы поведения, мораль. Неприличным и предосудительным считается снести яички где попало и бросить их без запасов питания. Более того, поскольку осы от природы весьма легкомысленны в вопросах продления рода, закон, естественно, предусматривает известное наказание за неполное выполнение родительских обязанностей. Что бы там ни происходило, оса обязана выполнить определенную последовательность действий: выкопать норку, отложить яички, натаскать в норку парализованных гусениц и закупорить ее[1]. Конечно же, оса видит, что яички украли или запасы питания исчезли, но она не может отложить яички еще раз, и она не намерена тратить время на возобновление запасов — кому охота тратить время? С другой стороны, полностью сознавая всю нелепость своих действий, она тем не менее доводит программу до конца, потому что еще менее ей улыбается таскаться по девяти инстанциям Комитета охраны вида... Представьте себе шоссе, прекрасную гладкую магистраль от горизонта до горизонта. Некий экспериментатор ставит поперек шоссе рогатку с табличкой «Объезд». Видимость превосходная, шофер прекрасно видит, что на запретном участке ему ничто не грозит. Он догадывает-

[1] На полях заметка: «Оса учитывает возможность негласного контроля».— *С. Б.*

ся, что это чьи-то глупые шутки, но, следуя правилам и нормам поведения порядочного автомобилиста, он сворачивает на отвратительную обочину, трясется и захлебывается в грязи или пыли, тратит массу времени и нервов и снова выезжает на то же шоссе двумястами метрами дальше. Почему? Да все по той же причине: ему не хочется таскаться по инстанциям ОРУДа[1], тем более что у него тоже есть все основания предполагать, что это ловушка и что вон в тех кустах сидит инспектор с мотоциклом. А теперь представим себе, что неведомый экспериментатор, ставя этот опыт, хотел установить уровень интеллекта человека, уровень его нервной деятельности. И если этот экспериментатор — такой же самовлюбленный дурак, как люди... Ха-ха-ха, к каким бы выводам он пришел! — Говорун в восторге застучал по столу шестью лапами.

— Нет,— сказал Федя.— Как-то у вас все упрощенно получается, Говорун. Конечно, когда человек ведет автомобиль, он не может блеснуть интеллектом...

— Точно так же,— перебил хитроумный клоп,— как не блещет интеллектом оса, откладывающая яйца. Тут, знаете ли, не до интеллекта.

— Подождите, Говорун,— сказал Федя.— Вы все время меня сбиваете. Я хочу сказать... Ну вот, я и забыл, что хотел сказать. Да! Чтобы насладиться величием человеческого разума, надо окинуть взором все здание этого разума, все достижения наук, все достижения литературы и искусства. Вот вы как-то пренебрежительно отозвались о космосе, а ведь ракеты, спутники — это великий шаг, это восхищает, и согласитесь, что ни одно членистоногое не способно к таким свершениям.

Клоп презрительно повел усами.

— Я мог бы возразить, что космос нам ни к чему,— произнес он.— Людям он тоже ни к чему, впрочем, и поэтому об этом

---

[1] «Тут сотруднику ОРУДа / Дядя Степа говорит...» Принято считать, что ОРУД — устаревшее название ГАИ-ГИБДД. Это не совсем так. Службы регулировки уличного движения и автомобильной инспекции долгое время существовали независимо и были объединены (под названием «Отдел РУД-ГАИ») в 1961 г. Любопытный факт: добрая половина ссылок из рамблера на ОРУД и ГАИ приходится на рассказ «Мыслит ли человек?».— *В. Д.*

говорить не будем. Вы не понимаете простых вещей, Федор. У каждого вида существует своя, исторически сложившаяся, передающаяся из поколения в поколение мечта. Осуществление такой мечты и называется обычно великим свершением. У людей было две исконных мечты: мечта летать вообще, проистекшая из зависти к птицам, и мечта слетать к Солнцу, проистекшая из невежества, ибо они полагали, что до Солнца рукой подать. Вы должны согласиться: нельзя ожидать, что у разных видов, а тем более классов и типов живых существ Великая Мечта должна быть одна и та же. Смешно предположить, чтобы у ос из поколения в поколение передавалась бы мечта о свободном полете, а у спрутов — мечта о морских глубинах, а у нас, клопов,— о Солнце, которого мы терпеть не можем. Каждый мечтает о том, что недостижимо. Потомственная мечта спрутов, как нам известно,— свободное путешествие по суше, и спруты в своих пучинах много и полезно думают на этот счет. Извечной и зловещей мечтой вирусов является абсолютное мировое господство, и, как ни ужасны методы, коими они в настоящее время пользуются, нельзя отказать им в настойчивости, изобретательности и способности к самопожертвованию во имя великой цели. А грандиозная мечта паукообразных? Сто миллионов лет назад они опрометчиво выбрались из моря на сушу и с тех пор мечтают снова вернуться в водную стихию. Вы бы послушали их песни и баллады о море! Сердце разрывается на части от жалости и сочувствия. В сравнении с этими балладами героический миф о Дедале и Икаре — просто жалкая побасенка. И что же, кое-чего они достигли, и весьма хитроумным путем (членистоногим вообще свойственны хитроумные решения). Они добиваются своего, создавая новые виды. Сначала они создали водобегающих пауков, потом пауков-водолазов, а теперь во весь ход идут работы над созданием вододышащего паука. Я уже не говорю о нас, клопах. Мы своего достигли давно, когда появились на свет эти бурдюки с питательной смесью, называемые людьми. Вы понимаете меня, Федор? Каждому племени своя мечта. Не надо хвастаться достижениями перед своими соседями по планете. Вы рискуете попасть в смешное положение. Вас сочтут глупцами те, кому ваши мечты чужды, и сочтут жалкими хвастунами те, кто свою мечту осуществил уже давно.

— Я не могу вам ответить, Говорун,— сказал Федя,— но должен признаться, что мне неприятно вас слушать. Во-первых, я не люблю, когда хитроумной казуистикой опровергают очевидные вещи, а во-вторых, я все-таки тоже человек.

— Вы — снежный человек,— снисходительно сказал клоп.— Вы — недостающее звено. С вас взятки гладки. А вот почему мне не возражает гомо сапиенс, так сказать, наш уважаемый Александр Иванович, почему он не вступается за честь своего вида, своего класса, своего типа? Потому что ему нечего возразить.

Мне было что возразить, но я промолчал, потому что видел, что Федя расстроен и хочет что-то сказать.

— Нет уж, позвольте мне,— сказал Федя.— Да, я снежный человек, да, нас принято оскорблять, нас оскорбляют даже люди, ближайшие наши родственники, наша надежда, символ нашей веры в будущее... Нет-нет, позвольте, я скажу все, что думаю. Нас оскорбляют наиболее невежественные и отсталые слои человеческого рода, давая нам гнусную кличку «йети», которая, как известно, созвучна со свифтовским «йеху», и кличку «голубяван», что означает «отвратительный снежный человек». Нас оскорбляют и самые передовые представители человечества, называя нас «недостающим звеном», «человекообезьяной» и прочими научно звучащими, но порочащими прозвищами. Может быть, мы действительно достойны некоторого пренебрежения. Мы медленно соображаем, мы слишком неприхотливы, у нас слишком слабо стремление к лучшему, разум наш еще дремлет. Но я верю, я знаю, что это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ разум, находящий наивысшее наслаждение в переделывании природы, сначала — окружающей, а в перспективе — и своей. Вы, Говорун, все-таки паразит. Простите меня, но я использую этот термин в научном смысле. Я не хочу вас обидеть. Вы паразит, и вы не понимаете, какое это высокое наслаждение — переделывать природу. И какое это перспективное наслаждение: природа ведь бесконечна, и переделывать ее придется бесконечно. Вот почему человека называют царем природы. Потому что он не только изучает природу, не только находит высокое, но пассивное наслаждение от единения с нею, но он переделывает природу, он лепит ее по своей нужде, по своему желанию, а потом будет лепить по своей прихоти.

— Ну да! — сказал клоп.— А покуда он, человек, берет некоего Федора за волосатый загривок, выпирает его на эстраду и заставляет его кривляться, изображая процесс очеловечивания обезьяны перед толпой лузгающих семечки обывателей... Внимание! — заорал вдруг он.— Сегодня в клубе лекция кандидата наук Вялобуева-Франкенштейна «Дарвинизм против религии» с наглядной демонстрацией процесса очеловечивания обезьяны. Акт первый: обезьяна. Федя сидит у лектора под столом и ищется под мышками, бегая по сторонам ностальгическими глазами. Акт второй: человекообезьяна. Федя, держа в руках палку от метлы, бродит по эстраде, ища, что забить. Акт третий: обезьяночеловек. Федя под наблюдением и руководством пожарника разводит на железном противне небольшой костер, бездарно изображая при этом ужас и восторг одновременно. Акт четвертый: человека создал труд. Федя с испорченным отбойным молотком изображает первобытного кузнеца. Акт пятый: апофеоз. Федя садится за пианино и играет «Турецкий марш». Начало лекции в шесть часов, после лекции новый заграничный кинофильм «На последнем берегу» и танцы.

Федя польщенно и застенчиво улыбнулся.

— Ну конечно, Говорун,— сказал он,— я же знал, что существенных разногласий между нами нет. Конечно, вот так вот, понемножку, понемножку разум начинает творить свои благодетельные чудеса[1]. Только вы напрасно уж так преувеличиваете мою роль в этом культурном мероприятии, но я понимаю, вы просто хотите сделать мне приятное.

Клоп посмотрел на него бешеными глазками, а я хихикнул. Федя забеспокоился.

— Я что-нибудь не так сказал? — спросил он.

— Вы молодец,— сказал я искренне.— Вы его так отбрили, что он даже осунулся. Видите, он даже фаршированные помидоры стал жрать.

— Одно удовольствие вас слушать! — вскричал Панург.— Уши наливаются весенними соками и расцветают, подобно розам. Но что касается Архимеда, то история, как всегда, стыд-

[1] Позже добавлено: «...обещая в будущем Архимедов, Ньютонов и Эйнштейнов».— *С. Б.*

ливо и бесстыдно умолчала об одной маленькой детали. Когда Архимед, открывши свой закон, голый и мокрый бежал по людной улице с криком «эврика»[1], все жители Сиракуз хлопали в ладоши и безмерно радовались новому достижению отечественной науки, о котором они еще ничего не знали, а узнав, все равно не смогли понять. И только один дерзкий мальчик показал на пробегавшего гения пальцем и, заливаясь смехом, завопил: «А ведь Архимед-то голый!» И хотя это была истинная правда, его тут же на месте жестоко выпорол науколюбивый отец его.

— Хорошо, хорошо! — с раздражением закричал клоп Говорун.— Все это прекрасно. Но может быть, представитель гомо сапиенсов снизойдет до ответа на те соображения, которые мне позволено было здесь высказать? Или, повторяю, ему нечего возразить? Или человек разумный имеет к разуму не большее отношение, чем змея очковая к широко известному оптическому устройству? Или у него нет аргументов, доступных пониманию существа, которое обладает лишь примитивными инстинктами?

У меня был аргумент, доступный пониманию. И я его с удовольствием продемонстрировал. Я показал Говоруну указательный палец, а затем сделал им движение, как бы стирая со стола упавшую каплю.

— Очень остроумно,— сказал клоп, бледнея.— Вот уж воистину — на уровне высшего разума...

Федя робко попросил, чтобы ему объяснили смысл этой пантомимы. Однако Говорун объявил, что все это вздор.

— Мне здесь надоело,— преувеличенно громко сообщил он, барски озираясь.— Пойдемте отсюда[2].

Я расплатился, и мы вышли на улицу, где и остановились, решая, что делать дальше. Федя предложил навестить Спири-

---

[1] Между прочим, Архимед выскочил из ванны с криком «Эврика!» вовсе не по случаю открытия закона своего имени, а по совершенно другому поводу: он нашел способ определить удельный вес (и состав) короны, подаренной сиракузскому тирану Гиерону II. — *В. Д.*

[2] На полях заметка: «Пьяный Эдельвейс. “Благодарю, кто пришел...”» — *С. Б.*

дона, но Говорун возразил, что его утомили бесконечные философствования и что уж беседовать с теплокровными — это совсем не сахар, а идти после этого и пререкаться с головоногим моллюском — это уж увольте, он уж лучше пойдет в кино. Мне стало его жалко, так он был потрясен и шокирован моим жестом. И мы пошли в кино.

Говорун все никак не мог успокоиться. Он бахвалился, задирал прохожих, сверкал афоризмами и парадоксами, но видно было, что ему крайне не по себе. Чтобы вернуть ему душевное равновесие, я информировал его о том, что завтра его наконец вызывают на Тройку и что ввиду его заслуг вызов этот перенесен на вечер, специально, чтобы не нарушать его режим. Услышав все это, Говорун явно приободрился, посолиднел и, как только в кинозале погас свет, тут же полез по рядам кусаться, так что я не получил никакого удовольствия от кинофильма: я боялся, что его либо тихо раздавят по привычке, либо произойдет безобразный скандал.

Глава третья

Утреннее солнце, вывернув из-за угла школы, теплым потоком ворвалось в раскрытые настежь окна комнаты заседаний, когда на пороге появился каменнолицый Лавр Федотович и немедленно предложил задернуть шторы[1]. Сейчас же следом за ним появился Хлебоедов, подталкивая впереди себя полковника. Полковник дребезжащим голосом выкрикивал команды и комментировал их, а Хлебоедов приговаривал: «Ладно, ладно тебе, развоевался». Когда мы с комендантом задернули шторы и вернулись на свои места, на пороге возник Фарфуркис. Он что-то жевал и утирался. Невнятной скороговоркой извинившись за опоздание, он разом проглотил все недожеванное и выкрикнул:

— Протестую! Вы с ума сошли, товарищ Зубо! Немедленно убрать эти шторы! Что за манера отгораживаться и бросать тень?

Возник неприятный инцидент, и все время, пока инцидент распутывался, пока Фарфуркиса унижали, сгибали в бараний

[1] Позже добавлено: «Народу это не нужно, объяснил он». — *С. Б.*

рог, вытирали об него ноги и выбивали ему бубну, Хлебоедов не переставал гадко смеяться. Потом Фарфуркиса, растоптанного, истерзанного, измолоченного и измочаленного, пустили униженно догнивать на его место, а сами, отдуваясь, опуская засученные рукава, вычищая клочья шкуры из-под когтей, облизывая окровавленные клыки и время от времени непроизвольно взрыкивая, расселись за столом и объявили себя готовыми к утреннему заседанию.

— Гррррым! — произнес Лавр Федотович, бросив последний взгляд на распятые останки.— Следующий! Докладывайте, товарищ Зубо!

Комендант впился в раскрытую папку скрюченными пальцами, в последний раз глянул поверх бумаг на труп врага налитыми глазами, в последний раз с оттяжкой кинул задними лапами землю, поклокотал горлом и, только втянув жадно раздутыми ноздрями сладостный аромат разложения, окончательно успокоился.

— Дело номер семьдесят второе,— зачитал он.— Константин Константинович Константинов двести семьдесят второй[1] до новый эры город Константинов планеты Константины звезды Бетельгейзе...

— Я попрошу,— прервал его Хлебоедов.— Ты что это нам читаете? Ты это нам роман читаете? Или водевиль? Ты, друг, анкету нам зачитываете, а получается у тебя водевиль!

Лавр Федотович взял бинокль и направил его на коменданта. Комендант сник.

— Это, помню, в Сызрани,— продолжал Хлебоедов,— бросили меня заведующим курсов квалификации среднего персонала, так там тоже был один, улицу не хотел подметать... Только не в Сызрани, помнится, это было, а в Саратове... Ну да, точно, в Саратове, сперва я там школу мастеров-крупчатников укреплял, а потом, значит, бросили меня на эти курсы... Да, в Саратове, в пятьдесят втором году. Зимой. Морозы, помню, как в Сибире. Нет,— сказал он с сожалением.— Не в Саратове это было. В Сибире это и было, а вот в каком городе — вылетело из

[1] Позже «двести семьдесят второй» исправлен на «двести тринадцатый».— *С. Б.*

башки. Вчера еще помнил. Эх, думаю, хорошо было там, в этом городе.

Он замолчал, мучительно приоткрыв рот. Лавр Федотович подождал немного, осведомился, есть ли вопросы к докладчику, убедился, что вопросов нет, и предложил Хлебоедову продолжать.

— Лавр Федотович,— прочувствованно сказал Хлебоедов.— Забыл, понимаете, город. Ну забыл, и все. Пускай он пока дальше зачитывает, а я пока вспомню. Только пускай он по форме, пускай пункты называет и не частит, а то безобразие получается...

— Продолжайте, товарищ Зубо,— сказал Лавр Федотович.

— Пункт пятый,— прочитал комендант робко.— Национальность...

Фарфуркис позволил себе слабо шевельнуться и сейчас же испуганно замер. Однако Хлебоедов уловил это движение и приказал коменданту:

— Сначала. Сначала! Сызнова читайте!

— Пункт первый,— сказал комендант.— Фамилия...

Пока он читал все сызнова, я смотрел на полковника. Полковник, как всегда, спал с видом крайнего удивления и негодования. Руки его непрерывно подергивались во сне: то ли он включал третью скорость, то ли скребницей чистил он своего боевого коня. Я смотрел на него и все пытался представить боевой путь и послужной список человека, которому не менее восьмидесяти лет, который дослужился до полковника и ухитрился за все это астрономическое время выслужить всего три медали — «20 лет РККА», «Тридцать лет Советской Армии» и «Сорок лет Советской Армии»[1]. Может быть, все дело было в

[1] Точное именование этих юбилейных медалей таково: «XX лет РККА», «30 лет Советской Армии и Флота», «40 лет Вооруженных Сил СССР». Вторая и третья медали вручались всему кадровому составу Вооруженных Сил, и в том, что их имеет наш полковник, нет ничего удивительного: видимо, он просто служил в то время. Но вот первой медалью в 1938-м награждались лишь прослужившие в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии двадцать лет. Получается, что полковник и в самом деле уникальный служака: он ухитрился не участвовать в Великой Отечественной! Ибо если бы он просто хоть раз был на фронте или

его экзотической военной специальности. В самой идее мотокавалерии чудилось мне нечто апокалиптическое. То мне представлялись приземистые бронетранспортеры, над клепаными бортами которых торчали оскаленные лошадиные пасти и осанисто возвышались чубатые всадники в бурках и с пиками перёд себя. То эта картина заслонялась зрелищем совсем уже фантастическим: по полю брани, сквозь дымы разрывов лихо разворачивается в лаву табун лошадей, груженных мотоциклистами на мотоциклах, и все как один на третьей скорости... Но тут я вспоминал, что полковник был современником и, может быть, даже участником первых успехов авиации и дирижаблестроения, и тогда виделись мне чудовищные баллоны, из гондол которых, брыкаясь и ржа, сыпятся на головы ошеломленного противника кавалерийские эскадроны на парашютах...

— Херсон! — заорал вдруг Хлебоедов.— В Херсоне это было, вот где! Ты давайте, продолжайте,— сказал он вздрогнувшему коменданту.— Это я так, вспомнил.— И он сунулся к уху Лавра Федотовича и, млея от смеха, принялся ему что-то нашептывать, так что черты лица товарища Вунюкова обнаружили тенденцию к раздеревенению, и Лавр Федотович был вынужден прикрыться от демократии обширной ладонью.

— Пункт шестой,— нерешительно зачитал комендант, косясь на него.— Образование: высшее син... кри... кре... кретическое.

Фарфуркис дернулся и пискнул, но сейчас же испуганно замолчал. Хлебоедов ревниво вскинулся:

— Какое? Какое образование?

— Синкретическое,— сказал я, отзываясь на сердитый и молящий взгляд коменданта.

— Ага,— сказал Хлебоедов и поглядел на Лавра Федотовича.

иным образом был задействован в командовании, мобилизации, охране границ и т. п., то как минимум был бы награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Полковнику с его редкой военной специальностью так ни разу и не пришлось нюхнуть пороху... да что там пороху — просто удалось избежать какой-либо серьезной должности. Свое место в Тройке он занимает и в самом деле заслуженно! — *В. Курильский.*

— Это хорошо,— веско сказал Лавр Федотович.— Народ любит самокритику. Продолжайте, товарищ Зубо.

— Пункт седьмой. Знание иностранных языков: всех без словаря.

— Чего-чего? — сказал Хлебоедов.

— Всех,— повторил комендант.— Без словаря.

— Вот так самокритическое,— сказал Хлебоедов.— Ну, это мы проверим.

— Пункт восьмой. Профессия и место работы в настоящее время: читатель поэзии, амфибрахист, пребывает в краткосрочном отпуске. Пункт девятый...

— Подождите,— сказал Хлебоедов.— Работает-то он где?

— В настоящее время он в отпуске,— пояснил комендант.— В краткосрочном.

— Это я без тебя понял,— возразил Хлебоедов.— Я говорю, специальность у него какая?

Комендант поднял папку к глазам.

— Читатель,— сказал он.— Стихи, видно, читает.

Хлебоедов ударил по столу ладонью.

— Я тебе не говорю, что я глухой,— сказал он.— Что он читает, это я слышал. Читает и пусть читает в свободное от работы время. Специальность, говорю, работает где, кем!

— Его специальность — читать поэзию,— сказал я.— Он специализируется по амфибрахию.

Хлебоедов посмотрел на меня с подозрением.

— Нет,— сказал он.— Амфибрахий — это я понимаю. Амфибрахий там... то, се... Я что хочу понять? Я хочу понять, за что ему зарплату плотят.

— Ну, у них зарплаты как таковой нет,— сказал я.

— А! — обрадовался Хлебоедов.— Безработный! — Но тут же опять насторожился.— Да нет, не получается! Концы с концами у вас не сходятся, товарищ консультант. Зарплаты нет, а отпуск есть! Что-то вы тут крутите. Изворачиваетесь тут что-то...

— Гррр,— произнес Лавр Федотович.— Имеется вопрос к докладчику. Профессия дела номер семьдесят два.

Комендант снова поднял папку к глазам и прочитал:

— Читатель поэзии, амфибрахист.

— Место работы в настоящее время,— сказал Лавр Федотович.

— Пребывает в краткосрочном отпуске.

Лавр Федотович, не поворачивая головы, перекатил взгляд в сторону Хлебоедова.

— Имеются еще вопросы к докладчику? — осведомился он.

Хлебоедов тоскливо заерзал. Простым глазом было видно, как высокая доблесть солидарности с мнением начальства бьется в нем грудь в грудь с не менее высоким чувством гражданского долга. Наконец гражданский долг победил, хотя и с заметным для себя ущербом.

— Что я должен сказать, Лавр Федотович,— залебезил Хлебоедов.— Ведь вот что я должен сказать. Амфибрахист — это вполне понятно. Амфибрахий там, то, се... И насчет поэзии все четко... Пушкин там, Михалков, Корнейчук... А вот читатель... Нет же в номенклатуре такой профессии! И понятно, что нет. А то как это? Я, значит, стишки почитываю, а мне за это блага, мне за это отпуск... Вот что я должен уяснить.

Лавр Федотович взял бинокль и посмотрел на меня.

— Заслушаем мнение консультанта,— объявил он.

Я сказал:

— У них там масса поэтов. Все пишут стихи, и каждый поэт желает иметь своего читателя. Читатель же — существо неорганизованное, он этой простой вещи не понимает. Хорошие стихи он читает и даже заучивает наизусть, а плохие знать не желает. Создается ситуация несправедливости, ситуация неравенства, а поскольку жители там очень деликатные и стремятся, чтобы всем было хорошо, создана специальная профессия — читателя. Одни специализируются по ямбу, другие — по хорею, Константин вот наш — узкий специалист по амфибрахию и осваивает сейчас александрийский стих, приобретает вторую специальность. Цех этот, естественно, вредный, и им полагается не только усиленное питание, но и частые кратковременные отпуска.

— Это я все понимаю! — проникновенно вскричал Хлебоедов.— Ямбы там, александриты... Я одного не понимаю. За что ж ему деньги плотят? Ну, сидит он, ну, читает. Вредно, знаю. Но чтение — дело тихое, внутреннее. Как ты его проверишь, читает он или кемарит, сачок? Я помню, заведовал я отделом в инспекции по карантину и защите растений, так у меня попал-

ся один... Сидит на заседании и вроде бы слушает и даже записывает что-то в блокноте, а на деле — спит, прощелыга! Сейчас по конторам многие навострились спать с открытыми глазами. Так вот я и не понимаю: наш-то как? Может, врет? Не должно же быть такой профессии, чтобы контроль был невозможен — работает человек или, наоборот, спит?

— Это все не так просто,— сказал я.— Он не только читает. Порядок у них там такой: вот он специалист по амфибрахию. Это значит, что все стихи, написанные этим размером, пересылаются ему. Он должен все их прочесть, понять, найти в них источник высокого наслаждения, полюбить их и, естественно, обнаружить какие-нибудь недостатки. Об этих всех своих чувствах и размышлениях он обязан регулярно писать авторам и выступать на творческих вечерах этих авторов и на читательских конференциях. Это очень, очень тяжелая профессия,— заключил я.— Наш Константин — настоящий герой труда.

— Да,— сказал Хлебоедов.— Теперь я все понимаю. Полезная профессия. И система мне нравится. Хорошая система, справедливая.

— Продолжайте докладывать, товарищ Зубо,— сказал Лавр Федотович.

— Пункт девятый. Был ли за границей: был. В связи с неисправностью двигателя четыре часа находился на острове Рапа-Нуи.

Фарфуркис что-то неразборчиво пискнул, и Хлебоедов тотчас подхватил:

— Это чья же нынче территория?

— Территория Чили,— сказал я.

— Чили, Чили...— забормотал Хлебоедов, тревожно поглядывая на Лавра Федотовича. Лавр Федотович хладнокровно курил.— Ну, Чили — ладно[1]. И четыре часа только... Ладно. Что там дальше?

— Протестую...— с безумной храбростью пролепетал Фарфуркис, но комендант уже читал дальше:

---

[1] Да, в то время Чили — это было не актуально. Альенде стал президентом в 1970, а переворот Пиночета был в 1973.— *В. Д.*

— Пункт десятый. Краткая сущность необычности: разумное существо из иной планетной системы, пилот космического корабля типа «летающее блюдце»...— Лавр Федотович невозмутимо курил, Хлебоедов, поглядывая на него, одобрительно кивал, и комендант стал читать дальше: — Пункт одиннадцатый: данные о ближайших родственниках. Тут большой список,— сказал он.

— Читайте, читайте,— сказал Хлебоедов.

— Семьсот девяносто три лица,— предупредил комендант.

— Ты не теряйте время,— посоветовал Хлебоедов.— И не перекайтесь. Твое дело читать, вот и читайте. И разборчиво.

Комендант вздохнул и начал:

— Родители: А, Бе, Ве, Ге, Де, Е, Ё, Же, Зе...

— Ты это чего? Ты постой...— сказал Хлебоедов, от изумления утратив дар вежливости.— Ты что, в школе? Мы тебе что, дети?

— Как написано, так и читаю,— злобно сказал комендант и продолжал: — И, Й, Ке, Ле, Ме, Не...

— Гррм,— произнес Лавр Федотович.— Имеется вопрос к докладчику. Отец дела номер семьдесят два. Фамилия, имя, отчество.

— Одну минутку,— вмешался я.— У Константина девяносто четыре родителя пяти различных полов, девяносто шесть собрачников четырех различных полов, двести семь детей пяти различных полов и триста девяносто шесть соутробцев пяти различных полов.

Эффект моего сообщения превзошел все ожидания. Лавр Федотович в замешательстве взял бинокль и поднес его ко рту. Хлебоедов беспрерывно облизывался. Фарфуркис бешено листал записную книжку. Я готовился к генеральному сражению, я углублял траншеи до полного профиля, минировал танкоопасные направления, оборудовал отсечные позиции. Погреба ломились от боеприпасов, артиллеристы застыли у орудий, пехоте было выдано по чарке водки. Тишина тянулась, набухала грозой, насыщалась электричеством, и моя рука уже легла на телефонную трубку — я готов был скомандовать упреждающий атомный удар, однако все это ожидание рева, грохота, лязга окончилось пшиком. Хлебоедов вдруг осклабился, накло-

нился к уху Лавра Федотовича и принялся что-то нашептывать ему, бегая замаслившимися глазками. Лавр Федотович опустил обслюненный бинокль, прикрылся ладонью и произнес дрогнувшим голосом:

— Продолжайте докладывать, товарищ Зубо.

Комендант с готовностью отложил список родственников и продолжал:

— Пункт двенадцатый. Адрес постоянного местожительства: Галактика, Местная Система, звезда Бетельгейзе, планета Константина, государство Константиния, город Константинов, вызов четыреста пятьдесят семь дробь четырнадцать-девять. Все.

— Протестую,— сказал Фарфуркис окрепшим голосом. Лавр Федотович благосклонно взглянул на него. Опала кончалась, и Фарфуркис со слезами счастья на глазах продолжал: — Я протестую. В описании возраста допущена явная нелепость. В анкете указана дата рождения двести тринадцатый год до нашей эры. Если бы это было так, то делу номер семьдесят два было бы сейчас больше двух тысяч лет, что превышает на две тысячи лет максимальный известный науке возраст. Я требую уточнить дату и наказать виновного.

— Ему действительно две тысячи лет,— сказал я.

— Это антинаучно,— возразил Фарфуркис.— Вы, товарищ консультант, напрасно воображаете, что вам позволят здесь оперировать антинаучными заявлениями. Мы здесь тоже кое-что знаем, и я говорю даже не о гигантском опыте нашего руководства, но просто о знании научной литературы. В последнем номере журнала «Здоровье»...— И он подробно рассказал содержание статьи о геронтологии в последнем номере журнала «Здоровье». Когда он кончил, Хлебоедов ревниво сказал:

— А может быть, он горец, откуда вы знаете?

— Но позвольте! — вскричал Фарфуркис.— Даже среди горцев максимально возможный возраст...

— Не позволю я! — сказал Хлебоедов.— Не позволю я преуменьшать возможности наших славных горцев! Если хотите знать, максимально возможный возраст наших горцев предела не имеет! — И он победоносно поглядел на Лавра Федотовича.

— Народ,— сказал Лавр Федотович.— Народ вечен. Пришельцы приходят и уходят, а народ наш, великий народ, пребывает вовеки.

Фарфуркис и Хлебоедов задумались, прикидывая, в чью же пользу высказался председатель. Ни тому, ни другому рисковать не хотелось. Один был на гребне и не желал из-за какого-то паршивого пришельца с этого гребня ссыпаться. Другой, глубоко внизу, висел над пропастью, и ему только что была сброшена спасательная бечевка. А между тем Лавр Федотович произнес:

— У вас все, товарищ Зубо? Вопросы есть? Нет вопросов. Есть предложение вызвать дело, поименованное Константиновым Константином. Других предложений нет? Пусть дело войдет.

Комендант побледнел, закусил губу и достал из кармана перламутровую коробочку.

— Пусть дело войдет,— повторил Лавр Федотович, чуть повышая голос.

— Сейчас, сейчас,— пробормотал комендант. Ему было страшно.

— Ну чего ты стоите? — возмущенно спросил Хлебоедов.— Мне, что ли, за ним идти?

Тогда комендант решился. Он зажмурил глаза и нажал на перламутровую крышку. Раздался звук откупориваемой бутылки, и рядом с демонстрационным столом появился Константин. По-видимому, вызов захватил его во время работы: он был в комбинезоне, заляпанном флюоресцентной смазкой, передние руки его были в рабочих металлических перчатках, а задние он торопливо вытирал о спину. Все четыре глаза его еще хранили озабоченное деловое выражение. По комнате распространился сильный запах Большой Химии.

— Здравствуйте,— сказал он обрадованно, сообразив наконец, куда попал.— Наконец-то вы меня вызвали. Дело, правда, пустяковое, неловко даже вас беспокоить, но при моем безвыходном положении только и остается, что просить о помощи. Чтобы не задерживать долго вашего внимания, что мне нужно? — Он принялся загибать пальцы на правой передней руке.— Лазерную сверлильную установку — не обязательно высокой мощности. Плазменную горелку, у вас такие уже есть, я знаю. Два инкубатора на тысячу яиц каждый. Для начала мне этого хватит, но хорошо бы еще квалифицированного инженера, и чтобы разрешили работать в Китежградских мастерских...

— Так какой же это пришелец? — с изумлением и негодованием сказал Хлебоедов.— Какой он, я спрашиваю, пришелец, если я его каждый день вижу в ресторане? Вы, собственно, товарищ, кто такой и как сюда попали?

— Я — Константин из системы Бетельгейзе.— Константин смутился.— Я думал, что вы все уже знаете, меня уже опрашивали.— Он заметил меня и приветливо улыбнулся.— Ведь это вы меня опрашивали, верно?

Хлебоедов тоже обратился ко мне.

— Так что, это, по-вашему, пришелец? — язвительно спросил он.

— Конечно,— сказал я.— У него неполадки в звездолете, и он вынужден был приземлиться у нас.

— Странные какие-то дела творятся,— сказал Хлебоедов.— Пришельцы какие-то странные пошли...

— Я вот смотрю фотографию в деле,— подал голос Фарфуркис,— и вижу, что общее сходство имеется, но у товарища на фотографии две руки, а у этого неизвестного гражданина — четыре. Как это с точки зрения науки может быть объяснено?

— Константин,— сказал я.— Встаньте, пожалуйста, к этому товарищу в фас.

Константин повиновался.

— Так-так-так,— сказал Фарфуркис.— С этим мы разобрались. Должен вам сказать, Лавр Федотович, что сходство фотографии с этим вот товарищем несомненное. Вот четыре глаза я вижу... да, четыре. Носа нет. Да... Рот крючком. Все правильно.

— Ну, я не знаю,— сказал Хлебоедов.— О пришельцах писали в прессе, и утверждалось там, что если бы пришельцы существовали, они давали бы нам о себе знать. А поскольку, значит, не дают о себе знать, то их и нет. А есть выдумка недобросовестных лиц. Вы пришелец? — гаркнул он вдруг на Константина.

— Да,— сказал Константин.

— Знать вы о себе дали?

— Я не давал,— сказал Константин.— Я вообще не собирался у вас приземляться, и дело ведь не в этом, по-моему...

— Нет уж, гражданин хороший, ты мне это бросьте! Именно в этом дело и есть. Даешь о себе знать — милости просим, хлеб-соль выносим, пей-гуляй. А не даешь — не обессудь. Ам-

фибрахий амфибрахием, а мы тоже тут хлеб не даром едим, работаем и отвлекаться на посторонних не можем. Таково мое общее мнение.

— Гррм,— выразился Лавр Федотович.— Еще кто желает выступить?

— Я, с вашего позволения,— сказал Фарфуркис.— Товарищ Хлебоедов в целом верно изобразил положение вещей. Однако мне кажется, что, несмотря на загруженность работой, мы не должны все-таки отмахиваться от товарища. Мне кажется, мы должны подходить более индивидуально к этому конкретному случаю. Я за более тщательное расследование. Никто не должен получить возможность обвинять нас в поспешности, бюрократизме и бездушии с одной стороны, а также в халатности, прекраснодушии и отсутствии бдительности — с другой стороны. С позволения Лавра Федотовича я предложил бы провести дополнительный опрос гражданина Константинова Константина Константиновича с целью выяснения его личности.

— Чего это мы будем подменять собой милицию? — сказал Хлебоедов, чувствуя, что поверженный противник вновь неудержимо лезет вверх по склону.

— Прошу прощения,— сказал Фарфуркис.— Не подменять собою милицию, а содействовать исполнению духа и буквы инструкции, где в параграфе девятом главы первой части шестой сказано по этому поводу...— Голос его повысился до торжествующей звонкости.— «В случае, когда идентификация, произведенная научным консультантом совместно с представителями администрации, хорошо знающими местные условия, вызывает сомнения Тройки, надлежит произвести дополнительное изучение дела на предмет уточнения идентификации совместно с уполномоченным Тройки или на одном из заседаний Тройки». Что я и предлагаю.

— Так точно, товарищ генералиссимус,— неожиданно внятно произнес полковник.— Так точно — старый дурак...

— Инструкция, инструкция,— сказал Хлебоедов гнусаво.— Мы будем по инструкции, а он нам тут голову будет морочить, жулик четырехглазый... Время будет у нас отнимать. Народное время! — воскликнул он страдальчески, косясь на Лавра Федотовича.

— Почему же это я жулик? — сказал Константин с возмущением.— Вы меня оскорбляете, гражданин Хлебоедов. И вообще я вижу, что вам совершенно наплевать, пришелец я или не пришелец, вы только стараетесь подсидеть гражданина Фарфуркиса и выиграть в глазах гражданина Вунюкова. Это бесчестно. Мне нужна помощь, и на любой планете, входящей в космическую конвенцию, мне бы эту помощь давным-давно уже оказали. А вы вот...

— Клевета! — наливаясь кровью, заорал Хлебоедов.— Оговаривают! Да что же это, товарищи? Двадцать пять лет куда прикажут... Ни одного взыскания... Всегда с повышением...

— И опять врете,— хладнокровно сказал Константин.— Два раза вас выгоняли.

— Это навет! Это политический донос! Не те времена, товарищ Константинов! Мы еще посмотрим, чем ваша сотня родителей занималась... что это были за родители! Набрал родственников, понимаете, целое учреждение...

— Гррм,— проговорил Лавр Федотович.— Я предлагаю прекратить прения и подвести черту. Другие предложения есть?

Наступила тишина. Фарфуркис, не очень скрываясь, торжествовал, Хлебоедов утирался платком, а Константин пристально вглядывался в Лавра Федотовича, явно тщась прочесть его мысли или хотя бы проникнуть в его душу, однако видно было, что все старания его пропадают втуне, и в четырехглазом и безносом лице его виделась мне все более отчетливо проступающая разочарованность опытного кладоискателя, отвалившего заветный камень, засунувшего руку по плечо в древний тайник, но никак не могущего нащупать там ничего, кроме нежной пыли, паутины и каких-то неопределенных крошек.

— Поскольку возражений не поступает,— провозгласил Лавр Федотович,— приступим к доследованию дела. Слово предоставляется...— он сделал томительную паузу, во время которой Хлебоедов чуть не умер,— ...товарищу Фарфуркису.

Хлебоедов, очутившись на дне зловонной пропасти, безумными глазами следил за полетом стервятников, свершающих круг за кругом в недоступной теперь для него ведомственной синеве. Фарфуркис не торопился начинать. Он совершил еще пару кругов, обдавая Хлебоедова пометом, затем уселся на краю

обрыва, почистил перышки, охорашиваясь и кокетливо поглядывая на Лавра Федотовича, и наконец приступил:

— Вы утверждаете, товарищ Константинов, что вы есть пришелец с иной планеты. Какими документами вы могли бы подтвердить это ваше заявление?

— Я мог бы показать вам свой бортовой журнал,— сказал Константинов.— Но, во-первых, я не имею возможности доставить его сюда, а во-вторых, я вообще не хотел бы затрудняться и затруднять вас какими-то доказательствами. Я пришел сюда, чтобы просить у вас помощи, конкретной помощи, я уже сказал, что мне нужно, и теперь жду ответа. Может быть, вы не можете оказать мне эту помощь, тогда так и скажите...

— Минуточку,— прервал его Фарфуркис.— Вопрос о компетентности настоящей комиссии в смысле оказания помощи представителям иных цивилизаций мы пока отложим. Наша задача — идентифицировать вас, товарищ Константинов, как такого представителя... Минуточку, я еще не кончил. Вы упомянули бортовой журнал и сказали, что не имеете возможности доставить его сюда. Но, может быть, комиссия получит возможность осмотреть оный журнал, прибывши на борт вашего корабля?

— Нет, это тоже невозможно,— вздохнул Константинов. Он внимательно изучал Фарфуркиса.

— Ну что же, это ваше право,— сказал Фарфуркис.— Но в таком случае вы, может быть, предоставите нам какую-нибудь иную документацию, могущую служить удостоверением вашего происхождения?

— Я вижу,— сказал Константинов с некоторым удивлением,— что вы действительно хотите убедиться в том, что я пришелец. Правда, мотивы ваши мне не совсем понятны... но не будем об этом. Что касается доказательств, то неужели мой внешний вид не наводит вас на правильное умозаключение?

Фарфуркис с сожалением покачал головой.

— К сожалению,— сказал он,— все обстоит не так просто. Наука не дает нам вполне четкого представления о том, что есть человек. Это естественно. Если бы, например, наука определила людей как существ с двумя глазами и двумя руками, значительные слои населения, обладающие лишь одной рукой

или, скажем, вовсе безрукие, оказались бы в ложном положении. С другой стороны, медицина в наше время творит чудеса. Я сам видел по телевизору собак с двумя головами и с шестью лапами, и у меня нет никаких оснований...

— Может быть, вид моего корабля...— уже робко сказал Константинов.— Вид, достаточно необычный для вашей земной техники...

И вновь Фарфуркис покачал головой.

— Вы должны понимать,— мягко сказал он,— что в атомный век члена ответственной комиссии, имеющего специальный допуск, трудно удивить каким бы то ни было техническим сооружением.

— Я могу читать мысли! — сказал Константинов с отчаянием. Только теперь он начал понимать, что ему грозит.

— Телепатия антинаучна,— мягко сказал Фарфуркис.— Мы в нее не верим.

— Ну как же,— сказал Константин,— честное слово... ну вот вы, например, собираетесь сейчас упомянуть о казусе с «Наутилусом»... а товарищ Хлебоедов...

— Навет! — хрипло закричал Хлебоедов, и Константин замолчал.

— Поймите нас правильно! — проникновенно сказал Фарфуркис, прижимая руки к полной груди.— Мы ведь не утверждаем, что телепатия не существует. Мы утверждаем лишь, что телепатия антинаучна и что мы в нее не верим. Вы упомянули про казус с подводной лодкой «Наутилус», но ведь хорошо известно, что это лишь буржуазная утка, сфабрикованная для того, чтобы отвлечь внимание трудящихся от насущных проблем сегодняшнего дня[1]. Так что ваши телепатические способности, истинные или вами воображенные, являются лишь фактом вашей личной биографии, каковая и является сейчас объектом нашего расследования. Вы чувствуете замкнутый круг?

— А если бы я при вас немного полетал? — спросил Константин.

---

[1] Занятно, что это и в самом деле деза. По-видимому, ее состряпали, чтоб отвлечь наших вояк и заставить их заниматься всякой ерундой. Ну, из той же серии, что разные исследования сбитых летающих тарелок.— *В. Д.*

— Это было бы, конечно, интересно, но мы, к сожалению, сейчас на работе и не можем предаваться зрелищам, даже самым захватывающим.

Константин в полном отчаянии посмотрел на меня. Я чувствовал, что все безнадежно, но я не мог отнимать у него последней надежды и сказал:

— Давайте, Костя.

И Костя дал. Сначала он давал как-то вяло, без всякой уверенности в успехе, ощущалась в его действиях какая-то обреченность, но потом увлекся и заработал, как бог. Он исчез и сейчас же вернулся с мокрой болотной кувшинкой. Он взбежал на потолок и последовательно превратил себя в муху, в люстру и в гирлянду колбас. Он размазался по стенам и снова собрался посередине комнаты. Он уплощил Хлебоедова и завязал его изящным бантом на шее у неподвижного Лавра Федотовича. Он вылечил у Фарфуркиса зуб, удалил у всех присутствующих отросток слепой кишки и превратил пластмассовую оправу очков у полковника в золотую. Он сделал на минуточку что-то со мной, и в результате я пользовался редкой возможностью видеть комнату заседаний из четырех углов одновременно. Затем он занялся физической геометрией. Он выдвинул оба окна в направлении четвертого измерения. Он наклеил Дом культуры на поверхность небольшого пятимерного гиперболоида. Он как-то так ловко сложил евклидово пространство, что я очутился в институте и даже успел поздороваться с Витькой Корнеевым. Он учинил бесстыдную развертку трехмерного Фарфуркиса на плоскости. Он гонял нас взад и вперед по времени, переводил в соседствующие вселенные, всовывал нас в вероятностные миры. У меня кружилась голова, пульс неистовствовал, трещало в ушах, и, стискивая виски, я еле расслышал усталый голос Пришельца:

— Время уходит, мне некогда. Говорите, что вы решили.

И ему опять никто не ответил. Лавр Федотович задумчиво вертел длинными пальцами коробочку диктофона. Умное лицо его было спокойно и немного печально, но это еще ничего не означало: он был таким всегда. Полковник ни на что не обращал внимания — или делал вид, что не обращает. Он нацарапал еще одну записку и перебросил ее Зубо, а тот внимательно

прочитал ее, бесшумно пробежал пальцами по клавиатуре информационной машины. Фарфуркис листал справочник, уставясь в страницы невидящими глазами. А Хлебоедов мучился. Он кусал губы, морщился и даже тихонько покряхтывал. Из машины с сухим щелчком вылетела белая карточка, Зубо подхватил ее и передал полковнику.

— Скачок в тысячу лет,— тихо сказал Хлебоедов.

— Скачок назад,— проговорил Фарфуркис сквозь зубы. Он все листал справочник.

— Я не знаю, как мы теперь будем работать,— сказал Хлебоедов.— Мы заглянули в конец задачника, где все ответы.

— Но вы же не видели ответов,— возразил Фарфуркис.— Хотите увидеть?

— Какая разница,— сказал Хлебоедов,— раз мы знаем, что ответы есть. Скучно искать, когда знаешь, что кто-то уже нашел.

Пришелец ждал, переплетя руки. Ему было неудобно в кресле с высокой спинкой, и он сидел, напряженно выпрямившись. Его круглые немигающие глаза неприятно светились красным. Полковник отшвырнул карточку, написал новую записку, и Зубо снова склонился над клавиатурой.

— Я знаю, что мы должны отказаться,— сказал Хлебоедов.— И я знаю, что мы двадцать раз проклянем себя за такое решение.

— Это еще не самое плохое, что с нами может случиться,— сказал Фарфуркис.— Хуже, если нас двадцать раз проклянут другие.

— Внуки, а может быть, даже дети уже воспринимали бы все как данное.

— Нам не должно быть безразлично, что наши дети будут воспринимать как данное.

— Моральные критерии гуманизма,— сказал Хлебоедов, слабо усмехнувшись.

— У нас нет других критериев,— возразил Фарфуркис.

— К сожалению,— сказал Хлебоедов.

— К счастью, коллега, к счастью. Всякий раз, когда человечество пользовалось другими критериями, оно жестоко страдало.

— Я знаю это. Хотел бы я этого не знать.— Хлебоедов посмотрел на Лавра Федотовича.— Проблема, которую мы здесь

решаем, поставлена некорректно. Она базируется на смутных понятиях, на неясных формулировках, на интуиции. Как ученый, я не берусь решать эту задачу. Это было бы несерьезно. Остается одно: быть человеком. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я — против территориального контакта... Это ненадолго! — возбужденно выкрикнул он, всем телом подавшись в сторону неподвижного Пришельца.— Вы должны нас правильно понять... Я уверен, что это ненадолго. Дайте нам время, мы ведь так недавно вышли из хаоса, мы еще по пояс в хаосе...— Он замолчал и уронил голову в руки.

Лавр Федотович посмотрел на Фарфуркиса.

— Я могу только повторить то, что говорил раньше,— негромко сказал Фарфуркис.— Меня никто ни в чем не переубедил. Я против всякого контакта на исторически длительные сроки. Я абсолютно уверен,— вежливо добавил он,— что высокая договаривающаяся сторона восприняла бы всякое иное наше решение как свидетельство самонадеянности и социальной незрелости.— Он коротко поклонился в сторону Пришельца.

— Полковник? — вопросительно произнес Лавр Федотович.

— Категорически против всякого контакта,— отозвался полковник, продолжая писать.— Категорически и безусловно.— Он перебросил Зубо очередную записку.— Обоснований не привожу, но прошу оставить за мной право сказать еще несколько слов по этому поводу через десять минут.

Лавр Федотович осторожно положил диктофон и медленно поднялся. Пришелец тоже поднялся. Они стояли друг против друга, разделенные огромным столом, заваленным справочниками, футлярами микрокниг, катушками видеомагнитной записи.

— Мне нелегко сейчас говорить,— начал Лавр Федотович.— Нелегко уже потому, что обстоятельства требуют, вероятно, высокой патетики и слов не только точных, но и торжественных. Однако здесь, у нас на Земле, все патетическое в силу ряда обстоятельств претерпело за последний век решительную инфляцию. Поэтому я постараюсь быть просто точным. Вы предложили нам дружбу и сотрудничество во всех аспектах цивилизации. Это предложение беспрецедентно в человеческой истории, как беспрецедентен и сам факт появления инопла-

нетного существа на нашей планете и как беспрецедентен наш ответ на ваше предложение. Мы отвечаем вам отказом по всем пунктам предложенного вами договора, мы отказываемся выдвинуть какой бы то ни было контрдоговор, мы категорически настаиваем на полном прекращении каких бы то ни было контактов между нашими цивилизациями и между их отдельными представителями. С другой стороны, нам не хотелось бы, чтобы такой категорический и недружелюбный по форме отказ углубил бы пропасть между нашими культурами, пропасть и без того едва преодолимую. Мы имеем заявить, что идея контакта между различными цивилизациями в Космосе признается нами в принципе полезной и многообещающей. Мы имеем подчеркнуть, что идея контакта с древнейших времен входила в сокровищницу самых лелеемых, самых гордых замыслов нашего человечества. Мы имеем уверить вас, что наш отказ ни в коем случае не должен рассматриваться вами как движение враждебное, основанное на скрытом недружелюбии или связанное с физиологическими и иными инстинктивными предрассудками. Нам хотелось бы, чтобы причины отказа были вам известны, вами поняты и если не одобрены, то, по крайней мере, приняты к сведению.

Хлебоедов и Фарфуркис в неподвижном напряжении, не мигая, глядели на Лавра Федотовича. Полковник получил ответ на последнюю записку, сложил все карточки в аккуратную пачку и тоже стал смотреть на Лавра Федотовича.

— Неравенство между нашими цивилизациями огромно,— продолжал Лавр Федотович.— Я не говорю о неравенстве биологическом, природа одарила вас гораздо более щедро, чем нас. Не стоит говорить и о неравенстве социальном, вы давно уже прошли ту стадию общественного развития, в которую мы едва лишь вступили. И уж конечно, я не говорю о неравенстве научно-технических возможностей, по самым скромным подсчетам вы обогнали нас на несколько веков. Я буду говорить о прямом следствии этих трех аспектов неравенства, о гигантском психологическом неравенстве, которое и явилось главной причиной неудачи наших переговоров. Нас разделяет гигантская революция в массовой психологии, к которой мы только начали готовиться и о которой вы, наверное, давно уже забыли. Пси-

хологический разрыв не позволяет нам составить правильное представление о целях вашего прибытия сюда, мы НЕ ПОНИМАЕМ, зачем ВАМ нужна дружба и сотрудничество с нами, а ведь мы только-только вышли из состояния беспрерывных войн, из мира кровопролития и насилия, из мира лжи, подлости, корыстолюбия, мы еще не отмылись от грязи этого мира, и когда мы сталкиваемся с явлениями, которые наш разум не способен вскрыть, когда в нашем распоряжении остается только наш огромный, но не освоенный еще опыт, наша психология побуждает нас строить модель явления по своему образу и подобию, грубо говоря, мы не доверяем вам, как не доверяем всё еще самим себе. Наша массовая психология базируется на эгоизме, утилитаризме и мистике. Установление и расширение контактов с вами означает для нас угрозу, немыслимое усложнение и без того сложного положения на нашей планете. Наш эгоизм, наш антропоцентризм, тысячелетиями воспитанная в нас религиями и наивными философиями уверенность в нашем изначальном превосходстве, в нашей исключительности и избранности,— все это грозит породить чудовищный психологический шок, вспышку иррациональной ненависти к вам, истерического страха перед вашими невообразимыми возможностями, ощущение огромного унижения и постыдного падения с трона царя природы в грязь. Наш утилитаризм породит у огромной части населения стремление бездумно воспользоваться материальными благами прогресса, доставшегося без усилий, даром, грозит необратимо повернуть души к тунеядству и потребительству, а, видит бог, мы сейчас отчаянно боремся с этим как следствием нашего собственного научно-технического прогресса. Что же касается нашего закоренелого мистицизма, нашей застарелой надежды на добрых богов, на добрых царей, на добрых героев, надежды на вмешательство авторитетной личности, которая придет и снимет с нас все заботы и всю ответственность, что касается этой оборотной стороны нашего эгоизма, то вы даже представить себе не можете, каков будет в этом смысле результат вашего постоянного присутствия на нашей планете. Вы сами теперь видите, что расширение контакта грозит свести к нулю то немногое, что нам с огромным трудом удалось пока сделать в области подготовки к

революции в психологии. И вы должны понимать, что не в вас, не в ваших достоинствах и ваших недостатках лежит причина нашего отказа от контакта. Она лежит только в нас, в нашей неподготовленности. И мы отчетливо понимаем это и, категорически отказываясь от расширения контакта с вами сегодня, мы отнюдь не собираемся увековечивать такое положение. Поэтому мы, со своей стороны, предлагаем...

Лавр Федотович возвысил голос, и все встали.

— Мы предлагаем ровно через пятьдесят лет после вашего отлета повторить встречу полномочных представителей обеих цивилизаций на северном полюсе планеты Плутон. Мы надеемся, что к этому времени мы окажемся более подготовленными к обдуманному и благоприятному сотрудничеству наших цивилизаций.

Лавр Федотович кончил и сел, и все мы сели. Остались стоять только полковник и Пришелец.

— Присоединяясь целиком и полностью к форме и содержанию изложенного здесь председателем,— резко и сухо заговорил полковник,— я считаю своим долгом, однако, не оставлять никаких сомнений у высокой договаривающейся стороны в нашей решимости всеми средствами не допускать контакта до условленного времени. Безусловно признавая огромное техническое, а следовательно, и военное превосходство высокой договаривающейся стороны, я считаю своим долгом совершенно недвусмысленно заявить, что любая попытка насильственного навязывания контакта, в какой бы форме она ни предпринималась, будет рассматриваться с момента вашего отлета как акт агрессии и будет встречена всей мощью земного оружия. Всякий корабль, появившийся в сфере достижения наших боевых средств, будет уничтожаться без предупреждения...

— Ну товарищи,— прервал его Фарфуркис,— ну невозможно же работать. Ну куда вы опять заехали?

Полковник пожевал губами, мутно огляделся, сел и сейчас же захрапел.

— Да-да,— сказал Хлебоедов.— Надо кончать. Я тут в меньшинстве, но я — что? Я — пожалуйста. Не хотите его в милицию, не надо. А только регистрировать нам этого фокусника как сенсацию, ей-богу, ни к чему. Подумаешь, отрастил себе две руки...

— Гррм,— произнес Лавр Федотович.— Есть предложение заслушать товарища научного консультанта. Других предложений нет? Докладывайте, товарищ Привалов.

Я сказал:

— С точки зрения науки Константинов Константин Константинович безусловно является существом с иной планеты, то есть пришельцем. Однако товарищу Константинову совершенно безразлично, признает его таковым настоящая Тройка или не признает. Товарищ Константинов заинтересован только в одном: в оказании ему известной научной и технической помощи. Поэтому, не настаивая на формальном признании его необъясненным явлением, я ходатайствую перед Тройкой и лично перед Лавром Федотовичем о составлении соответствующего отношения в соответствующие организации. Проект такого отношения я готов представить на рассмотрение Лавра Федотовича завтра утром.

Пока я говорил, Хлебоедов все время нашептывал что-то на ухо Лавру Федотовичу. Когда я кончил, Лавр Федотович сказал «гррм» и произнес небольшую речь, из которой следовало, что народу не нужны необъяснимые явления, которые могли бы представить, но по тем или иным причинам не представляющие документации, удостоверяющие их право на необъяснимость. С другой стороны, народ давно требует беспощадного выкорчевывания бюрократизма, бумажной волокиты во всех инстанциях. На основании этого тезиса Лавр Федотович выражал мнение Тройки, что рассмотрение дела семьдесят два надлежит перенести на декабрь месяц текущего года, с тем чтобы дать возможность товарищу Константинову К. К. отбыть по месту постоянного жительства и успеть вернуться оттуда с надлежаще оформленными документами. Что же касается оказания товарищу Константинову К. К. материальной помощи, то комиссия имеет право оказывать таковую или ходатайствовать об оказании таковой лишь в тех случаях, когда проситель представляет собою признанное ею, комиссией, необъясненное явление. А поскольку товарищ Константинов К. К. таковым явлением еще не признан, то и вопрос о предоставлении ему помощи откладывается до декабря, а точнее — до момента признания.

Я открыл рот, чтобы возразить, но Константинов, которого давно уже распирало, демонстративно и очень по-нашему плюнул и исчез.

— Это выпад! — радостно закричал Хлебоедов.— Видали, как он харкнул? Весь пол заплевал!

— Возмутительно,— согласился Фарфуркис.— Я квалифицирую это как оскорбление.

— Я же говорил — жулик! — сказал Хлебоедов.— Надо связаться с милицией, пусть его посадят на пятнадцать суток, пусть он улицы пометет в четыре руки...

— Нет, товарищ Хлебоедов,— возразил Фарфуркис,— здесь уже не милицией пахнет, вы недооцениваете, это плевок в лицо общественности и администрации, это дело подсудное!

Лавр Федотович безмолвствовал, но его короткие веснушчатые пальцы возбужденно бегали по столу — то ли он искал какую-то особенную кнопку, то ли телефон. Запахло политической уголовщиной. Пора было вмешаться.

Я прокашлялся и попросил внимания. Внимание было мне неохотно даровано, потому что глаза уже возбужденно сверкали, загривки ощетинились, клыки готовы были рвать, а когти — драть. Я заявил, что мне странны все вышеизложенные заявления и обвинения. Я напомнил комиссии, что она должна занимать галактоцентрические, а отнюдь не антропоцентрические позиции. Я указал, что обычаи и способы выражения чувств у инопланетных существ могут и должны существенно отличаться от человеческих. Я обратился к изжеванной аналогии с обычаями различных племен и народов нашей планеты. Я выразил уверенность, что товарища Фарфуркиса не удовлетворило бы потирание носами в качестве приветствия, принятого между некоторыми народами Севера, но что товарищ Фарфуркис вряд ли воспринял бы все-таки это потирание как унижение его положения члена комиссии. Что касается товарища Константинова, то обычай сплевывать на землю образующийся в ротовой полости избыток жидкости определенного химического состава, означающий у некоторых народов Земли неудовольствие, раздражение или стремление оскорбить собеседника, может и должен у инопланетного существа выражать нечто совершенно иное, в том числе и благодарность за

внимание. Плевок товарища Константинова мог представлять и чисто нейтральную акцию, связанную со спецификой физиологического функционирования его организма... («Чего там функция! — заорал Хлебоедов.— Заплевал весь пол, как бандит, и смылся!») Наконец, нельзя упускать из виду возможность интерпретировать упомянутое физиологическое отправление товарища Константинова как действие, связанное с его способом молниеносного передвижения в пространстве. Я разливался соловьем и с облегчением наблюдал, как пальцы Лавра Федотовича двигались все медленнее и медленнее и наконец покойно улеглись на бюваре. Хлебоедов продолжал еще угрожающе рявкать, но чуткий Фарфуркис быстро уловил изменение ситуации и перенес острие удара в совершенно неожиданную сторону. Он вдруг обрушился на коменданта, который до сих пор, считая себя в безопасности, с интересом наблюдал развитие инцидента, в тайниках души надеясь, видимо, что проклятого пришельца либо вышлют в двадцать четыре часа, либо отдадут под суд, но уж во всяком случае снимут у него с отчетности.

— Я давно уже обратил внимание на то,— загремел Фарфуркис,— что воспитательная работа в колонии необъясненных явлений поставлена безобразно. Политико-просветительные лекции почти не проводятся, доска наглядной агитации отражает вчерашний день. Вечерний университет культуры практически не функционирует. Все культурные мероприятия в колонии сводятся к танцулькам, к демонстрации заграничных фильмов, к пошлым эстрадным представлениям. Лозунговое хозяйство запущено. Колонисты предоставлены сами себе, многие из них морально опустошены, почти никто не разбирается в международном положении, а целый ряд колонистов даже не понимает, где они находятся. В результате аморальные поступки, хулиганство и поток жалоб от трудящихся. Позавчера птеродактиль Кузьма, покинув территорию колонии и находясь, несомненно, в пьяном виде, летал над клубом рабочей молодежи и скусывал электрические лампочки, окаймляющие транспарант с надписью «Добро пожаловать». Николай Долгоносиков, именующий себя телепатом и спиритом, обманным путем проник в женское общежитие педагогического технику-

ма и производил там беседы и действия, которые были квалифицированы администрацией как религиозная пропаганда. И вот сегодня мы сталкиваемся с еще одним печальным следствием преступно-халатного отношения товарища Зубо, коменданта колонии, к вопросам воспитания и пропаганды. Чем бы ни было на самом деле сплевывание товарищем Константиновым избытка жидкости из ротовой полости, оно свидетельствует о недостатке понимания товарищем Константиновым, где он находится и как обязан себя вести, а это, в свою очередь, есть просчет товарища Зубо, который не разъяснил колонистам смысл пословицы народной «В чужой монастырь со своим уставом не суйся». И я считаю, что мы обязаны поставить на вид товарищу Зубо, строго предупредить и обязать его повысить уровень воспитательной работы во вверенной ему колонии!

Фарфуркис кончил, и за коменданта принялся Хлебоедов. Речь его была несвязна, но была полна смутных намеков и угроз такого чудовищного смысла, что комендант совсем ослабел и открыто глотал пилюли, пока Хлебоедов орал: «Я тебя поплююсь!.. Ты понимаете что или совсем ошалел?..» «Гррм»,— сказал наконец Лавр Федотович и пошел ставить каменные точки над разными буквами. Комендант получил «на вид» за недостойное поведение в присутствии комиссии, выразившееся в плевании на пол товарищем Константиновым, и за утрату административного обоняния. Товарищ Константинов К. К. получил предупреждение в дело за хождение по потолку в обуви. Фарфуркис получил устное замечание за систематическое превышение регламента при выступлениях, а Хлебоедов — за нарушение административной этики, выразившееся в попытке облыжно оболгать товарища Константинова К. К. Мне был объявлен устный выговор за появление в строю в небритом виде.

— Других предложений нет? — осведомился Лавр Федотович. Хлебоедов сейчас же ткнулся к его уху и зашептал. Лавр Федотович выслушал и сказал: — Есть предложение напомнить некоторым членам комиссии о необходимости более активно участвовать в ее работе.

Теперь получили все. Никто не был забыт, и ничто не было забыто. Атмосфера сразу очистилась, все, даже комендант, повеселели. Даже полковник, которого до сих пор мучили тяже-

лые кошмары, вздохнул и, причмокнув губами, погрузился в спокойный целительный сон.

Комендант огласил ФИО следующего, пятьдесят пятого, дела. Им оказался гражданин Долгоносиков Николай Патрикеевич, претендующий на признание себя телепатом и спиритом, как выяснилось, тот самый Долгоносиков, что вел словом и делом религиозную пропаганду в женском общежитии. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы разбирать его сейчас, чуть ли не на другой день после свершенного им предосудительного деяния. При всеобщем одобрении и к огорчению коменданта дело номер пятьдесят пять было перенесено на октябрь текущего года. Телепат, подслушивающий мысли за дверью, просунулся было в комнату со стоном: «Да не вел я!..», однако ему беспощадно предложили удалиться и ждать, пока его вызовут[1].

— Следующий,— сказал Лавр Федотович.— Доложите, товарищ Зубо.

— Дело номер второе,— зачитал комендант.— Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Кличка: Кузьма.

Я ждал, что Фарфуркис заявит протест, но Фарфуркис смотрел на часы. Он проголодался.

— Год и место рождения,— продолжал, ободрившись, комендант.— Не установлено. Вероятно, Конго.

— Он что, немой, что ли? — благодушно осведомился Хлебоедов.

— Говорить не умеет,— ответил комендант.— Только квакает.

— От рождения такой?

— Надо полагать, да.

— Наследственность, видно, плохая,— проворчал Хлебоедов.— Оттого и в бандиты подался. Судимостей много?

— У кого? — спросил комендант ошарашенно.— У меня?

— Да нет, почему у тебя? У этого... у бандита, у Кузьки, или как его там по кличке...

---

[1] На полях заметки: «Рассуждения о полковнике» и «Письма принесли», то есть часть исправлений и заметок относится к подготовке текста СОТ-1.— *С. Б.*

— Протестую,— нетерпеливо сказал Фарфуркис.— Товарищ Хлебоедов исходит из предвзятого мнения о том, что клички бывают только у бандитов. Между тем в инструкции, в параграфе восьмом главы четвертой части второй, предлагается наделять кличкой необъясненное явление, которое идентифицируется как живое существо, не обладающее разумом.

— А,— сказал Хлебоедов разочарованно,— собака какая-нибудь. А я думал — бандит. Это когда я заведовал кассой взаимопомощи театральных деятелей при ВТО, был у меня кассир...

— Я протестую! — плачущим голосом закричал Фарфуркис.— Это нарушение регламента! Так мы до ночи не кончим!

Хлебоедов поглядел на часы.

— И верно,— сказал он.— Извиняюсь. Давайте, браток.

— Пункт пятый,— прочитал комендант.— Национальность: птеродактиль.

Все содрогнулись, но время поджимало, и никто не сказал ни слова.

— Образование: прочерк,— продолжал читать комендант.— Знание иностранных языков: прочерк. Профессия и место работы в настоящее время: прочерк. Был ли за границей: вероятно, да...

— Ох, это плохо,— пробормотал Хлебоедов.— Плохо это. Ох, бдительность! Птеродактиль, говорите? Это что, белый он? Черный?

— Он, как бы это сказать, сероватый такой,— сказал комендант.

— Ага,— сказал Хлебоедов.— Говорить не может, только квакает... Ну ладно. Дальше.

— Краткая сущность необычности: реликт фауны юрского периода, считается вымершим пятьдесят миллионов лет назад.

— Сколько? — переспросил Фарфуркис.

— Пятьдесят миллионов тут написано,— несмело сказал комендант.

— Несерьезно все это как-то,— пробормотал Фарфуркис.— Да читайте же,— простонал он.— Дальше читайте!

— Данные о ближайших родственниках: вероятно, все вымерли. Адрес постоянного местожительства: Китежградская колония необъясненных явлений.

— Прописан там? — строго спросил Хлебоедов.

— Да вроде как бы прописан,— сказал комендант.— Как заявился он, как занесли его в книгу почетных посетителей, так и пребывает. Можно сказать, прижился Кузьма.— В голосе коменданта послышались нежные нотки: Кузьке он покровительствовал.

— У вас все? — осведомился Лавр Федотович.— Тогда предлагаю вызвать.

Других предложений не было, комендант отдернул штору на окне и ласково позвал:

— Кузь-Кузь-Кузь-Кузь!.. Вон сидит на трубе, паршивец,— сказал он нежно.— Стесняется... Стеснительный он очень. Ку-узь!.. Кузь-Кузь-Кузь!.. Летит, жулик,— сообщил он, отступая от окна.

Послышался кожистый шорох и свист, огромная тень на секунду закрыла небо, и Кузька, трепеща распахнутой перепонкой, плавно опустился на демонстрационный столик. Сложив крылья, он задрал голову, разинул огромную зубастую пасть и тихонько квакнул.

— Это он здоровается,— пояснил комендант.— Ве-ежливый, сукин кот, все как есть понимает!

Кузька оглядел комиссию, встретился с мертвенным взглядом Лавра Федотовича и вдруг застеснялся ужасно, закутался в крылья, спрятал пасть на брюхе и стал застенчиво выглядывать из кожистых складок одним глазом — огромным, зеленым, анахроничным, похожим на полураскрытую ирисовую диафрагму. Прелесть был Кузька. Впрочем, на свежего человека он производил устрашающее впечатление. Хлебоедов на всякий случай что-то уронил и полез за уроненным под стол, откуда пробормотал: «Я думал, собака какая-нибудь квакающая...»

— Кусается? — спросил Фарфуркис опасливо.

— Как можно! — сказал комендант.— Смирное животное, все его гоняют, кому не лень... Конечно, если рассердится... только он никогда не сердится.

Лавр Федотович принялся рассматривать птеродактиля в бинокль и вогнал его этим в окончательное смущение. Кузька слабо квакнул и совсем спрятал голову в крыльях.

— Гррым,— удовлетворенно произнес Лавр Федотович и отложил бинокль.

Обстановка складывалась благоприятно.

— Я думал, это лошадь какая-нибудь...— бормотал Хлебоедов, ползая под столом.

— Разрешите мне, Лавр Федотович,— сказал Фарфуркис.— Я вижу в этом деле определенные трудности. Если бы мы занимались фиксацией[1] необычных явлений, я без колебаний первым бы поднял руку за признание. Действительно, крокодил с крыльями — явление довольно необычное в наших широтах. Однако наша задача — визировать необъясненные явления, и тут я испытываю недоумение. Присутствует ли в деле номер два элемент необъясненности? Если не присутствует, то почему мы должны это дело рассматривать? Если, напротив, присутствует, то в чем он, собственно, состоит? Может быть, наш научный консультант имеет сказать нам что-нибудь по этому поводу?

Лавр Федотович обратил на меня бинокль. Я не торопился с ответом и, сохраняя на лице глубокую задумчивость, старательно рисовал на бумаге интеграл от нуля до бесконечности. Дело было деликатное. Действовать надлежало с осторожностью. Мне было совершенно очевидно, что становиться сенсацией Кузьке ни к чему. Если бы Тройка, паче чаяния, признала бы Кузьму необъясненным явлением, бедняге предстоял бы поистине тернистый путь: интервью бесчисленным корреспондентам, тесная клетка, чужие равнодушные люди, которые будут его ощупывать, колоть, проверять его реакции, отрезать от него кусочки, просвечивать его рентгеном, короче говоря, относиться к нему, как существу бездушному, представляющему чисто научный интерес. Это было невозможно — отдать чужим людям нашего Кузьку, которого в Китежграде знает каждая собака; которого доброхотные бабки кормят с рук пшенной кашей; который всегда готов слетать тебе за папиросами, готов посидеть с ребенком, пока ты в кино, готов поднести тебе тяжелую авоську; который привык к свободе, к доброму отношению... Нет-нет, это было невозможно. Наши ребята уже пару раз приезжали сюда, чтобы познакомиться с Кузькой и прикинуть, как поделикатнее спланировать его обследование. Кузька прекрасно сошелся с Володей Почкиным, у них нашлось много

[1] Позже «фиксацией» изменено на «визированием».— *С. Б.*

общего, и теперь скоро из Института должно было прийти ходатайство о передаче Кузьки в распоряжение наших биологов и палеонтологов. Придет такое письмо, заберу Кузьку и поеду с ним в Соловец. А пока надо было всеми силами добиваться, чтобы дело отложили.

— Я отлично понимаю колебания товарища Фарфуркиса,— начал я.— В данном случае проблема необъясненности пребывает в резком разрыве с проблемой необычности. С одной стороны, летающие ящеры были чрезвычайно распространены на Земле некоторое время тому назад, и в этом смысле данный птеродактиль есть существо весьма заурядное. С другой стороны, практически все указанные ящеры уже вымерли, и в этом смысле наш птеродактиль — явление редкое, даже уникальное. Так обстоит дело с необычностью явления, хотя я должен присовокупить, что само по себе явление выживаемости давно вымерших существ хорошо известно современной науке: взять, например, целакантуса[1]. Что касается необъясненности, то фундаментальной загадкой явления следует считать факт массового вымирания ящеров, имевший место десятки миллионов лет назад. Мы могли бы исходить из предположения, что центр тяжести загадки лежит в огромных массах уже вымерших ящеров, что изучение их окаменевших останков даст ответ на вопросы науки. Однако нет никаких гарантий того, что разгадка необъясненного явления массовой гибели не лежит в данном экземпляре, единственном или одном из немногих, оставшихся жить. Я считаю необходимым подчеркнуть, что комиссия должна быть чрезвычайно осторожна в своих выводах, ибо, признавая данного птеродактиля сенсацией, она рискует попасть в смешное положение, если вдруг выяснится, что он не представляет особенной ценности для науки. Не признав же его сенсацией и халатно разбазарив его, комиссия рискует со-

[1] Целакантообразные рыбы — отряд надотряда кистеперых, он содержит единственный современный вид — латимерию. От кистеперых произошли наземные позвоночные, но именно латимерия нашим выжившим предком не является: у нее семь пальцев на «кисти», а у всех наземных позвоночных — пять (включая рудиментарные). Предки латимерии решили с выходом на сушу повременить: чем-то еще там дело кончится...— *В. Д.*

вершить непоправимую ошибку и справедливо понести за это всю тяжесть ответственности. Таково мое мнение по этому поводу, как научного консультанта.

— Какие будут вопросы к докладчику? — осведомился Лавр Федотович.

— А я так полагаю,— заявил Хлебоедов, который уже убедился, что Кузьма не кусается, и почувствовал себя смелее,— я так полагаю, что это просто крокодил с крыльями и больше ничего. И напрасно товарищ научный консультант наводит здесь тень на плетень. Я вот замечаю, что комендант развел у себя в колонии любимчиков, прикармливает их там за государственный счет... Я не хочу, конечно, сказать, что у него там семейственность или он там взятки получает, но факт, по-моему, налицо: крокодил с крыльями — простая штука, а возятся с ней как с писаной торбой. Гнать его нужно из колонии, пусть работать идет.

— Как же работать? — сказал комендант, очень болевший за Кузьму.

— А так! У нас все работают! Вон он здоровенный лоб какой сидит. Ему бы бревна на лесопилке подносить... Или пусть камень грузит. Может, скажете, у него жилы слабые? Я этих крокодилов знаю... ящеров этих...

— Как же так? — страдал комендант.— Он же все-таки не человек, он же все-таки животное, у него диета...

— Ничего, у нас животные тоже работают! Лошади, например... Пусть в почтальоны идет. Диета у него... У меня тоже вот диета, а из-за него без обеда сижу!..— Однако Хлебоедов почувствовал, что заврался. Фарфуркис смотрел на него насмешливо, да и поза Лавра Федотовича наводила на размышления. Учтя все эти обстоятельства, Хлебоедов сделал вдруг резкий поворот.— Постойте, постойте! — заорал он.— Это какой же у нас Кузьма? Это не тот ли Кузьма, который клубные лампочки жрал?.. Ну да, тот самый и есть! Это что же, и меры, значит, к нему не были приняты? Ты, товарищ Зубо, не выкручивайтесь! Ты мне прямо скажите, меры были применены?

— Были,— сказал комендант.

— Какие именно?

— Слабительного ему дали,— сказал комендант. Видно было, что за Кузьму он будет стоять насмерть.

Хлебоедов ударил кулаком по столу, и Кузьма со страху напустил лужу. Тут я тоже разозлился и сказал, обращаясь прямо к Лавру Федотовичу, что это издевательство над ценным научным экспонатом и что я решительно протестую. Фарфуркис тоже заявил, что он протестует, потому что товарищ Хлебоедов опять присваивает себе несвойственные ему функции. А полковник вдруг проснулся, неожиданным басом рявкнул: «Крокодил с крыльями? Ценно, очень ценно! Огнемет!» — и снова заснул. Лавр Федотович облизал волосатый указательный палец и резким движением перебросил у себя в бюваре несколько листков, что служило у него признаком сильнейшего раздражения.

— Подвожу черту,— произнес он голосом Петра Великого.— Выражая общее мнение, предлагаю дело номер два с обсуждения снять и под номенклатурой «крокодил с крыльями» передать в городской зоологический сад, где ввиду возможного научного интереса рассматривать как ценный экспонат со страховой стоимостью в пятьсот семьдесят пять рублей. Вопросы есть?

— Эх...— сказал героический комендант.— Лавр Федотович, товарищ Вунюков! Христом богом, спасителем нашим... Нет же у нас в городе зоологического сада!

— Будет,— сказал Лавр Федотович, поднимаясь.— Утреннее заседание Тройки считаю закрытым. Перерыв до восемнадцати часов ноль минут.— Он выбрался из-за стола и, проходя мимо коменданта, в высшей степени демократично пошутил: — Простой сад у вас есть, детский тоже есть, а теперь и зоологический будет. Тройка троицу любит.

Взрыв предобеденного хохота побудил Кузьку еще раз сделать неприличность. Тройка, ступая по следам Лавра Федотовича, медленно выплыла из комнаты, и я услыхал плотоядный голос Хлебоедова: «Нет уж, позвольте, Лавр Федотович, с вами не согласиться! Бифштекс без крови, Лавр Федотович, это хуже чем выпить и не закусить...» Комендант подошел к Кузьке, встал напротив него руки в карманы и сказал:

— Дрожишь, мерзавец? Лужу напустил? Эх ты, реликт...

И Иннокентий Филиппович глубоко вздохнул. Кузька преданно смотрел на него изумрудным глазом.

— Ничего,— сказал комендант.— Пока они это решение насчет зоосада через все инстанции протащат, мы еще погуляем. Верно я говорю?

— Истинно так,— сказал я, выбрасывая в корзину все свои интегралы и профили.

Комендант ушел искать уборщицу, и пока он искал, вернулся потный и раздраженный Фарфуркис. Он грубо разбудил и, подталкивая перед собою, увел всеми забытого полковника.

Глава четвертая

Вечернее заседание не состоялось. Официально нам с комендантом было объявлено, что Лавр Федотович и Рудольф Архипович отравились за обедом грибами и врач рекомендовал им до утра полежать, однако дотошный комендант не поверил официальной версии. Он при мне позвонил в гостиничный ресторан и переговорил со знакомым официантом. И точно: оказалось, что за обедом Лавр Федотович и Рудольф Архипович, увлекшись практическим спором относительно сравнительных преимуществ прожаренного бифштекса и бифштекса с кровью, стремясь выяснить на деле, какое из этих состояний бифштекса наиболее любимо народом и, следовательно, перспективно, скушали под коньячок по три порции, и теперь им плохо. Во всяком случае, до утра они не выйдут. Комендант ликовал, как школьник, у которого заболел учитель. Я тоже.

Вообще сегодня был удачный день. В обеденный перерыв я получил телеграмму от А-Януса, в которой мне предписывалось в понедельник быть в Институте и сообщалось, что с понедельника представителем Института на заводе назначается Валя Штурц. Он же будет исполнять обязанности научного консультанта при ТПРУНЯ. Мне было жалко Валю, этого мягкого, симпатичного и талантливого человека, но три недели непрерывных заседаний превратили меня в эгоиста. Получив телеграмму, я немедленно побежал в кассу и взял билет на воскресенье. А теперь вот и вечернее заседание отменили. Освободившийся вечер надлежало провести с пользой и удовольствием. Я взял папку с японскими материалами, пожал руку коменданту и отправился прямо к Спиридону.

Спиридон проживал в бывшем зимнем бассейне в центре городского сада. В низком помещении бассейна ярко светились лампы, гулко плескала вода. Запах здесь стоял ошеломляющий — холодный, резкий, от которого съеживалась кожа, а в мозгу возникали какие-то странные ассоциации: вспоминалась преисподняя, пыточные камеры и костяная нога нашей Бабы Яги. Но тут уж ничего нельзя было поделать. Нужно было преодолеть первый спазм и ждать, пока принюхаешься. Я сел на край бассейна, спустил ноги и положил папку рядом с собой. Спиридона видно не было — вода волновалась, по ней прыгали световые блики и крутились маслянистые пятна.

— Спиридон! — позвал я и постучал каблуком в стенку бассейна.

Вот это меня больше всего раздражало в Спиридоне: ведь видит же, что пришли к нему в гости, папку ему принесли, которую он просил, старый приятель пришел, который все его штучки знает наизусть, так нет же! Надо ему обязательно показать, какой он могущественный, какой он непостижимый и как легко он может спрятаться в прозрачной воде. Как Мерлин, ей-богу.

Спиридон, конечно, оказался у меня под ногами. Я увидел его подмигивающий глаз величиной с тарелку.

— Ну хорошо, хорошо,— сказал я.— Красавец. Ничего не вижу, только глаз вижу. Очень эффектно, как в цирке.

Тогда Спиридон всплыл. То есть не то чтобы он всплыл, он, собственно, и не погружался, он все время был у поверхности, просто он позволил себе быть увиденным. Плоские дряблые веки его распахнулись мгновенно, словно судно-ловушка откинуло фальшивые щиты. Блестящие круглые глаза, темные и глубокие, уставились на меня с нечестивым юмором, и хрипловатый слабый голос его произнес:

— Как ты сегодня меня находишь?

— Очень, очень,— сказал я.

— Гроза морей?

— Корсар! Смерть кашалотов!

— Опиши меня,— потребовал Спиридон.

— Я не Альфред Теннисон,— возразил я.— Я тебе правду расскажу такую, что хуже всякой лжи. Ты сейчас похож на кучу грязного белья, которую бросили отмокать перед стиркой.

Спиридон одним длинным неуловимым движением как бы перелился на середину бассейна. Перепонка, скрывающая основания рук его, стала бесстыдно выворачиваться наизнанку, обнажилась иссиня-бледная поверхность, густо усеянная сморщенными бородавками, из самых недр организма высунулся в венце мясистых шевелящихся выростов и раскрылся, дразнясь, огромный черный клюв. Послышался пронзительный скрежет: Спиридон хохотал.

— Завидуешь,— сказал он.— Вижу ведь, что завидуешь. Ох, и завистливы же вы! И напрасно. У вас есть свои преимущества. Гулять сегодня пойдем?

— Не знаю,— сказал я.— Как ребята. Я вот папку принес. Помнишь, ты просил?

— Помню, помню,— сказал Спиридон.— Как же.— Он разлегся на воде, распустив веером чудовищные щупальца, и принялся мерцать и переливаться перламутром. У меня зарябило в глазах и потянуло в сон. Представилось, что сижу я с удочкой солнечным утром, солнышко греет, блики бегают по теплой воде, и сладко так тянет все тело. Спиридон пустил мне в лицо струю холодной воды, и я опомнился.

— Тьфу,— сказал я.— Грязью своей... Тьфу!

— Почему же грязью? — сказал Спиридон.— Чистейшая вода, в нечистой я бы умер.

— Черта с два ты бы умер,— вздохнул я.— Знаю я тебя.

— Бессмертен, а? — самодовольно сказал Спиридон.

— Что-то вроде этого,— согласился я.— Ну-ка, перестань мерцать. Ты на меня сон нагоняешь. Ты что, нарочно?

— Я не нарочно, но я могу перестать.— Он вдруг снова оказался у самых моих ног.— А где наш говорливый дурак? — спросил он.— И где твой волосатый приятель?

— Он не только мой приятель,— возразил я.— Он и твой приятель. Что у тебя за манера — обижать друзей?

— Друзей? — сказал Спиридон.— У меня нет друзей. Я не знаю, что это такое. Гигантские древние головоногие всегда одиноки. И всегда рады этому обстоятельству.

— А кто же мы тогда тебе?

— Вы? Собеседники. Развлекатели.— Он подумал немного и добавил: — Пища.

— Скотина ты,— сказал я, обидевшись.— Грязные ты подштанники.— Это звучало немножко по-хлебоедовски, но я очень рассердился.— Ну и отмокай здесь в своем гордом одиночестве, а я пойду.

Я сделал вид, что собираюсь встать, но он ловко вцепился крючьями присосков мне в штанину.

— Подожди, подожди,— сказал он.— Надо же, обиделся! До чего же вы все правды не любите! Все что угодно вам можно говорить, кроме правды. Вот мы, гигантские древние головоногие, всегда говорим только правду. Мы мудры, но бесхитростны. Когда я готовлюсь напасть на кашалота, я предельно бесхитростен. Я не говорю ему: «Позволь мне обнять тебя, мой друг, мы так давно не виделись». Я приближаюсь к нему с совершенно отчетливо выраженными намерениями... И ты знаешь,— сказал он, словно эта мысль впервые осенила его,— кашалоты этого тоже не любят! Удивительно нерационально построен мир. Жизнь возможна только в том случае, если все воспринимает как есть. Черное называет черным, белое — белым. Но до чего же мы не любим называть черное черным! Я вот не понимаю, как можно обижаться на правду. Впрочем, я вообще не понимаю, как можно обижаться. Когда я слышу неправду, когда клоп называет меня дубиной, а ты называешь меня грязными кальсонами, я только хохочу. Это неправда и это очень смешно. А когда я слышу правду, я испытываю чувство благодарности — насколько гигантские древние головоногие способны испытывать это чувство, потому что только знание правды позволяет нам существовать.

— Ну хорошо,— сказал я.— А если бы я назвал тебя сверкающим брильянтом, жемчужиной морей?

— Я бы тебя не понял,— сказал Спиридон.— И я бы решил, что ты сам не знаешь, что ты хочешь сказать.

— А если бы я назвал тебя владыкой мира?

— Я бы сказал, что передо мною разумное существо, которое правильно относится к правде.

— Но ведь это же неправда. Никакой ты не владыка мира.

— Значит, ты менее умен, чем я думал.

— Еще один претендент на мировое господство,— сказал я.

— Почему «еще»? — забеспокоился Спиридон.— Есть и другие?

— Злобных дураков всегда хватало,— сказал я с горечью.

— Это верно,— сказал Спиридон задумчиво.— Взять хотя бы одного моего старинного личного врага — кашалота. Он альбинос, и это уродство сильно повлияло на его умственные способности. Сначала он объявил себя владыкой всех кашалотов. Это было их внутреннее дело, меня это не касалось. Но затем он объявил себя владыкой морей, и ходили слухи, будто он намерен провозгласить себя господином Вселенной. Кстати, твои соотечественники — я имею в виду людей — этому поверили и даже объявили его олицетворением зла. По океану начали ходить отвратительно раздутые слухи, некоторые варварские племена, предчувствуя хаос, отваживались на дерзкие налеты, кашалоты стали вести себя вызывающе, и я понял, что надобно вмешаться. Я вызвал альбиноса на диспут.— Спрут замолчал, глаза его полузакрылись.— У него были на редкость мощные челюсти,— сказал он наконец.— Но мясо было нежное и сладкое, и не требовало никаких приправ... Гм, да. Давай-ка мы почитаем. Мне очень интересно, что о нас знают и пишут люди.

Я взял папку, положил ее к себе на колени и развязал тесемочки. Мне самому было интересно почитать. Материалы эти я знал с детства. Мой дядя, малоизвестный специалист по Японии, затеял некогда книгу под странным названием «Спруты и люди», его обуревала идея, что спруты с незапамятных времен имели контакты с людьми. С целью обосновать эту мысль он перекопал кучу книг, архивов, записал множество японских легенд и все самое интересное, с его точки зрения, собрал в эту папку. Книгу написать ему не удалось: он увлекся диссертацией на тему «Предательство японской либеральной буржуазии в период подготовки Японии ко Второй мировой войне». Папка была заброшена, часть материалов утрачена, но кое-что осталось: стопка пожелтевшей бумаги, исписанной ровным дядиным почерком. На каждом листочке — выписка из какой-нибудь книги или рукописи с обязательной ссылкой на источник.

— Подряд читать? — спросил я.

— Подряд, подряд,— сказал Спиридон.— Только не торопись. Я буду все обдумывать.

— Ну ладно.— Я взял первый листочек.— «Ика имеет восемь ног и короткое туловище, ноги собраны около рта, и на

брюхе сжат клюв. Внутри имеет дощечку, содержащую тушь. Когда встречает большую рыбу, извергает тушь волнами, чтобы скрыть свое тело. Когда встречает мелких рыб и креветок, выплевывает тушевую слюну, чтобы приманить их. В «Бэньцао ган-му» сказано, что ика содержит тушь и знает приличия». («Книга вод».)

— Что такое «тушевая слюна»? — осведомился Спиридон.

— Нет, уж это ты мне скажи, пожалуйста, что такое «тушевая слюна»,— возразил я.— И заодно — как это дощечка может содержать тушь?

— Забавно, забавно,— задумчиво сказал Спиридон.— Видимо, перед нами здесь наивное описание небольшой каракатицы. Правда, каракатицы никогда не знали приличий. Более неприличное существо трудно себе вообразить. Я, во всяком случае, не берусь. Разве что клоп. Ну ладно, дальше.

— «По мнению Бидзана,— прочитал я,— ика есть не что иное, как метаморфоза вороны, ибо есть и в наше время у ика на брюхе вороний клюв, и потому слово "ика" пишется знаками "ворона" и "каракатица"». («Сведения о небесном, земном и человеческом».)

— Что есть ворона? — спросил Спиридон.

— Птичка такая,— ответил я.— Черная, со здоровенным клювом.

— Бред какой-то,— сказал Спиридон.— Дальше.

— «К северу от горы Дотоко есть большое озеро, и глубина его очень велика. Люди говорят, что оно сообщается с морем. В годы Энсё в его водах часто ловили ика и ели в вареном виде. Ика всплывает и лежит на воде. Увидев это, вороны принимают его за мертвого и спускаются клевать. Тогда ика сворачивается в клубок и хватает их. Поэтому слово «ика» пишется знаками «ворона» и «каракатица». Что касается туши, которая содержится в теле ика, то ею можно писать, но со временем написанное пропадает и бумага снова делается чистой. Этим пользуются, когда пишут ложные клятвы». («Книга гор и морей».)

Пока я читал, в павильон вошел Федя. Он тихонько уселся рядом со мной и стал слушать. Когда я кончил, Спиридон проворчал:

— Вот это более похоже на правду. Я сам, признаться, так ловил альбатросов в молодости. Я только не понимаю, почему всех этих людей так интересуют вороны и тушь? Сплошные вороны и тушь.

— Тушью тогда писали,— сказал я.— А с воронами вас связывают из-за клюва. Разве не ясно?

— Предположим,— сказал Спиридон холодно.— Здравствуйте, Федор. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо,— тихонько сказал Федя.— Я не помешаю?

— Ни в какой мере,— сказал Спиридон.— Продолжай, Саша.

— «Согласно старинным преданиям, ика являются челядью при особе князя Внутреннего Моря Сэто. При встрече с большой рыбой они выпускают черную тушь на несколько футов вокруг, чтобы спрятать в ней свое тело». («Книга гор и морей».)

— Опять тушь,— проворчал Спиридон.— Дальше!

— «У поэта древности Цзо Сы в «Оде столице У» сказано: «Ика держит меч». Это потому, что в теле ика есть лекарственный меч, а сам ика относится к роду крабов». («Книга вод».)

— Нет, не поэтому,— сказал Спиридон.— А потому, что Цзо Сы по своей глупости превосходит даже Бидзана, упоминавшегося выше. Дальше.

— «В море водится ика, спина его похожа на игральную кость «шупу», телом он короткий, имеет восемь ног. Облик его напоминает большого голого человека с круглой головой». («Записи об обитателях моря».)

— Ну, это про осьминогов,— сказал Спиридон.— У них спина еще и не на то похожа. На месте осьминогов я бы, конечно, обиделся, но я, слава богу, на своем месте. Продолжай.

— «В бухте Сугороку видели большого тако. Голова его круглая, глаза, как луна, длина его достигала тридцати футов. Цветом он был как жемчуг, но когда питался, становился фиолетовым. Совокупившись с самкой, съедал ее. Он привлекал запахом множество птиц и брал их с воды. Поэтому бухту назвали Такогаура — Бухта Тако». («Упоминание о тиграх вод».)

— Гм,— сказал Спиридон.— Может быть, это был я. Какого века материал?

— Не знаю,— ответил я.— Здесь не написано.

— Гм. Цветом как жемчуг... Где она, эта ваша Япония? Это такие островки на краю Тихого океана?.. Очень возможно, очень. Ну, дальше.

— «В старину некий монах заночевал в деревне у моря. Ночью послышался сильный шум, все жители зажгли огни и пошли к берегу, а женщины стали бить палками в котлы для варки риса. Утром монах спросил, и ему ответили, что в море около тех мест живет большой ика. У него голова, как у Будды, и все называют его «бодзу» — «монах». Бывает, что он выходит на берег и разрушает лодки». («Предания юга».)

— Бывает и не такое,— загадочно сказал Спиридон.— Дальше.

— «Береговой человек говорит: ика, тако, но не знает разницы. Оба знают волшебство, имеют руки вокруг рта и тушь внутри тела. А человек моря различает их легко, ибо у ика брюхо длинное и снабжено крыльями, восемь рук поджаты и две протянуты, в то время как у тако брюхо круглое и мягкое, восемь рук протянуты во все стороны. У ика иногда вырастают на руках железные крючья, поэтому ныряльщицы боятся его». («Упоминание о тиграх вод».)

— Здесь какая-то нелогичность,— задумчиво заметил Спиридон.— Раньше авторы этих заметок все время путали кальмара с осьминогом. И вообще все эти люди — и береговые, и морские — по-видимому, до смерти нас боятся. Я всегда так думал. Приятно услышать подтверждение. Ну-с, а что там дальше?

— «В деревне Хоккэдзука на острове Кусумори жил рыбак по имени Гэнгобэй. Однажды он вышел на лодке и не вернулся. Жена его, напрасно прождав положенное время, вышла за другого человека. Гэнгобэй через десять лет объявился в Муроцу и рассказал, будто лодку его опрокинул ика, огромный, как рыба Ку, сам он упал в воду и был подобран пиратом Надаэмоном». («Предания юга».)

— Вранье,— сказал Спиридон.— Этот Гэнгобэй просто пошел в пираты подзаработать. Очень похоже на людей. Впрочем, это мелочь. Дальше.

— «Тако злы нравом и не знают великодушия. Если их много, они дерзко друг на друга нападают и разрывают на части.

В старину на Цукуси было место, где тако собирались для свершения своих междоусобиц. Ныряльщики находят там множество больших и малых клювов и продают любопытным в столицу. Поэтому говорится: тако-но томокуи — взаимопожирание тако». («Записи об обитателях моря».)

— Взаимопожирание,— сказал Спиридон раздраженно.— Идиоты! Это похороны, а не взаимопожирание...

— Привет, друзья! — раздался позади нас знакомый голос.— Читаете? Развлекаетесь? Клопа, конечно, не подождали... Ну еще бы, существо низшей организации, насекомое, так сказать, «а паразиты никогда»...

— Помолчи, Говорун,— сказал Спиридон.— Садись и слушай. Давай дальше, Саша.

Клоп, обиженно ворча, протиснулся между мной и Федором, а я продолжал:

— «У берегов Иё обитает животное, похожее на большого тако, большого юрибоси и большого ибогани. Именуется юмэдако. В ясную погоду лежит, колыхаясь, на волнах, устремив глаза в поднебесье, и размышляет о пучине вод, откуда извергнуто, и о горах, которые станут пучиной. Размышления эти столь мрачны, что ужасают людей». («Упоминание о тиграх вод».)

Почему-то Спиридон промолчал. Я поискал его глазами и не нашел. Не видно было Спиридона и не слышно. Я продолжал:

— «Рассказывают, что во владениях сиятельного военачальника Ямаути Кадзутоё промышляла губки знаменитая в Тосо ныряльщица по имени О-Гин. Лицом была приятная, телом крепкая, нравом веселая. В тех местах издавна жил старый ика длиной в двадцать футов. Люди его страшились, она же с ним играла и ласкала его, и он приносил ей отменные губки, которые шли по сто мон. Однако, когда ее просватали, он впал в уныние и пожрал ее. Больше его не видели. Это случилось еще в тот год, когда сиятельный военачальник Ямаути по настоянию супруги счастливо уплатил десять рё золотом за кровного жеребца». («Предания юга».)

Спиридон опять промолчал, и я его окликнул.

— Да-да,— отозвался он.— Я слушаю.

Голос его показался мне странным, и я спросил, почему не слышно комментария.

— Потому что комментариев не будет,— сурово сказал Спиридон.

— Совсем больше не будет? — спросил я.

— Нет, отчего же. Там посмотрим.

Я продолжал:

— «Параграф восемьдесят семь. Еще господин Цугами утверждает следующее. В Восточных морях видят катацумуридако пурпурного цвета с множеством длинных тонких рук, высовывается из круглой раковины размером в тридцать футов с остриями и гребнями, глаза сгнили, весь оброс полипами. Когда всплывает, лежит на воде плоско, наподобие острова, распространяя зловоние и испражняясь белым, чтобы приманить рыб и птиц. Когда они собираются, хватает их руками без разбора и питается ими. Если приблизиться, хлопнуть в ладоши и крикнуть, от испуга выпускает ядовитый сок и наискось погружается в неведомую глубину, после чего долго не выходит. Среди знающих моряков известно, что он гнусен и вызывает на теле гнойную сыпь». («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей».)

— Любопытно,— сказал Спиридон.— Хочется мне вас поздравить. Письменность — это полезное изобретение. Конечно, с памятью гигантского древнего головоногого ей не сравниться, но вам, людям, она в какой-то степени заменяет то, чего вы лишены от природы.

— Ты хочешь сказать,— сказал я,— что все, что я прочел, было на самом деле?

— Поговорим об этом, когда ты закончишь,— сказал Спиридон.

— Пойдемте лучше в кино,— предложил Говорун.— Устроили здесь читальню... Память, письменность...

— Дальше, Саша, дальше,— нетерпеливо сказал Спиридон.

— «Параграф сто тринадцать. Еще господин Цугами свидетельствует такое. На острове Ёкомэдзима живет дед, дружит с большими ика. Он в изобилии разводит свиней на рыбе и квашеных водорослях. Когда в полнолуние он играет на флейте, ика выходят на берег, и он дает им лучших свиней. Взамен они приносят ему лекарство долголетия из источников в пучине вод». («Свидетельство господина Цугами Ясумицу о поясе Восточных морей».)

— Помню, помню,— сказал Спиридон.— Мы их потом судили. Надо сказать, что господин Цугами Ясумицу — опытный работник. Есть там еще что-нибудь из его свидетельств?

Я просмотрел оставшиеся листочки.

— Нет, больше нет. Может быть, были, но потеряны.

— Это хорошо,— сказал спрут.

Я стал читать дальше:

— «Пират и злодей Рёдо далее под пыткой показал. Весной седьмого года Кэйтё у берегов Осуми разграбил и потопил корабли с золотом, принадлежащие Симадзу Ёсихиро, на пути из Кагосимы. Его правый советник по имени Дзэнти заклинаниями вызвал из глубины на корабли стаю огромных ика, которые ужасным видом и крючками привели охрану в замешательство. Пират же и злодей Рёдо незаметно подплыл, зарезал храброго Мацунагу Сюнгаку и погубил всех иных верных людей. Подписано: Миногава Соэцу. Подписано: Сога Масамаро». («Хроники Цукуси».)

— Да,— подтвердил Спиридон.— Такие альянсы когда-то допускались. Это не какие-нибудь свиньи.

— Пардон,— сказал Говорун, отталкивая меня локтем.— А клопы? Были на кораблях клопы?

Спиридон пожал плечами.

— Очень может быть,— сказал он.— Нас это не интересовало.

— Понятно,— сказал Говорун, помрачнев.— Как всегда.

Я взял следующий листок.

— «В деревне Хигасимихара на острове Цудзукидзима еще до сей поры поклоняются большому тако, которого именуют «нуси» — «хозяин». По обычаю в третье новолуние все девушки и бездетные женщины после захода солнца раздеваются, выходят из деревни и с закрытыми глазами танцуют на отмели. Тако издали глядит и, выбрав, призывает к себе. Она идет, плача и не желая, и печально погружается в черную воду. Остальные возвращаются по домам». («Записки хлопотливого мотылька» Ансина Энко.)

— Чепуха какая-то,— сказал клоп.— Если они танцуют с закрытыми глазами, да еще в новолуние, то как узнают, кого он выбрал?

Спиридон промолчал.

— Читайте, Саша,— сказал Федя тихонько.

— «При большом тайфуне во второй год Сётоку рыбаки из деревни Гумихара в Идзумо, числом семнадцать, потеряли лодки и спаслись на одинокой скале посреди моря. Они думали прожить беспечно, питаясь съедобными ракушками, но оказалось, что под скалой обитали демоны в образе тако огромной величины. Днем они жадно глядели из воды, а ночью являлись в сновидениях, сосали мозг и требовали: дайте немедленно одного. Поскольку делать было нечего, страх одолел их, они стали тянуть жребий и отдали рыбака по имени Бинскэ. Обрадовавшись, демоны гладили себя руками по лысым головам, как бы говоря: вот хорошо! День за днем это повторялось, мучения ночью были такие, что иногда без жребия хватали кого придется и бросали в воду, а некоторые бросались сами. Когда осталось пятеро, их подобрал корабль, направлявшийся из Ниигаты в Сакаи. Демоны последовали за кораблем, потом чары их ослабли, и они скрылись». («Записи необычайных дел во владениях даймё Мацудары».)

— Вы знаете,— сказал Федя,— а у нас ведь есть такая же легенда. Будто бы в некоторых расщелинах жили раньше звери фрух...

— Как? — спросил клоп.

— Это на нашем языке,— извиняющимся голосом пояснил Федя.— Фрух. Это значит «не увидеть». Их никто никогда не видел, но слышали, как они ползают внизу. И вот по ночам люди начинали мучиться, и многие уходили и сами бросались вниз. Тогда все прекращалось.— Федя сделал паузу, потом сказал застенчиво: — Я думаю, из-за этого мы остановились в развитии, потому что гибли всегда самые интеллигентные из нас... певцы, или люди, знающие коренья, или художники, или кто не мог смотреть, как другие мучаются...

Я заметил, что Спиридон вновь помалкивает. Смешно было предположить, чтобы этот закоренелый эгоист стыдился за поступки своих соплеменников, и молчание его каким-то странным образом начинало мне действовать на нервы.

— Спиридон,— сказал я.— Где комментарий?

— Потом, потом,— неразборчиво буркнул он.— Продолжай.

— Тут всего один листок остался,— сказал я.

— Вот и хорошо,— сказал Спиридон.— Вот и прочти его.

— «Тогда мятежники с криком устремились вперед. Его светлость соизволил повелеть дать знак, помчалась конница, с холмов спустились отряды асигару. Тогда мятежники в замешательстве остановили шаги. Асигару дали залп из мушкетов танэгасима. Тогда мятежники, бросая оружие, копья и щиты, устремились обратно к кораблям. Верный Набэсима Тосикагэ, невзирая на доблесть, не смог бы догнать и схватить их. Тогда его светлость соизволил повелеть дать знак, и флотоводец Юсо выпустил боевых тако. Икусадако, подобно буре, напали на вражеские корабли, трясли, двигали, раскачивали, ломали. Видя это, мятежники устрашились и выразили покорность. Их всех перевязали, нанизав на нитку, подобно сушеной хурме, после чего его светлости благоугодно было повелеть разыскать и распять главарей на месте. Всего было распято восемьдесят злодеев, а флотоводец Юсо удостоился светлейшей похвалы». («Хроники Цукуси».)

Я сложил листочки и завязал папку. Все мы ждали, что скажет Спиридон. А Спиридон успокоил воду в бассейне, сделал себя темно-красным и растекся по поверхности, как масляная лужа.

— Большинство этих документов,— заявил он,— относятся, насколько я могу судить, к середине нынешнего тысячелетия, когда многие из нас, уцелевшие после мора, были еще очень молоды и не понимали, что сложное сложно. Отсюда попытки альянсов, отсюда подчиненность... Черт возьми, все мы любили сладкое мясо! Должен признаться, мне было неприятно слушать эти хроники, как всякому умному существу неприятно слушать воспоминания посторонних о его детстве. Но кое-кому из наших это стоило бы почитать — в назидание. И я прочту. Но вас, конечно, интересует, есть ли во всем этом правда, сколько ее и вся ли это правда. Правда этих записок вот: мы всегда стремились уничтожить все, что попадает в море; некоторые из нас продавали право первородства за сладкую свинину; и некоторым из нас, самым молодым, нравилось, когда невежественные рыбаки обожествляли их. Вот что правда. Остальное — сплошная тушь и болтовня. Всю же правду о гигантских древних головоногих не вместят никакие записки.

— Мне понравилось выражение «сосали мозг»,— задумчиво сказал клоп.— Что бы это могло означать?

— Примитивная метафора,— холодно сказал Спиридон.— Почему ты не спрашиваешь, что означает выражение «глаза сгнили»?

— Потому что мне это не интересно,— ответил Говорун.

Я заметил, что Федя с сомнением качает головой.

— Нет, тут что-то другое,— проговорил он.— Тут что-то недоброе, а Спиридон просто не хочет говорить.

У меня было такое же ощущение, но мне не хотелось об этом говорить. Это было что-то неприятное и не столь уж существенное. Не хотелось мазаться в грязи ради праздного любопытства.

— Почему меня сегодня не вызвали? — вспомнил вдруг Говорун.— Долго еще будет продолжаться это издевательство?

— Завтра тебя вызывают,— сказал я, испытывая непонятное облегчение оттого, что тема переменилась.— И вас, Федя. А я через два дня уезжаю.

— О да! — с горечью сказал клоп.— Вы приезжаете, вы уезжаете, вы путешествуете, вы пользуетесь благами, а мы должны здесь гнить — в этом вашем Китежграде.

— Кто тебя заставляет гнить? — возмутился я.— Тебя уже раз вызывали, сказали черным по белому, что можешь идти на все четыре стороны...

— Пар-рдон! — сказал клоп.— Я вам не какое-нибудь обыкновенное насекомое. И я требую, чтобы это было признано.

— Но это было признано! В решении записано: клоп говорящий, необъясненного явления собой не представляет.

— Вот это вот возмутительно,— сказал Говорун.— Как же не представляю? Кто, ну кто из вас способен объяснить взлеты моей мысли, мои порывы, мою печаль при восходе ненавистного солнца? Если бы я был обыкновенным клопом...

— Если бы ты был обыкновенным клопом,— сказал с усмешкой Спиридон,— тебя бы давным-давно раздавили.

— Молчи, людоед! — взвизгнул клоп, хватаясь за сердце.— Трясина ты холодная, бессердечная! Тысячу лет прожил, а ума так и не набрался!.. По морде тебе давно не давали!.. Хам!..

— Товарищи, товарищи,— сказал Федя, придерживая за плечи клопа, который, размахивая кулаками, рвался в бассейн.—

Говорун, вы же там утонете... Спиридон, я вас прошу, извинитесь! Вы действительно были бестактны, вы же знаете, как Говорун относится к таким намекам...

Спиридон возразил, что он только констатировал факт, что он готов дать удовлетворение всякому, кто будет утверждать, будто он сказал неправду. Говорун брызгал слюной и орал. Тогда я разозлился и потребовал, чтобы они немедленно прекратили скандал, иначе я упеку Говоруна в спичечный коробок, а в бассейн накидаю марганцовки. Это подействовало. Буяны, конечно, утихомирились не сразу, но в конце концов Спиридон процедил сквозь зубы что-то вроде «виноват, переборщил», Говорун всплакнул и сказал, что он в последнее время что-то совсем изнервничался, и они пожали друг другу руки в знак примирения.

— Ну вот и прекрасно,— сказал просиявший Федя.— А теперь я думаю, что мы можем пойти прогуляться.

Было решено проветриться, тем более что вечер был особенно тих и приятен. Федя сбегал за тачкой и напихал в нее мокрого сена, мы с Говоруном поднатужились, выволокли Спиридона из бассейна и свалили его в сено, а сверху прикрыли мокрым мешком. Спиридон смущенно кряхтел и извинялся, когда мы наступали ему на щупальца. В тачке он устроился поудобнее, подобрал щупальца под себя, прикинул, каково ему будет озирать окрестности, и сообщил, что готов. В дверях павильона нас встретил сторож, который направлялся к бассейну, волоча за собой по земле дохлую собаку. Он пошатывался, пахло от него водкой и луком.

— Спиридон Спиридоныч,— прохрипел он.— Куда же это вы не евши? Комендант заругается!

Спиридон сунул ему в руку небольшую жемчужину.

— Это тебе за беспокойство, голубчик,— сказал он.— А ужин занеси и оставь. Я вернусь и поужинаю.

— Это можно,— прохрипел сторож, разглядывая жемчужину, покачиваясь и непроизвольно приседая, чтобы сохранить равновесие.— Это пожалуйста. Очень мы вами блаадарны, Спиридон Спиридоныч...

Мы прекрасно прошлись по набережной. Спиридон развеселился и рассказал несколько забавных историй из жизни

спрутов. Очень смешно у него получилась история о том, как несколько молодых неопытных мегатойтисов выследили подводную лодку и сговорились на нее напасть, приняв за больного кашалота, как они долго ползали по железной палубе и все кричали друг другу мужественными голосами: «За дыхало его, за дыхало!» Мы много смеялись над этой мастерски рассказанной историей, пока не выяснилось, что смеялись мы по разным причинам. Я смеялся над глупыми мегатойтисами, Спиридон смеялся, представляя себе, как перепугалась команда подводной лодки, Федя смеялся от радости, что всем весело и никто ни с кем ссориться не намерен (Федя истории не понял, он думал, что подводная лодка — это просто затонувшая рыбачья плоскодонка), Говорун же смеялся потому, что его осенила гениальная идея. Он отказался сообщить ее нам, но я понял, в чем дело, полчаса спустя, когда мы возвращались по главной улице и возле городской гостиницы задержались, чтобы полить Спиридона из шланга[1]. Говорун спросил меня безразличным тоном, в каком номере проживает здесь Лавр Федотович. Я ответил, и клоп тотчас же распрощался, сказавши, что у него свидание. А мы с Федей повезли Спиридона в бассейн. Время было уже довольно позднее, город спал, и только далеко-далеко играла гармошка и чистые девичьи голоса пели:

Ухажеру моему
Я говорю трехглазому:
«Нам поцалуи ни к чему,
Мы братия по разуму».

Глава пятая

Когда Говоруна вызвали, он появился в комнате заседаний не сразу. Было слышно, как он пререкается с комендантом в приемной, требуя какого-то церемониала, какого-то пиетета и какого-то почетного караула. Мне пришлось выйти в приемную и сказать ему, чтобы он перестал ломаться, иначе дело опять отложат. «Но я требую, чтобы он сделал несколько ша-

[1] На полях заметка: «Кузьку не забыть».— *С. Б.*

гов мне навстречу! — возражал Говорун.— Пусть нет караула, но какие-то элементарные правила должны же выполняться! Я же не требую, чтобы он встречал меня у дверей... Пусть сделает несколько шагов мне навстречу и отрапортует...»

— О ком ты говоришь? — спросил я, опешив.

— Как это — о ком? Об этом вашем... кто там у вас главный? Вунюков?

— Балда! — прошипел я.— Ты хочешь, чтобы тебя приняли? Иди немедленно! В твоем распоряжении еще секунд тридцать.

И Говорун сдался. Бормоча что-то насчет нарушения субординации, он вошел в комнату заседаний и, нахально ни с кем не поздоровавшись, развалился на демонстрационном столе. Лавр Федотович, с мутными и пожелтевшими после вчерашнего глазами, тотчас же взял бинокль и стал его рассматривать. Хлебоедов, страдая от тухлой отрыжки, проныл:

— Ну чего нам с ним говорить? Ведь уже все говорено... Он же нам только голову морочит.

— Минуточку! — сказал Фарфуркис.— Гражданин Говорун,— обратился он к клопу.— Комиссия сочла возможным вызвать вас вторично и выслушать ваши претензии. Комиссия предлагает вам быть по возможности кратким и не отнимать у нее драгоценное рабочее время. Что вы имеете нам сказать? Мы слушаем.

Несколько секунд стояла полная тишина. Затем клоп с шумом подобрал под себя ноги, встал в горделивую позу и, надув щеки, заговорил.

— История человеческого племени,— начал он,— хранит на своих страницах немало позорных свидетельств варварства и недомыслия. Грубый невежественный солдат заколол Архимеда. Вшивые попы сожгли Джордано Бруно. Оголтелые фанатики травили Чарлза Дарвина, Галилео Галилея и Николая Вавилова. История клопов также сохранила упоминания о жертвах невежества и обскурантизма. Всем памятны неслыханные мучения великого клопа-энциклопедиста Негуса, указавшего нашим предкам, травяным и древесным клопам, путь истинного прогресса и процветания. В забвении и нищете окончили свои дни Императур, создатель теории групп крови, Рексофоб, решивший проблему плодовитости, и Пульп, открывший ана-

биоз. Варварство и невежество обоих наших племен не могло не наложить и действительно наложило свой роковой отпечаток на взаимоотношения между ними. Втуне погибли идеи великого клопа-утописта Платуна, проповедовавшего идею симбиоза клопа и человека и видевшего будущность клопиного племени не на пути паразитизма, а на светлых дорогах сапрофитизма. Мы знаем случаи, когда человек предлагал клопам дружбу, защиту и покровительство, выступая под лозунгом «Мы одной крови, вы и я», но жадные, заевшиеся, невежественные клопиные массы игнорировали этот призыв, зная только один лозунг: «Пили, пьем и будем пить».— Говорун залпом осушил стакан воды, облизнулся и продолжал, надсаживаясь, как на митинге: — Сейчас мы впервые в истории наших племен стоим перед лицом ситуации, когда клоп предлагает человечеству дружбу, защиту и покровительство, требуя взамен только одного: признания. Впервые клоп нашел общий язык с человеком. Впервые клоп общается с человеком не в постели, а за столом переговоров. Впервые клоп требует от человека не материальных благ, а духовного общения. Так неужели же на распутье истории, перед поворотом, который вознесет, быть может, оба племени на недосягаемую высоту, мы будем топтаться в нерешительности, вновь идти на поводу невежества и отчужденности, отвергать очевидное и отказываться признать свершающееся чудо? Я, клоп Говорун, единственный говорящий клоп во Вселенной, единственное звено понимания между нашими племенами, говорю вам от имени миллионов и миллионов: опомнитесь! Отбросьте предрассудки, растопчите косность, соберите в себе все доброе и разумное и открытыми и ясными глазами взгляните в глаза великой истине: клоп Говорун есть личность исключительная, явление необъясненное и, может быть, даже необъяснимое.

Честное слово, тщеславие этого насекомого поражало мое воображение. Хлебоедов сидел с полуоткрытым ртом. Лавр Федотович не спускал с Говоруна бинокля. Фарфуркис глубоко задумался, а проснувшийся полковник, которому, видимо, приснилось что-то страшное, трусливо поглядывал на клопа, прикрывшись председательским бюваром.

— Пили, пьем и будем пить,— проговорил наконец Хлебоедов.— Это же они про кого? Это же они про нас, поганцы!

Кровь нашу! Кровушку! А? — Он дико огляделся.— Да я же его сейчас, к ногтю... Ночью от них спасу нет, а теперь и днем? Мучители! — И он принялся яростно чесаться.

Говорун несколько побледнел, но продолжал держаться с достоинством. Впрочем, по-моему, краем глаза он уже высматривал себе на всякий случай подходящую щель. По комнате распространился крепчайший запах дорогого коньяка.

— Кровопийцы! — заорал Хлебоедов, вскочил и ринулся вперед. Сердце у меня замерло. Говорун присел от ужаса, но Хлебоедов, держась за живот, промчался мимо него, распахнул дверь и исчез. Было слышно, как он грохочет каблуками по лестнице. Говорун вытер со лба холодный пот и обессиленно опустил усы.

— Гррм,— как-то жалобно произнес Лавр Федотович.— Кто еще просит слова?

— Позвольте мне,— сказал Фарфуркис.— Речь гражданина Говоруна произвела на меня совершенно особенное впечатление. Я искренне возмущен. И дело здесь не только в том, что гражданин Говорун искаженно трактует историю человечества как историю страданий отдельных выдающихся личностей. Я готов оставить также на совести оратора его абсолютно несамокритичные высказывания о собственной особе. Что же касается предложенного им союза, то даже сама мысль о нем звучит, на мой взгляд, оскорбительно и кощунственно. За кого вы нас принимаете, гражданин Говорун? Или, быть может, ваши оскорбления преднамеренны? Лично я склонен квалифицировать их как преднамеренные. Но более того, сейчас я просмотрел материалы предыдущего заседания по делу гражданина Говоруна и с горечью убедился, что там отсутствует совершенно, на мой взгляд, необходимое частное определение по этому делу. Это, товарищи, наша ошибка, это, товарищи, наш просчет, который нам надлежит исправить с наивозможнейшей быстротой. Что я имею в виду? Я имею в виду тот простой и очевидный факт, что в лице гражданина Говоруна мы имеем дело с типичным говорящим паразитом, то есть с праздношатающимся тунеядцем без определенных занятий, добывающим средства к жизни предосудительными путями, каковые вполне можно квалифицировать как преступные...

В эту минуту на пороге возник измученный Хлебоедов. Проходя мимо Говоруна, он замахнулся на него кулаком, пробормотав: «У-у, собака бесхвостая, шестиногая!..» Говорун только втянул голову в плечи. Он чувствовал, что дело его плохо. Я это тоже чувствовал и лихорадочно искал выход. А Фарфуркис тем временем продолжал:

— Оскорбление человечества, оскорбление ответственной комиссии, типичное тунеядство, место которому за решеткой,— не слишком ли это много, товарищи? Не проявляем ли мы здесь мягкотелость, беззубость, либерализм буржуазный и гуманизм абстрактный? Я еще не знаю, что думают по этому поводу мои уважаемые коллеги, и я не знаю, какое решение будет принято по этому делу, однако, как человек по натуре не злой, хотя и принципиальный, я позволяю себе обратиться к вам, гражданин Говорун, со словами предостережения. Тот факт, что вы, гражданин Говорун, научились говорить, вернее, болтать по-русски, может, конечно, некоторое время служить сдерживающим фактором в нашем к вам отношении, но берегитесь, не натягивайте струну чересчур туго!

— Задавить его, паразита! — просипел Хлебоедов.— Вот я его сейчас спичкой...— Он стал хлопать себя по карманам.

На Говоруне лица не было, а я все никак не мог найти выхода из возникшего тупика.

— Нет, нет, товарищ Хлебоедов,— брезгливо морщась, проговорил Фарфуркис.— Я против незаконных действий. Что это за линчевание? Мы с вами не в Техасе. Необходимо все оформить по закону. Прежде всего, если Лавр Федотович не возражает, надлежит составить акт таким примерно образом: акт о списании клопа говорящего, именуемого ниже Говоруном...

— Это произвол! — слабо пискнул Говорун.

— Позвольте! — вскинулся Фарфуркис.— В параграфе семьдесят четвертом приложения о списании остатков совершенно отчетливо говорится...

— Все равно произвол! Палачи!

И тут меня осенило.

— Позвольте,— сказал я.— Лавр Федотович! Я удивлен вашим невмешательством. Это разбазаривание кадров!

— Гррм,— еле слышно произнес Лавр Федотович, которого подташнивало и которому было все равно.

— Вы слышите? — сказал я Фарфуркису, протягивая руку в сторону Лавра Федотовича.— Лавр Федотович совершенно прав. Надо меньше придавать значения форме и пристальнее вглядываться в содержание. Наши оскорбленные чувства не имеют ничего общего с интересами народного хозяйства. Что за административная сентиментальность? Мы что здесь, пансион для благородных девиц? Или курсы повышения квалификации? Да, гражданин Говорун позволяет себе дерзости, позволяет себе сомнительные параллели. Да, гражданин Говорун еще очень далек от совершенства. Но разве это означает, что мы должны списать его за ненадобностью? Да вы что, товарищ Фарфуркис? Или вы, быть может, способны вытащить из кармана второго говорящего клопа? Может быть, среди ваших знакомых есть еще говорящие клопы? Откуда это барство, это чистоплюйство? «Мне не нравится говорящий клоп, давайте спишем говорящего клопа». А вы, товарищ Хлебоедов? Да, я вижу, вы сильно пострадавший от клопов человек. Я глубоко сочувствую вашим переживаниям, но я спрашиваю: может, вы нашли уже средство борьбы с кровососущими паразитами? С этими пиратами постелей, с этими гангстерами народных снов, с этими вампирами запущенных гостиниц...

— Вот я и говорю,— сказал Хлебоедов.— Задавить и все тут... Акты какие-то...

— Не-ет, товарищ Хлебоедов! Не позволим! Неужели вы не понимаете, что присутствующий здесь гражданин Говорун являет собой единственную пока возможность начать воспитательную работу среди этих остервенелых тунеядцев? Было время, когда некий доморощенный клопиный талант повернул клопов-вегетарианцев к их нынешнему отвратительному образу жизни. Так неужели же наш, современный, образованный, обогащенный всей мощью теории и практики клоп не способен совершить обратного поворота? Снабженный тщательно составленными инструкциями, вооруженный новейшими достижениями педагогики, ощущая за собой поддержку всего прогрессивного человечества, разве не станет он архимедовым рычагом, с помощью коего мы окажемся способны повернуть историю клопов вспять, к лесам и травам, к лону природы, к чистому, простому и невинному существованию? Я прошу

комиссию принять к сведению мои соображения и тщательно их обдумать.

Я сел. Комиссия, пораженная моим красноречием, безмолвствовала. Фарфуркис глядел на меня с восторгом. Чувствовалось, что он считает мою идею гениальной и обдумывает возможные пути захвата командных высот в этом неслыханном мероприятии. Уже виделось ему, как он составляет обширную детальнейшую инструкцию, уже носились перед его мысленным взглядом бесчисленные главы, параграфы и приложения, уже в воображении своем он консультировал Говоруна, организовывал курсы русского языка для особо одаренных клопов, назначался главой государственного комитета пропаганды вегетарианства среди кровососущих, расширяющаяся деятельность которого охватит также комаров и мошку, мокреца, слепней, оводов и муху-зубатку.

— Травяные клопы тоже, я вам скажу, не сахар,— сказал консервативный Хлебоедов. Он уже сдался, но не хотел признаться в этом и цеплялся к частностям.

Я выразительно пожал плечами.

— Товарищ Хлебоедов мыслит узкоместными категориями,— сказал Фарфуркис, сразу вырываясь на полкорпуса вперед.

— Ничего не узкоместными,— возразил Хлебоедов.— Очень даже широкими... этими... как их... Воняют же. Но я понимаю, что это можно подработать в процессе. Я к тому, что можно ли на этого положиться... на стрикулиста. Несерьезный он какой-то. И заслуг за ним никаких не видно.

— Есть предложение,— сказал я.— Создать подкомиссию для изучения этого вопроса во главе с товарищем Фарфуркисом. Рабочим заместителем товарища Фарфуркиса я предлагаю товарища полковника.

Тут Лавр Федотович вдруг поднялся. Простым глазом было заметно, что он сильно сдал после вчерашнего. Обыкновенная человеческая слабость светилась сквозь обычно каменные черты его. Да, гранитный утес дал трещину. И все-таки, несмотря ни на что, он стоял могучий и непреклонный.

— Народ,— сказал Лавр Федотович, болезненно заводя глаза.— Народ не любит замыкаться в четырех стенах. Народу нужен простор. Народу нужны поля и реки. Народу нужен ветер и солнце.

— И луна,— добавил Хлебоедов, преданно глядя на председателя снизу вверх.

— И луна,— подтвердил Лавр Федотович.— Здоровье народа надо беречь. Оно принадлежит народу. Народу нужна работа на открытом воздухе. Народу душно без открытого воздуха...

Мы с Хлебоедовым еще ничего не понимали, но проницательный Фарфуркис уже собирал бумаги, упаковывал записную книжку и что-то шептал коменданту. Комендант кивнул и деловито-почтительно осведомился:

— Народ любит ходить пешком или ездить на машине?

— Народ предпочитает ездить в открытом автомобиле,— провозгласил Лавр Федотович.— Выражая общее мнение, я предлагаю настоящее заседание перенести на вечер, а сейчас провести намеченное на вечер выездное заседание по соответствующим делам. Товарищ Зубо, обеспечьте.— С этими словами Лавр Федотович грузно опустился в кресло.

Все засуетились. Комендант опрометью кинулся вызывать машину. Хлебоедов отпаивал Лавра Федотовича боржомом. Фарфуркис забрался в сейф и искал там соответствующие дела. Я под шумок схватил Говоруна за шиворот и коленом вышиб его вон. Говорун не сопротивлялся: пережитое потрясло его и надолго выбило из колеи.

Автомобиль был подан через десять минут. Лавра Федотовича вывели под руки и бережно погрузили на переднее сидение. Хлебоедов, Фарфуркис и комендант, толкаясь и огрызаясь друг на друга, оккупировали заднее сидение. Я с удовольствием заметил, что мне места не осталось, и я уже прикидывал, куда мне сейчас пойти — в кино или купаться, но тут в машине поднялся крик. Сцепились Фарфуркис с Хлебоедовым. Хлебоедов, которому от запаха бензина стало хуже, требовал немедленного движения вперед. При этом он кричал, что народ любит быструю езду. Фарфуркис же, как человек деловой, доказывал, что присутствие постороннего шофера превращает закрытое заседание в открытое и что по инструкции заседания в отсутствие научного консультанта проводиться не могут, а если и проводятся, то считаются недействительными. «Затруднение? — осведомился Лавр Федотович слегка окрепшим голосом и не оборачиваясь.— Товарищ Фарфуркис, устраните». Кончилось,

конечно, тем, что шофера отпустили, а меня посадили на его место. Но тут неугомонный Фарфуркис вспомнил про полковника и снова сцепился с Хлебоедовым. Вокруг машины собралась толпа мальчишек. Я нервничал и озирался. Одно дело — сидеть со всей этой компанией в закрытой комнате, и совсем другое — выставляться на всеобщее обозрение.

— Да зачем нам эта старая песочница? — стонал Хлебоедов.

— Неудобно, неудобно! — говорил Фарфуркис.— Комендант, сбегайте.

— Да куда мы его посадим? — с надрывом кричал Хлебоедов.— В багажник, что ли, посадим?

— Ничего, ничего, как-нибудь разместимся.

Тут вмешался я.

— Машина пятиместная,— сказал я строго.— Нарушения правил я не потерплю. Я из-за вашего полковника прокол зарабатывать не намерен.

Комендант, уже высунувший было ногу наружу, убрал ее обратно.

— Ехать бы...— умирал Хлебоедов.— С ветерком бы...

— Гррм,— сказал Лавр Федотович.— Есть предложение ехать. Не дожидаясь опоздавших. Другие предложения есть? Шофер, поезжайте.

Я завел двигатель и стал осторожно разворачивать машину, пробираясь сквозь толпу детишек. Лавр Федотович совсем приободрился. Ласковое теплое солнце и свежий налетающий ветерок сотворили с ним чудо. Он даже впал в юмористическое настроение и позволил себе сказать каламбур про полковника: «Спал он, спал, а теперь все проспал». Я наконец развернулся, и мы покатили по улицам Нового Китежа. Первое время Фарфуркис страшно надоедал мне. То он требовал остановиться, где остановка была запрещена. То он требовал, чтобы я ехал быстрее, то он возмущался, что я нарочно останавливаюсь на перекрестках, чтобы его обидеть. Однако, когда мы миновали белые китежградские Черемушки и выехали за город, когда перед нами открылись зеленые луга, а вдали засинело озеро, когда машина запрыгала по щебенке с гребенкой, в машине наступила умиротворенная тишина. Все подставили лица встречному ветерку, все щурились на солнышко, всем было хорошо.

Лавр Федотович закурил «Герцеговину Флор». Хлебоедов тихонько затянул какую-то ямщицкую песню, комендант подремывал, прижимая к груди папки с делами, и только Фарфуркис решил не поддаваться общей изнеженности. Он деятельно развернул карту Китежграда и окрестностей и наметил маршрут, который, впрочем, оказался никуда не годным, потому что Фарфуркис забыл, что у нас автомобиль, а не вертолет. Я сказал ему об этом и предложил свой вариант: озеро — болото — холм. На озере мы должны были разобрать дело плезиозавра, на болоте — установить необъясненность имеющего там место гуканья, а на холме нам предстояло обследовать так называемое заколдованное место.

Плезиозавра мы увидели еще издали — черная ручка от зонтика, торчащая из воды в двух километрах от берега. Я подвел машину к самой воде и остановился. Хлебоедов сейчас же выбросился из машины и распахнул дверцу рядом с Лавром Федотовичем. Однако Лавр Федотович выходить не пожелал. Он благосклонно посмотрел на Хлебоедова и сообщил, что заседание выездной сессии комиссии объявляет открытым и что слово предоставляется товарищу Зубо. Комиссия расположилась на травке рядом с машиной, настроение у всех было какое-то нерабочее, Фарфуркис расстегнулся, а я и вовсе снял рубашку, чтобы не терять случая подзагореть. Комендант, поминутно нарушая инструкцию, принялся отбарабанивать анкету плезиозавра по кличке Лизавета, никто его не слушал. Лавр Федотович задумчиво разглядывал озеро перед собою, словно бы прикидывая, нужно ли оно народу, а Хлебоедов вполголоса рассказывал Фарфуркису, как он работал председателем колхоза имени Театра Музкомедии и получал по пятнадцать поросят от свиноматки. В двадцати шагах от нас шелестели овсы, на дальних лугах бродили коровы, и уклон в сельскохозяйственную тематику представлялся совершенно неизбежным.

Когда комендант зачитал краткую сущность плезиозавра, Хлебоедов сделал ценное замечание, что ящур — опасная болезнь скота, и можно только удивляться, что здесь он плавает на свободе. Некоторое время мы с Фарфуркисом лениво втолковывали ему, что ящур — это одно, а ящер — это совсем другое. Хлебоедов, однако, стоял на своем, ссылаясь на журнал

«Огонек», где совершенно точно и неоднократно упоминался какой-то ископаемый ящур. «Вы меня не собьете,— говорил он.— Я человек начитанный, хотя и без высшего образования». Фарфуркис, не чувствуя себя достаточно компетентным, отступился, я же продолжал спорить, пока Хлебоедов не предложил позвать сюда плезиозавра и спросить его самого. «Он говорить не умеет»,— сообщил комендант, присевший рядом с нами на корточки. «Ничего, разберемся,— возразил Хлебоедов.— Все равно же полагается его вызвать, так хоть польза какая-то будет».

— Гррм,— сказал Лавр Федотович.— Вопросы к докладчику имеются? Нет вопросов? Вызовите дело, товарищ Зубо.

Комендант заметался по берегу. Сначала он сорванным голосом кричал: «Лизка! Лизка!», но, поскольку плезиозавр, по-видимому, ничего не слышал, комендант сорвал с себя куртку и принялся ею размахивать, как потерпевший кораблекрушение при виде паруса на горизонте. Лизка не подавала никаких признаков жизни. «Спит,— с отчаянием сказал комендант.— Окуней наглоталась и спит». Он еще немного побегал и помахал, а потом попросил меня погудеть. Я принялся гудеть. Лавр Федотович, высунувшись через борт, глядел на плезиозавра в бинокль. Я гудел минуты две, а потом сказал, что хватит, что нечего аккумуляторы подсаживать — дело казалось мне безнадежным.

— Товарищ Зубо,— не опуская бинокля, произнес Лавр Федотович.— Почему вызванный не реагирует?

— Хромает у вас в хозяйстве дисциплинка,— сказал Хлебоедов.— Подраспустили подчиненных.

— Ситуация чревата подрывом авторитета,— заметил сокрушенно Фарфуркис.— Спать нужно ночью, а днем нужно работать.

Комендант в отчаянии принялся раздеваться. Действительно, иного выхода не было. Хлебоедов и Фарфуркис висели над ним, сверкая оскаленными клыками, а Лавр Федотович давно уже начал медленно поворачивать голову в его сторону. Я спросил коменданта, умеет ли он плавать. Выяснилось, что нет, не умеет, но это все равно. «Ничего,— кровожадно сказал Хлебоедов.— На дутом авторитете доплывет». Я осторожно высказал

сомнение в целесообразности предпринимаемых действий. Комендант, несомненно, утонет, сказал я, и есть ли необходимость в том, чтобы комиссия брала на себя несвойственные ей функции, подменяя собой станцию спасения на водах. Кроме того, напомнил я, в случае утонутия коменданта задача все равно останется невыполненной, и логика событий подсказывает нам, что тогда плыть придется либо Фарфуркису, либо Хлебоедову. Фарфуркис возразил, что вызов дела является функцией и прерогативой представителя горсовета, а за отсутствием такового — функцией научного консультанта, так что мои слова он рассматривает как выпад и как попытку свалить с больной головы на здоровую. Я заявил, что в данном случае я являюсь не только научным консультантом, но и водителем казенного автомобиля, от которого я не имею ни малейшего права удаляться далее чем на двадцать шагов. «Вам следовало бы лучше знать приложение к правилам движения по улицам и дорогам,— заметил я укоризненно, ничем не рискуя.— Параграф номер двадцать один». Наступило тягостное молчание. Черная ручка от зонтика по-прежнему неподвижно маячила на горизонте. Все с трепетом следили, как медленно, словно трехствольная орудийная башня линейного корабля, поворачивается голова Лавра Федотовича. Все мы были на одном плоту, и никому из нас не хотелось залпа.

— Господом нашим!..— не выдержал комендант, стоя на коленях в одном белье.— Спасителем Иисусом Христом!.. Не боюсь я плыть и утонуть не боюсь!.. Но ей-то что, Лизке-то... У ей хайло, что твои ворота!.. Глотка у ей, что твое метро! Она не меня, она корову может сглотнуть, как семечку!.. Спросонья-то...

— В конце концов,— несколько нервничая, произнес Фарфуркис,— кто кому здесь нужен? Мы ей или она нам? Не желает быть признанной? Ради бога! Была бы честь предложена. Я предлагаю ее списать.

— Списать ее, заразу! — радостно подхватил Хлебоедов.— Корову она может сглотнуть, тоже мне сенсация! Корову и я могу сглотнуть, а вот ты от этой коровы добейся... пятнадцать поросят, понимаешь, вот это работа!

Лавр Федотович наконец развернул главный калибр. Однако вместо орды враждующих индивидуумов, вместо гнезда ки-

пения противоречивых страстей, вместо недисциплинированных, подрывающих авторитет комиссии пауков в банке он обнаружил перед собой в поле зрения прицела сплоченный рабочий коллектив, исполненных энтузиазма и деловитости сотрудников, горящих единым стремлением: списать заразу Лизку и покончить с этим делом. Залпа не последовало. Орудийная башня развернулась в противоположном направлении, и чудовищные жерла нашли на горизонте ничего не подозревающую ручку от зонтика.

— Народ,— донеслось из боевой рубки.— Народ смотрит вдаль. Эти плезиозавры народу...

— Не нужны! — выпалил из малого калибра Хлебоедов и промазал.

Выяснилось, что эти плезиозавры нужны народу позарез, что отдельные члены комиссии утратили чувство перспективы, что отдельные коменданты, видимо, забыли, чей хлеб они едят, что отдельные представители нашей славной научной интеллигенции обнаруживают склонность смотреть на мир через черное стекло и что, наконец, дело номер восемь впредь до выяснения должно быть отложено и пересмотрено в один из зимних месяцев, когда до него можно будет добраться по льду. Других предложений не было, вопросов к докладчику — тем более. На том и порешили.

— Перейдем к следующему вопросу,— объявил Лавр Федотович, и члены комиссии, толкаясь и выдирая друг у друга клочья шерсти, устремились к заднему сидению. Комендант торопливо одевался, бормоча: «Я ж тебе это припомню... Лучшие куски отдавал... Как дочь родную... Скотина водоплавающая...» Затем мы двинулись дальше по проселочной дороге, бегущей вдоль берега озера. Дорога была страшненькая, и я возносил хвалу небесам, что лето стоит сухое, иначе тут бы нам и конец. Однако хвалил я небеса преждевременно, потому что по мере приближения к болоту дорога все чаще обнаруживала тенденцию к исчезновению и к превращению в две поросшие осокой сырые рытвины. Я врубил демультипликатор и прикидывал физические возможности своих спутников. Мне было ясно, что от толстого Фарфуркиса толку будет мало. Хлебоедов выглядел мужиком жилистым, но мне неизвестно было, оправился

ли он уже после вчерашнего гастрономического диспута. Лавр Федотович вряд ли даже вылезет из машины. Так что действовать, в случае чего, придется нам с комендантом. Пессимистические размышления мои были прерваны появлением впереди гигантской черной лужи. Это не была патриархальная буколическая лужа типа миргородской, всем известная и ко всему притерпевшаяся. Это не была также мутная глинистая урбанистическая лужа, лениво и злорадно развалившаяся среди неубранных куч строительного мусора. Это было спокойное и хладнокровное, зловещее в своем спокойствии мрачное образование, небрежно втиснувшееся между двумя рядами хилой осиновой поросли, загадочное, как глаз сфинкса, коварное, как царица Тамара, наводящее на кошмарную мысль о бездне, набитой затонувшими грузовиками. Я резко затормозил и сказал:

— Все. Приехали.

— Гррrм,— произнес Лавр Федотович.— Товарищ Зубо, доложите дело.

В наступившей тишине слышно было, как колеблется комендант. По-видимому, до болота было еще довольно далеко, но комендант тоже видел лужу и тоже не видел выхода. Он покорно вздохнул и зашелестел бумагами.

— Дело номер тридцать восьмое,— прочитал он.— Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Название: Коровье Вязло...

— Минуточку! — прервал его Фарфуркис встревоженно.— Слушайте! — Он поднял палец.

И мы услышали. Где-то далеко-далеко победно запели серебряные трубы. Множественный звук этот пульсировал и нарастал. Кровь застыла у нас в жилах. Это трубили комары и притом не все, а пока только командиры рот или даже только командиры батальонов и выше. И таинственным внутренним взором зверя, попавшего в ловушку, мы увидели вокруг себя гектары топкой грязи, поросшие редкой осокой, покрытые слежавшимися слоями прелых листьев, с торчащими гнилыми сучьями, и все это под сенью болезненно тощих осин, и на всех этих гектарах, на каждом квадратном сантиметре — отряды рыжеватых поджарых каннибалов, лютых, изголодавшихся, самоотверженных.

— Лавр Федотович! — пролепетал Хлебоедов.— Комары!

— Есть предложение! — нервно закричал Фарфуркис.— Отложить рассмотрение данного дела до октября... нет, до декабря месяца!

— Гррм,— произнес Лавр Федотович с удивлением.— Народ... нас... не поймет.

Воздух вокруг нас вдруг наполнился движением. Хлебоедов взвизгнул и ударил изо всех сил себя по щеке. Фарфуркис ответил ему тем же. Лавр Федотович начал медленно и с изумлением поворачиваться, и тут свершилось невозможное. Огромный рыжий пират четко, как на смотру, пал Лавру Федотовичу на чело и с ходу, не примериваясь, вонзил в него шпагу по самые глаза. Лавр Федотович отшатнулся. Он был потрясен. И началось. Мотая головой, как лошадь, отмахиваясь локтями, я принялся разворачивать автомобиль на узком пространстве между зарослями осинника. Справа от меня возмущенно рычал и ворочался Лавр Федотович, а с заднего сидения доносились такие звуки, словно целая компания уланов и лейб-гусаров предавалась оскорблению действием. К тому моменту, когда я закончил разворот, я уже распух. У меня было такое ощущение, что уши у меня превратились в оладьи, щеки — в караваи, а на лбу взошли многочисленные рога. «Вперед! — кричали на меня со всех сторон.— Назад! Газу! Да подтолкните же его! Я вас под суд отдам, товарищ Привалов!» Двигатель ревел, клочья грязи летели во все стороны, машина прыгала, как кенгуру, но скорость была мала, отвратительно мала, а навстречу нам с бесчисленных аэродромов снимались все новые и новые эскадрильи, эскадры, армады. Преимущество противника в воздухе было абсолютным. Все, кроме меня, остервенело занимались самокритикой, переходящей в самоистязание. Я же не мог оторвать рук от баранки, я не мог даже отбиваться ногами. У меня была свободна только одна нога, и ею я бешено чесал все, до чего мог дотянуться. Потом мы наконец вырвались из зарослей осинника обратно на берег озера. Дорога сделалась получше и шла в гору. В лицо мне ударил тугой ветер. Аплодисменты становились все реже и вскоре совсем прекратились. Я остановил машину. Я перевел дух и стал чесаться. Я чесался с упоением, я никак не мог перестать, а когда все-таки перестал, то

обнаружил, что Тройка доедает коменданта. Он был обвинен в подготовке и осуществлении террористического акта, ему был предъявлен счет за каждую выпитую из членов Тройки каплю крови, и он оплатил этот счет сполна. То, что оставалось от коменданта к моменту, когда я снова обрел способность видеть, слышать и думать, не могло уже, собственно, быть названо комендантом как таковым: две-три обглоданных кости, опустошенный взгляд и слабое бормотание «Господом богом, Иисусом, спасителем нашим...»

— Товарищ Зубо,— сказал наконец Лавр Федотович.— Почему вы прекратили зачитывать дело? Продолжайте!

Комендант принялся трясущимися руками собирать разбросанные по машине листки.

— Зачитайте непосредственно краткую сущность необычности,— приказал Лавр Федотович.

Комендант всхлипнул в последний раз и стал читать:

— Обширное болото, из недр которого время от времени доносятся ухающие и ахающие звуки.

— Ну? — сказал Хлебоедов.— И что дальше?

— И все.

— Как так все? — плачущим голосом взвыл Хлебоедов.— Убили меня! Зарезали! И для ради чего? Звуки ахающие! Ты зачем нас сюда привезли, террорист? Ты это нас ухающие звуки слушать привезли? За что же мы кровь проливали? Ты посмотрите на меня, как я теперь в гостинице появлюсь? Ты же мой авторитет на всю жизнь подорвали! Я же тебя сгною так, что от тебя ни аханья, ни уханья не останется!

— Гррм,— сказал Лавр Федотович, и Хлебоедов замолчал. Глаза его вылезли, и он с видом тихого идиота медленно обводил пальцем огромную красную припухлость у себя на лбу.— Есть предложение,— сказал Лавр Федотович.— Дело номер двадцать восемь списать как не представляющее интереса, а представляющее опасность для народа. Коменданту колонии товарищу Зубо объявить строгий выговор за безответственное содержание вверенного ему болота ухающего и ахающего, поименованного Коровьим Вязлом, и за необеспечение безопасности работы комиссии. Какие есть еще предложения?

Слегка повредившийся от треволнений Хлебоедов внес предложение приговорить коменданта Зубо к расстрелу с кон-

фискацией имущества и с поражением родственников в правах. Фарфуркис слабым голосом возразил, что такой меры социальной защиты наш уголовный кодекс не предусматривает вообще, что у него есть тем не менее сильное желание подать на коменданта в суд, но что в конечном счете он полностью поддерживает Лавра Федотовича.

— Следующий,— сказал Лавр Федотович.— Что у нас сегодня еще, товарищ Зубо?

— Заколдованный холм,— убито сказал комендант.— Это недалеко отсюда, километров пять.

— Комары? — осведомился Лавр Федотович.

— Христом богом,— сказал комендант.— Спасителем нашим... Нету их там. Муравьи разве что...

— Хорошо,— сказал Лавр Федотович.— Осы? Пчелы? — продолжал он, демонстрируя прозорливость и неусыпную заботу о народе.

— Ни боже мой,— сказал комендант.

Лавр Федотович долго молчал.

— Бешеные быки? — спросил он наконец.

Комендант заверил его, что ни о каких быках в этих окрестностях не может быть и речи.

— А волки? — спросил Хлебоедов подозрительно.

Но в окрестностях не было и волков, а также медведей, о которых вовремя вспомнил Фарфуркис. Мне было дано указание продолжать движение, и я продолжил было, но тут Хлебоедов заорал: «А змеи? Там у тебя змеи, небось!» Но не было у коменданта там и змей, и мы поехали. Мы миновали овсы, пробрались сквозь стадо коров, обогнули рощу Круглую, форсировали ручей Студеный и через полчаса оказались перед холмом Заколдованным.

Холм был как холм. С одной стороны он порос лесом. По-видимому, вокруг был здесь раньше сплошной лес, тянувшийся до самого Китежграда, но его свели, и осталось только то, что было на холме. На самой вершине виднелась почерневшая избушка, по склону перед нами бродили две коровы с теленком под охраной большой понурой собаки. Перед крыльцом избушки копались в земле куры, а на крыше стояла коза.

— Что же вы остановились? — спросил меня Фарфуркис.— Надо же подъехать, не пешком же нам...

— И молоко у них, по всему видать, есть,— добавил Хлебоедов.— Я бы молока сейчас выпил... Когда, понимаешь, грибами отравишься, очень полезно молока выпить. Ехай, ехай, чего стали?

Я попытался объяснить им, что подъехать к холму ближе невозможно, но объяснения мои были встречены таким ледяным изумлением Лавра Федотовича, заразившегося мыслью о целебных свойствах парного молока, такими стенаниями Фарфуркиса: «Сметана! С погреба!», что я не стал спорить. Честно говоря, мне и самому было любопытно еще раз проехаться по этой дороге. Я включил двигатель, и машина весело покатилась к холму. Спидометр принялся отсчитывать километры, шины шуршали по колючей травке, Лавр Федотович неукоснительно глядел вперед, а заднее сидение в предвкушении молока и сметаны затеяло спор, чем на болотах питаются комары. Хлебоедов вынес из личного опыта суждение, что комары питаются исключительно ответственными работниками, совершающими инспекционные поездки. Фарфуркис, выдавая желаемое за действительное, уверял, что комары живут самоедством. Комендант же кротко, но настойчиво лепетал о божественном, о какой-то божьей росе и жареных акридах. Так мы ехали минут двадцать. Когда спидометр показал, что пройдено пятнадцать километров, Хлебоедов спохватился.

— Что же это получается,— сказал он,— едем-едем, а холм где стоял, там и стоит... Поднажмите, товарищ водитель, что же вы?

— Не доехать нам до холма,— кротко сказал комендант.— Он же заколдованный, не доехать до него... Только бензин весь сожжем даром.

После этого все замолчали, и на спидометре намоталось еще семь километров. Холм по-прежнему не приблизился ни на метр. Коровы, привлеченные шумом мотора, сначала некоторое время глядели в нашу сторону, затем потеряли к нам интерес и снова уткнулись в траву. На задней скамье нарастало возмущение. Хлебоедов и Фарфуркис обменивались негромкими замечаниями, деловитыми и зловещими. «Вредительство»,— говорил Хлебоедов. «Саботаж,— возражал Фарфуркис.— Но злостный». Потом они перешли на шепот, и до меня доноси-

лось только: «... на колодках... ну да, колеса крутятся, а машина стоит... комендант?.. может быть, и консультант... подрыв экономики... а потом машину спишут с большим пробегом, а она новенькая...» Я не обращал внимания на этих зловещих попугаев, но потом вдруг хлопнула дверца, и ужасным, стремительно удаляющимся голосом заорал Хлебоедов. Я изо всех сил нажал на тормоз. Лавр Федотович, продолжая движение, не меняя осанки, с деревянным стуком влип в ветровое стекло. У меня в глазах потемнело от страшного удара, и золотые зубы Фарфуркиса лязгнули у меня над ухом. Машину занесло. Когда пыль рассеялась, я увидел далеко позади Хлебоедова, который еще катился вслед за нами, размахивая конечностями.

— Затруднение? — осведомился Лавр Федотович обыкновенным голосом. По-моему, он даже не заметил удара.— Товарищ Хлебоедов, устраните.

Мы устраняли затруднение довольно долго. Пришлось сходить за Хлебоедовым, который лежал метрах в тридцати позади, ободранный, с лопнувшими брюками и очень удивленный. Выяснилось, что он заподозрил нас с комендантом в заговоре — будто мы поставили машину на колодки и гоним с корыстными целями километраж. Движимый чувством долга, он решил выйти на дорогу и раскрыть преступление, заглянув под машину. Он был очень удивлен, что это ему не удалось. Мы приволокли его к машине и положили так, чтобы он смог посмотреть, а сами отправились на помощь Фарфуркису, который искал и не мог найти свои очки и верхнюю челюсть. Он искал их в машине, но комендант нашел их далеко впереди. Недоразумение было полностью устранено, поражения Хлебоедова оказались довольно поверхностными, и Лавр Федотович, только теперь поняв, что парного молока нет, не будет и быть не может, внес предложение не тратить бензин, принадлежащий народу, а приступить к своим прямым обязанностям.

— Товарищ Зубо,— сказал он.— Доложите дело.

У дела двадцать девятого фамилии, имени и отчества, как и следовало ожидать, не оказалось. Оказалось только условное наименование «Заколдун». Год рождения его терялся в глубине веков, место рождения определялось его координатами с

точностью до минуты дуги[1]. По национальности «Заколдун» был русский, образования не имел, иностранных языков сроду не ведал, профессия у него была — холм, а место работы тоже определялось упомянутыми выше координатами. За границей «Заколдун» сроду не бывал, ближайшим родственником его являлась мать сыра земля, адрес же постоянного местожительства определялся все теми же координатами. Анкета произвела на Хлебоедова благоприятнейшее впечатление. Хлебоедов сказал, что будь он сейчас, как некогда, председателем правления Всероссийского хорового общества, он бы такого товарища утвердил бы в любой должности с закрытыми глазами. Что же касается краткой сущности необычности, то она звучала у меня так: «Участок территории с метрикой, значительно отличающейся от евклидовой. Базируясь на местных преданиях, можно предположить, что это изменение метрики было вызвано искусственно неизвестным агентом несколько десятков лет тому назад».

Комендант сиял. Дело уверенно шло на признание. Хлебоедов был доволен анкетой, Фарфуркис восхищался очевидной необъяснимостью, и Лавр Федотович, по-видимому, тоже не возражал. Во всяком случае, он сообщил нам доверительно, что народу нужны холмы, а также равнины, овраги, буераки, эльбрусы и казбеки.

Но тут дверь избушки растворилась, и на крыльцо выбрался, опираясь на палочку, старый человек в валенках и длинной до колен подпоясанной рубахе. Он потоптался на пороге, посмотрел из-под руки на солнце, махнул клюкой на козу, чтобы слезла с крыши, и уселся на ступеньку.

— Свидетель! — сказал Фарфуркис.— А не вызвать ли нам свидетеля?

— Так что ж свидетель,— упавшим голосом сказал комендант.— Разве чего не ясно? Ежели вопросы есть, то я могу...

— Нет! — сказал Фарфуркис, с подозрением глядя на него.— Нет, зачем же вы? Вы вон где живете, а он здешний.

---

[1] Налицо попытка ввести Тройку в заблуждение! Геодезические (географические) координаты — это углы, и измеряются не в дуговых, а в угловых единицах.— *В. Д.*

— Вызвать, вызвать! — сказал Хлебоедов.— Пусть молока принесет.

— Гррм,— сказал Лавр Федотович.— Товарищ Зубо, вызовите свидетеля по делу номер двадцать девять.

— Эх! — воскликнул комендант, ударивши соломенной шляпой о землю. Дело рушилось на глазах.— Да если бы он мог сюда прийти, он бы разве там сидел? Он там, можно сказать, в заключении! Не выйти ему оттуда! Как он там застрял, так он там и остался...— И в полном отчаянии, под пристальными и подозрительными взглядами Тройки, комендант, ставши вдруг словоохотливым от полной обреченности, поведал нам китежградское предание о заколдунском леснике Феофиле. Как жил он себе и не тужил в своей сторожке с женой — тогда он еще совсем молодой был, как ударила однажды в холм зеленая молния, и с тех пор там он и застрял. Первое время суматохи много было, жена Феофилова в город уходила, а вернулась — и, оказывается, не может взойти на холм. Прибежала в слезах к попу. Поп набрал святой воды ведро и пошел холм кропить. Шел-шел, не дойти до холма, и только. Брызгал он этой святой водой направо, налево, молитвы возносил — не помогает. Поп возьми и разуверься. Расстригся и пошел в атеисты. Это уже бунт. Приехал урядник. Спервоначалу грозил, ругался по-черному, потом принялся Феофила шкаликом приманивать. Мол, увидит шкалик Феофил и обязательно к нему прорвется, а тут уж можно будет его хватать и вязать. И верно, рвался Феофил. Двое суток к шкалику без передышки бежал. Нет, не добежать. Так он там и остался. Он там, жена здесь. Сначала к нему приходила, кричали они друг другу, потом надоело ей, перестала ходить. Феофил сначала рвался оттуда тоже, говорят, видели, как он свинью зарезал, солониной запасся, чистое белье увязал и пошел с холма путешествовать. Хлеба, говорят, взял на дорогу: два каравая, сухарей. Долго шел с холма, полгорода сбежалось глядеть, как он путешествует. И все по низу холма, все по низу холма. Смех и грех. Ну, потом, конечно, успокоился, жить-то надо. Так с тех пор и живет. Ничего, привык.

Выслушав эту страшную историю, Хлебоедов вдруг сделал открытие, что у Феофила советских документов нет, переписи он избежал, в выборах участия не принимал, воспитательной

работе не подвергался и, вполне возможно, что остался кулаком-мироедом.

— Две коровы у него,— сказал он.— И теленок вот. Коза. А налогов не плотит...— Глаза его вдруг расширились.— Раз теленок есть, значит, и бык у него где-то там спрятан!

— Есть бык, это точно,— уныло признался комендант.— Он, верно, на той стороне пасется.

— Ну, голубчик, и порядочки у тебя,— зловеще сказал Хлебоедов.— Знал я, чувствовал, что ты саботажник и очковтиратель, но такого даже от тебя не ожидал. Чтобы ты кулака укрывал, мироеда...

Комендант набрал в грудь побольше воздуха и заныл:

— Святой девой Марией... Двенадцатью первоапостолами... На евангелии клянусь и на конституции...

Лесник Феофил вдруг поднял голову и, прикрываясь от солнца ладонью, посмотрел в нашу сторону. Затем он встал, отбросил клюку и начал неторопливо спускаться с холма, оскальзываясь в высокой траве. Белая грязная коза следовала за ним, как собачонка. Феофил подошел к нам, опустился в вольтеровское кресло, задумчиво подпер подбородок костлявой коричневой рукой, а коза села рядом и уставилась на нас желтыми бесовскими глазами.

— Люди как люди,— сказал Феофил.— Удивительно.

Коза отбросила за спину тяжелую золотую косу, обвела нас взглядом и выбрала Хлебоедова.

— Это вот Хлебоедов,— сказал она.— Рудольф Архипович, родился в девятьсот шестнадцатом, в Хохломе, имя родители почерпнули из великосветского романа, по образованию школьник восьмого класса, иностранных языков изучал много, но не знает ни одного...

— Иес,— сказал Хлебоедов, стыдливо хихикнув.— Натюрлих. Яволь.

— ...Профессии как таковой не имеет — руководитель. В настоящее время — руководитель-общественник. За границей был: в Италии, во Франции, в обеих Германиях, в Венгрии, в Англии... и так далее, всего в сорока двух странах. Отличительная черта характера — высокая социальная живучесть и приспособляемость, основанные на принципиальной глупости и на неизменном стремлении быть ортодоксальнее ортодоксов.

— Так,— сказал Феофил.— Можете что-нибудь к этому добавить, Рудольф Архипович?

— Никак нет! — весело сказал Хлебоедов.— Разве что вот орто... докс, ортодо...ксальный... Не совсем ясно!

— Быть ортодоксальнее ортодоксов значит примерно следующее,— сказала коза.— Если начальство недовольно каким-нибудь ученым, вы объявляете себя врагом науки вообще. Если начальство недовольно каким-нибудь иностранцем, вы готовы объявить войну всему, что за пределами страны. Понятно?

— Так точно! — сказал Хлебоедов.— Иначе нельзя. Образование у нас больно маленькое. Иначе, того и гляди, промахнешься.

— Крал? — небрежно спросил Феофил.

— Нет,— сказала коза.— Подбирал, что с возу упало.

— Убивал?

— Ну что вы,— засмеялась коза.— Лично — никогда.

— Расскажите что-нибудь,— сказал Феофил Хлебоедову.

— Ошибки были,— быстро сказал Хлебоедов.— Люди не ангелы. И на старуху бывает проруха. Конь о четырех ногах, и то спотыкается. Кто не ошибается, то не ест... то есть, не работает...

— Понял, понял,— сказал Феофил.— Будете еще ошибаться?

— Ни-ког-да! — твердо сказал Хлебоедов.

Феофил покивал.

— Что от него останется на земле? — спросил он козу.

— Дети,— сказала коза.— Двое законных, трое незаконных. Фамилия в телефонной книге...— Прекрасное ее лицо напряглось, словно она всматривалась в даль.— Нет. Больше ничего.

— Нам много не надо,— обиженно сказал Хлебоедов.— А что касается незаконных детей, то это как вышло? Едешь, бывало, в командировку...

— Благодарю вас,— сказал Феофил. Он посмотрел на Фарфуркиса.— А этот приятный мужчина?

— Это Фарфуркис,— сказала коза.— По имени и отчеству никогда никем не был называем. Родился в девятьсот двадцатом в Таганроге, образование высшее, юридическое, читает по-английски со словарем, по профессии лектор, имеет степень кандидата исторических наук, тема диссертации — «Профсо-

юзная организация мыловаренного завода имени Ньютона в период 1934–1941 годы». За границей не был и не рвется. Отличительная черта характера — осторожность и предупредительность, иногда сопряженные с риском навлечь на себя недовольство начальства, но всегда рассчитанные на благодарность от начальства впоследствии...

— Это не совсем так,— мягко возразил Фарфуркис.— Вы несколько подменяете термины. Осторожность и предупредительность являются чертой моего характера безотносительно к начальству, я таков от природы, это у меня в хромосомах. Что же касается начальства, то такова уж моя обязанность — указывать вышестоящим юридические рамки их компетенции.

— А если они выходят за эти рамки? — спросил Феофил.

— Видите ли,— сказал Фарфуркис,— чувствуется, что вы не юрист. Нет ничего более гибкого и уступчивого, нежели юридические рамки. Их можно указать, но их нельзя перейти.

— Как вы насчет лжесвидетельствования? — спросил Феофил.

— Боюсь, что этот термин несколько устарел,— сказал Фарфуркис,— мы им не пользуемся.

— Как у него насчет лжесвидетельствования? — спросил Феофил козу.

— Никогда,— сказала коза.— Он всегда свято верит в то, о чем свидетельствует.

— Действительно, что такое ложь? — сказал Фарфуркис.— Ложь — это отрицание или искажение факта. Но что есть факт? Можно ли вообще в условиях нашей невероятно усложнившейся действительности говорить о факте? Факт есть явление или деяние, засвидетельствованное очевидцами, но очевидцы могут быть пристрастны, корыстны или просто невежественны. Факт есть деяние или явление, засвидетельствованное в документах, но документы могут быть подделаны. Наконец, факт есть деяние или явление, фиксируемое лично мною, но мои чувства могут быть притуплены или даже вовсе обмануты привходящими обстоятельствами. И оказывается таким образом, что факт как таковой есть нечто весьма эфемерное, расплывчатое, недостоверное, и возникает естественная потребность вообще отказаться от такого понятия. Но тогда ложь и правда автоматически становятся первопонятиями, неопределимыми

через какие бы то ни было более общие категории. Существует Большая Правда и антипод ее, Большая Ложь. Большая Правда так велика и истинность ее так очевидна, что с точки зрения всякого нормального человека, каким являюсь и я, опровергать ее, то есть лгать, становится совершенно бессмысленным. Вот почему я никогда не лгу и, естественно, никогда не лжесвидетельствую.

— Тонко,— сказал Феофил.— Очень тонко. Конечно, после Фарфуркиса останется эта его философия факта?

— Нет,— сказала коза, усмехаясь.— То есть философия останется, но Фарфуркис тут ни при чем. Это не он придумал. Он вообще ничего не придумал, кроме своей диссертации. Так что останется от него только эта диссертация как образец работ такого рода.

Феофил задумался. Коза сидела у его ног на скамеечке и расчесывала волосы, как Лорелея. Мы встретились с нею глазами, и она улыбнулась мне не без кокетства. Очень, очень милая была козочка, было в ней что-то от Стеллочки, и мне опять ужасно захотелось домой.

— Правильно ли я понял,— сказал Фарфуркис, обращаясь к Феофилу,— что все кончено и мы можем идти?

— Еще нет,— ответил Феофил, очнувшись от задумчивости.— Я бы хотел еще задать несколько вопросов вот ему...

— Как?! — вскричал пораженный Фарфуркис.— Лавру Федотовичу?

— Народ...— проговорил Лавр Федотович, глядя куда-то в бинокль.

— Вопросы Лавру Федотовичу? — бормотал потрясенный Фарфуркис.

— Да,— подтвердила коза.— Вунюкову Лавру Федотовичу, год рождения...

— Да что же это такое? — возопил в отчаянии Фарфуркис.— Товарищи! Да куда мы опять заехали? Ну что это такое? Неприлично же...

— Правильно,— сказал Хлебоедов.— Не наше это дело. Пусть милиция разбирается.

— Гррр,— сказал Лавр Федотович.— Другие предложения есть? Вопросы к докладчику есть? Выражая общее мнение,

предлагаю вычеркнуть дело номер двадцать девять из списков дел, предназначенных к рассмотрению настоящей комиссией, и передать его в соответствующие органы. Выездную сессию считаю закрытой. Объявляю перерыв до пяти часов ноль минут вечера.

Я посмотрел на вершину холма. Лесник Феофил, тяжело опираясь на палку, стоял на своем крылечке и из-под ладони смотрел на нас. Коза бродила по огороду. Я помахал им беретом и развернул машину.

Глава шестая

Выезд в поле оказал на всех участников, кроме коменданта, благотворнейшее влияние. Тройка вкусно и с аппетитом пообедала, удержавшись на этот раз от гастрономических дискуссий, отдохнула, смазала комариные укусы одеколоном и теперь демонстрировала поучительное зрелище трогательного единения и взаимопонимания. Хлебоедов и Фарфуркис долго уступали друг другу право первому войти вслед за Лавром Федотовичем в комнату заседаний, Лавр Федотович благодушно разбудил все еще спавшего в своем кресле полковника и угостил его «Герцеговиной Флор», а я в перерыве сходил на завод, закруглил там все свои дела и чувствовал теперь себя на седьмом небе. Что же касается коменданта, то ему не повезло. Не надо было ему раздеваться на берегу озера, а раздевшись — потеть от страха. Он застудил себе зуб и мучился так, что Лавр Федотович счел себя обязанным поддержать его благосклонной шуткою: «Вот, товарищ Зубо,— сказал он.— Имели вы против нас зуб, и теперь этот зуб у вас и заболел».

Всего на вечернем заседании нам предстояло рассмотреть три дела. Все три отложенные, уже рассматривавшиеся раньше. Первым обсудили разумного дельфина Айзека. Сам дельфин давно уже помер от старости, но дело его жило[1] и было еще способно доставлять кому-то неприятности. Жило оно по

[1] АБС, конечно, были уверены, что цензоры это пропустят, мило улыбнувшись. Ну, пустяки: Айзек жил, Айзек жив, Айзек будет жить! — *В. Д.*

целому ряду причин. Во-первых, Айзек неудачно скончался, недоиспользовав отпущенные на него две тонны свежей трески. Эта когда-то свежая треска висела на шее несчастного Зубо, как жернов, и не было никакой возможности от нее избавиться. Он ел ее сам, всей семьей, приглашал гостей, кормил половину китежградских собак, подъезжал даже к Спиридону, но нарвался на отказ: Спиридон не пожелал иметь ничего общего ни с кем из китообразных. Во-вторых, дело Айзека не могло быть прекращено потому, что, пока акт о смерти ходил по инстанциям, из покойника набили чучело и передали в китежградскую среднюю школу в качестве наглядного пособия, акт же вернулся с резолюцией произвести посмертное вскрытие на предмет установления причин смерти. С тех пор ежемесячно комендант получал запрос из инстанций: почему до сих пор не высланы результаты вскрытия, на что однообразно отвечал, что принимаются все меры к быстрейшему ответу на ваш исходящий такой-то. И наконец, Тройка сама по себе тоже не давала делу прекратиться. «Мало ли что он помер,— говорил Хлебоедов об Айзеке.— Мне плевать, что он помер. Я обещал его на чистую воду вывести, и я его выведу». (Хлебоедов возненавидел мудрого дельфина с самой их первой встречи, когда дельфин на слова Хлебоедова: «Какая же это сенсация, это обыкновенная говорящая рыба, я про такую читал» — во всеуслышание на четырех европейских и двух азиатских языках назвал его идиотом.) Вот и сегодня Хлебоедов извлек из портмоне газетную вырезку и заявил:

— Насчет этого Айзека у меня есть материал. Вот получен прессой сигнал, что дельфин, оказывается, вовсе и не рыба. Этого я не понимаю. Живет в воде, хвост у него, и не рыба. А что же, по-вашему, птица? Или... это... петух какой-нибудь?

— Есть предложения? — благодушно осведомился Лавр Федотович.

— Есть,— сказал Хлебоедов.— Отложить до выяснения. Темный был покойничек человек, земля ему пухом.

— Помер же он,— в сотый раз безнадежно пронял комендант.— Может, спишем, а?

— Товарищ Зубо,— сказал Фарфуркис,— вы напрасно испытываете наше терпение. Оно у нас безгранично. Мы вам уже объясняли, что Гомер, Шекспир, многие другие деятели тоже

умерли, но по-прежнему продолжают оставаться загадкой для исследователей. Смерть не может считаться препятствием для исследовательской работы. Нам не важно, жив объект или нет, нам важно установить, в какой мере он является или являлся необъясненным явлением.

— Ну хорошо,— сказал комендант.— А насчет рыбы мне как?

— И опять же мы готовы в сотый раз объяснить вам, что поскольку данный продукт документирован в качестве пищи для вашего колониста, то он и может быть списан лишь по употреблении его этим колонистом.

— Ревизия же на носу! — рыдающим голосом проговорил комендант.— Найдут же у меня две тонны гнилой рыбы излишков...

— Да,— сочувственно сказал Фарфуркис.— Вам необходимо что-то предпринять.

— Может, мне другого дельфина купить? На свои, на заработанные. В Москве, кум говорил, такой магазин есть...

— Это ваше право,— сказал Фарфуркис.— Но вряд ли законно скармливать продукт, предназначенный конкретно дельфину Айзеку, какому-нибудь другому дельфину.

— Куда ж мне рыбу-то девать?

— Скормить ее дельфину Айзеку,— сказал Фарфуркис.

— Гррм,— сказал Лавр Федотович.— Я вижу, вопросов больше нет. Переходите к следующему делу, товарищ Зубо.

Следующим было дело снежного человека Феди. Тут все обошлось благополучно. Комиссия единодушно признала Федю годным к исполнению обязанностей наглядного пособия для популярных лекций по основам дарвинизма. Комиссия подписала соответствующее удостоверение и вручила его коменданту для передачи Феде. Комендант был в восторге. Федино дело тянулось полтора года, и он уже потерял веру в его благополучный исход. Он рассматривал удостоверение со всех сторон, глядел на просвет, украдкой прижимал к сердцу. Зуб его совершенно успокоился.

Далее было поднято дело спрута Спиридона. Дело это тянулось тоже больше года, потому что высокомерное древнее головоногое не желало являться на комиссию, а требовало, чтобы комиссия сама явилась к нему. Амбиция обеих сторон

мешала разрешению конфликта — все-таки речь шла о том, кто будет командовать парадом.

— Опять не явился, старый склочник,— сказал Хлебоедов.

— Никак нет,— подтвердил комендант.

— Нет, надо же какая скотина,— сказал Хлебоедов.— Семь ног у мерзавца, и не может явиться!

— Восемь,— сказал Фарфуркис.

— Как так — восемь? Осьминог ведь? Значит, о семи ногах. Что вы мне, в самом деле...

— У осьминога восемь ног,— мягко сказал Фарфуркис.— Он, собственно, восьминог, но «в» у него редуцировалось.

— Да бросьте вы,— сказал Хлебоедов.— Что ты, понимаешь, мне вкручиваете? Редуцировалось, медуцировалось... Не знаете, так и скажите. Вот пусть консультант скажет. Товарищ консультант, сколько у него ног, семь или восемь?

— Десять,— сказал я.

Хлебоедов посмотрел на меня ошарашенно.

— Шутки шутите? — сказал он.— А между прочим, вы на работе. Это вы дома своей жене шутки шутите.

— Мне, товарищ Хлебоедов, с вами шутить не о чем,— холодно сказал я.— Вы мне задаете как научному консультанту вопрос, я вам отвечаю. Могу добавить, что точнее, вероятно, говорить не «ног», а «рук», поскольку спруты на щупальцах не ходят, а хватают ими.

— Но ноги-то, ноги у него есть? — спросил Хлебоедов.— Хоть одна!

— Ничего не могу добавить,— сказал я.

— Одну минуточку,— сказал Фарфуркис.— Но почему же в таком случае он называется осьминог?

— А Спиридон не осьминог. Спиридон — кальмар, мегатойтис.

— Ага,— сказал Фарфуркис.— Благодарю вас.

— Все равно,— сказал Хлебоедов.— Мог бы и на руках дойти. Не в баню ведь, а на комиссию... А в общем-то, нам-то какое дело? Мы его вызываем, он не приходит, а у нас не горит, у нас другой работы много. Кто там следующий?

— От Спиридона имеется заявление,— сказал комендант.

— Отказать, отказать,— сказал Хлебоедов.

— Гррrм,— произнес Лавр Федотович.— Товарищ Хлебоедов, у вас есть вопрос?

— Нет,— сказал Хлебоедов пристыженно.— Виноват.

— Народ желает знать все детали,— продолжал Лавр Федотович, глядя на Хлебоедова в бинокль.— Между тем отдельные члены комиссии, видимо, пытаются подменить общее мнение комиссии своим частным мнением. Но народ говорит этим отдельным товарищам: не выйдет, товарищи!

Воцарилось почтительное молчание. Было слышно, как Хлебоедов терзается угрызениями совести. Лавр Федотович опустил бинокль и сказал:

— Докладывайте, товарищ Зубо.

— Меморандум номер двенадцатый,— прочитал комендант.— Настоящим полномочный посол Генерального содружества гигантских древних головоногих свидетельствует свое искреннее уважение председателю Тройки по рационализации и утилизации необъясненных явлений (сенсаций) его превосходительству товарищу Вунюкову Лавру Федотовичу и имеет поставить его в известность о нижеследующем:

1. Настоящий меморандум является двенадцатым в ряду документов идентичного содержания, отправленных полномочным послом в адрес его превосходительства.

2. Полномочный посол до сего дня не получил ни уведомления о вручении, ни подтверждения о получении, ни адекватного ответа хотя бы на один из вышеупомянутых документов.

3. Полномочный посол вынужден с сожалением констатировать установление нежелательной традиции, которая вряд ли может в дальнейшем способствовать нормальным отношениям между высокими договаривающимися сторонами.

Допуская в связи с вышеизложенным, что предшествовавшие одиннадцать документов по тем или иным причинам не попали в сферу внимания его превосходительства, полномочный посол считает необходимым вновь информировать его превосходительство о своих намерениях, вытекающих из его, полномочного посла, обязанностей перед Генеральным содружеством, которое он имеет честь представлять:

1. Полномочный посол намерен встретиться с представителями министерства иностранных дел высокой договарива-

ющейся стороны в целях обсуждения процедуры вручения министру иностранных дел своих верительных грамот.

2. После упомянутого обсуждения полномочный посол намерен вручить министру иностранных дел высокой договаривающейся стороны свои верительные грамоты.

В интересах высоких договаривающихся сторон и допуская, что предшествовавшие одиннадцать документов по тем или иным причинам не попали в сферу внимания его превосходительства, полномочный посол считает себя обязанным повторить свои предложения его превосходительству:

1. Полномочный посол желал бы встретиться с его превосходительством для обсуждения средств и порядка доставки его, полномочного посла, к месту встречи с представителями министерства иностранных дел высокой договаривающейся стороны.

2. Время встречи с его превосходительством полномочный посол оставляет на усмотрение его превосходительства.

3. Что же касается места встречи, то, принимая во внимание физические и физиологические особенности организма полномочного посла, было бы желательно провести встречу в нынешней резиденции полномочного посла.

С совершеннейшим почтением остаюсь в ожидании решения вашего превосходительства покорнейшим вашим слугой, Спиридон, полномочный посол Генерального содружества гигантских древних головоногих.

— Все,— сказал комендант[1].

— Гррр,— сказал Лавр Федотович.— Какие будут предложения по существу дела?

— У меня предложение одно,— сказал Хлебоедов.— Лишить его, гада, пищевого довольствия. Пусть голодом посидит, а то видно ведь, что издевается. Сколько раз было ему говорено, чтобы явился на комиссию, а он только писульки пишет. Пусть-ка поголодает, образумится...

— Нет-нет, товарищи,— возразил Фарфуркис.— Так нельзя. Я полагаю, что он все-таки не врет и что он все-таки посол.

---

[1] На полях заметка: «Аллегорич. сцена».— *С. Б.*

Надо соблюдать дипломатическую осторожность. Другое дело, конечно, что он ведет себя несовместимо со своим званием и требует от нас действий, подрывающих престиж нашей комиссии. Поставить его на место, конечно, необходимо. Надо написать ему, что наша комиссия не уполномочена вступать в какие бы то ни было отношения с министерством иностранных дел, что задача нашей комиссии — устанавливать аутентичность необъясненных явлений, поэтому Спиридон для нас есть не более как частное лицо, желающее или не желающее фигурировать перед народом в качестве необъясненного явления. Если желает — милости просим, скажем, в понедельник, на утреннее заседание. А не желает — насильно мил не будешь. А дипломатические его функции нас ни в какой мере не интересуют.

— Гррм,— сказал Лавр Федотович.— Народ не располагает излишками бумаги, для того чтобы заводить переписку с необъясненными явлениями. С другой стороны, народ гостеприимен и хлебосолен. Выражая общее мнение, предлагаю товарищу Зубо еще раз на словах объяснить делу номер шесть всю несообразность его поведения. Пищевым довольствием обеспечивать по-прежнему. Других предложений нет? Вопросов к докладчику нет?

— Какой калибр? — спросил полковник.

Лавр Федотович медленно взял бинокль и навел его на шутника. Однако полковник уже снова спал, и Лавр Федотович успокоился.

— Товарищ Зубо,— сказал Лавр Федотович.— Доложите очередное дело.

— Так что дел, Лавр Федотович, на сегодня не осталось,— бодро сказал комендант.— Все дела.

— Гррм! — сказал Лавр Федотович удовлетворенно.— В таком случае слово предоставляется товарищу Фарфуркису.

Фарфуркис перелистал записную книжку и сказал:

— На повестке дня сегодняшнего заседания осталось, товарищи, два вопроса. Первый вопрос — разбор жалоб, заявлений и сообщений трудящихся, и второй вопрос — отбор наиболее выдающихся сенсаций, установленных за истекший месяц, для передачи их в широкую прессу.

Писем от трудящихся оказалось семь. Школьники села Вунюшино сообщали про местную бабку Зою. Все говорят, что она ведьма, что из-за нее урожаи плохие, и внука своего, бывшего отличника Василия Кормилицына, она превратила в хулигана и двоечника. Школьники просили комиссию разобраться в этой ведьме, в которую они, как пионеры, не верят, и чтобы комиссия объяснила научно, как она портит урожаи и как превращает отличников в двоечников.

Братья Андрей и Борис Долгорукие из села Аргунька Уссурийского края написали, что поймана девочка-людоед, бежавшая из-за рубежа от преследования хунвэйбинов и прославившаяся воровством кур. Местные власти отдали ее под суд, и братья выражали сомнение в целесообразности такого решения. Они считали, что преступницу надлежит вскрыть и отыскать новые законы природы.

Группа туристов из разных городов наблюдала в предгорьях Верхоянского хребта светящегося зеленого скорпиона ростом с корову. Скорпион таинственным излучением усыпил двух дежурных и скрылся в тайге, похитив месячный запас продовольствия. Туристы предлагали свои услуги для поимки чудовища при условии, что им будет оплачена дорога туда и обратно.

Житель города Китежграда П. П. Заядлый жаловался на соседа, второй год роющего подкоп под его дом. Письмо было послано из психиатрической больницы.

Другой житель Китежграда, гражданин С. Т. Краснодевко, выражал негодование по поводу того, что городской сад загажен всякими чудовищами и погулять негде. Во всем обвинялся комендант Зубо, использующий отходы колонистской кухни для откармливания трех личных свиней.

Сельский врач из районного центра Бубново сообщал, что при операции на брюшной полости гражданина Панцерманова ста пятнадцати лет обнаружил у него в двенадцатиперстной кишке древнюю согдийскую монету. Врач обращал внимание комиссии на тот факт, что гр. Панцерманов (ныне покойный) в Средней Азии никогда не был и найденной монеты никогда не видел. На остальных сорока двух страницах письма излагались соображения молодого эскулапа относительно телепатии, телекинеза и четвертого измерения. К письму прилагались две фотографии злополучной монеты в натуральную величину.

И наконец, канадский гражданин М. Фэрбенкс прислал очередную порцию газетных вырезок относительно появления УФО и осторожно осведомлялся о гонораре.

Все письма были зачитаны и обсуждены. Мне было поручено дать по каждому заключение. Я дал. Несмотря на это мне же было поручено ответить на все эти письма. У меня уже был некоторый опыт такого рода работы. Была даже стандартная форма: «Уважаем... гр. .....! Мы получили и прочли ваше интересное письмо. Сообщаемые вами факты уже известны науке и интереса не представляют. Тем не менее мы горячо благодарим вас за ваше наблюдение и желаем вам успехов в работе и личной жизни». Подпись. Все. Я всегда испытывал огромное удовольствие, посылая такие письма в ответ на сообщения о том, что «гр. Сменовеховец просверлил в моей стене отверстие и пускает скрозь него отравляющие газы».

Затем Тройка занялась любимым делом — отбором сенсаций для опубликования в газетах. Каждый член комиссии предложил своего кандидата на выдвижение. Хлебоедову, например, понравился заведующий Китежзаготскота, который мог вынимать из карточной колоды заказанную карту, а также, держа карандаш в зубах, воспроизводить факсимиле великих деятелей. «Такие люди на земле не валяются,— заявил он.— Таких нам надо выдвигать». Воображение Фарфуркиса потрясла девушка, которая очень ловко видела ушами и слышала глазами. Фарфуркис признался даже, что как частное лицо уже отправил корреспонденцию о ней в журнал «Знание — сила». Корреспонденция называлась: «Она слышит, видя, и видит, слыша». Впрочем, ответ редакции Фарфуркис зачитать отказался, сославшись на плохой почерк сотрудника. Полковнику тоже предоставили возможность высказаться, и он, поминутно засыпая, поведал нам о своем проекте создания сверхзвуковой реактивной кавалерии. В заключение Лавр Федотович сказал «грррм» и, выразив общее мнение комиссии, предложил на выдвижение сверлильщика Китежградского завода маготехники Толю Скворцова, регулярно перевыполняющего план на двести — двести десять процентов. На том и порешили. После этого Лавр Федотович закрыл заседание и величественно пожелал нам с пользой провести воскресный день.

Глава седьмая

В семь часов вечера мы были уже готовы и двинулись в путь. Я тащил палатку, котелок, удочки и все, что было необходимо для ухи. Федя толкал перед собой тачку со Спиридоном и нес одеяла и рюкзак с продуктами на случай, если уха не получится. Клоп ничего не нес — он шагал поодаль, засунув руки в карманы, и оскорбительно разглагольствовал относительно так называемых разумных существ, которые, несмотря на весь свой хваленый разум, шагу не могут ступить без продуктов питания. «А я вот все мое ношу с собой»,— хвастливо заявлял он. Спиридон помалкивал под мокрой мешковиной и только вращал глазами. Нам предстояло пройти около десяти километров до лужайки на берегу Китёжи, где мы обычно ставили палатку, разводили костер, варили уху и играли в бадминтон. До захода солнца оставалось около двух часов, надо было поторапливаться, но мы задержались, чтобы поговорить с Константином.

Константиново летающее блюдце, накрытое неприступным сиреневым колпаком защитного поля, стояло недалеко от дороги. Из-под блюдца торчали ноги Константина, обутые в «скороходовские» тапочки сорок четвертого размера. Ноги отмахивались от комаров. Когда год назад Константин совершил здесь свою вторую вынужденную посадку, под купол защитного поля попала небольшая лужа, населенная семейством комаров. Корабль Константина после посадки испортился окончательно, автоматически установившееся защитное поле не желало сниматься, и Константин со своими комарами оказался в положении тех узников инквизиции, которых замуровывали в стену вместе с голодными котами.

Защитное поле это было устроено так, что не пропускало ничего постороннего. Сам Константин с деталями своего звездолета мог ходить через сиреневую пленку совершенно беспрепятственно, но одежда, которую ему выдал комендант, оставалась при этом снаружи, а комары, которые попали под купол, всегда оставались внутри, увеличивая и без того безмерные страдания пришельца, давно уже просрочившего свой кратковременный отпуск. Под защитным полем оказались и забытые кем-то на аллее тапочки, и это было единственное из земных благ, которыми Константин мог пользоваться, потому что ни-

каких других благ под колпаком не оказалось. Кроме комаров там оказались: заросли крапивы, два куста волчьей ягоды, часть чудовищной садовой скамейки, изрезанной всевозможными надписями, и четверть акра сыроватой, никогда не просыхающей почвы.

Федя постучал Константину в защитное поле. Константин выглянул из-под блюдца, увидел нас, выбрался и, отлягиваясь, выскочил из колпака. Тапочки остались внутри, и видно было, как по ним бродят, жаждуще поводя хоботками, отъевшиеся рыжеватые звери.

— Пойдемте с нами, Костя,— сказал Федя.— Отдохните хоть немного.

Константин покачал головой.

— Нет, ребята,— сказал он.— У меня, кажется, что-то начало получаться. Мне бы теперь пронести под колпак литров десять инсектицида, и ничего бы больше не было нужно.

При этих словах Говорун вздрогнул.

— Странно мне вас слышать, Константин,— сказал он.— Все-таки вы — представитель высокоразвитой цивилизации. Неужели и в вас затаилась эта неуемная жажда бессмысленного убийства?

— Почему — бессмысленного? — сказал Константин с горячностью.— Они ведь меня жрут!

— Ну конечно,— сардонически сказал клоп.— Вы бы хотели, чтобы они умерли от голода. И потом вы же прекрасно знаете, что никакие инсектициды не помогут. Вы перебьете тысячи несчастных вместе с женами и детьми, но останутся единицы, которым наплевать на ваши инсектициды, которые ничему не научатся и только озлобятся...[1]

— В самом деле,— сказал я.— Инсектициды — вещь ненадежная. Почему бы вам, Костя, не развернуть этих комаров в двумерном пространстве? Это было бы гораздо надежнее...

— Да, конечно,— сказал Константин.— Но я же должен работать! Не могу же я сидеть и держать их в двумерном простран-

[1] Сейчас это называется «Невозможность решения проблемы военными средствами». Говоруну следовало бы выступать не по дороге на пикник, а в ПАСЕ.— *В. Д.*

стве с утра до вечера... Да ничего, скоро всему этому конец. Привет, ребята!

Он пожал нам руки и снова полез под блюдце. Мы двинулись дальше. Дорога шла вдоль Китёжи, приятная загородная дорога, покрытая нежной пылью, неразбитая, гладкая. Справа тянулись огороды городского питомника, слева под небольшим обрывчиком текла темная прохладная река, очень приятная на вид здесь, вдали от стоков Китежградского завода. Шли мы быстро. Меня прошибал пот, Федя тоже очень старался, и разговаривать нам было некогда: мы берегли дыхание. А Спиридон с Говоруном затеяли разговор на темы морали. Слушать их было очень поучительно, поскольку ни тот, ни другой представления не имели ни о гуманизме, ни о любви к ближнему. Спиридон утверждал, что совесть — это пустое, бессодержательное понятие, придуманное для обозначения внутренних переживаний человека, делающего не то, что ему следует делать. Да, соглашался клоп, муки совести — это последствия сделанных ошибок. У этих людей масса возможностей совершать ошибки, не то что у нас, клопов. У нас сохраняются только те, кто ошибок не делает. Поэтому у нас и нет совести. Это была истинная правда: будь у клопа хоть немного совести, он мог бы, по крайней мере, тащить пакет с луком. Покончив с совестью, Спиридон перешел на проблемы добра и зла, и они быстро с ними расправились, согласившись, что находятся по ту сторону от того и другого. Затем последовали: вопрос о так называемой подлости, вопрос о праве на убийство и вопрос о любви. Подлость они объявили понятием, производным от совести и потому несущественным. Во взглядах на право на убийство они разошлись решительно. Спиридон исходил из принципа: живу, потому что убиваю, и не могу иначе. Клоп же проповедовал в этом вопросе христианство: соси, но знай меру. Они опять чуть не подрались, потому что клоп назвал Спиридона фашистом. Мы с Федей их разняли. Федя пригрозил Спиридону, что вывалит его на дорогу, а я пообещал клопу столкнуть его в реку. Тогда они заговорили о любви. Спиридон оказался певцом любви платонической, Говорун же — плотской. Спиридон вздыхал, закатывал глаза и пел баллады в переводе на русский о коралловом цветке его чувств, плывущем по бурному океану

навстречу предмету любви, каковой предмет он, несчастный влюбленный, никогда не видал и не увидит. Он цитировал Блока: «Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, аи» — и вздыхал: «Как тонко! Как верно! Очень по-нашему, очень...» Говорун в начале только хихикал и расправлял усы тыльной стороной ладони, однако потом и его прорвало. Он принялся нам читать стихи собственного сочинения, предпослав им известные строки «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...», которые считал вершиной человеческой поэзии. Однако мы с Федей нашли его сочинения непристойными и велели ему замолчать. Особенно негодовал Федя, заявив, что такого он не слыхал даже от обезьян в зоопарке, где сидел по недоразумению несколько месяцев.

Так за разговорами мы еще засветло добрались до лужайки. Федя подкатил тачку к самой воде и с удовольствием вывалил Спиридона в темный поросший кувшинками омут. Каждый занялся своим делом. Спиридон исчез под волнами и, через минуту появившись, сообщил нам, что сегодня здесь полно раков, есть окуни и два линя. Я велел ему ловить раков, но ни в коем случае не трогать и, упаси бог, отпугивать будущую уху. Федя принялся разбивать палатку, а я стал разжигать костер. Говорун, как всегда, отлынивал. Сославшись на приступ хандры и на слабые мышцы, он скрылся в кустах, где жило несколько его знакомых травяных клопов, и через некоторое время оттуда уже доносились взрывы хохота и надсадно выкрикиваемые отрывки анекдотов сомнительного свойства.

Когда солнце село, лагерь был готов. Великолепно, без единой морщинки растянутая палатка ждала постояльцев в объятья расстеленных одеял. Весело трещал костер, и купающиеся в кипятке раки становились все более и более красными. Федя, закинув три удочки, азартно следил за поплавками. Из омута страшновато поблескивали гигантские глаза удобно расположившегося там Спиридона. Судя по редким всплескам, он, несмотря на строжайший запрет, ощупкой ловил и поедал на месте отборную рыбу, однако уличить его не было никакой возможности. Я взял кол от палатки, сходил в кусты и разогнал веселящуюся там компанию. Говорун полез было в амбицию, но я показал ему указательный палец и засадил чистить лук.

Закат отбушевал, высыпали звезды, раки сварились, уха тоже. Я намазался диметилфталатом и пригласил всех к столу. «Еще минуточку, Саша! Еще минуточку!» — просился Федя, но я по опыту знал эти минуточки и бесцеремонно оттащил его от удочек.

Мы с Федей с удовольствием ели уху, сосали раков. Говорун присел поодаль на пенек и, глядя на нас, во всеуслышание сетовал на отсутствие поблизости приличной гостиницы или, по крайней мере, дома колхозников. Спиридон плескался и чем-то хрустел в своем омуте. Потом, когда уха была съедена, а раки высосаны до последней лапки, Федя пошел в темноту сполоснуть посуду, а я прилег у костра, ощущая во всем теле приятную негу, предвкушая одеяла в палатке и яркий солнечный день завтра, и купанье при активном участии Спиридона, и как мы с Федей ухватим Говоруна за руки и ноги и поволочем топить, а он будет орать и распространять коньячные запахи... Вспомнив о клопе, я стал размышлять, куда его девать на ночь, дабы не ввести во искушение, посадить ли его в спичечный коробок или привязать шпагатом к дереву, а в темноте у меня за ушами злобно и разочарованно завывали комары, оскорбленные диметилфталатом. Говорун сидел на пеньке, поджав под себя ноги, и поглядывал на меня со странным выражением. Федя рассказывал Спиридону, как прекрасны его снежные горы, как до них нужно добираться и какие воинские части дислоцированы поблизости от его постоянной резиденции. Я совсем уже решил было проблему клопа, сообразив, что его просто следует перевезти на ночь на другой берег, и раздумывал, как поделикатнее сообщить ему о моем решении, как вдруг послышался треск валежника, приглушенные голоса, и из лесу один за другим вышли и вступили в освещенное пространство хорошо знакомые люди. Лавр Федотович, придерживая под локоть полковника, приблизился к костру первым и опустился на землю так резко, словно у него подломились ноги. Фарфуркис сел рядом со мной и сразу протянул к огню посиневшие от холода руки, а Хлебоедов усадил полковника, стащил с его ног унты и вылил из них воду. Затем он стал оттирать полковнику замерзшие ступни, присев на корточки. Полковник едва сидел, клонясь набок, закатив глаза. Голова его была перевязана окровавленным бинтом.

— Устал,— сказал Фарфуркис.— Устал, не могу. Башка трещит.

— Завтра,— сказал Лавр Федотович.

— Не завтра, а послезавтра,— сказал Фарфуркис.

Хлебоедов, сидевший на корточках спиной к ним, пробормотал, не оборачиваясь:

— Это — грипп. Это — смерть.

— Где автомат? — спросил полковник, еле шевеля губами.— Автомат где, слушайте!

— Все равно,— сказал Фарфуркис.— Все равно. Лавр Федотович,— спросил он.— У меня есть голова? У меня такое ощущение, словно головы нет.

— Руки нет,— сказал Лавр Федотович.— У меня.

У него действительно не было руки. Какая-то мокрая тряпка вместо руки. Хлебоедов сел лицом к огню и положил голову полковника к себе на плечо. Глаза полковника были закрыты.

— Меня придется бросить,— сказал он.— Слишком много железа в животе.

— Завтра,— сказал Лавр Федотович.

— Послезавтра,— поправил его Фарфуркис.

— Полковник — послезавтра, а мы — завтра,— возразил Лавр Федотович.

— Я вернусь в город,— сказал Хлебоедов.— Вы идите, а я вернусь в город.

— Зачем? — сказал полковник, не открывая глаз.— Там же ни одного человека.

— Все равно,— сказал Хлебоедов.— Взорву библиотеку. Мы забыли библиотеку.

— Чем взорвешь? — горько спросил Лавр Федотович.— Соплями?

— Башка, башка трещит,— бормотал Фарфуркис, сжимая виски.— Дайте мне револьвер, полковник.

— Где была вода, когда вы уходили? — спросил полковник.

Ему никто не ответил. Все смотрели на огонь.

— Я ослеп? — спросил полковник.

— Нет,— сказал Хлебоедов.— Откуда вы взяли?

— Ослеп,— сказал полковник.— Ослеп. Я же слышу, здесь костер.

— Это беженцы,— сказал Лавр Федотович.

— Слушайте,— сказал Хлебоедов,— пусть полковник полежит, а мы соберем всех, кто остался, и вернемся в город. Остался ведь еще револьвер. Надо поджечь библиотеку.

— Она уже, наверное, под водой,— безнадежно сказал Фарфуркис.

— Нет,— сказал Лавр Федотович.— Если мы еще на что-нибудь способны, надо ставить бредень.

— Не сходите с ума,— сказал полковник.— Отдохните еще минут пять и бегите дальше, а меня оставьте. А лучше пристрелите.

— Всего один патрон остался,— виновато сказал Хлебоедов.

— Тогда просто оставьте. Вы мне надоели. Я хочу один.

Фарфуркис вдруг опустил руки и с изумленным видом огляделся.

— Слушайте,— сказал он капризно.— Куда мы опять заехали? Суббота ведь сегодня.

— Гррррм,— сказал Лавр Федотович.— Товарищ Хлебоедов, распорядитесь.

Хлебоедов тотчас вскочил и, зацепившись о натянутую веревку, прямо в сапогах влез в палатку.

— Все готово, Лавр Федотович! — бодро сообщил он оттуда.— Я уже распорядился. Четыре одеял верблюжьих и две подушки походных. Можно отдыхать.

— Народ...— сказал Лавр Федотович, величественно поднимаясь.— Народ имеет право на отдых. Товарищ Фарфуркис, назначаю вас дежурным по лагерю. Спокойной ночи, товарищи.— С этими словами, подняв в знак приветствия белую мягкую руку, он шагнул в палатку и тотчас принялся ворочаться там, как слон. Полковник уже спал, уткнувшись носом в муравейник.

— Товарищ научный консультант,— обратился ко мне Фарфуркис.— Оставляю вас своим заместителем. Во-первых, костер. Во-вторых, к завтраку Лавр Федотович предпочитает свежую рыбу, молоко и... э... лесные ягоды. Скажем, земляника, малина... это на ваше усмотрение. В случае тревоги будите.— Он встал на четвереньки и ловко нырнул в палатку. Через секунду оттуда уже доносился хор: Лавр Федотович вел басы,

Хлебоедов подтягивал звучным тенором, а Фарфуркис, выбирая паузы, врывался в них прерывистым дискантом.

— Так землянику или малину? — спросил Федя.

— Кукиш с маслом,— сказал я.— Ну их к дьяволу. Я завтра уезжаю.

— Пойду все-таки малинки соберу,— сказал Федя нерешительно.

Я пожал плечами. Одно меня только радовало: Говоруна на пеньке уже не было. Сквозь хор я слышал, как он осторожно ходит, ступая по спящим, и тихонько мурлычет: «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...» Я подбросил в костер валежника, лег и закинул руки за голову. Я уже засыпал, когда до меня донесся из реки скрежещущий смех Спиридона.

25 марта 1967 года
Голицыно

Практически только закончив черновик, Стругацкие тут же приступают к его правке и переделке, отмечая на отдельных листках важные моменты.

1. Метод убеждения — непонимание и демагогический отпор.
2. Разброд и шатание:
   Виктор крадет;
   Саша впадает в оппортунизм;
   Ойра-Ойра — впадает в цинизм;
   Амперян — принципиален. Ищет общее решение.
3. Объединение на основе всеобщего поражения вокруг Амперяна, вокруг идеи уничтожения бюрократизма, каковая идея трансформируется в идею вытеснения бюрократии из дела. И все довольны.

Ложные заявления. Тройка завалена чепухой. Социология Фарфуркиса. «Мелкие» дела — в подкомиссию, возглавляемую Э. Амперяном.

Линия Спиридона:
отдел Линейного Счастья — Э. Амперян и Киврин — Клоп, Спиридон, Федя;

отдел Смысла Жизни — Хунта;
отдел Универсальных Превращений — Жиан Жиакомо и В. Корнеев — Жидкий пришелец;
отдел Недоступных Проблем — Ойра-Ойра — Клоп, Спиридон, Федя.

Задачи комиссии:
1. Признание необычности явления.
2. Признание необходимости утилизации; в случае непризнания — уничтожается.

Тройка
По
Рационализации и
Утилизации
Необъясненных
Явлений

Авторы даже составляют таблицу необъясненных явлений и решений (решений ТПРУНЯ и решений ученых).

	Решение комиссии:	Решение ученых:
Старикашка с эвристической машинкой	Передать в ведение НИИЧАВО (под давлением Выбегаллы) в лабораторию Привалова	Выгнать
2. Жидкий пришелец (Витька)	Отложить и присвоить звание	Взять к себе на предмет исследования органических систем на живой воде
3. Пришелец Константин	Отказать в помощи и отложить	Помочь и отправить
4. Птеродактиль	В зоосад	Володе Почкину
5. Телепат	Отложить	Московское общество парапсихоло-

		гии и из моск. милиции, по рапорту китежградской
6. Клоп Говорун (Роман, Эдик)	Пропаганда вегетарианства	В распоряжение отдела Линейного Счастья
7. Плезиозавр	Отложить	
8. Болото	Изъять	Согласны
9. Заколдованный Холм	Передать милиции	Передать отделу Недоступных Проблем
10. Спиридон (Роман, Эдик)	Отложить	[стоит «птичка»]
11. Черный Ящик	Ящик разбить и посмотреть, что внутри	

Отмечают Авторы и то, что при написании чистовика нужно не забыть:

1. Дело Спиридона — аллегорическая сцена военного совета (война против спрутов вместе с китами).
2. Не забывать Кузьку.
3. Не забывать Рабиновичева:
   приходит фотографировать Спиридона. «У вас не фас, а дворцовая площадь. А вот профиля нет»;
   охотится за фотоснимком Панурга.
4. Панург: рассказать об Акакии.

ИЗДАНИЯ

Сравнение трех вариантов СОТ — порядок следования отдельных эпизодов, отсутствие одних и появление других эпизодов и персонажей, столь разительное различие финалов во всех трех вариантах — интереснейшая работа для исследователя творче-

ства АБС. И хотя такие материалы были подготовлены, они не приводятся по простой причине. СОТ-1 и СОТ-2 широко публикуются, СОТ-0 представлена здесь. Поэтому увлекательное путешествие по вариантам желающим предлагается совершить самостоятельно. Замечу лишь, что в СОТ-1 по сравнению с СОТ-2 65% общего текста. (Если же, наоборот, сравнивать СОТ-2 с СОТ-1, то общего будет 85%.)

Различия в публикациях одного и того же варианта приводятся ниже.

«АНГАРСКИЙ» ВАРИАНТ, или СОТ-2

СОТ-2, как уже говорилось, впервые опубликованная в 1968 году в журнале «Ангара», была переиздана через двадцать лет в журнале «Социалистический труд», а затем почти ежегодно издавалась в различных книжных изданиях.

Эпиграф из Гоголя («Эх, тройка! птица-тройка, кто тебя выдумал?») отсутствовал как в первых (журнальных) изданиях, так отсутствует и в последних. Несмотря на мои уверения, что этот эпиграф, во-первых, как бы продолжает линию «Понедельника...» (где эпиграф — также из Гоголя), а во-вторых, напоминает еще одно значимое определение слова «тройка» и подает со школы знакомую фразу в новом ракурсе, БНС был тверд: «Это слишком прямолинейно, слишком в лоб...[1] и в издания он попал только по оплошности авторов... не уследили». Поэтому в собраниях сочинений «Миров братьев Стругацких» и «Сталкера» СОТ-2 публиковалась без эпиграфа и, вероятно, будет так же публиковаться и в дальнейшем.

В журнальных изданиях Привалов сравнивает коменданта Зубо не со Стиггинсом, а с Дуремаром. Федя в кафе, споря с Клопом, не ОТКУСЫВАЕТ кочерыжку, а ПОКУСЫВАЕТ ее. В списке ученых, перечисляемых Говоруном, отсутствует (в обоих журнальных изданиях, во втором, уже перестроечном, вычеркнут, вероятно, по инерции) Николай Вавилов. Разбушевавшегося Клопа Говоруна Привалов хватает за шиворот и не ВЫНОСИТ (как в

---

[1] БНС, несомненно, прав. С таким же успехом можно вставить эпиграфом и «Тройка мчится, тройка скачет...» — *В. Д.*

книжных изданиях) из гостиничного номера, а ВЫВОДИТ. Это еще один пример аллегорических размеров Говоруна, который то представляется малым (как обычный клоп), то большим (размером с человека).

Издание в «Соц. труде» было слишком «исправлено» ретивыми корректорами: неправильные, с их с точки зрения, но характеризующие персонаж фразы были поправлены. К примеру, в речи Камноедова перед запуском лифта («...лифтом эксплуатировать не умеют») неправильное ЛИФТОМ было исправлено на правильное ЛИФТ. Старинное название «Санкт-Питербурх» было исправлено на «Санкт-Петербург». А в издании «Ангары» точно так же исправили хлебовводовское «в Сибире».

С другой стороны, издание «Соц. труда» иногда удивляет удачными находками, которых, к сожалению, более ни в одном издании нет. Вероятно, Авторы после двадцатилетнего забвения еще немного поработали над текстом перед сдачей его в журнал. К примеру, во фразе «Старичок тут же ударил по клавишам, потом быстро вырвал из машинки листок бумаги и рысцой поднес его Фарфуркису» вместо ПОДНЕС в этом издании — ПОВОЛОК. Старичок, волокущий листок бумаги,— яркая картинка!

Книжные издания особо не отличаются друг от друга, но имеют свои повторяющиеся из издания в издание ошибки. К примеру, в определении ТПРУНЯ Необъясненные Явления стали Необъяснимыми, что несколько смещает акцент, ибо «необъясненные» — это явление временное, а «необъяснимые» — это которые и объяснить-то невозможно. «Спин», одна из характеристик элементарной частицы, в этих изданиях превратился в «спину» (это из речи старичка-изобретателя: «Ротор поля наподобие дивергенции градуирует себя вдоль спина...», в книжных изданиях не СПИНА, а СПИНЫ). В возмущенном высказывании Хлебовводова о птеродактиле Кузьме («Может, скажете, у него жилы слабые?») ЖИЛЫ заменены на СИЛЫ.

Некоторые неправильности были устранены, начиная с издания СОТ-2 в «Terra Fantastica» (1997). Слова и фразы, которые Авторам пришлось исправить, публикуя СОТ в первый раз еще в советские времена, теперь звучат так же, как и в СОТ-1. К примеру, «народ», а не «общественность» в высказываниях представителей Тройки.

«СМЕНОВСКИЙ» ВАРИАНТ, или СОТ-1

Этот вариант СОТ впервые был опубликован только в перестроечные времена, хотя в списках ходил и ранее. Первое издание, в журнале «Смена» (1987), было несколько сокращено, но сокращения эти были чисто техническими — из-за нехватки места из текста убиралось только несущественное. А вот ретивые редакторы присутствовали и здесь, заменяя «нюхивал» на «нюхал», «подсигивал» на «подпрыгивал», «возглас» на «голос», «мене» на «меня» (когда отвечает пишущая машинка: «Признать мене за научный факт»), «махизьм» и «эмпириокритицизьм» из речи Выбегаллы приобретают правильный вид (теряют мягкие знаки), как и фраза Хлебовводова относительно спрута Спиридона: «Пусть голодным посидит» — вместо характерного «Пусть голодом посидит». Есть в нем и опечатки («вывод» вместо «выпада», «вырядиться» вместо «выродиться», «ценные» мускулы вместо «лицевых»).

Переводы французских выражений Выбегаллы в рукописи, поданной Авторами в «Смену», вероятно, отсутствовали, поэтому перевод идет не «точный» (как правило, из «Войны и мира»), а приблизительный. К примеру, вместо «все понять значит все простить» — «Кто поймет, тот извинит», вместо «Это тяжко, но это полезно» — «Это хлопотно, но это к лучшему», вместо «Я говорю вам это, положив руку на сердце» — «Это как раз то, о чем я вам говорил», вместо «Когда вино откупорено, его следует выпить» — «Вино подано, пора его выпить», вместо «Вот воспитание, какое дают теперь молодым людям» — «Образования, которое он получил в молодости, сегодня недостаточно», и т. д.

Присутствуют в журнальном издании и некоторые «политические» исправления. Лавр Федотович, после путаницы Хлебовводова с Машкиным-Бабкиным и сомнения, Пашкой ли звали сына Бабкина, произносит не «Никто не забыт и ничто не забыто», а «Никто ничего не забыл». Исчезло предложение Привалова снежному человеку Феде: «Вина выпьем». Господина Сукарно фотограф неизвестно почему упоминает без фамилии, называя его: «...того самого...» А фраза, произнесенная спящим полковником, известная фраза из анекдота («Так точно, товарищ генералиссимус! Так точно — старый дурак!») из-за замены «генералиссимуса» на просто «генерала» потеряла смысл. И отсутствует пере-

чень медалей полковника. Убраны из текста «хунвэйбины», а канадский гражданин М. Фербенкс назван гродненским гражданином. Печать Молчания Эйхмана—Ежова в этом издании названа Печатью Молчания Эйсмана—Межова (в издании «Интероко» — Эйхмана—Жова), а контрзаклинание Израэля—Жукова — контрзаклинанием Дизраеля—Букова.

Долго обсуждалась «люденами» путаница с терминами «колориметр» и «калориметр». Так как речь идет об определении цвета, то правильно было бы употребление в речи Привалова колориметра, однако же во всех изданиях, кроме издания «Интероко» 1993 года, присутствует калориметр. Мое предложение БНС при работе над собранием сочинений исправить калориметр (калориметрический) на колориметр (колориметрический) не получило одобрения. Может быть, Привалов так шутит?[1] И только недавно, после очередного обращения внимания Стругацкого на эту проблему, было решено исправить калориметр на колориметр.

Название планеты, с которой прибыл Пришелец Константин, варьировалось в разных изданиях. Вместо Константинии в первых журнальных и книжных изданиях СОТ-2 она называется Константия, а в издании СОТ-1 («Интероко») — Константина.

СМЕШЕНИЕ ВАРИАНТОВ

Из «Комментариев» БНС: «...когда готовили свой первый двухтомник в издательстве «Московский рабочий», попытались соединить оба варианта, взяв самое лучшее из каждого. К нашему огромному удивлению оказалось, что такая работа требует полноценных творческих усилий, ее невозможно провернуть между делом, надобно фундаментально сидеть и придумывать, и перелопачивать, и переписывать все заново,— короче говоря: надо писать новую, третью, повесть. На это мы не пошли. Время было горячее, вовсю шла работа над «Отягощенными злом», а силы были уже не те что прежде, на все сразу нас уже не хватало, приходилось выбирать, и мы выбрали ОЗ».

---

[1] При нормативном сейчас московском произношении («аканнии») так пошутить в устной речи невозможно. В Питере (откуда Привалов) тоже вроде не окают. Так что этот вариант не проходит.— *В. Д.*

Попытка совместить оба варианта публиковалась в двухтомнике и трехтомнике (1989—1990), она же присутствует и в собрании сочинений «Текста». Собственно, текст там идет СОТ-2, дополненный подзаголовком («История непримиримой борьбы...»), эпиграфом из Гоголя и главой с названием «Дельфин Айзек, спрут Спиридон и Синий Пришелец».

В «Мирах» и собрании «Сталкера», где присутствуют оба варианта СОТ, текст СОТ-2 прежний, без дополнений. Зато в собрании «Сталкера» сначала предполагалось издать все три варианта СОТ. Но БНС был и тут непреклонен: «Читатели и так путаются в двух вариантах, а вы хотите публиковать еще и третий!» После безуспешных попыток уговорить БНС было предложено вставить некоторые отрывки из СОТ-0 в СОТ-1, на что БНС дал согласие. Поэтому в «сталкеровском» издании СОТ-1 появились разговор Привалова и Феди во время чтения газеты (о детском саде и «дубине»), заигрывания работниц завода с Федей, показ способностей пришельца Константина на заседании Тройки и некоторые другие эпизоды.

ПРОДОЛЖЕНИЯ СОТ

Из «Комментариев» БНС: «...попытки продолжить «Сказку» делались неоднократно — сохранились наметки, специально придуманные хохмочки, даже некие сюжетные заготовки. Последние по этому поводу записи в рабочем дневнике относятся к ноябрю 1988 года:

Тройке поручено решать межнациональные отношения методом моделирования в НИИЧАВО, Китежграде и окрестностях. Пренебрежение предложениями ученых. Главное — чтобы Тройка ничего не теряла — фундаментальное условие. Поэтому все модели ведут к чуши.

— Гласность! — произнес Лавр Федотович, и все замолчали и выкатили на него зенки преданно и восторженно.

— Демократизация! — провозгласил он с напором, и все встали руки по швам и выразили на лицах решимость пасть смертью храбрых по первому требованию председателя.

— Перестройка! — провозгласил Лавр Федотович и поднялся сам. <...>

Мучительные и опасные поиски бюрократа. Нет таких. Кругом — только жертвы бюрократизма.

Однако мы так и не собрались взяться за это продолжение — пороху не хватило, заряда бодрости и оптимизма, да и молодости с каждым годом оставалось в нас все меньше и меньше, пока не растворилась она совсем, превратившись в нечто качественно иное».

Одна из таких попыток продолжения СОТ сохранилась и в архиве. Это рукописная страница с описанием фабулы и некоторых моментов повествования:

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПРИВАЛОВА

1. Привалов приезжает в Большой Город толкачом в Министерство Подтверждения Сенсаций. НИИЧАВО 2 года назад послал по требованию сенсационное чудовище, и его не возвращают. Г. Питомник и Б. Проницательный написали статьи о сенсационном открытии, МПС заинтересовалось, затребовало и 2 года не возвращает. Привалов должен вернуть. Чудовище: летающая тарелка из посуды Пузатого Пацюка, переданной в НИИЧАВО потомком Пацюка, железнодорожником Ивановым.

План внедрения сенсаций в народное хозяйство.
Группа заметчиков — Валерьянс — они ищут сенсации.

2. Едва приехал и подал документы, как его хватают. Документы выданы на гигантского спрута.

«Настоящее выдано гр. Привалову А. И. в том, что он командируется в МПС в качестве гигантского спрута. Кол. экз. один, не кантовать. Подпись Модеста Матвеевича».

Начинать со сцены в кабинете Модеста Матвеевича, где гном пишет одной рукой командировочное удостоверение, а другой — снимает копию с какого-то документа. Трансгрессия.

Дерево-людоед.

— Отпустите меня, никакой я не снежный человек! Я американский шпион! Отпустите меня в ГПУ!

«ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ»

«Обитаемый остров» — роман, написанный «вопреки». Из «Комментариев» БНС можно узнать, что задумывался этот роман вопреки желаниям Авторов. Они хотели писать о настоящем, завуалированном в фантастику. Им не давали издаваться, тогда было решено: «Ах, вы не хотите сатиры? Вам более не нужны Салтыковы-Щедрины? Современные проблемы вас более не волнуют? Оч-чень хорошо! Вы получите бездумный, безмозглый, абсолютно беззубый, развлеченческий, без единой идеи роман о приключениях мальчика-е...чика, комсомольца XXII века...» И все же случилось так, что роман этот получился (вопреки решению Авторов) современным, наиболее, можно сказать, близким к реальности того времени. Параллели с настоящим прослеживались буквально во всем и даже никакие поправки цензоров не смогли эту похожесть убрать.

Что интересно, этот роман приобрел еще большую актуальность в наше время. Сейчас, когда без телевизора уже редкий человек может представить себе свою жизнь, когда чрезвычайно развились информационные технологии по созданию общественного мнения целой страны путем специально сделанных теле- и радиопередач, как предсказание звучат слова Вепря: «Все знают, что здесь телецентр и радиоцентр, а здесь, оказывается, еще и просто Центр...»

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В архиве сохранилось не много заметок, отображающих начало работы Авторов над сюжетом ОО. Собственно, их всего две.

Первая — это перечень особенностей планеты, куда попадает главный герой, некоторые идеи и сюжетные линии будущего романа.

Необычайно развитое чувство ненависти. Утилитаризм. До предела доведенная косность мысли. Только техника. Крики радости по поводу изобретения нового вида снегоочистителя. Замалчивание идеи иных цивилизаций. Астрономия отсутствует: вечная облачность, слой, поглощающий видимый свет и переизлучающий так, что все небо кажется равномерно освещенным. Бешеная борьба с мыслью о неединственности и неизбранности. Метафоричность и детерминизм, доведенный до абсурда.

Бенни приземляется на загородной вилле одного из правителей. Развлечения деток. Его принимают за служителя. Охрана принимает за гостя. Живет там некоторое время и приживается. Чудовищное самодурство. Неприкрытая коррупция. Газеты полны радостных известий. Идея всеобщей предопределенности. Все известно, и человек лишь следует управляющим им импульсам. Людям и в голову не приходит, что они живут и действуют самостоятельно. Атмосфера практически не пропускает радиоволн. Имеющиеся окна перекрыты глушилками. Огромный институт, изучающий причины непрекращающегося гула в «окнах». Его ракету принимают за абстрактную скульптуру. Толкутся рядом детки и восхищаются: он ставит анализатор и изучает язык.

Скука. Канонизированные удовольствия. Это должна быть страна мещан. Поголовных. Не желающих знать и думать. На любую идею вопрос: «А зачем мне это?» История Бенни — история попытки связи с кораблем, крутящимся вокруг и ждущим его.

Уровень цивилизации — ниже. Машины не останавливаются. Примерно наше время.

Есть другие государства, о которых известно только, что там мор, глад, притеснения, угроза.

Резкий контраст между тем, что видит и слышит Бенни на вилле (свобода высказываний, разнообразие мнений, веселая, хотя и жестокая жизнь) и снаружи: скука, благонамеренность и здравомыслие.

Мещанский рай: чистота, культура, вежливость, скука, сытость и стимул только один — сохранить состояние, в котором находишься. Общество, зашедшее в тупик. Мутанты и ненависть к ним. Охоты за мутантами.

Он выбирается за пределы виллы, и его принимают сначала за беглеца и долго его оберегают и прячут.

Единственный вид литературы — фантастика.

Контора по прокату машин времени. Воскресные прогулки в недалекое будущее. Только с экскурсоводом. (Гигантский блеф?)

Управляет чудовищная машина, давно уже вышедшая из подчинения, и ее жрецы ни черта не могут, не знают, как ее остановить и чем все это кончится.

Великий чрезвычайно популярный поэт — в жутком одиночестве.

Люди стыдятся обнаружить способности и найти что-нибудь новое. Это считается дурным тоном, чем-то вроде пьянства на людях.

Был великий ученый, который все это предсказал, и так оно и вышло.

Второй список — рукописный перечень имен для романа. Перечень этот интересен тем, что многие имена и названия здесь же, на странице, правятся (изменяются одна-две буквы), а справа от списка перечислены гласные (а, и, у, е, о), причем буква «у» подчеркнута (именно так было решено придать особенность большинству имен персонажей мира Саракша — окончание на «у»: Нолу, Варибобу, Грамену и др.).

Ренади	Одри	Фишта
Гобби	Тоот	Ноли
Масарош	Ясан	Варибобу
Байёр	Барток	Матранга
Фельдеш	Сенди	Де Рада
Манди	Ауэр	Зеф
Хонт	Задор	Серембе
Гай	Фанк	Грамено
Гаал	Коница	Чачи

Мемо	Идоя	Зогу
Мего	Масарак	Колицу
Шефкет	Зартак	Нолу
Мусараш	Чичак	Серембеш[1]

«Массарош» — вставлена буква «к»: «массарокш»; «Манди» изменено на «Панди»; «Барток» — на «Бахту»; «Чачи» — на «Чачу».

Сам же черновик ОО несколько похож на черновик ГЛ: такая же густая рукописная правка поверх напечатанного, добавки текста на отдельных страницах. И точно так же, как и о черновике ГЛ, можно сказать, что имеются как бы два черновика: первый — напечатанный, второй — учитывающий рукописную правку. Все это — еще черновики, даже правленый текст еще значительно отличается от опубликованного. Кое-какие заметки на полях так и не были Авторами использованы, к примеру, при описании помещения комендатуры была заметка: «По стенам — портреты беглых преступников»; во время первого путешествия Максима по городу, когда он старается слиться с массами и поступать так же, как и они: «Вместе со всеми кричит во время экстаза». Позже, когда описывается появление Максима в среде гвардейцев: «Отношение Мака к друзьям-солдатам. Пугает и импонирует сосредоточенная ненависть + любовь к строю, добродушие, простодушие, доверчивость».

Первый вариант рукописи не имел разбиения на части («Робинзон», «Гвардеец», «Террорист», «Каторжник», «Землянин»),

---

[1] Совсем недавно, в конце прошлого года, я связался с Евгением Витковским, он держит сайт переводчиков, составитель антологий стихотворных, да еще и писатель-фантаст (на Украине, кстати, издавался, в основном). Так он, узнав мои интересы, тут же разразился таким вот мемуаром: «Кстати, по поводу цитатника и братьев Стругацких: в свое время я привел в ужас Аркадия Натановича вопросом: "Почему у героев «Обитаемого острова» фамилии албанских писателей?» Он ответил, что был убежден — до этого никто никогда не докопается. Если этот факт так и канул в неизвестность, возьмите первый том Краткой литературной энциклопедии, откройте статью «Албанская литература»... и хорошо держитесь за стул».— *В. Курильский.*

главы шли непрерывно. Там же некоторые географические координаты были другие: вместо запада — север, вместо востока — юг. К примеру, направление реки Голубая Змея: не с востока на запад, а с юга на север. На востоке, а не на юге первоначально была радиоактивная пустыня. О дикарях-выродках на востоке Гай в первом черновике говорил как об одичавшем потомстве пораженных радиацией жителей тех мест, во втором — уцелевших жителей исчезнувших после войны стран.

Много в рукописи и измененных позже терминов. Бригада ранее называлась корпусом, бригадир — командиром полка, а кандидат в рядовые Боевой Гвардии именовался кадетом. Обращения «господин» («господин лейтенант», «господин ротмистр») в рукописи не было. Карцер в рукописи назывался гауптвахтой. Подпольные группы, в одной из которых участвует Максим, именуются ячейками. Псевдоспрут, у которого Максим отнимал экспресс-лабораторию, назывался псевдокальмаром. В начале черновика «сочное словечко» — не «массаракш», а «массарокш»[1]. Голованы, которых в ОО называли «упырями», в первом рукописном варианте называются «лемурами».

Вывозит Максим из Департамента специальных исследований бомбу под видом не рефрактометра РЛ-7, как в изданиях, а генератора СБ-7.

Присутствуют в рукописи и другие названия и имена. Канал Новой Жизни назывался в ранней рукописи каналом Высших Радостей, а в ранних книжных изданиях — Имперским каналом. Пандея в первом черновике называлась Парабайей (позже — Пандейей), Хонти — Конти, Хонтийская Уния — Хонтийским Союзом.

Дога, один из сослуживцев Гая, в рукописи назывался Зогу. Фанк в рукописи имеет имя Фанг. «Профессора» в телецентре (Департаменте Пропаганды) звали не Мегу, а Мего, Нолу Максим называет в рукописи не Рыбой, а стюардессой, а ассистента — не Торшер, а Интеграл. Древнего царя горцев Заремчичакбеш-

---

[1] Венгерский вождь Матьяш Ракоши оставил по себе на некоторое время в русском языке междометное выражение «матиас ракоши» (такова была раньше транскрипция его имени). Мне (и не только мне) всегда казалось, что слово «массаракш» — подправленная форма этого выражения. Однако это, судя по всему, не так... — *В. Д.*

мусарайи в первом варианте рукописи называли Серемчичакбешмусайи, а во втором — Зеремчичакбешмусарайи. Капрал Серембеш в первом варианте рукописи назывался Зембеш. Орди Тадер — в рукописи Орди Тадор. Определение Мемо Грамену, первоначально данное Авторами как «толстяк», «толстый», позже правится на более удачное: «грузный».

Много было в рукописи и подробностей, позже Авторами убранных.

В самом начале, когда Максим рассуждает о метеоритной атаке в атмосфере и вероятности событий, он добавляет: «Ведь заболел же Олег чесоткой в прошлом году... Во всяком случае, это было довольно интересно. Можно только пожалеть, что такого рода происшествия случаются редко. Откуда пошло это мнение, будто работать в ГСП так уж интересно?..»

Описание взрыва космического корабля описывалось подробнее: «Яркая голубая вспышка озарила все вокруг, словно молния ударила в обрыв над головой, и сейчас же наверху загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Потом все стихло. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Наверху шипело и потрескивало, пахнуло горячей гарью».

Несколько отличались и мысли Максима после взрыва корабля:

Попался, думал он. Вот так попался... Аккумуляторы взорвались, не иначе. Неужели там что-нибудь закоротило? А киберпилот куда смотрел? Дурачок обидчивый, куда же ты смотрел? Впрочем, нет, ты же был выключен. Авторемонт был включен, и экспресс-лаборатория. Совершенно непонятно. И неважно. Теперь все это неважно, а важно то, что начинается настоящая робинзонада. Не детские игры. Не веселое развлечение. А по-настоящему — голый человек на неизвестной планете. Робинзон на обитаемом острове. Надо же: ничего у меня нет — шорты без карманов и кеды, и никто в точности не знает, где я, а если бы даже и знали — то ведь это же все-таки не остров... Он прислушался к себе. Страха не было. И отчаяния

не было. Ничего такого описанного в книгах не было. Было любопытство: как-то ты теперь вывернешься? Было даже удовлетворение: вот теперь и руки-ноги пригодятся, хотя голова, пожалуй, по-прежнему нужнее. И было какое-то странное незнакомое ощущение — полноты ответственности.

В первом варианте рукописи в начале путешествия Максима, где описывался окружающий его мир, была вставка: «...он шел все время вверх, в гору, но подъема не чувствовалось, ему казалось даже, что он спускается...» Во втором варианте это было вычеркнуто, но вписано другое: «...он шел, все еще думая, куда идет, все еще прислушиваясь к себе, внимательно и настороженно обшаривая закоулки своей души, готовый беспощадно задавить все, что ему может теперь помешать: страх, отчаяние, тоску, истерику...» Затем вычеркнуто и это. А чуть позже вписано: «Его потянуло вернуться, посмотреть в последний раз, попрощаться, но он тут же перехватил этот сентиментальный порыв и ядовито высмеял себя».

Вместо «а как известно, съедобный на чужой планете с голоду не умрет» в рукописи было: «Джулиан, помнится, сформулировал этот биологический принцип так: “Если на чужой планете тебя съели, значит ты не рисковал там умереть от голода”».

Вместо «И потом, все-таки сначала нужно собрать нуль-передатчик...» в рукописи: «Что у них здесь было? Свалка?»

В докладе Зефа о встреченном им в лесу Маке в рукописи были еще такие подробности:

...один раз вытащил его, Зефа, из топи и вдобавок время от времени хватал его, Зефа, под мышку и пробегал с ним шагов по двести-триста. «В первый раз я его чуть не застрелил с перепугу, но потом ничего, привык».

— Поэтому я думаю, что парень здоров как бык, к выродкам никакого отношения не имеет, но здесь у него...— Зеф постучал себя по лбу,— явно не в порядке.

В рукописной правке приведенного отрывка позже были заменены слова Зефа:

Откровенно говоря, когда это случилось в первый раз, я перепугался и чуть не застрелил его, но потом понял, что он не питает ко мне никаких враждебных намерений. Таким образом,— закончил Зеф,— я не думаю, чтобы это был выродок, но боюсь, что психически он не совсем нормален.

По-другому размышлял Гай о строгостях закона: «А Зеф — смертник. Закон беспощаден к смертникам: малейшее нарушение и — смертная казнь. На месте. Гай ощутил даже некоторое сожаление — нет, все было правильно, закон суров, но мудр, и все-таки обидно, что человек таких способностей, могший принести столько пользы, превратился в преступника — по сути дела, из-за какого-то природного недостатка...»

Мысли Максима во время его путешествия в поезде: «В таком мире инженер может быть сколь угодно примитивен» и после — о том, что он там видел: «И эти жуткие приступы религиозного экстаза, похожие на вспышки массового помешательства, когда весь вагон вдруг приходил в нездоровое возбуждение, и все принимались кричать, петь вразнобой, лица покрывались красными пятнами, а многие даже плакали — в такие минуты даже явно добрый и симпатичный Гай становится неприятен, появлялась в нем какая-то враждебность».

Рассказ о пребывании Максима в телецентре в рукописи был другим:

Все рисунки, которые делал Максим, она забирала и куда-то уносила. Максим ничего не имел против. Он удивлялся, почему это интересует только стюардессу. Он удивлялся, почему только стюардесса хоть немного, но все-таки занимается с ним языком, да и то просто для удобства общения. Он удивлялся тому равнодушию, с которым профессор Мего, он же Бегемот, смотрел на расчерченные Максимом таблицу Менделеева, схему позитронного эмиттера, классическую диаграмму исторических последовательностей, карту местной солнечной системы со всеми шестью планетами. То есть можно было предположить, что Бегемот работает по тщательно продуманной и глубоко обоснованной программе и не желает отвлекаться на мелочи и перескакивать через ступени. По-видимому, Бегемот

очень большое значение придавал ежедневным четырехчасовым сеансам ментовизирования, это было понятно, потому что ментовизор позволял проникнуть очень глубоко в воспоминания Максима и получить весьма отчетливые представления Максима о мире, из которого он пришел. Но создавалось впечатление, что Бегемоту было невдомек, что такого рода данные являются очень субъективными и, по сути дела, дают представление лишь о частностях мира Земли, оставляя в стороне самое важное, основу основ жизни человечества. К тому же, как известно, самыми яркими впечатлениями являются самые свежие, и на экране ментовизора зачастую, помимо воли Максима, появлялись преимущественно виды чужих планет, где ему приходилось труднее всего. Максим серьезно опасался, что у Бегемота и его сотрудников возникнут совершенно превратные представления о роли космических исследований в жизни человечества, и это тем более беспокоило его, что Бегемот совершенно явно старался поощрить именно воспоминания такого рода — он радостно хлопал себя обеими ладонями по лысине, когда на экране Максим взрывал на воздух ледяную скалу, придавившую корабль, или разносил скорчером[1] в клочья панцирного волка. Зрелище хромосферного протуберанца вызвало у него такой восторг, словно он никогда в жизни не видел ничего подобного. И очень нравились ему любовные сцены, заимствованные Максимом главным образом из литературы специально для того, чтобы дать аборигенам какое-то представление об эмоциональной жизни человечества. В конце концов — ладно, для начала контакта годится и это, и можно только радоваться, что у аборигенов развито ментовидение, но нельзя же ограничиваться только этим. Сейчас еще ничего нельзя сказать о психологии аборигенов, но они — совершенные гуманоиды, может быть даже генетически, и психология их не может сильно отличаться от нашей, и потому тем более удивительно то безразличие, с которым профессор Бегемот относится к другим линиям контакта: взаимному изучению

[1] Пользуюсь случаем исправить свою ошибку. В одном из примечаний к первой книге я утверждал, что скорчер фигурирует только в ПКБ и ЖВМ.— *В. Д.*

языка — прежде всего, к взаимному — ВЗАИМНОМУ — обмену информацией, и все такое. Либо они находятся на перекрестке неведомых межзвездных трасс, и пришельцы из других миров для них совершенно рядовое явление, ради которого не стоит особенно огород городить, либо у них есть какие-то основания — внутреннего, социального или политического порядка — не торопиться с контактом, и тогда вся возня, которую разводит вокруг ментовизора профессор Бегемот, является просто оттяжкой, в течение которой некоторые высокие инстанции решают мою судьбу.

Трудно было отдать предпочтение какой-то одной гипотезе. С одной стороны — быстрота, с которой явные неспециалисты, люди в форменной одежде (то ли военные, то ли мелкие чиновники) разобрались в ситуации, очень быстро и без ахов и охов быстренько направили его сюда, говорит об определенном навыке обращения с инопланетными существами. С другой стороны — странная и неприятная сцена, имевшая место в дурно пахнущем казенном помещении, когда люди со светлыми пуговицами принялись вдруг вразнобой кричать и вопить неприятными голосами, надсаживаясь до хрипа, а потом Гай, такой симпатичный, добрый, красивый парень, вдруг ни с того ни с сего принялся избивать рыжебородого Зефа, а тот почему-то даже не сопротивлялся, сцена, оставившая самое странное и неприятное впечатление, говорила о возможности какого-то социального неустройства, какой-то социальной болезненности в этом мире, особенно если вспомнить радиоактивную реку, железного дракона на перекрестке, всеобщее загрязнение воздуха и плотность, а равно и неопрятность пассажиров в поезде. По-видимому, хвастаться им здесь было особенно нечем. Отсюда, возможно, изоляция Максима в этом пятиэтажном термитнике с плохой вентиляцией и стремление не к обмену, а к выкачиванию информации. Не исключено, что какие-нибудь негуманоиды, побывавшие здесь раньше, оставили по себе настолько дурное воспоминание, что теперь аборигены относятся ко всему инопланетному с определенным и оправданным недоверием.

В рукописи была и фраза, повествующая о том, что критическая оценка действительности хотя бы изредка, но в этом мире

все же присутствовала: «Бой боем, а чистота чистотой. Всякое бывало в истории Гвардии, и было о чем поговорить гвардейцам в казармах после отбоя».

В рукописи Максим говорит Гаю не «На службе одно, дома другое. Зачем?», а «Но ведь это формальность. Нельзя же быть таким формальным. Ты меня любишь, я знаю, а если бы тебе понравился еще какой-нибудь рядовой?», на что получает ответ: «В рядовом мне может нравиться только слепое повиновение и железная...»

О подчинении командиру Гай говорит: «Видишь ли, Мак,— сказал он, старательно отводя глаза от честного взгляда этого милого чудака,— в бою, конечно, всякое может случиться. Но это исключение. А как правило, ты должен согласиться, что начальник всегда знает больше подчиненных. Ведь ты должен согласиться, что я знаю больше любого солдата в секции, кроме, может быть, тебя». А после предложения Максима завезти ребят в казарму и поехать домой — повидаться с Радой, Гай захотел «разразиться двенадцатым параграфом устава внутренней службы и девятым параграфом дисциплинарного устава», но не успел. Во время поездки на грузовике: «Кадет Мак Сим умел сохранять равновесие в любых условиях, но вот помощник капрала, действительный рядовой гвардии Панди большую часть пути провел в воздухе и на коленях соседей. Слово «массаракш» с самыми различными интонациями доносилось со всех сторон».

«У нас все не так»,— говорит Максим Гаю. Гай, чтобы сменить тему, спрашивает, как его рана. В черновике же был еще такой диалог:

— Где это — у вас?

— Там, откуда я прибыл.

Опять у него начинается, с тревогой подумал Гай, но осведомился с деланной небрежностью:

— У вас в бою рядовые делают замечания начальнику?

— Что ты! — сказал Максим, рассмеявшись.— У нас давным-давно нет никаких боев. У нас уже много-много веков назад исчезли все внутренние враги. Да и внешние тоже.

— Гм...— сказал Гай.— Вот оно и чувствуется.— Он помолчал.— А как у тебя со здоровьем? Жалоб нет?

— Со здоровьем? — удивился Максим.— Что у меня может быть со здоровьем? Ах да, понимаю... Нет, насчет моего здоровья ты не беспокойся.

Различные дополнения есть в тексте рукописи и относительно постепенного узнавания Максимом мира Саракша.

Он неплохо изучил язык, прочел несколько книжек — чрезвычайно убогих по содержанию, да и по форме, познакомился с системой счета и понемногу уяснил себе наконец свое положение.

<...> И только еще несколько дней спустя, когда он прочел книгу про офицера, который сошел с ума, потерял семью и, безумный, собрал отряд таких же безумных и совершил героические подвиги в тылу врага, он увеличил свой словарный запас достаточно, чтобы объясниться по поводу этих странных передач. Он понял, что это были за передачи и был шокирован. Он даже не поверил. Оказывается, передавались ментограммы психически больных...

<...> как это ни было тяжело, ему пришлось прийти к мысли о том, что постройка нуль-передатчика откладывается на неопределенное время, и сам он застрял здесь, по-видимому, надолго и, может быть, массаракш, навсегда. Мысль эта на несколько суток совершенно выбила его из колеи. Он перестал заниматься, часами молча просиживал перед окном, ничего не видя и ничего не понимая, потом срывался, уходил, бродил бесцельно по городу, возвращался, ложился на свою убогую складную кровать, пытался заснуть, забыться, один раз даже поплакал в подушку... Гай, как гвардеец и будущий офицер, решил, что Мак заболел, и принялся пичкать его какими-то лекарствами, которые выпрашивал у ротного лекаря. Максим покорно глотал пилюли, травился и, может быть, действительно заболел бы, если бы не вмешалась Рада. Рада его спасла, спасла от единственной смертельной болезни землянина — от отчаяния. У него больше не было матери — она стала его матерью. У него больше не было дома — она сделала свою убогую комнатку его домом. У него больше не было друзей — она стала его первым другом.

<...> Но пока я жив и держу себя в руках, ничто не потеряно. Обитаемый остров не умеет помочь мне. Ладно, отложим пока вопрос о помощи. Забудем пока о Земле. Постараемся сохранить ясную голову и найти цель.

<...> Максим слушал Гая, этого красивого, нервного, вдохновенного мальчика, готового умереть для того, чтобы вернуть своей стране — пусть даже только своей стране, а не миру, он еще не дорос до этого — полноту счастья, независимость от угроз, спокойствие и процветание. Гай придавал огромное значение борьбе с внутренними врагами. Его славное лицо искажалось ненавистью, когда он говорил о скрытых выродках, о мерзавцах, хуже всякого Крысолова, о беспощадных бандитах, пытающихся подорвать самую основу обороны — систему противобаллистической защиты, дающую стране пусть худой, но все-таки мир. Именно эта система ПБЗ, с невероятными трудами созданная в последние годы войны, прекратила военные действия, и с тех пор трудами Неизвестных Отцов эта система непрерывно расширялась и совершенствовалась. И теперь эти мерзавцы, несомненно связанные с Хонти и Парабайей, устраивают взрывы Отражательных Башен ПБЗ, негодяи, убийцы детей и женщин...

<...> Он восхищался, и ужасался, и поражался их оптимизмом. Это были настоящие люди, люди с большой буквы, уверенные, что они выдержат все и готовые выдержать все. То, что казалось ему страшным и невозможным, Гай отметал презрительным движением руки. Он не боялся новой войны, он точно знал, что она будет, он был уверен, что Неизвестные Отцы уже сделали главное для предотвращения мировой гибели и теперь дело за ним. За Гаем.

<...> Именно в такие вот моменты [моменты экстаза у окружающих.— *С. Б.*] его особенно сильно мучило сомнение, правильно ли он выбрал путь в этом мире и не тратит ли он здесь драгоценное время, которое можно было бы использовать для помощи этому человечеству более рационально.

<...> Он даже несколько увлекся: мобилизовал всю мощь своих легких и голосовых связок, чтобы перекричать полк. «Вперед, бесстрашные!»...

В рукописи разговор перед допросом был не о диспуте на собрании:

«Ты будешь сегодня в собрании, Чачу?» — спрашивал командир полка. «У меня свидание»,— ответствовал лейтенант, закуривши новую сигарету. «Напрасно, сегодня там будет мадам».— «Ты поздно спохватился. Я уже потерял ее благосклонность по твоей милости».— «Благосклонность — не деньги,— глубокомысленно заметил штатский.— Чем труднее ее потерять, тем легче найти».— «У нас в Гвардии это не так»,— сухо сказал лейтенант. «Право же, господа,— капризным голосом произнес командир.— Давайте встретимся сегодня в собрании...» — «Я слышал, свежие креветки привезли»,— не переставая рыться в бумагах заметил адъютант. «Под пиво, а? Лейтенант!» — поддержал его штатский. «Нет, господа,— сказал лейтенант.— У меня одно слово, и я его уже дал».

И после обеда военные спорят несколько по-другому:

Офицеры вернулись в прекрасном настроении, ковыряя в зубах и благодушно споря о способе не то приготовления, не то употребления какого-то кушанья. Самых крайних мнений придерживались адъютант и лейтенант Чачу. Адъютант требовал какой-то немыслимой тонкости и ссылался на довоенные поваренные книги, которых был большой знаток. Лейтенант же исходил из того, что была бы водка или, по крайней мере, пиво, а что касается жратвы, то в восемьдесят четвертом они лепили сырое тесто прямо на лобовую броню, а потом пальчики облизывали. Капитан и штатский стояли на умеренных позициях. Они считали, что гвардейский дух — гвардейским духом, но гвардейская кухня всегда была на высоте, что однако ни в какой мере не опровергает самодовлеющей ценности водки, пива, а также вина каких-то особых виноградников. Максим слушал их сначала даже с интересом, а потом вдруг его осенило, что эти люди только что приговорили человека к смертной казни и сейчас им еще предстоит судить женщину и тоже осудить ее на уничтожение или на каторгу. Он встретился гла-

зами с лейтенантом, и тот, словно угадав его мысли, сыто и спокойно улыбнулся.

— Надо, однако, кончать,— спохватился капитан.

— Ну да, они же, бедные, ждут,— сказал лейтенант, глядя на Максима.

Капитан изумленно поморгал, пожал плечами и приказал адъютанту вызывать следующего.

В рукописи при допросе у террористов объяснение Максима было более беспомощным: «Я отпустил их, потому что нечестно расстреливать людей только за то, что у них болит голова. Поэтому меня расстреляли». Там же было и дополнение:

— Кто такой Гай? — спросил широкоплечий.

— Капрал Гвардии, мой друг. Он хороший парень, но он обманут, как многие.

— Почему обманут?

— Я уже говорил об этом. Вас ненавидят. Обвинения самые нелепые, но ненависть настоящая, непритворная. Я тоже не любил вас и считал врагами — до тех пор, пока не увидел на суде.

И далее, когда Максим говорит о недоверии к нему Чачу, в рукописи есть столь же беспомощное объяснение: «По-моему, лейтенант уже подозревал меня. Во всяком случае, я помню, что он страшно удивился, когда увидел, что я возвращаюсь».

В объяснениях Доктора в рукописи было и объяснение значения башен ПБЗ и охоты на выродков: «Тираны обязательно должны оправдывать перед массами свою тиранию, им надо как-то оправдать недостаток еды, разруху в периферийных районах, огромные военные расходы, непропорциональное распределение возможностей. Ведь после войны прошло больше двадцати лет, а ни одно обещание не выполнено, две трети страны лежит в развалинах... Вот во всем этом виноваты выродки, которые продались за хонтийское золото. Среди нас масса провокаторов, Отцы могли бы уничтожить большинство ячеек в несколько дней, но это им не выгодно, мы им нужны как громоотвод».

Магнитные мины в рукописи были головыми шашками, поэтому не включали запалы, а поджигали шнур.

В рукописи при появлении Мака после подрыва башни Гай еще говорит: «Слушай, он же тебя убил. Я же сам видел». А после, при рассказе о своей теперешней жизни, добавляет: «Командир секции в двадцать восьмом запасном. Учу деревенщину и уголовщину <...>. Армейский капрал на всю жизнь».

Глава двенадцатая в рукописи подверглась значительной правке и перестановке отрывков в ней. Поэтому в данном исследовании первоначальная версия этой главы приводится полностью.

Глава двенадцатая

Государственный прокурор, известный в узком круге ближайших друзей под именем Умник, предпочитал работать по ночам. Он любил тишину, терпеть не мог телефонных звонков и суетни в своей приемной. Приемные дни были для него сущим мучением, приходилось приезжать к полудню, выслушивать почтительные глупости младших коллег и подчиненных, тратить драгоценное время на болтовню с высокопоставленными дураками, пришедшими походатайствовать за своих разбойных сынков или чтобы изложить свои дремучие взгляды на юстицию и на вопросы внутренней политики, кому-то что-то обещать, кому-то врать, перед кем-то оправдываться, и хуже приемных дней были только тяжелые и страшные часы вызовов на самый верх. Другое дело — ночи: гигантское здание Дворца Юстиции пусто, за окнами тьма, идет дождь, не слышно сирен и скрипа тормозов, не стучат и не жужжат лифты, высокопоставленные дураки спят или развлекаются, вокруг на многие сотни метров нет ни души, только в приемной, тихий как мышь сидит в ожидании приказаний ночной референт, не умеющий разговаривать громко, да еще внизу, в вестибюле, стоят у входа друг против друга неподвижные, как статуи, гвардейцы, которым вообще запрещено разговаривать.

Прокурор отошел от окна, сел за стол, бросил в рот несколько сушеных ягод, пожевал и запил глотком целебной воды. Мак Сим. Мах-ссим. Максим Рос...ти... Он придвинул к себе папку. Максим Рос-ти-слав-ски-й. «Извлечения из дела Мака Сима (Максима Ростиславского). Подготовил референт такой-то». Прокурор раскрыл папку и взял первую тонкую пачку

сброшюрованных листков. Показания лейтенанта Тоота... Показания подсудимого Гаала... Кроки какого-то пограничного района на востоке... «Другой одежды на нем не было. Речь показалась мне членораздельной, но совершенно непонятной. Попытка заговорить с ним по-хонтийски не привела ни к чему...» Ох уж мне эти лейтенанты! Хонтийский шпион на восточной границе... «Рисунки, выполненные задержанным, показались мне искусными и удивительными...» Ну, на востоке много удивительного. К сожалению. И обстоятельства появления этого Максима не очень выделяются на фоне прочих восточных обстоятельств. Хотя, конечно... Но посмотрим. Прокурор отложил пачку, выбрал две ягодки покрупнее, сунул их в рот и взял следующий лист. «Заключение экспертной комиссии в составе сотрудников Института тканей и одежды таких-то и таких-то. Мы, нижеподписавшиеся... гм... так... так... обследовали всеми доступными нам лабораторными методами ткань предмета одежды, присланной нам из ведомства юстиции...» Чепуха какая-то... «и пришли к следующему заключению: 1. Указанный предмет представляет собой короткие штаны четвертого размера второго роста, каковые могут быть использованы для ношения как мужчинами, так и женщинами. 2. Покрой штанов не может быть отнесен к какому-нибудь известному стандарту и по ряду причин, указанных ниже, не может, собственно, называться покроем. Штаны не сшиты, а изготовлены неким способом, нам не известным. 3. Штаны изготовлены из мягкой упругой ткани серебристого цвета, каковая, собственно, не может быть названа тканью, ибо даже микроскопическое исследование не обнаружило в ней структуры. Материал этот не горюч, не смачиваем и обладает чрезвычайной прочностью на разрыв. Химический анализ...» Странные штаны. Надо понимать, это его штаны. Прокурор взял тонко отточенный карандаш и записал на полях: «Референту. Почему не даете сопроводительного объяснения? Чьи штаны? Откуда штаны?» Так. А выводы? Так... формулы... опять формулы... массаракш... Ага! «...Технология не известна ни в нашей стране, ни в других цивилизованных государствах (по довоенным данным)». Прокурор отложил лист. Нет, подумал он, я еще не потерял нюха. У этого Сима даже штаны, и те загадка. Что там

дальше? «Акт медицинского освидетельствования»... Любопытно. Ни малейших патологических отклонений... Что, это у него такое кровяное давление?.. Ого, вот это легкие!.. Что такое? Следы четырех смертельных ранений... Это уже мистика. Ага... ага... «Смотри показания свидетеля Чачу и обвиняемого Гаала»... Семь пуль — однако! Гм... Некоторое расхождение имеет место. Чачу показывает, что применил оружие в видах самообороны и под угрозой смерти, а этот Гаал утверждает, будто Сим только хотел отобрать у Чачу пистолет... Ну, это не мое дело. Две пули в печень — это слишком много для нормального человека... Та-ак, скручивает монетки в трубочку... бежит с человеком на плечах... Ну ладно, это бывает. Но парень необычайно здоровенный, обычно такие глупы. А это что? А-а! Старый приятель... «Извлечение из донесения агента № 711»... «...Видит совершенно отчетливо дождливой ночью (может даже читать) и в полной темноте (различает предметы, видит выражение лица на расстоянии до десяти метров)... обладает очень чувствительным нюхом и вкусом — различал членов ячейки по запаху на расстоянии до пятидесяти метров, на спор различил напитки в плотно закупоренных сосудах, в другой раз на спор же определил пропорцию смеси воды с вином... ориентируется по странам света без компаса... с большой точностью определяет время без часов... имел место следующий случай: была куплена и сварена рыба, которую он запретил нам есть, утверждая, что она радиоактивная. Будучи проверена радиометром, рыба действительно оказалась радиоактивной. Обращаю внимание на тот факт, что сам он эту рыбу съел, сказавши, что ему она не опасна, и действительно остался здоров, хотя излучение превышало тройную санитарную норму (почти 77 единиц)...» Прокурор откинулся в кресле. Нет. Это уже слишком. Собственно, это все не нужно. Может быть, он и бессмертен заодно? Хотя, помнится, в последнем своем слове он употребил выражение «вы можете меня убить». Будем надеяться, что это не риторический оборот. Будем надеяться, что высокое напряжение может повредить ему больше, чем высокая радиоактивность. Все бы это надо проверить, несерьезно это. Хотя номер семьсот одиннадцатый знает свое дело, разве что поизносился уже, пора сменить? Работа все-таки собачья... Он на-

клонился над столом и написал на полях странного доноса: «Референту: что по этому поводу говорят другие обвиняемые?» А пока примем к сведению и посмотрим, что там дальше. Вот серьезный документ, здесь не ошибаются. Н-ну-с? «Заключение Особой комиссии Департамента общественного здоровья. Материал: Мак Сим. Реакция на белое излучение отсутствует. Противопоказаний к несению службы в специальных войсках не имеется». Ага... Это когда он вербовался в Гвардию. Белое излучение, массаракш. Палачи, черт бы их побрал. А это, значит, их экспертиза для целей следствия... «Будучи испытан на белое излучение различных интенсивностей вплоть до максимального, никакой реакции не обнаружил. Реакция на А-излучение нулевая в обоих смыслах. Примечание: считаем своим долгом присовокупить, что данный материал (Мак Сим, ок. 20 лет) является организмом совершенно исключительным и теоретически невозможным. Ввиду возможности опасных генетических последствий рекомендуем полную стерилизацию или уничтожение...» Н-да. Эти не шутят. Они там никогда не шутят. Кто там у них сейчас? А, Любитель. Да, не шутник, не шутник, что и говорить. Что же это однако у нас с тобой получается, дорогой Мак? Что-то ты, голубчик, слишком уж замахнулся. Не метишь ли ты в древние боги? Помнится, Весельчак-Жеребчик рассказывал по этому поводу какой-то отличный анекдот... Массаракш, не помню. А хорошо, никого вокруг нет. Вот мы сейчас ягодку съедим, водичкой запьем... экая гадость, но, говорят, помогает. Позвоню-ка я... Он взял наушник и сказал:

— Кох. Пусть мне доставят приговоренного Сима. Часам к трем. Распорядитесь там...

Ладно. Что дальше? О-о, ты уже и там успел побывать? Ну-ка, ну-ка! Опять, вероятно, реакция нулевая? Так и есть. «Подвергнутый форсированным методам, подследственный Сим показаний не дал. В соответствии с § 12 относительно непричинения заметных физических повреждений подследственным, коим предстоит выступить в открытом судебном заседании, применялись только: А) Иглохирургия до самой глубокой с проникновением в нервные узлы (реакция парадоксальная, подследственный засыпает); Б) Хемообработка нервных узлов алкалоидами и щелочами (реакция аналогичная вышеуказан-

ной); В) Световая камера (никакой реакции, кроме удивления); Г) Паротермическая камера (потеря веса без заметных неприятных ощущений). На этом последнем применение форсированных методов пришлось прекратить». Да-а, мученика из него не выйдет... А что если это какой-нибудь мутант? Бывают же, хотя и крайне редко, удачные мутации. Это бы все объясняло... Кроме штанов, впрочем. Штаны, насколько я понимаю, не мутируют. Прокурор подумал немного, записал в бювар: «Поговорить с мозговиками о мутантах», задумчиво изобразил под надписью штаны и всё решительно зачеркнул. Нет-нет, сказал он зачеркнутому, не потому, что идея плоха, просто мне, откровенно говоря, наплевать, кто он такой. Меня интересует одно: можно ли в нужный момент подвергнуть его электрическому удару с летальным исходом? Вот я уверен, что это можно, но в крайнем случае его можно будет расстрелять из пушки, это создаст некий прецедент, но что есть наша жизнь, как не течение прецедентов? Он взял следующий лист. Бумага оказалась неинтересной: показания директора Специальной студии при Управлении телевидения и радиовещания — дурацкого заведения, занимающегося записью бреда разных сумасшедших на потеху почтеннейшей публики. Эту студию придумал Клау-Мошенник, который сам был немного того... Надо же, сохранилась студия! Мошенника давно уже нет, а бредовая его идея процветает. Вообще надо бы посмотреть, что они там вытянули из моего Мака... но можно и не смотреть. Из показаний же директора следует только, что Мак был образцовым объектом и что крайне желательно было бы получить его назад... Стоп-стоп-стоп! А как он оттуда ушел? Прокурор быстро просмотрел показания, и быстро написал на полях: «Референту: выяснить у старого дурака, когда, как и почему он выпустил Мака Сима. Завтра доложить. Черт возьми, могли бы сами догадаться. Шляпа». Прокурор раздраженно бросил карандаш, досчитал до тридцати, чтобы успокоиться, и взял следующую бумагу, вернее, довольно толстую пачку бумаг: «Извлечение из акта специальной этнолингвистической комиссии по проверке предположения о горском происхождении М. Сима». «Ничего себе — извлечение! — с новым раздражением сказал прокурор, взвешивая пачку на руке.— Кажется, эту шляпу придется

гнать из референтов...» Он начал читать и неожиданно для себя заинтересовался. Это было любопытное исследование, в котором сводились воедино и обсуждались все доносы, показания и свидетельства очевидцев, в которых так или иначе затрагивался вопрос о происхождении Мака Сима: антропологические, этнографические и лингвистические данные и их анализ; результаты изучения ментограмм и собственноручных рисунков подследственного. Все это читалось как роман, хотя выводы были весьма скудны и осторожны. Комиссия не причисляла М. Сима ни к одной из известных этнических групп, обитающих на материке (особняком было приведено мнение известного палеоантрополога, который усмотрел в черепе подследственного большое сходство — но не идентичность — с ископаемым черепом так называемого Человека Допотопного, жившего на Архипелаге более ста пятидесяти тысяч лет назад). Комиссия утверждала полную психическую нормальность подследственного в настоящий момент, но допускала, что в недавнем прошлом подследственный мог страдать одной из форм амнезии в совокупности с интенсивным вытеснением истинной памяти памятью ложной. Комиссия произвела лингвистический анализ фонограмм, оставшихся в Специальной студии, и пришла к выводу, что язык, на котором в то время говорил подследственный, не может быть причислен ни к одной группе известных современных или мертвых языков. По этому поводу Комиссия допускала, что этот язык мог быть плодом воображения подследственного (так называемый «рыбий язык»), тем более что в настоящее время, по утверждению подследственного, этого языка он не помнит. Комиссия воздерживается от определенных суждений, но склонна полагать, что в лице М. Сима приходится иметь дело с неким мутантом неизвестного ранее вида. Хорошие идеи приходят в умные головы одновременно, подумал прокурор с удовольствием и быстро пробежал глазами «Особое мнение члена комиссии профессора Поррумоварруи». Профессор, сам горец по происхождению, напоминал о существовании в глубине гор одного полулегендарного племени Птицеловов, которое до сих пор не попало в поле зрения этнографии и которому цивилизованные горцы приписывают владение магическими науками и способность летать по воз-

духу без аппаратов. Все они, по рассказам, чрезвычайно рослы, обладают огромной физической силой и выносливостью, а также имеют кожу коричнево-золотистого оттенка. Все это удивительно совпадает с внешностью подследственного. Прокурор поиграл карандашиком над профессором Порру... и так далее, потом отложил карандаш и громко сказал: «Что ж, это тоже мнение. Под это мнение, пожалуй, и штаны подойдут. Несгораемые штаны».

Он съел ягодку и рассеянно, все еще думая о Птицеловах, проглядел следующий лист. «Извлечения из стенограммы судебного процесса». Гм... Это еще зачем? «Обвинитель: Вы не будете отрицать, что вы — образованный человек? ОБВИНЯЕМЫЙ: Я имею образование, но в истории, социологии и экономике разбираюсь очень плохо. ОБВИНИТЕЛЬ: Не скромничайте. Вам знакома эта книга? ОБВИНЯЕМЫЙ: Да. Это из тюремной библиотеки. ОБВИНИТЕЛЬ: Вы читали ее? ОБВИНЯЕМЫЙ: Естественно. ОБВИНИТЕЛЬ: С какой целью вы, находясь под следствием, в тюрьме, занялись чтением монографии «Тензорное исчисление и современная физика»? ОБВИНЯЕМЫЙ: Не понимаю... Для удовольствия!.. С целью развлечения, если угодно... Там есть очень забавные страницы. ОБВИНИТЕЛЬ: Я думаю, суду ясно, что только очень образованный человек способен читать такое специальное исследование для развлечения или для удовольствия...» Что за чушь? Нет, все-таки эту шляпу надо гнать. Зачем он мне это подсовывает? А дальше? Опять стенограмма? Опять процесс? «ЗАЩИТНИК: Вам известно, какие средства выделяют Неизвестные Отцы ежегодно на преодоление детской преступности? ОБВИНЯЕМЫЙ: Не совсем вас понимаю. Что значит «детская преступность»? Преступления против детей? ЗАЩИТНИК: Нет, преступления, совершаемые детьми. ОБВИНЯЕМЫЙ: Я не понимаю. Дети не могут совершать преступлений...» Гм, забавно. А что там в конце? «ЗАЩИТНИК: Я надеюсь, мне удалось показать суду наивность моего подзащитного, доходящую до житейской глупости, его неверную и неполную информированность. Подзащитный выступал против государства, не имея о нем ни малейшего представления, ему неведомы понятия детской преступности, благотворительности, социального

вспомоществования...» Прокурор удовлетворенно улыбнулся и отложил листок. Нет, он не шляпа. Действительно, странное сочетание: математика и физика — для удовольствия, а элементарных вещей не знает. Теоретически возможен, конечно, сговор между защитником и подсудимым, но не у нас и не сегодня. Экий ты, Мак, у меня странный простачок. Прямо-таки чудак-профессор из дрянного романа.

Прокурор просмотрел еще несколько листков. Непонятно, Мак, что это ты так держишься за эту самочку... как ее... Рада Гаал. Любовной связи у тебя с нею нет, ничем ты ей не обязан, и общего у вас нет с нею ничего, дурак-обвинитель совершенно напрасно пытается припутать ее к подполью... А ведь как ловко этот лейтенантик использовал твою слабость. Создается впечатление, что, держа ее под прицелом, можно заставить тебя делать все что угодно. Это полезное качество — для нас, а для тебя очень неудобное. Та-ак, в общем, все эти показания сводятся к тому, что ты, братец, раб своего слова и вообще человек негибкий. Политический деятель из тебя бы не получился. И не надо. Прокурор вылез из-за стола и прошелся по кабинету. Кажется, замысел можно осуществить. Кажется, это тот человек, который нам нужен. Он вспомнил своего Мака,— как тот стоит в зале суда у скамьи подсудимых, на целую голову возвышаясь над охраной, его странное подвижное лицо, быстрые глаза, мягкую грацию каждого его движения, и его голос — звучный, наполненный, свободный, и его необыкновенную улыбку, от которой сладкая дрожь идет по телу... Да, это прирожденный вождь. И надо только дать волю воображению, чтобы увидеть за ним зарева пожаров, толпы вооруженных мирян, поверивших в то, что пришел мессия, поваленные башни излучателей, целые провинции, охваченные восстаниями... и сладостная паника наверху, на самом верху, вереницы перемещений и смещений, бессонные ночи, ощущение своей нужности и реального, а не наведенного величия, ощущение реальной власти над реальными людьми, и не над запрограммированными куклами... а потом, когда все мы насладимся, когда снова ощутим горячее течение жизни, когда все это надоест, тогда одним движением пальца, небрежно, шутя, погасить все эти пожары, прекратить хаос, вернуть море в берега... и — триумф,

настоящий, неподдельный триумф, гигантский, тщательно разработанный процесс на весь мир, катящиеся головы — и золотое кресло в Зале Совета.

Слабый шорох у двери заставил его вздрогнуть и резко обернуться. Однако это был всего лишь ночной референт.

— Ваше превосходительство,— прошелестел он своим обычным голосом.— Приговоренный Сим доставлен.

— Пусть войдет,— сказал прокурор, возвращаясь к столу.— Пусть войдет один. Охраны не нужно.

— Слушаюсь,— шепнул референт и исчез.

Прокурор склонился над столом и сделал вид, что погружен в работу. Он услышал мягкие шаги, чужое дыхание совсем рядом с собой и, не поднимая головы, сделал приглашающий жест и сказал:

— Садитесь.

Скрипнуло кресло, прокурор отодвинул бумаги и поднял глаза. Вот ты какой у меня, Мак, подумал он почти с нежностью. Все с тебя как с гуся вода: свеж, бодр, глаза ясные, поза непринужденная — где это тебя научили так изящно сидеть и вообще держаться, а ведь кресло для посетителей у меня сделано по специальному заказу, непринужденно в нем не посидишь... а ты еще и улыбаешься, экая у тебя улыбка симпатичная!

— Я — государственный прокурор,— приветливо сказал он.— Меня заинтересовало ваше дело. Вы действительно не помните, кто вы такой?

Осужденный Сим покачал головой.

— Я помню,— сказал он.— Но все считают, что это ложная память.

— Да-да, это ужасно. Я могу себе это представить: воспоминания, которым никто не верит... Вы знаете, вы мне показались неглупым человеком. Совершенно не понимаю, как вы впутались в эту глупую историю. С вашими способностями заниматься грязным черным делом, марать руки... Разве это ваша роль?

— Да,— сказал Сим.— Это была довольно нелепая затея. Но я не мог оставить их. Это были хорошие люди в беде.

— Странно,— сказал прокурор.— Ведь вы же отказались признать себя виновным.

— Ничего странного,— возразил Сим.— Меня действительно обвиняли в вещах, о которых я понятия не имею. Шпионаж

в пользу иностранного государства, подрыв системы обороны, покушение на жизнь и достояние мирных жителей... Это был лживый процесс,— добавил он, помолчав.— А нелепой я называю эту затею потому, что беда нескольких хороших людей заслонила мне беду всего вашего общества.

— Вы говорите, как чужак,— мягко заметил прокурор.

— А я и есть чужак. Если бы я был здесь своим, я бы не сделал этих глупостей.

— Да, да, да,— задумчиво сказал прокурор.— Это было достаточно нелепо. Не знаю, поняли ли вы, но вы ведь все время были не больше чем марионеткой в опытных руках. Ведь вся ваша операция была разработана здесь, у нас, этажом ниже... Правда, вы несколько нарушили наш план, но в конечном итоге все получилось так, как мы хотели. Большой открытый процесс, хонтийские предатели на скамье подсудимых, пойманы с поличным... Вы знаете, даже то, что вам удалось вопреки нашему замыслу свалить башню, даже это в конечном счете пошло нам на пользу. Поваленную башню своими глазами видели миллионы людей — своими глазами или по телевизору, она стала как бы символом вашей деятельности и нашей правоты... Между прочим, ее уже восстановили. Впрочем, это не важно. Важно то, что в политике никакой хорошо задуманный удар не пропадает даром. Даже если в первый момент кажется, что ты промахнулся.— Он взглянул на золотисто-коричневое лицо, такое озабоченное сейчас, даже как будто обиженное, и сказал ласково: — Да, мой мальчик. Вы оказались слишком неопытны. Увы.

— Да, я неопытен,— сказал Сим.— Но я чувствовал, что этот мой шаг нелеп. Мною двигал не рассудок. Возможно, и в дальнейшем я буду совершать смешные поступки...

— Простите,— мягко перебил его прокурор. Он откинулся в кресле и по памяти прочитал: — «Мак Сим, он же Максим Рос-ти-слав-ски-й, в соответствии со статьями такими-то и такими-то, приговаривается к смертной казни путем пропускания электрического тока высокого напряжения через жизненно важные центры».

Сим дослушал и сказал:

— Да, я забыл.

— Вы удивительно спокойны,— сказал прокурор.— Можно подумать, что электрический ток для вас не более опасен, чем семь пуль господина Чачу.

Сим усмехнулся, и у прокурора появилось ощущение, будто он сделал промах, как-то выдал себя.

— Не будем об этом,— сказал он поспешно.— Я только хотел напомнить вам — чистая формальность, конечно,— что дача откровенных показаний о подпольной организации могла бы даже теперь существенно смягчить вашу участь.

Сим перестал улыбаться и строго посмотрел на него.

— Не сердитесь,— мягко сказал прокурор.— Таковы мои обязанности. Я обязан вам также сказать, что своим признанием вы спасли бы жизнь не только себе, но и своим соседям по скамье подсудимых. И... э... Генералу, и Малышу, и... как его?.. этому, грузному...

— Вы делали им аналогичные предложения? — спросил Сим.

— Нет,— сказал прокурор.— Это было бы бесполезно. Генерал и... как же его?.. Мемо... Мемо... Генерал и Мемо — фанатики. Что касается Малыша, то он болен. Он слишком тяжело пережил процесс. Нет, им говорить это не имело смысла. Вы же, как нам показалось, осознали нелепость затеи, а потому...

— Вы меня не поняли,— сказал Сим, снова улыбаясь.— Я считаю эту затею нелепой в том смысле, что... Впрочем, все это ни к чему. Давайте для простоты считать и меня фанатиком.

— Я ждал этого,— сказал прокурор.— Это было чисто формальное предложение...— Писк внутреннего телефона прервал его. Он взял наушник и, досадливо морщась, сказал: — В чем дело? Я занят.

«Ваше превосходительство,— прошелестел референт.— Некто, назвавший себя Странником, звонит по «красной» линии и настоятельно просит разговора с вашим...»

— Странник? — Прокурор оживился.— Соедините-ка...

В наушнике щелкнуло, голос референта прошелестел: «Его превосходительство вас слушает». Снова щелкнуло, и знакомый голос произнес, твердо, по-пандейски выговаривая слова: «Умник? Здравствуй. Ты сильно занят?»

— Для тебя — нет.

«Мне нужно поговорить с тобой».

— Когда?

«Срочно. Сейчас, если можно».

— Я в твоем распоряжении,— сказал прокурор.— Приезжай.

«Я буду через десять-пятнадцать минут. Жди». Прокурор повесил наушник и некоторое время думал, пощипывая нижнюю губу. Потом он спохватился и сказал Симу:

— Было приятно побеседовать с вами.

Сим сейчас же встал.

— Хочу еще сообщить вам, что ваша подруга... Рада, кажется?.. находится в полной безопасности. С нею ничего не случится, вы можете быть совершенно спокойны... естественно, если вы будете вести себя до самого конца так же примерно, как и сейчас. До свидания.

Сим молча поклонился и пошел к двери, огромный, упругий, бесшумный. На пороге он обернулся и сказал:

— Не скажете ли вы, что будет с Гаем Гаалом?

— С кем?.. Ах, этот капралишка... Ничего страшного. Собственно, он ни в чем не виноват, а на публику производит благоприятное впечатление разумное сочетание жестких мер с мягкими. Его даже не разжалуют, он опытный военный, а у нас не хватает младших офицеров. Пойдет в штрафные роты, вот и все.

Сим поблагодарил и вышел. Некоторое время прокурор смотрел на дверь, потом сказал вслух: «Годен», достал из стола апелляционную претензию защитника с просьбой о помиловании и написал карандашом: «Смертную казнь заменить бессрочной каторгой. Ввиду молодости, неопытности и в знак беспредельной доброты Н. О.» Потом он перевернул лист и на обратной стороне написал крупными буквами: «Для пользы дела. Умник». Все. С этим было покончено. Теперь будем ждать. Полгода, год. Он не заставит ждать дольше. Так. Что же нужно от меня Страннику? Из его банды мы никого не трогали... Средства? Смешно... Что же ему нужно? Он только что вернулся — таскался где-то два месяца, как и каждое лето... Массаракш! Сколько денег затрачено, а я все не знаю, куда он уезжает, зачем, почему на два месяца и почему всегда летом... Ну, ладно. Что же случилось за эти два месяца? Съели Ловкача... Вряд ли его это интересует. Начали строить новый центр... Из-за этого он ко мне не придет... не ко мне и, во всяком случае, не ночью.

Да и знал он об этом центре. Что еще? Может быть, открыл что-нибудь и хочет поделиться радостным известием со своим лучшим другом? Прокурор ядовито хихикнул. Да, хотел бы я быть его лучшим другом... Черт возьми, может быть, я и ошибаюсь, может быть, мне следовало принять его сторону. Если он сделает то, что обещал на том заседании... Но ведь у них ничего не выходит. А если начнет что-нибудь получаться, я узнаю своевременно и успею переориентироваться... Так что же произошло? Гм... А ведь остается только одно — процесс! Срок выполнения приговора — завтра в полдень. Если его это интересует, то он действительно должен был бы приехать сейчас, ночью. Кто же его может интересовать? Прокурор уже знал ответ. Он вскочил и взволнованно заходил по кабинету. Массаракш! Зачем ему мой Мак? Зачем Страннику мой славный добрый многообещающий бунтовщик? Для научных целей? Возможно... но для этого необходимо предположить, что он знаком со всеми материалами. Сомнительно. Прокурор потер руки. Такие ситуации он любил. «Мой милый Мак! — сказал он.— Кажется, я сейчас продам тебя. И клянусь тебе Мировым Светом, я возьму за тебя дорого». Ах, массаракш, хороший товар не залеживается! Во всяком случае, необходимо принять все меры. Прокурор проворно бросился к столу, выдвинул потайной ящик и включил все фонографы и скрытые камеры. Эту сцену надлежит сохранить в веках. Ну, где же ты, Странник?

От нетерпения прокурора ударило в дрожь; он бросил в рот несколько ягод, но дверь уже отворилась, и, отстранив референта, в кабинет вошел этот верзила, этот холодный шутник, эта надежда Отцов, ненавидимый ими, обожаемый ими, ежесекундно повисающий на волоске и никогда не падающий, тощий, сутулый, с круглыми зелеными глазами, с большими оттопыренными ушами, в своей вечной нелепой бархатной куртке до колен, лысый, как попка,— чародей, вершитель, пожиратель миллиардов. Прокурор поднялся ему навстречу. С ним не надо было притворяться, скалиться в притворной улыбке и говорить вымученные слова.

— Привет, Странник! — сказал прокурор.— Пришел похвастаться?

— Чем? — спросил Странник, проваливаясь в известное всем кресло для посетителей и нелепо задирая колени.— Мас-

саракш! Каждый раз я забываю про это чертово устройство. Когда ты прекратишь издеваться над посетителями?

— Посетителю должно быть неудобно,— сказал прокурор.— Посетитель должен быть смешон, иначе какое мне от него удовольствие. Вот я сейчас смотрю на тебя, и мне весело.

— Да, я знаю, ты веселый человек,— сказал Странник.— Только очень уж непритязательный. Ты тоже можешь сесть.

Прокурор вспомнил, что все еще стоит. Как всегда, Странник быстро сравнял счет. Прокурор сел поудобнее и хлебнул целебной дряни.

— Итак? — сказал он.

Странник приступил прямо к делу.

— У тебя в когтях,— деловито сказал он,— человек, нейтральный к А-излучению. Он мне нужен. Ты знаешь, зачем.

— Не знаю,— сказал прокурор.— Кроме того — и это более существенно и непонятно — я не знаю, откуда тебе известно о существовании такого человека.

— Слухом земля полнится,— небрежно сказал Странник.

— Гм... Если земля полнится государственными тайнами, то ее надлежит засадить на пятнадцать лет по статье сто третьей.

— Займись,— сказал Странник.

— Я не шучу,— сказал прокурор.— Ты ничего не должен был знать об этом человеке.— Прокурора вдруг осенило.— Если только ты не связан с подпольщиками, конечно.

— Что и откуда я знаю — это не твое дело. Я ведь не спрашиваю у тебя имя агента номер двести два...

Прокурор засмеялся.

— Готов меняться,— сказал он.— Я тебе назову двести второго, а ты мне — своего. У тебя, кажется, клички, а не номера.

— Ты слишком добр,— сказал Странник нетерпеливо.— У тебя всего три агента, и одного из них ты готов обменять. Это излишняя щедрость, я не могу ею воспользоваться. Вернемся лучше к нашему Симу. Что ты за него хочешь?

— Фи! — сказал прокурор, откидываясь на спинку кресла.— Ну что у тебя за манеры? Никакой деликатности. Все вы, пандейцы, грубы и неотесаны. Бог с вами. А что ты мне можешь предложить?

— Первый же защитный шлем.

Прокурор присвистнул.

— Во-первых, дешево. Мне нужен был бы не первый, а единственный. А во-вторых, до ваших шлемов еще надо дожить, а у меня слабое здоровье.

— Если ты отдашь мне Сима, я сделаю шлемы быстрее.

— Ой ли?

— Ну хорошо, чего же ты хочешь?

Прокурор сложил руки на животе и покрутил пальцами.

— Маленькое одолжение, дружище. Я хотел бы просить у тебя маленького одолжения. Даже не я, а мы, все наше крыло.

— Выкладывай, выкладывай.

— Видишь ли, нам известно, что Дергунчик поручил твоей банде разработать излучатель направленного действия. Дергунчик, конечно, дубина, сам не понимает, что затеял. А мы, скромные администраторы, посоветовались тут и решили, что создавать сейчас такие излучатели несвоевременно. Надо бы придержать эту работу, как ты полагаешь, Странник, а?

Странник усмехнулся.

— Боишься, паук? — сказал он.

— Боюсь,— сказал прокурор.— А ты не боишься? Или ты, может быть, вообразил, что у тебя любовь с Дергунчиком на века? Он ведь тебя же твоим же излучателем... это же дважды два!

Странник снова усмехнулся.

— Убедил,— сказал он.— Договорились. Давай сюда Сима.

Прокурор покачал головой.

— Ну что ты,— сказал он укоризненно.— Разве так можно? Ты придержи направленный излучатель, я придержу Сима. Действительно, совершенно бессмысленно казнить такого милого молодого человека. Его надо помиловать, и его помилуют. А как только будет готов шлем...

— Для того, чтобы изготовить шлем, мне нужен Сим.

— Вздор. Вздор, милейший! Сим нужен тебе для другого, и если ты хочешь, чтобы он остался жив, ты мне скажешь, для чего он тебе нужен.

Странник пожал плечами.

— Я мог бы что-нибудь выдумать,— сказал он,— но это глупо. Сим нужен мне в лаборатории как подопытный кролик. Вот и все.

Прокурор пронзительно посмотрел на него, ничего, как всегда, не обнаружил и сказал:

— Ну ладно, я не волк какой-нибудь. Придержи излучатель, и когда шлем будет готов, получишь Сима живого и здорового. Согласен?

Странник хмуро глядел в окно.

— Гарантия, что он будет жив и здоров.

— Мое крайнее нежелание познакомиться с направленным излучателем.

— А куда ты его денешь? Сгноишь в тюрьме?

Прокурор мысленно восхитился небрежностью, с какой был задан этот вопрос. На такой вопрос мог бы ответить даже самый осторожный и опытный человек. Если бы, конечно, не ждал его заранее.

— Ты получишь Сима живым и здоровым,— сказал он.

— Хорошо.— Странник поднялся.— Твоя сила. И пусть будет по-твоему. Будь здоров.

Когда он вышел, прокурор некоторое время сидел, жуя губами, затем снова достал претензию защитника со своими надписями, приписал внизу: «Мера нового наказания — засекретить» и переложил лист в папку с грифом «Для лиц вертикального подчинения».

Вышеприведенная глава подвержена особенно частой правке, вычеркнуты целые страницы и целые страницы рукописного текста вставлены. На полях этой главы написано: «Генерал-комендант Особого Южного Округа. Государственная важность. Совершенно секретно. К строгому и неукоснительному исполнению. Под личную сугубую ответственность».

В начале следующей главы, где в окончательном варианте Максим вспоминает процесс, в первоначальной редакции более подробно описывались его первые дни на каторге.

Он чувствовал себя подавленным. Все получилось не так, как он рассчитывал. Вчера вечером он очень обрадовался, когда Зеф, дважды пройдя вдоль строя новоприбывших каторжников, выбрал именно его в свою сто четырнадцатую группу саперов-смертников. Он узнал Зефа сразу, эту огненную боро-

дищу и квадратную фигуру нельзя было не узнать. Потом он обрадовался, когда Зеф привел его в барак и указал ему место на нарах рядом с одноруким Вепрем. Это была удивительная удача — ему сразу удалось наткнуться на человека, достаточно опытного и вполне проверенного. А потом все стало плохо. Однорукий не хотел разговаривать. Он вежливо выслушал рассказ Максима о судьбе ячейки, неопределенно произнес: «Бывает и не такое», зевнул и лег, отвернувшись. Тогда Максим попытался напомнить Зефу о первой встрече, но Зеф сделал вид, что ничего такого не помнит, и приказал ложиться спать. Максим лег, но заснуть не мог долго.

<...> Вдобавок ко всему Вепрь и Зеф все время молчали. Зеф с самого начала приказал Максиму глядеть в оба и ступать след в след, а потом словно перестал замечать его. Максим пытался рассказывать о себе, его вяло слушали, отвечали бессмысленными словечками вроде «ай да ты», «да ну» или «неужто», но вопросов не задавали и на вопросы не отвечали. И Максим окончательно понял, что здесь он чужой и что его не принимают в свои, и что ему предстоит либо каким-то образом доказать, что он свой, либо искать другие связи.

Пробовал Максим говорить и о серьезном. К примеру, о побеге.

— Убежать нетрудно,— сказал Максим.— Убежать я мог бы прямо сейчас.

— Ай да ты! — сказал Зеф.

— Дело не в том, чтобы просто вернуться — что бы я стал там делать один? Надо вернуться всем и с оружием...

— Это кому же — всем? — спросил однорукий.

— Всем, кто здесь есть.

— Это зачем же?

Максим удивился.

— Чтобы свалить тиранов, естественно. Или вы намерены по-прежнему валить башни?

И по-другому начинался у Максима серьезный разговор с Зефом и Вепрем.

— Отвык я от таких слов,— сказал Зеф.— У нас тут все больше «гады» да «подлецы». Эй, парень, как тебя...

— Максим.

— Да, правильно. Что, Мак, сердце твое полно благодарности?

— Кому? За что?

— Ну как же? Вместо электрического тока бесконвойная жизнь на природе.

— Я был уверен, что меня не казнят,— возразил Максим.— Все-таки это был открытый процесс с соблюдением всех юридических норм, а не расправа в гвардейской казарме...

— Но твоих приятелей казнили,— сказал Зеф.

— Нет,— сказал Максим.— Всем заменили на каторгу.— Он помолчал.— По сути дела, это было разумное решение. Нельзя убивать людей только за то, что они имеют собственные убеждения и борются за свою жизнь.

— Нельзя? — спросил Зеф.

— Конечно, нельзя.

— А я-то думал — можно. Как ты думаешь,— обратился он к однорукому,— это дурак или болван?

— Бывает и третье,— сказал однорукий.

— Да, бывает и третье,— мрачно сказал Зеф.

Максим поглядел на него. Старшина смертников сверлил его своими маленькими голубыми глазками. Очень неприязненный взгляд, и совершенно непонятно, откуда эта неприязнь. В конце концов, если я ему так не нравлюсь, зачем он взял меня к себе?

— Ругань — не аргумент,— холодно сказал он.

— Кто, вы говорите, был в вашей ячейке? — спросил вдруг однорукий.

— Я могу говорить при нем? — сказал Максим, указывая ложкой на Зефа.

— Конспиратор,— сказал Зеф.

— Можете, можете,— сказал однорукий без улыбки.

Максим перечислил членов ячейки. Краем глаза он видел, как однорукий и Зеф переглянулись.

— А вы не ошиблись? — вкрадчиво спросил однорукий.— Может быть, напутали что-нибудь?.. Знаете, бывает...

Максим удивленно поглядел на него, потом засмеялся.

— Как же я могу напутать, я же с ними вместе прожил целый месяц.

— Ну да, конечно,— охотно согласился однорукий.— Меня смущает вот что. Вы говорите, руководителем ячейки был Мемо-Копыто... А мне помнится, что не Мемо, а Гэл. Гэл Кетшеф.

— Какой Гэл? — удивился Максим.— Гэл Кетшеф был арестован вместе с вами и расстрелян на другой день.

— Ах да, конечно,— сказал однорукий.— Я запамятовал.

— По-моему, вы хотите меня запутать,— сказал Максим озадаченно.— Не понимаю, зачем это вам нужно.

— А скажи-ка, парень,— сказал вдруг Зеф.— Откуда ты, собственно, знаешь, что Гэл был расстрелян?

— Это хороший вопрос,— заметил однорукий.

— В точности я этого не знаю,— сказал Максим.— Но приговорили его к смерти... Вы, вероятно, меня не помните,— сказал он однорукому.— Но ведь я принимал участие в вашем аресте, а весь так называемый суд над вами проходил у меня на глазах. Я слышал и допросы, и приговоры...

Зеф протяжно свистнул, а однорукий сел и сказал:

— То-то мне ваше лицо знакомо. Вы были гвардейцем?

— Ну да! — сказал Максим нетерпеливо.— Я давно знаю вас обоих.— И он, радуясь, что наступил наконец момент взаимопонимания, рассказал им всю свою историю, начиная со сцены в лесу и кончая своим свиданием с прокурором. Его слушали, не перебивая. Когда он закончил, однорукий неопределенно сказал: «Бывает», а Зеф сообщил, что бывает и не такое, и предложил приступить к еде.

<...> И почему они мне не верят? Наверное, так надо. Наверное, это рефлекс, они всю жизнь дерутся... а на суде было зачитано восемь донесений какого-то агента, который знал всё, что делалось в нашей ячейке. Невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь из наших был предателем...

В рассуждениях Максима были добавки о хонтийцах («...которым, судя по всему, тоже не сладко...»), о себе («Почему я так всегда не любил историю? И ведь именно меня угораздило сюда

попасть»), а также выводы: «И вот что: уйду я не на запад, нечего там мне делать, там ни армии для меня нет, ни разведки. А уйду-ка я на восток, к этим так называемым выродкам. Посмотрю-ка я, такие ли они дикие, здесь ведь ни в одном слове никому нельзя верить. Надо всё самому смотреть. Может быть, на востоке удастся кого-нибудь организовать».

Более подробным в первом варианте рукописи был разговор о Крепости:

...и вот что, обо всем этом помалкивай, так и запомни: знают теперь о Крепости три человека, Вепрь не выдаст, я, само собой, тоже, а если узнает кто четвертый, значит, твоя вина, и придется нам тебя шлепнуть.

— Да не выдам я,— сказал Максим с досадой.— За кого вы меня принимаете, в самом деле?

— Ладно, ладно,— сказал Зеф.— Там видно будет, за кого мы тебя принимаем.

По-другому описывались и мысли Максима после обнаружения Крепости. В первоначальном варианте Авторы дали возможность Максиму подслушать разговор Зефа и Вепря и догадаться обо всем самому. И дальнейший разговор, уже совместный, тоже в первом варианте отличался от исправленного:

Оставалось еще расчистить юго-западную четверть квадрата. Здесь им повезло. Какое-то время назад здесь почему-то взорвалось что-то очень мощное. От старого леса остались только полусгнившие поваленные стволы да обгорелые пни, срезанные как бритвой, и на его месте уже поднялся молодой редкий лесок. Земля здесь была сильно радиоактивна и буквально нафарширована железом, превратившимся в ржавую пыль. Зеф присвистнул от удовольствия, походил взад-вперед с радиометром, достал схему и заштриховал юго-западную четверть красным карандашом. «Новичок,— разглагольствовал он по дороге назад,— если его в первый день не прихлопнет, всегда приносит удачу. Крепость нашли, целую четверть сэкономили... Молодец, Мак». Максим не возражал. Он чувствовал себя утомленным, грязным, сегодня было слишком много бессмыс-

ленной работы, бессмысленного нервного напряжения, слишком долго он дышал сегодня всякой гадостью и принял слишком много рентген. Кроме того, за весь этот день не было сделано ничего настоящего, нужного, и, наконец, ему очень не хотелось возвращаться в барак. Зеф с одноруким шли впереди, а он шагал следом за ними, таща на плече гранатомет однорукого, который совсем выдохся. Один Зеф чувствовал себя прекрасно. Он предвкушал душ и обильную жратву. Кроме того, он предвкушал еще что-то, о чем говорил шепотом. Он не знал, что у Максима слишком хороший слух — даже для этого профессионального шепота, но говорил он на жаргоне, и Максим понял только, что политические сегодня устраивают какое-то тайное сборище и какого-то Патла будут принимать куда-то. Максим отвлекся, а когда снова прислушался, речь шла о башнях. Они продолжали говорить на жаргоне, но жаргонных слов им явно не хватало. Максим слушал и удивлялся. Говорили как будто о действии излучения, причем Зеф утверждал, что действие это, как он выражался, интегрально. Вепрь, однако, оспаривал его какими-то непереводимыми примерами и настаивал на том, что действие социально-селективно. Сначала Максим не разобрал приставку «социально-» и подивился, как два опытных человека могут спорить о таком очевидном предмете. Действие излучения, несомненно, интегрально, в том смысле, что действует на всех выродков без исключения, и оно же, несомненно, селективно, потому что действует только на выродков. Подслушивать было неловко, и он хотел уже отстать, но тут спорщики разгорячились и заговорили громче, потом остановились и принялись кричать друг на друга, и до Максима вдруг дошло, что они говорят о действии излучения на людей вообще, а не только на выродков. Это его поразило, сначала ему даже показалось, что он ошибается, что он неверно расшифровывает жаргонные выражения, они говорили о гвардейцах, о солдатах, о врачах, об уголовниках, о фермерах... Зеф стучал себя кулаком по лбу и кричал: «Да это же нерационально, не нужно!» — «Глупости! — кричал Вепрь.— Психология масс всегда социальна!» — «Да пойми ты, речь идет об общем настрое, о настрое на раболепие и подчинение...» — «А гвардеец более готов к такому настрою, чем ученый...»

И тут Максим понял, что вся прежняя картина мира разваливается. Что все гораздо страшнее, чем он представлял себе. Поняв, он ужаснулся и не поверил. Он бросил гранатомет, подошел к спорщикам, взял их за плечи и спросил:

— Для чего нужны башни?

Они не обратили на него внимания, только Зеф попытался отпихнуть его локтем, не переставая говорить, и тогда Максим встряхнул их и заорал:

— Я спрашиваю вас, для чего нужны башни?

Они замолчали и уставились на него. Голубые глаза Зефа были совершенно бессмысленны, а лицо однорукого все шло красными пятнами от возбуждения. Потом Зеф стряхнул руку Максима со своего плеча, злобно проворчал: «Чтобы оболванивать таких, как ты» и пошел вперед, не оглядываясь. Однорукий остался. Глаза его сузились, и он спросил тихо:

— Откуда вы знаете жаргон?

— Я не знаю жаргона,— нетерпеливо сказал Максим.— Но я понял, о чем вы говорили. Это правда? Я всегда думал, что башни нужны для того, чтобы мучить и выявлять выродков. Это правда?

— Да,— ответил однорукий.— Башни годятся и для этого. К нашему несчастью.

— Но не это главное?

— Нет, не это. Давайте, однако, пойдем, а то я очень устал.

— А что же главное?

— Подберите оружие,— сказал однорукий.— И пойдемте, я расскажу вам по дороге. Это будет даже интересно...

И он рассказал. То, что он рассказывал, было чудовищно. Это было чудовищно само по себе, и это было чудовищно потому, что больше не оставляло места для сомнений. Все время, пока они лезли через поваленные деревья, перебирались через овраги, продирались через кусты, потрясенный Максим изо всех сил пытался найти хоть какую-нибудь прореху в этой новой системе мира, но его усилия были тщетны. Картина получалась стройная, страшная, примитивная, совершенно логичная, она объясняла все известные Максиму факты и не оставляла ни одного факта необъясненным. Это было самое большое и самое страшное открытие из всех, которые Максим сделал на обитаемом острове.

Излучение башен предназначалось не для выродков. Оно действовало на любую нервную систему любого человеческого существа этой планеты. Механизм воздействия не был известен ни Вепрю, ни Зефу, но суть этого воздействия сводилась к тому, что облучаемый человек подвергался мощному психическому внушению. Ему было можно внушить все или почти все, но внушалась ему прежде всего идея его подчиненности, восторг перед власть имущими и ненависть ко всем, кто мыслит иначе. Очень многое оставалось неясным в психической картине воздействия: внушаются идеи или эмоции? Всем ли внушается одно и то же или существуют различные программы для людей разных психических или социальных типов? Действует облучение на сознание или на подсознание?.. Но главное было ясно. Гигантская сеть башен, опутывающая страну, дважды в сутки — по крайней мере дважды в сутки — внушала десяткам миллионов людей преданность и ненависть, преданность тем, кто правил, и ненависть к тем, кто был против них. Дергая за эти невидимые ниточки, Неизвестные Отцы направляли волю и энергию миллионных масс, куда им заблагорассудится, могли вызывать и дважды в день вызывали всеобщий экстаз раболепия и преклонения; могли заставлять и заставляли массы думать, что все идет как нельзя лучше; могли возбуждать и возбуждали неутолимую ненависть к врагам внешним и внутренним, стирая при этом в миллионах сознаний всякую тень сомнения. Они могли бы при желании направить миллионы под пушки и пулеметы, и миллионы пошли бы умирать с восторгом; они могли бы заставить миллионы убивать друг друга во имя чего угодно; они могли бы, возникни у них такой каприз, вызвать массовую эпидемию самоубийств. Они могли все. Опасность для них могли представлять только выродки, люди, которые в силу каких-то физиологических способностей были невосприимчивы к внушению. Излучение вызывало у них только невыносимые боли, но не меняло ни их убеждений, ни эмоционального настроя. Выродков было сравнительно мало, что-то около процента, но Неизвестные Отцы знали историю и не собирались рисковать. Выродки были объявлены врагами человечества, и с ними поступали соответственно.

Максим испытывал такое отчаяние, словно вдруг обнаружил, что его обитаемый остров населен на самом деле не людь-

ми, а куклами. Надеяться было не на что. Перед ним была огромная машина, слишком простая, чтобы можно было рассчитывать на ее эволюцию, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить ее небольшими силами. Он понял, насколько был смешон со своими планами вторжения, широкой пропаганды среди населения, изоляции Отцов от масс. Теми силами, на которые он мог рассчитывать, нельзя было освободить огромный народ, который не желал своего освобождения, у которого дважды-трижды в сутки выжигали самою мысль об освобождении. Огромная машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым возмущениям. Будучи разрушена, немедленно восстанавливалась. Будучи раздражена, немедленно и однозначно реагировала, не заботясь о судьбе своих отдельных элементов. Единственную надежду оставляла мысль, что у этой машины был центр, пульт управления, мозг. Этот центр теоретически можно было разрушить, и тогда машина замрет в неустойчивом равновесии, и тогда наступит момент, когда можно будет попробовать перевести этот мир на другие рельсы. Но где этот центр? И кто его будет разрушать? Это не атака на башню. Это операция, которая потребует огромных средств и прежде всего — армии людей, неподверженных действию излучения. Нужны были люди, невосприимчивые к излучению, или простые легкодоступные средства защиты от него. Ничего этого не было и даже не предвиделось. Внутри страны не было никаких сил, годных для предстоящей борьбы, миллионные массы были рабами машины. Несколько сотен тысяч выродков были раздроблены, разрознены, преследуемы, и если бы даже их удалось объединить, эту маленькую армию Неизвестные Отцы уничтожили бы немедленно, простым нажатием кнопки, включив излучатели не на час, а на сутки...

Максим в отчаянии обрушил на Вепря град вопросов. Существует ли защита от излучения? Работает ли кто-нибудь над этой проблемой? На что вообще надеется штаб? Есть ли программа действий? Почему об истинном назначении башен не знал ни один из подпольщиков в ячейке? На что вообще можно надеяться? Почему выродки не уничтожены, хотя это так легко сделать? Однорукий только косился на него любопыт-

ствующим глазом и отвечал кратко и невразумительно: «Как знать...», «Ну откуда я это знаю?», «Может быть, конечно...», «А кто их знает...».

— Вы действительно ничего не знаете? — спросил наконец Максим.— Или вы просто не верите мне?

— Как знать...— сказал Вепрь.

— Нет. Нет, извините,— сказал Максим.— Я требую от вас одного ответа, конкретного и ясного: верите или не верите?

— А чего это мы вдруг тебе поверим? — сказал вдруг, повернувшись, Зеф.— Кто ты такой, чтобы мы тебе верили? И кто ты такой, чтобы требовать от нас? Молоко на губах не обсохло, массаракш...

— Значит, не верите?

— Слушайте, Мак,— вежливо сказал однорукий.— Вы же неглупый человек. Посудите сами: мы — политические заключенные, смертники. По первому же доносу мы будем расстреляны. Только вчера расстреляли одного из нас за то, что он отказался вне очереди чистить уборную... Среди каторжников мы самые послушные и самые дисциплинированные. Мы больше не заговорщики, Мак. Мы люди, которые хотят жить. Вы ведете себя крайне неосторожно. Мы, конечно, не донесем на вас, это противно, хотя, строго говоря, мы должны были бы донести. Так что в известном смысле мы вам верим. Мы верим, что вы не донесете, что мы не донесли. На что большее может рассчитывать человек, которого никто из нас не знает и вчерашний гвардеец?

— Хорошо,— сказал Максим.— Понимаю. Но я могу рассчитывать на ваше доверие в будущем?

— Как знать...— сказал однорукий.— Терпение, терпение и снова оно. Мы — вечные каторжники, и у нас впереди вечность.

Максим понял, что разговоры ни к чему не приведут. Эти люди правы, иначе просто нельзя. Значит, придется ждать, бездельничать, терпеть, работать на врага, ежедневно и ежеминутно рисковать бессмысленно жизнью, ждать, пока они удостоверятся в твоей честности, а вероятность выжить невелика, группы саперов истребляются наполовину за неделю... Это было невозможно.

— Что там, на востоке? — спросил он.

— Лес, потом пустыня. Выродки.

— Мутанты?

— Да. Полузвери. Сумасшедшие дикари.

— Вы их когда-нибудь видели?

— Я видел только мертвых,— сказал однорукий.— Их довольно часто хватают в лесу, а потом вешают перед нашими бараками для поднятия духа.

— А за что?

— За шею,— сказал Зеф.— Дурак. Это зверье. Их невозможно вылечить, а они опаснее любого зверя. Я-то их повидал. Ты такого и во сне не видел.

— А зачем туда тянут башни? — спросил Максим.— Хотят их приручить?

Однорукий неловко засмеялся.

— Нет. Они тоже не принимают излучение. Как и мы. В точности ничего не известно, но, скорее всего, их хотят оттеснить в пустыню.

Они вышли из леса на дорогу. Это опять было старое разбитое шоссе, может быть, то самое, которое вело к разрушенному мосту. На запад дороги нет, думал Максим. Мне там нечего делать. На востоке — дикие выродки. Есть еще, правда, разумные лемуры в Крепости, но это не то. Что же остается? Что же мне остается? Он вдруг понял, что у него один путь. Если он хочет действовать, если он не хочет ждать и рисковать ежедневно жизнью, разряжая мины, если он не хочет гнить в бараках, пока Зефу не заблагорассудится удостоить его своим доверием — а там окажется, что надо опять терпеть, опять ждать,— если он не хочет всего этого, ему остается один путь: на восток. Вот так, по этому шоссе, но в другую сторону. А там посмотрим. Вернуться сюда я всегда сумею. По крайней мере, я точно буду знать, что там, на востоке.

Другим был и разговор перед расставанием (когда Максим разобрался в танке и собрался уезжать на восток, позже — юг).

— Жив! — сказал Зеф вместо приветствия.— Удивительно! А я, друг мой, твой завтрак того... сожрал. Видишь,— сказал он однорукому.— А ты беспокоился. Вот он, живой и невредимый.

— Я очень рад,— сказал Вепрь, улыбаясь. Максим почувствовал, что он действительно рад, но ему хотелось есть, он надеялся, что ему принесут что-нибудь, и поэтому он только сказал:

— Я тоже рад.

Зеф обошел танк вокруг, сказал: «Экая пакость», сел на обочину и стал свертывать цигарку.

— Ну, вы поедете со мной? — спросил Максим.

— Это куда же? — спросил Зеф.

— Я решил ехать на восток. К мутантам.

— Дурак,— сказал Зеф спокойно.

Однорукий покачал головой и сказал:

— Вы знаете, Мак, он прав. Это глупо.

— Они там с тебя кожу с живого сдерут,— пояснил Зеф.

Максим, невесело оскалясь, посмотрел на свои ободранные, еще не зажившие после вчерашнего руки и ответил:

— Не знаю, как там, а здесь меня уже ободрало. Я вас умолять не буду, вы мне вообще не нравитесь, слишком уж вы недоверчивы, можно подумать, что у вас нечистая совесть... но я решил, что было бы нечестно уехать, не предложив вам. Я мог бы уже давно уехать. Но если вы предпочитаете работать на врагов человечества, если вам нравится подыхать на радость Неизвестным Отцам... пожалуйста, оставайтесь.

Вепрь положил руку ему на плечо.

— Мак,— сказал он.— Вы сами говорите, что были подпольщиком. Тогда вы знаете, в каких условиях мы работаем и что такое для нас вопрос доверия. Нельзя быть таким нетерпеливым. А что касается врагов человечества, то у человечества много врагов извне, и самые страшные из них — мутанты.

— Я в это не верю,— сказал Максим.— И я не могу быть таким терпеливым. Я не могу терпеть и ждать, когда миллионы людей превращены в куклы. До свидания.

Они не остановили его, он вспрыгнул на гусеницу, отвалил люк отсека управления и залез в жаркую полутьму. Он отодвинул заслонку передней амбразуры и уже положил руки на рычаги, когда услыхал, что Зеф зовет его. Он высунулся.

— В чем дело? — спросил он.

— Раз уж ты решил ехать,— сказал Зеф,— то имей в виду, впереди у тебя будет две заставы. Одну ты проскочишь легко,

они не ждут нападения сзади, а вторая стоит прямо посередине дороги.— Он сплюнул.— Брось глупить,— сказал он.— Оставайся. Там дикие места, а дальше пустыня, радиация... жрать там совершенно нечего, и воды нет.

— Все? — спросил Максим.

— Все,— сказал Зеф.

— Желаю вам выжить,— сказал Максим и вернулся к рычагам.

Позже этот разговор был перечеркнут, а на полях написано: «Вепрь спрашивает о Фанке в связи с вызовом Мака в столицу. Последний вопрос: почему суть башен скрывают от рядовых подпольщиков?»

Как вариант во втором черновике, Зеф, рассказывая о разговоре с курьером Умника, говорит: «Я ему на всякий случай соврал, что тебе обе ноги оторвало».

В рукописи, когда, выехав за пределы поля, Гай пытается петь марш и у него не получается, еще было: «Он снова посмотрел на часы.— Странно,— пробормотал он с разочарованием.— Как же так, даже обидно...» И затем, во время «ломки» Гая, Максим не сравнивает его с наркоманами из арестантского вагона, а думает: «Максиму вдруг пришло в голову, что Гай похож на наркомана, человека, привыкшего к наркотикам. Максим читал, что если наркоману не давать вовремя его любимого зелья, ему становится дурно, он впадает в депрессию, очень мучается».

По-другому строился разговор Гая и Максима перед возвращением в страну.

— Теперь идем искать гвардейцев.

— Танк захватывать? — уныло спросил Гай.

— Нет. По твоей легенде. Ты похищен выродками, а каторжник тебя спас.

— А дальше?

Максим помолчал.

— Война началась, Гай,— сказал он.— Хонтийцы на вас напали, видишь ли. Превосходными силами. Хонтийцы, впрочем, утверждают обратное, но это неважно. Все вы хороши. Важно другое.— Он опять замолчал.

— Что? — нетерпеливо спросил Гай. Он чувствовал себя неловко. Отцы Отцами, башни башнями, а война все-таки войной. Нехорошо все-таки дезертировать. А вдруг Мак скажет, что надо дезертировать? Или хуже того, помогать хонтийцам?

— Во-первых, всех зовут в ряды. Нашего брата-каторжника тоже амнистируют и — в ряды. Так что пойдем в ряды, Гай. Хорошо бы нам не разлучаться. Ты ведь штрафник? Хорошо бы мне попасть к тебе под начало... Хорошо бы Зефа встретить... А что, вполне возможно, если он настоящий...

— А во-вторых? — спросил Гай, ощущая некоторое облегчение.

— А во-вторых... Во время несправедливых захватнических войн, бывает, возникают революционные ситуации[1]. Не знаю, как это будет у вас с вашими окаянными башнями, но если война ядерная... Массаракш, никакие башни не должны им помочь...

По-другому описывалось и состояние подполья в разговоре Мака и Зефа перед танковой атакой.

— Хорошо,— сказал Максим.— Что же мы тогда должны делать?

— Выжить,— веско сказал Зеф.— Любыми средствами выжить во время прорыва. И здесь вся надежда на тебя. На всем Стальном Плацдарме, среди всех десятков тысяч штрафников, армейцев и гвардейцев, ты будешь единственным человеком с ясной головой...

— Это я понимаю,— нетерпеливо сказал Максим.— Я имею в виду не нашу с тобой задачу, а задачу организации.

— Массаракш! — удивился Зеф.— При чем здесь организация?

— То есть как при чем? Зачем ты вызвался добровольцем? Зачем ты едешь почти на верную смерть? Зачем я еду, масса-

[1] Чувствуется, что преподавание основ ленинизма в интернатах Мира Полудня поставлено из рук вон плохо. И вот результат: Максим не может довести до сознания Гая, да и сам плохо понимает светлую ленинскую идею создания революционной ситуации путем спровоцированного поражения своей страны в империалистической войне. И превращения ее в гражданскую...— *В. Д.*

ракш и массаракш? Я бы двадцать раз успел уйти отсюда... Или ты хочешь сказать, что организация никак не намерена использовать войну?

— Организация ни черта не знает,— угрюмо сказал Зеф.— Потому я и еду. Я, ты и еще десяток наших. Тот, кто уцелеет, доложит... Как организация может использовать войну, если мы еще никогда не воевали с излучателями за спиной?

— Позволь,— сказал Максим, холодея.— Что же это получается? Я добровольно отдался гвардейцам. Я полкаторги обыскал, пока нашел тебя. Я положил чертову уйму труда, чтобы попасть с тобой в один экипаж, да еще под началом верного человека. Я радовался, что нашел контакт с ответственным представителем организации, я ждал, что ты мне дашь наконец настоящее боевое задание... Послушай, ведь война... Атомная война!.. Неужели нельзя рассчитывать на революционную ситуацию? Я был убежден, что у вас теория, что вы к этому готовились...

— Хватит! — рыкнул Зеф, и Максим замолчал. Зеф страшно сопел у него над ухом.— Распустил нюни, сопляк! Тьфу!

— Я не распустил нюни,— сказал Максим безнадежно.— Я просто еще раз убедился, что вашей организации грош цена.

Состояние Гая под действием излучения, которое описывалось ранее как «сплошное бессмыслие и готовность стать убийцей», первоначально представлялось Авторами таким: «...сплошная собачья преданность и готовность стать тряпкой для вытирания ног».

В первом варианте рукописи Гай не погибает, сцепившись с хонтийцем:

Гай, весь ободранный, весь в крови, стоял над ними [Фанком и Зефом.— *С. Б.*], не по-человечески оскалясь и, кажется, даже рыча, и водил по сторонам каким-то необычного вида оружием. Увидев Максима, он взвизгнул, бросился к нему, прижался спиной и выставил свое оружие против всего внешнего мира.

— Откуда это у тебя? — испуганно спросил Максим и осекся.

Далее он видит убитого Гаем хонтийца, потом — ядерный удар, при котором Максим «схватил Гая за лицо, повалил его на землю и сам упал сверху», а затем:

Максим вскочил, разбросав наваленные ветки. Он привел Гая в чувство, убедился, что парень не ослеп, оставил его, сбегал за Фанком, положил его рядом с Зефом, потряс их обоих, попытался заговорить с ними, но они только стонали и рычали в ответ, подхватил с земли длинное оружие хонтийца и побежал снова наверх, на свой наблюдательный пост.

Значительно отличается в первом варианте и начало главы восемнадцатой:

Генеральный прокурор спал чутко, и мурлыканье телефона сразу разбудило его. Не раскрывая глаз, он взял наушник. Шелестящий голос ночного референта произнес, как бы извиняясь:

— Шесть часов, господин генеральный прокурор...

— Да,— сказал прокурор, все еще не раскрывая глаз.— Да, благодарю вас.

Он включил свет, откинул одеяло и сел. Некоторое время он сидел, уставясь на свои тощие бледные ноги, и с грустным удивлением размышлял о том, что вот уже шестой десяток пошел, но не помнит он ни одного дня, когда бы ему дали выспаться. Все время кто-нибудь будит. Когда он был лейтенантом, его будил после попойки, когда только бы и поспать, скотина-денщик. Когда он был Председателем Чрезвычайного Трибунала, его будил дурак-секретарь с неподписанными приговорами. Когда он был гимназистом, его будила мать, чтобы он шел на занятия, и это было самое мерзкое время, самое скверное пробуждение. И всегда ему говорили: надо! Надо, ваше благородие. Надо, господин Председатель. Надо, сыночек. А сейчас он говорит это «надо» самому себе. Он встал, накинул халат, плеснул в лицо горсть одеколона, вставил зубы — массируя щеки, посмотрел на себя в зеркало, скривился неприязненно и пошел в кабинет.

Теплое молоко уже стояло на столе, а под крахмальной салфеточкой — блюдце с солоноватым печеньем. Это надо было выпить и съесть, как лекарство, но он сначала подошел к сейфу, отвалил дверцу, взял зеленую папку и положил на стол рядом с завтраком. Хрустя печеньем и прихлебывая молоко, он

тщательно осмотрел папку, пока не убедился, что со вчерашнего вечера ее никто не раскрывал. Как много переменилось, подумал он. Всего четыре месяца прошло, а как все переменилось. Идеальный бунтовщик! Надо же, какие глупости меня тогда интересовали! Поднять бунт, дать ему как следует разгореться и эффектно, торжественно, с молниеносностью, подобающей спасителю государства, подавить — аляповатая, крикливая затея, дешевка, а сам в это время уже висел на волоске... Строго говоря, следовало бы, конечно, проанализировать, почему из этой затеи ничего не получилось. Сам по себе замысел, если отвлечься от суетности конечной цели, был вроде бы и не плох, а вот не вышло! Обманул ты мои ожидания, Мак Сим, он же Максим... Вздор, не буду об этом думать. Что было, то было, а теперь надо думать о том, что будет. У него вдруг похолодело внутри при мысли, что затея его провалилась потому, что он чего-то не учел в Максиме, какого-то его тайного свойства, не увидел какой-то его скрытой потенции, подошел к нему шаблонно. Да-да, подумал он. Тогда оставалось белое пятно — его прошлое. Тогда мне было наплевать на его прошлое, а, может быть, в прошлом и лежит ключик к этому странному человеку? Но вот зеленая папка стала вдвое толще, а белое пятно осталось. Он ощутил, как страх нарастает, и поспешил взять себя в руки. Нет, так дело не пойдет, сейчас надо хранить абсолютное спокойствие и рассуждать совершенно бесстрастно. Да, белое пятно осталось. Да, теоретически, повторяю: теоретически, только теоретически, этим белым пятном можно объяснить неудачу первой затеи и предсказать возможную неудачу второй. Но все это только теоретически. А практически — выбора у меня все равно нет. Белое пятно. И нет времени его заполнить. Просто нет времени. Значит, риск. Ну что же, риск так риск. Риск всегда был и будет, нужно только свести его к минимуму. И я его свел к минимуму. Да, массаракш, свел к минимуму! Вы, кажется, не уверены в этом, Умник? Ах, вы сомневаетесь? Вы всегда сомневаетесь, Умник, есть у вас такое качество, вы — молодец. Ну что же, попытаемся развеять ваши сомнения. Слыхали вы про такого человека? Его зовут Максим Ростиславский. Неужели слыхали? Это вам только кажется. Вы никогда раньше не слыхали про такого человека. Вы сей-

час услышите о нем первый раз. Очень прошу вас, прослушайте и составьте о нем самое объективное, самое непредубежденное суждение. Мне очень важно знать ваше объективное мнение, Умник, от этого, знаете ли, зависит целость моей шкуры. Моя бледная, с синими прожилками, но такая дорогая мне кожа...

Он раскрыл папку. Прошлое этого человека туманно. И это, конечно, неважное начало для знакомства. Но мы с вами знаем не только как из прошлого выводить настоящее, но и как из настоящего выводить прошлое. И если нам так уж понадобится прошлое нашего Мака, мы в конце концов выведем его из настоящего. Это называется экстраполяцией. Наш Мак начинает свое настоящее с того, что бежит с каторги. Мы ожидали этого и все-таки мы ошиблись, потому что он бежит не на запад, а на восток. Вот панический рапорт агента номер двести два, классический вопль идиота, который нашкодил и не чает уйти от наказания: он ни в чем не виноват, он сделал все по инструкции, он никак не ожидал, что объект добровольно поступит в саперы и, мало того, на другой же день исчезнет. Не ожидал... А надо было ожидать! Объект — человек неожиданный, вы должны были ожидать чего-либо подобного, господин Умник. Да, тогда это поразило меня, но теперь-то мы можем догадаться, в чем дело — кто-то объяснил нашему Маку про башни, и он решил, что в Стране Отцов ему делать нечего... Прокурор опустил голову на руку, вяло потер лоб. Да, тогда все это и началось. Это был первый промах в серии промахов. Я не знал тогда, какое значение имеет Мак для Странника — в этом был мой промах. Все промахи — от недостатка знания. Я считал: подумаешь, ну, обещал ему Мака, ну, обманул, ну, решит Странник, что я обманул его нарочно, подумаешь, сокровище — Мак! Маком больше, Маком меньше. Ну, шлепнет он какого-нибудь моего агента в отместку, потом встретимся, покачаем головами, погрозим друг другу пальцем, поспорим, кто первый начал,— и все. А Странник... Прокурор взял очередной рапорт. О этот Странник! Умница Странник, гений Странник, вот как мне надо было действовать — как он! Я-то был уверен, что Мак погиб: восток есть восток. А он наводнил все заречье своими агентами, жирный Фанк — ах, не добрался я до него в свое время! — этот жирный облезлый боров похудел,

мотаясь по стране, вынюхивая и высматривая, а Куру подох от лихорадки в Шестом лагере, а Тапа-Курочку захватили горцы, а Пятьдесят Пятый, не знаю, кто он такой, попался пиратам на побережье, сожгли они его, но он успел сообщить, что Мак там был, сдался гвардейцам и направлен в свою колонну... Вот как поступают люди с головой: они никого и ничего не жалеют. Вот как я должен был поступить тогда. Бросить все дела, заняться только Маком, а я вместо этого сцепился с Дергунчиком и проиграл, а потом связался с этой идиотской войной — и тоже проиграл... И вот только когда я все это проиграл, когда меня припекло, тогда только я сообразил, на что годен Мак, и, по сути дела, я и здесь бы проиграл, если бы мне не повезло. Да, Странник, да, хрящеухий, теперь ошибся ты. Надо же было тебе уехать именно сейчас. И ты знаешь, Странник, меня даже не огорчает то обстоятельство, что я опять не знаю, куда и зачем ты уехал. Уехал, и ладно. Тебя нет, а наш Мак — здесь, и это получилось очень удачно.

Прокурор ощутил радость и, заметив это, сейчас же погасил ее. Опять эмоции, массаракш! Спокойнее, Умник. Ты знакомишься с новым человеком по имени Мак, ты должен быть очень объективен. Тем более что этот новый Мак так не похож на старого, теперь он совсем взрослый, теперь он знает, что такое финансы и детская преступность. Поумнел, посуровел наш Мак. Вот он пробился в штаб заговорщиков (рекомендатели: Мемо Грамену и Зеф Аллу) и сумел доказать там необходимость контрпропаганды. Это было большое дело. Они там в штабе намереваются когда-нибудь в конце концов захватить Центр и использовать его в целях, как они выражаются, демократического воспитания народа, а большинство рядовых членов организации ненавидит башни как таковые, им плевать, что будет воспитывать в людях излучение: преклонение перед Отцами или преклонение перед демократией, у них болит голова, им надоело мучиться, они хотят жить просто по-человечески...[1] В первый момент, когда Мак выступил с предложе-

[1] Что особенно отчетливо доказывает гениальность писателя, так это его способность к предсказаниям, особенно таким — незапланированным. Вот уж лет пятнадцать, как болит голова от преклонения перед демократией. Начать бы жить просто по-человечески... — *В. Д.*

нием о контрпропаганде, в штабе взвыли — это означало раскрыть рядовым членам истинное назначение башен, которое до поры хранилось от них в строжайшей тайне, признаться, что и после победы заговора им придется терпеть те же мучения, но теперь уже во имя благородных целей... И ведь убедил Мак: приняли идею контрпропаганды, поручили Маку разработать программу... Разрабатывает, но в штабе, кажется, основательно разочаровался. Вот стенограмма одной из его бесед с Зефом: «В штабе слишком много неудавшихся Неизвестных Отцов, всяких властолюбивых прохвостов... Не удалось им, понимаешь, пробиться на государственные посты, вот они и подались в оппозицию... И трусов много, вроде этого Кидагу, который больше всего на свете боится гражданской войны...» Очень точно подмечено.

И немного позже, после разговора с Папой:

У меня есть бомба. У меня есть Мак. У меня есть человек, который не боится излучения. Для которого не существует преград. Который умеет убивать и убивает при случае без пощады. (Убивает как в обороне — банда Крысолова, так и в нападении — экипаж танка-излучателя, помяните, ангелы, их злосчастные души.) Человек, желающий переменить порядок вещей и использовать излучатели во благо. (У него другие понятия о благе, но это сейчас не важно.) Человек чистый и, следовательно, открытый всем соблазнам. И мой агент намекнул ему, что генеральный прокурор, не в пример другим Неизвестным Отцам, тоже желает переменить порядок вещей и даже, кажется, знает, где находится Центр.

При встрече же с Максимом (в первой версии — уже не первой их встрече) прокурор, говоря о массе вопросов к Маку, добавляет:

Я хотел задать их вам еще при первой нашей встрече, но я понимал, что это было бы бестактно и неуместно, я даже не был тогда уверен, что моя рекомендация о помиловании будет принята... Вы — на редкость любопытный человек, Мак, и мне прямо-таки не терпится кое о чем расспросить вас.

Размышляя о Маке, прокурор вспоминает Раду: «...дружит по-прежнему с одной женщиной — все с той же Радой Гаал...», и в гости к прокурору Максим приходит вдвоем — с Радой.

Он не выходил из кабинета до самого приезда гостей.

Гости производили самое приятное впечатление. Мак был великолепен. Он был настолько великолепен, что прокурорша, баба холодная, светская в самом лучшем смысле слова, давным-давно в глазах прокурора уже не женщина, а старый боевой товарищ, при первом же взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно — она не могла бы себя вести естественнее, даже если бы знала, какую роль должен в ее судьбе сыграть Мак. Рада рядом с Маком выглядела, конечно, бледновато — она была слишком худенькая, слишком застенчивая и слишком влюбленная. Впрочем, постепенно и она разошлась. Когда выяснилось, что слуги — по ошибке, конечно — отпущены, она заявила, что служит официанткой и с нею никаких слуг не нужно. Это получилось очень мило, тем более что прокурорша начинала свою карьеру тоже официанткой в офицерском казино. Ужинали долго, весело, много смеялись, немножко пили. Прокурор рассказывал последние сплетни — разрешенные и рекомендуемые к распусканию Департаментом Общественного Здоровья, прокурорша загнула нескромный анекдотец, Рада в лицах изобразила беседу метрдотеля с напившимся провинциалом (массаракш, девчонка-то оказалась с изюминкой), а Мак в юмористических тонах описал свой полет на бомбовозе. Хохоча над его рассказом, прокурор с ужасом думал, что бы сейчас с ним было, если бы хоть одна ракета попала в цель.

Когда все было съедено и выпито, прокурорша возымела желание показать Раде только что полученные образцы новых изделий парфюмерной промышленности и предложила мужчинам доказать, что они способны прожить без своих дам хотя бы час.

Перед взрывом Центра Мак разговаривает с Зефом по-другому:

— Профессора Аллу.

— Да! — рявкнул Зеф.

— Это Мак...

— Массаракш, я же просил не приставать ко мне сегодня...

— Заткнись и слушай. Собери немедленно наших людей. Всех, кого сможешь... К черту вопросы! Слушай... Всех, кого сможешь. С сигаретами и спичками. Ждите меня напротив ворот, там есть павильон, знаешь? С фонтаном... Понял?

— Я не понимаю, при чем здесь сигареты...

Максим скрипнул зубами.

— Дубина,— сказал он.— Наши. С сигаретами. С зажигалками, массаракш! Щелк-щелк и огонек!

— А! С оружием? — обрадованно сказал Зеф.

Максим покосился на лаборанта. Тот прилежно считал на арифмометре.

— Да,— сказал он.— И еще просьба. Вызови Раду. Пусть немедленно возвращается домой. Позаботься о ней, если я уеду надолго.

— Что за дьявольские тайны! — взревел Зеф, но Максим уже отключил его и набрал номер Вепря. Здесь ему повезло: Вепрь оказался дома.

Встретившись с Вепрем, Максим поднимает еще одну тему:

— Помните, как я в первый раз выступал на заседании штаба? Недели две назад... Потом вы отозвали меня в сторонку и предупредили, чтобы я никогда больше не заикался о своем желании взорвать Центр, если я действительно хочу его взорвать.

— Помню,— кивнул Вепрь.

— Так вот, я вам за это благодарен. Я больше никогда не заикался. Более того, я стал одним из самых активных сторонников захвата Центра в целях его дальнейшего использования во имя интересов народа... Не помню, как там эти дураки говорят дальше.

— Обратить Центр против врагов страны,— поправил Вепрь,— и во благо народа, пока народ сам не научится понимать, в чем его благо.

— Вот-вот-вот...

— Да, я заметил. Я даже поверил и немного разочаровался в вас. Я думал, что вас переубедили.

— Нет,— сказал Максим.— Просто я послушался вашего совета, и кончилось дело тем, что я получил возможность взорвать Центр.

Вепрь снова быстро повернулся к нему.

— Сейчас? — сказал он.

— Да. Приходится спешить, а я почти ничего не успел приготовить. Я очень рассчитываю на вас.

— Говорите.

— Я войду в здание, вы останетесь в машине. Через некоторое время, вероятно, поднимется тревога, может быть, начнется стрельба. Это не должно вас касаться. Вы продолжаете сидеть в машине и ждать. Вы ждете...— Он подумал, прикидывая.— Вы ждете двадцать минут. Если в течение этого времени вы получите лучевой удар, значит все обошлось, можете падать в обморок со счастливой улыбкой на лице. Если нет — выходите из машины, детонируйте бомбу и старайтесь спастись. Может быть, так удастся разрушить хотя бы антенну.

Некоторое время Вепрь размышлял.

— Вы не разрешите мне позвонить кое-куда? — спросил он.

— Нет,— сказал Максим.

— Видите ли,— сказал Вепрь,— если убьют вас, то, скорее всего, убьют и меня, и тогда от разрушения антенны толку будет мало... От взрыва антенны толку вообще будет мало, но это даст два-три дня, а за два-три дня можно кое-что сделать. Если найдутся люди, готовые к бою.

— Это в штабе, что ли? — спросил Максим презрительно.

— Ни в коем случае. У меня есть своя группа. Вот этих людей и я хотел бы предупредить, сейчас.

Максим молчал. Впереди уже поднималось серое семиэтажное здание с каменной стеной вдоль фронтона. То самое. Где-то там бродила по коридорам Рыба, орал и плевался Бегемот. И здесь был Центр. Круг замыкался.

— Ладно,— сказал Максим.— Там у входа есть телефон-автомат. Когда я войду внутрь — но не раньше,— можете выйти из машины и позвонить. Но имейте в виду: если ничего не выйдет, а вы останетесь живы, никому и никогда не рассказывайте, что знаете, где Центр. Это, как говорится в романах, смертельная тайна.

Мысли Максима перед штурмом Центра подавались так: «Но самый большой дурак — господин генеральный прокурор, подумал он с неожиданным удовольствием. <...> Просто он не может себе представить, что кто-то возьмет Центр и взорвет его, вместо того чтобы захватить и "использовать во благо"».

В разговоре Максима и Странника в рукописи присутствовал еще такой момент: «"Быстрые вы там, однако, ребята — Искатели..." — "Крепкоголовые",— пробормотал Максим. "И не без этого",— согласился Странник».

Странник, перечисляя Максиму трудности возникшего положения, в рукописи добавляет: «...списки подполья в руках полиции, к вечеру на свободе не останется ни одного подпольщика».

Перечисленные многочисленные дополнения, бывшие в рукописи, вероятно, показались Авторам несущественными для читателя. Однако они еще раз указывают на то, что при написании возникшая в воображении автора картина куда богаче той, которая рисуется «в итоге» — в публикации.

ИЗДАНИЯ

Первый раз ОО был опубликован в журналах «Знание — сила» (1968; отрывок) и «Нева» (1969; сокращенный вариант). В «Знание — сила» — только первая глава со сноской от редакции: «Мы публикуем первую главу повести, которая полностью будет опубликована в 1969 году в журнале "Нева"». В издании «Невы», о котором — ниже, также была сноска от редакции: «Печатается с некоторыми сокращениями. Полностью выйдет в издательстве "Детская литература"».

Первое книжное издание в издательстве «Детская литература» (1971) из-за суровой цензуры вышло хотя и в более полном варианте, чем в журнале, но имело чрезвычайно много купюр. Переиздавался ОО в 1983, 1989, 1992 годах по книжному варианту — с купюрами, и лишь благодаря тщательнейшей работе Юрия Флейшмана, который вместе с БНС восстанавливал этот роман, в первом собрании сочинений Стругацких (изд. «Текст») в 1993 году текст вышел на люди в своем исконном виде. Об этом пишется в предисловии «От авторов» к этому изданию:

Авторы с удовольствием представляют читателю текст повести (или романа?) «Обитаемый остров», максимально приближенный к тому, что сошел у них с машинки в Доме творчества «Комарово» в солнечный апрельский день 1968 года.

Этот текст на протяжении последующих лет подвергался множественным нападкам цензоров и редакторов — Юрий Флейшман (которому авторы рады здесь выразить свою живейшую благодарность за помощь в восстановлении исходного текста) насчитал более семи сотен (!) отклонений детлитовского (1971 года) издания от первоначального авторского варианта. Некоторые из этих отклонений приобрели теперь характер необратимых. Так, по требованию (точнее — по настоятельному совету) издательского начальства исконные русские Максим Ростиславский и Павел Григорьевич (он же Странник) превратились в лиц немецкой национальности, и ныне с этим уже ничего не поделаешь, ибо после «Обитаемого острова» появился целый цикл повестей, где эти люди действуют или упоминаются как Каммерер и Сикорски.

Некоторые изменения авторам пришлись по душе. Например, странновато звучащее в здешнем контексте редкое слово «воспитуемый» оказалось прекрасным эвфемизмом точного, но вполне обыденного слова «каторжник», а звучащие старомодно и веско «ротмистр» и «бригадир» нравятся теперь авторам больше, чем изначальные «лейтенант» и «капитан».

Однако подавляющее большинство позднейших изменений были авторами в данном издании решительно отвергнуты, и отныне они (авторы) склонны полагать предлагаемый здесь текст как бы каноническим.

ИЗДАНИЕ «НЕВЫ»

В издании «Невы» помимо крупных сокращений, о которых ниже, из текста были изъяты мелкие подробности — часть предложения, несколько слов, предложение-два. К примеру, убрано: «...если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле...», «Не снимая высокого белого воротничка...», «Мама... Отец... Учитель...», «...и очень собой доволь-

ные», «...от чего он не стал ни красивее, ни удобнее», «Он обследовал себя изнутри, убедился, что горячки не порет...», «Теперь было самое время утолить чувство благодарности», «...старый хрен. Капрал называется...» и так далее. Можно видеть, что эти сокращения были произведены Авторами и не затрагивали ни основной темы, ни внутреннего смысла произведения. Некоторые более крупные сокращения тоже были несущественны для понимания текста, к примеру, сон Гая о встретившихся ему выродках, один из которых — Мак, и последующие мысли Гая об этом сне.

В «невском» тексте были и два существенных сокращения — убраны находка и обследование Крепости (и первая встреча с Голованами), а также все путешествие Максима на юг и к побережью и его участие в войне (главы 15—17). Вместо путешествия в следующей главе только краткое описание его:

И не мудрено: путь он прошел страшный и жестокий. Бежал с каторги, прихватив этого своего приятеля, разжалованного капрала; месяц бродил с ним по деревням диких выродков — искал, вероятно, себе армию, ничего не нашел, бросился к побережью — надо понимать, хотел вступить в контакт с белыми субмаринами, опять ничего не вышло, и тогда он сдался патрулю и вернулся в свою колонну; тут началась эта злосчастная война, он записался добровольцем, отправился на фронт, каким-то чудом выжил в этом аду и вернулся в столицу вместе с жирным Фанком, потеряв по дороге своего Гая, голыми руками перебив экипаж патрульного танка... Да, это уже не прежний добрый мальчик. Посуровел наш Мак, ожесточился. И поумнел!

Но некоторые изменения имели политическую подоплеку и были сделаны по требованию цензоров. Комиссия галактической безопасности (КГБ — столь знакомая аббревиатура) стала Службой Галактической Безопасности. Попытка Мака припомнить имя главного нациста («Гилтер... нет, Гилмер») была заменена правильным: «Гитлер».

Как и в книжных изданиях, в «Неве» убраны фраза Орди Тадер: «Вы все здесь сдохнете еще задолго до того, как мы сшибем ваши проклятые башни, и это хорошо, я молю бога, чтобы вы не

пережили своих башен, а то ведь вы поумнеете, и тем, кто будет после, будет жалко убивать вас»; фразы Гая: «...да сейчас и у банкиров таких денег нет, если этот банкир настоящий патриот...» и «...что доброта сейчас хуже воровства».

Но были и дополнения, которые присутствовали только в этом издании.

Гораздо более подробно описывались картинки, которые Максим воспроизводил на ментовизоре.

Максим, естественно, старался прежде всего ознакомить аборигенов с жизнью сегодняшней Земли, дать о ней хоть какое-то представление. Откинувшись в стендовом кресле, зажмурив глаза, чтобы не отвлекаться, он старательно вспоминал школу, ребят, учителя, диспут о моральных проблемах искусственной жизни (в котором он участвовал и потерпел сокрушительное поражение), соревнование ашугов (в котором он победил). А потом день, когда он получил свое первое назначение. Полярный комбинат, производящий синтепищу — сто девяносто шесть автоматических заводов в Антарктиде, которыми он дистанционно управлял... И Ленинград, розовой горой поднимающийся над горизонтом, весь окутанный облаками зелени... И заседание Мирового Совета, решившего вопрос о сооружении первой энергетической сферы вокруг звезды ЕН-11... И лабораторию отца, его волшебные опыты по наследственной передаче знаний... И День Памяти Павших — стотысячная толпа, стоящая в молчании, залитая багровым светом заходящего солнца. И Марс — каким он был сто лет назад (по фотоснимкам) и каков он сейчас...

При описании города (когда Гай с легионерами ехали на операцию) была вставка:

Это были так называемые «Районы, Пока Не Достигшие Процветания». Максим уже бывал здесь, и его потрясли не столько сами эти улочки, полуразвалившиеся, черные от копоти и старости дома, потоки помоев, стекающие прямо по мостовой, изможденные, худо одетые люди, сколько тот факт, что эти Не Достигшие Районы располагались в каких-нибудь

трех километрах от центра, где улицы были чисты и уставлены разноцветными легковыми автомашинами, где за золочеными оградами в сени вековых деревьев красовались роскошные особняки, несколько аляповатые, безвкусно спроектированные, но, несомненно, добротные, новые, удобные — здесь жили Процветающие Граждане. Контраст производил самое неприятное впечатление, но Максиму за последние сорок дней пришлось повидать и услышать немало странного и неприятного.

Вместо короткого замечания как в рукописи, так и в книжных изданиях о женском гвардейском корпусе («Однако нового разговора не получилось. Мак только покачал головой, а Рада, как и раньше, отозвалась о женском гвардейском корпусе в самых непочтительных выражениях») в «Неве» описание более подробное:

Но Мак покачал головой и сказал, что имеет в виду совсем не это. Раде надо учиться серьезно, заявил он. Поступить в университет или в какой-нибудь институт.

— Может быть, уже прямо в Академию Высокого Попечительства? — язвительно осведомился Гай.— Знаешь, сколько это стоит — учиться в институге? Скажи спасибо, что ее не выбросили на улицу, что мамаша Тэй оказалась порядочным человеком. А то положили бы зубы на полку...

Мак ничего не понял и принялся допытываться, как это так — платить за обучение? Смех и грех, массаракш...

И чуть ниже вставлено замечание Гая: «Мак замолчал (понял, должно быть, что чепуху мелет)...»

Вместо короткого замечания о песнях Мака, вернее, об одной песне («...про девушку, которая сидит на горе и ждет своего дружка...»), которую некоторые читатели склонны атрибутировать как «Скалолазку» В. Высоцкого, в «Неве» было рассказано более подробно и о других песнях:

Особенно ей [Раде.— *С. Б.*] нравилась смешная песня (Мак перевел) про механического человека, которого сделали специально, чтобы он чинил какие-то сложные машины, а он, бедняга, сам постоянно ломался — то нога отвалится, то голова отвинтится — и все мечтал сделать в свободное время другого

механического человека, который бы его чинил... Тут не всё было понятно — что за механические люди такие? Но Мак знал массу песен про них, и, по этим песням судя, они там у себя в горах горя не знали — всю тяжелую и грязную работу делали за них эти механические существа. Сказка, конечно, но черт его знает... Было в этом что-то...

Сам Гай больше всего любил удивительную солдатскую песню — настоящую, про солдат, которые стояли насмерть, отражая врага у какого-то населенного пункта. Они и сами не знали, как он называется, было их сначала девятнадцать, потом осталось всего трое... Ночь, светятся сигнальные ракеты, все горит вокруг, выжженная опаленная земля... У Гая сердце сжималось и слезы накипали, и у самого Мака лицо становилось какое-то особенное, когда он пел эту песню, мерно ударяя по струнам. Мелодия была удивительная — торжественная, и горькая, и суровая, и какая-то очень теплая, почти нежная. Мак говорил, что это очень-очень старинная баллада о самой великой и самой справедливой из войн, избавившей мир от страшной угрозы. И было ясно, что это — не о последней войне, в последней все было как-то не так, Гай это чувствовал, а о какой-то другой. Но о какой — Мак не мог объяснить...

После замечания Гая об их общей с Маком доверчивости в «Неве» было продолжение:

«Доверчивы? — подумал Максим.— Ну нет, что угодно, только не доверчивы. Доверчивого можно убедить, ему можно что-то втолковать, что-то доказать, заставить его усомниться, наконец. Здесь этим и не пахнет. Другая логика. Другой тип мышления. Нельзя объяснить жителю Тагоры, что есть нечто прекрасное вне строгих математических и логических построений. Нельзя доказать аборигену Леониды пользу второй природы, необходимость ее возникновения при определенных условиях эволюции. Нельзя было объяснить религиозному фанатику, что представление о боге — тупик, из которого нет выхода в мир. И тебе, Гай, милый, нельзя ничего втолковать, когда речь заходит о твоих Неизвестных Отцах. Может быть, это у них все-таки своего рода религия?.. Когда человек не умеет исследовать мир, или ему лень исследовать мир, или ему неинте-

ресно исследовать мир, он выдумывает бога и разом объясняет вселенную, ничего не зная о ней. Наиболее экономически выгодный путь мышления для нищих духом... Здешний мир висит на волоске, все шатко, призрачно, эфемерно, не на что надеяться, не на кого опереться, и вот появляются Неизвестные — опора, надежда, устойчивость, обещание жизни... Отказаться от них, усомниться в них означает потерять твердь под ногами, повиснуть в зловещей пустоте... Что ж, может быть, все это и так...»

Некоторые термины и названия попали в журнальный вариант из рукописи: ежедневные «Праздные разговоры деловитых женщин» в рукописи и издании «Невы» назывались просто — «советы домашним хозяйкам»; скучная передача по телевизору была не «Узорами», а опереттой; а кличка Орди Тадер — не Птица, а Кошка. И из рукописи же в журнальный текст попал вариант, когда на операции по подрыву башни Максим был в паре не с Зеленым, а с Лесником.

КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

Изменения в первом книжном издании, которые повлекли за собой изменения всего текста в переизданиях, касались, в основном, нескольких позиций: изменение национальности главных героев и, в связи с этим, изменения как особенностей героев, так и языка землян; изменения идеологические; изменения фантастические (убирались реалии нашего мира, нашей обыденности)[1];

[1] Все перечисленные изменения имеют, конечно, идеологический характер. Но одних прямых идеологических изменений было бы недостаточно: правками нельзя переделать основную идею романа. Поэтому большинство правок сознательно калечат роман, рассеивают внимание читателя, отвлекают его от понимания, что перед ним именно идеологическая корректура. Читатель детлитовского издания не просто читал его, а сличал с «Невой», и надо было сбить его с толку, заставить рассредоточиться по «типам» правок (у! гиромат вместо трамвая!) и упустить главное. Именно этим вызвано, по-моему, чудовищное количество правок.— *В. Д.*

изменения, связанные с «чистотой» языка,— всё те же полуприличные слова, выражения, описания действий. А теперь обо всем этом подробней.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ
(«Что русскому..., то немцу...»)

Так как Авторам пришлось заменить вполне русских Максима Ростиславского и Павла Григорьевича на Максима Каммерера и Рудольфа (Сикорски), имя приятеля Максима Олега стало Петер. Максим вспоминает сад на Земле не «где-нибудь под Ленинградом, на Карельском перешейке», а «где-нибудь под Гладбахом, на берегу серебристого Нирса».

Язык, на котором Максим пытается разговаривать с Нолу (Рыбой), с Фанком, с террористами, когда ему не хватало слов: в рукописи, в журнальном издании, в собраниях сочинений издательств «Terra Fantastica» и «Сталкер» — русский; в собрании сочинений издательства «Текст» — немецкий; в остальных книжных изданиях — линкос.

Странник говорит Максиму «Дурак... Мальчишка» в рукописи и «Неве» по-русски, а в остальных изданиях по-немецки: «Dumkopf! Rotznase!» (Дурак! Сопляк!).

Вместо танков упомянуты панцервагены, вместо младших командиров — субалтерн-офицеры, а вместо «штрафников» — «блицтрегеры». Иногда водка заменяется шнапсом, «цигарка» — «сигаретой», а вместо леденцов — жареные орешки.

ЭТО ВАМ НЕ ЗЕМЛЯ!

Не только аналогии с нашей страной, но даже аналогии с Землей были ненавистны цензорам. Медведей быть на чужой планете почему-то не может. Поэтому конкретные «медведи» (Гай предполагает, что Мак был воспитан медведями) заменяются общим «звери».

Вместо двух мощных архипелагов в другом полушарии, на которых обосновалась Островная Империя, в этом мире Островная империя находилась на трех архипелагах антарктической зоны.

Вместо чумы — вообще эпидемия. Вместо ядерного физика и ядерщика — просто ученый. Вместо запаха табака и одеколона —

дым курительных палочек. А вместо креветок под пиво — озерные грибы в собственном соку.

На картине, изображающей старинное сражение, вместо «тесные мундиры, обнаженные сабли и много клубов белого дыма» — «щетинистые панцири из дранки, обнаженные пилообразные мечи и целый лес копий, похожих на вилы».

Из вполне узнаваемого описания трамвая («Еще левее с железным громыханием брела некая разновидность электрического поезда, поминутно сыплющая синими и зелеными искрами, дочерна заполненная пассажирами, которые гроздьями свисали из всех дверей») Авторам пришлось сделать нечто фантастическое: «Еще левее, железно погромыхивая единственным колесом, брела некая разновидность гиромата, поминутно сыплющая синими и зелеными искрами, дочерна заполненная пассажирами».

Меняются и привычные выражения: вместо «черт здоровенный» — «зверь здоровенный», вместо «не улыбайтесь, как майская роза» — «не улыбайтесь, как рыба-пугало», вместо «мил человек» — «друг симпатичный».

Вместо описания лица, где странностью подавался непривычный разрез глаз, в тексте идет описание лица с непривычным разрезом ноздрей.

Вместо сравнения «не то пальм, не то кактусов» — «диковинных деревьев».

ИДЕОЛОГИЯ

Итак, Неизвестные Отцы (как намек на «отец народов») стали Огненосными Творцами. Заменены были и почти все «клички» Неизвестных Отцов: вместо Папы — Канцлер, вместо Свекра — Барон, вместо Тестя — Граф, вместо Деверя — Султан. Комиссии галактической безопасности не повезло и в этом издании. Она стала Советом галактической безопасности. Гвардия изменилась на Легион, капитан изменился на бригадира, лейтенант — на ротмистра, каторжники и осужденные — на воспитуемых (а каторга, соответственно, стала называться ссылкой на воспитание), боевые медали и ордена — на пуговицы и нашивки, самоходные установки на самоходные «баллисты», отбой — на отход ко сну, подпольщики — на террористов, гимназисты — на школяров,

«бронированные орды» — на просто «силы», «Стальной Плацдарм» — на «Главный Плацдарм». Убрано выражение «штрафная танковая бригада», а вместо заградотрядов — жандармские машины. Дворец Отцов в этих изданиях назывался Домом Творцов, а Курортное шоссе — почему-то Одиннадцатым.

«Патриотический Союз Промышленности и Финансов» стал «Имперским Союзом промышленности и финансов» (в «Неве» ему тоже не повезло, там он не «Патриотический», а «Верноподданный»). «Чрезвычайный трибунал», столь знакомый нам по истории, изменился на «Черный трибунал».

Изменялись и географические координаты. Вернее, о них не говорилось. «Зловещий напор с Юга» назывался «зловещим напором Леса»; убираются указания «на Южной границе», вместо «на Юге» — «в лесах», вместо «южных обстоятельств» — «тамошние обстоятельства».

Убрано было и точное обозначение времени, когда Неизвестные Отцы получили власть — двадцать четыре года назад. Так же тщательно убираются и временные рамки истории страны — сколько лет назад была война, даже сколько лет Умник занимает место генерального прокурора.

Изменилась и история страны. Вместо «страна вплоть до последней разрушительной войны была значительно обширней и управлялась кучкой бездарных финансистов и выродившихся аристократов, которые вогнали народ в нищету, разложили государственный аппарат коррупцией и в конце концов влезли в большую колониальную войну, развязанную соседями» сообщалось: «...страна была раньше значительно обширней и владела огромным количеством заморских колоний, из-за которых в конце концов и вспыхнула разрушительная война с ныне уже забытыми соседними государствами». А также убрано описание изменений при новых правителях: «Энергичные анонимные правители навели относительный порядок, жесткими мерами упорядочили экономику — по крайней мере в центральных районах — и сделали страну такой, какова она сейчас. Уровень жизни повысился весьма значительно, быт вошел в мирную колею, общественная мораль поднялась до небывалой в истории высоты, и, в общем, все стало хорошо». Убрана и оценка Максимом правления: «...представляет собой некую разновидность военной диктатуры».

Убираются исторические реалии, могущие какими-то деталями намекнуть читателю на историю нашей страны. Убрано описание гибели брата Рады: «...десять лет назад к столице подступили мятежники, началась эвакуация, в толпе, штурмующей поезд, затоптали бабушку, мать отца, а через десять дней умер от дизентерии младший братишка...» Описание голода во время войны осталось, но вместо «варили похлебку из клея, соскобленного с обоев» — «варили похлебку из кузнечиков и сорной травы».

Из допроса Гэла Кэтшефа убрано, что воевал он на юго-западе, был начальником полевого госпиталя, затем командиром пехотной роты, что были и ордена, и ранения. Убраны подробности из описания жизни Зеленого: «...и, кажется, убийца, порождение черного послевоенного времени, сирота, шпана...»

Убран и намек на имперское прошлое Страны Отцов: «Между прочим, он говорил, что Страна Отцов — только кусочек, охвостье бывшей великой нашей империи, и столица раньше другая была, в трехстах километрах южнее — там, говорит, до сих пор остались еще развалины, причем, говорит, величественные...» И это тоже убрано (очень похоже на послевоенный СССР, не правда ли?): «театры, цирк, музеи, собачьи бега... церкви, говорят, были особенной красоты, со всего мира сюда съезжались посмотреть, а теперь — мусор один, не поймешь, где что было».

Аналогия с «железным занавесом» из речи Колдуна также убрана: «Вам бы прибыть сюда лет пятьдесят назад, когда еще не было башен, когда еще не было войны, когда была еще надежда передать свои идеалы миллионам... А сейчас этой надежды нет, сейчас наступила эпоха башен... разве что вы перетаскаете все эти миллионы сюда по одному, как вы утащили этого мальчика с автоматом...»[1] И убрано: «А силу каждый старается приспособить для своих целей. История нашей империи знает немало случаев, когда дерзкие и сильные одиночки добирались до трона... Правда, именно они-то и создали самые жестокие тра-

[1] Я, признаться, не усматриваю здесь аналогии с «железным занавесом». Всё значительно мрачнее: не могут все уйти из своей страны, ни с чьей-то помощью, ни сами по себе. И приходится жить под башнями. Без надежды. «А русским некуда бежать»... И не только русским, конечно.— *В. Д.*

диции тирании, но вас это не касается, вы не такой и вряд ли станете таким... Если я вас правильно понял, надеяться на массовое движение не приходится, а это значит, что ваш путь — не путь гражданской войны и вообще не путь войны. Вам следует действовать в одиночку, как диверсанту».

Убрано пояснение Доктора: «А башни — это не противобаллистическая защита, такой защиты вообще не существует, она не нужна, потому что ни Хонти, ни Пандея не имеют баллистических снарядов и авиации... им вообще не до этого, там уже четвертый год идет гражданская война...»

Меняются и международные аналогии. Убрано замечание о том, что «радиостанция «Голос Отцов», вопящая последнюю неделю о кровопролитных сражениях на нашей территории, врет самым безудержным образом». Вместо «Хонтийская Уния Справедливости костила Хонтийских Патриотов» — «Хонтийская Уния костила Хонтийскую Лигу». Убрано «считали своим долгом предупредить наглого агрессора, что ответный удар будет сокрушительным».

Убраны подробности о Пандее: «Пандейское радио обрисовывало ситуацию в очень спокойных тонах и без всякого стеснения объявляло, что Пандею устроит любое развитие этого конфликта. Частные радиостанции Хонти и Пандеи развлекали слушателей веселой музыкой и скабрезными викторинами, а обе правительственные радиостанции Неизвестных Отцов непрерывно передавали репортажи с митингов ненависти вперемежку с маршами».

Особенно показательной выглядит замена отрывка, в котором Зеф излагает причины начавшейся войны: «Другая возможная причина — идеологическая. Государственная идеология в Стране Отцов построена на идее угрозы извне. Сначала это было просто вранье, придуманное для того, чтобы дисциплинировать послевоенную вольницу, потом те, кто придумал это вранье, ушли со сцены, а наследники их верят и искренне считают, что Хонти точит зубы на наши богатства...» Вместо этой государственной идеологии осажденной крепости в книжном издании идет классическая марксистская причина войны: «Другая возможная причина — колониальный вопрос. Рынки сбыта, дешевые рабы, сырье — всё, во что могут вложить личные капиталы Огненосные Творцы».

Убирались подробности, столь явно рисующие наш мир, что у читателя невольно появлялась бы идентификация изображенного мира, как СССР: (виды из поезда) «А мимо окон меланхолично проплывают безрадостные серые поля, закопченные станции, убогие поселки, какие-то неубранные развалины, и тощие оборванные женщины провожают поезд запавшими, тоскливыми глазами...» и «...а за окошечком проносилась унылая безнадежная страна, страна беспросветных рабов, страна обреченных, страна ходячих кукол...», (о душе) «вдобавок еще хлорированным, да еще пропущенным через металлические трубы», (о кровати) «уродливое сооружение из решетчатого железа с полосатым промасленным блином под чистой простыней», (об автобусе) «Тогда, с Гаем, Максим ехал от вокзала в большой общественной машине, набитой пассажирами сверх всякой меры. Голова его упиралась в низкий потолок, вокруг ругались и дымили, соседи беспощадно наступали на ноги, упирались в бока какими-то твердыми углами, был поздний вечер, давно не мытые стекла были заляпаны грязью и пылью, к тому же в них отражался тусклый свет лампочек внутреннего освещения, и Максим так и не увидел города», (виды вечернего города) «за занавесками в подслеповатых оконцах светились разноцветные абажуры, временами доносилась приглушенная музыка, хоровое пение дурными голосами», (дворы) «под темную арку мимо железных баков с гниющими отбросами, во двор, узкий и мрачный, как колодец, заставленный поленницами дров».

Убираются и реалии того времени. Водородные бомбы называются супербомбами. Улица Заводская называется Сапожной, а РАБОЧЕЕ предместье — КАКИМ-ТО предместьем.

Убрано упоминание о портянках, вместо них Зеф рассматривает на свет дырявую подошву. Убрана и столь знакомая деталь советского строя: «Его портрет, увенчанный букетом бессмертника, висел в каждой казарме, его бюст красовался на каждом плацу...»

Убрано перечисление материальных достижений Максима: «...оклад в синем конверте... личная машина... двухкомнатная квартира на территории Департамента специальных исследований...»

Убрано замечание Вепря: «Все знают, что здесь телецентр и радиоцентр, а здесь, оказывается, еще и просто Центр...» И из фразы «гнусная ворожба радио, телевидения и излучения башен» убрано «радио» и «телевидение».

Убиралось или заменялось нейтральными фразами любое словосочетание, наводящее на параллели с нашей историей и политикой, привычные, навязшие в зубах фразы того времени...

«От каждого по способностям» заменялась на «ну и пусть...», «наше дело правое» — на «всё так, как ты говоришь», «кто-то из вашего брата» — на «кто-то из ваших», «согласно приговору, не имею права» — на «потерял право», «добрая довоенная охранка» — на «специалистов его императорского величества», «сволочь из охранки» — на «кровавого подонка», «оппозиция» — на «неповиновение властям». Вместо «смести с лица Мира» — «превратить в ничто». Вместо «герои из героев» — «настоящие мученики». «Ты у нас Батей станешь»,— говорит Зеленый Маку. «Батя» изменен на «главного».

Истреблено слово «энтузиазм», вместо него — «готовность пролить кровь», «готовность жечь и резать во славу Творцов»... А во фразе Гая «Какой может быть энтузиазм вне строя?» энтузиазм заменен пением.

Убирались из текста: определение «друг рабочих», упоминание о «низовой работе» в подполье, обозначение части подполья как неудавшихся Отцов, «смертью храбрых» (погиб), «лауреат императорской премии», обращение Гая к Маку («вождь мой»), когда Гай подвергся снова лучевому удару, и фраза «проклятые дети проклятых отцов».

Так же тщательно препарировались и фразы говоривших. Убрано: «Вы не понимаете истинно великого назначения нашей страны и исторического подвига Неизвестных Отцов! Спасти человечество!» Убрана фраза Орди: «Не бывает таких провокаторов, товарищи». Убрано и замечание Доктора: «Если бы нас не было, Отцы бы нас изобрели...» Убрано предположение Гая: «Попадаются ведь негодяи даже в муниципалитете... а Отцы просто не знают... им не докладывают, и они не знают...» Убрано и его замечание о выродках: «...которые сами по себе — нуль в океане народа...» Убрано возражение Максима, что он хотел бы драться «против системы лжи, а не против системы башен». Убраны: «По-моему, на доследование тебя хотят...», «Правые ходят гоголем: в правительстве вот-вот полетят головы, и вся эта сволочь полезет на освободившиеся места...»

Случай с задержанием Максима на границе именовался уже не «государственным», а «серьезным». А оценка действия, кото-

рая в рукописи называлась «не по-гвардейски», а в «Неве» — «не по-солдатски», в ранних книжных изданиях — «недостойно легионера».

Убрано: «...твердил мысленно, что в тяжелых условиях такие взрывы массового энтузиазма говорят только о сплоченности людей, об их единодушии и готовности целиком отдать себя общему делу». Из приговора Раше Мусаи убраны «рабочий», «нарушивший постановление о высылке». Там говорится только о семи годах, но убрано продолжение: «воспитательных работ с последующим запрещением жительства в центральных районах».

Убрана фраза о задачах Гвардии: «...по ликвидации последствий войны и уничтожению агентуры потенциального агрессора», который в рукописи назывался еще более прозрачно: «подрывные элементы».

Убирается часть приказа: «Конвоируется без наручников, разрешен проезд в общем вагоне...», и прямая отсылка: «...ветеран, поседевший в схватках...», фраза Чачу, что место в Легионе только «кристально чистым, без оглядки преданным, до последней капли, всей душой».

Убирается и прямое обращение к Неизвестным Отцам, живо напоминающее дифирамбы сталинской эпохи: «Знаете ли вы нас, Неизвестные Отцы наши, поднимите усталые лица и взгляните на нас, ведь вы всё видите, так неужели вы не видите, что мы здесь, на далекой жестокой окраине нашей страны, с восторгом умрем в муках за счастье Родины!..»

А вместо патриотических провозглашений («Хаос, рожденный преступной войной, едва миновал, но последствия его тяжко ощущаются до сих пор. Гвардейцы, братья! У нас одна задача: с корнем вырвать все то, что влечет нас назад, к хаосу. Враг на наших рубежах не дремлет, неоднократно и безуспешно он пытался втянуть нас в новую войну на суше и на море, и лишь благодаря мужеству и стойкости наших братьев-солдат страна наша имеет возможность наслаждаться миром и покоем. Но никакие усилия армии не приведут к цели, если не будет сломлен враг внутри. Сломить врага внутри — наша и только наша задача, гвардейцы») Гай произносит перед строем: «Боевой Легион есть железный кулак истории. Он призван смести все преграды на нашем гордом пути. Меч Боевого Легиона закален в огнях сражений, он жжет

нам руки, и остудить его могут только потоки вражеской крови. Враг хитер. Он труслив, но упорен. Огненосные Творцы приказали нам сломить это коварное упорство, с корнем вырвать то, что влечет нас назад, у хаосу и растлевающей анархии. Таков наш долг, и мы счастливы исполнить его».

Убирались русские пословицы и поговорки, к примеру, «бог шельму метит», «ты, деревня», «парень — гвоздь». И даже убрана неприязнь Максима к торжественному хоровому пению и замечание Максима, обращенное к Гаю: «...начинаете истошно орать дурацкие гимны...»

Тщательно искоренялись слова «беглый», выражения «боевой офицер, танкист», «ветеран войны», «еще довоенный» спор и вообще употребление слова «довоенный», «патриот» и «патриотический», «профессиональный революционер», «контрпропаганда», «политическая деятельность».

«Контрразведка» в некоторых случаях заменена на «жандармерию», «античные» стали «древними», «привилегированные» на каторге изменены на «уголовников».

Было убрано все описание разношерстного подполья: биологисты, вождисты, либералы, просветители, коммунисты... Убрана вся глава «Как-то скверно здесь пахнет...». В словах, которыми Мак убеждает (под действием излучения) Гая слушаться только его, убрана фраза «Я твой начальник». И потом, в описании состояния Гая под излучением, убрано слово «раб».

Почему-то понадобилось изменить и числа: сто тридцать четвертый отряд саперов стал сто четырнадцатым, во фразе «За Голубой Змеей сорок миллионов человек превращены в ходячие деревяшки» «сорок миллионов человек» заменено на «люди», а следующая фраза («Сорок миллионов рабов...») вообще убрана.

Убрано замечание Зефа, что «данные об экономическом положении Страны Отцов хранятся в строжайшем секрете, но каждому ясно, что положение это — дерьмовое», и далее вместо «дерьмового состояния» — «паршивое состояние».

В описании действия излучателей вместо «могли заставить и заставляли массы обожать себя; могли возбуждать и возбуждали неутолимую ненависть к врагам внешним и внутренним» — «внушали массам отвратительные идеи насилия и агрессии», а после «направить миллионы под пушки и пулеметы» убрано «и миллионы пошли бы умирать с восторгом».

В описании действия излучателей «Волна упоения преданностью» становится просто «волной оглушающего упоения», но не говорится, упоения ЧЕМ, купируются поясняющие смысл чувства («когда хочешь огня и приказа», «на разверстые жерла», «О слава! Приказ, приказ!»).

Убирается мысль Гая: «Э, нет, это другое дело: у вас всегда боли в голове, когда мы задыхаемся от восторга, когда мы поем свой боевой марш и готовы разорвать легкие, но допеть его до конца!»

Убрано замечание Максима прокурору, что он «благодарен прокуратуре за то, что нас тогда не расстреляли».

Но иногда, чтобы запутать, по мнению цензоров, читателя, мало было что-то убрать или заменить. Иногда Авторам пришлось и добавлять, чтобы сместить акценты или дать ложную аналогию. К впечатлениям от каторги было добавлено: «Освенцим, лагерь уничтожения. Фашизм». А все рассуждения Максима о Неизвестных Отцах, о свержении тирании, об анонимности Неизвестных Отцов, все сравнения Максима с историей Земли («Вот, например, фашизм... <...> Гилмер там был какой-то...»), все решения на ближайшее время (оружие, разведка, армия) были заменены коротким отрывком: «Вот если бы Гай был здесь... Но Гая в наказание услали в какую-то особую часть с очень странным названием. Что-то вроде Блицтрегерн — «носители молний». Да, скорее всего, придется одному».

Убрано и описание тех, кто не вошел в элиту («выродки-властолюбцы, выродки-революционеры, выродки-обыватели»), но добавлено, чтобы читатель еще раз убедился, что это «не у нас»: «Огромный аппарат гитлеровской пропаганды ничего не стоил в сравнении с системой лучевых башен. Радио можно было не включать, речи Геббельса можно было не слушать, газеты можно было не читать. Но избавиться от поля было невозможно. В истории земного человечества ничего подобного не было. И на опыт Земли рассчитывать было нельзя».

И добавлено о Страннике: «...грустно улыбнулся, и тут Максим вдруг увидел, что никакой это не дьявол, и никакой это не Странник, и никакое это не чудовище,— очень немолодой, очень добрый и очень уязвимый человек, угнетенный сознанием огромной ответственности, измученный своей омерзительной маской

холодного убийцы, ужасно огорченный очередной помехой, поломавшей тщательно разработанный план, и особенно расстроенный тем, что помехой на этот раз оказался свой же — землянин...» Эта же добавка есть и в «Неве». И далее по тексту добавлены слова Странника Маку («Проглядел я тебя, недооценил. Так, думал, мальчишка, жалко его, попал как кур в ощип... <...> Не оценил я тебя, Мак, сынишка. Не раскусил вовремя...»).

МЫСЛИ, НАВЕВАЮЩИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Часто АБС в своем творчестве подают какую-то проблему, мысль, задачу одной-двумя фразами, чтобы читатель, если у него возникнет желание, поразмыслил об этом сам. Не избежал этих посылок на самостоятельное обдумывание и ОО. Выводы, которые могли бы сделать читатели, явно не понравились тогдашним цензорам. И такие фразы тщательно искореняются по всему тексту.

Убирается вся пояснительная часть во фразе о Зефе: «...даже был большой знаменитостью. Но его тоже можно понять. Каждому, даже преступнику, даже преступнику, осознавшему свое преступление, хочется все-таки жить. А закон к смертникам беспощаден: малейшее нарушение — и смертная казнь. На месте. Иначе нельзя, такое уж время, когда милосердие оборачивается жестокостью и только в жестокости заключено истинное милосердие. Закон беспощаден, но мудр».

Убирается явно критическая мысль о барьерах: «Они здесь обожают барьеры, подумал Максим. Везде у них барьеры. Как будто все у них здесь под высоким напряжением...»

Убрано критическое замечание о Чачу: «...несколько заблуждается, как все ветераны и все герои», рассуждение о приказе: «Приказ командира — закон, и даже больше чем закон — законы все-таки иногда обсуждаются, а приказ обсуждать нельзя, приказ обсуждать дико, вредно, просто опасно, наконец...»

Убраны замечания однорукого: «Все архивы после переворота сожгли, и вы даже не знаете, до чего вы все измельчали... Это была большая ошибка — уничтожать старые кадры: они бы научили вас относиться к своим обязанностям спокойно. Вы слишком эмоциональны. Вы слишком ненавидите», «...вы все воображаете, будто старую историю отменили и начали новую...».

Вместо «Может быть, это фашистское государство? Массаракш, что такое фашизм? Агрессия, расовая теория... Гилтер... нет, Гилмер... Да-да — теория расового превосходства, массовые уничтожения, геноцид, захват мира... ложь, возведенная в принцип политики, государственная ложь — это я хорошо помню, это меня больше всего поразило. Но по-моему, здесь этого нет. Гай — фашист? И Рада? Нет, здесь другое — последствия войны, явная жестокость нравов как следствие тяжелого положения. Большинство стремится подавить оппозицию меньшинства. Смертная казнь, каторга... Для меня это отвратительно, но как же иначе?.. А в чем, собственно, оппозиция? Да, они ненавидят существующий строй. Но что они делают конкретно? Ни слова об этом не было сказано. Странно... Словно судьи заранее сговорились с обвиняемыми, и обвиняемые ничего не имеют против... А что же, очень даже похоже. Обвиняемые стремятся разрушить систему противобаллистической защиты, судьям об этом хорошо известно, и обвиняемые знают, что судьям об этом хорошо известно, все остаются при своих убеждениях, говорить не о чем, и остается только оформить сложившиеся отношения официально. Одного уничтожить, другого — на «воспитание», третьего... третьего зачем-то берет к себе этот штатский...» в опубликованном тексте идет только: «Да. Гитлер. Освенцим. Расовая теория, геноцид. Мировое господство. Гай — фашист? И Рада? Нет, не похоже... Господин ротмистр? Гм...»

Убраны вопросы Гая и Максима о Неизвестных Отцах: «Как можно не верить Отцам? Они никогда не лгут. <...> Отцы никогда не ошибаются!», «Значит, Отцы не всемогущи? Значит, они не все знают?»

Убрано продолжение вопроса Максима о экспансии государства на север: «...и вообще это место учебника находится в противоречии с основным тезисом первой главы о суверенности каждого народа, достигшего представлений о государственности».

Максим вместо «То, что я о них знаю,— очень противоречиво. Может быть, их цели даже благородны, но средства...» говорит: «В средствах они неразборчивы, но какие у них цели...» (Кстати, в журнальном варианте тоже было изменение, там Мак говорил: «Каковы бы ни были их цели, но средствами они пользуются...»)

Вместо рассуждения Доктора о Неизвестных Отцах «Среди них есть и незлые люди, они получают удовлетворение от сознания того, что они — благодетели народа. Но в большинстве своем это хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбцы...» идет прямой вывод: «Все они хапуги, сибариты, садисты, и все они властолюбцы...» Убрано и очередное рассуждение Доктора: «Вот на кого они опираются, это я могу вам сказать. На штыки. На невежество. На усталость нации. Справедливого общества они не построят, они и думать об этом не желают... Да нет у них никакой экономической программы, ничего у них нет, кроме штыков, и ничего они не хотят, кроме власти...»

Вымарывается все, что может натолкнуть читателя на сравнения с нашей жизнью, к примеру, фраза из размышлений Гая (выделенное убрано): «Трудно поверить, массаракш, ведь всю жизнь — в строю, всегда знали, что к чему, КТО ДРУГ, КТО ВРАГ, все было просто, ДОРОГА БЫЛА ЯСНАЯ, все были вместе, и хорошо было быть ОДНИМ ИЗ МИЛЛИОНОВ, таким, как все». Там же заменено «Раньше и понятия не имел, что это такое — думать самому. Был приказ, все ясно, думай, как его лучше выполнить» на «решать самому, всё самому...»

Убрано замечание Колдуна (верное, философское, мудрое): «А разум, переставший отличать реальное от воображаемого, — это уже не разум. <...> И поэтому, когда за работу принимается разум, холодный, спокойный разум, он начинает искать средства достижения идеалов, и оказывается, что средства эти не лезут в рамки идеалов и рамки нужно расширить, а совесть слегка подрастянуть, подправить, приспособить...»

Убрано и замечание Максима: «Именно люди с обостренной совестью и должны будоражить массы, не давать им заснуть в скотском состоянии, поднимать их на борьбу с угнетением. Даже если массы не чувствуют этого угнетения».

Убрано глубокое замечание прокурора: «Политика есть искусство отмывать дочиста очень грязной водой».

Убрано размышление Максима: «Наверное, надо так: дворец, Отцы, телеграф и телефон, вокзалы, срочную депешу на каторгу — пусть Генерал собирает всех наших и валит сюда... Массаракш, понятия не имею, как берут власть...»

Убрано и замечание о стремлении убивать, «потому что — запомни это хорошенько, усвой на всю жизнь! — потому что в этом

мире не знают других способов переубеждать инакомыслящих...».

Убрана мысль Максима: «...и он вдруг впервые подумал, что на Земле тоже могло так случиться и он был бы сейчас таким, как все вокруг,— невежественным, обманутым, раболепным и преданным».

ЛИТЕРАТУРНОСТЬ

Не могли цензоры пройти и мимо некоторых жаргонизмов, вульгаризмов и прочих, по их мнению, нелитературных выражений.

«Помои» заменялись «отходами», «приподнял зад» — на «приподнялся», «рыжее хайло» — на «рыжая морда», «здорово знал» — на «отлично знал», «рыжая сволочь» — на «рыжего бандита», «тетка» (владелица ресторанчика) — на «женщину», «шпендрик» — на «молокососа», «удушливый кухонный чад» — на «кухонные ароматы», «баба» (об Орди) — на «эту», «без рук, без ног, на одних бровях деру бы задал» — на «без памяти удрал бы», «холуй» — на «подлеца», «оболваненные болваны» — на «отъявленных мерзавцев», «черномордый» — на «чернолицего», «вонючие» — на «душные», «съели Ловкача» — на «свалили Ловкача», «лысый, как попка» — на «лысый, как локоть», «засекли» — на «заметили», «карачун» — на «капут», «не пыли» (в смысле — не торопись, не бери на себя слишком много) — на «не размахивай руками», «краюха хлеба» — на «корку хлеба», «жрать охота» — на «в брюхе пусто», «жрать» — на «есть», глаза не «луплю», а «таращу», вместо «поднималась вонь» — «горела смазка», вместо «тухлой воды» — «черная вода», вместо «рванули когти» — «дали деру», вместо «воняет» — «разит», вместо «заплеванная станция» — «замызганная станция», «оказались в дерьме» — «оказались в трясине», вместо «кабака» — «беспорядок», вместо «копая в бороде» — «поглаживая бороду», вместо «ханурик» — «бедолага», вместо «лаяли» (ругались) — «орали», вместо «вшивцы» — «болваны», автобусы не «воняющие», а «облезлые».

Некоторые слова и выражения просто вычеркиваются. К примеру, «старый хрен», «ты, жеребец!», «раскорячившись», «урча и отрыгиваясь», «жрите», «чесался». Убраны ругательства «дерьмо», «мерзавцы и сволочи», «подонки», поговорка «как из дерь-

ма пуля» стала поговоркой «как из бутылки молоток», даже во фразе «опершись задом на трость» «задом» убрано. Убрано и «хмурое грязное хайло» Зефа.

Во фразе «Гаю наконец удалось протиснуться между гладким твердым плечом задержанного и колючими рыжими зарослями Зефа» «колючие рыжие заросли» изменяются на «грубую, пропахшую потом куртку»; генеральный прокурор называет Раду «самочкой», здесь — «девочка»; убрано описание ошеломления Зефа («...зияя черной пастью в огненной бородище. Потом пасть захлопнулась»), сам Зеф называет Фанка не «штымп», а «долдон».

Во фразе Зефа о лексике в лагере вместо «У нас тут все больше "хайло" да "мурло"» в этих изданиях: «У нас тут все больше "Молчать, воспитуемый!" да "считаю до одного"». Вместо «если с него там шкуру не сдерут» — «если цел останется».

Убрано «кого-то пырнули шилом в мягкое место», убрано замечание Зефа о Маке: «С какой это стати, массаракш, он будет любезен, когда так хочется жрать и когда имеешь дело с молокососом, не способным на элементарные умозаключения, а еще — туда же! — лезущим в революцию...»

Вместо «Уния вцепится зубами в зад Лиге» — «Уния вцепится зубами в горло Лиге».

Убрано предложение: «Воняло потом, грязью, парашей». Вместо «вшивое пушечное мясо» — «бедное пушечное мясо». И убрано обращение «вшивая банда».

Убрано: «...кто-то, деликатно повернувшись спиной к господам командирам, справлял нужду...»

Вместо «жирный боров» — «жирная свинья», в другом месте вместо «жирная скотина» — «этакая скотина». Прокурор референтов называет мысленно «холуями», замена убрана, они — «референты».

Убрана и жестокая правда о смерти уголовника, знавшего язык Голованов. Вместо «Да его съели... <...> ребята оголодали и, сам понимаешь...» в книжных изданиях: «Пропал без вести».

Доработка канонического текста в собрании сочинений «Сталкера» велась, в основном, по мелким добавкам текста (опять же из рукописей), по исправлениям текста «Миров», где опять-таки содержались некоторые пропуски и опечатки. Кое-что исправлял

сам БНС. К примеру, он восстановил фамилию Робинзона Крузо на старинное «Крузое»[1], убрал все-таки ответ Зефа, который сначала был в рукописи и в журнале «Нева», потом убран из книжных изданий, а затем восстановлен в собраниях сочинений «Текста» и «Миров». Ответ этот был на вопрос Максима, для каких целей штаб подпольщиков хочет захватить центр излучения: «Для воспитания масс в духе добра и взаимной любви,— сказал Вепрь».

Слова боевого гимна (который в рукописи назывался «Боевая Гвардия», в «Неве» — «Боевой Марш», а в ранних книжных изданиях — «Железные ребята») в окончательном варианте стали такими:

Боевая Гвардия тяжелыми шагами
Идет, сметая крепости, с огнем в очах,
Сверкая боевыми орденами,
Как капли свежей крови сверкают на мечах...
<...>
Железный наш кулак сметает все преграды,
Довольны Неизвестные Отцы!
О, как рыдает враг, но нет ему пощады!
Вперед, вперед, гвардейцы-молодцы!

О Боевая Гвардия — клинок закона!
О верные гвардейцы-удальцы!
Когда в бою гвардейские колонны,
Спокойны Неизвестные Отцы!

В журнале «Нева» гвардейцы пели:

Вперед, легионеры, железные ребята!
Вперед, сметая крепости, с огнем в очах!

---

[1] Автор настоящего исследования обычно уделяет должное место критике изданий с обильными опечатками или нелепыми правками. Но это искажение текста почему-то считает несущественным. Между тем здесь налицо очень неприятный случай — умышленная смысловая правка, сделанная без уведомления автора. БН был просто не в курсе, что «Крузое» исключен из текста. Хорошо, что удалось заметить эту самодеятельность.— *В. Д.*

Железным сапогом раздавим супостата!
Пусть капли свежей крови сверкают на мечах!
<...>
Железный наш кулак сметает все преграды.
Довольны Неизвестные Отцы!
О как рыдает враг! Но нет ему пощады!
Вперед, легионеры-молодцы!

В книжных изданиях до выхода в «Тексте» были эти же слова с одним изменением: вместо Неизвестных Отцов упоминались Огненосные Творцы. А вот в рукописи слова песни были такими: «Боевая гвардия тяжелыми шагами, идет, сметая крепости, с огнем в очах, сверкая боевыми орденами, как капли свежей крови сверкают на мечах! <...> О боевая гвардия, клинок закона вечного! О верные солдаты-молодцы! Вперед, бесстрашные, вперед, неутомимые, алмазный панцирь не спасет тебя, о гнусный враг!»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди еще по-прежнему много интересного: Малыш рассказывает об аборигенах («Малыш»), путешествия Гага в «Арсенал» и на Леониду («Парень из преисподней»), настоящая фантастика в ранних вариантах сценариев («День затмения» и «Сталкер»), отрывки из неизвестных и так и ненаписанных произведений («Повесть о Горбовском», исторический роман) и многое, многое другое.

Я по-прежнему завидую Вам, Читатель!

ПРИЛОЖЕНИЕ [1]

СТРАЖ-ПТИЦА № 12

Рабоче-крестьянский, критико-радикальный, лапидарно-публицистический, неподцензурный, нерегулярный, неподкупный, неинформационный, непрофессиональный бюллетень по вопросам ФАНТАСТИКИ, ФЭНОВ, ФЭНЗИНОВ и ФЭНДОМА.

> Они знают о нас все, а мы о них — ничего. Это унизительно!
>
> *А. и Б. Стругацкие. «Волны гасят ветер»*

Милостивые государи!

Почему-то сложилось мнение, что «Страж-птица» — это «хи-хи». Печально, что с таким мощным потенциалом мы производим впечатление ярмарочных шутов. Мы можем быть и серьезными. И доказательство перед вами. Абсолютно серьезный Специальный выпуск, посвященный юбилею наших любимых писателей — А. и Б. Стругацких.

Недовольных, конечно же, будет предостаточно. Как же, «СП» — и о Стругацких! А чем мы хуже того же «Измерения Ф»?! Только не надо этих публичных «фи», пинков, подзатыльников, забрасывания калом и банановой кожурой. Не надо! Сделали, как смогли.

Теперь несколько слов о люденах...

Без них разговор о Стругацких практически невозможен, как невозможно без них подготовить что-то касающееся уважаемых мэтров.

Каждому по заслугам его да воздастся!

---

[1] Предупреждение Читателю. Большинство материалов фэндома более похоже на «междусобойчики», поэтому «желтая» пресса фэндома — это стеб в квадрате. Прошу это учитывать при чтении приложения.— *С. Б.*

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Не все знают «Понедельник». А это такой ньюслеттер, который людены выпускают только для себя. У них на нас бумаги не хватает. У «Страж-птицы» бумаги хватает на всех желающих, поэтому мы решили добровольно взвалить на себя еще и просветительские функции. Подготовили, совместно с люденами, свой ньюслеттер. Теперь и вы будете знать, о чем пишут в «Понедельник».

РИКОШЕТ
(одноразовое издание)

Вроде не бездельники и могли бы жить.
Им бы «Понедельники» взять — и отменить.

Задачи рыжебородого интеллектуального пирата

В. Казаков: Что касается семантики фразы «накося-выкуси»... Я тут, знаешь ли, на досуге проанализировал. Видимо, логичней будет разделить ее на две части: «накося» и «выкуси». Первое слово по фонетике напоминает японское. Тут чувствуется твердая рука АНС. Со вторым, любезный мой друг, нужно еще повозиться. Кажется, ниточка есть. Если ты помнишь, АБС говорили, что все собственные имена в «ОО» взяты ими из венгерского языка. Звучание слова «выкуси», на мой взгляд, ближе всего к венгерскому...

С. Бондаренко: Я тут основательно порылась в фондах нашей библиотеки, нашла почти все книги, которые предположительно редактировал АНС, и честно их проштудировала. Правда, для этого мне пришлось на месяц забросить мужа с сыном. Так вот, ребята, потрясающая новость! Все они написаны с использованием тех же 33-х букв, что и книги АБС того же периода!

От людена слышу!

Ю. Флейшман: Не выдержав, я напрямую спросил у БНС: откуда же взялась фамилия Сидоров? Оказывается, в рукописи был Иванов, но перестраховщик из «Урала» потребовал заменить ее на более нейтральную. А тут как раз АНС, гуляя по парку, услышал отрывок из Жванецкого: «Вы не Сидоров-кассир. Вы убийца, убийца, убийца!» Вот, подумал он, чем не фамилия главному герою...

К. Костин: Я долго думал, какой же выбрать себе псевдоним. Верите — три ночи не спал. Ведь столько замечательных героев у АБС. И тут, как озарение нашло,— Айзек Бромберг! А что, мы с ним чем-то даже похожи. Особенно умом. Ну, разве что он постарше, а так все сходится. (Принято. Отныне ты будешь А. Бромберг № 14.— В. Борисов.)

С. Лифанов (самоуглубленный АБС-копатель): Предлагаю люденам подать заявку на патентацию всех названий к произведениям АБС. А тех, кто использует их в своих гнусных целях, карать по законам военного времени. Думаю, что первый судебный процесс можно развернуть против бывшего советского литератора В. Аксенова за коммерческое использование слова «остров» в романе «Остров Крым». Ну, а потом доберемся и до английского проходимца — Р. Л. Стивенсона.

Тьмускорпионские новости

А. Керзин: Видел тут по телевизору передачу 12 января. Не помню как называется — смотрел не с начала. Там один режиссер выступал голливудский. Фамилия Холлеман. Очень уж похож на АНС... Хотя я терпеть не могу кино и считаю, что только идиоты могли относиться к этой жвачке, как к «важнейшему из искусств». (Перерыл всех АБС, но такой цитаты у них не нашел. Может, людены подскажут, откуда это.— В. Борисов.)

Массаракш!

С. Лифанов: Сегодня на улице я увидел автомобиль ЗИЛ с номером 15–47 СОТ. Меня сразу бросило в пот, ведь СОТ — это же «Сказка о Тройке», а 1547 — дата из статьи Кристобаля Хунты для газеты «За передовую магию». К тому же в том же «Понедельнике...» есть стих: «По дороге едет ЗИЛ, им я буду задавим». Я не могу поверить, что все это простое совпадение.

Ничего не напоминает?

А. и Б. сидели на трубе...

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

История о том, как Николаев хотел стать люденом и что из этого вышло...

Николаев очень любил Стругацких. С детства. А еще он с детства сидел за одной партой с Флейшманом. Они вместе лю-

били Стругацких, но Флейшман, когда вырос, стал люденом, а Николаева не взяли. Обидно стало Николаеву. Он взял и пожаловался на люденов Стругацкому. А Борис Натанович его успокаивает: «Не расстраивайся, Андрей, я и сам-то там на птичьих правах». Тогда Николаев плюнул на них и забыл. Однако Флейшман не забыл про Николаева. Еще бы, за одной ведь партой сидели! Он долго приглядывался к Николаеву и наконец решил, что тот достоин. Звонит к нему домой и говорит: «Мы вас в людены принимать будем, Андрей Анатольевич. Вы должны заполнить анкету и найти поручителя». А Николаев обрадовался и говорит: «За меня Стругацкий поручится». Флейшман же отвечает: «Нет, Стругацкому нельзя. Мы его творчество изучаем». Тогда Николаев говорит: «Значит, Казаков даст рекомендацию». А Флейшман ему на это: «Нельзя. Казаков — лицо заинтересованное. Нужен кто-то посторонний». Очень удивился этому Николаев. Так удивился, что говорит: «Хорошо. Тогда за меня поручится Горнов. Он как раз сейчас делает «Страж-птицу» по люденам». И снова не угодил Флейшману: «Не подходит Горнов, он люденов масонами обозвал». Обиделся Николаев и выпустил третий номер «СИЗИФа» не по Стругацким, а по Рыбакову. А люденом решил стать в следующий раз.

И. Шустрый

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ АТЕИСТА

Из совершенно достоверных источников нам стало известно, что в секретариат Патриарха Всея Руси поступило заявление от некой Ассоциации Советской Фантастики (АСФ), где содержится требование рассмотреть вопрос о канонизации Аркадия и Бориса Стругацких...

Пока Синод сохраняет молчание. Однако смеем напомнить, что в таком деле спешка не лучший помощник. Вспомним историю Дмитрия Донского. Поклонники его полководческого таланта взяли православную церковь элементарным измором. На наш взгляд, необходимо набраться терпения. 1500-летие Крещения Руси отнюдь не за горами!

* * *

Популярный в узких кругах фэн-психиатр из Николаева В. Шиндеровский (Вовка-потрошитель), прославившийся

расчленением Р. Желязны и А. Больных, вовсю работает над новой для него темой — творчество АБС. Следите за фэн-прессой.

А я бы поставил свои десять долларов на Казакова.

НОВОСТИ ФЭН-ПРЕССЫ

Третий номер севастопольского «Фэнзора» будет полностью посвящен творчеству А. и Б. Стругацких. Его название будет «АБС-панорама» № 4.

* * *

Последние самые достоверные сведения. Стругацкие чтения состоятся в марте во Владимире. Или не во Владимире. Или не в марте. Или не состоятся. А может даже и не Стругацкие.

Подготовил к печати А. Кукарача.

НЕТЛЕНКА

БЕДНАЯ ЛЮДА

Карамзину посвящается.

В деревеньке Глумовка в побеленной хате жила-поживала Люда. Все у нее было — картоха крупная, рассыпчатая, дом — полная чаша и лишь не было радости в жизни, потому как жизнь была одинокая. А надо сказать, тем летом разъезжал по району кустарь-фотограф Максимка, большой специалист по кадражу. Соблазнил он, охальник, Люду и сбежал на Саракш от алиментов. Долго и безутешно рыдала бедная Люда, а когда слезы кончились, родила трех молчаливых малышей и назвала их Юра, Вадик и Чертков. Так с тех пор и живут в деревеньке Глумовка бедная Люда и ее сыновья — братья-людены.

С. Павлов-мл.

РЕПОРТАЖ В НОМЕР

КАК Я ХОДИЛ ТАЙКОМ К ЛЮДЕНАМ

«Небоскребы, небоскребы...
А я маленький такой!»

Ночь. Улица. Окно. Людены.

Ночь темная, окно желтое, людены — за ним. Сидят, стоят, руками размахивают. Почти как люди. А я на улице и мне хо-

лодно. Мне — туда. Инкогнито. Как «жук в муравейнике». Или «хорек в курятнике»? Нет, все-таки «жук». Тихо, незаметно, они — сами по себе, я сам по себе. Вот сижу, слушаю, наблюдаю. Записываю. Но незаметно. Редактор так и сказал: ты сиди и не выделяйся. Все фиксируй и мне передашь. Чем и занимаюсь. На «Страж-птицу» людены в обиде. Масонами их обозвали. По-моему, неправда. У масонов — мастера и гроссмейстер. У масонов жесткая дисциплина и иерархия. А люденов я проверил. К одному, другому подошел с карманной шахматной доской: ну что, партию? Партию они не признают. О партии и слышать не хотят. Особенно о КПСС. Какие же тут гроссмейстеры? Тут даже и о третьем разряде речи быть не может. Так же и с диктатурой неверно. Ну какой же босс Флейшман? Какой магистр, к черту? «Я всего-навсего верховный координатор,— сказал он мне.— Можешь даже звать меня по-простому: Верховный. У нас демократия. Не веришь? Смотри!» — и к люденам: «Господа! Ни времени, ни сил — тяжело. Ухожу! Кто согласен стать координатором вместо меня?» Сказал — и смотрит: кто же первым скажет «я». Никто и не сказал. «Вот видишь?» — повернулся ко мне Флейшман. И опять к люденам, но уже уверенно так, медленно: «Я тут слышал, что вчера общим голосованием в людены приняли Николаева. Так вот, властью, данной мне, я отменяю это решение».

Блаженны неведующие. Счастливый Николаев ходил по этажам, показывал всем значок, на котором крупными буквами было написано «Люден», и говорил, напуская на себя таинственность и важность: «Как говорят у нас, люденов...» По-моему, он и до сих пор не знает, что он всего-навсего человек. Прекрасный утенок, объевшийся земляникой.

А людены распили бутылку «Русской водки», которую поставил им Николаев в качестве взятки за членство, и уселись разгадывать сочиненный Николаевым кроссворд по Стругацким. Самое интересное, что это правда.

Павел Сергеев-старший

СПЕЦХРАН

Появление каких-то новых структур фэндома — это всегда праздник. Значит, фэндом жив, а если даст бог, то протянет и еще немного. Однако, о появлении новой межрегиональной фэновской организации «КОМКОН-2,5» не знает практичес-

ки никто. Нам это показалось странным. Были предприняты определенные шаги, в результате которых в редакцию попал прилагаемый ниже документ. Думаем, что это будет интересно и другим.

КОМКОН-2,5
Урал-Сибирь
Отдел «Шизоид»
Внутренняя инструкция. Особо секретно.

МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ «ЛЮДЕНЫ» И ИХ УНИЧТОЖЕНИЯ НА МЕСТАХ

В связи с возрастающей опасностью руководство организации считает необходимым довести до офицеров и полевых агентов следующее:

1. Отменяются все предыдущие приказы по группе «Людены».

2. Впредь, до особых распоряжений руководствоваться данной инструкцией.

ИНСТРУКЦИЯ

«Людены» могут быть разделены на несколько типов: а) активный; б) пассивный; в) тайный; г) подсознательный.

Активные людены в особом выявлении не нуждаются, так как открыто пропагандируют свою политику превосходства над другими фэнами. Они представляют несомненную опасность, но их уничтожение весьма затруднено. Устранение активного людена не останется незамеченным, поэтому перед ликвидацией агенту необходимо провести кампанию по дискредитации намеченного объекта. Необходимо:

— организовать через платных помощников распространение слухов о неблагонадежности, а особенно дурных наклонностях лидера и порочащих связях (ВТО, МГ, «Память», жидомасоны, «Моссад»);

— развернуть наглядную агитацию по разоблачению «люденизма», чтоб создать образ «врага-людена» у широких масс советских фэнов. Для этого необходимо организовать развешивание в местах общего пользования лозунгов (рекомендуемые тексты см. в приложении).

Пассивный людей опасен уже тем, что в любой момент может стать активным. Его выявление не составит большого тру-

да, однако потребует некоторых усилий. Пассивный легко поддается на провокационный разговор.

Тяжелей всего выявить тайного людена. Даже такие лояльные граждане, как Бушков и Медведев, вполне могут оказаться тайными люденами. В работе с подозреваемыми не следует ограничиваться одной бутылкой водки, а при необходимости использовать и вторую, и третью.

Для разоблачения подсознательного людена достаточно подстеречь подозреваемого в темном месте и неожиданно выкрикнуть как можно громче: «Улитка!» Если вздрогнет, значит люден.

Методика уничтожения разоблаченных люденов допускает использование всех подручных средств. Главное, чтоб при этом не пострадали невинные люди.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ЛОЗУНГИ

«Люден хилый и горбатый убил Ефремова лопатой!»
«Хороший люден — мертвый люден!»
«Папа, убей людена!»
«Семеро с сошкой — люден с ложкой!»

Зав. отделом «ШИЗОИД» Экселенц

ПОСТСКРИПТУМ

В. Казаков: «По поводу «СП»... Ходят-бродят разные слухи. Что-то там о люденах было, говорят. Ну-ну... Учти, у метагомов длинные руки. Особенно, если в этих руках шариковые ручки...»

Примечание. Метагом — человек Галактический. Иногда разумен. Наукой хорошо не изучен. Встречается преимущественно не вовремя. Из известных подтипов широко представлены два — Арбитман Саратовский Неугомонный и Владборисов Абаканский Двужильный. Внесен в Красную Книгу Фэндома.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБС — Аркадий и Борис Стругацкие
АНС (АН) — Аркадий Натанович Стругацкий
БНС (БН) — Борис Натанович Стругацкий
ВГВ — «Волны гасят ветер»
ВНМ — «Второе нашествие марсиан»
ГЛ — «Гадкие лебеди»
ГО — «Град обреченный»
ДР — «Далекая Радуга»
ДСЛ — «Дьявол среди людей»
ЖВМ — «Жук в муравейнике»
ЖГП — «Жиды города Питера»
ЗМЛДКС — «За миллиард лет до конца света»
ОЗ — «Отягощенные злом»
ОО — «Обитаемый остров»
ОУПА — «Дело об убийстве, или Отель "У погибшего альпиниста"»
ПИП — «Парень из преисподней»
ПКБ — «Попытка к бегству»
ПНА — «Путь на Амальтею»
ПНВС — «Понедельник начинается в субботу»
ПНО — «Пикник на обочине»
ПОДИН — «Повесть о дружбе и недружбе»
ПП — «Поиск предназначения»
СБТ — «Страна багровых туч»
СОТ — «Сказка о Тройке»
ТББ — «Трудно быть богом»
УНС — «Улитка на склоне»
ХВВ — «Хищные вещи века»
ХС — «Хромая судьба»
ЭВП — «Экспедиция в преисподнюю»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3
О группе «Людены» 5
«Понедельник начинается в субботу» 13
«Хищные вещи века» 161
«Улитка на склоне» 198
«Второе нашествие марсиан» 225
«Гадкие лебеди» 242
«Сказка о Тройке» 300
«Обитаемый остров» 440
Продолжение следует 517
Приложение 518
Список сокращений 526

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140,* АСТ – «Книги по почте»**

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРУГАЦКИЕ

От «Понедельника...» до «Обитаемого острова»

Черновики, рукописи, варианты

Составитель Бондаренко Светлана Петровна

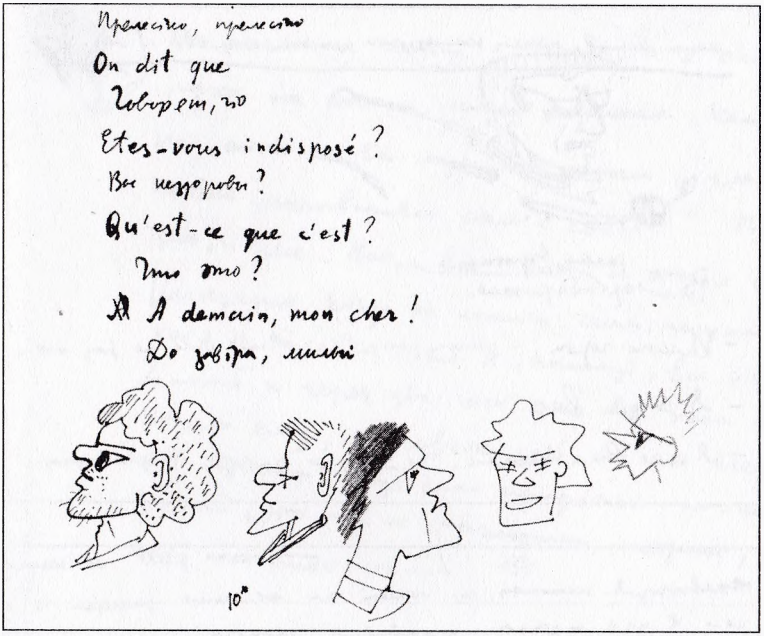
Редактор *В. Дьяконов*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *С. Шумилин*
Компьютерная верстка *Л. Спичковой*
Технический редактор *А. Кушелев*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сталкер»
83114, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 108а
E-mail: publish@stalker.donetsk.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.



Персонажи ПНВС. Рисунок Б. Н. Стругацкого

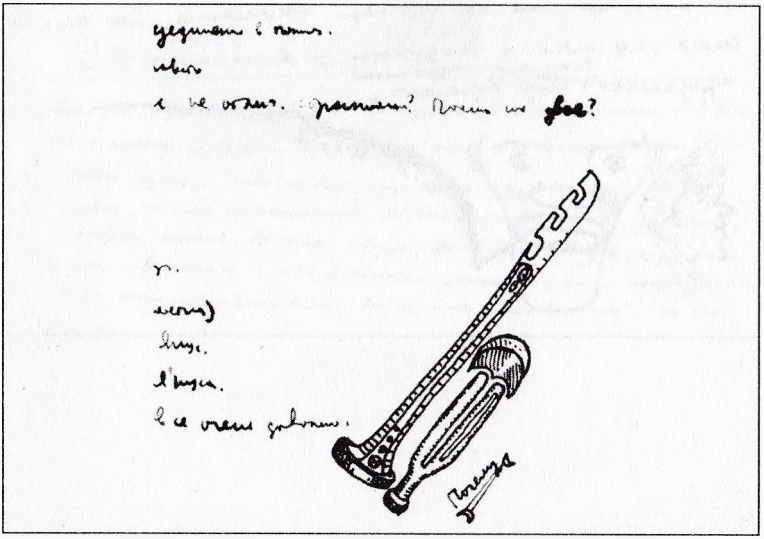
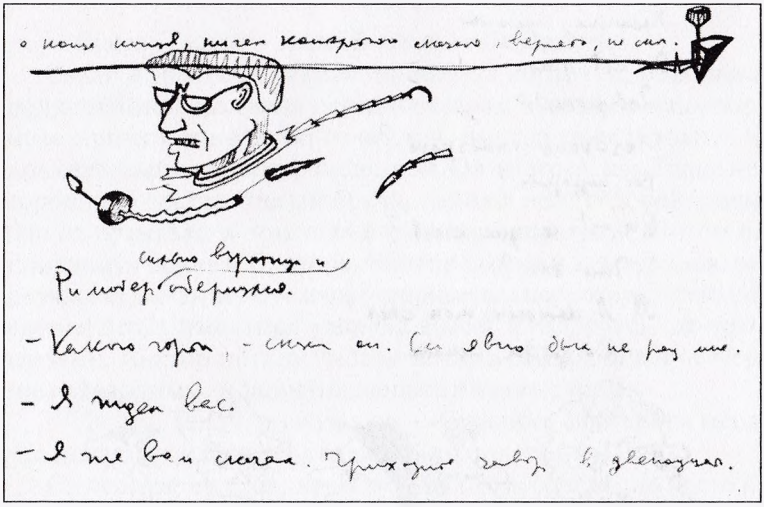
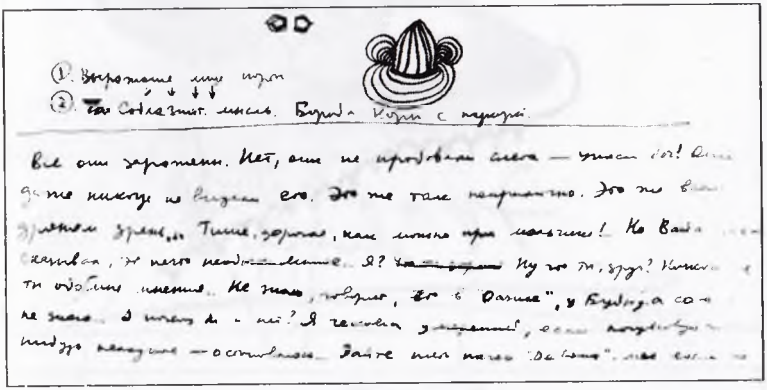


Рисунок Б. Н. Стругацкого на заметках по ПНВС

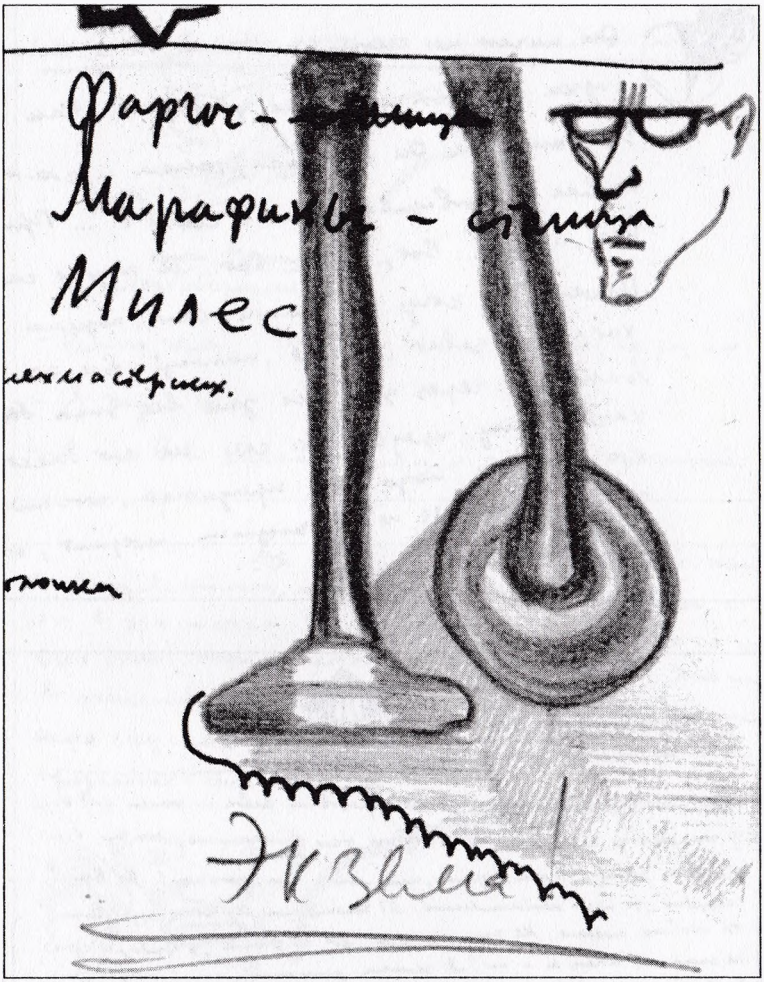


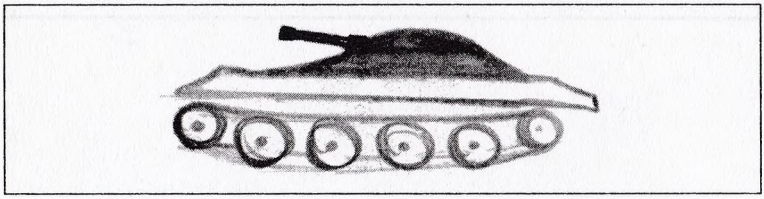
Рисунки Б. Н. Стругацкого на черновике ХВВ

Он ничего не сказал и вышел, а я осто
руки на стол и сразу успокоил, как
под гипнозом. Он шуршал, топал и что-т
кивал, разговаривая сам с собой: "... Пр
здесь, и здесь... Вот,... вот... вот... И пусть я се
Интересно, когда он хватится стол, подумал
Хоть бы в зевал, ура я, помощь! Все это
вались и через два часа уже все знал бо
Качало ему, предсовьи-ка сел на его место
его спрятал, надо долго придумал, что-нибу
думай, это тебе не Александрийский интернат, а
ский интернат. Конечно это



Рисунки Б. Н. Стругацкого на черновике ХВВ





Рисунки А. Н. Стругацкого (танк, ноги марсианина)
и Б. Н. Стругацкого (лицо) на рукописи ВНМ

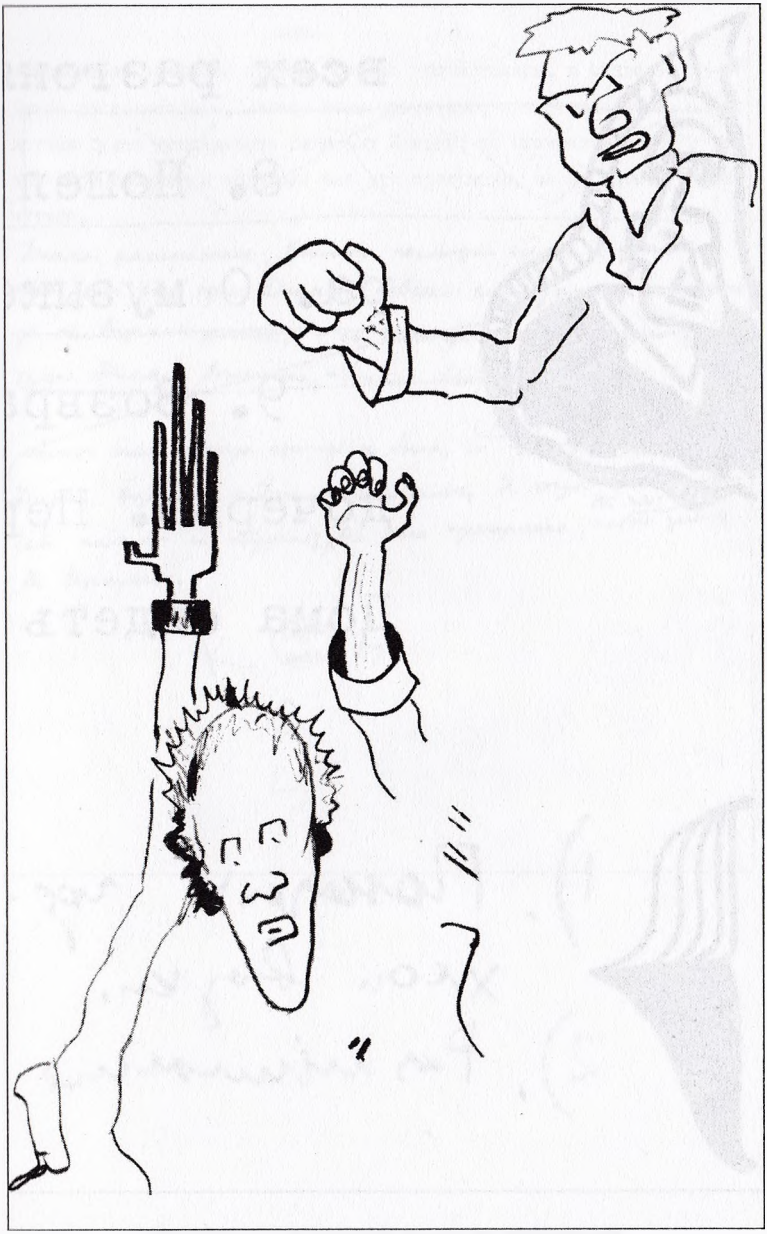


Рисунок А. Н. и Б. Н. Стругацких на черновике ВНМ

всех разгоня

8. Пошел

ра. О музыке

9. Возвра

дочерью. Пер

Дома сидеть

1). Помочь гр-
хлой вдове,
2). Разобраться

Рисунки Б. Н. Стругацкого на плане ВНМ

истребителю, подняла прутик, словно прицеливаясь, и сказала: "Кх-х!" Диана расхохоталась. Виктор тоже рассмеялся, представив себе, что летчик будет докладывать генералу Пёрду, но посмеявшись, он погрозил себе пальцем и подумал: все это прекрасно, но не забыть бы вернуться.

Диана рассмеялась, Виктор посмотрел на нее и увидел, что это еще одна Диана, совсем новая, ~~которую он прежде не видел~~, и он никогда даже и не думал, что такая Диана возможна, - Диана счастливая.

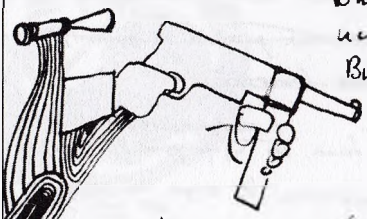
Хотя она никогда прежде и была, (не предполагал) ~~не думал~~, что такая Диана возможна - Диана Счастливая. И тогда он погрозил себе пальцем и подумал, (вслух:) все это прекрасно, но (не забыть) бы вернуться.

Окончание второго варианта рукописи ГЛ

6. Волшебные игрушки: деревянная собачка, огнедышащ
предупредительница о реакт

7. Блуждающие очки — всех убивают с тыла. В ко
механизмов.

8. Существо с доминирующим инстинкто
Прием духовной пищи трижды в день. У
Впитывание природы и вдох
искусство.
Высший стиль, неисчерпаемы
первой пятерки. В час



9. Переводчик всегда поди. "Всемогущ я, к
живым. Тогда я сделаю всех мертвыми

10. Выход и контрольных ждет доклад дорас

11. Убитые и зарезанные ~~[illegible]~~ овцы уб
дней назад.

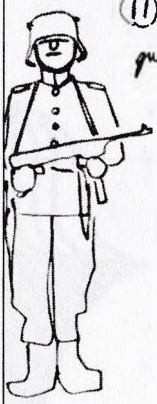
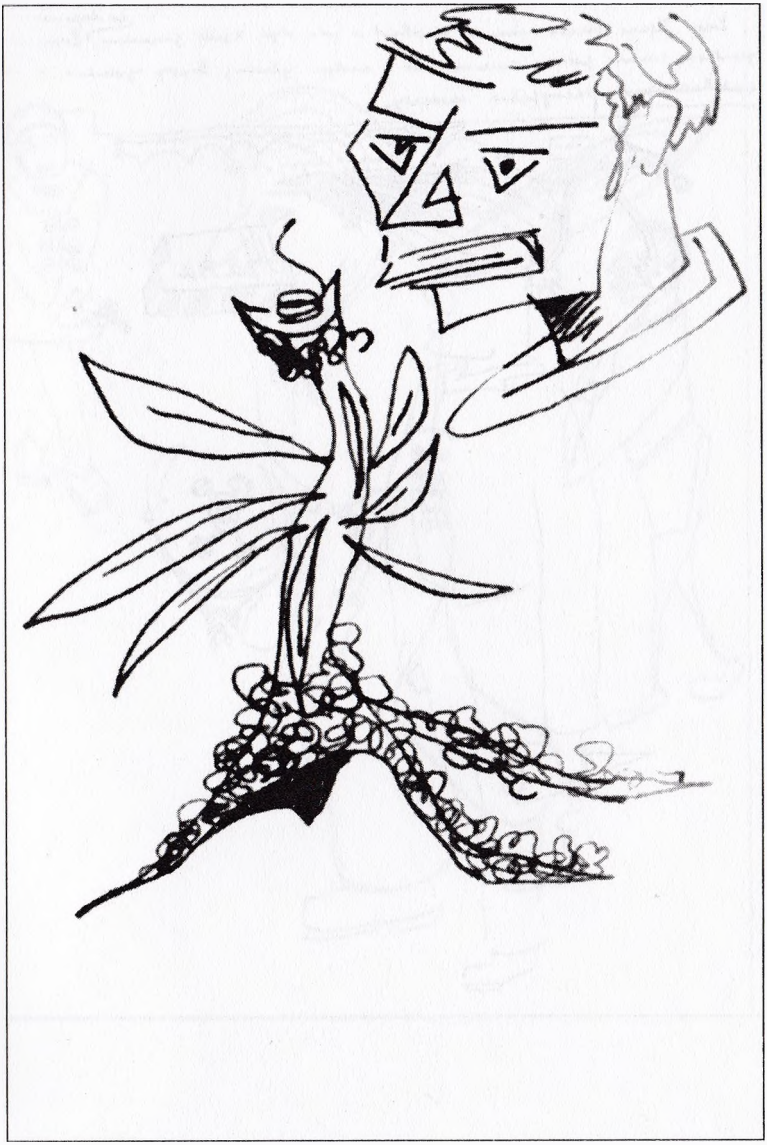
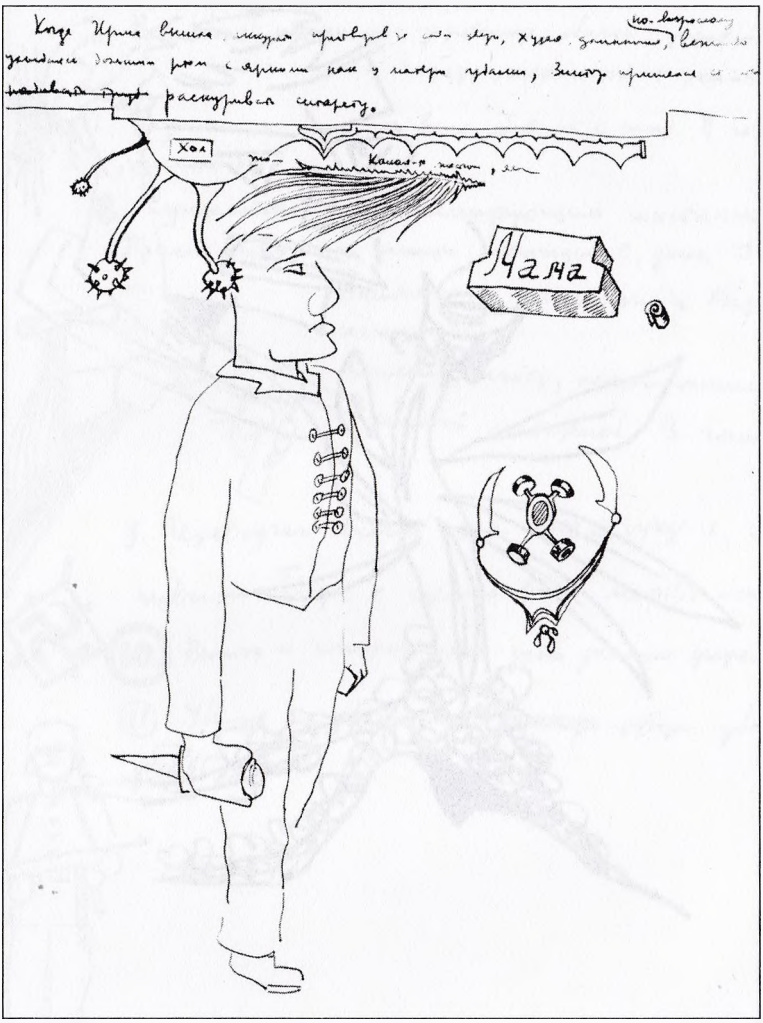


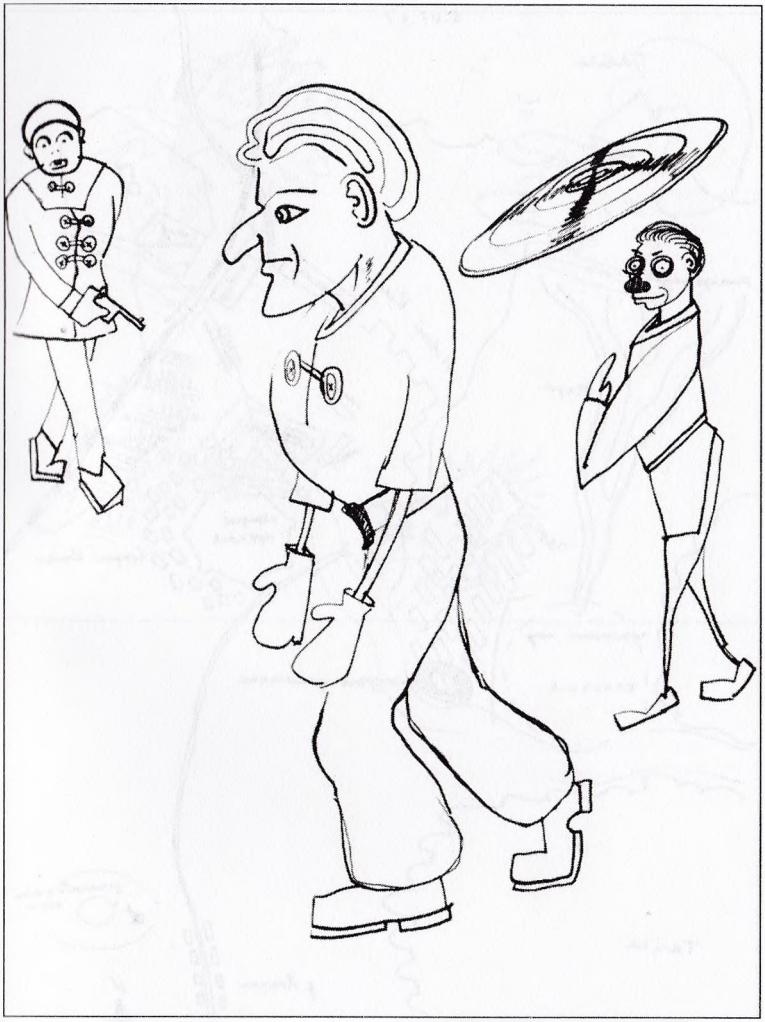
Рисунок А. Н. Стругацкого на заметках к ГЛ



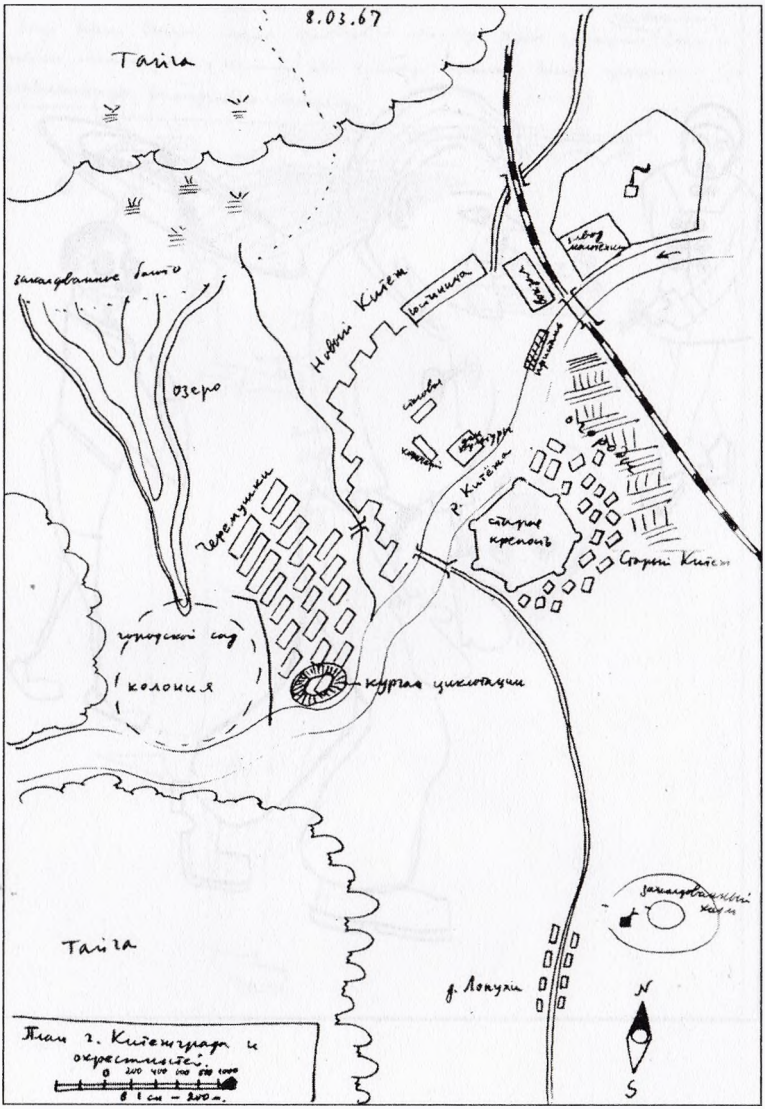
Рисунки А. Н. Стругацкого (цветок) и Б. Н. Стругацкого (лицо)
на заметках к ГЛ



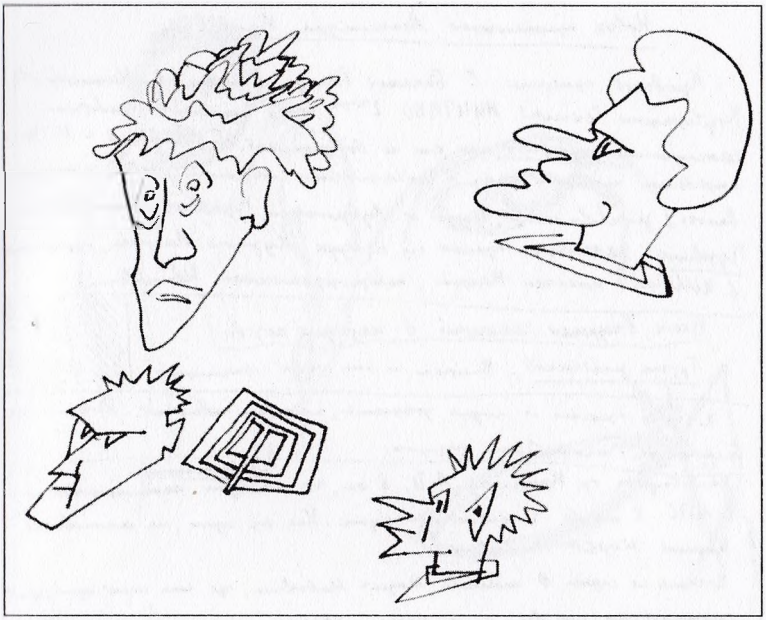
Первая фраза ГЛ и рисунки Б. Н. Стругацкого



Рисунки Б. Н. Стругацкого к ГЛ



Карта к СОТ. Рисунок А. Н. Стругацкого



Персонажи СОТ. Рисунок Б. Н. Стругацкого

Новые приключения Александра Привалова

1. Привалов приезжает в Большой Город толкачом в Министерство Подтверждения Сенсаций. НИИТАВО 2 года назад послал на Внебольшие сенсационные чудовища, и его не возвращают. Г. Пилигрим и В. Прилучный написали книгу о сенсационных открытиях, МПС занимается волью, деревьями и 2 года не возвращает. Привалов ждет вернуть. Чудовище: летающая тарелка из посуды Пузатого Пилигрима, переделанная в НИИТАВО толкачом Полуэктом, теперь-профессионалом Ивановым.

План внедрения сенсаций в народное хоз-во.

Группа умельцев - Валентин - они ищут сенсации.

2. Рада приехал и ходил докучать, как его звали. Докучал в Кабинете на Большой улице.

Кат. выдано гр. Привалову А. И. в ж/д, но он [illegible] в МПС в качестве писательского отдела. Кат. под. отдел, не напечатано. Иосифа Моисеевича Мальчевича.

Кончил со слезой в кабинете Иосифа Мальчевича, где нашел новый отдел Комендантского чудовища, а другой - сказал кончил с каким-то документом. Трансгрессия.

дерево-мороз

- Отпустите меня, никогда я не сделаю человек! Я [illegible] отпустите меня в КГБ ГПУ!

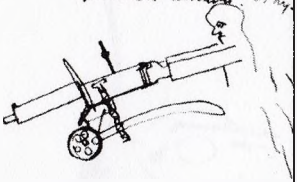


Рисунок А. Н. Стругацкого на заметках
к «Новым приключениям Александра Привалова»

Рисунок Б. Н. Стругацкого к «Извне» на обороте рукописи ОО

Во Вселенском Океане Бригантина

Мировой Океан принадлежал ей. Бригантина шла в Порты

отдельных подводных лодок, оснащенных по последнему

слову истребительной техники, выделяющих окрашенных

в сине-белый цвет, с бригами специально выдрес-

сированных голубей на борту, каждого

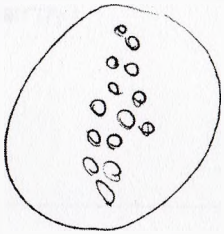
Журнал, или приложение

Белые, сорванцы

имея выше к систематически находили на приборах

разведки, высасывая напрасные усилия и приборов

неисправимые обстрелы.



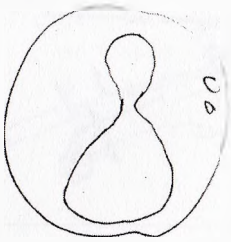


Схема расположения материков на планете Саракш.
Рисунок А. Н. Стругацкого